РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

1901.

МАЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Т-во

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТІЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.)

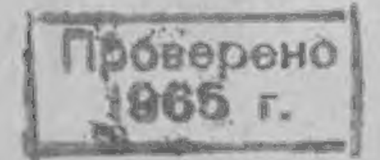
МАЙ.

1901.

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1901.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

бум
жен

въ
рит
дет
сла
нѣт
сто
То
чин
ша
Не
бы
кот
мы
дум
ны
все
их
стр

190

ОТЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ПЯТАЯ *).

I.

Александръ Сергѣевичъ взялъ большой листъ почтовой бумаги, отмѣтилъ число „6 октября 1894 г.“ и принялся писать женѣ:

„Увидѣвъ изъ твоего письма что ты собираешься пробыть въ деревнѣ числа до пятнадцатаго, я, признаться, сталъ хмуриться при мысли о томъ что мнѣ еще полторы недѣли придется нетерпѣливо ожидать пріѣзда своихъ дорогихъ, милыхъ, славныхъ, безъ которыхъ я жить не умѣю. Право, когда тебя нѣтъ и когда я не слышу возни Сани и Тани, во мнѣ постоянно сидитъ тоска. А чтò мерещится, Господи Боже мой! То представляется что кто-нибудь изъ васъ заболѣлъ, то начинаютъ представляться ужасы: не попалъ ли Саня подъ лошадь, не упала ли въ прудъ Таня, не загорѣлся ли домъ... Не смѣйся. Будь ты на моемъ мѣстѣ, съ тобой происходило бы какъ разъ то же самое... Мы съ тобой похожи на людей которые довѣрили все свое имущество какому-нибудь легкомысленному лицу и все время съ тревогою за нимъ слѣдятъ думая: „а вдругъ разоритъ?“ Въ данномъ случаѣ легкомысленными лицами являются Саня и Таня которымъ мы довѣрили все свое счастіе, всю свою жизнь. Наши души вложены въ ихъ маленькія хрупкія тѣла. Наша любовь къ нимъ полна страданій и страховъ. И вѣдь нельзя иначе любить, да и воз-

---

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, январь, февраль, мартъ и апрѣль 1901 г.

можно ли жить безъ такой любви! Мнѣ кажется что мы съ тобою самымъ простымъ и вѣрнымъ образомъ поняли жизнь. Смыслъ ея для насъ заключается въ томъ чтобы заботиться о нашихъ дѣтяхъ. И мы, право, до такой степени слились съ ними душою что, когда мы умремъ, а они останутся живы, бо̀льшая часть нашего духовнаго существа не будетъ унесена смертію. Слава Богу, они у насъ не избалованы, хорошо учатся, послушны, любятъ насъ и какъ будто ужь теперь стараются отплатить намъ за наши заботы. Дорогая моя Настя, ты больше меня занимаешься ихъ воспитаніемъ и я тебѣ долженъ сказать спасибо за наше общее счастіе. Подумаешь какъ легко добыть это счастіе... а посмотри кругомъ, у многихъ ли оно есть? Многіе ли сумѣли выстроить и застраховать свою семью? Бѣдный отецъ! Мнѣ его очень жаль. Сколько муки доставили ему Иванъ и Катя, я же не доставлялъ ему большой радости, потому что онъ видитъ что я воспитался и сталъ на дорогу помимо него... Я увѣренъ что онъ теперь живетъ только тобою, Соней и Таней. Скажи дѣтямъ чтобы они нацарапали письмо дѣдушкѣ. Ихъ письма его всегда радуютъ до слезъ. Писалъ ли я тебѣ что онъ собирается подать въ отставку? Я это одобряю, потому что при его мнительности служба причиняетъ ему невольныя волненія. Итакъ, твое письмо меня въ первую минуту немного огорчило, а потомъ я увидѣлъ что я отчаянный эгоистъ... Оставайся въ деревнѣ какъ можно дольше. Дѣтямъ тамъ хорошо, они забираютъ запасъ здоровья на зиму... А если я и поскучаю нѣсколько лишнихъ дней, то бѣды въ томъ нѣтъ. Я даже увѣренъ что не буду скучать, такъ какъ я предвижу массу работы.

„Въ понедѣльникъ похоронили мы несчастнаго князя Василія Андреевича. Ничѣмъ хорошимъ онъ не отличался, а все-таки я его любилъ, не потому ли что мнѣ было его жаль? Много несчастій на него обрушилось... Самоубійство Володи, самоубійство Николая, смерть Сони... Всѣ его дѣти одинъ за другимъ ушли до него въ могилу, и онъ, малоумный и безсильный, смотрѣлъ на это съ какимъ-то нѣмымъ ужасомъ. Я увѣренъ что онъ все чувствовалъ, но не умѣлъ выразить свои ощущенія. Теперь, когда видишь передъ собою всю его жизнь, замѣчаешь въ себѣ громадную жалость къ нему, ко всѣмъ Могиловымъ-Стольнымъ, къ семьѣ отъ которой остались жалкіе обломки: идіотъ Андрюша и сумашедшая Ксенія, оба неизлечимые, оба душевно-мертвые. Едва не забылъ о княгинѣ

Глафирѣ Николаевнѣ которая въ настоящее время одна въ Россіи носитъ фамилію Могиловыхъ-Стольныхъ... вѣдь Андрюшу и Ксенію считать нельзя. А я помню хорошо то время, когда князь Владиміръ Андреевичъ былъ живъ, какъ его силою и его свѣтомъ держалась и озарялась многочисленная семья, погибель которой пошла отъ смутныхъ дней. Убійца князя Владиміра Андреевича былъ убійцей всей семьи. Онъ внесъ въ нее довершающее потрясеніе, докончилъ работу моего брата погубившаго Софью Васильевну и Володю. Въ смутные дни было положено начало тому что̀ дало рядъ ужасныхъ результатовъ. Могиловы-Стольные были всѣ отравлены еще съ 1881 г., а съ тѣхъ поръ бились въ судорогахъ, боролись съ ядомъ. Развѣ Лидія Ивановна не вся создалась въ то время, когда безпринципность носилась въ воздухѣ? Ея послѣдующая жизнь была только логическимъ развитіемъ того что̀ въ ней лежало. Также и Владиміръ, также и Николай. Оба ненужные, оба возненавидѣвшіе себя, они должны были покончить съ собою, первый со злости, второй съ тоски. Въ эпоху самодурной исторической качки ихъ сбило съ пути, они потеряли курсъ и носились безтолково въ туманѣ. Софью Васильевну выкинуло на берегъ слишкомъ поздно. Ксенію и Андрюшу сразу зашибло на смерть. И какъ ужасна, по моему, эта картина крушенія Могиловыхъ дорисовывающаяся въ такое время, когда намъ всѣмъ ясно что послѣдніе годы были для Россіи годами спасенія!..

„Настя, сегодня утромъ сердце у меня словно упало, когда я прочиталъ бюлетень о состояніи здоровія Государя... „Въ состояніи здоровія Государя Императора замѣчается ухудшеніе: общая слабость и слабость сердца увеличились“... Мы съ болью въ душѣ читаемъ о физическомъ ослабленіи того, кто въ теченіе тринадцати лѣтъ былъ силой своей родины, великимъ обрусителемъ Руси, свѣтлымъ носителемъ завѣтовъ и красоты самодержавія. Онъ столько намъ далъ что порою намъ думается, не отъ него ли мы получили жизнь. Отъ смутныхъ дней стоялъ еще туманъ въ ту пору, когда онъ мощною рукой поставилъ Русь на вѣрную дорогу, вдохновенный обаяніемъ святости своихъ великихъ государственныхъ задачъ. Его вдохновеніе распространилось вокругъ него сіяніемъ, образовало зарю возрожденія истиннаго народнаго быта. И отошли въ прошлое смутные дни, эпоха взаимнаго недовѣрія, готовности на всякую ненависть и легкомысленныхъ сомнѣній. Мы познали спокойно-творческую жизнь, Россія крѣпла безъ шума

въ періодѣ самостроительства. Работа шла такъ увѣренно и просто что мы не замѣчали ея успѣха. Эволюція совершалась безъ толчковъ. А теперь мы видимъ сколь много было достигнуто... И вотъ, почти неожиданно, этотъ ужасъ тревожныхъ вѣстей! Еще лѣтомъ слышали мы о болѣзни... Не вѣрили... Вдругъ стали появляться бюлетени, въ которыхъ каждое слово пугало насъ... Сегодняшній бюлетень въ особенности нехорошъ. Неужели опасенія сбудутся? Неужели нельзя спасти? Возможно ли чтобы болѣзнь поборола сильнѣйшій организмъ, чья мощь была всегда такъ властно-красива... Сегодня, Настя, я больше писать не могу. Мной овладѣло слишкомъ безпокойное настроеніе. Будьте вы всѣ здоровы. Да хранитъ Васъ Богъ! Цѣлую крѣпко тебя и дѣтей".

Алексъ написалъ на конвертѣ адресъ. Въ это время курьеръ подалъ ему визитную карточку.

— Илліодоръ Ѳедоровичъ Рыбовскій! съ удивленіемъ прочиталъ онъ, — проси.

Александръ Сергѣевичъ всталъ чрезвычайно заинтересованный неожиданнымъ посѣщеніемъ. Почти четырнадцать лѣтъ не было даже слуха объ Илліодорѣ, всѣ о немъ забыли, и вдругъ онъ проявляется вновь. Должно быть, сильно перемѣнился.

„Да, перемѣнился сильно", подумалъ Александръ Хрустовъ, увидѣвъ Илліодора Ѳедоровича входящаго въ кабинетъ.

Теперь это былъ совсѣмъ сѣдой человѣкъ съ морщинистымъ загорѣлымъ лицомъ. Какъ постарѣлъ! А лѣтъ ему сколько? Сорокъ два, не больше.

— Что? Трудно узнать? отрывистымъ голосомъ спросилъ посѣтитель и быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ при видѣ протянутой руки Алекса.

— Перемѣнились, но я бы васъ узналъ и безъ визитной карточки, сказалъ Хрустовъ, — я очень радъ васъ видѣть... Садитесь. Давно пріѣхали?

— Третьяго дня, отвѣтилъ Илліодоръ Ѳедоровичъ.

Его острый взглядъ съ какою-то невыносимо-тревожною выразительностію уставился въ лицо собесѣдника. Тотъ удивился. Въ чемъ дѣло?

— И надолго?

— Не знаю... Зависитъ отъ многаго... Скажите, у васъ бываетъ вашъ братъ, Иванъ Сергѣевичъ?

— Иванъ? Вотъ ужь четвертый годъ какъ онъ за границей.

Илліодоръ Өедоровичъ нервно повелъ плечами.—Но еслибы онъ былъ въ Петербургѣ, вы бы могли разчитывать на его посѣщеніе?

— Имѣлъ бы основаніе...

— Въ такомъ случаѣ онъ у васъ будетъ черезъ десять минутъ. Я его обогналъ въ началѣ Кирочной, онъ шелъ пѣшкомъ по направленію сюда. Послушайте, Александръ Сергѣевичъ, мнѣ нужно съ вами переговорить... Назначьте мнѣ часъ, завтра, послѣзавтра...

Алексъ не сразу отвѣтилъ. Извѣстіе о возвращеніи брата его поразило... Опять начнутся тяжелыя впечатлѣнія.

— Переговорить со мной? сказалъ онъ,—отлично. Хотите послѣзавтра утромъ. Я васъ буду ждать...

Рыбовскій всталъ.—Благодарю васъ. А теперь я пойду. Не хочу встрѣчаться съ вашимъ братомъ. Простите, четырнадцать лѣтъ я съ нимъ не говорилъ, а отвращеніе у меня къ нему такое, словно я еще вчера имѣлъ съ нимъ столкновеніе.

Его тонкіе длинные пальцы мяли черную мягкую шляпу. Взглянувъ на нихъ, Александръ Сергѣевичъ вспомнилъ разказы о замѣчательной физической силѣ Илліодора Өедоровича.

— Погодите немного... Можетъ быть, Иванъ вовсе и не ко мнѣ. Я даже увѣренъ что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія меня видѣть... Посидите еще. Разкажите гдѣ вы провели всѣ эти годы. Въ Америкѣ?

Пристально посмотрѣвъ на него, Илліодоръ Өедоровичъ отвернулся, потоптался на мѣстѣ и сѣлъ. Видно было что его томитъ сильное безпокойство.

— Нѣтъ, въ Америкѣ я не былъ, произнесъ онъ съ непонятнымъ озлобленіемъ,—я былъ въ Германіи, въ Италіи... Такъ, вообще... чего только не было!

Онъ снова взглянулъ на Александра Сергѣевича, словно ткнулъ его взглядомъ, и опустилъ глаза. Онъ теребилъ теперь бронзовую пепельницу, пригнулъ ея края. Противъ воли Алексъ не могъ отвести глаза отъ его пальцевъ. Внезапно замѣтивъ это, гость снова схватился за шляпу.

— Итакъ, я буду у васъ послѣзавтра...

— Погодите... Кто знаетъ, можетъ быть, вы послѣзавтра и не придете, медленно проговорилъ Хрустовъ.

Илліодора Өедоровича точно кольнуло.—Почему? Почему вы такъ думаете?

— Объяснить не сумѣю. У меня отъ стараго времени, отъ прежней моей службы въ прокуратурѣ осталась привычка подмѣчать свои собственныя впечатлѣнія. И теперь у меня такое впечатлѣніе составилось будто всякая охота со мной бесѣдовать у васъ пропала.

— Вы больше не служите въ прокуратурѣ? неувѣреннымъ голосомъ спросилъ Рыбовскій.

— Нѣтъ. Я недавно перешелъ въ другое вѣдомство... Развѣ это васъ огорчаетъ? Развѣ я вамъ нуженъ въ качествѣ товарища прокурора?

Илліодоръ Ѳедоровичъ съ дѣланною улыбкой отвѣтилъ:— Съ какой стати? Нисколько. Вы ошибаетесь... Я непремѣнно приду послѣзавтра. Я бы и раньше пришелъ.

— Въ такомъ случаѣ, почему бы намъ не переговорить теперь? Вы напрасно опасаетесь прихода моего брата.

— А вотъ и онъ! радостно вскрикнулъ Рыбовскій,—слышите? Звонокъ. Я ухожу.

Алексъ взялъ его протянутую руку и не выпустилъ.— Меня удивляетъ что вы не задаете мнѣ вопросовъ. Неужели васъ не интересуетъ что̀ здѣсь безъ васъ происходило?..

— Я и такъ все знаю, сказалъ Илліодоръ Ѳедоровичъ и вырвался.—Итакъ, до послѣзавтра.

— Какъ вамъ будетъ угодно, холодно проговорилъ Алексъ,— но только знайте что я предпочелъ бы чтобы меня миновали ваши объясненія.

Эти слова произвели на Илліодора Ѳедоровича, повидимому, удручающее впечатлѣніе. Онъ остановился.

— Я васъ не понимаю. Знаете что̀, мнѣ теперь самому кажется что я къ вамъ больше не приду.

— И я хотѣлъ бы этому вѣрить, сказалъ Алексъ.

Рыбовскій кивнулъ и торопливо вышелъ, столкнувшись въ дверяхъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ который, посмотрѣвъ съ удивленіемъ ему вслѣдъ, расхохотался.—Ну, братецъ, на такую встрѣчу я и не разчитывалъ. Никакъ это знаменитый Илліодоръ вернувшійся изъ пампасовъ!

Онъ имѣлъ видъ самодовольный, хотя костюмъ его не свидѣтельствовалъ о благополучіи: пиджакъ былъ въ пятнахъ, а брюки чрезмѣрно лоснились. На его лицѣ обычное выраженіе наглости стало еще болѣе опредѣленнымъ нежели прежде, какъ будто это выраженіе жаждало того чтобы быть замѣченнымъ.

Взглянувъ на него, Алексъ брезгливо произнесъ:—А ты откуда вернулся и давно ли?

— Ты безумно строгъ и не желаешь со мною цѣловаться? насмѣшливо освѣдомился Иванъ,—чтожъ. оно можетъ быть и лучше, безъ радостныхъ объятій... Но хоть поздороваемся въ угоду цивилизаціи. Здравствуй. Откуда я? Изъ Парижа. Вотъ я каковъ. Давно ли? Сегодня. Ты видишь, я не теряю времени, когда вопросъ касается проявленія братскихъ чувствъ.

— Садись. Сколько тебѣ нужно?

Этотъ вопросъ произнесенный презрительнымъ тономъ нисколько не огорчилъ Ивана.—Ну, вотъ и отлично. Сразу къ дѣлу. Я какъ разъ пришелъ къ тебѣ для того чтобы потолковать съ тобой о томъ сколько мнѣ нужно. Если твой темпераментъ этому не противорѣчитъ, дай рублей пятьдесятъ, а затѣмъ мы обсудимъ существенное.

Видя что Алексъ достаетъ бумажникъ, Иванъ искренно обрадовался.—Ого! Значитъ, я пришелъ своевременно. Вся наука жизни заключается въ томъ чтобы своевременно придти и уйти... Напримѣръ, еслибы я вздумалъ поѣхать тогда за границу на одну недѣлю позже, величественный покойникъ Василій Андреевичъ не отпустилъ бы мнѣ никакой субсидіи, такъ какъ смерть моей бѣдной жены лишила меня всякаго значенія. За три дня до ея смерти дали мнѣ три тысячи на выѣздъ, а съ минуты ея кончины я не могъ бы разчитывать на пять копѣекъ для совершенія рейса по конкѣ.

— Получай, сказалъ Алексъ, протягивая деньги,—зачѣмъ ты вернулся? Мнѣ извѣстно что ты передъ отъѣздомъ лишился мѣста и что одновременно съ тобою едва не вылетѣлъ кассиръ котораго ты придвинулъ совсѣмъ близко къ подлогу. Здѣсь тебѣ ни на что хорошее разчитывать нельзя.

Иванъ фыркнулъ.—И ты это говоришь въ ту минуту когда я отъ тебя получаю пятьдесятъ рублей! О! Скромность... Вернулся я потому что мнѣ попался на глаза нумеръ „Новаго Времени“ съ извѣщеніемъ о смерти князя Василія Андреевича. Объясни мнѣ, пожалуйста, на какія субсидіи сталъ бы я существовать за границей, коль скоро этого благороднаго человѣка не стало. Пока онъ былъ живъ, я еще могъ разчитывать что такъ или иначе его напугаю... А смерть его навела меня на новыя мысли, къ осуществленію которыхъ я спѣшу приступить.

— Теперь все ясно, спокойно проговорилъ Алексъ,—тебя вдохновилъ примѣръ княгини Лидіи Ивановны. Напрасно. Ничего не выйдетъ. Я отлично понимаю что̀ тебя заставило придти

ко мнѣ. Ты зналъ что отъ меня ты услышишь правду. Итакъ, Иванъ, теперь ужь ты отъ меня не скроешь что за границей тебѣ не удалось вывернуться. А ты старался, это мнѣ извѣстно. Одно время ты до нѣкоторой степени процвѣталъ. Это было тогда когда ты поселился въ Женевѣ и совершалъ періодическія поѣздки въ Монтре, Лозанну, Вэвэ. Ты посѣщалъ пріѣзжихъ изъ Россіи, выдавалъ себя за бѣжавшаго изъ Сибири политическаго ссыльнаго и выпрашивалъ вспомоществованія, въ которыхъ многіе не рѣшались тебѣ отказывать, такъ какъ наружность твоя не внушаетъ вообще спокойствія духа... Потомъ ты попалъ въ Туринъ, откуда пришлось тебѣ довольно быстро скрыться въ виду невозможности утаить свое участіе въ рабочихъ безпорядкахъ. Затѣмъ отправился ты въ Парижъ гдѣ украсилъ своимъ именемъ списокъ анархистовъ извѣстныхъ полиціи. Если не ошибаюсь, тебя парижская полиція неоднократно била. Тамъ вѣдь просто на этотъ счетъ. Я думаю что еслибы ты не выѣхалъ изъ Франціи, тебя оттуда бы выслали...

— Я самъ такъ думаю, не безъ удовольствія произнесъ Иванъ,—не вижу надобности отрицать что я не сидѣлъ сложа руки.

Но вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ, нахмурился.

— Такъ ты говоришь что ничего не выйдетъ?.. Развѣ ты не знаешь что у старика было завѣщаніе, по которому Сонѣ доставалось шестьсотъ тысячъ... Неужели онъ его уничтожилъ?

Алексъ улыбнулся.

— Нѣтъ, оно цѣло. Его вчера вскрыли въ моемъ присутствіи. Оно составлено въ восемьдесятъ пятомъ году. Шестьсотъ тысячъ княгинѣ, шестьсотъ тысячъ Сонѣ и вся недвижимость Николаю Васильевичу... Скажи, пожалуйста, не думаешь ли ты жениться на Глафирѣ Николаевнѣ?

Насмѣшливый тонъ брата разсердилъ Ивана.

— Перестань говорить глупости. Соня умерла, но я имѣю право на вдовью часть.

Засмѣявшись Алексъ сказалъ:

— Ты не знаешь гражданскихъ законовъ. Ни о какой вдовьей части не можетъ быть и рѣчи. Такъ какъ Соня и Николай умерли раньше завѣщателя и законныхъ по себѣ наслѣдниковъ не оставили, все завѣщаное имъ по закону перейдетъ къ ближайшимъ родственникамъ, то-есть, по женской линіи къ двоюродной сестрѣ покойнаго Василія Андреевича, къ княгинѣ Черской.

Иванъ стукнулъ кулакомъ по столу и закричалъ:

— А я всетаки затѣю дѣло и добьюсь своего! Со мною шутить не совѣтую. Я имъ покажу. Не отвяжусь, пока не поверну по-своему.

Онъ покраснѣлъ, дышалъ тяжело и шумно.

— А то еще, пожалуй, вышлете? спросилъ онъ въ полномъ озлобленіи.

Впервые Алексъ видѣлъ въ своемъ старшемъ братѣ такой гнѣвъ который пріятно было наблюдать. Несомнѣнно было что злость Ивана вызвана разочарованіемъ въ надеждѣ на удачное совершеніе подлости. Наглому Ивану казалось невыносимымъ то обстоятельство что его никто не боится.

— Конечно, все возможно. Пожалуй, и вышлютъ, подтвердилъ Алексъ,—основаній къ тому не трудно подобрать очень много.

Иванъ всталъ, грузно заходилъ по комнатѣ.

— Перестань трунить. Ты можешь меня не любить, даже относиться ко мнѣ враждебно, но вѣдь съ твоей точки зрѣнія восхитительно-порядочнаго человѣка не слѣдуетъ глумиться надъ тѣмъ который пропадаетъ... Ну, да, пропадаетъ. Лови это слово, поглаживай его мыслію, радуйся! Вы всѣ меня ненавидите за то что я совершилъ, а я себя ненавижу за то что я совершить не могъ. Неудача, постоянная неудача во всемъ! Теперь я вижу что ошибся въ разчетѣ, что лучше было бы съ вами не ссориться. Тѣ, отъ которыхъ я чаялъ себѣ поддержки, оказались шушерой, притихли, ждутъ... А развѣ я могу быть тихимъ и ждать?..

— Полно, перебилъ Алексъ,—ты намекаешь на то что всегда было въ тебѣ только бутафоріей. Единственнымъ твоимъ стимуломъ всегда являлась корысть...

— А? Корысть? Въ томъ-то и дѣло. Скрывать не стану, такъ какъ умнѣе ничего придумать нельзя. Но вѣдь моя корысть ни къ чему не привела. Я хотѣлъ забрать какъ можно больше денегъ... Отчего мнѣ ихъ не дали? Эти идіоты Могиловы-Стольные рады были погубить свою дочь, лишь бы мнѣ ничего не досталось. Что же мнѣ теперь дѣлать? Идти въ такъ называемые порядочные люди?

Судейски безжалостный Алексъ сказалъ:

— Не думаю чтобы тебѣ это было возможно.

Иванъ посмотрѣлъ на него внимательно и, отвернувшись, продолжалъ ходить.

— Вѣрно. Время ушло. И на то чтобы быть порядочнымъ человѣкомъ требуется привычка.

Вдругъ, онъ вскрикнулъ:

— Да пойми же ты что мнѣ рано еще пропадать.

— Если не считать что ты уже давно пропалъ.

„Только бы я не началъ относиться къ нему съ жалостію!“ подумалъ Алексъ. „Этотъ человѣкъ сдѣлалъ въ своей жизни слишкомъ много зла. Онъ не можетъ жить и не быть вреднымъ. Да и умѣетъ ли онъ страдать? Онъ, изъ-за котораго столько людей мучилось?“

Но противъ воли въ немъ постепенно создавалось чувство похожее на жалость. Видя что для Ивана начинается наказаніе, онъ перестaлъ замѣчать въ себѣ ощущеніе неудовлетворенности которое до сихъ поръ всегда заставляло его желать чтобы старшій братъ понесъ кару.

— Давно пропалъ? Ну, это мы еще посмотримъ... Поглядимъ еще другъ на друга и помѣряемся... Дай мнѣ деньги въ руки, такъ я еще покажу себя.

Тонъ Ивана снова сталъ угрожающимъ. Настроеніе его пошло въ гору, раздуваясь и разогрѣваясь.

— Покажу себя... Послушай, ты мнѣ больше денегъ не дашь?

— Нѣтъ, не дамъ.

— Я пойду къ отцу... Да, кстати, онъ живъ еще?

— Живъ. Я его попрошу тебѣ ничего не давать. Все что я могу для тебя сдѣлать, это предоставить тебѣ жить у насъ на хуторѣ.

Иванъ съ усмѣшкой расшаркался.

— Премного благодаренъ. На хуторѣ! Благодѣтель! Не безпокойся, я еще самъ могу кое-что для себя сдѣлать. Такъ ты говоришь что все переходитъ къ княгинѣ Черской? Славно. А вотъ пообѣщаю я половину барыша какому-нибудь ловкому адвокату, такъ княгиню заставимъ небось повертѣться?

— Какъ знаешь, скучливо произнесъ Алексъ,—я тебѣ объяснилъ что правъ у тебя нѣтъ, а что касается шантажа, то тебѣ и книги въ руки. Напоминаю, однако, что изъ каждаго осложненія для тебя можетъ возникнуть перемѣна мѣстожительства.

Въ немъ опять возникло враждебное чувство къ брату. Положительно, такого человѣка жалѣть нельзя.

— И пусть высылаютъ! вскрикнулъ Иванъ,—и пусть хоть вѣшаютъ меня, но пока у меня имѣется хоть одинъ зубъ, я буду имъ кусать. А! Вотъ какъ! Вы воображаете что надо мною можно глумиться. Хорошо. Посмѣюсь я надъ вами. Попомните вы меня.

Онъ зашагалъ быстрѣе. Отъ его грузной походки вздрагивали рамки на стѣнахъ.

Брату онъ надоѣлъ. Алексъ рѣшилъ: когда онъ уйдетъ, прикажу его больше не принимать... Это какой-то пошлякъ злости, желчная пустельга, судорожно-хамствующая.

Вдругъ неожиданная мысль заставила его оправиться.

— Послушай, спросилъ онъ,—у тебя былъ ребенокъ отъ Софьи Васильевны?

Иванъ небрежно отвѣтилъ:

— Былъ. Что въ томъ?

— И ты его сдалъ въ воспитательный домъ?

— Ну, да... чего пристаешь... Отдалъ, потому что я считаю дурью возиться съ дѣтьми...

— Ты не знаешь, живъ онъ или нѣтъ?

— Откуда мнѣ это знать. И какое мнѣ дѣло! Наконецъ, какъ я его найду. Расписокъ я не бралъ и даже собственной личности не обнаружилъ...

Алексъ почувствовалъ большое отвращеніе къ брату.

— Такъ. Отлично. Слѣдовательно, считая дурью возиться съ дѣтьми, ты своего ребенка сдалъ въ воспитательный домъ при условіяхъ окончательно исключающихъ возможность напасть на его слѣды?

Настойчивость Алекса заставила Ивана насторожиться. Онъ остановился.

— Да. А что?

— Ничего особеннаго. Мнѣ пріятно видѣть что ты своимъ дряннымъ поступкомъ самъ себя наказалъ. Если бы ты могъ доказать что у тебя имѣется ребенокъ отъ Софьи Васильевны, къ нему перешло бы все то что Василій Андреевичъ завѣщалъ своей дочери. Шестьсотъ тысячъ. И ты сумѣлъ бы около нихъ попользоваться. А теперь деньги проскочутъ мимо тебя. Это я называю дорогою платой за принципъ.

По мѣрѣ того какъ младшій братъ говорилъ, лицо старшаго наливалось кровью.

Вотъ, вотъ, сейчасъ ударъ! подумалъ Алексъ.

— Что? прохрипѣлъ Иванъ съ блуждающимъ, дикимъ взглядомъ.—Да вѣдь это правда! вырвалось у него крикомъ отчаянія и сразу затѣмъ наступилъ упадокъ силъ. Со слезами на глазахъ, Иванъ опустился на стулъ. Руки его дрожали.

— Чортъ бы ихъ всѣхъ проклялъ! пробормоталъ онъ,— а ты радъ? Я понимаю, ты долженъ радоваться. Иначе ты

былъ бы глупъ. Ну, прощай, а я все таки что-нибудь придумаю.

Но по голосу было слышно что онъ только безпомощно хвастаетъ.

Когда братъ вышелъ, Алексъ вернулся къ письменному столу и принялся было работать, но вспомнилъ объ Иліодорѣ Ѳедоровичѣ.

— Странно, прошепталъ онъ,—что̀ его заставило убить князя Владиміра Андреевича? А убилъ онъ. Это несомнѣнно.

II.

По Невскому, въ первомъ часу дня, два пріятеля шли на службу и обмѣнивались на ходу впечатлѣніями. Одинъ изъ нихъ былъ плотный брюнетъ съ большою бородой, а другой худощавый блондинъ съ тщательно расчесанными бакенбардами.

Блондинъ спросилъ:—Читалъ ты сегодня газеты?

— Нѣтъ, не успѣлъ. Масса работы. Я только посмотрѣлъ бюлетень... Сказано что Государь спалъ нѣсколько часовъ... Вообще бюлетень гораздо лучше вчерашняго. Объ отекѣ ногъ больше не упоминается.

— Да, слава Богу... Есть надежда что все обойдется...

— Дай Богъ... А почему ты спросилъ, читалъ ли я газеты?

— Хотѣлъ узнать твое мнѣніе о статьѣ Мерлона.

Брюнетъ заинтересовался. — Какъ? Есть статья Мерлона? А я то прозѣвалъ! О чемъ онъ пишетъ?

— О значеніи православія въ нашемъ національномъ самосознаніи. Онъ беретъ основнымъ положеніемъ что только православіе могло создать мощь нашего народнаго духа. Свою мысль онъ развиваетъ прекрасно, просто, выпукло, безъ лукавыхъ мудрствованій.

— Да, Мерлонъ человѣкъ основательный. У меня дома жена даже вырѣзываетъ и сохраняетъ его статьи.

— У него опредѣленные и стойкіе взгляды, сказалъ блондинъ, — сила его заключается въ томъ что онъ съ полною искренностію излагаетъ свое мнѣніе и тѣмъ самымъ проявляетъ поразительную убѣдительность. Говорятъ, онъ еще довольно молодой человѣкъ.

— Ему тридцать восемь лѣтъ, а на видъ еще того меньше.

— Какъ, ты его знаешь?

— Да, я съ нимъ знакомъ, не безъ гордости объяснилъ брюнетъ.

Блондинъ посмотрѣлъ на пріятеля съ завистію.—И давно знакомъ?

— Года полтора. Я встрѣтился съ нимъ у Рыбовскихъ. Онъ женатъ на сестрѣ жены Рыбовскаго.

— Везетъ же тебѣ! Со всѣми знаменитостями ты знакомъ. Ну, объясни что за человѣкъ Мерлонъ...

— Чрезвычайно пріятный и, знаешь, безо всякой фанаберіи. Другой на его мѣстѣ пришелъ бы въ трансъ отъ собственнаго успѣха и старался бы всѣхъ подавлять своимъ величіемъ, а онъ замѣчательно простъ, вовсе не корчитъ изъ себя великаго человѣка. Права онъ веселаго и охотно толкуетъ о всякихъ пустякахъ. Жена его довольно безлична. По моему, жена Рыбовскаго, ея сестра, гораздо интереснѣе.

— Вотъ и Рыбовскій выдающаяся личность, замѣтилъ блондинъ,—на прошлой недѣлѣ я пошелъ въ окружный судъ слушать его рѣчь по дѣлу Колесникова... Что за блестящее краснорѣчіе, какая благородная оригинальность мыслей! И, что всего важнѣе, онъ, по отзывамъ всѣхъ, человѣкъ глубоко порядочный.

— Я думаю что на него имѣетъ большое вліяніе его жена поразительно сердечная и умная. Когда бываешь у нихъ, невольно любуешься ихъ согласіемъ. Рѣдко я видѣлъ супруговъ въ такой степени созданныхъ другъ для друга.

— Съ ними ты тоже давно знакомъ?

— Года два. Мы познакомились въ Павловскѣ на дачѣ и съ тѣхъ поръ сохранили добрыя отношенія.

Блондинъ задумчиво произнесъ: — Я увѣренъ что талантливые люди всегда являются и хорошими людьми. Дарованіе должно неизбѣжно служить гарантіей порядочности.

— Пожалуй, что и такъ... А это что за типъ которому ты сейчасъ поклонился?

— Именно типъ, типъ несчастнаго человѣка. Его исторія чрезвычайно интересна. Зовутъ его Хрустовымъ...

— Онъ родственникъ вице-директора Хрустова, Александра Сергѣевича?

— Родной братъ. Больше ничего общаго между ними нѣтъ. Александръ Сергѣевичъ безчувственный и сухой карьеристъ, эгоистъ безпримѣрный, а этотъ, Иванъ Сергѣевичъ, какая то трагическая жертва рока. Не помню хорошо кто мнѣ разказалъ его исторію, но, по моему, она довольно занимательна.

Видишь, какая между нами разница: ты состоишь на короткой ногѣ со знаменитостями, а я могу сообщать подробности лишь о пасынкахъ судьбы.

И блондинъ засмѣялся.

— Ладно. Разказывай чѣмъ твой Хрустовъ примѣчателенъ...

— А главнѣйше тѣмъ что его избралъ объектомъ ненависти его родной братъ Александръ который сумѣлъ выжить его изъ дома чтобы завладѣть безраздѣльно симпатіей родителей и ихъ состояніемъ. Александръ, какъ человѣкъ юркій и сообразительный, отлично пошелъ по службѣ, выгодно женился, а Ивану пришлось кое-какъ перебиваться на службѣ въ страховомъ обществѣ „Спасеніе"... Кстати, я тамъ съ нимъ и познакомился, потому что довольно долго страховалъ свое имущество въ этомъ обществѣ. Разговорились мы какъ то съ нимъ, онъ мнѣ все и разказалъ. Но ты слушай дальше. Случилось такъ что Иванъ влюбился въ княжну Могилову-Стольную...

— Въ племянницу Владиміра Андреевича, перебилъ брюнетъ, — слышалъ я объ этой исторіи. Но мнѣ говорили что твой Хрустовъ мерзавецъ.

— Полно! Это Александръ Сергѣевичъ распространяетъ такіе слухи. Онъ то и испортилъ все дѣло. Когда Иванъ женился на княжнѣ, Александръ возстановилъ противъ него родителей княжны, тѣ прогнали свою дочь, а она съ горя умерла. Бѣдный Иванъ Хрустовъ такъ былъ убитъ горемъ что едва съ ума не сошелъ. Онъ бросилъ страховое общество, много лѣтъ пропадалъ... Разказываютъ что онъ едва не сдѣлался монахомъ. Я никакъ не ожидалъ его встрѣтить. Повидимому, онъ до сихъ поръ горюетъ о женѣ. Видъ у него совсѣмъ несчастный.

Брюнетъ возмутился. — Чортъ знаетъ что̀! А я то всегда считалъ Александра Сергѣевича порядочнымъ человѣкомъ...

— Да, братъ, пока не покопаешься въ самой сути, всегда рискуешь впасть въ ошибку.

Они вошли въ зданіе министерства.

III.

Вѣра Михайловна, опустившись на колѣна передъ кіотомъ, шепотомъ произносила молитвенныя слова. Она часто клала

земные поклоны, истово плавнымъ движеніемъ пригибая лобъ къ ковру. Вся въ черномъ, она производила впечатлѣніе монахини. Ея большіе черные глаза сурово и безмысленно смотрѣли на иконы, въ то время какъ правая рука однообразно взлетала въ безпрерывныхъ крестныхъ знаменіяхъ. День свой она неизмѣнно начинала съ продолжительной молитвы. Каждое утро, отъ девяти до половины десятаго, она стояла на колѣнахъ въ восточномъ углу образной комнаты. Затѣмъ послѣ чая и до завтрака она по праздникамъ проводила время въ церкви, а въ будни либо принимала бѣдныхъ, либо занималась своими денежными дѣлами. День она проводила дома въ чтеніи, потомъ посѣщала вечернія службы. Передъ сномъ она также молилась ровно полчаса. Такая размѣренная и однообразная жизнь ей нравилась. Исполненіемъ молитвенныхъ обрядовъ она гордилась какъ несомнѣннымъ проявленіемъ благочестія. И послѣ продолжительной молитвы она чувствовала себя достойной уваженія

Часы пробили. Половина десятаго. Въ тотъ же мигъ замерло на губахъ Нефедовой послѣднее молитвенное слово. Встала она, перешла въ сосѣднюю комнату, позвонила.

— Чай подать! рѣзкимъ голосомъ приказала она горничной, — ты сегодня опять опоздала. Чтобы мнѣ не пришлось опять повторять что я не терплю неакуратности!

И въ ожиданіи исполненія приказанія она сѣла съ повелительно-строгимъ выраженіемъ лица.

— Тутъ одинъ бѣдный ждетъ, сказала горничная, ставя передъ ней небольшой подносъ съ чашкой чая.

Вѣра Михайловна отрывисто спросила:—Новый?

— Новый, ваше превосходительство.

Нефедова требовала отъ прислуги чтобы ее такъ титуловали, хотя была вдовой отставнаго корнета.

— А, это хорошо, проговорила она, — пусть подождетъ. А потомъ никого не принимать кромѣ Пармена Владиміровича.

Она любила, когда приходили къ ней въ первый разъ просить на бѣдность. Это давало ей поводъ сказать просителю поучительное слово которое сложилось у нея для всѣхъ одинаковое. Впрочемъ. бѣдные къ ней рѣдко приходили вторично.

Чай она пила очень крѣпкій и отъ одной чашки ощущала подъемъ настроенія. Медленно допивъ чашку, она перекрестилась и отправилась къ просителю. Въ пріемной комнатѣ у дверной притолки стоялъ небольшаго роста человѣкъ съ опущеннымъ взглядомъ заплаканныхъ глазъ. Одѣтъ онъ былъ

грязно и бѣдно. При входѣ Нефедовой онъ вытянулся, подобравъ руки по швамъ, и подойти не посмѣлъ, только неуклюже поклонился.

— Здравствуйте, сказала Нефедова,—какъ васъ зовутъ? Чтò вамъ нужно! Кто васъ прислалъ ко мнѣ? Чѣмъ вы занимаетесь?

Эти вопросы она всегда произносила сразу, убѣдившись въ томъ, насколько они благотворно дѣйствуютъ на просителей, внушая имъ что праздные разговоры не допускаются.

Не слыша отвѣта, Нефедова приняла особенно суровый видъ.—Какъ васъ зовутъ?

— Ивановъ, ваше превосходительство, отвѣтилъ проситель и заморгалъ съ такою быстротой что Вѣрѣ Михайловнѣ показалось утомительнымъ на него смотрѣть.

— Чѣмъ вы занимаетесь?

— Былъ на службѣ, а теперь...

— Ага, были на службѣ и васъ прогнали. Ваше поведеніе довело васъ до того что вамъ приходится нищенствовать. Знаю, знаю, прошу не перебивать... Кто васъ прислалъ ко мнѣ? Ну, отвѣчайте же... Кто вамъ сказалъ что я помогаю бѣднымъ?

Заикаясь, Ивановъ объяснилъ:—Никто-съ... старшій дворникъ... потому что я здѣсь въ домѣ во дворѣ живу, и какъ стали выселять...

Вѣра Михайловна перебила:—Чтò вамъ нужно?

Проситель молчалъ съ растеряннымъ видомъ.

— Чтò вамъ нужно? такимъ голосомъ закричала на него Нефедова что Ивановъ затрясся и, раскрывъ ротъ, ничего произнести не могъ. Нефедова словно напередъ знала что такъ будетъ.

— Вы пришли просить у меня денегъ, помня слова Писанія которыя гласятъ: „просите и дастся вамъ“, а даже просить не умѣете, потому что всѣ ваши несчастія не научили васъ христіанскому смиренію... „Просите и дастся вамъ“, то есть, умѣйте просить, сознавайте что въ просьбѣ вашей должны жить чувства вѣры, надежды и любви, вѣры въ безграничность того милосердія, къ которому вы обращаетесь, надежды на милость Божію и любви къ тѣмъ которые терпѣливо васъ выслушиваютъ. „Дастся вамъ“, говоритъ Писаніе... а вы всѣ воображаете что достаточно придти и сказать „дай“... Дастся вамъ по заслугамъ вашимъ, по вѣрѣ вашей. А развѣ вѣрующаго человѣка Господь допуститъ до такого положенія, въ ко-

торомъ вы находитесь! Вы не молили Его, не прибѣгали къ Нему... Ходите ли вы въ церковь?

Ивановъ вздрогнулъ и повелъ губами. Ему было, повидимому, очень тяжело.

— И въ церковь вы не ходите. Не ходите, я это вижу. Вы уготовили себѣ нищенство гораздо худшее нежели то которое васъ привело сюда. Нищимъ вы будете въ загробной жизни, будете навѣки голодны въ мукахъ ада. Деньги просить вы можете, а не просите вѣчной жизни въ селеніяхъ праведныхъ. Я должна была бы васъ изгнать отъ себя какъ недостойнаго грѣшника.

У Иванова были слёзы на глазахъ. Онъ совсѣмъ притиснулся къ притолкѣ съ явнымъ желаніемъ уйти.

Нефедова продолжала, понизивъ голосъ: — Но я беру на себя грѣхъ неумѣстнаго снисхожденія. За васъ какъ и за другихъ я буду обращать молитвы къ Господу. Можетъ быть, моя молитва васъ спасетъ, и грѣхи ваши найдутъ себѣ прощеніе. Пока вы будете пребывать въ невѣріи и думать только о кускѣ хлѣба, я стану заботиться о вашей душѣ, не ожидая отъ васъ благодарности, по священному долгу христіанскому.

Ивановъ пересталъ плакать. Видъ его показался Вѣрѣ Михайловнѣ до того безчувственнымъ что она разсердилась.

— Вы не имѣете сердца, сказала она,—вы несчастный человѣкъ. Я вамъ даю рубль, хотя знаю что вы его не заслуживаете.

Она протянула ему деньги.

Онъ взялъ ихъ. Лицо его дрогнуло.

— Ребеночекъ умираетъ, пробормоталъ онъ, скрививъ ротъ.

Нефедова холодно произнесла:—Когда онъ умретъ, я дамъ еще на панихиду. Ступайте.

Ивановъ вышелъ, а Вѣра Михайловна, услышавъ звонокъ, крикнула горничной: — Принимать только Пармена Владиміровича.

И подумала: сколько терпѣнія надо чтобы имѣть дѣло съ попрошайками!

Отмѣтивъ въ записной книжкѣ рубль выданный просителю, Нефедова прошла въ кабинетъ который поступилъ въ ея владѣніе послѣ смерти мужа. Здѣсь она проводила иногда часы надъ дѣловыми разчетами и обрѣтала пріятныя минуты въ наблюденіи за постояннымъ ростомъ своего богатства.

Вошелъ Парменъ Рыбовскій, оживленный, здоровый, довольный собою.

— Имѣю честь кланяться, Вѣра Михайловна. Изволите быть въ добромъ здоровьѣ?

— Здравствуйте. Я васъ сегодня ждала съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Но я не опоздалъ... вѣдь у васъ только сейчасъ окончился пріёмъ бѣдныхъ.

Она возвела глаза къ потолку, вздохнула.—Да, много приходитъ ко мнѣ людскаго горя...

— И всѣхъ-то вы утѣшаете! заискивающе произнесъ Парменъ Владиміровичъ,—поневолѣ приходится вамъ заботиться о земномъ чтобы было чѣмъ дѣлиться съ бѣдняками.

— Поневолѣ, согласилась Нефедова и, перейдя на дѣловой тонъ, спросила:—Нашли покупателя?

— Да.

— Сколько?

— Тридцать восемь тысячъ. Купчая его. Это Хапровъ, владѣлецъ сосѣдняго дома. Я такъ и предупреждалъ васъ, какъ только стало извѣстно что домишко Сидоровой продается... Будь тогда Хапровъ въ Петербургѣ, онъ сразу купилъ бы у Сидоровой, и у васъ не было бы четырнадцати тысячъ барыша... За двѣ недѣли, знаете, процентъ изрядный...

Вѣра Михайловна сухо оборвала:—Тѣмъ лучше для васъ. Я же вамъ плачу комисію. Хорошо, устройте это дѣло. Поскорѣй. А теперь объясните, пожалуйста, что̀ за биржеваго маклера вы мнѣ рекомендовали?

— А что̀? съ безпокойствомъ проговорилъ Рыбовскій,—развѣ вы имъ недовольны?

— Конечно, недовольна. Мои корытовскія онъ продалъ въ началѣ биржи, а подъ конецъ онѣ поднялись на пять рублей... Я такихъ промаховъ не допускаю. Пришлите другаго.

— Непремѣнно, непремѣнно... завтра же...

Вошла горничная, подала письмо.

— Съ посыльнымъ, ваше превосходительство, доложила она,—спрашиваетъ, будетъ ли отвѣтъ.

Вѣра Михайловна поморщилась, узнавъ почеркъ Глафиры Николаевны.

— Иди. Я позову, если будетъ нужно, сказала она горничной и вскрыла конвертъ.

Увидѣвъ первыя слова, Нефедова нахмурилась еще больше, внимательно прочитала коротенькую записку и позвонила.

— Скажите посыльному что отвѣта нѣтъ.

— Непріятное извѣстіе? участливо освѣдомился Рыбовскій.

— Погодите, сурово произнесла Вѣра Михайловна и, повернувшись къ образу, широко осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ. —Княгиня Глафира Николаевна мнѣ пишетъ что моя мать при смерти... А? Какъ вамъ это нравится!

На всякій случай Парменъ Владиміровичъ придалъ своему лицу неопредѣленное выраженіе. Онъ не зналъ чѣмъ собственно обязанъ возмутиться.

— Хотѣла бы я знать какимъ образомъ я получаю такое извѣстіе черезъ третьи лица... Неужели мнѣ не могли написать изъ богадѣльни! Испытываютъ они мое терпѣніе. Пользуются тѣмъ что я беззащитна.

Голосъ ея дрожалъ отъ гнѣва, а большіе черные глаза уставились тупо и сильно въ лицо Рыбовскаго.

Тотъ подумалъ что слѣдуетъ высказать какое-нибудь мнѣніе. — Видите ли, за послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ здоровье Зинаиды Ивановны стало внушать опасенія, княгиня Глафира Николаевна посѣщала ее ежедневно и...

— Перестаньте мнѣ говорить о Глафирѣ! вскрикнула Нефедова, —я отлично понимаю что она ѣздила къ моей матери только для того чтобы лицемѣрить. Ѣздила и, навѣрно, всему свѣту разказывала, какой она совершаетъ подвигъ... А помолилась ли она за нее? Помолилась ли? Молитвы, небось, никто не видитъ, кромѣ Бога.

Она въ волненіи прошлась по комнатѣ, отрывисто произнося короткія фразы:—Знаю что всѣ рады меня осуждать... Мои деньги никому покоя не даютъ... Говорятъ: „богата, а мать въ богадѣльнѣ"... Мать сама такъ хотѣла... Иначе быть не могло. У насъ разные взгляды... Я отказалась отъ всѣхъ земныхъ связей... Я отказалась отъ родныхъ, потому что этого требуетъ моя совѣсть.

Рыбовскій смотрѣлъ на нее съ большимъ любопытствомъ.

— Но я прощаю! продолжала она, — я какъ христіанка обязана прощать... До сихъ поръ я молилась о томъ чтобы мать перестала меня несправедливо осуждать... не виновата я въ томъ что ея упорство оказалось сильнѣе моихъ молитвъ. Замѣтьте, даже передъ смертью она меня не призываетъ къ себѣ... Глафира извѣщаетъ, вотъ и все... Передъ смертію, понимаете, передъ смертію сохранить въ сердцѣ злость, когда съ минуты на минуту она должна представить отчетъ въ своей жизни!.. Но я прощаю... Я буду молиться объ упокоеніи ея души.

— А теперь не поѣдете? рискнулъ спросить Парменъ Владиміровичъ.

Нефедова злобно отчеканила:

— Ни за что.

Гнѣвъ не помѣшалъ ей сообразить что необходимо чѣмъ нибудь объяснить такое рѣшеніе.

— Я не поѣду потому что мое появленіе тамъ нежелательно... И встрѣча съ Глафирой Николаевной меня разстроитъ... Наконецъ, я давно уже порвала земныя связи...

Вдругъ она примолкла съ очень тяжелымъ чувствомъ въ груди... Совершенно невольно она представила себѣ что ея мать въ настоящую минуту умираетъ и говоритъ: „передайте моей дочери что я ее прощаю... скажите ей что я никогда не переставала ее любить... мнѣ было очень больно, но я все-таки ее любила и только потому страдала что не видѣла ея ласки... Бога я молю ее простить“... Эти слова прозвучали въ ушахъ Нефедовой такъ ясно, какъ будто дѣйствительно были произнесены около нея.

Она вздрогнула, словно испуганная и пересиленная, но тотчасъ же вновь овладѣла собою, пожала плечами.

— Если мать умретъ, я возьму на себя всѣ расходы по погребенію, сказала она Рыбовскому,—кстати, справьтесь, пожалуйста, во сколько это можетъ обойтись. Теперь завелись такія бюро гдѣ можно огуломъ за все заплатить. Разумѣется, я не хочу платить лишняго. Деньги мои нужны живымъ, а не мертвымъ. Итакъ, наведите справку и сообщите мнѣ сегодня же... И не забудьте относительно биржеваго маклера.

—

IV.

Послѣ разговора съ братомъ, Иванъ Сергѣевичъ увидѣлъ себя совсѣмъ потеряннымъ. Разчеты его не оправдались, и онъ не зналъ что̀ съ собою дѣлать. Для него уже выяснилось что за границей онъ ничего не достигнетъ. Примкнуть къ революціоннымъ кружкамъ ему не удавалось, потому что вездѣ его встрѣчали съ недовѣріемъ, а стачка въ Туринѣ причинила ему много непріятностей, не доставивъ никакой прибыли. Умѣютъ же другіе устраиваться! Здѣсь, дома, уже совсѣмъ другое настроеніе. Ничего не добьешся. А мѣсто получить невозможно. Вездѣ спросятъ: „гдѣ вы прежде служили?“ Если отвѣтить „нигдѣ“, то и разговаривать не станутъ.

а если сослаться на прежнюю службу въ обществѣ „Спасеніе“, то наведена будетъ справка каторая захлопнетъ передъ нимъ всѣ двери. И подумаешь что все могло бы принять другой видъ, будь Сонинъ ребенокъ налицо!

Эта мысль дѣйствовала на Хрустова угнетающе. Онъ не могъ себѣ простить ошибки. Въ теченіе нѣсколькихъ дней существованіе было для него мучительно.

Опомнившись немного, онъ написалъ княгинѣ Глафирѣ Николаевнѣ грубое письмо, въ которомъ требовалъ денегъ. Ничего не вышло. Глафира Николаевна написала въ отвѣтъ: „письмо ваше оставляю пока у себя. Если же пикнете, передамъ его градоначальнику...“ Итакъ, никакой надежды нѣтъ.

Какъ гіэна въ клѣткѣ, Иванъ Сергѣевичъ топтался въ меблированной комнатѣ, не зная за что̀ приняться. Время уходило, уходили и деньги. Онъ перебралъ нѣсколько предположеній. Сперва остановился онъ на мысли занять много денегъ, у Рыбовскихъ что ли, у Мерлона, у кого-нибудь еще... Занять и уѣхать. Но развѣ дадутъ? Очевидно, нѣтъ. Еще до его отъѣзда за границу Мерлонъ перестал его узнавать... Пригрозить ему разоблаченіями, такъ опять возникнетъ упоминаніе о градоначальникѣ... А Рыбовскіе даже въ былое время не давали въ долгъ... Нѣтъ, это не годится. Поселиться у отца? Конечно, это возможно. Но съ перваго же дня Алексъ начнетъ выселять... На хуторъ къ Алексу? Ну, а дальше?.. Не терять же всякую надежду на то что хоть когда-нибудь надежда будетъ. Забраться на хуторъ онъ всегда успѣетъ. Это про запасъ. А пока необходимо придумать фортель.

И Хрустовъ придумалъ. Ему пришла въ голову совсѣмъ простая мысль, которая очень ему понравилась.

Отлично! рѣшилъ онъ и, позвавъ горничную, поручилъ ей достать у хозяйки на нѣсколько минутъ „Весь Петербургъ“. Получивъ толстый томъ въ красномъ переплетѣ, Иванъ Сергѣевичъ порылся въ немъ, выписалъ нѣсколько адресовъ и отправился въ намѣченную экспедицію.

Бодро шагалъ онъ по улицѣ, съ удовольствіемъ ощущая въ себѣ возрожденіе наглости. Ему было пріятно сознавать что у него есть цѣль. Мысль о рискѣ его не тревожила. Онъ зналъ что во всякомъ случаѣ вывернется. Другимъ удавалось, тѣмъ болѣе должно все сложиться удачно у него, потому что сообразительности ему не занимать.

На одной изъ улицъ пересѣкающихъ Надеждинскую онъ подошелъ къ подъѣзду большаго сѣраго дома, обратился къ швейцару:

— Професоръ Свѣтляковъ дома?

— Дома... только они въ это время обыкновенно не принимаютъ.

Иванъ Сергѣевичъ пренебрежительнымъ тономъ произнесъ:

— Меня приметъ.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ, оставилъ пальто у швейцара и, справившись о нумерѣ квартиры, быстро пошелъ наверхъ.

У двери, къ которой прибита была металическая дощечка съ надписью: „Петръ Петровичъ Свѣтляковъ“, онъ позвонилъ. Настроеніе его было самое хорошее.

— Можно видѣть Петра Петровича? спросилъ онъ лакея,—скажите: баронъ Траубе, по очень важному дѣлу.

— По очень важному дѣлу, внушительнымъ голосомъ повторилъ онъ, видя что лакей колеблется, и вошелъ въ переднюю.

Лакей пошелъ докладывать, вернулся.—Просятъ.

А по какой собственно части этотъ Свѣтляковъ професорствуетъ? съ юмористическимъ отношеніемъ къ своему положенію задалъ себѣ вопросъ Хрустовъ. Заговоришь объ энциклопедіи права, а вдругъ онъ окажется антропологомъ...

Онъ развязно вошелъ въ кабинетъ и сразу одобрилъ свой выборъ: обстановка указывала на хорошія средства. А вотъ каковъ то окажется самъ?

За письменнымъ столомъ заваленнымъ необъятнымъ ворохомъ бумагъ сидѣлъ старикъ лѣтъ семидесяти, совершенно лысый, съ длинною желтѣющею бородой. При входѣ Хрустова онъ всталъ, всматриваясь въ него черезъ толстыя очки.

— Баронъ Траубе? привѣтливо улыбаясь спросилъ онъ,— что̀ прикажете? Будте добры садиться.

Съ неторопливыми пріемами человѣка привыкшаго принимать незнакомыхъ лицъ онъ указалъ Ивану Сергѣевичу на стулъ и сѣлъ самъ только тогда когда посѣтитель занялъ мѣсто.

— Что̀ прикажете? Чѣмъ могу служить? Вы изволили ко мнѣ пожаловать по важному дѣлу...

У него былъ очень пріятный, ласковый голосъ, и во взглядѣ его замѣчалась застѣнчивость. Видно было что онъ очень добрый человѣкъ.

Все благополучно, подумалъ Хрустовъ и отвѣтилъ: — Да, професоръ, я къ вамъ по дѣлу которое считаю для себя важнымъ. Надо вамъ сказать что я издавна интересуюсь вопросами науки въ самыхъ разнообразныхъ ея отросляхъ. Къ сожалѣнію, я не могъ, въ силу ряда обстоятельствъ,

посвятить себя научной карьерѣ, о чемъ я въ настоящее время глубоко сожалѣю.

— Жаль, очень жаль, сочувственно произнесъ Свѣтляковъ.

— Конечно, я никогда не переставалъ работать надъ своимъ самообразованіемъ, продолжалъ Иванъ Сергѣевичъ,—много читалъ, много путешествовалъ. Особенно плодотворнымъ считаю я свое недавнее пребываніе въ Парижѣ, гдѣ я проводилъ цѣлые дни въ національной библіотекѣ. Тамъ, между прочимъ, я познакомился съ извѣстнымъ издателемъ Дорбекомъ, имя котораго вамъ, разумѣется, знакомо.

Професоръ никогда не слышалъ этой фамиліи. Однако, изъ вѣжливости, онъ утвердительно кивнулъ.

— Такъ вотъ этотъ Дорбекъ, послѣ того какъ мы съ нимъ отлично сошлись, сообщилъ мнѣ объ одномъ своемъ грандіозномъ планѣ. Онъ приступаетъ къ изданію собранія біографій всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ всего міра за девятнадцатый вѣкъ. Предполагается роскошное изданіе, съ портретами, факсимиле, на лучшей бумагѣ. Оно сразу выйдетъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и италіянскомъ языкахъ и въ цѣляхъ возможно болѣе широкаго распространенія будетъ продаваться по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Такъ вотъ Дорбекъ поручилъ мнѣ доставить ему біографіи русскихъ ученыхъ. Само собою разумѣется что это обстоятельство должно было привести меня къ вамъ, и вотъ я явился просить васъ снабдить меня вашей фотографическою карточкой, автографомъ и возможно полными біографическими данными.

Сконфузился Свѣтляковъ.

— Помилуйте, какой же я знаменитый ученый!

— Позвольте мнѣ это знать и мнѣ объ этомъ судить! внушительно произнесъ Иванъ Сергѣевичъ, — я не могу допустить чтобы ваша скромность лишила нашъ сборникъ одной изъ самыхъ блестящихъ его страницъ.

Професоръ покраснѣлъ. У него была такая славная простодушная улыбка что Хрустовъ подумалъ: „на заказъ лучшаго не обрѣтешь“.

— Видите ли, съ большимъ смущеніемъ сказалъ Свѣтляковъ,—относительно автобіографіи я, право, не знаю какъ быть... Ко мнѣ уже нѣсколько разъ обращались, и я всегда старался какъ-нибудь уклониться... Вѣдь это такъ трудно, когда смотришь на свою собственную жизнь, различать существенное отъ несущественнаго... Ну, о чемъ я могу говорить съ увѣренностію что читателямъ это будетъ интересно. И какъ

то неловко... похоже на хвастовство, на рекламу... Съ другой стороны, вы такъ любезны что мнѣ не хотѣлось бы вамъ отказать... Не удовольствуетесь ли вы тою статьей которая была напечатана въ „Вѣстникѣ Біологіи“ по поводу моего сорокалѣтняго юбилея? Это было недавно... Статью написалъ мой товарищъ безъ моего вѣдома... Она, можетъ быть, слишкомъ доброжелательна, но всѣ факты и даты вѣрны, а также довольно точно перечислены всѣ мои сочиненія.

— Чего лучше! пробасилъ Иванъ Сергѣевичъ,—пожалуйте мнѣ эту статью, а я ее положу въ основаніе своего изложенія.

— Въ такомъ случаѣ, я вамъ ее дамъ.

Професоръ сталъ рыться въ ворохѣ бумагъ отягощавшемъ его письменный столъ, заглянулъ въ ящики, осмотрѣлъ нѣсколько книжныхъ полокъ, волнуясь, торопясь и приговаривая:

— Простите, пожалуйста... Мнѣ очень совѣстно что я васъ задерживаю... А! Вотъ она... Возьмите. Видите, тутъ и портретъ приложенъ и факсимиле моей подписи... Вы получаете все сразу.

Онъ засмѣялся, дѣтски довольный тѣмъ что могъ исполнить желаніе любезнаго посѣтителя.

— Вотъ и отлично! одобрилъ Хру́стовъ, — всѣ матеріалы у меня въ рукахъ. Они завтра же будутъ розданы въ нѣсколькихъ спискахъ переводчикамъ.

— А знаете ли, признаться, я очень доволенъ, простодушно заявилъ Свѣтляковъ,—не за себя, конечно, а во имя русской науки... пусть иностранцы знакомятся, пусть!

Иванъ Сергѣевичъ сказалъ:

— Совершенно вѣрно. Мнѣ теперь остается получить съ васъ пятьдесятъ рублей.

Удивился професоръ, оторопѣлъ.

— Пятьдесятъ рублей, проговорилъ онъ и сталъ краснѣть.

— Ну, да! А то какже! засмѣялся Хрустовъ,— вы же не можете не понимать что роскошное изданіе можетъ быть выпущено за дешевую цѣну только въ томъ случаѣ, если заинтересованныя въ его успѣхѣ лица примутъ участіе въ расходахъ. Дорбекъ не миліонеръ, да и я самъ, не смотря на свой титулъ, живу исключительно своимъ трудомъ. Ваша біографія мнѣ необходима, и я не думаю чтобы вы, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, вынудили меня дать эти пятьдесятъ рублей изъ моего кармана. Я такъ же, какъ и вы, нахожу что иностранцевъ слѣдуетъ знакомить съ завоеваніями нашей науки. Не имѣя средствъ, я этому дѣлу посвящаю свои силы.

Пока Иванъ Сергѣевичъ говорилъ, на лицѣ Свѣтлякова все опредѣленнѣй и явственнѣй обрисовывалась печаль. Взглядъ его сталъ грустный, безъ недавнихъ искорокъ.

— Верните мнѣ статью, тихо произнесъ онъ,—а деньги получите... Вамъ онѣ, должно быть, очень нужны.

Онъ досталъ изъ письменнаго стола двѣ двадцатипятирублевыя бумажки, протянулъ ихъ Хрустову.

Тотъ взялъ ихъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Кому не нужны деньги, многоуважаемый професоръ, по нынѣшнимъ временамъ не скоро ихъ заработаешь.

Онъ чувствовалъ потребность завершить разговоръ понахальнѣе.

— Довольно, довольно, брезгливо пробормоталъ Свѣтляковъ,—я очень занятъ... Прошу извинить.

Скорбнымъ взглядомъ проводилъ онъ Ивана Сергѣевича. Старикъ былъ огорченъ, словно ему нанесли незаслуженное оскорбленіе.

„Итакъ, система превосходна!“ самодовольно думалъ Хрустовъ, спускаясь съ лѣстницы. „А теперь куда?“

Надѣвъ пальто, онъ заглянулъ въ составленный списокъ... Композиторъ Дашкевичъ, скульпторъ Пеленкинъ... Къ нимъ вполнѣ примѣнима система давшая превосходный результатъ у Свѣтлякова... Князь Чавровъ, миліонеръ... для него нужно придумать что-нибудь новое.

Вообще жить можно, надо только умѣючи браться за дѣло.

V.

Noël! Noël!
Remontez au ciel,
Beaux anges, à l'instant même...
Dans le ciel bleu
Demandez à Dieu
Qu'il aime celui que j'aime

Тихимъ и красивымъ голосомъ пропѣла эти слова Ксенія взглядъ ея затуманился, преломился въ слезахъ.

Съ тѣхъ поръ какъ ее перевезли въ лечебницу доктора Моринга, ей часто вспоминалась эта пѣсенка, а то, пожалуй, и не вспоминалась, а сама какъ-то складывалась, безъ участія сознанія. Помнить, вспоминать Ксенія больше не могла. Послѣ буйнаго припадка случившагося съ нею въ день смерти Сони

прошлаго у нея какъ будто не стало. И она вступила въ періодъ тихаго неизлечимаго помѣшательства. Иногда она ничего не чувствовала, застывала на нѣсколько дней съ неподвижными глазами и мертвымъ лицомъ. А потомъ наступали дни, когда она видѣла и замѣчала все окружающее которое тогда казалось ей ежеминутно новымъ, потому что каждая минута, умирая, уносила съ собой и свои впечатлѣнія.

Только пѣсенка переходила изъ минуты въ минуту. И Ксеніи казалось что поетъ не она, а кто-то другой, несчастный и добрый. У нея въ часы успокоенія постоянно было такое чувство, словно рядомъ съ нею живетъ другое существо, и это существо она, живущая какъ-то рядомъ съ ея тѣломъ. Ничего страннаго она въ томъ не находила, да и не могла находить, потому что внѣшнія впечатлѣнія вызывали въ ней только чувство, а не мысль. Для нея не было потребности въ томъ чтобы объяснить себѣ происходящее вокругъ нея. Она даже не ощущала разницы между собою и окружающимъ, какъ будто для нея стерлась грань отдѣляющая ее ото всего остальнаго въ мірѣ. То что̀ рядомъ съ нею существуетъ другая *она*, принималась ею какъ непреложная правда. Себя, другую, она не видѣла, но опредѣленно ощущала. Она знала что есть другая Ксенія, совершенно такая же какъ она сама, вмѣстѣ съ ней прислушивающаяся къ пѣнію, одновременно съ нею смотрящая, слушающая и тоскующая. Тоску свою она видѣла. Это были сѣрыя волны плавно передвигавшіяся въ пространствѣ, то подступающія близко, то отходящія немного. Въ этихъ волнахъ для нея терялось ощущеніе времени и быстро замирали впечатлѣнія. Каждое впечатлѣніе умирало раньше нежели успѣвало коснуться слѣдующаго. Такъ бывало въ добрые тихіе дни которые смѣнялись днями тишины зловѣщей, полнымъ омертвеніемъ впечатлительности, періодами окончательной душевной неподвижности, когда Ксенія замирала въ тискахъ необъятной и злой душевной муки. Наступали часы такого страданія которое душило со всѣхъ сторонъ, снаружи, изнутри. Это было одно сплошное чувство терзанія, насѣдающее кошмаромъ, парализующее тѣло. Ксенія даже пальцемъ шевельнуть не могла точно убитая болью. Когда этотъ ужасъ находилъ, онъ сразу становился какъ бы вѣчнымъ. Не помнилось, когда было его начало, не ожидалось его конца. *Другая* Ксенія исчезала. И ничего въ мірѣ не было кромѣ той Ксеніи, въ комъ сосредоточивался цѣлый міръ злобной темноты. Душу

охватывалъ такой летаргическій сонъ который весь состоялъ изъ бреда.

— Конецъ? тревожно спрашивала княгиня Глафира Николаевна, когда ей случалось заставать княжну въ такомъ состояніи.

И каждый разъ Морнигъ отвѣчалъ:

— Несчастная проживетъ еще долго.

Длилось такое положеніе день, два, три, проходило вдругъ. На смѣну приносилось полубытіе съ проблесками сознательной тоски. Снова возникала вторая Ксенія, невидимая, сидящая рядомъ съ первою и охваченная тѣми же сѣрыми волнами грусти.

Все гуще и гуще становится сѣрая окраска волнъ, все сильнѣе и тревожнѣе ихъ прибой подчасъ заглушающій звуки пѣсенки.

Noël! Noël!
Remontez au ciel,
Beaux anges à l'instant même..
Dans le ciel bleu
Demandez à Dieu
Qu'il aime celui que j'aime...

VI.

Мерлонъ написалъ очень трогательный фельетонъ о судьбѣ падшихъ женщинъ. Въ немъ онъ удачно воспользовался цѣлымъ рядомъ общихъ мѣстъ и съ немалымъ мастерствомъ прикрылъ нѣсколько позаимствованій изъ чужихъ статей. Этотъ фельетонъ глубоко подѣйствовалъ на Екатерину Сергѣевну Хрустову. Все то что напоминало ей о ея недавнемъ положеніи въ послѣднее время неизбѣжно вызывало въ ней мучительное настроеніе. Вотъ уже почти годъ какъ она перемѣнилась и какъ будто сама съ собой не можетъ ужиться. Въ сущности перемѣна началась раньше, еще въ тотъ день когда отравилась Соня, потому что тогда впервые содрогнулась душа внезапно населенная неожиданнымъ ужасомъ. Но Екатерина Сергѣевна только испугалась тогда, а не опомнилась. Въ теченіе долгаго времени она припоминала этотъ ужасъ, но не ощущала его. Въ ея душѣ происходила подготовительная работа которой она не замѣчала, такъ какъ воспріятіе было у нея немного грубое. Поэтому, когда подготовительная работа

завершилась и когда Катя увидѣла въ себѣ отвращеніе къ своему образу жизни, всѣ зародившіяся въ ней чувства ей показались внезапными.

И вотъ уже мѣсяцъ какъ она ушла отъ той жизни, въ которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ пошла за весельемъ. Она въ одинъ день рѣшилась на это, въ нѣсколько часовъ порвала всѣ свои знакомства ставшія для нея отвратительными, переселилась на другую квартиру. Отъ прошлаго у нея остались деньги. Она живетъ на нихъ, не рѣшается ихъ швырнуть отъ себя. Смутно понимаетъ она что слѣдовало бы работать, либо вернуться къ отцу. Но ни на какую работу она неспособна, а къ отцу вернуться мѣшаетъ ей злость, грубая, неуклюжая, безграничная. Стыдъ, раскаяніе, скука, все переработалось у нея въ озлобленіе, въ желаніе никого не видѣть изъ тѣхъ кто сумѣлъ бы разгадать ея раскаяніе и ея стыдъ. И угнетало ее сознаніе того что она осталась среди живущихъ одна, съ пустою душой. А дальше что̀? Все ничего, пустота, неопредѣленная жуткость. Въ тридцать четыре года никто не пожалѣетъ. Да, пожалѣетъ отецъ, но пожалѣетъ не зная, на вѣру... А ей хотѣлось бы чтобы къ ней шла со всѣхъ сторонъ заслуженная жалость, чтобы всѣ искренно ее полюбили. Ей казалось что она достойна прощенія и любви. А такъ какъ ни того, ни другаго она не замѣчала, то досада въ ней неустанно поддерживала озлобленіе.

Прочитала она статью Мерлона, половины не поняла, потому что ея мысль не привыкла слѣдить за развитіемъ логическихъ выводовъ изложенныхъ затѣйливымъ языкомъ. Но то что̀ было уловимо для ея ума произвело на нее большое впечатлѣніе. Мерлонъ ясно говорилъ что падшихъ женщинъ надо жалѣть и что ихъ слѣдуетъ спасать. Онъ объяснялъ что это не трудно: стоитъ лишь обществу улучшиться. Вообще цѣлая вереница труизмовъ была связана рядомъ старыхъ мыслей выраженныхъ новыми словами. Степанъ Николаевичъ не отступалъ и передъ выраженіями декадентскаго характера, лишь бы показаться оригинальнымъ.

Эта статья разстроила Катю, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставила ей удовольствіе. Она увидѣла что есть гдѣ-то жалость, та самая какая ей нужна. Ей стало лучше, злость улеглась немного. Она принялась уже думать о томъ что до сихъ поръ у нея были ошибочныя чувства, какъ вдругъ ея смутило неожиданное появленіе ея брата Ивана.

— Вотъ кого не чаяла! вскрикнула она, когда онъ разма-

шистою походкой ввалился въ комнату. — Сколько лѣтъ прошло!

Радости въ ней не было никакой. Нельзя же радоваться когда видишь такого человѣка. Но не было и тяжелаго чувства, потому что Иванъ Сергѣевичъ не могъ для нея относиться къ числу тѣхъ, передъ которыми дѣлается совѣстно дурныхъ поступковъ.

Совершенно оправившись она спросила:

— Какъ ты сюда попалъ и зачѣмъ?

Хрустовъ съ хохотомъ объяснилъ:

— Былъ въ сосѣдней квартирѣ, а меня оттуда вытолкали, потому что я болѣе нажалъ педаль нежели просителю подобаетъ... И вдругъ вижу твое имя на двери. Дай, думаю, загляну, но не съ корыстною цѣлію... Вѣдь ты на удочку біографіи не поддашься, а даже наоборотъ.

Онъ хотѣлъ притвориться самоувѣреннымъ и развязнымъ, но надлежащій тонъ у него не получался. Очевидно, онъ только что подвергся непріятности, и крупной.

Катя смотрѣла на него недружелюбно.

— Я совсѣмъ не хотѣла тебя видѣть.

— Я тоже. Да такъ вышло. О! Знаю! Знаю! Ты теперь направляешь стопы въ сторону добродѣтели... Смотри, перещеголяешь Нефедову... Однако, здравствуй... А? Сколько лѣтъ? Ничего себѣ, мало измѣнилась. Отъ хорошей жизни, должно быть. А? А я? Все еще живемъ. Двухъ недѣль нѣтъ какъ я вернулся, а уже въ смыслѣ доходовъ себя обезпечилъ. Живешь ты недурно. Да, конечно, и о добродѣтели можно было вспомнить...

Его отрывистая рѣчь звучала нервно и лживо.

— Уйди, попросила Катя.—Ну, зачѣмъ ты пришелъ? Самъ знаешь, всякому безъ тебя легче.

Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ.

— Уйду, не бойся. Предпочитаю не торопиться. Вчера былъ у отца, онъ тоже отнесся ко мнѣ странно. Едва душа въ немъ держится, а тутъ же морщится. Все Алексъ. Его фокусы.

— Развѣ отецъ плохъ? вырвалось у Кати.

— Не важенъ. Ослабѣлъ и зачахъ. А тебѣ что̀ за дѣло! Ты его знать не хочешь и отлично дѣлаешь...

Отъ этихъ словъ сердце ея шелохнулось. Въ пересказѣ брата ея отношеніе къ отцу внезапно представилось ей непростительно дурнымъ.

— Мнѣ его жаль, сказала она съ такимъ чувствомъ, котораго у нея давно не было.

— Ха! Воображаю какъ онъ тебя жалѣетъ. Хорошо если только про себя называетъ потаскухой.

Катя закричала:

— Врешь! Меня никто такъ не смѣетъ называть...

— Ой ли? А по-моему всѣ могутъ. Подумаешь, станутъ стѣсняться... Что̀ было, то не сплыло, а приплыло и плотно пристало.

Задрожала Катя и вдругъ почувствовала что злость ее охватывающая уже не мучительна, а пріятна .. Пріятна отъ того что это не безпричинный и огульный гнѣвъ, а такая злоба которая знаетъ свою цѣль.

— Не тебѣ осуждать, горячо произнесла она.—Ты хуже меня, ты хуже всѣхъ тѣхъ въ родѣ меня какихъ я только встрѣчала... Мы оба себя продавали, только я продавала себя тѣмъ кто хотѣлъ радости, а ты продавалъ съ собою чужое счастье и чужую жизнь. Я никого не погубила кромѣ себя, а ты столькихъ затянулъ въ трясину! Другіе тамъ задохлись, а тебѣ въ грязи жить хорошо. Плоха я, очень плоха, а тебѣ до меня далеко...

— Это все на чьи деньги куплено? съ кривою усмѣшкой проговорилъ Хрустовъ, указывая на мебель, на картины,— всѣхъ, пожалуй, и не перечтешь... Я вчера отцу сказалъ что ты капиталецъ навѣрно отложила и чтобы онъ не разчитывалъ тебя видѣть... Вотъ, съ голодухи пришла бы...

Катя замерла въ ожиданіи дальнѣйшихъ словъ. Онъ сказалъ такъ отцу? Что̀ же отецъ отвѣтилъ? Что̀?

Спросить она не смѣла, зная что отвѣтъ будетъ ложью.

— Такъ и сказалъ? едва слышно произнесла она,—чтожь... отлично... это правда...

— Такъ и сказалъ. Чего мнѣ стѣсняться. Въ его возрастѣ слезы въ родѣ дѣтскихъ.

„Онъ заплакалъ!“ мысленно крикнула она.

Иванъ Сергѣевичъ продолжалъ:

— Нѣтъ, милая, теперь „ау“, не уйдешь отъ того что сама натворила... Точно я не вижу, о чемъ ты думаешь... Это у кого изъ насъ трясина глубже, надо еще помѣрить.

— Не уйдешь! безсознательно повторила Катя, и вдругъ все существо ея возмутилось. Всю ту черноту своей жизни которая ее угнетала она видѣла теперь усугубленною тѣмъ что къ этой чернотѣ прибавилась чернота Ивана... Ко всему

прибавился Иванъ... Онъ приблизился, сталъ съ нею на одну сторону... и вотъ теперь-то захотѣлось уйти, скорѣй, оставить Ивана и свое прошлое позади себя. Отчего нельзя уйти? Кто можетъ все оставить, тотъ всегда можетъ уйти... Она выйдетъ отсюда одна, ни одной частицы послѣднихъ лѣтъ съ собою не возьметъ.

— Прощай! сказала она брату, поблѣднѣвъ, съ широко раскрытыми глазами.

Онъ усмѣхнулся.

— Да я еще посижу. Погоди прощаться.

Засмѣялась она, неожиданно торжествующая, какъ будто радость наступила для нея, едва она приняла рѣшеніе которое словно давно ждало и шептало: „такъ нужно поступить"!..

— Я ѣду къ отцу, навсегда, теперь... Оставайся здѣсь... Тебѣ тамъ и мѣсто гдѣ я столько скверпаго оставляю.

Лихорадочно-торопливая она позвала горничную:

— Шляпу мнѣ! Скорѣй, я уѣзжаю... Маша, если этотъ господинъ захочетъ что-нибудь унести, не мѣшайте ему... Я ему все дарю... Покажите ему гдѣ лежитъ серебро... И себѣ можете взять что̀ хотите...

Хрустовъ пожалъ плечами.

— Все это можно было бы сказать умнѣй. Ты еще повтори для вѣрности.

Но Катя не слышала.

Ея уже не было въ комнатѣ. Поспѣшно застегивая кофточку, она вышла на лѣстницу съ такимъ чувствомъ словно за нею бѣгутъ.

VII.

„Пожалуйста, Алексъ, приди ко мнѣ сегодня. У меня большая радость: вчера вернулась Катя. Сегодня утромъ посылалъ къ тебѣ на квартиру, но посланный тебя не засталъ. Постарайся пріѣхать пораньше."

Эти строки написанныя дряблымъ почеркомъ отца Александръ Сергѣевичъ нашелъ у себя въ служебномъ кабинетѣ въ министерствѣ. Съ утра ѣздилъ онъ по городу по дѣламъ, рано выѣхалъ изъ дома и попалъ на службу только въ третьемъ часу.

— Катя вернуласъ къ отцу, проговорилъ онъ вслухъ,— чтожъ... очень хорошо.

Онъ рѣшилъ что это радостное событіе, но что радоваться онъ будетъ послѣ, когда справится съ ворохомъ бумагъ ожидающихъ его просмотра. Въ теченіе послѣднихъ дней работы было у него столько что имъ овладѣло нервное настроеніе вызванное боязнію не успѣть и задержать движеніе дѣлъ. Сѣлъ онъ за письменный столъ, принялся читать бумаги, торопливо излагать поправки и отмѣтки на поляхъ.

Вошелъ экзекуторъ, старикъ Андрей Андреевичъ.

— А? Что̀? спросилъ Александръ Сергѣевичъ,—еще бумаги? Положите, дорогой другъ, на столъ. Некогда теперь... Да, скажите, всеподданнѣйшій докладъ по прибалтійскому дѣлу вернулся изъ Ливадіи!

Андрей Андреевичъ подалъ ему листокъ.

— Не докладъ, а вотъ что̀ пришло изъ Ливадіи... Бюлетень отъ сегодняшняго утра... должно быть послѣдній.

Голосъ его дрожалъ.

Схвативъ бюлетень, Хрустовъ прочиталъ съ быстро возрастающимъ волненіемъ: „Ночь Государь Императоръ провелъ безъ сна. Дыханіе сильно затруднено. Дѣятельность сердца быстро слабѣетъ. Положеніе крайне опасно“... Подписи: Лейденъ, Захарьинъ, Гиршъ, Поповъ и Вельяминовъ.

Блѣдный Александръ Сергѣевичъ спросилъ:

— Что̀ же? Конецъ?

Экзекуторъ развелъ руками. Подъ очками у него блеснули слезы. Ничего не отвѣтилъ онъ, а поскорѣй отвернулся и вышелъ.

Конецъ? Разумѣется конецъ... „положеніе крайне опасно... дѣятельность сердца быстро слабѣетъ“...

Алексъ всталъ, съ громадною тоской подошелъ къ окну. Смотрѣть было не на что̀. Окно упиралось въ желтую стѣну одного изъ флигелей министерства, а между тѣмъ онъ долго простоялъ, опираясь на подоконникъ, съ неподвижнымъ взглядомъ. Съ минуты на минуту надо ждать извѣстія которое разольется горемъ по всей Руси... Можетъ быть, уже совершилось... пока еще телеграма дойдетъ и будетъ распубликована! Тамъ, далеко, на почти оторванномъ отъ Россіи кускѣ земли, слабѣетъ пульсъ который въ теченіи тринадцати лѣтъ мощно отмѣчалъ біеніе сердца великой родины... Безвременно завершается жизнь того кто, воспріявъ власть въ смутные дни, озарилъ свой путь сіяніемъ державнаго величія, вдохновенно вѣрующій во все для русскаго духа родоначальное.

Пойти? Узнать? подумалъ Александръ Сергѣевичъ, но тутъ

же рѣшилъ что лучше не выходить изъ кабинета. Сослуживцы знаютъ только то что ему извѣстно... А говорить объ этомъ тяжело.

Взволнованный, онъ вернулся къ письменному столу, но не могъ работать. Внезапная мысль заставила его позвонить.

— Попроси Андрея Андреевича телефонировать въ *Правительственный Вѣстникъ*, приказалъ онъ сторожу,— онъ знаетъ о чемъ, онъ пойметъ... и пусть пришлетъ мнѣ записку.

Хрустовъ надѣялся что получено извѣстіе успокаивающее тревогу. Онъ торопливо, нервно повернулъ двѣ кнопки, залилъ кабинетъ электрическимъ свѣтомъ, и тотчасъ же стало ему еще хуже: получилось такое впечатлѣніе словно наступила ночь. О! Какъ невыносима неизвѣстность когда она состоитъ вся изъ страха.

Сторожъ вернулся, подалъ ему записку. Андрей Андреевичъ писалъ: „Получена телеграма министра Императорскаго Двора о томъ что въ 10 утра Государь Императоръ въ полномъ сознаніи сподобился пріобщиться Св. Христовыхъ Тайнъ".

Знакомъ Хрустовъ приказалъ сторожу выйти.

Больше нѣтъ надежды. Конецъ! Въ десять часовъ... А теперь четыре. Господи, одною Твоею волей живетъ Русь!

Дверь растворилась, вошелъ курьеръ Семеновъ, бравый расторопный старикъ увѣшанный медалями.

— Въ чемъ дѣло?

Семеновъ доложилъ:

— Господинъ Рыбовскій.

— Господинъ Рыбовскій, безсознательно повторилъ Александъ Сергѣевичъ, —постой! Постой! Вѣдь ты сегодня долженъ былъ отвезти министру бумаги въ Государственный Совѣтъ и привезти ихъ обратно... Развѣ засѣданіе Департамента Экономіи уже кончилось?

— Такъ точно-съ... Потому перерывъ сдѣлали... Отъ камерлакея знаю. И нашъ министръ изволили проѣхать къ министру Внутреннихъ Дѣлъ... Говорятъ, Батюшки нашего не стало.

И сквозь молодцоватость курьера почувствовалась такая печаль что у Алекса сдавило горло.

— Ступай, ступай, поспѣшно приказалъ Александръ Сергѣевичъ,—да, Рыбовскій пусть войдетъ.

Семеновъ вышелъ.

— Ну, да, все кончено, прошепталъ Хрустовъ и, увидѣвъ предъ собой Илліодора Өедоровича, вздрогнулъ.

— Я и не слышалъ какъ вы вошли...

Рыбовскій былъ замѣтно взволнованъ.

— Простите что я отрываю васъ отъ дѣла въ служебное время, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ онъ, — и простите также что я не былъ у васъ въ условленный день... Я пришелъ сегодня потому что дольше такъ оставаться не могу.

— Знаю, знаю! съ гнѣвомъ и отвращеніемъ сказалъ Алексъ, — вы убили князя Владиміра Андреевича и хотите мнѣ въ этомъ признаться... Какое мнѣ теперь дѣло до того что вы почти четырнадцать лѣтъ тому назадъ совершили такое гнусное преступленіе! Какое мнѣ дѣло до того что вообще князь Могиловъ-Стольный былъ кѣмъ-нибудь убитъ, когда Государь умираетъ, можетъ быть, уже скончался!.. Чего вы отъ меня хотите? Зачѣмъ вы идете со своимъ возмутительнымъ грѣхомъ ко мнѣ? Доносить на васъ я не намѣренъ, а словъ оправданія я для васъ въ себѣ не найду...

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, съ Илліодоромъ Ѳедоровичемъ происходила перемѣна: выраженіе лица стало спокойнѣе, взглядъ сдѣлался болѣе увѣреннымъ.

— Я очень радъ, тихо произнесъ онъ, — что вы меня избавляете отъ необходимости признаваться. Я пришелъ къ вамъ съ этимъ потому что вы порядочный человѣкъ. Вы мнѣ скажете какъ я долженъ поступить, искать кары отъ другихъ или самъ себя наказать.

Александръ Сергѣевичъ махнулъ рукой.

— Вы столько лѣтъ молчали и не умерли... Ясно что вы сами себя не накажете. Попросите другихъ.

— Что жь, это исходъ, спокойно сказалъ Рыбовскій, — прощайте.

— Подождите, удержалъ его Алексъ,—объясните какъ это случилось...

— Мнѣ кажется, съ этого надо было начать... Я вамъ все разскажу, но во всякомъ случаѣ оставляю вашъ преждевременный приговоръ въ силѣ. Я самъ себя не наказалъ и все еще живу послѣ столькихъ лѣтъ молчанія! Такъ вы сказали? О! хорошо! хорошо! Вы будете удовлетворены.

Голосъ его звучалъ глухо, глаза смотрѣли злобно.

— Я слушаю, нетерпѣливо произнесъ Алексъ,—садитесь. Можете не бояться, здѣсь никто не услышитъ...

Рыбовскій усмѣхнулся.

— Развѣ не все равно, коль скоро я рѣшилъ сказать всѣмъ. Такъ слушайте... Вы помните что въ день убійства я

долженъ былъ уѣхать за границу... Поѣздъ отходилъ вечеромъ, тридцать пять минутъ одиннадцатаго... Можно было поѣхать съ другимъ, но я избралъ этотъ, потому что онъ былъ дешевле... Ѣхать медленно мнѣ было не страшно, лишь бы уѣхать изъ Петербурга, отойти отъ того угара который стоялъ въ воздухѣ... Ну, слушайте же... Въ восемь часовъ вечера я отправилъ вещи съ человѣкомъ на вокзалъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ... Слушайте. О чемъ вы думаете?.. Должно быть въ половинѣ девятато прошелъ я по Малой Морской и, подходя къ Исаакіевской площади, внезапно заторопился какъ иногда бываетъ передъ отъѣздомъ... Показалось мнѣ что на вокзалѣ будетъ легче чѣмъ на улицѣ, потому что вокзалъ уже не городъ... И прогулка не успокаивала мнѣ нервовъ. Я сталъ нанимать извощика и въ это время почувствовалъ что меня ударяютъ сзади по плечу. Оглянулся, князь Владиміръ Андреевичъ. „Прошу васъ зайти ко мнѣ, я долженъ съ вами переговорить", сказалъ онъ... Встрѣча съ нимъ мнѣ понравилась... Понимаете, я именно такъ долженъ выразиться: понравилась, а не обрадовала... Почему, не знаю. Я ему объяснилъ что тороплюсь на поѣздъ, но онъ настоялъ, и я пошелъ за нимъ. Я всегда видѣлъ отъ него только хорошее... я долженъ былъ исполнить его желаніе... Наконецъ, такъ повелѣвала судьба. Ей нужна была смерть князя, а то бы зачѣмъ она ухватилась за меня. Не я, такъ другой, но я подвернулся. О! Не воображайте что я хочу оправдаться. Я только разсуждаю... Итакъ, я вошелъ вмѣстѣ съ нимъ... Я прошелъ мимо швейцара съ поднятымъ воротникомъ... Самъ я этого не помнилъ бы, но въ газетахъ такъ было сказано... Какъ странно потомъ было читать въ газетахъ. Совсѣмъ такое чувство какъ будто видишь трупъ... То что̀ произошло было живо, понимаете, а все написанное мертво... Сравниваешь, и жутко дѣлается... Ну вотъ, вошли мы въ квартиру... Князь самъ захлопнулъ за мною дверь... Ага! Вы теперь слушаете... Я нацѣпилъ пальто на вѣшалку и пошелъ за княземъ въ кабинетъ... Прямо говорю, чувствовалъ я себя не хорошо... Я видѣлъ что старикъ недоволенъ чѣмъ-то, и это меня сердило... Вы знаете какой я прежде былъ бѣшеный. Вспылю и вдругъ ничего не вижу, туманъ передъ глазами, а въ рукахъ сила удваивается... Въ прошлый разъ вы потому все угадали что посмотрѣли на мои пальцы... Я такъ понялъ... Ну, начинается разговоръ... Старикъ спрашиваетъ меня, извѣстно ли мнѣ о связи его племянника съ женой Пармена... Я-то при

чемъ! А? я-то! Злоба меня взяла. Я отвѣтилъ что до этихъ гадостей мнѣ нѣтъ дѣла... А онъ все допрашиваетъ и смотритъ на меня такъ словно я лгу... Все труднѣй и труднѣй мнѣ было... Тутъ я впервые узналъ отъ него что Парменъ тянетъ деньги съ Николая... И вдругъ, понимаете, слова: „А на чей счетъ вы ѣдете за границу...“ Ни терпѣнія, ни сознанія, ни жизни моей больше не стало... Я закричалъ: „врешь, негодяй“, а онъ показалъ мнѣ на дверь... Руки у меня сами такъ и бросились впередъ, схватили его шею. Я въ ту минуту не могъ не убить, и я убивалъ, именно не *убилъ*, а какъ-то *убивалъ*, различая каждую секунду, каждую частицу своего преступленія... И потомъ, вдругъ, когда я его отпустилъ и онъ упалъ, одной секунды было достаточно чтобы я понялъ весь ужасъ. Я рванулся вонъ... Узналъ я что дверью зашибъ Андрюшу... Потомъ узналъ все изъ газетъ... Тогда я ничего не слышалъ и не видѣлъ... Пальто я надѣлъ, поднялъ воротникъ и вышелъ въ вестибюль. Вотъ когда на меня налегло все сознаніе и такое тяжелое спокойствіе, словно я хлороформа надышался... Вѣроятно, я самою естественною походкой прошелъ мимо швейцара и вышелъ на улицу.. По улицамъ я шелъ, шелъ все быстрѣй и быстрѣй, съ какимъ-то ужасомъ позади себя... Вы думаете, мнѣ пришло въ голову что я долженъ отправиться въ полицію и во всемъ признаться? Нѣтъ. Ни на одинъ мигъ. Я только о томъ и думалъ что я спасенъ, что никто не знаетъ... Да... Вотъ не помню я гдѣ нанялъ извощика... На вокзалъ я поспѣлъ за полчаса до отхода поѣзда... А въ Гатчинѣ, знаете, нашъ поѣздъ осматривали, заглянули во всѣ паспорта... Очевидно, по телеграмѣ убійцу искали... Мальчика! Усовъ моихъ не видѣли... Ну что̀ потомъ? А? Разказать? А вы не думаете что нужно тринадцать лѣтъ чтобы разказать эти тринадцать лѣтъ? Два года прожилъ въ Кёнигсбергѣ... Все казалось что лучше быть поближе чтобы вернуться... потому что мнѣ хотѣлось вернуться, да смѣлости не было... Не суда я боялся, не ссылки, а того ужаса который я позади себя оставилъ... Понимаете?.. А потомъ я самъ себя убоялся... Уѣхалъ подальше... Да что̀ вамъ въ прошломъ, когда оно все привело къ тому что я вернулся! Я больше такъ жить не могу. Я чувствую что долженъ расплатиться... Тринадцать лѣтъ дробилъ я свое страданіе, и всетаки оно осталось такимъ же большимъ и тяжелымъ. Я работалъ чтобы жить... былъ переводчикомъ, носильщикомъ, рудокопомъ, кондукторомъ... Но всегда и вездѣ я чувствовалъ себя

преступникомъ... Теперь я вамъ все разказалъ... Что же для меня вы избираете, судъ или самоубійство? Я хочу суда... въ самомъ дѣлѣ... Меня будутъ судить... Выяснится что я не политическій преступникъ... Давность выручитъ... а потомъ можно и застрѣлиться? А?

Илліодоръ Ѳедоровичъ постарался засмѣяться, но только смѣха у него не вышло.

— Я выслушалъ васъ, сказалъ Александръ Сергѣевичъ,— и я думаю что вамъ нѣтъ бóльшаго наказанія какъ безнаказанность. Я бы хотѣлъ чтобы вы ушли... Уйдите, Илліодоръ Ѳедоровичъ.. Уйдите, я васъ больше видѣть не могу.

Рыбовскій всталъ.

— Прощайте. Какъ вы полагаете, проще всего заявить полиціи?..

— Проще всего, подтвердилъ Хрустовъ и равнодушно посмотрѣлъ вслѣдъ уходящему Илліодору Ѳедоровичу.

„Развѣ не все равно!“ подумалъ онъ, когда остался одинъ. „Нужно ли мнѣ чтобы убійца понесъ наказаніе?.. Нужно ли это кому-нибудь теперь когда мигъ злодѣянія разбавился долгими годами и когда кара была бы только мщеніемъ“.

Онъ позвонилъ. Появился курьеръ Семеновъ.

— Мнѣ тебя и надо, старикъ, сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—послушай, вѣдь ты служилъ при князѣ Могиловѣ-Стольномъ когда его убили?

— Такъ точно, отвѣтилъ курьеръ съ явною тоской,— заснулъ я тогда... попустилъ Господь...

— Знаю, знаю... Не въ этомъ дѣло... Вотъ что̀, говорятъ убійца нашелся.

Семеновъ очень спокойно отнесся къ этому извѣстію.

— Понимаешь, нашелся... Его будутъ судить...

Курьеръ махнулъ рукой.—Его сіятельство князь Владиміръ Андреевичъ поди теперь сами забыли что ихъ убили... На што намъ теперь убійца... Лучше бы такого доктора найти который бы вылечилъ князька бѣдненькаго.

У старика въ голосѣ послышались слезы.

— Вѣрно, со вздохомъ произнесъ Алексъ,— иди, братецъ...

Въ дверяхъ Семеновъ едва не столкнулся съ Андреемъ Андреевичемъ.

— Александръ Сергѣевичъ, директоръ васъ проситъ. Онъ въ моей комнатѣ... Сегодня вечеромъ панихида, завтра присяга.

— Панихида!

Молча экзекуторъ кивнулъ съ глубокою печалію на лицѣ. Алексъ опустилъ глаза безмолвный. Нѣсколько беззвучныхъ секундъ пронеслось.

Перекрестившись, Александръ Сергѣевичъ сказалъ: — Идемте.

Семеновъ отошелъ въ сторону на одинъ шагъ. Проходя мимо него, Хрустовъ замѣтилъ что лицо старика искажено плачемъ.

Болѣзненно дрогнуло его сердце, словно онъ увидѣлъ горе цѣлаго народа, плачъ безыменной толпы, отблескъ того вдохновенія въ страданіи которымъ создается нравственная мощь Руси.

Кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ).

НАСМѢШКА.

РАЗКАЗЪ.

VIII *).

Антипъ Егоровичъ шелъ домой пѣшкомъ... Ему было душно... Онъ распахнулъ свою енотку, на этотъ разъ нисколько не заботясь о томъ что можетъ простудиться, и даже сдвинулъ немного свою шапку со лба на затылокъ. Онъ привыкшій всегда не только въ наукѣ, но и по отношенію къ самому себѣ, къ вопросамъ: какъ, отчего и почему, теперь совершенно позабылъ о своей привычкѣ и не хотѣлъ допытываться отчего ему такъ хорошо на душѣ. Смутное сознаніе, впрочемъ, какъ бы противъ воли подсказывало ему отчего это, и неизмѣнно всякій разъ вставала тогда въ его глазахъ Лидія Сергѣевна, и онъ пріятно улыбался, пріятно по тому что какъ будто и онъ еще на что то годенъ въ жизни, въ жизни сердца и чувствъ, и можетъ играть роль. Особенно эта увѣренность въ себѣ явилась въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ „этотъ милый Незвановъ" высказалъ совершенно вѣрное положеніе что женщинѣ вовсе не нужны красота и молодость, а только душа и умъ, правда, умъ не холодный, не пропитанный всецѣло одною наукой, какой, казалось Антипу Егоровичу, былъ у него, но вѣдь это до поры до времени, вѣдь это было такъ оттого что не хотѣлъ видѣть ничего достойнаго ума и его движеній въ окружающей жизни... А теперь? О, теперь дѣло другое... Антипъ Егоровичъ даже самъ себѣ удивляется откуда у него берется такая энергія, такая потребность жить. Онъ поражается какъ онъ ранѣе могъ переносить свою прошлую, жал-

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, апрѣль, 1901 г.

кую жизнь, не находя въ ней ничего смѣшнаго. Онъ бодро вошелъ къ себѣ на четвертый этажъ, весело окликнулъ сонную Марѳу отворившую ему дверь и вступилъ въ свою спальню. Она показалась ему почему-то особенно неуютною, холодною, а душа Антипа Егоровича ждала ласки, теплаго слова; ему хотѣлось высказаться хоть кому-нибудь какъ хорошо у него на душѣ...

— Марѳуша, ты уже спишь? изъ спальни окрикнулъ кухарку Антипъ Егоровичъ...

— Легла, а что̀ вамъ?..

— Такъ, ничего!.. Не нужно!..

Зло его взяло на Марѳу. Могла бы, кажется, подождать ложиться... Нѣтъ, какъ повалилась, такъ и захрапѣла... Фу, какая грязная баба!.. Съ завтрашняго же дня перемѣню съ ней обращеніе, подумалъ Антипъ Егоровичъ и легъ въ постель.

Такъ шли дни за днями... Антипъ Егоровичъ чувствовалъ себя совсѣмъ инымъ человѣкомъ, словно переродился. Утромъ вставалъ съ сладкою мыслію о Лидіи Сергѣевнѣ, вечеромъ засыпалъ полный мечтаній о ней. Нужды нѣтъ что ему въ продолженіе цѣлой недѣли не пришлось видѣть ее; онъ не только не досадовалъ на это, но какъ будто нарочно избѣгалъ свиданій, боясь, именно боясь разрушить свои илюзіи относительно ея, быть можетъ, ни на чемъ не основанныя, какъ иногда подсказывало ему смутное сознаніе которое, впрочемъ, тотчасъ же стушевывалось, когда онъ вспоминалъ ея ласковую улыбку и слова въ театрѣ, „хорошія слова“, какъ онъ привыкъ называть ихъ.

Съ удовольствіемъ замѣчалъ Антипъ Егоровичъ разительныя многія перемѣны въ своихъ привычкахъ и отношеніяхъ къ людямъ. Время между вечернимъ чаемъ и ужиномъ онъ не проводилъ уже, какъ прежде, въ безконечныхъ разговорахъ со своею Марѳой, передававшею ему различныя новости ихъ околотка, стараясь вездѣ и во всемъ относиться къ ней не болѣе какъ къ прислугѣ, и только. Онъ сталъ тщательнѣе заботиться о чистотѣ своего костюма и началъ мѣнять по два раза въ недѣлю бѣлье, прежде отъ бани до бани мирно облекавшее его члены, изрѣдка любилъ посматривать въ зеркало, находя что его лобъ и глаза очень рѣзко говорятъ объ умѣ.

Прежняя, нерѣдко проявлявшаяся въ немъ, придирчивость совершенно исчезла въ Антипѣ Егоровичѣ: къ студентамъ онъ былъ ласковъ и добръ до неузнаваемости, снисходитель-

но сталъ смотрѣть на ихъ „фантазіи“, а иногда и прямо упущенія въ занятіяхъ, что̀ конечно не могло ускользнуть отъ молодыхъ пытливыхъ глазъ его питомцевъ и, пробуждая въ нихъ любопытство, находило разгадку этого въ томъ что Антипъ Егоровичъ влюбленъ; впрочемъ, послѣднему обстоятельству способствовали и нѣкоторые намеки, вскользь брошенные Незвановымъ который послѣ вечера въ театрѣ вступилъ съ Антипомъ Егоровичемъ въ шутливо-дружескія отношенія, на что̀, однако, лаборантъ и не думалъ претендовать, такъ какъ самая личность Незванова, какъ что-то напоминавшее о „ней“, была ему несказанно пріятна. Съ особенною тщательностію и усердіемъ трудился Антипъ Егоровичъ надъ изслѣдованіемъ желтаго песка долженствовавшаго изображать изъ себя охру; онъ поскорѣй хотѣлъ придти къ желаннымъ результатамъ, передать ихъ Ломанову и тѣмъ имѣть случай увидѣть Лидію Сергѣевну.

Съ Незвановымъ, однако, онъ избѣгалъ говорить о „ней“, пока наконецъ самъ Незвановъ не вызвалъ его на разговоръ, спросивъ почему Антипъ Егоровичъ не показывается къ Ломановымъ.

— Да, вотъ, все еще не могу получить результатовъ хорошихъ объ охрѣ.

— Бросьте вы эту охру... Все дѣло выѣденнаго яйца не стоитъ... Видно, вы еще не успѣли раскусить моего почтеннаго дядюшку; вѣдь онъ больной человѣкъ, право, больной! Охра одинъ изъ пунктовъ его помѣшательства который, впрочемъ, начинаетъ у него проходить. Теперь онъ бредитъ другимъ; возмнилъ себя поэтомъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ говоритъ экспромты... Вы не слыхали ихъ?.. Любопытно! Стоитъ послушать... Сходите; тѣмъ болѣе что Лидія Сергѣевна спрашивала про васъ...

— Какъ-нибудь непремѣнно соберусь...

— Да, что какъ-нибудь! Приходите сегодня, и я тамъ буду.

— Съ удовольствіемъ... Въ которомъ часу?..

— Богъ мой, въ которомъ!? Конечно, не ранѣе восьми.

Антипъ Егоровичъ ровно въ восемь часовъ звонился у подъѣзда квартиры Ломановыхъ; онъ немного растерялся при входѣ въ залѣ: у Ломановыхъ были гости. Но Незвановъ находившійся въ числѣ нихъ быстро взялъ лаборанта подъ свое покровительство. Лидія Сергѣевна дружелюбно улыбнулась Антипу Егоровичу, мило протянула ему свою маленькую ручку и проговоривъ: „Наконецъ-то!“ попросила его садиться...

— Такъ вотъ-съ, продолжалъ Ломановъ разговоръ прерванный приходомъ Антипа Егоровича, — они это всѣ тамъ невозможнѣйшія, длиннѣйшія рѣчи говорятъ о благѣ, о пользѣ отечеству, о святомъ назначеніи земскихъ начальниковъ и такъ далѣе, а я, просто вдохновеніе озарило, всталъ, поднялъ бокалъ и говорю:

Вы всѣ, кто за обѣдомъ здѣсь!..
Бокалъ съ виномъ я выпью весь
Чтобъ вѣчно, вѣчно процвѣтало
Дворянское начало...

Такъ, вѣрите ли, всѣ такъ оживились послѣ этихъ сонныхъ рѣчей, такіе раздались аплодисменты, и отовсюду кричатъ: „Еще, еще! Скажите еще что-нибудь!“. Погодите, говорю, господа! Вѣдь нельзя же вамъ такъ сразу цѣлую поэму! Однако, минутъ черезъ десять встаю снова и говорю:

Мы много ѣли, много пили...
И я скажу экспромптъ по силѣ...
Бокалы выпьемъ до конца
За губернатора-отца...

Онъ, положимъ, хотя и не отецъ губерніи, и даже совсѣмъ наоборотъ, ну, да, понимаете, для риѳмы, даже пальцами прищелкнулъ Ломановъ.—Губернаторъ цѣловать меня бросился; всегда, говоритъ, зналъ что ты умная, золотая голова. А предводитель такъ тотъ прямо говоритъ: „Да ты, Ломановъ, краса губерніи! Поэтъ, чортъ тебя возьми!“ Pardonez, mesdames! Я подлинныя слова предводителя передаю; онъ грубъ немножко...

— Да у васъ, право же, есть талантъ!.. вставила свое замѣчаніе полная дама, лѣниво, въ лорнетъ посматривая по сторонамъ.

— Талантъ или нѣтъ, не знаю... Но, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ минуты-съ вѣдь сказано, подъ вліяніемъ вдохновенія!.. А то сидитъ, сидитъ другой, думаетъ, думаетъ недѣлю и напишетъ стихотвореньице, правда, недурное, и риѳма есть, и мысль... Такъ вѣдь подумавши-то всякій напишетъ!.. А ты, вотъ, прямо

„Лови минуты вдохновенья“...

Эхъ, риѳму на „енье“?!..

— А завтра воскресенье, докончилъ за него Незвановъ.

— Вотъ, вотъ, прекрасно!.. Видишь, и у тебя есть этотъ

даръ. Такъ-то, Антипъ Егоровичъ!.. Ну, а какъ у васъ съ охрой?

— Да пока еще конечныхъ результатовъ не имѣю.

— Ничего, ничего, работайте! Мнѣ теперь не до нея. По случаю выборовъ у насъ каждый день обѣды, собранія... И главное, господа, вѣдь всѣ такъ разлакомились на мои экспромиты что каждый обѣдъ пристаютъ: „Ломановъ, что же стихи?"... Просто хоть изъ депутатовъ выходи вонъ!

Между тѣмъ Незвановъ не отходившій отъ Антипа Егоровича позвалъ его покурить въ кабинетъ.

— А то здѣсь при дамахъ не полагается, добавилъ онъ уводя его.—Ну-съ, что же, какъ вамъ нравятся стихи моего дядюшки?

— Вы это какъ, серіозно? недоумѣвалъ Антипъ Егоровичъ.

— Совершенно серіозно! Хорошіе стихи!.. Замѣчаете какъ всѣ одобряютъ! И вы одобряйте, потому что вѣдь дядюшка хорошій человѣкъ. Даже Непрядвинъ и тотъ одобряетъ; онъ ему головой тактъ стиха выбиваетъ. Такъ и вы!

Докуривъ папиросы, они вернулись въ гостиную. Слуга вошелъ и доложилъ что чай поданъ. Все общество стало переселяться въ столовую, и передъ входомъ въ нее Лидія Сергѣевна оказалась около Антипа Егоровича.

— Садитесь около меня, мы поболтаемъ! проговорила ему барышня.

На одномъ концѣ стола, окружая Ломанова говорившаго все новые и новые экспромиты подъ вліяніемъ накатившаго на него вдохновенія, размѣстились болѣе почетные гости, между которыми оказался и Непрядвинъ, высокій блондинъ съ умными сѣрыми глазами, весело и бойко смотрѣвшими вокругъ и, казалось, безмолвно говорившими о томъ отрадномъ впечатлѣніи какое производятъ на душу ихъ владѣльца Ломановскіе экспромиты. На другомъ концѣ, ближе къ самовару, усѣлись Лидія Сергѣевна, Антипъ Егоровичъ и Незвановъ.

— Антипъ Егоровичъ, какъ вамъ нравятся папины стихи? начала Лидія Сергѣевна.

Антипъ Егоровичъ сконфузился какъ всегда, когда къ нему обращалась съ вопросами Лидія Сергѣевна и, усердно выжимая ложечкой сокъ изъ куска лимона бывшаго въ его стаканѣ, проговорилъ:

— Мнѣ нравятся... Хорошіе стихи!..

— Господи! Какъ это скучно! вдругъ капризно, чуть не

заплакавъ, воскликнула барышня.—Всѣ лгутъ и лгутъ! И вы тоже?!..

Эти слова „и вы тоже" вышли у нея такъ превосходно, въ голосѣ ея слышалось такое безысходное отчаяніе и горькое разочарованіе что Антипу Егоровичу до глубины души стало жаль ея. Но Незвановъ помѣшалъ этому печальному настроенію, вмѣшавшись въ ихъ разговоръ.

— Конечно, прекрасные стихи!.. Вѣдь это вамъ, сестрица, они не нравятся потому что вы ничего не понимаете въ поэзіи.

— Молчите, Сержъ! Вы знаете что я сегодня зла и могу отодрать васъ за уши.

— Пожалуйста!

И Незвановъ наклонилъ къ ней свою кудрявую голову.

— Отстаньте! Я не хочу съ вами связываться! Антипъ Егоровичъ, вы кончили чай? Пойдемте отсюда и предоставимъ болѣе умнымъ людямъ наслаждаться поэзіей.

Она встала, и Антипъ Егоровичъ съ Незвановымъ послѣдовали за ней.

— Хотите, я вамъ спою что-нибудь, обратилась къ лаборанту Лидія Сергѣевна придя въ гостиную и садясь за рояль.

— Пожалуйста...

— Вы что-нибудь изъ „Фауста", сестрица, вмѣшался Незвановъ.—Вотъ, напримѣръ;

Какъ хороши его манеры,
Какъ онъ хорошъ собою!..

— Ужь не вамъ ли это пѣть? усмѣхнулась Лидія Сергѣевна.—Нѣтъ, спою изъ „Фауста", но другое...

И она начала арію Зибеля:

Прежде, когда тебѣ жилось беззаботно...

Голосъ у Лидіи Сергѣевны былъ небольшой. Но она умѣла пѣть и вкладывала въ слово столько чувства что Антипъ Егоровичъ сидѣлъ очарованный.

Какъ стебель два цвѣтка соединяетъ,
Такъ наши тѣсно связаны сердца,

пѣла Лидія Сергѣевна и такъ нѣжно, ласково посмотрѣла на Антипа Егоровича что ему даже неловко стало.

„Господи! Что̀ она дѣлаетъ? При другихъ!?.. Совсѣмъ не можетъ сдерживать себя", думалъ онъ, а между тѣмъ ему

было сладко и пріятно на душѣ, что-то твердило ему: „Любитъ, любитъ тебя!"

На голосъ Лидіи Сергѣевны въ гостиную вошелъ Непрядвинъ. Когда она кончила, Непрядвинъ подошелъ къ ней:

— Съ какимъ чувствомъ вы это пропѣли! Какъ трогательно! Антипъ Егоровичъ даже умилился...

— Вѣдь мы вамъ не мѣшаемъ умиляться стихами папà... Не мѣшайте же и вы намъ...

— Что̀ это? Намекъ на то чтобы я ушелъ? Извольте! А что касается стиховъ, то они были всегда моей слабостію; Антипъ Егоровичъ первый даже открылъ во мнѣ это. Когда я былъ студентомъ, онъ мнѣ болѣе тройки никогда не ставилъ и называлъ меня поэтомъ и фантазеромъ за то что я искалъ всегда чего-то новаго, не шаблоннаго въ наукѣ. Я былъ у него на самомъ дурномъ счету. Хорошо еще что Свирѣповъ не повѣрилъ ему, а то бы не видать мнѣ каѳедры какъ своихъ ушей безъ зеркала... Видите, Антипъ Егоровичъ, какъ иногда и умные люди ошибаться могутъ. Вы всегда все чувствительное осмѣивали, а теперь... Впрочемъ, не мое дѣло! Меня ждутъ партнеры въ винтъ.

И дѣланно поклонившись Непрядвинъ вышелъ.

Незвановъ еще въ самомъ началѣ словъ Непрядвина куда-то исчезъ, и Антипъ Егоровичъ остался въ гостиной наединѣ съ Лидіей Сергѣевной. Онъ молчалъ. Слова Непрядвина больно задѣли его. А что̀ онъ могъ отвѣтить?.. Вѣдь это правда! Отъ слова до слова правда! И этотъ мальчишка, его же питомецъ, можетъ не только такъ говорить съ нимъ, онъ даже имѣетъ право сдѣлать ему выговоръ какъ высшій, какъ профессоръ, ему не представлявшему изъ себя ничего выдающагося, бывшему не болѣе, не менѣе какъ лаборантомъ. Антипъ Егоровичъ чуть не заплакалъ: такъ жаль ему стало самого себя.

Лидія Сергѣевна подошла къ нему и спросила:

— Антипъ Егоровичъ, о чемъ вы задумались?

— Такъ, ничего...

— Какъ ничего?.. Вы поблѣднѣли!.. Васъ Непрядвинъ обидѣлъ? Не обращайте вы на него вниманія. Онъ всегда такой злой и насмѣшливый. Ну, взгляните повеселѣй, ну! уже шутливо добавила она и положила ему на плечо свою руку.

Антипъ Егоровичъ не помнилъ себя, не зналъ что̀ дѣлается съ нимъ. Онъ дрожащими руками схватилъ эту маленькую

бѣлую руку, всю унизанную кольцами и прижалъ ее къ своимъ губамъ.

Лидія Сергѣевна растерялась. Она не ожидала этого. Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги Незванова. Она быстро высвободила свою руку и пересѣла къ роялю.

— Ну, дядя превосходитъ самого себя. Просто удивительно! началъ Незвановъ входя.—Онъ даже въ винту объявленіе стихами говоритъ. Послушайте:

Итакъ, играемъ мы три пики..
У насъ ихъ есть запасъ великій!.

— Поэтъ, совсѣмъ поэтъ!..

Антипъ Егоровичъ не находилъ словъ. Разговоръ не клеился. Лаборантъ поднялся и сталъ прощаться.

— Вы уже уходите?! Смотрите же, не забывайте насъ! И Лидія Сергѣевна протянула ему руку.

— Что это за торжественное молчаніе царило между вами, когда я вошелъ, спросилъ Незвановъ у Лидіи Сергѣевны по уходѣ Антипа Егоровича.

— Ахъ, онъ какой-то странный! Вообразите, Сержъ, онъ поцѣловалъ у меня руку.

— Ну! Я не ожидалъ отъ него такой прыти. Это почему же?

— Видите, Непрядвинъ обидѣлъ его, онъ задумался. Мнѣ стало его жаль, я подошла, стала его успокаивать и положила свою руку къ нему на плечо, а онъ...

— Такъ, перебилъ ее Незвановъ,—а онъ принялъ ничего-незначущій жестъ вашего кокетства за искренній порывъ. Въ любви еще не объяснился?.. Впрочемъ, я должно быть, помѣшалъ... Извините...

И Незвановъ расхохотался...

— Да, вамъ, Сержъ, смѣшно...

— А развѣ это не смѣшно, сестрица?. Сошлись два ученые мужа, одинъ молодъ и золъ, другой старъ и кислъ; оба влюбились въ одну и ту же дѣвицу; дѣвица душевно расположена къ молодому, но сердится на него и выказываетъ внѣшнимъ образомъ свои симпатіи старому. Старый, до сѣдыхъ волосъ сохранившій невинность сердца, вѣритъ этому, влюбляется все болѣе и болѣе и даже цѣлуетъ у дѣвицы ручку, чего еще молодой себѣ не позволялъ... Впрочемъ, я не знаю, можетъ быть...

— Сержъ, не говорите глупостей!

— Готовъ, сестрица... Такъ какъ всѣ влюбленные бываютъ глупы до чрезвычайности, то молодой, видя симпатіи выказываемыя дѣвицей старому, вѣритъ этому, ревнуетъ и желаетъ какъ-нибудь и гдѣ нибудь поддѣть стараго, и такъ какъ онъ чиномъ выше, то и находитъ исходъ своей злости въ служебныхъ отношеніяхъ. Все обстоитъ благополучно, и скоро дѣвица будетъ съ молодымъ ходить вокругъ аналоя, а старый вернется къ своимъ приборчикамъ...

— Сержъ, знаете что̀?..

— Что̀, сестрица!

— Вы нехорошій человѣкъ...

— Охотно вѣрю, сестрица, и радуюсь этому, потому что вѣдь хорошимъ человѣкомъ быть глупо... Вотъ вамъ Антипъ Егоровичъ, хорошій человѣкъ, а развѣ онъ для васъ пріятнѣе меня? Бьюсь объ закладъ что нѣтъ. Непрядвинъ нехорошій человѣкъ, а посмотрите, какъ всѣ безъ ума отъ него. Мораль: будь уродомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нехорошимъ, а, главное, злымъ и умнымъ человѣкомъ, и благо тебѣ будетъ!.. Ну, однако мнѣ пора. Еще въ одно мѣсто нужно заѣхать.

Незвановъ ушелъ. Лидія Сергѣевна осталась одна. Она взглянула невольно на кресло гдѣ сидѣлъ Антипъ Егоровичъ и не могла не улыбнуться: такъ смѣшна была его фигура, когда онъ цѣловалъ у ней руку... Она открыла крышку рояля и заиграла бравурный вальсъ...

IX.

Антипъ Егоровичъ, выйдя отъ Ломановыхъ, долго проблуждалъ по безлюднымъ улицамъ. Ему пріятно было сознаніе что онъ любитъ, онъ теперь увѣрился въ этомъ, да и она относится къ нему хорошо, искренно хорошо... Онъ не хотѣлъ говорить себѣ что любимъ. Къ чему? И безъ этого сознанія ему хорошо, такъ хорошо на душѣ, какъ никогда не бывало. Развѣ, вотъ, слова Непрядвина накидывали мимолетную тѣнь на его хорошее настроеніе. И Антипъ Егоровичъ сталъ допытываться почему вдругъ Непрядвинъ такъ раздражительно сталъ относиться къ нему, и улыбка, улыбка самодовольства невольно появилась на губахъ Антипа Егоровича...

„Да, Непрядвинъ ревнуетъ! Правда, ревнуетъ“, подумалъ

онъ, и ему стало такъ весело что, не будь онъ на улицѣ, кажется, готовъ былъ бы пуститься въ плясъ... „Ревнуетъ!.. Ко мнѣ! Къ лаборанту?!. Професоръ! Ха! Ха! Ха!“ Антипъ Егоровичъ залился злобнымъ, нехорошимъ смѣхомъ. Въ этомъ смѣхѣ звучало все: и злоба, и мелкое тщеславіе, и самолюбіе которое долго оставалось неудовлетвореннымъ. „Ревнуй себѣ, играй въ карты, а мы будемъ ручки цѣловать, и ручки эти у насъ не отнимаютъ, да!..“ Антипъ Егоровичъ даже засеменилъ какими-то мелкими шажками, какъ будто старался выдѣлывать особенныя „па“ своего собственнаго изобрѣтенія. Необыкновенно счастливый и довольный, пришелъ онъ къ себѣ на квартиру, ущипнулъ голую, полную руку Мареы отворявшей ему дверь, легъ въ постель и заснулъ, не переставая блаженно улыбаться.

Прошло дня четыре съ этого вечера. Шестая недѣля поста приближалась къ концу, и Антипъ Егоровичъ, заботясь о томъ чтобы новое весеннее пальто поспѣло къ празднику, по окончаніи лабораторныхъ занятій отправился однажды къ портному. Не успѣлъ онъ, пройдя нѣсколько переулковъ, выйти на главную, аристократическую улицу города N-ска, какъ навстрѣчу ему изъ одного переулка вышли Непрядвинъ и Лидія Сергѣевна. Они очень оживленно о чемъ-то разговаривали. Непрядвинъ, видимо, былъ не въ духѣ, а Лидія Сергѣевна необыкновенно обрадовалась, увидавъ Антипа Егоровича и, подавая ему руку, проговорила Непрядвину:

— Monsieur Непрядвинъ, я больше не буду злоупотреблять вашею любезностію; надѣюсь что Антипъ Егоровичъ будетъ такъ добръ довести меня до дому.

И она кивнула головой Непрядвину который, приподнявъ шляпу, отошелъ отъ нихъ.

— Несносный человѣкъ!.. продолжала Лидія Сергѣевна, обращаясь къ Антипу Егоровичу.- Онъ четверть часа читалъ мнѣ нотаціи. Считаетъ, видите ли, себя онъ очень умнымъ человѣкомъ. Вы не повѣрите какъ я обрадовалась вамъ, а то бы мнѣ пришлось еще добрыхъ полчаса выслушивать его разсужденія, такъ какъ не могу же я одна ходить по улицамъ, а онъ отправился гулять вмѣстѣ со мною. Вы извините, если я васъ задерживаю...

— О, помилуйте, наоборотъ, мнѣ очень пріятно... Я успѣю-съ, мнѣ къ портному...

Лидія Сергѣевна усмѣхнулась. Наступило молчаніе...

— Лидія Сергѣевна, вдругъ рѣшился Антипъ Егоровичъ,— вы не сердитесь на меня?..

— За что̀?

— А тогда у васъ я руку поцѣловалъ...

— Ну, вотъ что вы!.. Если бы сердилась, не пошла бы съ вами, кокетливо улыбаясь, проговорила она.

„Фу ты, чортъ“, внутренне торжествовалъ Антипъ Егоровичъ... „Этакое счастье валитъ... Ну, Антипъ не зѣвай!..“

— А вы думали что разсердилась?!

— Да какъ же съ... Дескать, съ какой стати старикашка глупый лѣзетъ съ поцѣлуями... А мнѣ тогда послѣ словъ Непрядвина такъ горько-съ было, а какъ вы то подошли, да руку на плечо положили, ласку-то вашу теплую я почуялъ, такъ мнѣ вдругъ хорошо и отрадно стало что я не могъ удержаться... Зарыдать былъ готовъ...

— Очень рада что могла вамъ доставить хорошія минуты. Дай Богъ и впредь вамъ побольше такихъ же минутъ. Вы хорошій... Однако, мы и до дома добрели незамѣтно, проговорила Лидія Сергѣевна, звоня у подъѣзда и протягивая Антипу Егоровичу свою руку:—до свиданья!..

И эта маленькая ручка изящно обтянутая шведской перчаткой крѣпко, крѣпко пожала красную толстую руку Антипа Егоровича.

Лидія Сергѣевна скрылась въ отворенной двери, а Антипъ Егоровичъ долго еще стоялъ передъ подъѣздомъ съ недоумѣніемъ оглядывая прохожихъ.

— Что̀, батюшка, буркала-то выпучилъ, людямъ дорогу загораживаешь, или не видишь? проворчала по его адресу толстая купчиха въ лисьемъ салопѣ, направлявшаяся къ вечернѣ въ ближнюю церковь.

Антипъ Егоровичъ посторонился и что-то бормоча про себя чуть не бѣгомъ пустился по улицѣ.

X.

Страстная недѣля въ этомъ году была ознаменована для Антипа Егоровича особеннымъ событіемъ: онъ говѣлъ, чего не дѣлалъ уже въ продолженіе десяти лѣтъ по недостатку времени и грѣховъ, какъ онъ шутливо заявлялъ отцу-діакону ближняго прихода, изрѣдка заходившему къ нему по вечерамъ

побесѣдовать о наукѣ и укорявшему Антипа Егоровича за неисполненіе христіанскихъ обязанностей.

— Что, или грѣховъ накопили, встрѣтилъ онъ Антипа Егоровича, когда послѣдній въ Великую среду съ испостившимся лицомъ подошелъ къ его столику для записи.

— Да, какъ видите...

— Должно быть, жениться собираетесь, а?..

— Можетъ быть, улыбнулся Антипъ Егоровичъ.

— Пора, пора... Благослови васъ, Господи. Не подобаетъ человѣку единому быти... Пожалуйте: батюшка свободенъ...

Антипъ Егоровичъ скрылся за ширмами на клиросѣ. Старичекъ священникъ, отецъ Нифонтъ, былъ строгъ и требователенъ къ овцамъ своего стада... Антипъ Егоровичъ вышелъ отъ него не скоро, весь красный и задумчивый...

„Справедливо батюшка разсуждаетъ", говорилъ про себя Антипъ Егоровичъ по дорогѣ домой. „Совсѣмъ въ животное обращаешься... И что въ этой Мароѣ?.. Толстая, грязная женщина... Тьфу!.. Развратъ и ничего больше!.."

Антипъ Егоровичъ, придя домой, былъ необыкновенно молчаливъ и задумчивъ, а на утро, возвратясь отъ обѣдни и едва успѣвъ выпить стаканъ чаю, онъ позвалъ къ себѣ Мароу...

— Вотъ что, Мароуша, нехорошо это... И батюшка говоритъ что нехорошо... Антипъ Егоровичъ сконфузился и не зналъ что нужно говорить дальше...—Однимъ словомъ, вдругъ собрался онъ съ духомъ,—я хочу чтобъ ты была только кухаркой... Понимаешь?!.

— Понимаю, Антипъ Егорычъ... Слушаю-съ!..

— Ну вотъ, а теперь ступай!.. Я прилягу...

Антипъ Егоровичъ не ожидалъ такого благопріятнаго оборота дѣла. „Умная женщина!" похвалилъ онъ Мароу, улыбнулся, насвисталъ даже что-то, но проговоривъ: „это грѣхъ!", легъ на диванъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени показалось ему думать. И онъ сталъ думать... Теплая, теплая комнатка, ласка любимой жены, ребятишки... на колѣна лѣзутъ, за бороду щиплютъ... Фу, какъ хорошо!.. Обѣдъ, вкусный, сытный обѣдъ, чистая скатерть, тарелки, все какъ слѣдуетъ, какъ въ домахъ хорошихъ, а не такъ, какъ у нихъ съ Мароой: грязь, нечистота... А тогда порядокъ, неизгладимые слѣды присутствія женщины, ея милыхъ рукъ. По вечерамъ:

„Прежде, когда тебѣ жилось беззаботно"...

Непрядвинъ же въ углу, вонъ тамъ Непрядвинъ, плачущій, злой, а Антипъ Егоровичъ на каѳедрѣ, онъ защитилъ диссертацію, читаетъ пробную лекцію, всѣ поражены имъ какъ долго скрывавшимся и наконецъ открыто явленнымъ міру геніемъ. Аудиторія полна, слышны рукоплесканія... И Антипъ Егоровичъ хранитъ, стараясь своимъ носомъ произвести нѣчто подобное этимъ, чудившимся ему, рукоплесканіямъ...

Вечеръ Великой субботы прошелъ особенно хорошо для Антипа Егоровича. Марѳа готовила пасхи и пекла куличи, а Антипъ Егоровичъ, надѣвъ новое только что принесенное отъ портнаго пальто, расхаживалъ по своимъ маленькимъ комнаткамъ, то и дѣло посматривая на себя въ зеркало и напѣвая „Христосъ Воскресе"... Къ свѣтлой заутренѣ онъ рѣшилъ идти въ приходъ къ которому принадлежали Ломановы чтобы лишній разъ увидать Лидію Сергѣевну и въ церкви поздравить ее съ праздникомъ. Видѣть Лидію Сергѣевну стало для него, особенно въ послѣдніе дни, необходимостію. Онъ даже по вечерамъ блуждалъ вблизи Ломановскаго дома, какъ мальчикъ, надѣясь въ окнахъ увидѣть хотя силуэтъ любимой женщины, и, если судьба ему въ этомъ благопріятствовала, онъ возвращался домой и засыпалъ счастливый. Новое пальто вышло на славу. Никогда прежде портной не сшилъ ему ни одной вещи такъ складно и красиво, а цвѣтъ драпа, темносиній, съ отливомъ „воронова крыла", необыкновенно нравился Антипу Егоровичу. Онъ даже нѣсколько подрѣзалъ свою патріархальную бороду, на что долго не соглашался Ѳедотычъ и только послѣ настоятельныхъ просьбъ и требованій Антипа Егоровича взялся за ножницы, благодаря которымъ Антипъ Егоровичъ сталъ много моложе съ вида.

Въ десять часовъ Антипъ Егоровичъ началъ уже одѣваться и къ одиннадцати былъ въ церкви помѣстясь у входа въ нее чтобы видѣть всѣхъ входящихъ богомольцевъ. Но напрасно Антипъ Егоровичъ напрягалъ свои взоры: Ломановы не показывались. Ему стало грустно... Торжественный напѣвъ „Христосъ воскресе" не такъ уже радостно и полно отзывался въ его сердцѣ, чего-то недоставало этому сердцу, и Антипъ Егоровичъ понималъ чего... До конца заутрени надежда увидѣть Лидію Сергѣевну не покидала его: можетъ быть они пришли ранѣе его чтобы занять лучшія мѣста, и лишь только кончилась заутреня, Антипъ Егоровичъ отправился осматривать всѣ уголки храма чтобы между рядами бѣлыхъ платьевъ и молодыхъ оживленныхъ лицъ подмѣтить одно лицо которое манитъ

и преслѣдуетъ его. Но всѣ поиски были напрасны: Ломановыхъ въ церкви не было.

Съ объятымъ грустью сердцемъ вернулся онъ къ себѣ на четвертый этажъ, похристосовался съ Мароой, послѣ чего брезгливо отеръ свои губы и невесело принялся разговляться.

На утро Антипъ Егоровичъ одѣтый въ новенькій сюртучекъ и свое замѣчательное пальто звонился у подъѣзда дома Ломановыхъ. Въ гостиной онъ засталъ Непрядвина и Лидію Сергѣевну.

— А что же вы христосоваться не хотите? задала ему вопросъ Лидія Сергѣевна, видя что Антипъ Егоровичъ, поздравляя, протягиваетъ ей руку...—„Христосъ воскресе!“ И она протянула къ нему свои кораловыя губки...

— „Воистину!“ весь покраснѣвъ и смѣшавшись отвѣчалъ Антипъ Егоровичъ, а Непрядвинъ, этотъ насмѣшливый Непрядвинъ, хитро улыбался въ бороду.

Антипъ Егоровичъ узналъ причину отсутствія Ломановыхъ въ церкви: они были въ соборѣ.

XI.

Пасха тянулась для Антипа Егоровича мучительно долго... Праздничные дни незанятые службой казались ему безконечно длинными, а тоскливое настроеніе увеличивалось еще тѣмъ что ему нигдѣ не пришлось встрѣтить Лидію Сергѣевну. Во время короткаго пасхальнаго визита она ничего не упомянула ему о томъ чтобы онъ навѣстилъ ихъ, а идти безъ зова Антипъ Егоровичъ не рѣшался, хотя сердце такъ страстно тянуло его къ ней.

Но наконецъ желаніе видѣть ее побѣдило его природную робость, и въ Ѳомино воскресенье Антипъ Егоровичъ робко подошелъ къ дому Ломановыхъ, въ окнахъ котораго виднѣлся необычайный свѣтъ. Къ немалому удивленію Антипа Егоровича дверь оказалась незапертою. Онъ поднялся по высокой, уставленной цвѣтами, лѣстницѣ, имѣвшей какой-то особенно парадный видъ, вошелъ въ переднюю и остановился пораженный. Прямо изъ передней были раскрыты двери въ громадный Ломановскій залъ, толпу гостей увидѣлъ Антипъ Егоровичъ, но не это такъ поразило его... Тамъ, дальше, въ углу, онъ увидѣлъ золотую ризу священника который съ доб-

рою кроткою улыбкой надѣвалъ кольца на руки Лидіи Сергѣевны и Непрядвина...

Антипъ Егоровичъ едва не потерялъ сознанія... Слезы, безсильныя, злыя слезы сжимали горло; въ глазахъ заходили зеленые, красные, фіолетовые круги, и Антипъ Егоровичъ машинально рукою искалъ опоры чтобы не упасть. Но разумъ и стыдъ что онъ является сюда незваный, непрошенный, сдѣлали свое дѣло. Онъ такъ же быстро, какъ и вошелъ, направился къ выходу, сбѣжалъ съ лѣстницы и почувствовалъ себя на улицѣ одинокимъ и никому ненужнымъ.

— Такъ вотъ какъ!.. безсвязно бормоталъ онъ.—Все была ложь!.. И эти „теплыя“ слова, и это крѣпкое пожатіе ручки!..

А сердце болѣзненно сжималось, и мучительно захотѣлось Антипу Егоровичу еще разъ, хотя на мгновеніе, почувствовать своею рукой это пожатіе.

— Никогда, никогда!.. глухо вымолвилъ онъ. Слезы, невольныя, глупыя слезы такъ и бѣжали изъ-подъ синихъ очковъ, струились по лицу и бородѣ, падали на новенькое пальто, но онъ ничего не замѣчалъ, а только шелъ, шелъ, стараясь въ физической усталости найти покой, отдѣлаться отъ тяжелой, неотвязной думы что все кончено, что всѣ его мечтанія были бредомъ, что онъ „фантазеръ!“ Онъ не замѣчалъ улицъ по которымъ шелъ, не сознавалъ что все дальше и дальше уходитъ отъ своей квартиры; только какая-то непонятная музыка вдругъ привлекла его вниманіе. Изъ открытыхъ оконъ трактира неслись печальные, захватывающіе душу звуки „Лучинушки“ наигрываемые машиной. Антипъ Егоровичъ словно сообразилъ что-то, ощупалъ рукой правый карманъ сюртука, здѣсь ли бумажникъ, и поспѣшно взбѣжалъ по трактирной лѣстницѣ.

Публика была праздничная...

— Водки! отрывисто приказалъ половому Антипъ Егоровичъ.

Уже первая рюмка одурманила его непривычнаго къ вину; вторая и третья докончили свое дѣло. Антипъ Егоровичъ грозно ударялъ кулакомъ по столу, произнося невнятныя слова, въ родѣ того: „Вотъ какъ!.. Осмѣяли!.. Прекрасно!.. Ха! Ха! Ха!.. Вы веселитесь, и я веселюсь... Ха! Ха! Ха!.. Ей, ты, барыня, присаживайся, раздѣли компанію, выпьемъ!“ лукаво подмигивая однимъ глазкомъ обратился онъ къ проходившей мимо разрисованной во всѣ цвѣта арфисткѣ.

Марѳа напрасно прождала своего барина цѣлую ночь. Только утромъ, часовъ въ семь, раздался рѣзкій порывистый звонокъ. Она поспѣшно выбѣжала и не узнала своего барина...

— Баринъ, милый, что съ вами? Гдѣ вы были?

— Гдѣ былъ, тамъ нѣтъ! Ха! Ха! Ну, скидавай пальто, да ужь потрудись и сапоги снять, потому что ночь веселился, а теперь спать хочу. Да, Марѳуша!..

Всѣ мущины, какъ мущины...
А вотъ дамы, тѣ шалятъ!..—

нараспѣвъ произнесъ Антипъ Егоровичъ, присѣлъ на стулъ и протянулъ Марѳѣ ноги.

— Баринъ, а гдѣ же калоша?

— Калоша?.. Какая калоша?..

— Да, вѣдь вы объ одной калошѣ. А гдѣ же другая?

— Ну, другая-то, должно быть, тю-тю! И вдругъ Антипъ Егоровичъ, словно что вспомнивъ, залившись слезами, прижался къ полной груди Марѳы и неутѣшно, какъ ребенокъ, зарыдалъ.

— Баринъ, баринъ, Антипъ Егоровичъ, что съ вами? Погодите, дамъ водицы испить...

— Не надо, не надо!.. Обидѣли меня, Марѳуша, жестоко обидѣли, кровно обидѣли!.. Надъ сѣдинами моими посмѣялись!.. И подѣломъ старому дураку!..

Антипъ Егоровичъ плакалъ все громче и громче, крѣпче и крѣпче прижимаясь къ Марѳиной груди, а старый другъ, любовно и кротко, красною мозолистою рукой гладилъ его по спинѣ, приговаривая: „Полноте, Антипъ Егорычъ!.. Все пройдетъ!.. Успокойтесь!“

Кое-какъ удалось Марѳѣ довести до кровати своего барина, и онъ, не раздѣваясь, тотчасъ же какъ легъ, заснулъ тревожнымъ, тяжелымъ сномъ.

Проснулся онъ поздно. Тихій и ароматный, безшумный весенній вечеръ уже надвигался, когда Антипъ Егоровичъ, поднявшись съ постели, подошелъ къ окну выходившему въ старый, тѣнистый университетскій садъ, открылъ его и присѣлъ на подоконникъ, съ жадностію вдыхая въ себя свѣжій воздухъ. Что-то неопредѣленное, но тоскливое и обидное закопошилось въ его груди... Ему жаль стало себя, досадно было на что-то, хотѣлось плакать или подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своею тоской, своимъ горемъ, никому невысказаннымъ

до сихъ поръ, но которое требовало изліяній, проспло ихъ. Онъ заходилъ по своей полутемной спальной, заглянулъ даже въ кухню, гдѣ Марѳа, измученная безсонною ночью, сладко храпѣла, навѣрно совершенно забывъ про обиды нанесенныя ея барину.

„Не ей же все разказывать,“ подумалъ Антипъ Егоровичъ... „И давича-то къ чему разрюмился... Глупой бабѣ выливаться вздумалъ“...

Онъ устремился въ переднюю, наскоро одѣлся и вышелъ на улицу.

— Только бы не направо, только бы не направо, упрямо повторялъ онъ про себя, боясь что ноги невольно приведутъ его къ Ломановскому дому...

Выйдя изъ воротъ, онъ круто повернулъ налѣво въ первый попавшійся ему на глаза переулокъ.

XII.

Въ этомъ переулкѣ былъ домъ Свирѣпова. Антипъ Егоровичъ несказанно обрадовался сообразивъ что Свирѣповъ теперь дома...

— Да, да, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, бормоталъ онъ про себя.—Сейчасъ же зайти и покончить со всѣмъ этимъ...

Слуга вышедшій отворять дверь на вопросъ Антипа Егоровича: „дома ли баринъ?“ отвѣчалъ что „они только что взяли ванну и кушаютъ вечерній чай у себя въ кабинетѣ“.

— Доложи! коротко приказалъ Антипъ Егоровичъ.

Черезъ минуту онъ уже входилъ въ кабинетъ Свирѣпова. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ кабинетъ. Онъ не походилъ на кабинетъ професора, извѣстнаго чуть ли не всему міру своими учеными изслѣдованіями. Это былъ скорѣе кабинетъ, какъ мѣсто отдыха, какого-нибудь барина-эпикурейца видѣвшаго и признававшаго въ жизни только наслажденія и холю тѣла. Пріятная нѣга такъ и сообщалась всѣмъ членамъ при видѣ темныхъ бархатныхъ шторъ, мягкихъ низенькихъ стульевъ и креселъ, качалокъ и турецкихъ диванчиковъ которыми изобиловалъ кабинетъ. Средину комнаты занималъ большой письменный столъ изящной работы съ инкрустаціями, весь заставленный бездѣлушками изъ теракоты и фарфора, между которыми величественно возвышалась на сере-

бряномъ пьедесталѣ серебряная же чернильница. Ни книгъ, ни рукописей не было на этомъ столѣ. Книги скромно занимали заднюю стѣну кабинета, въ двухъ орѣховыхъ шкафахъ до потолка. Безпорядка не было нигдѣ. По боковой стѣнѣ, направо отъ входа, въ золоченыхъ рамахъ красовалось нѣсколько картинъ хорошихъ мастеровъ: тутъ были и „Нана“, и „Умирающая Сафо“, и „Юдифь убивающая Олоферна“, но главный тонъ преобладавшій во всѣхъ картинахъ былъ—обнаженное женское тѣло, живо и искусно переданное красками.

— Здравствуйте! привѣтствовалъ Антипа Егоровича Свирѣповъ сидѣвшій въ шелковомъ сѣромъ халатѣ, въ покойномъ креслѣ за письменнымъ столомъ, откидывая въ сторону книгу которую держалъ въ рукахъ.—Садитесь! Выпьемъ-те чаю!

Свирѣповъ хлопнулъ въ ладоши.—Принесите еще стаканъ чаю, приказалъ онъ появившемуся слугѣ и заботливо погрузился въ разсматриваніе собственныхъ нѣжныхъ и выхоленныхъ ногтей.

Антипъ Егоровичъ молчалъ. Онъ не зналъ какъ приступить къ дѣлу, а Свирѣповъ, повидимому, совершенно забылъ о гостѣ и еще внимательнѣе разсматривалъ свои ногти. Но вотъ затворилась дверь за слугою принесшимъ чай; шаги его замерли въ сосѣдней комнатѣ, и Свирѣповъ, чутко прислушивавшійся къ звуку этихъ шаговъ, быстро поднялъ глаза, взглянулъ на Антипа Егоровича и произнесъ:

— Чтò съ вами? Вы на мертвеца похожи... Какъ только вы вошли, я замѣтилъ въ васъ какую-то особенную перемѣну... Родной мой, чтò съ вами?

Это слово „родной“ невольно заставило Антипа Егоровича высказаться. Онъ со слезами въ голосѣ, перебивая самого себя, разказалъ Свирѣпову все: и любовь свою, и мечты о ней, и сцену послѣдняго обрученія; даже не скрылъ своего, какъ онъ называлъ, нравственнаго паденія въ трактирѣ. Онъ торопился; ему поскорѣе хотѣлось высказать все чтобы поскорѣе найти ласку и ободреніе. Опустивъ глаза въ полъ, конфузясь когда рѣчь заходила о ней, онъ всетаки спѣшилъ высказать, чтò за послѣднее время такъ неотступно преслѣдовало его и чтò такъ безжалостно изобличила дѣйствительность.

Свирѣповъ слушалъ его молча, не перебивая, не задавая вопросовъ.

Антипъ Егоровичъ окончилъ свой разказъ и, поднявшись съ кресла, прибавилъ:

— Я не съ тѣмъ шелъ къ вамъ, Константинъ Павловичъ, чтобы выливать свою душу... Это вышло невольно... Я шелъ просить васъ чтобы вы похлопотали о моей отставкѣ; мнѣ бы скорѣе хотѣлось и получить.

Свирѣповъ взглянулъ на него съ нескрываемымъ удивленіемъ.

— Отставка?! При чемъ же тутъ ваша служба?!

— Не могу, не могу я видѣть его.

— Глупости! строго сказалъ Свирѣповъ. — Отставки вы не получите. Я другое придумалъ для васъ: я дамъ вамъ отпускъ, хотя завтра. Поѣзжайте къ себѣ, на хуторъ... Тамъ вѣдь у васъ сестра, говорили вы... Поживете, разсѣетесь, а осенью опять сюда, опять за работу... До свиданья!

Антипъ Егоровичъ покорно въ знакъ согласія наклонилъ свою голову и удалился, а Свирѣповъ еще долго, долго ходилъ по кабинету. Его поразило признаніе Антипа Егоровича... „Весь химіей попорченъ", вспомнилось ему изреченіе студента, а „вѣдь тоже хочетъ жить, хочетъ любить, волнуется и теряется какъ мальчикъ. Заговорило сердце, и прощай все: и служба, и любимая наука къ чорту полетѣли... Глупо! И какъ эти люди не умѣютъ соединять пріятное съ полезнымъ?.. Вѣдь была же у него Мароа?!. Я не таковъ!"

И Свирѣповъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало

А Антипъ Егоровичъ, унылый и мрачный, приплелся домой. Нѣтъ, ему не стало легче оттого что онъ высказался. Успокоенія Свирѣпова не ободрили его души... Ласки, ласки, теплой, прочувствованной ласки, не было въ нихъ, а ея то такъ нужно было ему теперь, такъ долго мечталъ онъ о ней, такъ часто уже считалъ ее возможной для себя... И вдругъ все, все отняли. „Боже, что̀ же теперь будетъ, что̀ будетъ?!." А луна такъ и лила свой опьяняющій блѣдный свѣтъ, серебрила вѣтви деревьевъ и, врываясь въ комнату, свѣтлыя тѣни кидала на полу.

„Да что̀ же будетъ?! Опять то же хожденье на службу, тѣ же грязные фильтры, и онъ, всегда, всегда онъ съ своей учтивою, насмѣшливою, умною улыбкой... Нѣтъ! не могу, не могу... И за что̀, за что̀?.. За что̀?.. За то что ты дуракъ!.. Богъ далъ тебѣ разумъ, а ты его куда дѣлъ?.. Да, куда ты его дѣлъ?.."

Антипъ Егоровичъ, повышая голосъ, остановился по срединѣ комнаты и энергично размахивалъ руками.

— Въ жизни все такъ, вдругъ тихо, тихо сказалъ онъ и присѣлъ на стулъ. — Что̀ одному счастье, другому... горе! Нѣтъ! Шалишь! Горя нѣтъ, счастья нѣтъ, ничего, ничего нѣтъ! Есть только химія, есть Богъ!

Антипъ Егоровичъ быстро заходилъ по комнатѣ, но вдругъ, словно ослабѣвъ, бросился на кровать, уткнулся лицомъ въ подушку и все кричалъ:

— Да, есть Богъ, а больше ничего! Ни любви, ни счастія, ни горя! А—а—а? Маρθа есть, Марѳа! Ха! Ха! Ха! Марѳа, крикнулъ онъ.—Марѳа!

Но Марѳа не приходила. Ея не было въ кухнѣ. Преданная слуга, уже давно напуганная криками барина, бѣжала безъ оглядки къ университетскому врачу.

А Антипъ Егоровичъ кричалъ между тѣмъ:

— Марѳа, Марѳа!.. И ея нѣтъ?!. Никого, ничего нѣтъ!

И онъ горько, безпомощно зарыдалъ.

— Антипъ Егоровичъ, здравствуйте! ласково окликнулъ его старичекъ-докторъ.

— А, это вы?.. Вы женихъ, женихъ?.. Поздравляю васъ, жму вашу руку... Благодаря васъ, и я, и я скоро женюсь!

Докторъ удивленно смотрѣлъ на него.

— Марѳа, шепотомъ приказалъ онъ кухаркѣ, выйдя въ кухню,—вотъ тебѣ адресъ, лети на извощикѣ къ этому доктору и привези его скорѣй!.. Антипа Егоровича надо отправить въ больницу... Онъ сошелъ съ ума.

XIII.

Дня черезъ три пышно и шумно праздновалась свадьба Непрядвина и Лидіи Сергѣевны. Толпы гостей наполняли Ломановскій домъ. Самъ баринъ неустанно говорилъ экспромиты, а Незвановъ неотразимо ухаживалъ за дамами. Весело было... Скучалъ только Свирѣповъ приглашенный въ посаженые отцы къ Непрядвину. Послѣдніе дни ему что-то было не по себѣ... Подагра ли разыгралась, но только все ему казалось ненужнымъ и грустнымъ.

— А, знаете, обратился онъ, между прочимъ, къ Непрядвину,—я васъ огорчу одною непріятною новостію: Антипъ Егоровичъ сошелъ съ ума, и доктора признали его неизлечимымъ.

— Что̀ вы? Какъ жаль! разсѣянно кинулъ Непрядвинъ сидѣвшій рядомъ съ молодою женой и сіявшій счастьемъ.—Наука въ немъ такъ много потеряла.

— Ну, наука то потеряла немного, а вотъ я, я много въ немъ потерялъ, вдругъ неожиданно для самого себя высказалъ Свирѣповъ, и словно ясно стало ему, отчего такъ плохо онъ чувствовалъ себя за послѣдніе дни.

— Онъ всегда мнѣ казался какимъ-то страннымъ, ненормальнымъ, невозмутимо ввернула свое словцо Лидія Сергѣевна и ласково посмотрѣла на мужа.

Свирѣповъ взглянулъ на нее.

— Нѣтъ, не пара она Непрядвину... Чортъ баба! Скоро измѣнитъ! Но съ кѣмъ? задалъ себѣ вопросъ Свирѣповъ и обвелъ взорами присутствовавшихъ.

И почему то долѣе чѣмъ на другихъ взоры его остановились на красной выхоленной шеѣ Незванова.

М. Д. Языковъ.

Изъ письма.

Съ тѣхъ поръ какъ съ вами мы разстались,
Прошло такъ много, много дней!
Событья, образы смѣнялись
И вытѣсняли все сильнѣй
Изъ сердца рядъ былыхъ желаній,
Рядъ грёзъ, надеждъ, воспоминаній,
И призракъ новой красоты
Не разъ плѣнялъ мои мечты.
Ужели встрѣтимся мы снова?..
Но послѣ долгихъ грустныхъ лѣтъ
Найдетъ ли въ сердцѣ ваше слово
Знакомый отзвукъ и отвѣтъ?
Взволнуетъ ли мнѣ душу властно
Свиданья долго жданный день?
Или разлуки прошлой тѣнь
Предъ нами промелькнетъ, и ясно
Въ тотъ мигъ она напомнитъ мнѣ
Былыя слезы въ тишинѣ,
И одинокія мечтанья,
И дни съ тяжелою борьбой,
Сомнѣнье, тщетность ожиданья,
Разладъ и съ сердцемъ и судьбой?
Нѣтъ! лучше вѣчная разлука
И жизнь печальная въ тиши
Чѣмъ эта встрѣча, эта мука
Разочарованной души!

Е. Варженевская.

ОЧЕРКИ ФЕРЕНЦА ГЕРЦЕГА.

(съ венгерскаго).

1. Душевный анализъ.

Дорогой докторъ!

Вотъ вы уже шесть мѣсяцевъ работаете надъ романомъ подъ заглавіемъ „Опіумъ". Въ вашемъ кабинетѣ обыкновенно до разсвѣта горитъ лампа; если же я утромъ подойду къ вашему столу, я нахожу на немъ листъ бумаги гдѣ кромѣ названія первой главы повторяется только одно женское имя въ безчисленныхъ калиграфическихъ варіаціяхъ. На дняхъ я даже видѣлъ на бумагѣ порядочную кляксу, вѣроятно, означавшую что вы на разсвѣтѣ съ неудовольствіемъ бросили перо.

Дорогой докторъ, я понимаю и жалѣю васъ.

Вы хотите быть оригинальнымъ, хотите написать неслыханныя вещи, но вамъ теперь приходится убѣдиться что другіе уже описали все что было возможно. Вѣтряныя мельницы, въ родѣ Луизы Мюльбахъ, уже увѣковѣчили всѣ положенія и осложненія какія только можно вообразить.

Безъ событій, пожалуй, еще можно было бы сладить романъ; бѣда въ томъ что вы никакъ не нападете на героя. Съ кѣмъ вы только ни встрѣчаетесь, у всѣхъ лица размѣрены линейкой и циркулемъ; сердца и черепа у всѣхъ пусты. Изъ ихъ сердецъ кто-то высосалъ чувства чтобы продать ихъ по листамъ издателю; нервы повыдергалъ кто-то другой чтобы приготовить изъ нихъ психологическій романъ.

И вотъ вы просиживаете безсонную ночь за письменнымъ столомъ, стискиваете обѣими ладонями нетронутую мыслями голову и восклицаете: сто золотыхъ за характеръ!

Ну-съ, я имѣю предложить вамъ характеръ который еще не былъ подъ психологическимъ скальпелемъ. Я уступлю вамъ

его даромъ, если желаете, и въ придачу отдамъ самого владѣльца этого характера.

Правда, это не человѣкъ, а сóбака. Вы пожимаете плечами? Конечно, вѣдь и вы принадлежите къ тѣмъ людямъ которые вслѣдствіе удивительнаго предразсудка постоянно кричать на собаку по-нѣмецки и дразнять чубукомъ мурлычащую у печки кошку. А между тѣмъ животное младшій братъ человѣка; пора ему занять приличествующее мѣсто въ литературѣ.

Еслибы вы побольше занимались своими младшими братьями, вы открыли бы что они тоже любятъ, ненавидятъ, страдаютъ, надѣются, обманываютъ. Среди нихъ есть глупцы, хитрецы, льстецы, завистники, великодушные и падшіе. У нихъ даже бываютъ болѣзни, увлеченія, подъ вліяніемъ которыхъ они не вѣдаютъ что̀ дѣлаютъ... Вы слышите? Они не сознаютъ того что̀ дѣлаютъ! Не чешутся ли у васъ руки взяться за нѣкій скальпель?

Вотъ, напримѣръ, мой Бранди. По професіи онъ бульдогъ. Но хотя онъ и песъ, онъ не таковъ какъ остальные: Бранди это личность!

Онъ цвѣта гіэны; тѣло его коротко и коренасто, мышцы ногъ крѣпки какъ камень; торчащіе наружу зубы сдѣлали бы честь молодой акулѣ. Раздвоенный носъ приплюснутъ къ морщинистымъ щекамъ, зоркіе глаза имѣютъ какое-то раздражительное выраженіе. Обыкновенно онъ слоняется, понюхивая, опустивъ голову; если пристально посмотрѣть ему въ глаза, онъ начинаетъ рычать.

Для Бранди характерно что онъ не преклоняется ни передъ какимъ авторитетомъ; въ противоположность прочимъ банальнымъ собратьямъ раболѣпно виляющимъ хвостами онъ преподаетъ гордое чувство собственнаго достоинства. Онъ не терпитъ даже моего вмѣшательства въ его личныя отношенія и ни чуть не больше повинуется мнѣ чѣмъ я, напримѣръ, ему. Наши отношенія основаны на взаимномъ снисхожденіи. Я терпѣть его не могу и безпрестанно боюсь что онъ меня разорветъ, но держу его у себя, потому что отдалъ за него отличный хлыстъ; онъ тоже меня терпѣть не можетъ и безпрестанно боится что я его побью; однако остается у меня потому что доволенъ харчами.

Днемъ каждый изъ насъ занятъ своимъ дѣломъ; при случайной встрѣчѣ на улицѣ мы замѣчаемъ другъ друга лишь настолько что онъ рычитъ, а я на него кричу. Вечеромъ,

когда онъ проголодается, онъ отыскиваетъ меня въ ресторанѣ; тогда онъ начинаетъ тереться о мою ногу чтобы обратить мое вниманіе на свое присутствіе.

Первое полугодіе нашего сожительства протекло бурно. Въ то время я еще былъ исполненъ нѣкоторыхъ воспитательныхъ принциповъ и хотѣлъ выучить его носить поноску: Бранди же и слышать не хотѣлъ ни о чемъ подобномъ.

Когда я бросалъ ему набитый волосомъ мячикъ, онъ обыкновенно начиналъ чесаться, показывая что теперь ему недосугъ играть; если я кричалъ на него, онъ становился передо мною, раздвинувъ лапы, и пронизывалъ меня наглымъ, хладнокровнымъ взглядомъ; если я приближался къ вѣшалкѣ гдѣ висѣла плетка, онъ загораживалъ мнѣ дорогу, щелкая зубами.

У этого негодяя есть другая дурная привычка которая окончательно меня къ нему охладила. Его прежній хозяинъ любилъ-таки выпить. Бранди замѣтилъ что хозяинъ подъ вліяніемъ вина обыкновенно прежде всего приходитъ въ болѣе миролюбивое настроеніе, и сталъ нагло злоупотреблять хозяйскою слабостью.

И вотъ теперь, если я возвращаясь ночью изъ ресторана неосторожно засвищу, или ищу въ потьмахъ отверстіе замка дольше чѣмъ слѣдуетъ, тогда съ Бранди нѣтъ больше сладу. Едва я отворю дверь къ себѣ въ комнату, какъ мы оба въ темнотѣ сломя голову бросаемся къ кровати: кто первый вскочитъ на подушки, тотъ спитъ на кровати, а другой можетъ удалиться на диванъ. Иногда этимъ другимъ бываю *я*. Въ такихъ случаяхъ Бранди ожесточенно защищаетъ постель; онъ скорѣе дастъ растерзать себя чѣмъ уступитъ мнѣ хотя бы подушку. Если же я оказываюсь первымъ, тогда онъ уважаетъ мои права, и я только долженъ отбиваться отъ него, лежа въ постели. Сколько разъ уже бѣсилъ онъ меня тѣмъ что подозрѣвалъ совсѣмъ напрасно: если я по дорогѣ домой случайно ронялъ палку, это было для него достаточнымъ поводомъ для заявленія притязаній на мою постель.

Время отъ времени онъ сопровождаетъ меня на прогулку; я думаю что онъ дѣлаетъ это ради свѣта. Когда мы приходимъ на бульваръ, по которому я прогуливаюсь взадъ и впередъ, онъ садится и довольствуется тѣмъ что повертываетъ за мною голову.

Во время совмѣстныхъ прогулокъ я имѣлъ случай убѣдиться что у Бранди есть друзья и враги. Приближеніе однѣхъ собакъ онъ привѣтствуетъ снисходительнымъ виляніемъ хвоста,

другихъ обращаетъ въ бѣгство яростнымъ рычаніемъ. Бѣда той лягавой собакѣ которая по несчастной случайности попадется ему на дорогѣ. Онъ бѣшено ненавидитъ эти брезгливыя, напыщенныя существа и, если бы они не были такъ проворны, онъ давно перевелъ бы ихъ во всемъ городѣ.

Къ крысамъ онъ выказываетъ несомнѣнное расположеніе; я видѣлъ одинъ разъ какъ онъ, валяясь на солнцѣ у конюшни, добродушно слѣдилъ за двумя прыгавшими передъ нимъ крысятами. Впрочемъ, возможно что онъ держитъ ихъ сторону только изъ сочувствія къ угнетеннымъ: онъ могъ замѣтить что я иногда стрѣляю въ нихъ изъ монтекристо.

Подвернувшихся кошекъ онъ убиваетъ безо всякой церемоніи. Разъ онъ задушилъ въ спальнѣ моей тетушки двухъ ангорскихъ котятъ, а потомъ со смиреннымъ видомъ выбрался на улицу. Я же, въ виду того что мои притязанія на наслѣдство стояли на картѣ, направилъ подозрѣніе въ убійствѣ на ангорскаго кота, котораго потомъ тетушка въ наказаніе выдала моему Бранди. Такимъ образомъ намъ удалось тактично уладить дѣло.

Впрочемъ, онъ положительно аристократическаго образа мыслей. На солдатъ онъ не лаетъ и терпѣть не можетъ крестьянъ. Если въ нашъ подъѣздъ случайно забредетъ нищій, его посѣщеніе обыкновенно обходится мнѣ въ пять флориновъ штрафа: въ такомъ размѣрѣ установлена такса нашими нищими.

Его любимое развлеченіе кидаться на возвращающееся съ поля стадо; онъ вцѣпляется въ ухо одной изъ свиней и даетъ ей таскать себя по улицѣ.

Но болѣе всего онъ любитъ драку. Какъ только онъ заподозритъ въ человѣкѣ или въ животномъ враждебныя намѣренія или воинственный духъ, онъ сейчасъ же готовъ помѣриться силами. Его угловатый черепъ испещренъ рубцами какъ лицо нѣмецкаго студента, а уши изорваны въ клочки.

Въ интересахъ справедливости я долженъ сознаться что въ извѣстныхъ случаяхъ Бранди служитъ примѣромъ тактичной воздержности по отношенію къ болѣе слабымъ. Онъ большой охотникъ до свѣжихъ куриныхъ яицъ и въ поискахъ лакомства не ставитъ себѣ въ трудъ никакое безпокойство; ему даже не лѣнь взобраться на сѣновалъ моей матери. Если онъ застанетъ курицу въ гнѣздѣ, онъ легонько сталкиваетъ ее и, выпивая всѣ яйца по порядку, покорно сноситъ отъ разъяренной насѣдки удары крыльями и клювомъ.

Послѣ полудня онъ обыкновенно растягивается на коврѣ

въ моей комнатѣ. Если въ такое время я бываю настолько невнимателенъ что хожу по комнатѣ, онъ съ безпокойствомъ слѣдитъ за каждымъ моимъ движеніемъ. Если я прикоснусь къ нему носкомъ сапога, онъ беззвучно хватаетъ меня за ногу, но въ слѣдующее мгновеніе ему приходитъ въ голову моя желѣзная палка, и онъ стремглавъ бросается вонъ изъ комнаты. Если дверь случайно закрыта, онъ вылетаетъ въ окно. Бывали уже и такіе случаи что онъ пробивалъ себѣ дорогу сквозь оконныя стекла...

Что же мнѣ еще сказать? Вы и такъ уже можете видѣть что у собаки больше клапановъ чѣмъ у флейты Гамлета.

Дорогой докторъ, какъ вы думаете, не будетъ ли интересно приняться за этотъ характеръ при помощи скальпеля? Можетъ быть, вы могли бы положить начало психологическому собачьему роману.

Вы говорите: пристрѣлить бы слѣдовало эту скверную тварь?

Вотъ видите ли, недавно я самъ дошелъ до того что хотѣлъ избавиться отъ него посредствомъ револьвернаго патрона. Именно, одинъ рысакъ казеннаго завода лягнулъ Бранди, а Бранди который не имѣетъ привычки забывать такія вещи при случаѣ бросился на жеребца и вцѣпился ему въ ногу.

Рана была ужасная, а жеребецъ былъ кровный. Послѣ продолжительной перебранки съ управляющимъ завода я отправился домой и принялся искать собаку съ револьверомъ въ рукахъ.

Я услыхалъ въ кухнѣ веселый дѣтскій хохотъ, то была моя крошечная племянница которая время отъ времени ходитъ ко мнѣ въ гости.

Въ дверяхъ кухни я остановился отъ испуга. Трехлѣтняя малютка, въ бѣломъ платьицѣ и желтыхъ башмачкахъ, стояла среди кухни на спинѣ у Бранди голыми колѣнами. Они, вѣроятно, играли въ волка и барашка; повидимому, дѣвочка была волкомъ, а Бранди барашкомъ; по крайней мѣрѣ Эстике изо всѣхъ силъ душила собаку обѣими руками и при этомъ щелкала крошечными какъ у мыши зубками: амъ, амъ!

Бранди же съ тупоумнымъ видомъ давалъ себя истязать и только страдальчески повизгивалъ, когда дѣвочка упиралась колѣнами въ его грудь болѣвшую отъ удара лошади.

Я не могъ уничтожить Бранди, я не могъ этого сдѣлать изъ-за маленькой племянницы: она выплакала бы себѣ глазки по товарищѣ игръ ..

Ну-съ, докторъ, все еще не нравится?

Да, разумѣется, не слѣдовало разказывать вамъ о волкѣ и барашкѣ. Теперь вы уже не можете воспользоваться этимъ характеромъ.

Онъ настолько сентименталенъ и романтиченъ что не можетъ играть роли въ вашемъ романѣ.

---

2. Пиратъ.

Все общество размѣстилось въ лодкахъ украшенныхъ факелами и фонарями; затѣмъ всѣ отправились на веслахъ съ музыкой и веселымъ шумомъ по окутанному сумракомъ озеру.

Впереди шла барка съ бѣлыми парусами, гордо и безшумно разсѣкая волны какъ фантастическій лебедь, а за нею шли лодки, цѣлый рой душегубокъ. Съ терасы кургауза казалось будто музыкальное чудовище покрытое огненною чешуею причудливо извивается вдоль берега.

Маленькій паровой катеръ господина Нестора, *Мелюзина*, что-то замѣшкался у пристани. Его бензиновый двигатель вдругъ отказался дѣйствовать. Машина сердито шипѣла, механикъ почесывалъ голову, Несторъ, неуклюжее тѣло котораго было затянуто въ нарядъ убранный золотыми аксельбантами и напоминавшій адмиральскую форму, топалъ ногами, а его гостьи, госпожа Жолтаръ съ дочерью Ольгою, въ нервномъ нетерпѣніи колыхали вѣерами.

Въ эту минуту стройная лодочка подскользнула къ *Мелюзинѣ*. На носу ея горѣлъ большой красный фонарь; парою длинныхъ веселъ гребъ широкоплечій молодой человѣкъ.

— Если дамамъ угодно, я предлагаю свою лодку, въ ней два мѣста.

— А, это вы, Хорватъ, сказала дѣвушка.—А куда же дѣнется г-нъ Несторъ?

— Если катеръ пойдетъ, онъ можетъ насъ догнать и вы обѣ пересядете тогда на *Мелюзину*.

Дѣвушка бросила вопросительный взглядъ на мать, а г-жа Жолтаръ въ испугѣ захлопнула вѣеръ. Неужели садиться въ эту валкую лодочку! Лучше еще подождать!

Бензиновый моторъ *Мелюзины* издалъ оглушительный свистъ, но она всетаки не двинулась съ мѣста.

— Винтъ не въ порядкѣ! побѣдоносно воскликнулъ Несторъ.

Хорватъ указалъ на мѣсто въ лодкѣ.

— Не угодно ли?

Подальше на озерѣ музыка замолкла, и запѣлъ мягко дрожащій мужской голосъ.

— Это Ледовскій, оперный баритонъ, сказала дѣвушка.

Она хорошенько и сама не знала что̀ дѣлаетъ когда ступила на бортъ катера, потомъ, опершись на мускулистую руку Хорвата, легко какъ птица, соскочила въ качавшуюся душегубку.

— Ольга, Ольга! закричали въ одинъ голосъ г-жа Жолтаръ и Несторъ.

Но Хорватъ налегъ на весла и сильными взмахами помчалъ впередъ легкое суденышко.

Дѣвушка какъ будто уже жалѣла о своемъ поступкѣ.

— Отвезите меня, пожалуйста, на парусную барку, тамъ тетя Лиди.

Душегубка съ краснымъ фонаремъ довольно долго шла за вереницей лодочекъ, потомъ вдругъ описала быструю дугу и измѣнила направленіе, проворно побѣжавъ къ серединѣ озера въ непроглядную темноту.

— Мы невѣрно ѣдемъ, куда вы меня везете? спросила озадаченная дѣвушка.

— Вотъ увидите...

Хорватъ поднялъ весло и довольно сильно стукнулъ по красному фонарю. Раскаленный огненный шаръ съ шипѣніемъ пошелъ ко дну. Они очутились въ темнотѣ.

— Хорватъ, что̀ вы дѣлаете?

— Теперь вы моя, маленькая злодѣйка...

Дѣвушка вскочила съ мѣста.

— Вы съ ума сошли?

— А вы еще спрашиваете? Не довольно ли вы меня съ ума сводили?

* * *

Два года тому назадъ была объявлена помолвка Хорвата съ Ольгою Жолтаръ.

Дѣло уладили родители, собственно говоря, безъ вѣдома молодежи. Старику Жолтару нуженъ былъ зять съ хорошимъ именемъ. Денегъ у него была пропасть; на хлѣбной торговлѣ, на сдачѣ участковъ подъ постройки, на войсковыхъ поставкахъ и на подъѣздныхъ путяхъ онъ нажилъ несмѣтное богатство, но на то чтобы заслужить себѣ добрую славу у него не осталось времени.

Старикъ Хорватъ былъ въ другомъ родѣ. Онъ имѣлъ громкое имя, былъ професоромъ университета, академикомъ, членомъ совѣта магнатовъ и еще многимъ другимъ. Съ юношескихъ лѣтъ все время его шло на расширеніе колекціи орденовъ; ихъ хватило бы на два фрака, они начинались португальскимъ крестомъ Спасителя и кончались персидскою звѣздою льва. Въ виду этого не удивительно что онъ не успѣлъ пріобрѣсти состоянія.

Весь Будапештъ находилъ правильнымъ что эти два лица вступаютъ въ бракъ; даже сами женихъ съ невѣстою ничего не имѣли другъ противъ друга. Для жениха уже миновала та бурная страсть которая, какъ говорятъ, неизбѣжно потрясаетъ разъ въ жизни каждую мужскую душу, а дѣвушка даже въ школьныя времена не предавалась романтическимъ мечтамъ. То были трезвые, разумные люди, спокойно и покорно примирившіеся съ судьбою. Они не хотѣли притворяться, они открыто признались одинъ другому что не любятъ другъ друга, но что постараются жить въ сносныхъ отношеніяхъ.

Особенно умна была дѣвушка. Настоящая армянская кровь сказывалась въ смугломъ, гладкомъ лицѣ, кудрявыхъ волосахъ, тонкомъ, изогнутомъ носѣ, хитрыхъ черныхъ глазахъ и игравшей по угламъ губъ улыбкѣ въ которой было много прелести и чуть-чуть наглости. Ея небольшая фигурка была стройна и полна.

Женихъ сначала рѣдко навѣщалъ невѣсту, потомъ сдѣлался частымъ гостемъ и, наконецъ, совсѣмъ тамъ поселился. Между ними завязалось какое то задушевное товарищество. На правахъ его они устраивали другъ другу злыя шутки, дразнили одинъ другаго. Потомъ совсѣмъ развеселившись начинали дурачиться. Если въ такихъ случаяхъ г-жа Жолтаръ приходила въ ужасъ отъ ихъ невоспитанности, запыхавшаяся Ольга приводила въ порядокъ растрепанные волосы и отвѣчала со смѣхомъ: „Арпадъ такой глупый"!

Тутъ произошло непріятное событіе: старикъ Жолтаръ пустился въ какую-то смѣлую желѣзнодорожную спекуляцію на которой хотѣлъ нажить миліоны, а вмѣсто того, какъ оказалось, потерялъ около полумиліона. Убытокъ сразилъ его; пошли слухи что хотя у него большое недвижимое состояніе, но оно обременено огромными долгами. Надъ Жолтаромъ учредили конкурсъ, и онъ долженъ былъ радоваться что не попалъ на скамью подсудимыхъ.

Разумѣется, помолвка разстроилась. У Ольги было настолько такта что она сама сдѣлала первый шагъ.

— Я не хочу быть для васъ тормазомъ, да и кромѣ того, въ нашей помолвкѣ нѣтъ смысла. Ни у одного изъ насъ ничего нѣтъ, а между тѣмъ мы оба не рождены для бѣдности... У васъ барскія наклонности, я тоже люблю красивую обстановку и дорогія платья... Въ этотъ мигъ, въ счастливую бѣдность, я не вѣрю. Ступайте, вы еще найдете себѣ хорошую партію, а что касается меня, то, повѣрьте мнѣ, я тоже найду что̀ мнѣ нужно.

Они подали другъ другу руки и разошлись. Они разстались друзьями. Хорвату было жалко, еще бы! онъ уже такъ привыкъ къ поддразниванію Ольги и къ веселой послѣобѣденной误 вознѣ.

Хорватъ уѣхалъ путешествовать, а Ольга начала разъѣзжать съ матерью по баламъ и курортамъ. Довольно долго безуспѣшно: г-жа Жолтаръ утверждала что тому причиною только Ольга, такъ какъ она не поощряетъ богатыхъ искателей; наконецъ, въ одномъ приморскомъ курортѣ она познакомилась съ Несторомъ, миліонеромъ и вчерашнимъ дворяниномъ. Теперь только отъ Ольги зависѣло сдѣлаться г-жею Несторъ.

Въ день большаго бала Ольга опять встрѣтилась со своимъ бывшимъ женихомъ. Онъ пріѣхалъ неожиданно, никто не зналъ откуда. Онъ съ улыбкою расхаживалъ между шлейфовъ, а потомъ пригласилъ дѣвушку на танецъ, какъ будто между ними ничего не произошло.

Во время вальса онъ заговорилъ съ нею; онъ сказалъ шепотомъ:

— Ольга, я обдумалъ наше дѣло. Вѣдь такъ не хорошо! Я не сумѣю жить безъ васъ; я пробовалъ, но не могу... Прогоните къ чорту этого Нестора и выходите за меня!

Потомъ они пошли по залѣ взявшись подъ руку.

— Образумтесь, другъ мой, убѣждала его въ недоумѣніи дѣвушка;—не смѣшите людей... Ну, куда мы съ вами годимся? Двое нищихъ! Не портите моей затѣи... Кромѣ того, еслибы я даже не думала о себѣ, я не могла бы этого сдѣлать изъ-за васъ... Я не была бы на это способна—гордость мнѣ не позволила бы.

— Не говорите такъ, я знаю что вы меня любите!

— Я... васъ?

— Да, вы, разумѣется; напрасно вы отрекаетесь.

Ольга расхохоталась.

— Дорогой другъ, до сихъ поръ я считала васъ здравомыслящимъ человѣкомъ, но теперь я вижу что вы одинъ изъ

тѣхъ которые ежеминутно готовы на всякое безразсудство. Ваше счастіе что у васъ есть разумная подруга которая предостерегаетъ васъ отъ величайшей глупости вашей жизни. Я иду къ мамѣ, прощайте!

Хорватъ съ тяжелымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

Послѣ кадрили Несторъ предложилъ устроить на озерѣ венеціанскую ночь.

* * *

Дѣвушка вскочила съ мѣста.

— Вы съ ума сошли?

— А вы еще спрашиваете? Не довольно ли вы меня съ ума сводили? Но сядьте, лодка опрокинется!

Ольга съ неудовольствіемъ сѣла на мѣсто.

— Скажите, по меньшей мѣрѣ, что̀ вы намѣрены со мною дѣлать?

— Я продержу васъ въ плѣну до утра, а потомъ возвращу вашей матери. Къ тому времени вы будете уже настолько скомпрометированы что вашъ Несторъ ни за что̀ на свѣтѣ на васъ не женится.

Ольга хотѣла повернуть дѣло въ шутку, но такъ какъ Хорватъ молчалъ и хранилъ спокойствіе, она немножко разсердилась.

— Это рыцарскій поступокъ?

— Я исправлю свою ошибку и женюсь на васъ. Я еще не сказалъ вамъ: вчера меня назначили директоромъ кургауза въ приморскомъ курортѣ, три тысячи флориновъ жалованья!

Ольга не отвѣтила.

Хорватъ положилъ весла въ лодку и далъ тихому теченію нести ее. Озеро прибило ихъ къ острову; листва деревьевъ склонившихся къ водѣ образовала тунель надъ ихъ головами. Въ береговыхъ кустахъ блестѣли тысячи свѣтляковъ; издали доносилось тихое пѣніе.

Прошло съ полчаса. Ольга опустила голову на ладони; она и сама не знала почему, но ей хотѣлось поплакать.

Бальная накидка соскользнула у нея съ плечъ; на обнаженную руку сѣлъ комаръ. Она его не замѣтила. Потомъ комаръ съ блаженнымъ жужжаніемъ полетѣлъ дальше, точно опьянѣвъ отъ сладкой крови.

Хорватъ взялъ дѣвушку за руку: онъ тоже былъ взволнованъ.

— Не плачьте, Ольга.

Потомъ онъ прибавилъ тише:

— Три тысячи флориновъ и шестьсотъ квартирныхъ!

Раздался оглушительный свистокъ: *Мелюзина* съ зеленымъ фонаремъ на носу приближалась къ острову.

Длинноусый, старый сомъ испугался во снѣ и съ любопытствомъ выскочилъ на поверхность озера. Онъ увидалъ, къ своему удивленію, что въ лодочкѣ качавшейся подъ деревьями сидятъ два человѣка, тѣсно прижавшись другъ къ другу, и молчатъ какъ мышки. Мимо лодочки пробѣгаетъ съ шипомъ и свистомъ зеленоглазое чудовище. На головѣ у чудовища стоитъ адмиралъ въ аксельбантахъ и кричитъ во все горло:

— Эй, гдѣ вы, эй!

А дѣвушка какъ-будто втихомолку хохочетъ.

---

3. У крестьянъ.

Мнѣ хотѣлось знать исторію тетки Гамеръ.

Долговязый швабъ услыхавъ имя Гамеръ замычалъ на своей скамьѣ, точно коза; потомъ уперся обоими колѣнями въ столъ и началъ разказывать, держа сбоку въ зубахъ трубку.

Попробую и я разказать съ его словъ.

* * *

Въ прошломъ году, какъ помнится, о ту самую пору когда начали обдирать кукурузу, вдова хромаго Гамера на потѣху людямъ и на погибель собственной душѣ скинула съ головы черный платокъ и обручилась съ Кароли Ритеромъ.

Деревенскіе жители сначала не хотѣли вѣрить, потому что знали вдову за степенную нѣмку; когда же свадьба все-таки состоялась, люди стали поговаривать: еслибы покойный хромой Гамеръ могъ это видѣть, то, навѣрно, перевернулся бы въ могилѣ.

Лишь немногіе знали что̀ заставило вдову во второй разъ идти къ священнику. Еслибы это было болѣе извѣстно, ей не стали бы такъ усердно перемывать косточки.

Началось съ того что Ленци, сына вдовы, взяли въ артилерію. Какъ только Ленци увидалъ въ казармахъ въ первый разъ крошечную порцію мяса выдаваемую на обѣдъ, онъ сейчасъ же сказался больнымъ. Изъ лазарета онъ написалъ домой маменькѣ чтобы она выручила его изъ солдатчины, даже если это и обойдется въ десятину земли; не то онъ сдѣлаетъ тоже самое что бѣдняга Микулашъ Клатнекъ который два года тому назадъ повѣсился въ лагерѣ.

Тетка Гамеръ сейчасъ же запрягла лошадей и не кормя, въ одинъ перегонъ, покатила въ городъ. Что такое она тамъ сдѣлала съ полковымъ врачемъ, этого я не знаю; вѣрно только то что Ленци еще мѣсяца три провалялся въ больницѣ, а потомъ ему выдали отпускную, и отправили домой. Должно быть въ казармахъ о немъ шла не очень-то хорошая слава, потому что, когда онъ захотѣлъ проститься съ батареей, капитанъ вытолкалъ его со двора пинками.

А Ленци купилъ себѣ красивую, синюю артилерійскую фуражку и серебряный талеръ чтобы привѣсить на часовую цѣпочку; потомъ мѣрными шагами, приличными бывалому солдату, отправился въ корчму гдѣ обыкновенно останавливались возчики изъ его деревни.

Въ своей деревнѣ онъ все засталъ по старому. Обмѣнившіяся сплетнями женщины бѣлили прямые какъ стрѣлы ряды домовъ; подъ подстриженными въ формѣ шара акаціями ребятишки въ бараньихъ шапкахъ высовывали ему красные языки, а въ догонку повозкѣ лаяли остроухія собаки.

Матушка его какъ разъ бѣлила кухню. Увидавъ сына она вскрикнула: Клоси! Иди сюда, твой братъ пришелъ изъ солдатъ!

Клоси былъ ея младшимъ сыномъ. Въ эту минуту онъ бродилъ въ саду среди подсолнечниковъ, грызъ порядочныхъ размѣровъ булку и при этомъ щелкалъ кнутомъ. Онъ слышалъ что его зовутъ въ домъ, но не пошелъ, потому что былъ очень нелюдимъ. Когда онъ не явился и по третьему зову, въ Ленци вскипѣла воинственная доблесть; онъ самъ пошелъ за нимъ въ садъ, выхватилъ у него изъ рукъ кнутъ и порядочно хлестнулъ его по босымъ ногамъ. Тогда Клоси подпрыгнулъ точно подстрѣленный заяцъ и съ неистовымъ ревомъ бросилъ булку на землю.

Къ вечеру, такъ какъ день былъ воскресный, оба брата въ наилучшемъ единодушіи отправились въ корчму. Тамъ они застали всю деревню, начиная съ судьи и кончая придурко-

ватымъ Краклемъ; женщины принесли даже грудныхъ дѣтей чтобы напоить ихъ кофе.

Парни завистливо смотрѣли на синюю фуражку Ленци, а когда онъ разказалъ, какими хитростями избавился отъ солдатчины, судья потрепалъ его по плечу и сказалъ что если бы всѣ парни такъ поступали, то не было бы больше ни войны, ни казней. Ленци же который раньше былъ совершенно такимъ же дикаремъ, какъ его братъ Клоси, теперь протанцовалъ подъ звуки трубы польку со всѣми дѣвицами по очереди, выпилъ литра два пива и даже попробовалъ подраться съ придурковатымъ Краклемъ.

Когда на слѣдующій день на зарѣ маменька разбудила сыновей чтобы послать ихъ за косарями, Ленци сказалъ что онъ еще не отдохнулъ отъ солдатчины, а Клоси ничего не сказалъ: онъ только натянулъ себѣ на уши перину.

На третій день братья Гамеры опять очутились въ корчмѣ, хотя день былъ обыкновенный будничный. Трактирщикъ не захотѣлъ вѣрить имъ въ долгъ, и Ленци заносчиво бросилъ на столъ свои серебряные часы съ талеромъ. Сильно выпившіе отправились они домой около девяти часовъ, когда уже всякій порядочный человѣкъ долженъ быть въ постели. Они шли съ безобразнымъ шумомъ, стуча палками по оконнымъ ставнямъ, такъ что благочестивые домохозяевы крестились подъ одѣялами.

Когда утромъ опять-таки нужно было идти на работу, Ленци сказалъ маменькѣ:

— Мы не поденщики чтобы работать на другаго. Дай намъ, маменька, такую бумагу чтобы намъ сходить въ сиротскій судъ и земля стала бы нашею; тогда мы будемъ работать...

Разумѣется, ихъ научилъ трактирщикъ.

— Дай намъ бумагу!

Это сказалъ Ленци, но всетаки не его, а Клоси вдова такъ мазнула по лицу бѣлильной кистью что онъ чихая забился подъ перину. А вдова съ злобными криками ринулась на дворъ, гдѣ принялась жаловаться сбѣжавшимся къ забору сосѣдямъ что ея сыновья не стыдятся просить бумагу у собственной родительницы.

Съ той поры братья Гамеры совсѣмъ отбились отъ рукъ. Днемъ они валялись въ узенькомъ проходѣ къ погребу, къ вечеру отправлялись въ корчму, а позднею ночью въ шумной веселости добирались до дома.

Когда маменька въ обѣдъ ставила передъ ними дымящуюся миску, она говорила только: ѣшьте, псы! А они набрасывались съ ложками на ѣду и кричали съ набитыми ртами: подавай бумагу!

Разъ вечеромъ, когда вдова уныло сидѣла на колодѣ лежавшей на дворѣ, она услыхала за заборомъ звуки дудки. То игралъ Кароли Ритеръ растянувшись на свѣжемъ сѣнѣ и грѣясь на заходящемъ солнцѣ.

Этотъ Кароли Ритеръ былъ человѣкъ крупный, высокій и сильный, какъ быкъ, но въ лѣни не имѣлъ себѣ равнаго во всемъ большомъ околоткѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ крестьянинъ усердно роетъ землю, но уже если выдается одинъ изъ нихъ лѣнивый, тогда онъ трехъ валашскихъ крестьянъ заткнетъ за поясъ. Кароли Ритеръ употреблялъ свою богатырскую силу только на то чтобы повалить за щепоть табаку базарнаго силача; въ остальное же время, если у него не было во рту длинной трубки, онъ уже, навѣрно, баловался съ дудкою. Когда-то онъ былъ сторожемъ на крестьянскихъ поляхъ, но послѣ того какъ цыгане украли изъ-подъ него шубу, община его смѣстила.

— Послушай, Кароли, сказала вдова, подходя къ забору, —не приведешь ли ты домой моихъ сыновей изъ корчмы? Пожалуй, хоть побей ихъ!

— Вотъ еще! лаконически отозвался Ритеръ.

— Я тебѣ цѣлый флоринъ дамъ.

Ритеръ положилъ дудку и потянулся къ трубкѣ. Давненько не видала она табаку!

— Сначала давай флоринъ!

Вдова достала изъ комода флоринъ и сказала:

— Захвати съ собою палку!

Ритеръ отправился въ корчму, тамъ ужасно избилъ обоихъ Гамеровъ, погналъ ихъ домой, точно пару телятъ, и втолкнулъ ихъ во дворъ матери. Полдеревни смотрѣло на это замѣчательное зрѣлище.

На слѣдующій день оба молодца все утро прослонялись у желѣзнодорожной насыпи, къ вечеру отправились домой и, какъ раньше между собою условились, принялись съ безобразнымъ шумомъ требовать съ маменьки „бумагу". Тетка Гамеръ опять должна была переговорить съ Ритеромъ который заперъ за буянами дверь, а потомъ за флоринъ такъ избилъ ихъ что вывихнулъ Клоси лѣвую лопатку.

На третій день Клоси долженъ былъ остаться въ постели,

а Ленци всетаки пошелъ въ корчму; онъ захватилъ съ собою заступъ и громко грозилъ убить всякаго кто только посмѣетъ къ нему притронуться.

На этотъ разъ вся деревня сбѣжалась къ корчмѣ, и даже самъ пасторъ курилъ у окошка. Вдова поручила Ритеру доставить ея сына домой, но Ритеръ требовалъ сначала флоринъ. Ему понравился этотъ легкій заработокъ.

Вдова не принесла флорина, но стала въ раздуміи бродить по дому и по двору. Она находила что съ трудомъ накопленные флорины таютъ страшно скоро; предвидя что Ленци не прекратитъ сразу своего буйства, она боялась что комодъ скоро опустѣетъ. Она ломала себѣ голову какъ бы ей заручиться Ритеромъ подешевле?

Не много спустя она позвала его къ себѣ. Она ввела его въ комнату и поставила передъ нимъ стаканъ виноградной водки. Клоси, стуча зубами, смотрѣлъ съ кровати на великана.

— Послушай, Ритеръ, сказала женщина,—еслибы ты на мнѣ женился, тебѣ бы хорошо жилось; и сыновей бы можно было бить.

Ритеръ сталъ задумчиво смотрѣть въ пространство, пока ему не попалось на глаза корытце, въ которомъ Ленци обыкновенно сушилъ табакъ. Ритеръ, не говоря ни слова, набилъ себѣ трубку изъ корытца и, найдя что табакъ недуренъ, спросилъ вдову:

— А какая же у меня тогда будетъ должность?

— Ну, Ритеръ, какая тамъ должность! Съ меня довольно если ты присмотришь за молодцами.

Ритеръ всталъ и подошелъ къ прыгавшей въ клѣткѣ сойкѣ. Онъ посвисталъ ей, но такъ какъ птица не обратила на него вниманія, онъ сказалъ теткѣ Гамеръ:

— Мнѣ что жь, пожалуй!

Такимъ то образомъ и женился Кароли Ритеръ на вдовѣ хромаго Гамера которая по годамъ годилась ему чуть не въ матери.

Когда сыграли свадьбу, онъ принесъ свою шубу, длинную трубку и дудку, и затѣмъ усѣлся на колоду которая лежала на дворѣ Гамера. Онъ просидѣлъ на ней все лѣто, то наигрывая, то куря трубку. Въ домъ онъ входилъ лишь изрѣдка: самое большее, въ обѣденную пору, или когда Ленци случайно упоминалъ о бумагѣ. Въ такихъ случаяхъ онъ бралъ съ собою увѣсистую палку. А тетка Гамеръ съ того самаго дня могла спокойно бѣлить домъ.

---

4. Волосяной воинъ.

Нехорошо рыться въ воспоминаніяхъ давно минувшихъ временъ; дыханіе невозвратно исчезнувшихъ дней будитъ неразумныя мысли въ самой трезвой головѣ.

Давно, когда намъ предстояло выѣзжать изъ нашего стариннаго семейнаго дома, мнѣ попалась въ темномъ углу чердака, за печною трубою плетеная изъ ивовыхъ прутьевъ люлька биткомъ набитая пожелтѣлыми бумагами, выцвѣтшими тряпками и пестрымъ дѣтскимъ хламомъ.

Пока я перебиралъ всякую всячину, мнѣ подвернулся подъ руку сшитый изъ кожи гусаръ, при видѣ котораго въ моей головѣ сразу ожили задремавшія воспоминанія дѣтства и замелькали передо мною, точно испуганный рой блестящихъ бабочекъ.

Волосяной воинъ! Сколько съ нимъ связано прелестныхъ воспоминаній, дѣтскихъ желаній, непомѣрнаго счастія, болѣзненныхъ разочарованій!

Я взялъ гусара въ руки и очистилъ его отъ пыли и паутины. Время сказалось-таки на немъ. Лицо было ужасно на немъ. Оно было замазано; носа не было; изъ-подъ истрепаннаго рванаго мундира кое-гдѣ выглядывали проволочныя ребра и набивка изъ конскаго волоса, но всетаки полуаршинный молодецъ смотрѣлъ на меня неподвижными глазами строго и воинственно какъ и подобаетъ увѣчному воину, когда онъ черезъ двадцать пять лѣтъ снова увидитъ своего прежняго генерала.

Мнѣ припомнились жестокія сраженія которыя мы вмѣстѣ съ нимъ давали въ пескахъ птичнаго двора... Ахъ, какъ стремительно разлеталось въ разныя стороны чваное индюшиное племя, когда мы съ дикими воинственными криками мчались на него!

Но наши сердца горѣли не только необузданною жаждою боя, они часто пылали рыцарскимъ благородствомъ. Когда наша рыжая киска три дня подъ рядъ не показывалась на кухнѣ, мы дали геройскій обѣтъ не ѣсть и не пить, пока мы не доставимъ нашу пріятельницу обратно, живую или мертвую.

Мы собрались въ путь обильный небывалыми приключеніями. Мы спустились въ мрачныя нѣдра земли, въ прохладный погребъ гдѣ между бочекъ отвѣчавшихъ замогильнымъ гуломъ на наши удары проростала мамина зимняя рѣпа, и

только косой пучекъ лучей пробиравшихся сквозь узкое окно напоминалъ о залитомъ солнцемъ внѣшнемъ мірѣ. Мы смѣло вскарабкались на сѣновалъ гдѣ по шуршавшему въ темнотѣ сѣну съ пискомъ шмыгали крысы... Наконецъ, мы разыскали въ дровяномъ сараѣ кошку въ обществѣ пяти крошечныхъ кисокъ которыхъ она любовно облизывала.

Ахъ, тогда было иначе, совсѣмъ иначе! Годъ былъ безконечностью, размѣры міра доходили до засаженныхъ виноградниками холмовъ; домъ былъ помѣстьемъ, дворъ цѣлою областью; голубятню мы считали головокружительною высокою башней; предназначенное для золы углубленіе подъ печкою было для насъ пещерою.

Событіемъ дня служило найденное на землѣ куриное яйцо, или случайно попавшая въ корыто съ водою страшная лягушка; заполучивъ въ свое распоряженіе блестящую пуговицу отъ плаща или мѣдный пустой патронъ, мы чувствовали себя счастливыми, между тѣмъ какъ разбитое окно являлось настоящею катастрофою.

Получивъ новую игрушку, мы хвастались ею передъ обитателями птичьяго двора которые затѣмъ выражали свое мнѣніе многозначительнымъ кудахтаньемъ или завистливымъ кваканьемъ. Ласточка свившая себѣ гнѣздо подъ желобомъ была нашею собственною ласточкою; сосѣдскихъ воробьевъ мы встрѣчали бранью, если они осмѣливались сѣсть на крышу нашего дома.

Комнатная мебель представлялась намъ нѣмыми, но разумными существами, и если мы, будучи не въ духѣ, ударяли по столу, мы потомъ втихомолку гладили его чтобы онъ не сердился.

Виляющій хвостомъ дворовый песъ и мурлычащій котъ были нашими избалованными слугами которые довѣрчиво ластились къ намъ и исполняли наши строгія приказанія съ притворною покорностью, но лѣниво и нерачительно.

Изъ глубины колодца смотрѣли удивленныя и любопытныя дѣтскія лица; мамины банки съ вареньемъ стерегъ черный человѣкъ, въ котораго мы не совсѣмъ-то вѣрили, но всетаки побаивались его.

Солнце, Божье солнышко, грѣло такъ тепло только затѣмъ чтобы намъ можно было валяться въ саду на травѣ, а дождь лилъ для того чтобы намъ можно было пускать бумажныя лодочки.

Въ вечернемъ сумракѣ мы гоняли передъ домомъ сердито гудѣвшихъ жуковъ, а когда колокола начинали благовѣстить

къ вечерней службѣ, странное оцѣпенѣніе вдругъ овладѣвало нашими членами, и мы просили маму взять насъ къ себѣ на мягкія колѣна гдѣ намъ обоимъ было мѣсто. Еще нѣкоторое время мы смотрѣли на ясную луну, на которой стоитъ старикъ съ вязанкой хвороста за спиною; пока папа разговаривалъ съ сосѣдями о войнѣ, повальной болѣзни и податяхъ, мы сонно подмигивали другъ другу: вотъ важность! только бы намъ добраться до постели, а тамъ пускай приходитъ и война, и холера, и налоги!

Пока я стою на колѣнахъ возлѣ опрокинутой люльки, передъ моими духовными очами появляется давно забытый дѣтскій образъ. Это моя младшая сестра Вица. Она умерла пяти лѣтъ отъ крупа. Она была двумя годами моложе меня; не нынче-завтра исполнится двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ костлявая рука смерти сорвала незрѣлую человѣческую почку. Рана нанесенная намъ ея смертью давно зарубцевалась; черты ея лица мало-по-малу изгладились въ моихъ воспоминаніяхъ; за послѣднія десять лѣтъ я почти о ней не думалъ.

Удивительно! А теперь я вдругъ снова вижу ее передъ собою съ изумительною ясностью.

Она прелестная, сильная дѣвочка, съ синими, какъ васильки, глазами и коротко остриженною бѣлокурою головой; при разговорѣ она немножко картавитъ и обыкновенно наклоняетъ голову на бокъ.

Собственно говоря ее окрестили Викторіей, но бабушка никакъ не могла освоиться съ непривычнымъ для нея именемъ и называла дѣвочку Вицей. А я звалъ ее Вица-птица, пареная чечевица!

Она была бойкою, вѣчно подвижною дѣвочкой. Она постоянно вертѣлась въ кухнѣ, а когда мать моя прогоняла ее уполовникомъ, она принималась съ хохотомъ плясать по двору.

Ко мнѣ она очень привязалась и вообще была легковѣрна какъ всякій ласковый ребенокъ; больше всего ей хотѣлось бы быть мальчикомъ. Она была самою благодарною публикой при моихъ гимнастическихъ упражненіяхъ на садовомъ заборѣ; а когда я сочинялъ ей про жестокія сраженія которыя я въ своемъ воображеніи ежедневно давалъ цыганскимъ дѣтямъ городской окраины, въ ея большихъ глазахъ загорался огонь искренняго восторга.

Бѣдняжка Вица питала странную, восторженную любовь къ моему волосяному воину. Гусаръ былъ предметомъ ея мечтаній; безнадежное желаніе обладать гусаромъ омрачало ея

юную жизнь. Когда она находила что-нибудь красивымъ, восхитительнымъ, великолѣпнымъ, она говорила: совсѣмъ какъ гусаръ! Часто она начинала протяжнымъ, однообразнымъ голосомъ, безо всякаго вступленія:

— Подари мнѣ гусара!

— Послѣ дождика въ четвергъ...

— Подари, неутомимо повторяла она.

— Не ной, Вица!

— Самъ ноешь!

Тутъ обыкновенно завязывалась порядочная ссора, во время которой мы быстро забывали о предметѣ раздора. Наши родители не обращали вниманія на своеобразную страсть Вицы; впрочемъ, я убѣжденъ что моя сестренка не удовлетворилась бы другимъ, хотя бы совершенно такимъ же гусаромъ: ей нужно было именно моего гусара; именно *его* личность оказала на нее такое чарующее дѣйствіе.

И вдругъ гусаръ поступилъ-таки въ ея собственность; это чудо произошло слѣдующимъ образомъ.

Были мои именины. Мнѣ подарили новый костюмъ и золотые часы. Признаюсь что я нашелъ недочеты въ обоихъ подаркахъ: часы страдали тѣмъ недостаткомъ что не тикали, а платье хромало тѣмъ что куртка, жилетъ и панталоны были соединены вмѣстѣ, а я считалъ верхомъ изящества для мущины чтобы онъ время отъ времени снималъ сюртукъ.

Въ первомъ порывѣ радости съ сіяющимъ лицомъ побѣжалъ я къ жившей по сосѣдству бабушкѣ чтобы дать ей досыта полюбоваться собою. Вица, разумѣется, была со мною. Бабушка стояла на дворѣ передъ большимъ курятникомъ, на крышу котораго я иногда влѣзалъ чтобы покричать кукуреку. Я это сдѣлалъ и теперь; и когда я въ своемъ праздничномъ настроеніи, присѣвъ на вышкѣ, замахалъ руками и завопилъ пронзительнымъ голосомъ, Вица внизу захлопала въ ладоши отъ восхищенія. Но нашему веселью скоро пришелъ конецъ. Слѣзая съ курятника, я зацѣпился за гвоздь... о ужасъ! на локтѣ новаго костюма очутилась дыра въ три пальца шириною!

Мы были сражены. Я расплакался, сестра поблѣднѣла отъ испуга. Бабушка тщетно достала самое сладкое печенье и причитающуюся мнѣ по случаю именинъ серебряную монету: мы даже не посмотрѣли на нихъ и съ тоскою въ сердцѣ побрели домой. Я предчувствовалъ что дома надо мною будетъ совершено жестокое правосудіе. У бѣдной Вицы отъ моего горя

чуть не разрывалось доброе сердечко, пока она семенила со мною рядомъ.

Вдругъ она схватила меня за руку.

— Знаешь что̀, Дуди, не плачь, я зашью тебѣ дыру.

— Развѣ ты умѣешь шить, Вица? недовѣрчиво спросилъ я.

— Я? О, вотъ увидишь, я такъ зашью что никто не замѣтитъ.

Она сказала это съ такою увѣренностью что я и самъ ободрился. Дома я прямо прошмыгнулъ въ дровяной сарай, а Вица до тѣхъ поръ топталась вокругъ маминаго рабочаго столика, пока ей не удалось похитить необходимыя орудія. Вскорѣ она пришла ко мнѣ съ иголкою, нитками, громадными кроильными ножницами и такимъ наперсткомъ, въ которомъ помѣщались три ея пальца. Я легъ ничкомъ на корзину, а Вица стала возлѣ меня на колѣна и съ важнымъ видомъ принялась шить большими, кривыми стежками, одинъ разъ вверхъ, одинъ разъ внизъ. Окончивъ работу, она сама съ недовѣріемъ осмотрѣла собственное произведеніе: костюмъ былъ темносиній, а нитка бѣлая. Но ея изобрѣтательность помогла и тутъ: она принесла чернилъ и кончикомъ пальца старательно зачернила нитку; теперь дѣйствительно ничего не было замѣтно̀.

На радостяхъ я совершилъ поступокъ, о которомъ сейчасъ же пожалѣлъ: я подарилъ Вицѣ волосянаго воина. Моя сестрица не вѣрила ушамъ и почти поблѣднѣла отъ безмѣрнаго счастія.

— Ты въ правду мнѣ его отдаешь, Дуди? спросила она, затаивъ дыханіе.

— Отдаю, Вица.

— Навсегда?

— На вѣки вѣчные.

— Скажи: ей-Богу!

— Ей Богу!

Вица подхватила гусара на руки и съ радостнымъ визгомъ помчалась въ садъ.

Вечеромъ, когда меня стали раздѣвать, Вица уже стояла на колѣнахъ въ рѣшетчатой кровати и, держа гусара подъ мышкой, сонно бормотала вечернюю молитву.

— Что̀ это такое? спросила моя мать, снимая костюмъ: рукавъ вдругъ затрещалъ на локтѣ. О, ужасъ! Вица пришила куртку къ рубашкѣ! Мать моя и сердилась, и смѣялась; а я въ виду именинъ и сонпаго состоянія отдѣлался легкимъ шлепкомъ...

На другой день Вица съ самаго утра уже играла въ гусара, а меня снѣдала зависть...

„Весь нашъ уговоръ разстроился, потому что Вица нехорошо зашила куртку, и это неправда что никто не замѣтилъ дырку, потому что мама замѣтила и я получилъ шлепокъ; а „ей-Богу“ теперь ничего незначитъ, и поэтому она должна отдать гусара.“

Такъ разсуждалъ я. Доказательства вызвали ссору, ссора перешла въ драку, наконецъ раскраснѣвшаяся отъ гнѣва Вица гордо бросила гусара къ моимъ ногамъ:

— Вотъ, возьми, мнѣ не нужно!

Я разчитывалъ на нѣчто подобное, потому что зналъ горячность моей сестры; я зналъ и то что въ слѣдующее мгновеніе она уже пожалѣетъ о своей рыцарской вспышкѣ, поэтому схватилъ добычу и съ торжествомъ понесся въ садъ.

Съ этого времени я сталъ еще ревнивѣе охранять свое сокровище. Цѣна которую ему придавала Вица увеличивала его стоимость въ моихъ глазахъ. Уходя въ школу, я старательно пряталъ его, то въ водяную бочку, то подъ какой-нибудь ящикъ; замѣтивъ что нѣкія ручки пользуются моимъ отсутствіемъ для тайныхъ поисковъ моего воина, я придумалъ для него на сѣновалѣ такія сокровенныя мѣста куда Вица не могла добраться.

Когда я игралъ въ своего гусара въ саду, моя сестрица съ тоскливою завистью слѣдила черезъ заборъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

Бѣдная Вица! Недолга была ея жизнь, однако, ея хватило на то чтобы горячее дѣтское сердечко познало боль снѣдающихъ желаній, горечь отреченія и всю тоску безнадежной любви.

Вдругъ Вица заболѣла.

Сознаюсь что я отъ души ей завидовалъ. Я почти не зналъ состоянія пріятнѣе болѣзни: вамъ завязываютъ голову, горло, кладутъ въ постель; въ школу ходить не нужно, мама и папа ласкаютъ и балуютъ, а если вашей смышлености хватаетъ на то чтобы время отъ времени слегка охать, вы получаете апельсины, финики и сахаръ.

Меня отдали бабушкѣ; волосяной воинъ, разумѣется, отправился со мною. У бабушки я чувствовалъ себя одинокимъ, можетъ быть, потому что Вицы не было со мною, а можетъ быть, и потому что во всемъ домѣ царило строгое, почти торжественное настроеніе.

Домъ стоялъ непосредственно рядомъ съ церковью; ея двѣ высокія готическія башни заглядывали къ намъ во дворъ; а отъ колокольнаго звона днемъ дрожали наши окна. Со стѣнъ нашей спальни смотрѣли зоркими глазами кавалеры въ долманахъ и дамы въ цвѣтахъ, съ длинными шеями.

Но больше всего меня интересовали тикавшіе на комодѣ старинные часы. Удивительные то были часы! Подъ циферблатомъ, расписаннымъ цвѣточками, вмѣсто маятника порхала пестрая раззолоченная бабочка; между двумя алебастровыми колонками былъ садъ съ замкомъ въ стилѣ „барокъ", съ фонтаномъ, красными восковыми тюльпанами и ярко зеленымъ газономъ; въ саду стоялъ испанскій рыцарь съ гитарою и перомъ на шляпѣ. Онъ томно смотрѣлъ на закрытое окно замка. Когда часы начинали бить, стрѣльчатое окно распахивалось, появлялась крошечная дамочка и однообразно кивала головою. Рыцарь принимался усердно играть на лютнѣ, изъ фонтана начинала бить кольцомъ витая стеклянная струйка, изъ глубины часовъ раздавался своеобразный, задумчивый, старинный напѣвъ. А я, съ бьющимся сердцемъ, затаивъ дыханіе, смотрѣлъ на ожившій волшебный сонъ.

Ахъ, вѣдь я долженъ говорить о Вицѣ!

Разъ бабушка сказала мнѣ что бѣдненькой Вицѣ очень нехорошо.

„Ага! подумалъ я; значитъ, ей даютъ очень много сахара?"

Послѣ полудня къ намъ зашла горничная Барка и сказала что идетъ за лекарствомъ, а Вица очень проситъ меня прислать ей взаймы гусара, потому что тогда она сейчасъ выздоровѣетъ.

— Гусара... пролепеталъ я;—гусара? куда я его дѣлъ... сейчасъ поищу...

Не знаю, какой бѣсъ овладѣлъ мною. Я поспѣшилъ въ свою комнату, спряталъ гусара за пазуху, перелезъ черезъ заборъ и пустился по лугу. Я счелъ свое сокровище въ безопасности только тогда, когда очутился одинъ подъ ветлами. Я долго бродилъ по берегу ручья. О! Эта Вица? Мало того что она не ходитъ въ школу и получаетъ сахаръ, теперь она хочетъ еще взять моего гусара? Когда стемнѣло, я началъ побаиваться въ одиночествѣ; старыя, засохшія ветлы были похожи въ темнотѣ на прыгающія тѣни человѣческихъ фигуръ и на угрожающія чудовища.

Когда я съ гусаромъ подъ мышкою, запыхавшись, добрался

домой, бабушка молчаливо и печально сидѣла на дворѣ. Мнѣ не хотѣлось играть, и я примостился къ бабушкѣ. По двору надъ цвѣтущими вѣтвями носились летучія мыши и ночныя бабочки.

Кругъ луны выглянулъ между башенъ церкви; стрѣльчатые своды, сквозныя, причудливыя каменныя украшенія потонули въ волшебномъ сіяніи. Когда я видѣлъ церковь при лунномъ свѣтѣ, мною овладѣвало тайное, романтическое желаніе. Въ воображеніи я, точно второй Квазимодо, обходилъ тамъ наверху диковинный каменный лѣсъ, гдѣ живутъ готическія чудовища и стройные каменные цвѣты расцвѣтаютъ подъ лунными лучами.

Когда вдали, въ казармахъ, протрубили вечернюю зòрю, при ея заунывныхъ, протяжныхъ звукахъ на меня нашло оцѣпенѣніе, и удрученное состояніе духа овладѣло мною. Можетъ быть, слѣдовало бы отослать Вицѣ волосяного воина!

Ночью я видѣлъ глупый сонъ. Я ходилъ въ саду музыкальныхъ часовъ; надъ моею головою болталась вѣчно безпокойная бабочка, фонтанъ журчалъ, музыка играла, но игравшій на лютнѣ былъ не кѣмъ инымъ какъ моимъ волосянымъ воиномъ, а изъ окна замка кивала маленькая Вица... Я вдругъ очнулся въ постели: въ комнатѣ горѣла свѣчка.

— Бабушка! простоналъ я.

— Чтó, дѣточка.

— Гусара-то... гусара надо отдать Вицѣ-птицѣ...

Бабушка нѣжно поцѣловала меня и сказала сдерживая рыданія:

— Вица-птица улетѣла на небо, она теперь стала ангеломъ.

Тутъ мои воспоминанія изглаживаются. Я никакъ не могу себѣ представить, чтò я тогда почувствовалъ и подумалъ. Но одна картина ясно стоитъ передъ моими глазами, такъ ясно точно я видѣлъ ее не двадцать лѣтъ тому назадъ, а вчера.

Я опять въ домѣ моихъ родителей. Знойный лѣтній день. Дворъ полонъ перешептывающихся чужихъ людей которые съ любопытствомъ смотрятъ на стоящій передъ нами металическій гробикъ. Ароматъ расцвѣтающихъ липъ сливается съ запахомъ восковыхъ свѣчъ и завядшей зелени; священникъ поетъ тихимъ голосомъ, а въ паузахъ съ крыши доносится воркованіе голубей. Я разсматриваю черную ленту которую пришили къ моей соломенной шляпѣ, при этомъ я перебираю поля шляпы и плачу, потому что мама тоже плачетъ.

Мама блѣдна какъ смерть; время отъ времени изъ ея груди вырывается сдавленный крикъ, тогда она судорожно сжимаетъ мою руку которую держитъ въ своей, а я думаю что сейчасъ весь свѣтъ перевернется.

Можетъ-быть, слѣдовало отдать Вицѣ этого гусара?

Когда мы на слѣдующій день сѣли обѣдать, за столомъ осталось пустое мѣсто. Папа раздражительно отодвинулъ супъ, а мама, не отрываясь, смотрѣла влажными глазами на опустѣвшее мѣсто.

— Бѣдная моя дѣвочка, сказала она дрожащимъ голосомъ; — въ агоніи она уже не узнавала меня и все упоминала въ бреду какого-то гусара...

Тутъ уже и я положилъ ложку. Теперь я уже былъ увѣренъ что слѣдовало отдать Вицѣ-птицѣ этого волосянаго воина; въ душѣ же моей зародилась смутная догадка о суетѣ земнаго счастія.

И вотъ черезъ двадцать лѣтъ я снова вижу передъ собою волосянаго воина которому бѣдная Вица осталась вѣрною даже въ смертный часъ.

Я еще не принадлежу къ числу тѣхъ которые покончили счеты съ жизнію, но, пожалуй, отдалъ бы все чего добиваюсь и на что надѣюсь въ будущемъ, еслибы мнѣ было можно еще разъ остаться вдвоемъ съ Вицею, подать ей гусара и сказать ей:

— Вотъ тебѣ, Вица-птица, пареная чечевица, вотъ, ей-Богу, я въ правду отдаю тебѣ волосянаго воина!

КАЗЕННЫЙ и ВОЛЬНОНАЕМНЫЙ.

(изъ походныхъ воспоминаній).

Въ нашемъ отрядѣ только у одного поручика Чекина былъ не денщикъ, а вольнонаемный слуга котораго поручикъ всегда называлъ почему-то Иваномъ Ивановичемъ. Этотъ Иванъ Ивановичъ, еще довольно молодой малый съ незначительнымъ лицомъ, ходилъ всегда въ засаленномъ черномъ сюртукѣ и далеко не отличался чистотою. Поручикъ Чекинъ незадолго до похода женившійся въ Москвѣ на купеческой дочкѣ и игравшій у насъ роль состоятельнаго человѣка говорилъ что денщика было бы слишкомъ трудно пріучить къ его требованіямъ, а потому онъ и рѣшился взять въ походъ своего наемнаго лакея хорошо знающаго всѣ его привычки.

Сначала всѣмъ намъ очень странно было видѣть какъ около повозокъ и орудій, среди солдатъ, шагаетъ непривычная для нашихъ глазъ фигура въ штатскомъ одѣяніи; но скоро мы всѣ къ ней приглядѣлись, и когда впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ исчезъ изъ нашего отряда, безъ него какъ будто чего-то недоставало.

Мнѣ съ самаго начала похода былъ назначенъ въ денщики канониръ Матвѣевъ, изъ безсрочныхъ вновь призванныхъ на дѣйствительную службу. Матвѣевъ былъ человѣкъ уже не первой молодости, сумрачнаго вида, довольно неуклюжій и медлительный и крайне не разговорчивый. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ когда ему приходилось говорить больше обыкновеннаго и особенно что-нибудь разказывать, онъ въ концѣ-концовъ всегда начиналъ какъ-то странно смѣяться, точно ему самому смѣшно было что онъ разговаривалъ.

У меня не было никакихъ особенныхъ привычекъ какъ у поручика Чекина, и я довольно равнодушно отнесся къ личности Матвѣева когда онъ явился ко мнѣ въ первый разъ. Не обратилъ я также большаго вниманія на предостереженіе поручика который говорилъ что я „наплачусь въ походѣ съ такой дубиной“ и совѣтовалъ мнѣ просить другаго денщика.

Однако уже съ перваго дня службы у меня Матвѣевъ проявилъ неожиданныя способности. У меня не оказалось бѣлыхъ чехловъ на фуражку, и я послалъ Матвѣева разыскать кого-нибудь, кто взялся бы сшить хоть два чехла наскоро, такъ какъ черезъ день мы должны были уже садиться въ воинскій поѣздъ. Мы стояли въ крошечномъ еврейскомъ мѣстечкѣ, но я надѣялся что можно будетъ найти какого-нибудь портнаго. Я далъ Матвѣеву денегъ и онъ ушелъ, а на утро явился съ двумя не совсѣмъ складно сшитыми, но вполнѣ годными чехлами.

— Ну вотъ, отлично! Нашелъ портнаго, сказалъ я ему, довольный что дѣло такъ скоро устроилось.

— Зачѣмъ портнаго? Самъ сшилъ, ваше благородіе. Не знаю, хорошо ли, нѣтъ ли.

— Да развѣ ты умѣешь шить?

— Учиться не учился, да вѣдь что̀ за мудрость: по нуждѣ и сошьешь! отвѣчалъ Матвѣевъ.

Это простое соображеніе что̀ по нуждѣ все сдѣлаешь Матвѣевъ успѣшно прилагалъ потомъ въ теченіе всего похода. Будучи по ремеслу своему слесаремъ, онъ проявилъ способности къ самымъ разнообразнымъ дѣламъ. Между прочимъ, къ концу похода онъ сдѣлался довольно искуснымъ и даже изобрѣтательнымъ поваромъ, а это качество въ походной жизни имѣетъ значеніе не малое.

Поручиковъ слуга, Иванъ Ивановичъ, совсѣмъ не имѣлъ универсальныхъ способностей Матвѣева. Правда, онъ зналъ „уходъ за господами“, тѣмъ болѣе что служилъ нѣсколько лѣтъ въ различныхъ меблированныхъ комнатахъ въ Москвѣ, но знанія эти онъ не могъ примѣнить какъ слѣдуетъ въ походной жизни и плохо ладилъ съ ея своеобразными условіями. Онъ до мозга костей былъ городскимъ человѣкомъ и презрительно относился къ деревнѣ. Между тѣмъ Матвѣевъ, хотя и много работавшій въ городахъ, несмотря на это, сумѣлъ какъ-то вполнѣ остаться человѣкомъ деревенскимъ, и это составляло одну изъ тайнъ его нѣсколько загадочной натуры.

Въ первые дни похода, когда мы ѣхали въ воинскомъ поѣздѣ и очень просторно помѣщались въ отдѣльномъ вагонѣ, мы пользовались большими удобствами. За всѣ эти дни Матвѣеву не было почти никакого дѣла, а Иванъ Ивановичъ былъ совсѣмъ въ своей сферѣ. При долгихъ остановкахъ на большихъ станціяхъ онъ всегда суетился, бѣгалъ и за дѣломъ, и безо всякаго дѣла въ станціонные буфеты которые были близки его сердцу, и видимо наслаждался всей обста-

новкой удобной, хотя и очень медленной ѣзды по желѣзной дорогѣ въ воинскомъ поѣздѣ.

Дѣйствительно, ѣхать намъ было спокойно и привольно. Но скоро это удовольствіе кончилось. Доѣхавъ до пограничной станціи Унгены, мы высадились и пошли походомъ по Румыніи, направляясь къ Зимницѣ и Систову.

Однако и походъ нашъ, почти до самыхъ береговъ Дуная, былъ пріятною прогулкой. Стояла чудная осенняя погода съ яркими солнечными днями, съ прохладными, свѣжими ночами. Воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ что самые дальніе предметы видны были съ поразительною ясностію. Пройдя верстъ двадцать по маршруту, мы, бывало, съ особеннымъ чувствомъ радости и наслажденія отъ предвкушенія ужина и постели приходили и располагались на ночлегъ. Разбивались палатки, зажигались костры, и по всему лагерю распространялся удивительно пріятный запахъ дыма и варящейся пищи, всю прелесть котораго знаетъ только тотъ кто былъ въ долгомъ походѣ.

Уже съ первыхъ ночлеговъ Иванъ Ивановичъ сталъ проявлять большое неудовольствіе. Кромѣ ухода за бариномъ, тутъ приходилось дѣлать и другое дѣло: нужно было кормить барина съ его невѣроятнымъ послѣ дневнаго перехода апетитомъ; необходимо было добывать тѣ припасы изъ которыхъ можно было бы состряпать вкусный ужинъ. Особенно былъ оскорбленъ Иванъ Ивановичъ тѣмъ что его рѣшительно никто не понималъ, хотя онъ говорилъ по-русски, то-есть, на языкѣ, по его мнѣнію, самомъ понятномъ. Нѣсколько будто бы французскихъ словъ которыя онъ зналъ и пускалъ въ ходъ тоже очень мало помогали, а жестикуляція Ивана Ивановича была слишкомъ суетлива и безпорядочна. Все это было ему очень обидно и онъ терялся, несмотря на всю свою развязность.

— Эка проклятый народъ! Мужичье черномазое! съ озлобленіемъ ворчалъ онъ, возвращаясь послѣ безуспѣшныхъ поисковъ провизіи въ какой-нибудь деревнѣ. — Ничего не понимаютъ, черти, чтò имъ ни говори!

Поручикъ Чекинъ сердился и кричалъ на него. Иванъ Ивановичъ куда-нибудь скрывался отъ гнѣва своего барина; но насъ всегда выручалъ Матвѣевъ. Онъ какимъ-то ему одному извѣстнымъ способомъ ухитрялся доставать всего: гусей, куръ, баранины, кукурузныхъ и пшеничныхъ лепешекъ. Ему нужно было только дать денегъ, и все являлось. Въ концѣ-концовъ у насъ почти всегда былъ обильный и вкусный ужинъ. Иванъ Ивановичъ очень скоро утѣшался и сидя у костра съ Матвѣевымъ предавался сладкимъ воспоминаніямъ о жизни въ Москвѣ и безъ конца разказывалъ Мат-

вѣеву обо всѣхъ ея прелестяхъ. Матвѣевъ всегда слушалъ эти разказы внимательно и молча, съ своимъ обычнымъ мрачнымъ видомъ, но это нисколько не смущало Ивана Ивановича, и онъ разливался соловьемъ. Замѣчательно что Иванъ Ивановичъ не только не чувствовалъ никакой зависти къ Матвѣеву, но относился къ нему покровительственно и очевидно считалъ себя выше его. Матвѣевъ же былъ къ этому совершенно равнодушенъ.

Скоро для насъ настали тяжелые дни. Когда мы уже подходили къ берегамъ Дуная, погода рѣзко измѣнилась Солнце скрылось, нависли тяжелыя сѣрыя тучи, задулъ холодный вѣтеръ, полился безнадежный осенній дождь.

Походъ въ пору осенняго ненастья далеко не отличается пріятностью. Усталые, измокшіе, покрытые грязью, мы къ концу перехода ждали, бывало, ночлега какъ счастія. Но и ночлегъ приносилъ съ собою много огорченій. Мокрыя палатки разбивались на мокрой землѣ; бѣлье и всѣ вещи были пропитаны сыростью и грязны; питаться приходилось кое-какъ, только бы скорѣе утолить голодъ, согрѣться и лечь на сырую постель подъ сырое одѣяло. Иванъ Ивановичъ совсѣмъ упалъ духомъ и имѣлъ крайне унылый видъ.

За нѣсколько дней безпросвѣтнаго ненастья только разъ и ненадолго проглянуло солнце. Мы собирались переходить по понтонному мосту черезъ Дунай для слѣдованія по маршруту въ окрестности Плевны, обложеніе которой нашими войсками тогда уже началось. Что̀ ждало насъ на той сторонѣ Дуная? Эта мысль была въ душѣ у всѣхъ. Переходъ роковой черты за которой было столько возможностей страданія и смерти волновалъ каждаго изъ насъ, и лишь немногіе могли скрывать это волненіе.

Сплошная завѣса дождя и тумана совсѣмъ закрывала отъ насъ турецкій берегъ. Мостъ, казалось, уходилъ въ какую-то пустоту и конца его совсѣмъ не было видно. Но вотъ разорвались тучи, туманъ поднялся, лучи солнца заиграли на желтоватыхъ волнахъ Дуная, и мрачные сѣрые холмы противоположнаго берега вдругъ стали видны. Всѣ мы почувствовали ясно что для насъ начинается что-то новое, неизвѣстное.

Первыя наши орудія уже вступили на мостъ, когда я невольно обратилъ вниманіе на Ивана Ивановича. Онъ стоялъ съ блѣднымъ, осунувшимся лицомъ. Его помутившійся взоръ былъ неподвижно устремленъ на ту сторону рѣки. Черный сюртукъ его былъ въ грязи волосы растрепаны. Бросивъ фуражку на землю, онъ крестился дро-

жащею рукой. Жалкую и странную фигуру представлялъ онъ собою, и не легко, должно быть, было у него на душѣ!

Матвѣевъ подошелъ къ нему и тронулъ за плечо.

— Ну, будетъ, чего ты! проговорилъ онъ.

Иванъ Ивановичъ поднялъ фуражку, обтеръ ее рукавомъ, повернулся и покорно поплелся за Матвѣевымъ на мостъ.

Было начало ноября. Мы жили въ землянкахъ близь полуразрушенной болгарской деревни, со дня на день ожидая сдачи Плевны или рѣшительнаго боя. Жить было недурно; отъ похода мы всѣ уже отдохнули, ко всѣмъ неудобствамъ и лишеніямъ притерпѣлись и начинали скучать отъ невольнаго и продолжительнаго бездѣйствія.

Съ поручикомъ Чекинымъ мы жили въ одной землянкѣ. Почти все наше несложное хозяйство, какъ и въ походѣ, было въ рукахъ Матвѣева; Иванъ Ивановичъ завѣдывалъ только уборкою нашей „комнаты", чисткою платья, да подавалъ на столъ, вѣрнѣе, на доску укрѣпленную на четырехъ вбитыхъ въ землю обрубкахъ дерева.

Между Иваномъ Ивановичемъ и Матвѣевымъ продолжалась неразрывная дружба. Иванъ Ивановичъ подбодрился и успокоился, а Матвѣевъ былъ все такимъ же, какимъ я увидалъ его въ первый разъ. Ко всему окружающему онъ относился вполнѣ равнодушно, точно все ему было уже давно знакомо и привычно.

Мы ложились спать очень рано, иногда часовъ въ восемь. Въ одинъ холодный, ясный и тихій вечеръ мнѣ не спалось; я вышелъ изъ землянки и сѣлъ на лавочку у входа, любуясь звѣзднымъ небомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ землянки ярко горѣлъ костеръ и освѣщалъ краснымъ свѣтомъ фигуры Ивана Ивановича и Матвѣева сидѣвшихъ у самаго огня другъ противъ друга. Въ глубокой вечерней тиши мнѣ отъ слова до слова было слышно все что разказывалъ (должно быть, въ сотый разъ) Матвѣеву Иванъ Ивановичъ.

— Хоть и безпокойно было, да хорошо, прибыльно, говорилъ онъ.—Иной разъ къ ночи ногъ подъ собой не слышишь, замотаютъ посылками, да за то въ карманѣ прибывало. Я вѣдь бережливъ: у меня теперь капиталу больше трехсотъ цѣлковыхъ въ Москвѣ хранится. Въ нашихъ нумерахъ жили все хорошіе господа, больше холостые, и съ деньгами. У насъ и мой баринъ теперешній стоялъ. Онъ форсистый былъ, ходилъ чисто и все искалъ невѣсту богатую. Да и посчастливилось же ему: тысячъ сто, говорятъ, взялъ деньгами

въ приданое. Вотъ какъ онъ женился, и сманилъ меня къ себѣ; а тутъ я и судьбу свою нашелъ... Ты что̀, Матвѣевъ?

— Дровъ подложить! отвѣчалъ Матвѣевъ, вставая и исчезая въ темнотѣ. Онъ скоро вернулся съ охапкой дровъ и побросалъ ихъ на костеръ.

— Ну, слушай! продолжалъ Иванъ Ивановичъ.—Молодая-то барыня привезла съ собой дѣвушку, Дуню, красавицу писаную, лучше самой барыни. Понравилась она мнѣ, страсть! Только сначала она на меня и смотрѣть не хотѣла, все фыркала. Однако потомъ ничего, подобрѣе стала. Все я ей, другъ ты мой, на гитарѣ игралъ, а я много знаю пѣсенъ: и польки, и мазурки, и краковякъ умѣю. У насъ въ нумерахъ гитаристъ жилъ, на театрѣ игралъ: у него я и научился. Только, братъ, Дуня строга была, никакихъ вольностей не дозволяла. А между прочимъ замужъ пойти согласилась. Вотъ тутъ-то и вышла, братецъ ты мой, задержка. Поручикъ мой въ отставку было хотѣлъ, да не успѣлъ, войну объявили. Собрался онъ въ походъ и меня сталъ звать. Я было сначала и думать не хотѣлъ, да Дуня подбила. „Что жь это, говоритъ, ты трусишь, что ли? Баринъ идетъ на войну, а ты чего ломаешься? Коли такъ, не пойду за тебя замужъ, за труса! Иди вотъ въ походъ, вернешься, тогда и свадьбу сыграемъ“. Такъ она меня этимъ обидѣла! Подумалъ я, подумалъ, да и поѣхалъ съ бариномъ. Вотъ, братъ Матвѣевъ, какъ я на войну попалъ, изъ-за дѣвки! А мнѣ совсѣмъ и не полагается въ военную-то службу идти: отецъ давно померъ, матери ужь лѣтъ за шестьдесятъ, а я одинъ сынъ. Иной разъ думаю, думаю, даже оторопь возьметъ: куда это меня занесло!

— Что жь, тебѣ развѣ худо? отвѣтилъ Матвѣевъ.—Живешь, слава Богу!

— Такъ-то такъ, да все страшно.

— У меня товарищъ былъ, вдругъ, помолчавъ, заговорилъ Матвѣевъ:—вмѣстѣ на заводѣ работали въ Тулѣ. Какъ объявили войну, онъ все горевалъ: возьмутъ, дескать, меня, а у меня жена, да дѣти малолѣтнія. Погоревалъ, погоревалъ, да вдругъ и заболѣлъ; свезли въ больницу: тамъ, говорятъ, оспа. Черезъ недѣлю померъ. Жена-то съ дѣтьми, небось, по-міру теперь ходитъ. Вотъ тебѣ и война!.. Ну, пора и спать, завтра вставать рано, заключилъ Матвѣевъ, поднимаясь отъ костра.

Я также всталъ и пошелъ въ землянку.

Была холодная и сырая ноябрьская ночь. Моросилъ дождь. Порывистый вѣтеръ гналъ по небу черныя тучи. Весь нашъ лагерь былъ окутанъ безпросвѣтнымъ мракомъ.

Уже нѣсколько ночей мы спали не раздѣваясь, такъ какъ было прислано предупрежденіе о возможности ночнаго дѣла.

Кромѣ шума вѣтра ничего не было слышно, когда я, почему-то внезапно проснувшись, вышелъ изъ душной землянки, все спало тѣмъ глубокимъ сномъ которымъ спится въ самой серединѣ ночи.

Но вотъ въ сторонѣ Плевны взвилась красноватая змѣйка ракеты. Спустя нѣсколько секундъ донеслся издалека слабый звукъ выстрѣла. Прошло мгновеніе, и нашъ лагерь какъ бы по волшебству сталъ оживать.

Рѣзкіе звуки трубы, безпокойные и возбуждающіе, пронеслись по всему лагерю, и тамъ, гдѣ минуту назадъ царили глубокая тишина и мракъ, забѣгали огоньки и все наполнилось звуками голосовъ и топотомъ ногъ. Неистово шипя и сыпля дождь золотыхъ искръ, величественно поднялась къ черному небу наша сигнальная ракета, остановилась въ вышинѣ на мгновенье, какъ бы задумалась, и вдругъ загрохоталъ выстрѣлъ, покрывая собою всѣ звуки.

Но будить ему было уже некого. Всѣ поднялись и всѣ были готовы идти въ тотъ черный мракъ, гдѣ насъ ожидала полная неизвѣстность.

Въ нашей уютной и теплой землянкѣ сразу все опустѣло. Матвѣевъ, не говоря ни слова, собралъ всѣ мои вещи, уже заранѣе подготовленныя, и понесъ ихъ къ повозкамъ. Онъ нисколько не казался озабоченнымъ и не торопился. Но Иванъ Ивановичъ за нимъ не поспѣлъ. Вскочивъ какъ ошалѣлый при первомъ звукѣ трубы, онъ такъ сталъ суетиться и метаться что жалко и въ то же время смѣшно было на него смотрѣть. Поручикъ волновался, сердился и кричалъ на него, но это дѣйствовало еще хуже. Его руки дрожали, зубы выбивали мелкую дробь, онъ поминутно хватался за голову и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на разбросанныя вещи которыя ему никакъ не удавалось собрать въ чемоданъ.

Поручикъ выбѣжалъ впередъ, а я остался взглянуть еще разъ, не забылъ ли чего. Иванъ Ивановичъ ко мнѣ бросился.

— Баринъ, батюшка! Погибель моя пришла! Итожъ теперь дѣлать?

— Ну, какъ тебѣ не стыдно! постарался я его образумить.—Вѣдь ты не одинъ здѣсь! Не суетись, а собери все хорошенько. Сейчасъ вернется Матвѣевъ.

Но потомъ оказалось что Иванъ Ивановичъ не дождался Матвѣева. Какъ только я вышелъ и остался одинъ въ землянкѣ, имъ овладѣлъ

такой паническій страхъ что онъ собралъ кое-какъ въ охапку всѣ еще не уложенныя вещи, взвалилъ на плечо чемоданъ который второпяхъ позабылъ запереть, и побѣжалъ куда глаза глядятъ. Въ хаосѣ поднятаго по ночной тревогѣ лагеря онъ запутался, не могъ найти повозокъ, взялъ куда-то въ сторону и все бѣжалъ, теряя по дорогѣ одну вещь за другою, пока не наткнулся, уже за лагеремъ, на оставшуюся отъ турецкаго укрѣпленія канаву. По ея размокшему отъ дождя скату онъ съѣхалъ внизъ и вмѣстѣ съ оставшимися вещами растянулся на вязкомъ глинистомъ днѣ канавы. Тутъ, спустя цѣлый часъ, нашелъ его Матвѣевъ, нарочно отправившійся его разыскивать.

Между тѣмъ у насъ все уже успокоилось и приходило въ прежній порядокъ. Тревога оказалась ложною, и мы опять водворились въ своихъ землянкахъ. Поручикъ былъ до глубины души возмущенъ поведеніемъ Ивана Ивановича, тѣмъ болѣе что добрая половина вещей оказалась въ самомъ невозможномъ видѣ. Остальную часть ночи Матвѣевъ и Иванъ Ивановичъ провозились у костра за просушкой и очищеніемъ отъ грязи различныхъ принадлежностей поручикова костюма.

Когда мы проснулись утромъ, Иванъ Ивановичъ имѣлъ до крайности жалкій видъ и казался совершенно подавленнымъ происшествіемъ минувшей ночи. Все онъ дѣлалъ машинально, какъ бы во снѣ; все валилось изъ его рукъ.

Наскоро напившись чаю, поручикъ дружески попросилъ меня уйти не надолго изъ землянки и позвалъ къ себѣ Ивана Ивановича. Чтò произошло между ними, я не знаю; но когда я вернулся, я уже не засталъ ни того, ни другаго. Поручикъ уѣхалъ куда-то верхомъ, а Иванъ Ивановичъ скрылся. Только послѣ обѣда поручикъ возвратился въ лагерь, усталый, промокшій и сердитый, и послалъ Матвѣева разыскать Ивана Ивановича. Тотъ явился сейчасъ же, и поручикъ, не глядя на него, только сказалъ: „Можешь ѣхать!“, и ушелъ въ землянку.

Черезъ десять минутъ пожитки несчастнаго Ивана Ивановича были собраны; онъ усѣлся съ Матвѣевымъ въ походную повозку (Матвѣевъ отпросился у меня проводить его), и они куда-то уѣхали. Вернулся Матвѣевъ одинъ, уже поздно ночью.

Ивана Ивановича съ тѣхъ поръ мы больше уже не видали.

Давно уже взята была Плевна, и даже заключено перемиріе. Полный разцвѣтъ теплой весны засталъ насъ за Балканами на

дорогѣ отъ Казанлыка къ Андріанополю. Все зеленѣло, все цвѣло. О темныхъ и ненастныхъ осеннихъ дняхъ мы совсѣмъ позабыли. Столько новыхъ, интересныхъ и поразительныхъ впечатлѣній пережили мы со времени стоянки подъ Плевной что сами какъ будто стали новыми, и все что было на той сторонѣ Балканскихъ горъ казалось страшно далекимъ, давно прошедшимъ.

Поручика съ нами не было. Вскорѣ послѣ паденія Плевны онъ былъ переведенъ въ другую часть войскъ, и мы съ Матвѣевымъ безпрепятственно вели наше несложное походное хозяйство.

Послѣ стоянки и отдыха въ Казанлыкѣ рано утромъ двинулись мы въ дальнѣйшій походъ на югъ. Солнце поднималось на совершенно безоблачномъ небѣ, прогоняя своими лучами легкій утренній туманъ. Мы шли по долинѣ Розъ теряющейся въ безконечной дали къ западу и къ востоку. На сѣверѣ, казалось, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, прямо съ равнины подымались бѣлыя громады горъ еще покрытыхъ снѣгомъ. На югѣ, въ голубоватой дымкѣ, далеко виднѣлась цѣпь холмовъ которые лежали на нашемъ пути.

Намъ предстоялъ длинный переходъ до Эски-Загры. Когда совсѣмъ поднялось солнце, стало жарко, и мы порядочно устали, добравшись до подножія холмовъ. Но тамъ ожидали насъ такія красивыя мѣста что усталость была позабыта. Дорога шла то по долинѣ, пологіе скаты которой были покрыты густымъ кустарникомъ и пестрѣли полевыми цвѣтами, то она вступала въ узкое ущелье съ отвѣсными стѣнами, съ журчащими ручейками, съ прохладнымъ, свѣжимъ воздухомъ. Мы незамѣтно подымались все выше и выше и, достигнувъ вершины перевала, остановились, очарованные развернувшейся передъ нами картиною.

Мы стояли на краю крутаго ската сбѣгавшаго на громадную равнину. Она простиралась въ безпредѣльную даль, и только справа и слѣва тянулись послѣднія гряды холмовъ, то зеленыхъ, то обрывистыхъ и скалистыхъ, да на самомъ горизонтѣ едва замѣтно рисовались туманныя, нѣжно-голубыя очертанія какихъ-то далекихъ горъ. Такой шири, такого приволья и простора мы уже давно не видали, и всякій почувствовалъ въ немъ что-то родное, близкое сердцу.

Среди нашихъ солдатъ видно было необычайное оживленіе. Всюду виднѣлись радостныя лица, слышался веселый и шумный разговоръ.

— Братцы, гляди, въ Россію пришли! кричали одни.

— Вотъ хорошо-то! Точно у насъ въ Орловской губерніи! восклицали другіе.

— Теперь, Богъ дастъ, скоро и домой отправятъ: всѣ горы перешли, больше ничего не осталось!

У всѣхъ внезапно пробудилась надежда что пришелъ конецъ и войнѣ, и походу. Очевидно всѣмъ вдругъ страстно захотѣлось домой, и чувство тоски по родинѣ и по дому которое каждый давно таилъ про себя вспыхнуло теперь съ неудержимою силой. Мы не могли еще знать тогда сколько тяжкихъ, томительныхъ дней предстояло намъ впереди; мы не знали что многимъ и многимъ изъ насъ уже не суждено было вернуться въ Россію; никто не предчувствовалъ что эпидемія сыпнаго тифа похититъ жертвъ гораздо болѣе чѣмъ всѣ непріятельскія пули и гранаты взятыя вмѣстѣ.

Матвѣевъ также поддался общему оживленію. Его всегда сумрачное лицо расползлось въ такую широкую улыбку къ которой я совсѣмъ не считалъ его способнымъ. Но онъ не выразилъ своихъ чувствъ никакими словами.

Мы спустились на равнину и подходили уже къ Эски-Загрѣ, когда я замѣтилъ что съ Матвѣевымъ дѣлается что-то необыкновенное. Онъ шелъ въ сторонѣ отъ дороги, какъ-то странно размахивалъ руками и что-то бормоталъ про себя. Я подъѣхалъ къ нему, соскочилъ съ лошади и пошелъ рядомъ.

— Чтò съ тобой, Матвѣевъ?

Изъ глазъ его текли слезы, и все та же широкая и странная улыбка оставалась на лицѣ.

— Чуднò, ваше благородіе! Самъ не знаю чтò такое. Какъ вспомню что скоро въ нашемъ селѣ праздникъ храмовой, слезы-то такъ и текутъ!

Больше ничего не разказалъ онъ мнѣ. И долго еще онъ шелъ, какъ бы въ недоумѣніи покачивая головою и утирая глаза рукавомъ рубашки.

Іюнь уже приближался къ концу, а мы все еще были столь же далеки отъ возвращенія въ Россію какъ и прежде. Мы стояли въ небольшомъ городкѣ на югѣ Турціи, близь береговъ Эгейскаго моря. Тяжелое было это время! Мы бездѣйствовали въ тревожномъ ожиданіи, такъ какъ не знали, будетъ ли новая война, или нѣтъ. Безпрерывный палящій зной, отъ котораго можно было отдыхать лишь по ночамъ, неопредѣленность нашего будущаго, полное бездѣйствіе и общій упадокъ духа, все это дѣлало нашу жизнь въ городкѣ томительною и тяжкою. Число больныхъ все прибывало, и каждый изъ насъ былъ теперь въ гораздо большей опасности чѣмъ подъ непріятельскими выстрѣлами.

Въ одинъ изъ самыхъ жаркихъ дней я съ самаго утра чувствовалъ какую-то странную слабость и апатію. Къ вечеру я уже слегъ и потерялъ сознаніе: я заболѣлъ жестокою формой сыпнаго тифа.

Много было хлопотъ Матвѣеву со мною. Нѣсколько дней, ни днемъ, ни ночью, онъ не отходилъ отъ моей постели. Какъ я потомъ узналъ, у меня былъ сильный бредъ, я часто вскакивалъ съ постели и порывался бѣжать. Однажды, при минутной отлучкѣ Матвѣева изъ моей комнаты, я подъ вліяніемъ бреда добрался до двери дома съ зажатымъ въ рукѣ заряженнымъ револьверомъ, обыкновенно висѣвшимъ надъ моей кроватью. Не легко было Матвѣеву меня обезоружить, донести и положить въ постель. Послѣ дней безпамятства и бреда наступили дни страшной слабости, и тутъ хлопотъ было не меньше. Нужно было меня кормить, лечить, занимать разговорами. Матвѣевъ похудѣлъ, осунулся, но все также почти не отходилъ отъ меня. Изрѣдка только замѣнялъ его кто-нибудь изъ нашихъ фельдшеровъ, но ихъ нельзя было надолго отрывать отъ работы которой у нихъ было не мало. По мѣрѣ дальнѣйшаго моего выздоровленія обязанности Матвѣева въ одномъ отношеніи еще усложнились. Нужно было бороться со страшнымъ пробудившимся у меня апетитомъ и съ цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ причудъ, а все это очень утомительно и трудно даже для человѣка привыкшаго къ уходу за больными. Однако Матвѣевъ вышелъ изо всѣхъ этихъ затрудненій полнымъ побѣдителемъ, особенно же усовершенствовался въ кулинарномъ искусствѣ.

Наконецъ я поправился настолько что могъ подумать объ отъѣздѣ въ Россію, на что̀ имѣлъ право послѣ болѣзни. Мы съ Матвѣевымъ стали дѣятельно готовиться къ предстоящему долгому пути, вѣрнѣе, готовился онъ, а я давалъ ему тольно многочисленныя, часто очень безтолковыя распоряженія. Насталъ и день отъѣзда. Мы выѣхали подъ вечеръ, когда уже начинала спадать жара, и надѣялись засвѣтло добраться до первой большой деревни лежавшей верстахъ въ десяти отъ нашего городка.

Однако уже скоро по выѣздѣ я такъ ослабѣлъ отъ непривычнаго напряженія что мы могли подвигаться только шагомъ. Быстро наступившая темнота застигла насъ еще въ пути, и мы сбились съ дороги въ совершенно незнакомой для насъ мѣстности.

Что̀ было дѣлать? Ночевать въ полѣ было невозможно. Кругомъ насъ простиралась лишь каменистая возвышенность, на которой не росло ни одного кустика, и нечѣмъ было развести огня чтобы хоть заварить чаю. Попытки ѣхать безъ дороги, на удачу, казались опасными: нашу походную повозку страшно трясло по камнямъ, а кромѣ того можно было свалиться съ какого-нибудь каменистаго обрыва, которые часто намъ попадались даже и по сторонамъ дороги. Нашъ кучеръ-солдатъ началъ робѣть, а Матвѣевъ о чемъ-то задумался.

— Постой! вдругъ сказалъ онъ и сталъ слѣзать съ повозки.

Мы остановились среди глубокой темноты; землю едва-едва освѣщали сіявшія на почти черномъ небѣ звѣзды. Матвѣевъ пошелъ къ лошадямъ и началъ отпрягать одну изъ нихъ.

— Что ты дѣлаешь, Матвѣевъ? крикнулъ я ему.

— Дорогу искать поѣду, ваше благородіе. Чтожь тутъ дѣлать-то?

— Да вѣдь ты заблудишься!

— Ничего, ваше благородіе, Богъ милостивъ!

Послѣ нѣкотораго колебанія я отпустилъ Матвѣева; онъ сѣлъ верхомъ на отпряженную лошадь и исчезъ въ темнотѣ.

Прошло около получаса, а Матвѣевъ все еще не возвращался. Не слышно было ни одного звука, и ночной мракъ вокругъ насъ точно замеръ. Время тянулось страшно медленно. Но вотъ послышался стукъ копытъ быстро бѣгущей лошади, и спустя нѣсколько минутъ Матвѣевъ рысью подъѣхалъ ко мнѣ.

— Пожалуйте, ваше благородіе! Всего версты три до деревни.

— Какъ же ты нашелъ дорогу?

— Дороги не нашелъ, да тутъ можно и безъ дороги проѣхать: я у самой деревни былъ. Сначала совсѣмъ было запутался, да потомъ слышу что-то трещитъ. А это птицы большія, знаете, ваше благородіе, на крышахъ гнѣзда вьютъ, все такъ трещатъ. Ну, думаю, деревня близка: прямо и поѣхалъ въ ту сторону.

Сейчасъ же вновь впрягли лошадь, Матвѣевъ пѣшкомъ пошелъ впереди, и мы тронулись шагомъ. Проѣхавъ немного, мы дѣйствительно заслышали тотъ рѣзкій и сухой трескъ, который производятъ аисты своими огромными клювами. Скоро мы въѣхали въ деревню и расположились на ночлегъ въ первомъ попавшемся домѣ.

Здѣсь, въ этой глухой деревнѣ, въ далекой и чуждой странѣ, томясь отъ безсонницы которой я часто страдалъ послѣ болѣзни, я мысленно пережилъ вновь весь послѣдній и самый тяжелый періодъ моей походной жизни. И все что я вспоминалъ было тѣсно связано съ Матвѣевымъ: онъ былъ для меня не слугою, но вѣрнымъ, безкорыстнымъ и преданнымъ другомъ.

Мнѣ пришлось разстаться съ Матвѣевымъ очень скоро. Пріѣхавъ въ Адріанополь, мы отыскали себѣ временную квартиру, и я сталъ хлопотать по совершенію нѣкоторыхъ формальностей для отправки въ Россію. Но Матвѣевъ уѣхалъ туда раньше меня: его отправили съ партіей за нѣсколько дней до моего отъѣзда. До сихъ поръ я живо помню, какое жуткое чувство одиночества испыталъ я, когда уѣхалъ Матвѣевъ, хотя и для меня уже близокъ былъ день возвра-

щенія домой. Матвѣевъ казался смущеннымъ, прощаясь со мною, и улыбался тою странною улыбкой, которая появлялась на его лицѣ всегда, когда его обычное спокойно-равнодушное настроеніе духа было чѣмъ нибудь нарушено.

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Матвѣева. Онъ не очень долго прожилъ послѣ войны. Его крѣпкое здоровье было подорвано вслѣдствіе несчастнаго случая. При работѣ на одномъ изъ механическихъ заводовъ въ Москвѣ, гдѣ онъ нашелъ себѣ дѣло, ему придавило грудь какою-то машиной. Хотя онъ и поправился, но здоровье вполнѣ не вернулось. Онъ сталъ мало-помалу чахнуть. Мнѣ удалось найти ему хорошее и покойное мѣсто, но это помогло не надолго: онъ скоро умеръ, встрѣтивъ смерть повидимому такъ же спокойно, какъ встрѣчалъ онъ все въ своей жизни.

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но все еще мнѣ необыкновенно ясно представляется образъ Матвѣева, и я не могу вспомнить о немъ иначе какъ съ чувствомъ глубокой благодарности и любви.

Года три назадъ пришлось мнѣ ужинать съ нѣсколькими знакомыми въ одномъ изъ петербургскихъ клубовъ. Послѣ ужина кто-то затѣялъ пить сложный напитокъ, требовавшій должно быть особаго спеціальнаго искусства для приготовленія, ибо одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ распорядился чтобы непремѣнно позвали какого-то Ивана Ивановича. Черезъ нѣсколько минутъ явился весьма благообразный пожилой лакей, съ длинными бакенбардами и съ весьма солиднымъ и достойнымъ видомъ. Сначала онъ не обратилъ на меня вниманія, но потомъ сталъ пристально всматриваться, и вдругъ его лицо озарила радостная улыбка.

— А я вѣдь васъ узналъ, баринъ! сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.

— Иванъ Ивановичъ! Это ты! А помнишь Плевну? воскликнулъ я совершенно невольно и сейчасъ же смутился, подумавъ что вызвалъ въ душѣ Ивана Ивановича не совсѣмъ пріятныя воспоминанія.

Но онъ только улыбнулся и сказалъ:

— Дѣло прошлое, баринъ! Да чтожь и вспоминать: хорошаго мало было.

Онъ сейчасъ же обернулся къ другимъ гостямъ и почтительно, но съ чувствомъ собственнаго достоинства, сталъ выслушивать ихъ распоряженія.

Очевидно, онъ хорошо зналъ „уходъ за господами“.

А. Ленцъ.

ПСИХОЛОГІЯ ТВОРЧЕСТВА *).

Всякое творчество должно имѣть свое развитіе. Иногда это развитіе происходитъ явно, иногда тайно, но творческій синтезъ неизбѣжно долженъ подготовляться и стоять въ зависимости отъ извѣстнаго числа предшествующихъ ему формацій, хотя и менѣе замѣтныхъ. Непредвидѣнность кризиса придаетъ въ такомъ случаѣ особенную оригинальность мысли.

Существуютъ три формы развитія творчества: первая есть развитіе посредствомъ эволюціи, вторая посредствомъ трансформаціи, третья—развитіе или въ нѣкоторыхъ случаяхъ просто измѣненіе посредствомъ уклоненія.

Разказъ Эдгара Поэ о томъ какъ совершается въ его умѣ процесъ творчества можетъ служить лучшимъ образцомъ развитія творчества посредствомъ эволюціи. „Прежде всего", говоритъ Поэ, „я принимаю въ соображеніе тотъ эфектъ который я хочу произвести. Имѣя всегда въ виду оригинальность, я прежде всего говорю себѣ: между безчисленными эфектами или впечатлѣніями которыя способно воспринимать сердце, умъ или, въ болѣе общемъ смыслѣ, душа, гдѣ тотъ единственный *эфектъ* который я долженъ въ настоящемъ случаѣ выбрать? Итакъ, опредѣливъ сюжетъ романа и характеръ того эфекта который я намѣренъ произвести, я рѣшаю что̀ будетъ лучше: выразить его посредствомъ событій или посредствомъ общаго тона, и какихъ именно событій и тона; а затѣмъ пріискиваю вокругъ себя, или вѣрнѣе въ самомъ себѣ, сочетаніе событій или тоновъ которые могутъ всего лучше создать требуемый эфектъ". Объяснивъ такимъ образомъ общій характеръ творческаго процеса, Поэ показываетъ и приложеніе его при созданіи имъ своей поэмы „Воронъ". Точкой отправленія служитъ простое намѣреніе „сочинить поэму которая могла бы одновременно удовлетворить и публику и

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, апрѣль 1901 г.

критиковъ"; затѣмъ опредѣляются размѣры поэмы, впечатлѣніе которое желательно произвести, сюжетъ, стихотворная форма, наконецъ, мѣсто дѣйствія и различныя подробности обстановки. „Мое намѣреніе состоитъ въ томъ", пишетъ Поэ, „чтобы доказать что никакая часть произведенія не можетъ быть приписана случаю или вдохновенію, и что работа подвигалась шагъ за шагомъ съ точностью и строгою логичностью математической проблемы".

Въ этихъ логическихъ эволюціяхъ зародыша новыя идеи пополняютъ систему уже набросанную вчернѣ; онѣ не измѣняютъ общаго направленія, напротивъ, онѣ сообщаютъ ему бо̀льшую опредѣленность. Въ литературныхъ произведеніяхъ эволюція есть часто переходъ отъ отвлеченнаго къ конкретному, въ твореніяхъ ученыхъ она можетъ состоять въ переходѣ отъ конкретнаго къ абстрактному.

Изъ того что первоначальная идея логически влечетъ за собою другія не слѣдуетъ заключать что есть какая-либо существенная разница между зарожденіемъ первой и возникновеніемъ послѣдующихъ. Вся эволюція сводится къ ряду изобрѣтеній очень сходныхъ другъ съ другомъ по природѣ и по способу своего образованія. Эволюція тѣмъ только отличается отъ другихъ процесовъ развитія творчества что новое изобрѣтеніе находится въ опредѣленномъ отношеніи не только къ тому которое ему предшествовало или къ тому элементу которымъ оно было вызвано, но и ко всему ряду послѣдовательныхъ открытій. Эволюція является какъ правильная прогрессивная систематизація.

Но не слѣдуетъ предполагать что разъ существуетъ первоначальная идея, всѣ остальныя неизбѣжно должны изъ нея вытекать какъ послѣдовательныя части какого-нибудь рефлекса. Это случается очень рѣдко. Первоначальная идея не опредѣляетъ послѣдующаго направленія и, слѣдовательно, нельзя предполагать полной аналогіи между развитіемъ творчества и развитіемъ, напримѣръ, какого-нибудь жизненнаго зародыша. Безъ сомнѣнія каждая фаза эволюціи строго опредѣлена съ точки зрѣнія причинности, но что касается систематизаціи, то она стоитъ въ зависимости отъ различныхъ случайностей.

Существуютъ два совершенно противоположные ошибочные взгляда которыхъ слѣдуетъ остерегаться. Съ одной стороны многіе бываютъ склонны слишкомъ уменьшать значеніе разсудка въ творчествѣ. Если разсужденіе не создаетъ идеи, то оно и не мѣшаетъ произвольному творчеству; мало того, разсужденіе способствуетъ изобрѣтательности, такъ какъ идеи которыя благодаря ему проносятся въ умѣ изобрѣтателя вызываютъ къ жизни другія идеи придающія имъ законченность. Роль разсужденія въ творчествѣ бываетъ

ограничена лишь потому что, достигнувъ полной своей организаціи, она становится въ нѣкоторомъ родѣ рутиною. Въ тѣхъ случаяхъ, когда разсужденіе легко порождаетъ идею, творчество почти не существуетъ. Сцѣпленіе идей здѣсь является обычнымъ явленіемъ, и благодаря своей правильной организаціи умъ можетъ дать только одинъ отвѣтъ на предложенную ему проблему. Отвѣтъ этотъ не заставитъ себя ждать: идеи представляющія собою данныя проблемы, приведенныя въ строгій порядокъ, тотчасъ же пробудятъ идею которая пополнитъ систему, но роль творчества при этомъ будетъ самая незначительная.

Источникомъ второй ошибки въ разсужденіяхъ о творчествѣ служитъ значеніе проблемы которую приходится рѣшать. Болѣе полезное изобрѣтеніе кажется болѣе великимъ и оригинальнымъ, а между тѣмъ значеніе идеи и ея новизна два вопроса совершенно разные. Есть люди у которыхъ первоначальная идея вовсе не оригинальна, и ихъ изобрѣтательность пріобрѣтаетъ характеръ новизны лишь благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ при которыхъ ей приходится дѣйствовать. У другихъ господствующее влеченіе образуется мало-по-малу, по мѣрѣ накопленія частныхъ изобрѣтеній, или же оно подвергается измѣненію. У всѣхъ такихъ изобрѣтателей творчество имѣетъ нѣкоторый характеръ оригинальности, но есть и другое высшее проявленіе творчества.

На ряду съ людьми творящими разсудкомъ, обладающими очень незначительною и при томъ низшею творческою способностію есть люди у которыхъ изобрѣтательность является какъ бы наитіемъ обусловленнымъ свойствомъ ихъ природы. Въ этихъ случаяхъ эволюція творчества не похожа на послѣдовательное разсужденіе: она скорѣе производитъ впечатлѣніе врожденной свободно развивающейся силы. Творчество бываетъ какъ бы инстинктивнымъ и образованіе творческаго влеченія остается почти непонятнымъ.

Не представляетъ большаго труда понять переходъ творчества вытекающаго изъ размышленія въ творчество инстинктивное, стоитъ только предположить что описанный выше процесъ разсудочнаго творчества становится все болѣе безсознательнымъ, автоматичнымъ, такъ что рѣшеніе проблемы не требуетъ никакого напряженія и позволяетъ забыть о смыслѣ и причинахъ предшествовавшихъ пріемовъ. Это непроизвольное творчество въ большей или меньшей степени встрѣчается у всѣхъ творцовъ: нѣкоторая доля изобрѣтательности всегда остается безсознательною, потому ли что она не достаточно тѣсно связана съ творческимъ *я*, или, напротивъ, потому что съ нимъ неразрывна. Если присмотрѣться ближе, то легко замѣтить что творчество всетаки не совершается само по себѣ, оно все же служитъ

выраженіемъ личности, но той части личности которая сложилась особо, и которая не нуждаясь болѣе ни въ разсужденіяхъ, ни въ побужденіяхъ воли, можетъ жить собственною жизнію и развиваться сообразно своимъ собственнымъ законамъ. При этомъ мы также замѣчаемъ что каждый новый шагъ самъ по себѣ совершенно тождественъ съ первоначальнымъ и требуетъ для себя аналогичныхъ съ нимъ условій.

Но и въ послѣднемъ случаѣ, хотя творчество и его развитіе очень близко подходятъ къ инстинкту, между ними есть существенная разница. Для того чтобы произошло творчество необходимо чтобы въ совершающемся процесѣ не все было вполнѣ обычно и инстинктивно и чтобы результатомъ его было нѣчто такое что̀ походило бы на прежнія созданія лишь общимъ своимъ характеромъ, а отличалось отъ нихъ именно тѣмъ что̀ составляетъ въ немъ главное. При этомъ очень часто бываетъ (и чуть ли не стало закономъ) что умъ не знаетъ заранѣе что̀ онъ создастъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ размѣровъ и значенія будущаго произведенія. Этимъ также развитіе творчества отличается отъ инстинкта. Мы можемъ заранѣе сказать что при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, помимо нашего желанія и иногда даже наперекоръ ему, мы будемъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Что же касается творчества, то никогда нельзя знать, какъ здѣсь поступишь, будущее созданіе не таится въ своемъ зародышѣ такъ какъ, напримѣръ, птица въ яйцѣ или дубъ въ желудѣ; при своемъ развитіи оно можетъ подвергаться различнымъ вліяніямъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ обстоятельствъ. Зародышъ творческаго созданія не глыба мрамора изъ котораго рѣзецъ скульптора можетъ произвольно создать бога, столъ или сосудъ; онъ представляетъ изъ себя маленькій организмъ неопредѣленной породы, способный смотря по обстоятельствамъ преобразоваться въ нѣсколько большихъ организмовъ различныхъ по размѣрамъ, формѣ и значенію. Одинъ и тотъ же зародышъ можетъ развиться и въ романъ, и въ драму, и даже послѣдовательно и въ то и другое, тогда какъ изъ желудя всегда выйдетъ только дубъ, а изъ куринаго яйца никогда не вылупится утенокъ.

Довольно любопытнымъ явленіемъ при этомъ представляется то обстоятельство что такая случайность принимаетъ видъ чего-то роковаго, неизбѣжнаго. Тотъ въ комъ совершается эта эволюція зародыша, не понимая ея причинъ, ни способовъ, ни возможныхъ уклоненій, видитъ въ ней выраженіе какого-то высшаго предопредѣленія. Такъ братья Гонкуры говорятъ въ своемъ Дневникѣ: „Никогда не пишутъ книгъ по своей волѣ. Есть нѣчто роковое въ первой случайности которая насъ наводитъ на мысль о нихъ. Затѣмъ невѣдомая

сила, высшая воля, нѣкотораго рода необходимость писать заставляетъ васъ взяться за трудъ и водитъ вашимъ перомъ такъ что вамъ иногда кажется что книга выходящая изъ-подъ вашей руки не принадлежитъ вамъ: она васъ поражаетъ какъ нѣчто что̀ было въ васъ самихъ, но въ чемъ вы не отдавали себѣ отчета".

Развитіе творчества посредствомъ мышленія или посредствомъ вдохновенія безъ сомнѣнія всего яснѣе обнаруживается у людей создавшихъ что-либо въ области искусства, литературы и т. п. Но и у всякаго другаго человѣка можно подмѣтить безсознательную или разсудочную эволюцію извѣстныхъ вѣрованій и идей.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію развитія творчества посредствомъ трансформаціи. Предположимъ что независимое существованіе и своеобразный характеръ элементовъ вырисовывается все ярче и ярче, легко предвидѣть къ чему это приведетъ. Одинъ изъ элементовъ, которому особенно будутъ благопріятствовать обстоятельства или его собственныя свойства, усилится, станетъ пріобрѣтать все большее господство и можетъ, наконецъ, разрознить первоначальную систему чтобы составить изъ нея другую, гдѣ онъ будетъ играть главную роль, устраняя все то прежнее что̀ будетъ мѣшать такому перевѣсу. Развитіе творчества пойдетъ уже не по прямой линіи, а свернетъ въ сторону. Безъ сомнѣнія вторая система, какъ и первая, согласуется съ преобладающимъ влеченіемъ: такъ напримѣръ, если начатый романъ преобразуется затѣмъ въ драму, то и та и другая формы могутъ удовлетворить желанію автора создать прекрасное литературное произведеніе или выручить извѣстную сумму денегъ, но онѣ удовлетворяютъ его различными способами. Въ иныхъ случаяхъ происходитъ не смѣна одной системы другой, а полная анархія являющаяся результатомъ отсутствія силы въ преобладающемъ направленіи и слишкомъ независимаго дѣйствія элементовъ. Случается что главная идея подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ или какого-нибудь внутренняго переворота подвергается измѣненію приводящему ее къ полной противоположности. Иногда первоначальное созданіе остается такимъ какъ оно есть, но новое твореніе образуется вокругъ одного изъ его элементовъ, создаетъ въ концѣ концовъ особый организмъ и отдѣляется отъ цѣлаго посредствомъ своего рода почкованія; то новые элементы воспринятые творчествомъ при ходѣ своего развитія, въ свою очередь, оказываютъ на него вліяніе и преобразуютъ его. Во всѣхъ этихъ случаяхъ происходитъ трансформація. Случается что какой-нибудь политикъ или мыслитель отступаетъ передъ выводомъ къ которому приводятъ его развитыя имъ идеи и отказывается слѣдовать за мыслію туда, куда она его влечетъ; романистъ или драматическій писатель могутъ также отвер-

нуться отъ логическаго вывода изъ своихъ созданій ради желанія достичь успѣха или изъ опасенія скандала: все это есть также виды трансформаціи.

Причины вызывающія трансформацію такъ многочисленны что она есть обычное и почти неизбѣжное явленіе при всякомъ творчествѣ, хотя часто происходитъ лишь въ отдѣльныхъ и притомъ второстепенныхъ его частяхъ. Она обыкновенно оставляетъ неприкосновенною часть первоначальной реформы и идеи и добрую половину явленій которыя составляютъ источникъ творческаго вдохновенія. Иногда авторъ приступаетъ къ своимъ изысканіямъ чтобы поддержать мнѣніе которое ему дорого, но по истеченіи извѣстнаго времени, уже положивъ начало своему произведенію, онъ замѣчаетъ что его разсужденіе ложно. Если онъ человѣкъ искренній, то тутъ произойдетъ трансформація очень значительная, которая коснется не только всего произведенія, но и чувствъ его породившихъ, однако эта трансформація оставитъ неприкосновенными другія чувства: любовь къ истинѣ и стремленіе къ прозелитизму; скажемъ больше, только благодаря этимъ чувствамъ и можетъ произойти трансформація произведенія и другихъ чувствъ автора. Такимъ образомъ оказывается что въ умѣ можетъ кое-что трансформироваться только потому что въ немъ есть нѣчто устойчивое.

Изо всего вышесказаннаго легко вывести заключеніе что трансформація и эволюція находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ.

Третій способъ развитія творчества, уклоненіе или отступленіе, представляетъ собою смѣсь эволюціи съ трансформаціей. Уклоненіе есть какъ бы неудавшаяся трансформація. Когда при началѣ трансформаціи вновь развивающіеся элементы не исключаютъ прежнихъ и сами не отвергаются, но соединяются съ ними безъ всякой правильной системы, то это явленіе и называется уклоненіемъ.

Два различные зародыша системы вмѣсто того чтобы замѣнить другъ друга, какъ бываетъ при трансформаціи, продолжаютъ существовать рядомъ, между ними не устанавливается никакого соотвѣтствія и ихъ значеніе иногда очень различно.

Нѣтъ творчества болѣе или менѣе значительнаго въ которомъ бы не встрѣчалось уклоненія. Такъ какъ уклоненіе обусловливается главнымъ свободнымъ дѣйствіемъ элементовъ, а такое дѣйствіе составляетъ необходимую часть всякаго творчества, то понятно что уклоненіе является какъ бы закономъ для творческаго развитія. По силѣ своего значенія уклоненія бываютъ очень различны. Довольно обыкновенная, напримѣръ, форма отступленій или уклоненій есть „длинноты“ встрѣчающіяся въ произведеніяхъ даже самыхъ великихъ умовъ.

Причины уклоненій многочисленны и разнообразны, но вліяніе ихъ всегда выражается въ томъ что своеобразная и независимая жизнь одного изъ элементовъ творчества ставится въ особенно благопріятныя условія. Иногда новое сильное впечатлѣніе полученное извнѣ или внезапное пробужденіе сильнаго въ душѣ таившагося чувства или какая-нибудь простая случайность могутъ вызвать уклоненіе. Къ нему склонны даже самые оригинальные умы въ которыхъ изобрѣтательность борется съ привычками полученными отъ воспитанія, среды или предковъ. Этимъ объясняются недочеты и недостатки логики встрѣчающіеся въ самыхъ великихъ созданіяхъ. Случается также что неправильности въ первыхъ произведеніяхъ оригинальнаго творца зависятъ отъ того что новыя, еще слабыя идеи не пришли въ систему, не вполнѣ уяснились еще для самого автора, хотя въ то же время эти неправильности позволяютъ разчитывать въ будущемъ на великія творенія: геній изобрѣтателя уже достаточно силенъ чтобы поколебать рутину и подражательность, но еще не въ состояніи ихъ побороть.

Особенно часто встрѣчаются неправильности при „первобытномъ" состояніи людей и народовъ. Это и понятно: умъ еще слишкомъ плохо организованъ для того чтобы умѣть управлять цѣлымъ, подчиняя ему подробности. Дѣти и первобытные народы, принимаясь за какое-нибудь искусство, часто дѣлаютъ промахи именно такого рода, то-есть, помѣщаютъ рядомъ такія подробности которыя никакъ не могутъ быть совмѣстимы. Такъ, напримѣръ, въ дѣтскихъ рисункахъ нерѣдко люди выходятъ выше домовъ, или глазъ смотритъ прямо на лицѣ изображенномъ въ профиль и т. п.; въ египетскомъ искусствѣ можно найти много подобныхъ примѣровъ.

Въ исторіи позднѣйшихъ цивилизацій также довольно часто можно встрѣтить аналогичныя съ этими явленія; это зависитъ отчасти отъ вліянія рутины, главнымъ же образомъ отъ самого творчества, такъ какъ человѣкъ занимающійся имъ всегда есть въ нѣкоторомъ смыслѣ человѣкъ „первобытный" въ этой области.

Явленіе называемое уклоненіемъ или отступленіемъ еще болѣе выясняется тогда, когда намъ приходится изучать какой нибудь вопросъ съ соціологической точки зрѣнія. Какое-либо учрежденіе или режимъ, улучшаясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, становясь сильнѣе и способнѣе къ существованію, становятся вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе правильны и легко спускаются до болѣе низкаго нравственнаго уровня. Съ этимъ можно сопоставить разницу обнаруживающуюся въ человѣкѣ въ пору его дѣтскаго и зрѣлаго возраста: съ одной стороны невинность, неумѣлость, грація, съ другой ловкость, привычка, благоразуміе, отсутствіе наивности и извѣстнаго рода испорченность

Это сближеніе основывается на томъ что добрая часть умственной старости обязана своимъ происхожденіемъ различнымъ уклоненіямъ и искаженіямъ; очень возможно что и физическая старость и смерть могутъ навести на подобныя же размышленія.

Когда умъ не достаточно силенъ, то уклоненіе быстро уничтожаетъ зачатокъ новой идеи, если только этому не помѣшаютъ какія либо особенно благопріятныя обстоятельства. Здѣсь-то и таится причина того что психическіе зародыши такъ часто не приносятъ плода: если новая идея не падаетъ на такую почву, гдѣ какое-нибудь вѣрованіе или чувство глубоко пустили свои корни, то она обречена почти на неизбѣжную гибель. Потому-то такъ рѣдко развиваются въ умахъ идеи почерпнутыя изъ чтенія или разговора. То что̀ всего новѣе въ нашемъ сознаніи всего скорѣе обречено на погибель; множество нововведеній, едва замѣтныхъ измѣненій нарушаютъ постоянно наши привычки; но эти новшества, сами по себѣ слабыя, безъ всякой поддержки внѣшней или внутренней быстро и безслѣдно исчезаютъ.

Если же умъ могучъ и гибокъ, то уклоненіе становится, напротивъ, источникомъ плодовитости. Творчество ежеминутно выбивается изъ своей колеи для того чтобы искать себѣ подмоги направо и налѣво, и по истеченіи извѣстнаго времени оно снова возвращается на прежнюю дорогу съ новымъ богатымъ запасомъ матеріала пригоднаго для его развитія.

Умъ можетъ пользоваться уклоненіями посредствомъ различныхъ способовъ. Онъ можетъ обратить его на пользу той самой творческой идеи которую стремится разрушить уклоненіе, или онъ можетъ принять его за начало или за пополненіе новаго творческаго направленія. Другой способъ которымъ умъ можетъ пользоваться при обращеніи уклоненій на службу идеямъ связанъ съ очень многочисленнымъ классомъ явленій, куда принадлежатъ всѣ риторическія фигуры. Вопросъ здѣсь въ томъ чтобы укоренить въ умѣ идею которая не запечатлѣвается въ немъ сразу; въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи элементовъ могущихъ легче воплотить желанную идею и въ то же время находящихся въ тѣсной связи съ обычными идеями и чувствами: слабость ума пополняютъ искусственнымъ способомъ. Идею заключаютъ въ метафору, изъ правоученія дѣлаютъ послѣсловіе (напримѣръ въ басняхъ), и хотя такое средство не всегда удается (въ метафорѣ образъ можетъ затмить идею, въ баснѣ мораль можетъ не привлечь вниманія), но все же есть основаніе надѣяться на успѣхъ. Въ такомъ случаѣ система принявшая въ себѣ новый элементъ служитъ ему опорою и причиною къ уклоненію которое является для творчества единственнымъ средствомъ вновь вступить на вѣрный путь.

Главною помѣхой развитію творчества какимъ бы то ни было образомъ является смерть зародышей. Иногда зарождается какая-нибудь идея въ умѣ одного человѣка или даже цѣлаго народа, затѣмъ чахнетъ и умираетъ, не давъ ни цвѣта, ни плода. Это зависитъ или отъ ея собственной слабости, или отъ непригодности ума безсильнаго ее удержать и развить. Есть умы въ которыхъ очень часто замѣчается такое явленіе. Они живо воспринимаютъ, ихъ воображеніе блеститъ, но быстро потухаетъ. Идеи лишены жизнеспособности, онѣ постоянно смѣняются новыми и производятъ впечатлѣніе яркихъ искръ блещущихъ, но не свѣтящихъ и не грѣющихъ; впрочемъ, гибель идеи можетъ совершаться во всякомъ умѣ.

А. М.

ЧЕГО ЖДУТЪ ОБРАЗОВАННЫЕ ЛЮДИ ОТЪ СОВРЕМЕННАГО БОГОСЛОВІЯ? *).

Второй основной вопросъ въ общей теоріи Искупленія касается слѣдствій первороднаго грѣха. Этотъ вопросъ особенно важенъ при уясненіи цѣли миссіи Христа; отвѣтить на вопросъ: отъ чего́ Христосъ пришелъ спасти человѣка, можно лишь уяснивъ предварительно объемъ и глубину бѣдствія паденія. Слѣдствія грѣха, по ученію нашего богослова, состоятъ: „въ смерти“ духовной, физической и т. д. Большое недоумѣніе у насъ возникло по поводу „смерти духовной“, то-есть, самаго главнаго пункта въ ученіи о первородномъ грѣхѣ. Авторъ говоритъ: „удаленіе души человѣка отъ Бога естественно сказывается уменьшеніемъ духовныхъ силъ и жизни, что̀ и является духовною смертью человѣка, то-есть, истинной, дѣйствительной смертью“ (188).

Какая досадная неточность! Досадная тѣмъ болѣе что по этому пункту существуетъ самое острое и важнѣйшее разногласіе между западными церквами и восточною. Если смерть, то не уменьшеніе; если уменьшеніе, то не смерть, не такъ-ли? И нужно ли прибавлять еще что-либо къ этому элементарному разъясненію. Когда Тридентскій соборъ говоритъ что грѣхъ есть смерть души (mors animae, Tridentinum, Sessio V), то это понятно и точно, ибо католицизмъ ясно утверждаетъ что нравственная способность положительнаго стремленія воли къ добру совсѣмъ погибла (умерла) въ человѣкѣ, а осталась лишь способность отрицательнаго движенія воли ко злу. Когда протестантизмъ учитъ о смерти духовной, то это еще понятнѣе, ибо по настоятельнымъ разъясненіямъ Лютера, Меланхтона и протестантскихъ символическихъ книгъ человѣкъ въ паденіи есть окаменѣлость, трупъ въ духовномъ отношеніи. Когда же православный богословъ упоминаетъ о смерти духовной, то это уже является опас-

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, апрѣль 1901 г.

нымъ недоразумѣніемъ; восточная церковь никогда не отрицала существованія цѣлости нравственной воли въ падшемъ человѣкѣ; по официальному символическому разъясненію Церкви способность воли къ добродѣтели осталась неизмѣненной по существу (κατὰ φύσιν), хотя и ослабленной и потому нуждающейся въ восполненіи благодатію Бога для совершенія спасенія (Посл. вост. патр. гл. 14). Такимъ образомъ, научное богословіе нашего автора несовершенное съ общей религіозно-философской стороны не соотвѣтствуетъ даже религіознымъ понятіямъ нашей Церкви, болѣе широкимъ, къ счастью, чѣмъ воззрѣніе богослова.

Вопросы о существѣ грѣха вообще и первороднаго въ частности служатъ предпосылками для третьяго и центральнаго сотеріологическаго вопроса, о смыслѣ дѣла Христова. На вопросъ: для чего Христосъ приходилъ на землю, старая догматическая формула отвѣчала: „чтобы искупить людей отъ грѣха, проклятія и смерти". Страданія и смерть Христа разсматривались какъ *удовлетвореніе* правды Божіей взамѣнъ человѣка, не могущаго принести таковаго, а все христіанское ученіе о домостроительствѣ нашего спасенія она называла характернымъ терминомъ: Искупленіе. Каковы же богословскія воззрѣнія нашего автора на этотъ вопросъ о смыслѣ искупленія? Изо всѣхъ отдѣловъ его книги трактатъ объ искупленіи самый обширный и въ то же время самый темный и неудобопонимаемый. Спрашивается, отчего произошла эта исключительная темнота изложенія одного изъ важнѣйшихъ догматовъ христіанства?

Послѣ продолжительныхъ размышленій въ этомъ направленіи я лично для себя остановился на томъ объясненіи что авторъ произвольно и роковымъ образомъ смѣшиваетъ двѣ стороны въ искупленіи: объективную и субъективную. Когда юристы различаютъ право въ объективномъ смыслѣ, какъ совокупность нормъ долженствующихъ регулировать жизнь, и право въ субъективномъ смыслѣ, какъ усвоеніе и примѣненіе этихъ нормъ каждымъ гражданиномъ къ своей личности, то смѣшеніе этихъ двухъ точекъ зрѣнія на право считается крайнимъ паденіемъ юридическаго метода мышленія и изложенія. Аналогичное различеніе имѣетъ мѣсто и въ богословской наукѣ по вопросу объ искупленіи. Оно можетъ пониматься и въ объективномъ смыслѣ, какъ Божескій фактъ устроенія человѣческаго спасенія чрезъ посланничество, страданія и смерть Іисуса Христа, и въ субъективномъ смыслѣ, какъ усвоеніе каждымъ вѣрующимъ плодовъ Креста Христова. Старыя догматическія руководства строго держались этого необходимаго и цѣлесообразнаго методологическаго пріема, понимая искупленіе исключительно въ объективномъ смѣслѣ, то-есть, какъ Божескій фактъ, спрашивая лишь о цѣли

и смыслѣ его. Терминъ „Искупленіе“ въ субъективномъ смыслѣ въ старыхъ догматическихъ системахъ совсѣмъ не употреблялся, неизмѣнно замѣняясь техническимъ терминомъ: спасенія (оправданія). Строгое и принципіальное разграниченіе объективной и субъективной сторонъ въ искупленіи необходимо въ интересахъ ясности и раздѣльности богословской мысли, такъ какъ та и другая сторона по существу различны: искупленіе въ объективномъ смыслѣ Божеское дѣло и универсальное, искупленіе въ субъективномъ смыслѣ человѣческое дѣло и индивидуальное, почему и смѣшеніе ихъ въ изложеніи не можетъ пройти безнаказанно для его ясности и, что важнѣе, для отчетливости мышленія. Вотъ это-то роковое смѣшеніе мы и находимъ у нашего автора; говоря объ искупленіи, онъ говоритъ собственно не объ искупленіи насъ Христомъ, а объ искупленіи человѣкомъ самого себя, то-есть, трактуетъ въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ о спасеніи (оправданіи). Отсюда неизбѣжно повтореніе однихъ и тѣхъ же разсужденій въ разныхъ мѣстахъ книги (напр. 300—309 и 387—396), а главное неизбѣжна темнота изложенія, напримѣръ, когда читатель встрѣчаетъ параграфъ: „объ условіяхъ искупленія“, въ которомъ авторъ „разыскиваетъ средство которое примирило бы Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ“, и находитъ такое средство въ покаяніи (218). По общепринятому же въ христіанскомъ богословіи способу выраженія рѣчь можетъ быть лишь объ условіяхъ спасенія, а не объ условіяхъ искупленія, принесенія за насъ Голгоѳской жертвы.

Въ чемъ, однако, полагаетъ авторъ смыслъ Голгоѳской смерти Христа? Имѣетъ ли она значеніе удовлетворяющей правдѣ Божьей жертвы, или она есть нѣчто иное и бо̀льшее чѣмъ жертва? Въ противоположность юридическому способу пониманія христіанства имѣющему мѣсто въ западныхъ церквахъ, восточная богословская мысль стремится къ болѣе свѣтлому и просвѣтленному пониманію всего земнаго дѣла Христова не какъ страдательной жертвы, а какъ свободнаго проявленія Божеской любви. Богъ Отецъ по любви предопредѣлилъ Своего Сына на страданіе и смерть, и Самъ Сынъ по безмѣрной жалости къ людямъ свободно опредѣлилъ Себя на крестъ не для того чтобы „удовлетворить Бога“, а для того чтобы Своимъ Земнымъ подвигомъ объявить пути спасенія. Такое ясное и широкое, не оскорбляющее Бога и возвышающее человѣка воззрѣніе на дѣло Христово не есть отдѣльный фрагментъ для восточнаго богословія, а необходимое звено въ логической цѣпи основныхъ его представленій: о Богѣ, о существѣ грѣха, о степени паденія человѣка, о свободѣ воли, какъ необходимомъ факторѣ спасенія и т. д. И если такая система идей еще не усвоена школьно - богословской

мыслью, то во всякомъ случаѣ для людей научно-образованныхъ, не слишкомъ знакомыхъ со схоластическими образцами богословствованія и потому судящихъ съ общей религіозно-философской точки зрѣнія такая система только и можетъ казаться совершенно послѣдовательной и согласованной со всѣми истинами христіанской религіи. Въ самомъ дѣлѣ, если строго-логически проводить юридическій взглядъ на Сына, какъ на жертву удовлетворенія правосудію Отца, то не получится ли для мысли divina comedia: Отецъ посылаетъ на страданія и смерть Своего единосущнаго по Божеству Сына, стольже правосуднаго, какъ и Отецъ, въ качествѣ жертвы Правосудію, которое, какъ свойство Божества, свойственно и Отцу и Сыну и Святому Духу; совершается такимъ образомъ какой-то роковой фатумъ (εἱμαρμένη) въ нѣдрахъ самого Божества, Которое, фатально желая быть удовлетвореннымъ въ своемъ правосудіи, достигаетъ этого страданіемъ втораго лица св. Тройцы, чрезъ что получается односторонній, непостижимый, развертывающійся въ божескихъ сферахъ актъ удовлетворенія Бога черезъ Самого Себя и для Самого Себя.

Это замѣчаніе должно служить введеніемъ къ изложенію своеобразной точки зрѣнія нашего автора-богослова. Въ параграфѣ: „Іисусъ Христосъ какъ истинная и дѣйствительная (вполнѣ достаточная) жертва за грѣхи міра“ (310), онъ развиваетъ старый законническій взглядъ что человѣкъ своими силами не могъ и не можетъ принести требуемой жертвы Богу, а потому такую жертву за людей приноситъ Самъ Христосъ своею жизнью, своими страданіями и крестною смертью. Жертва Христова есть полное и совершенно достаточное удовлетвореніе правдѣ Божіей. Но авторъ повидимому самъ чувствуетъ жестокость своего взгляда и потому юридическую схему хочетъ разбавить нравственнымъ моментомъ любви, но дѣлаетъ это самымъ причудливымъ образомъ, отожествляя понятіе жертвы съ понятіемъ любви: „вся жизнь Христа есть любовь къ Богу и любовь къ людямъ, слѣдовательно жертва“ (310). Эта странная, если не сказать софистическая игра понятіями настолько важна въ собственныхъ глазахъ автора что повидимому при помощи только этой увертки онъ хочетъ считать себя истиннымъ толкователемъ главнѣйшаго въ христіанствѣ догмата искупленія и апологетомъ его противъ „ложности и вреда схоластическаго (то-есть, юридическаго) его пониманія“. Поэтому упомянутое положеніе о любви, какъ жертвѣ, составляетъ для автора важный психологическій моментъ: отъ вѣрности или лживости его зависитъ его репутація какъ борца противъ юридическаго наслоенія въ богословскомъ мышленіи. Но, fiat justitia, эта репутація къ величайшему нашему сожалѣнію

должна поблекнуть при мысли о томъ что вышеприведенное положеніе есть чистый софизмъ, разумѣется, не съ характеромъ сознательнаго обмана себя и другихъ, а съ характеромъ простаго логическаго недоразумѣнія.

Въ обыкновенномъ человѣческомъ понятіи жертвы всегда и неизбѣжно мыслится моментъ абсолютной ея необходимости которая и составляетъ логическую суть этого понятія: мы говоримъ о религіозныхъ жертвахъ язычниковъ и Іудеевъ, соединяя съ ними мысль о безусловномъ велѣніи Божества или даннаго имъ закона. Діаметрально противоположно понятію жертвы понятіе любви; существо ея свобода въ силу которой всякій актъ совершенный по любви мыслится нами независимымъ отъ чужезаконной и внѣшней намъ воли, обусловленнымъ лишь нашимъ собственнымъ самоопредѣленіемъ. Такимъ образомъ, любовь какъ *свободный* актъ нашей души не можетъ быть жертвой *невольною и должною*. Если въ будничномъ языкѣ и говорятъ о жертвѣ любви, то тутъ выражается объективный взглядъ третьихъ лицъ о томъ что иногда любовь перешедшая въ афектъ роковымъ образомъ влечетъ охваченныя этимъ чувствомъ лица къ тому чтобы быть имъ жертвою своего чувства, но для самосознанія этихъ людей ихъ фатальное чувство остается все же свободнымъ, не даннымъ имъ откуда-либо извнѣ, а самопроизвольнымъ, родившимся въ ихъ душѣ. Любовь дѣйствительно всегда жертвуетъ собою, но жертвуетъ собой сама по себѣ и потому справедливо называется *самопожертвованіемъ*, но никогда жертвою. Смѣшивая понятіе любви-самопожертвованія съ понятіемъ любви-жертвы авторъ настойчиво разъясняетъ что Богъ правосудный можетъ быть удовлетвореннымъ *жертвою любви* которой Онъ требуетъ отъ человѣка, если послѣдній хочетъ *помириться* съ Богомъ (301 — 314 стр). Выдуманное и фальшивое понятіе жертвы-любви даетъ нашему богослову возможность произнести „приговоръ тому обычному пониманію жертвы и правосудія которое встрѣчается какъ въ религіяхъ нехристіанскихъ, такъ даже и въ христіанскомъ богословіи; это пониманіе по всей справедливости можетъ быть названо только юридическимъ, но не религіозно-этическимъ“ (стр. 305). Тутъ мы имѣемъ дѣло съ благочестивымъ самообольщеніемъ. На самомъ дѣлѣ авторъ не только стоитъ на строго законническомъ пониманіи христіанства, но даже *усиливаетъ* юридическій элементъ, внося его въ область нравственныхъ отношеній и чувствъ, когда, напримѣръ, чувствамъ покаянія и любви онъ приписываетъ юридическій смыслъ жертвы. Чтобы рельефно видѣть исключительныя особенности богословскаго мышленія нашего автора, я представлю всѣ его ученія объ искупленіи въ краткой схемѣ. Богъ не можетъ прощать или оставить безъ наказанія грѣхъ (299): Онъ „требуетъ удовлетворенія“ и

долженъ быть удовлетворенъ за грѣхъ; человѣкъ долженъ поэтому принести жертву какъ средство удовлетворенія; такимъ средствомъ должна быть жертва не внѣшняя, какъ у Іудеевъ кровавая или у католиковъ жертва добрыхъ дѣлъ и заслугъ, а (отсюда начинается специфическая оригинальность богослова) внутренняя: любовь, покаяніе. Самъ Іисусъ Христосъ принесъ „истинную и дѣйствительную жертву Богу за грѣхи міра, совершенно достаточную для удовлетворенія правды Божьей, потому что вся жизнь Его есть идеальное выраженіе чистой совершенной любви“ (стр. 310, 294—326). Подобно Христу и вѣрующій въ Него желающій себѣ спасенія долженъ принести истинную жертву достаточную для того чтобы удовлетворить Бога и загладить грѣхъ; такая жертва состоитъ въ любви человѣка къ Богу (стр. 305—306, 308). Такимъ образомъ, въ основѣ всѣхъ богословскихъ воззрѣній автора взятыхъ въ ихъ связи лежитъ старая схема юридическихъ понятій: правосудія, наказанія, удовлетворенія, жертвы, и всѣ сдѣланныя имъ измѣненія относятся не къ схемѣ какъ таковой, а лишь къ механической и произвольной надбавкѣ къ чисто юридическимъ терминамъ и понятіямъ несвойственнаго и чуждаго имъ нравственнаго смысла, которая, однако, отнюдь не измѣняетъ юридическаго характера его воззрѣній. Похвальная цѣль автора выступить противникомъ внѣшняго, законническаго способа пониманія христіанства осталась такимъ образомъ недостигнутой и, horribile dictu, даже обратной, ибо въ концѣ-концовъ онъ усилилъ юридическій элементъ въ старой законнической схемѣ, внеся юридическій смыслъ въ кругъ нравственныхъ понятій, и кромѣ того, онъ сдѣлалъ ее совершенно непонятной. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, напримѣръ, такое утвержденіе богослова что удовлетвореніе долженствующее быть принесеннымъ Христомъ за человѣчество и каждымъ вѣрующимъ вслѣдъ за Нимъ „требуется собственно не справедливости самой по себѣ, но Божественной любви, и не одной правдѣ, но и любви Божьей: Богъ не есть только судья людей, Онъ и Отецъ ихъ“ (302).

Переходимъ къ послѣднему сотеріологическому вопросу, о спасеніи. Первый и главный вопросъ здѣсь о томъ, въ чемъ состоитъ спасеніе (оправданіе)? По католическому и протестантскому ученію подъ оправданіемъ (justificatio) разумѣется, во-первыхъ, отрицательный актъ прощенія грѣховъ грѣшнику со стороны Бога и, во-вторыхъ, положительный актъ вмѣненія заслугъ Христовыхъ на основаніи личныхъ заслугъ самого человѣка которыя онъ пріобрѣтаетъ добрыми дѣлами (католицизмъ) и вѣрою (протестантизмъ). Православное богословіе не безъ основанія избѣгаетъ термина оправданія, неизмѣнно говоря о спасеніи, но что же такое спасеніе съ православной точки зрѣнія, въ чемъ состоитъ его сущность и условія?

Относящіяся сюда разсужденія книги настолько темны и неуловимы что я лично рѣшительно отказываюсь отъ возможности составить какое-либо опредѣленное представленіе объ авторскихъ воззрѣніяхъ; кажется только что богословъ коментирующій библейскіе термины: освященія, возрожденія и оправданія, не подозрѣваетъ совсѣмъ всей обостренности положенія этого вопроса въ современномъ христіанствѣ и потому оставитъ, вѣроятно, многихъ своихъ читателей въ безпомощности составить правильное и отчетливое представленіе о важнѣйшей жизненной для каждаго вѣрующаго задачѣ спасенія. Повидимому, онъ стоитъ за единство обоихъ моментовъ въ спасеніи: „оправданія“ въ смыслѣ прощенія грѣховъ и „освященія“ въ смыслѣ возстановленія въ падшемъ человѣкѣ образа Божія, хотя, повторяю, сказать что-либо опредѣленное по этому пункту совершенно невозможно. Авторъ слишкомъ увлекся богословскою ученою внѣшностію, и вмѣсто того чтобы представить ясное и точное ученіе о сущности спасенія, его условіяхъ и факторахъ, занялся второстепеннымъ и непоучительнымъ воспроизведеніемъ по образцамъ Тридентскаго собора и схоластическихъ руководствъ искуственныхъ схемъ „порядка спасенія благодатію“ (377—382).

Это именно тѣ самыя схемы которыя приведены были выше. Не разбирая ихъ детально и прямо, достаточно выдвинуть во всемъ значеніи религіозно-философскую проблему о благодати и свободѣ чтобы по степени успѣшности ея разрѣшенія судить и о цѣнности разныхъ начертаній порядка спасенія благодатію, ибо всѣ подобныя попытки могутъ быть удачными лишь въ зависимости отъ яснаго и точнаго уясненія основныхъ понятій о благодати и свободѣ въ ихъ взаимоотношеніи въ дѣлѣ спасенія. Но въ сферѣ этихъ понятій мы къ сожалѣнію не находимъ желательной ясности и отчетливости у богослова. „Все спасеніе, говоритъ онъ, отъ начала до конца совершается благодатію; благодать необходима не только для начала духовной жизни, для сохраненія, укрѣпленія и возрожденія ея, но и для пребыванія до конца въ этой духовной жизни“ (382). Но авторъ скоро чувствуетъ что такое утвержденіе какъ будто грозитъ „приниженіемъ человѣческой воли и свободы въ спасеніи какъ силы низшей“ и потому спѣшитъ укрыться за слова протоіерея Ѳаворова: „благодатная сила Божія служитъ для человѣка какъ бы духовнымъ свѣтомъ и теплотой, при которыхъ собственныя его силы возвышаются и расширяются, такъ что онъ и видитъ при этомъ яснѣе и дальше, и чувствуетъ себя несравненно живѣе и сильнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ естественномъ своемъ состояніи“ (384). Но все же вопросъ о границахъ между благодатію и свободою въ дѣлѣ спасенія остается совершенно открытымъ и, мало того, въ изложеніи богослова явился

затемненнымъ до полной темноты. Говоря что „все спасеніе отъ начала до конца дѣло Божіе" (382), онъ вслѣдъ за тѣмъ разсуждаетъ: „несомнѣнно, многое приходится въ спасеніи и на долю человѣческой свободы" (390) [1].

Этимъ мы и закончимъ наши замѣчанія. Изъ нихъ достаточно видно что обѣщаніе богослова „дать научно-образованной и интелигентной средѣ своею книгой возможность почувствовать и увидѣть достоинство христіанскаго міросозерцанія, его стройную красоту и цѣлостность, его полноту, основательность и широту" па нашъ взглядъ оказалось невыполненнымъ, что̀ объясняется столько же недостаткомъ научной серіозности и углубленности богословской мысли самой по себѣ, сколько и способомъ излагать богословіе путемъ разнесенія догматическаго матеріала по многочисленнымъ рубрикамъ, отдѣламъ, параграфамъ часто съ замысловатыми заглавіями (напримѣръ, § на страницѣ 294: Страдальчество Іисуса Христа въ его общемъ и главномъ значеніи для Искупленія; § на 347 страницѣ: „о побѣдѣ надъ міромъ какъ одномъ изъ плодовъ Креста", въ которомъ авторъ говоритъ о томъ что въ слѣдующихъ §§ онъ будетъ говорить о томъ-то...), среди которыхъ теряется авторская мысль, а равно и читателя стремящагося схватить существенныя положенія книги. Покровъ темноты ложится густымъ слоемъ на всю книгу; она поражаетъ какъ важнѣйшіе общебогословскіе отдѣлы, такъ и отдѣльныя мнѣнія автора. Изъ этихъ послѣднихъ можно отмѣтить мнѣніе богослова объ астрономической гипотезѣ населенности міровъ которымъ онъ хочетъ идти навстрѣчу „сближенія между религіей и наукой". Онъ знаетъ опасеніе нѣкоторыхъ богослововъ о томъ что эта гипотеза какъ будто не мирится съ догматомъ искупленія, но, облекая его въ несеріозную форму, называетъ мнимымъ (154). Кажется что неясность и неопредѣленность авторъ сдѣлалъ своею исключительною привилегіей, о чемъ бы онъ ни заговорилъ. На самомъ дѣлѣ упомянутое опасеніе можетъ быть очень серіознымъ съ богословской точки зрѣнія; недоумѣніе по этому вопросу можетъ выразиться въ такой формѣ. Если на многочисленныхъ планетахъ живутъ люди, то они, какъ сотворенные *Единымъ* Богомъ, должны имѣть

[1]) Я позволю себѣ напомнить автору слова нашего авторитетнаго богослова митрополита Филарета, полныя на нашъ взглядъ какъ религіознаго, такъ и философскаго смысла: „воздѣйствіе благодати и усилія человѣка въ сложномъ и неразрывномъ дѣлѣ спасенія такъ тѣсно объединены что весьма трудно опредѣлить что̀ есть слѣдствіе усилій человѣка и что̀ есть плодъ благодати." Если въ католическомъ богословіи схемы оправданія умѣстны въ связи съ общими понятіями его о благодати и свободѣ, то съ точки зрѣнія православныхъ понятій онѣ могутъ оказаться сомнительными, на что̀ и обращаютъ вниманіе слова митрополита Филарета.

одинаковую природную организацію, то-есть, быть разумными и свободными существами, могущими пасть, грѣхъ вѣдь по богословію происходитъ изъ свободы воли; если же они злоупотребили своею свободою, то-есть, пали, то нуждаются точно такъ же въ искупленіи какъ и земные люди; если же такъ, то какъ помирить это съ библейскимъ и евангельскимъ взглядомъ на голгоѳскую жертву, *однажды* принесенную на нашей планетѣ Богочеловѣкомъ за грѣхи всего человѣческаго рода. Многочисленность обитаемыхъ міровъ не ведетъ ли къ будійской мысли о многочисленности воплощеній Сына Божія и Его смертей... Съ другой стороны если люди планеты Марса, Венеры и другихъ не согрѣшили, а „устояли въ истинѣ“, богословская возможность такого событія внѣ сомнѣнія, то опять открывается новый рядъ недоумѣній о міроправленіи Божіемъ, среди которыхъ богословская мысль тщетно старается выпутаться изъ противорѣчій и достигнуть желательнаго единства съ самой собой, а авторъ затронувъ такой серіозный вопросъ совсѣмъ не приходитъ ей на помощь. Въ виду того что потребность видѣть достоинства христіанскаго міросозерцанія, его стройную красоту и цѣлостность, его полноту, основательность и широту дѣйствительно существуетъ въ современномъ образованномъ обществѣ, а также и въ виду того что такая потребность естественнѣе всего можетъ быть удовлетворена богословскою наукой и спеціалистами-богословами, мы кратко формулируемъ уже данный въ вышеизложенныхъ замѣчаніяхъ отвѣтъ на вопросъ: чего же ждутъ научно-образованные люди отъ современнаго богослова?

Во-первыхъ, усовершенствованія богословскаго метода, доведенія его до высоты научной систематичности и обоснованности, при которыхъ только и можно ждать чтобы христіанство представлялось нашему уму не суммой отдѣльныхъ фрагментовъ вѣры, а цѣльнымъ міросозерцаніемъ, части котораго объединены были бы между собой органическимъ единствомъ одной богословной системы, чтобы оно было не собраніемъ многихъ тайнъ вѣры, а *одною тайной*. Всѣмъ извѣстно что богословскіе вопросы сами по себѣ трудны и не поддаются такому же научному построенію которое требуется въ человѣческихъ наукахъ, но тѣмъ не менѣе можетъ казаться что было бы лѣностію мысли не стремиться по мѣрѣ возможности къ улучшенію богословскаго метода и болѣе философскому изложенію догматовъ вѣры. Хотя въ преддверіи богословія и выставляется обычно теорія о неумѣстности разсудочнаго познанія въ вопросахъ вѣры, гласящая какъ надпись Дантова ада оставить надежду навсегда проникнуть въ глубь сверхъестественнаго откровенія, но эта теорія еще не установлена съ должною точностію и подлежитъ дальнѣйшему усовершенствованію и расширенію, о чемъ говорено было выше.

Во-вторыхъ, рѣшительнаго отрѣшенія отъ юридическаго способа пониманія, христіанства, какъ несвойственнаго существу религіи вообще, какъ запутывающаго богословскую мысль въ самопротиворѣчіяхъ и какъ совершенно чуждаго въ особенности восточному православію.

Въ третьихъ, яснаго и точнаго выясненія всѣхъ конфессіональныхъ особенностей и различій между христіанскими церквами, ибо въ виду остраго разногласія христіанскихъ вѣроисповѣданій всякій образованный человѣкъ спрашиваетъ: почему истина въ православіи, а не въ католичествѣ или лютеранствѣ? какъ настойчиво и безплодно спрашивалъ графъ Л. Н. Толстой.

Въ четвертыхъ, уменьшеніе апологетическихъ пріемовъ на счетъ увеличенія положительнаго уясненія истинъ вѣры, ибо богословскія ученыя силы, слишкомъ устремляясь на полемику и на апологетику, оставляютъ неразработанною положительную сторону нашей вѣры, между тѣмъ какъ положительная и основательная разработка должна предшествовать всякимъ отрицательнымъ опытамъ, обусловливая самую успѣшность этихъ послѣднихъ: хорошо понять eo ipso значитъ хорошо защищать понятое и опровергнуть его искаженіе.

Современное общество въ своихъ лучшихъ вѣрованіяхъ и идеалахъ христіанское; оно больше хочетъ вѣрить чѣмъ сомнѣваться и потому усиленно призываетъ къ себѣ пророковъ способныхъ научить его постигать умомъ красоту и истину той вѣры, которую оно пріобрѣло съ колыбели и полюбило сердцемъ. Горе тому времени, восклицалъ Карлейль, которое изъ всѣхъ силъ призывало своего великаго человѣка достаточно мудраго чтобы угадать потребности времени, достаточно отважнаго чтобы повести его прямою дорогой къ цѣли, и не находило его. Горько будетъ и нашему современному обществу, если оно не дождется званныхъ учителей *и алкая удалится въ страну иную*. Интелектуальная высота современныхъ людей возрастаетъ съ каждымъ шагомъ прогреса знаній, поэтому и богословы съ любовію несущіе свое призваніе должны паралельно развивать въ себѣ ту же степень умственной энергіи чтобы поднять религіозное знаніе на высоту уровня серіозныхъ запросовъ, сложныхъ сомнѣній и требованій образованныхъ людей.

А. Т. Виноградовъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕРЪ *).

1858 г.

Суббота, 14 іюня.

Мама получила отъ Полонскаго письмо въ 20 страницъ, письмо знаменательное: онъ женится.

Говорю такъ рѣшительно: *женится*, потому что нельзя сомнѣваться что будетъ такъ, хотя онъ самъ бѣдный колеблется и сомнѣвается. Не въ избранницѣ своей сомнѣвается, не въ чувствахъ своихъ къ ней, а въ благоразуміи шага который сбирается сдѣлать.

Три недѣли тому назадъ, пишетъ онъ, встрѣтился онъ въ первый разъ съ дѣвушкой которая сразу его очаровала и очаровала, можно даже сказать, раньше чѣмъ онъ ее разглядѣлъ, однимъ ужъ голосомъ своимъ, проговоривъ по-русски: *Все что вамъ будетъ угодно*.

Это было въ Парижѣ у *Шеншиной* [1]) (рожд. *Дегай*) къ которой онъ зашелъ тоже въ первый разъ съ пріятелемъ своимъ *Сборовскимъ*.

*) Предлагаемыя выдержки изъ записокъ Елены Андреевны Штакеншнейдеръ могутъ служить интереснымъ матеріаломъ для ознакомленія съ различными теченіями русской мысли въ недальнемъ прошломъ и содержатъ также много біографическихъ свѣдѣній о выдающихся литературныхъ и художественныхъ дѣятеляхъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Елена Андреевна Штакеншнейдеръ была дочерью извѣстнаго архитектора Штакеншнейдера которому Петербургъ и его окрестности обязаны многими величественными сооруженіями и дворцами. Имѣя хорошія средства, Штакеншнейдеры жили очень открыто и на пріемахъ въ ихъ великолѣпномъ домѣ на Миліонной бывали многолюдныя собранія гдѣ выдающіеся писатели выступали со своими неизданными еще произведеніями. Вдумчивая и чуткая отъ природы Елена Андреевна жадно прислушивалась къ тому что говорилось и дѣлалось вокругъ нея и заносила свои впечатлѣнія въ дневникъ въ формѣ то отрывочныхъ замѣтокъ, то связнаго разказа. Въ дневникъ входитъ также повѣсть о чисто семейныхъ событіяхъ имѣвшихъ отношенія къ автору. Эта часть дневника, какъ неимѣющая общаго интереса для читателей, нами выпущена.

[1]) Нынѣ Новосельской.

Молодая дѣвушка полу-русская, полу-француженка. Мать ея француженка, отецъ русскій, псаломщикъ при парижской церкви нашей, фамилія его *Устюжскій*.

Пробывъ нѣкоторое время у Шеншиныхъ въ обществѣ этой дѣвушки и совершенно обвороженный, радостный и счастливый, отправился онъ къ Кушелевымъ. Тамъ ужинали, и за ужиномъ графинѣ вздумалось пить съ Полонскимъ на брудершафтъ. Полонскій былъ на все готовъ и на все способенъ въ этотъ вечеръ, онъ пилъ съ графиней, пилъ съ графомъ, поговорилъ съ ними на *ты* и пошелъ къ себѣ, но не легъ. Сонъ въ лѣтнюю ночь еще продолжался у него наяву, и подъ его чарами онъ написалъ Сборовскому письмо въ которомъ излилъ волновавшія его чувства, намѣренія и надежды. Запечатавъ его, онъ его отдалъ коридорному чтобы тотъ снесъ его утромъ по адресу, и тогда легъ.

Утромъ сна въ лѣтнюю ночь уже не было, и онъ увидѣлъ свою опрометчивость. Чувство внушенное плѣнительной дѣвушкой было все тоже, но онъ созналъ что поступилъ слишкомъ поспѣшно и хотѣлъ вернуть письмо, а оно было уже передано по назначенію. Онъ бросился къ Сборовскому. Оказалось, тотъ побывалъ уже у отца, а Шеншина у матери: отступленія не было.

Конечно, Полонскій въ душѣ отступленія и не желалъ. Одна только крайняя добросовѣстность его, мысль что онъ поступаетъ неосторожно связывая судьбу дѣвушки со своей, когда его положеніе такъ мало еще упрочено, пугала его, и, конечно, смущало и то что прежде чѣмъ онъ успѣлъ нѣсколько больше познакомиться съ дѣвушкой и сколько-нибудь заручиться ея согласіемъ или хоть нѣкоторымъ расположеніемъ къ нему, дѣло получило уже извѣстную огласку.

Родители отвѣчали что они требуютъ чтобы дочь ихъ оставалась въ полномъ невѣдѣніи намѣреній Полонскаго, а его приглашали бывать у нихъ съ цѣлію узнать его ближе и чтобъ онъ ихъ узналъ.

И вотъ Полонскій у нихъ бываетъ, и съ каждымъ днемъ *Елена Васильевна* все больше и больше ему нравится, и онъ все больше и больше привязывается къ ней, надѣюсь что и она къ нему. Дай Богъ ему успѣха и счастья!

Полонскій рѣдкой души человѣкъ, думаю что втораго такого добраго, чистаго, честнаго и нѣтъ. И онъ же еще и поэтъ и какой поэтъ! Оцѣнитъ ли его Елена Васильевна? Дай Богъ чтобы оцѣнила и чтобы онъ былъ счастливъ.

Воскресенье, 15 іюня.

Въ Эстляндіи бунтъ. Изъ-за чего, никакъ не добиться. Одинъ разказываетъ такъ, другой по другому. Полкъ или два уже посланы туда усмирять бунтовщиковъ.

Были у Майковыхъ. Я тамъ опять поспорила со Льговскимъ и съ самимъ Аполлономъ Николаевичемъ. Я говорю что Русскіе унижаются передъ иностранцами, особенно передъ Французами, а они утверждаютъ что нѣтъ и что еслибы и да, то это хорошо, что надо признавать превосходство иностранцевъ передъ нами. Зачѣмъ такъ таки надо? А главное чѣмъ унижаться хорошо? Смиреніе хорошо, но только за себя именно и въ частномъ отношеніи, но не за родину свою и не за другихъ. И смиреніе не униженіе. Униженіе никогда не можетъ быть хорошо.

Мнѣ кажется что только одинъ простой русскій человѣкъ знаетъ эту тайну смиренія безъ униженія. Образованные ея не знаютъ, да и сколько я могла замѣтить, и простой народъ за границей ея не знаетъ, оттого думаю что слишкомъ большое значеніе придаютъ пышности и вообще благамъ земнымъ.

Гончаровъ былъ. Это предметъ негодованія либераловъ и самъ цензоръ либералъ-ренегатъ. Мама обыкновенно заступается за него. Лавровъ говорилъ мнѣ что ему хотятъ задать какую-то серенаду, дирижировать которой будетъ *Кеневичъ*, заклятый врагъ Гончарова. Но Кеневичъ-то самъ какъ гнусенъ! Маленькій, сутоловатый, желтенькій человѣчекъ, какъ школьникъ на строгаго учителя озлобленный противъ всего, что̀ зовется власть и начальникъ, радующійся какъ находкѣ всему дурному что̀ увидитъ, ко всему придирающійся.

Воскресенье, 22 іюня.

Вечеромъ прохаживался дѣдушка въ своемъ саду. Мы съ мама его увидали и притащили къ намъ. Дорогой приласкавъ меня, по обыкновенію, онъ вдругъ серіозно сказалъ: *смотри никогда не употребляй слово прогресъ, государь его запретилъ.* Я ничего не поняла, но боясь растревожить дѣдушку смолчала. Спрошу завтра у Ивана Карловича [2]) что̀ это такое.

Понедѣльникъ, 23 іюня.

Иванъ Карловичъ не пріѣхалъ, такъ я и не узнаю что̀ приключилось съ прогресомъ.

[2]) Родственникъ Штакеншнейдеровъ.

Была гроза сегодня грозная и великолѣпная. Отъ Полонскаго два письма. Сватовство его идетъ на ладъ. Онъ написалъ мама за годъ около 50-ти писемъ и какія длинныя. Дюма и Юмъ живутъ у графа Кушелева на его дачѣ, въ *Безбородко*. Про Юма много кричали, разказывали даже почти сверхъестественныя вещи, однако старая и болѣе благородная слава Дюма оказалась прочнѣе. Его имя имѣетъ честь войти въ составъ русскихъ словъ и склоняется: Дюма, Дюмы, Дюмѣ, Дюмою, о Дюмѣ. Оно имѣетъ и множественное число когда вмѣстѣ съ нимъ подразумѣвается и Юмъ; такъ что послѣдній самъ по себѣ исчезаетъ въ сіяніи имени автора Мускетеровъ.

Еще годъ тому назадъ возникло въ кружкѣ Майковыхъ, который принадлежитъ къ *Библіотекѣ для Чтенія* редактируемой Дружининымъ, намѣреніе противодѣйствовать мутному потоку пробивающемуся со Щедринымъ во главѣ въ литературу и придать ей, не отступая отъ дѣйствительности, нѣсколько болѣе изящное направленіе. Тургеневъ и Гончаровъ писали объ этомъ изъ-за границы. Но партія Щедрина становится сильна. *Губернскіе Очерки* пришлись къ дому; къ этому направленію примыкаетъ все молодое появляющееся со всѣхъ сторонъ на смѣну господствовавшему до сихъ поръ исключительно дворянскому сословію въ литературѣ. Поклонники Щедрина и послѣдователи его направленія преслѣдуютъ поэтовъ, достается и Тургеневу, но ему многое прощается ради *Записокъ Охотника*, также Григоровичу за его *Антона Горемыку* и проч. Дружинина выживаютъ изъ *Библіотеки для Чтенія* чтобы замѣстить его Писемскимъ, на Некрасова злы за *Тишину* его, а на Гончарова за все. Въ этомъ круговоротѣ, можно себѣ представить, какъ будетъ трудно вращаться Полонскому, поэту въ полномъ значеніи этого слова, въ качествѣ редактора, и не мудрено что онъ такъ волнуется пріобщая къ своей шаткой судьбѣ судьбу столь дорогаго для него теперь существа.

Вторникъ, 1 іюля.

Кокоревъ, зимой и устно и печатно разгромивъ откупа и откупщиковъ, взялъ нынѣ на откупъ Восточную Сибирь, и увѣряя что какъ бы дорого откупщикъ за откупъ не заплатилъ, онъ, даже и при малой ловкости или изворотливости въ убыткѣ не останется и свое возьметъ, далъ за свой теперь два миліона рублей. Но говорятъ что онъ это сдѣлалъ съ *высшей цѣлью*. О, эти высшія цѣли! Страшна неопредѣленность въ литературѣ, отсутствіе или игнорированіе идеала, но эти *высшія цѣли* еще страшнѣе.

Что эти перечисленія неправдъ и пороковъ въ которыхъ будто бы погрязла Россія:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена:
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни низкой и позорной
И всякой мерзости полна!

Что все это! Это всякій можетъ видѣть и всякій презираетъ.

Но эти Авгіевы конюшни раздушенныя духами *высшихъ цѣлей*, онѣ ужасны! А еслибы онѣ хорошо пахли, послали бы Геркулеса ихъ чистить? А нынѣ и Геркулеса нѣтъ. Но это бы ничего. Совокупныя усилія нѣсколькихъ могутъ сравнятся съ единоличною силой Геркулеса. Все что перечисляетъ Хомяковъ, эти ваши конюшни могутъ быть вычищены и будутъ вычищены, но лишь такими какія онѣ есть, не прикрытыми *высшими цѣлями*. Иначе, какъ же опять узнать правду? Вѣдь, прикрываясь высшей цѣлію, можно убить когонибудь, обокрасть можно, при этомъ пожертвовать собой, вотъ и будетъ высшая цѣль. И какъ тутъ понимать преступленіе? Ахъ, какъ трудно становится различать правду! Сначала все перепуталось, потомъ прикрылось высокими словами, и что подъ ними, какъ разобрать? Прекрасные люди еще любятъ, и потому зло которое вошло въ міръ они рядятъ въ прекрасныя названія. Объ этомъ много надо думать и много можно написать, да не мѣсто въ дневникѣ.

Полонскій помолвленъ и объявленъ женихомъ. Въ добрый часъ! И дай ему, Боже, всего лучшаго. Когда свадьба, еще не рѣшено.

Среда, 2 іюля.

Сегодня на похоронахъ у Монферана [3]) познакомился отецъ съ Дюма.

Утверждаетъ Аполлонъ Николаевичъ что будто Русскіе не готовы на все для иностранцевъ: графъ Кушелевъ посылаетъ Дюма на свой счетъ въ кругосвѣтное плаваніе.

Четвергъ, 3 іюля.

Ивановъ умеръ. Что это, право? Даже вѣрить не хочется какая грустная неожиданность. Умеръ онъ отъ холеры сегодня, въ 8 час. утра. Двадцать лѣтъ творилъ онъ свое произведеніе единственное, явилъ его, наконецъ, міру и едва пожавъ плоды своихъ трудовъ, едва, такъ сказать, коснувшись устами къ кубку славы, умеръ.

[3]) Строитель Исаакіевскаго собора.

Картина Иванова и Исаакіевскій соборъ! Поколѣніе родилось и взросло, пока они творились, а самимъ творцамъ не довелось насладиться тѣмъ чему они посвятили цѣлую жизнь.

Суббота, 19 іюля.

Получено отъ Полонскаго письмо съ извѣстіемъ что 14 іюля по нашему стилю, то-есть, въ понедѣльникъ состоялась его свадьба. Ну, въ добрый часъ и пошли ему Господь счастья и благополучія котораго онъ, право, заслужилъ. Прислалъ онъ и портретъ, фотографію во весь ростъ, головка съ двугривенный, жены своей. Какая же она красотка, просто прелесть. Никто не ожидалъ что она такъ хороша, потому что Полонскій о красотѣ ея ни словомъ не обмолвился. И я получила письмо отъ Бенедиктова. Сегодня мы были въ городѣ, устраивали комнату молодымъ. Мы такъ всѣ рады что Полонскій согласился остановиться у насъ въ домѣ съ своей молодой женой.

Понедѣльникъ, 21 іюля.

Мама получила письмо отъ Полонскаго, я отъ Бенедиктова. Милый поэтъ мой, не маминъ, написалъ все длинное письмо въ стихахъ. Маминъ же поэтъ написалъ свое прозой и какой еще печальной прозой, не до стиховъ ему, кажется, бѣдному нашему Полонскому. Наканунѣ его свадьбы какой-то безжалостный пріятель сообщилъ ему что у Кушелева уже другой редакторъ для его журнала.

Несчастный Полонскій пишетъ что идетъ къ вѣнцу съ улыбкой на устахъ и ледянымъ ужасомъ въ душѣ. Редакторство это для него все въ настоящую минуту. И для чего было его смущать и отравлять ему такую минуту? Или думалъ этотъ баринъ что Полонскій наканунѣ вѣнца откажется? Думалъ его спасти отъ роковаго, связывавшаго его на всю жизнь шага. И неизвѣстно, узналъ ли и когда узналъ Полонскій что это вздоръ, фальшивый слухъ. Мы знаемъ весь ходъ его здѣшнихъ дѣлъ. Это Моллеръ Егоръ, бывшій актеръ бывшаго театра нашего, подкапывается подъ него. Этотъ Моллеръ не знаю что̀ такое. Его привозили къ намъ Меи. Онъ что-то пописываетъ или переводитъ, вообще трется между литераторами. Святскій говоритъ что онъ не подкопается, потому что Кушелевъ держитъ его, да и Меевъ также, въ слишкомъ черномъ тѣлѣ. Бѣдные Меи! Они, право, достойны лучшей доли, но вотъ куда завела его несчастная страсть къ вину, а ее несчастная страсть къ роскоши.

Но тѣмъ не менѣе положеніе Полонскаго шатко. Что̀ такое журналъ графа Кушелева, на что̀ онъ ему? Сегодня вздумалъ издавать,

завтра раздумаетъ. Что за человѣкъ Кушелевъ? И человѣкъ ли или полоумный, если возитъ за собой Дюма и Юма и еще цѣлую свиту менѣе знаменитыхъ людей, а мало ли еще чего дѣлаетъ?

А если онъ и не броситъ журнала, то Полонскаго все же можетъ бросить во всякое время. Не подкопается Моллеръ котораго онъ держитъ въ черномъ тѣлѣ, подкапается кто-нибудь другой. И на графиню его, рожденную Кролль, надежда плоха, меценатство, можетъ быть, въ духѣ графа, но не графини. Въ Парижѣ въ одинъ мѣсяцъ они прожили 100,000 р. Если такъ будетъ продолжаться, то какой ужь тутъ журналъ?

Среда, 6 августа.

Ну, молодые наши дома, на Миліонной. Все произошло какъ предполагалось; внѣ програмы оказалось только что она еще гораздо красивѣе чѣмъ на портретѣ, а онъ худой и желтый какъ лимонъ. Отъ тревогъ и волненій послѣднихъ дней предшествовавшихъ вѣнчанію у бѣднаго разлилась желчь. Но онъ всетаки смотритъ счастливымъ, и хотя глаза у него желтые, но счастіе сіяетъ въ нихъ. Онъ знаетъ теперь что слухъ о перемѣнѣ редактора былъ ложенъ, и по крайней мѣрѣ на этотъ счетъ спокоенъ.

А она какая прелестная! Ей 18 лѣтъ. На портретѣ она кажется старше какъ обыкновенно выходятъ на фотографіи очень хорошенькія. У нея прелестный овалъ и цвѣтъ лица, щечки полненькія какъ должны быть на молодомъ лицѣ и съ нѣжнымъ румянцемъ, на портретѣ же этотъ румянецъ вышелъ нѣсколько темнымъ и производитъ впечатлѣніе тѣни, отъ чего лицо кажется худѣе и старше. Я даже не знаю, гдѣ она красивѣе, въ натурѣ или на портретѣ, въ натурѣ больше дѣтскаго. Потомъ на портретѣ не видно цвѣта лица, прозрачнаго блеска цвѣта морской волны глазъ, и не слышно прелестнаго голоса и смѣха. Лобъ, носъ, ротъ, все въ ней прелестно. Она полу-русская, полу-француженка, но носикъ у нея совсѣмъ французскій и нисколько не русскій; точеный, не мягко-картофельный. Одно только, одно нѣсколько странно въ этой новоявленной четѣ, это то что нѣтъ у нихъ общаго языка. Пробывъ съ ними нѣсколько часовъ сряду и поговоривъ то съ ней по-французски, то съ нимъ по-русски и потомъ какъ-то въ перемѣшку и на томъ и на другомъ, когда ужь надо было намъ уѣзжать, вдругъ мелькнулъ у меня вопросъ: а какъ же оставимъ мы ихъ однихъ? Вѣдь ему трудно говорить на ея языкѣ, ей на его? Конечно, то была излишняя забота, они ужь не въ первый разъ вдвоемъ и отлично поняли и понимаютъ другъ друга. Вотъ это было единственное не гармо-

ничное, а все остальное очень хорошо, и я очень рада за Полонскаго. Впрочемъ, они оба вѣроятно очень скоро навострятся говорить, онъ на ея языкѣ, она на его. Намъ съ нею приказано звать другъ друга по имени безъ отчества, мы тезки, но она Елена, я Леля.

Понедѣльникъ, 25 августа.

У насъ былъ нежданый гость, кумиръ гостиныхъ нашихъ, Лавровъ. Мы всѣ очень обрадовались ему, но не знаю ужь какая перемѣна во мнѣ произошла, во всякомъ случаѣ только не та которой опасается Гохъ, а должно быть, противоположная; только я убѣждаюсь что и Лавровъ не то, чего я ищу. Не то чтобы я ужь увидала его пятку, о, нѣтъ, я жмурюсь и ничего не вижу и вѣрю всѣмъ что онъ высокъ, но мнѣ надо вѣрить не тому что *про* него говорятъ, а тому что *онъ* говоритъ, и вотъ этой-то вѣры у меня и не хватаетъ.

Скоро годъ что мы съ нимъ познакомились. Собственно мое знакомство съ нимъ произошло позднѣе. Случилось это по поводу статьи *Никитенка* о *Сикстинской мадоннѣ*. Никитенко былъ за границей, видѣлъ мадонну и напечаталъ свое впечатлѣніе отъ нея въ *Современникѣ*. Иванъ Карловичъ, товарищъ и другъ Никитенка, пришелъ намъ ее читать. Я была въ то время больна, даже нѣсколько дней пролежала въ постели, и лежала еще когда хотѣлъ читать Иванъ Карловичъ, но уже поправлялась.

Иванъ Карловичъ былъ въ восторгѣ отъ статьи, а мнѣ она не понравилась. Мнѣ казалась она дѣланной. Мнѣ казалось что не знай Никитенко заранѣе что картина очень знаменита, онъ десять разъ прошелъ бы мимо нея и она бы ни раза его не поразила, тѣмъ болѣе что она въ глаза и не кидается. Въ статьѣ слышалось что авторъ себя подвинчиваетъ и кипятитъ, а въ сущности остается чуть тепленькимъ, я это и высказала и назвала еще вдобавокъ произведеніе это риторикой. Иванъ Карловичъ разсердился и ушелъ, обозвавъ и меня, въ свою очередь, *шплиттерѣексе*.

Дня черезъ два онъ вернулся и говоритъ: *Карла* (Карлой зоветъ онъ себя), *Карла видно дуракъ, потому что и Лавровъ назвалъ статью Никитенки риторикой, радуйтесь, самъ Лавровъ! И я разказалъ ему что вы шплиттерѣексе.* За тѣмъ, въ первое же свиданіе, Лавровъ подошелъ ко мнѣ и улыбаясь заговорилъ о мадоннѣ, Никитинкѣ, риторикѣ и проч. И съ тѣхъ поръ помногу со мной говоритъ. Странно что и съ Осиповымъ я сошлась благодаря книгѣ. То была знаменитая *переписка съ друзьями Гоголя*. Было то въ

1853 г. Я ее читала, но по правдѣ сказать, ничего въ ней интереснаго не находила, потому что не знала въ чемъ дѣло. Какъ-то графиня съ которой мы тогда только что познакомились сказала что желала бы прочесть эту книгу, и я предложила ей свою. Она очень обрадовалась и тотчасъ же подозвала Осипова чтобы это ему сообщить. Онъ обратился ко мнѣ и сталъ распространяться о книгѣ и Гоголѣ вообще, и я сначала было обмерла, думая что онъ пойдетъ меня экзаменовать, но дѣло обошлось благополучно, онъ объяснилъ мнѣ то что̀ я не понимала, и съ тѣхъ поръ стали мы читать вмѣстѣ.

Понедѣльникъ, 15 декабря.

А вѣдь я мѣняюсь очень. Ужь я на многое смотрю иными, новыми глазами. Мы отъ Глинокъ. Бывало, я тоже удивлялась этому дому, этому обществу, но какъ-то иначе. Надъ диваномъ, въ гостиной, виситъ картина, образъ, можетъ быть, Спасителя. Блѣдножелтый ликъ съ непріятнымъ выраженіемъ въ глазахъ и сіяніемъ вокругъ головы, похожимъ на штыки. Неужели онъ нравится Авдотьѣ Павловнѣ и напоминаетъ ей Богочеловѣка? Подъ нимъ на диванѣ сидитъ студентъ. А его Авдотья Павловна понимаетъ? Она думаетъ что это тотъ самый студентъ котораго она знала прежде, то-есть, одинъ изъ тѣхъ. Но тѣ развѣ садились на диваны, на первое въ гостиной мѣсто? Подойдя ко мнѣ, она опять остановясь притопнула обѣими ногами, причемъ сѣдые локоны ея тряхнулись, жестъ ей одной свойственный, и произнесла: *говорятъ что я невѣжда, что я отстала, что все идетъ впередъ, а я отстала! Eh bien, oui j'aime le vieux Christ!* и она съ меня перевела глаза на студента, а съ него на картину. Студентъ слегка улыбнулся. Самозванецъ на полотнѣ не улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Онъ даже не зналъ что vieux Christ это онъ. Онъ не зналъ что и студентъ сидящій подъ нимъ не прежній студентъ, и Авдотья Павловна этого не знала, ничего не знала. Знали только кое-что студентъ и я. Обернувшись снова ко мнѣ, она сказала что прочтетъ одинъ разказъ написанный 90 лѣтней старухой Хвостовой.

Въ предисловіи, гдѣ эта старушка говоритъ что она уже все потеряла и можетъ только любить и помнить, раздался сладкій голосъ княгини-матери Шаховской: *Ah, que c'est beau!* этой княгини, сочетанія столькихъ несообразностей.

Разказъ заключался въ томъ что Петръ I назвалъ дуракомъ молоденькаго сына Хвостовой, и мальчикъ оттого заскучалъ и, наконецъ, скрылся изъ дома и поступилъ въ монахи. Тутъ *Ростовцева*

стала плакать, а мнѣ вспомнился Искандеръ который называетъ ея мужа: *Іаковъ энтузіастъ*, и цѣлый рой мыслей засновалъ въ головѣ моей. А не вдалекѣ сидѣлъ самъ старичекъ хозяинъ, приговаривая то и дѣло: *вотъ какъ*, и приглаживалъ свои височки и дергалъ себя за бакены. Я вдругъ вспомнила и 14 декабря 1825 года, и онъ представился мнѣ не беззубымъ старикомъ, а молодымъ адъютантомъ *Милорадовича* избѣгнувшимъ болѣе строгаго наказанія чѣмъ ссылка въ *Олонецкую губернію* только благоларя предсмертной просьбѣ о немъ Милорадовича. Въ это время до слуха моего долетѣли его слова: *мужикъ привыкъ есть рѣдьку*, а ему говорятъ: *нѣтъ, ѣшь бламанже!* Хочешь, не хочешь, а ѣшь! Это говорилъ онъ: подъ словомъ бламанже подразумѣвалась *воля*; подъ словомъ рѣдька ихъ теперешнее положеніе.

Господи, Твоя воля! Сколько метаморфозъ! Вотъ и Глинка декабристъ. Развѣ это онъ сидитъ и разсуждаетъ о рѣдькѣ и бламанже? Глинка, студенты, я и сколько еще перемѣнилось! Но Авдотья Павловна, со своими сѣдыми локонами и прекрасными, черными и блестящими, какъ у ящерицы, глазами, та, кажется, не мѣняется. Или въ свое время, въ то когда подвергался чему-то худшему чѣмъ простая ссылка ея мужъ, и она предлагала бламанже вмѣсто рѣдьки и любила его больше рѣдьки?

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАКЪ.

Очеркъ изъ исторіи французской литературы XVII вѣка.

I.

Первая половина XVII вѣка была во Франціи эпохой сильнаго литературнаго броженія, во время котораго постепенно выдѣлялись тѣ элементы, изъ коихъ сложилась впослѣдствіи національная классическая литература царствованія „короля-Солнца“.

Умственное движеніе нашедшее себѣ выраженіе въ раціоналистической философіи Декарта и его послѣдователей, борьба религіозныхъ мнѣній завѣщанныхъ эпохой Реформаціи, политическія волненія вызванныя столкновеніемъ новаго, централизованнаго государства съ защитниками средневѣковаго строя, непрестанныя международныя войны, способствовавшія ознакомленію съ бытомъ и нравами другихъ націй, все это, конечно, должно было отразиться и въ области литературы, должно было вызвать подъемъ литературнаго творчества.

И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи эпоха Фронды и кардинала Ришельё представляетъ картину значительнаго оживленія. Появляется цѣлый рядъ талантливыхъ поэтовъ, романистовъ, драматурговъ; слагаются опредѣленные литературные взгляды, представляющіе собой зачатки эстетической критики, и такимъ образомъ подготовляется почва для появленія Боало; образуются цѣлыя литературныя школы и партіи между которыми развивается полемика и борьба. Правда, большинство дѣятелей этого литературнаго движенія раздѣляютъ печальную участь всякой переходной эпохи. Заслоненные крупными именами своихъ преемниковъ: Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена, Боало, они обречены на забвеніе, не смотря на то что среди нихъ встрѣчаются люди съ выдающимся талантомъ и съ оригинальной литературной физіономіей; поэтому въ настоящее время имена Ренье,

Сореля, Сентъ-Амана, д'Ассуси, Шапеля, Теофиля де Віо, Мэре и др. извѣстны большой публикѣ лишь по наслышкѣ, а сочиненія ихъ среди которыхъ встрѣчаются вещи выдающіяся по своему достоинству знакомы лишь ученымъ спеціалистамъ.

Правда, причина этого забвенія заключается отчасти въ пріемахъ творчества свойственныхъ той эпохѣ: особенно это слѣдуетъ сказать относительно романистовъ XVII вѣка. У кого въ настоящее время достанетъ терпѣнія познакомиться съ безконечными произведеніями m-elle de Scudéry, или прочесть двѣнадцать томовъ „правдивой исторіи Франсіона" Сореля? Между тѣмъ и въ области прозаической повѣсти французская доклассическая литература создала немало замѣчательныхъ, достойныхъ изученія произведеній.

Въ исторіи французскаго романа XVII вѣка можно различать два главныя теченія: одно изъ нихъ отличается реалистическимъ и сатирическимъ характеромъ и является выраженіемъ стариннаго esprit gaulois; исторически оно примыкаетъ къ сатирѣ Раблэ, хотя въ то же время на немъ несомнѣнно отразилось вліяніе современнаго испанскаго „плутовскаго" романа. Представители этого направленія описываютъ преимущественно бытъ и нравы среднихъ и низшихъ классовъ французскаго общества, высмѣиваютъ пороки своихъ современниковъ и, рисуя такимъ образомъ обстоятельную картину будничной жизни, даютъ богатый матеріалъ для изученія той эпохи. Лучшими произведеніями этого литературнаго направленія являются кромѣ названнаго сочиненія Сореля, „Le Roman comique" Скарона и „Le Roman bourgeois" Фюретьера. Другое литературное теченіе которое историкъ французскаго романа въ XVII вѣкѣ, Кертингъ, называетъ „идеалистическимъ" [1]), носитъ противоположный характеръ, хотя и развивается одновременно и паралельно реалистическому роману. Это теченіе примыкаетъ къ средневѣковому рыцарскому роману, хотя и на его развитіе оказала значительное вліяніе испанская литература, именно испанскій пастушескій романъ. У представителей этого направленія сатира и юморъ свойственный реалистическому роману отсутствуютъ вовсе; однако и въ ихъ произведеніяхъ современный бытъ и нравы находятъ себѣ, хотя и неполное, отраженіе. Не смотря на то что дѣйствіе обыкновенно переносится въ нихъ на Востокъ или въ древнюю Грецію, мы безъ труда узнаемъ въ дѣйствующихъ лицахъ элегантныхъ, благовоспитанныхъ маркизовъ и герцогинь, а въ ихъ разговорахъ отголоски бесѣдъ свѣтскаго общества собиравшагося въ hôtel de Rambouillet.

[1]) H. Koerting. Geschichte des französischen Romans im XVII Jahrhundert. Leipzig 1885.

Въ сторонѣ отъ обоихъ главныхъ литературныхъ теченій XVII вѣка стоитъ писатель, имя котораго только въ недавнее время благодаря піесѣ Ростана получило всеобщую извѣстность, Сирано де Бержеракъ. Нужно замѣтить, однако, что въ изображеніи Ростана отсутствуютъ многія характерныя черты его прототипа. Сирано Ростана это остроумный гасконецъ, бреттеръ и забіяка, авторъ сантиментальныхъ писемъ, человѣкъ феноменальнаго великодушія и самоотверженія, единственнымъ несчастіемъ котораго является... не въ мѣру длинный носъ. Въ этомъ изображеніи мы совсѣмъ не узнаемъ насмѣшливаго и скептическаго автора „Путешествія на луну“, ученика Гасенди, соединявшаго склонность къ философскимъ изысканіямъ со смѣлостью поэтической фантазіи. Что же касается до смерти Сирано, какъ она описана у Ростана, то описаніе это не только не согласно съ дѣйствительностью, но и представляетъ собой совершенную нелѣпость, впрочемъ, не единственную въ піесѣ прославленнаго автора.

Савиньэнъ де Сирано присоединившій впослѣдствіи къ своему фамильному имени названіе города вблизи котораго онъ провелъ свое дѣтство родился въ Парижѣ 6 марта 1619 года. Семья его происходившая изъ южной Франціи принадлежала къ среднему дворянству и выдѣлила изъ своей среды много gens de robe et d'epée, хотя члены ея никогда не занимали выдающагося общественнаго положенія. Получивъ первоначальное воспитаніе у сельскаго священника, близъ Бержерака, Сирано тринадцати лѣтъ отъ рода былъ привезенъ для продолженія своего образованія въ Парижъ и помѣщенъ въ колегію Бовэ, во главѣ которой стоялъ небезызвѣстный въ свое время педагогъ и ученый Жанъ Гранжье. Это былъ человѣкъ отличавшійся большой эрудиціей въ схоластическомъ духѣ, но столь же большой педантичностью и самомнѣніемъ; къ этимъ нелестнымъ качествамъ присоединялись еще скупость и женолюбіе дѣлавшія изъ почтеннаго педагога весьма комическую фигуру. Школьная дисциплина совершенно не согласовалась съ необузданнымъ нравомъ молодаго Сирано; поэтому неудивительно что онъ очень скоро пришелъ въ столкновеніе со своимъ наставникомъ и чтобы отомстить ему за его притѣсненія написалъ свое первое литературное произведеніе комедію: „Le pédant joué“, въ которой вывелъ своего начальника подъ прозрачнымъ псевдонимомъ Гранже.

Около 1637 года Сирано оставилъ колегію и со всѣмъ пыломъ своего южнаго темперамента отдался веселой и разгульной жизни въ кругу своихъ друзей. Въ короткое время онъ пріобрѣлъ себѣ громкую славу перваго дуэлиста и забіяки способнаго во всѣхъ случаяхъ жизни постоять за себя. Его невоздержанный языкъ скоро доставилъ ему много враговъ среди лицъ надъ которыми онъ изощ-

рялъ свое остроуміе. Недовольный такимъ поведеніемъ сына, отецъ его пригрозилъ лишить его матеріальной поддержки въ случаѣ если онъ не измѣнитъ своего образа жизни, и только вмѣшательство одного изъ друзей молодаго Сирано, его позднѣйшаго издателя Лебре, предотвратило окончательный разрывъ между отцомъ и сыномъ. Но молодой Сирано, отдаваясь ночнымъ оргіямъ и приключеніямъ, находилъ однако же время и для серіозныхъ занятій способствовавшихъ пополненію его образованія. Наибольшее значеніе имѣли въ этомъ отношеніи лекціи извѣстнаго философа Гасенди, преданнымъ ученикомъ и послѣдователемъ котораго онъ остался до конца жизни. На лекціяхъ Гасенди онъ познакомился и сблизился съ Мольеромъ, Ламотъ-Лавайеромъ, Шапелемъ и др., и вошелъ такимъ образомъ въ литературные круги.

Двадцати лѣтъ Сирано, по совѣту своего друга Лебре, поступилъ на военную службу волонтеромъ въ королевскую гвардію и вмѣстѣ со своимъ отрядомъ большинство котораго состояло изъ гасконцевъ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ, во время которыхъ былъ дважды тяжело раненъ, при Музонѣ и при осадѣ Араса. Но военная служба не могла надолго удовлетворить его: въ 1641 году онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Парижъ. Здѣсь снова началась для него прежняя безпорядочная жизнь въ которой ученыя и литературныя занятія чередовались съ безконечными дуэлями и похожденіями. Въ высшей степени щекотливый во всемъ что̀ касается его личности и его чести, Сирано готовъ былъ ежеминутно отвѣтить ударомъ шпаги на всякое дерзкое слово или насмѣшливый взглядъ. Если же противникъ его не находился налицо, то Сирано употреблялъ противъ него другое, столь же дѣйствительное оружіе, безпощадную насмѣшку: такимъ образомъ создались его „Письма“, остроумные, хотя часто весьма грубые памфлеты, въ которыхъ Сирано подвергалъ своихъ враговъ яростнымъ нападкамъ, не щадя ни ихъ чести, ни самолюбія. Очень часто поводомъ къ дуэлямъ служила извѣстная физическая особенность Сирано, именно его необычайно большой и длинный носъ прославившій его во всемъ Парижѣ. Носъ этотъ, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, стоилъ жизни доброму десятку людей убитыхъ Бержеракомъ на дуэли за то что они не сохранили должнаго равнодушія при видѣ этой игры природы на физіономіи молодаго гасконца.

Если Сирано не дрался самъ, то онъ участвовалъ въ дуэляхъ въ качествѣ секунданта. Несмотря на суровые законы изданные Ришелье противъ дуэлистовъ, первая половина XVII вѣка была эпохой процвѣтанія поединковъ, такъ что нужно было совершить въ этой области дѣйствительно нѣчто изъ ряда вонъ выходящее для

того чтобы заслужить ту громкую извѣстность, которой пользовался Сирано въ качествѣ дуэлиста. Современники называли его le démon de la bravoure и сохранили намъ о его подвигахъ самые невѣроятные разказы. Такъ однажды, узнавъ что его другу Линьеру грозить опасность со стороны оскорбленнаго имъ вельможи, пригрозившаго избить его до полусмерти при помощи своихъ наемниковъ, Сирано вызвался защитить его и безстрашно вступилъ въ бой съ цѣлой толпой нападающихъ: въ результатѣ двое изъ нихъ оказались убитыми, семь ранеными, а остальные обратились въ постыдное бѣгство. Этотъ подвигъ Сирано пріобрѣлъ ему такую славу что маршалъ Гасьонъ предложилъ ему поступить къ нему на службу, обезпечивая такимъ образомъ для Сирано блестящую карьеру. Но Сирано, выше всего ставившій свою свободу, отклонилъ отъ себя это предложеніе и предпочелъ по-прежнему вести необезпеченную и полную приключеній, но независимую жизнь. Въ другой разъ, разсердившись за что-то на актера Монфлери, онъ запретилъ ему въ теченіе мѣсяца выступать на сценѣ; когда же Монфлери нарушилъ это запрещеніе, полагаясь на защиту публики, Сирано заставилъ его уйти со сцены и прекратить представленіе, не смотря на протесты зрителей. Оба эти факта изъ жизни Сирано послужили матеріаломъ для нѣсколькихъ эфектныхъ сценъ въ піесѣ Ростана.

Къ этой же эпохѣ жизни Сирано относятся и его путешествія, относительно которыхъ, впрочемъ, намъ неизвѣстно никакихъ подробностей. Но нѣкоторыя косвенныя данныя заставляютъ насъ предполагать что онъ успѣлъ побывать въ Италіи, въ Англіи и, повидимому, въ Польшѣ, куда онъ могъ отправиться въ свитѣ невѣсты короля Владислава, Маріи Гонзаго, въ 1645 году. Но не смотря на свой неправильный образъ жизни, Сирано находилъ время усердно заниматься наукою и философіею. Кромѣ Гассенди, своего учителя, онъ высоко ставилъ Декарта, хотя и не соглашался съ нимъ во многихъ существенныхъ пунктахъ. Изъ древнихъ философовъ его уваженіемъ пользовался Сократъ, Демокритъ и въ особенности основатель скептической школы Пирронъ. Что же касается до Аристотеля, то онъ еще на школьной скамьѣ проникся къ нему непримиримой ненавистью, видя въ немъ родоначальника схоластики. Въ качествѣ скептическаго esprit fort Сирано пользовался значительною извѣстностью въ литературныхъ кругахъ, хотя сочиненія его были извѣстны лишь въ рукописяхъ. Онъ посѣщалъ литературный кружокъ „du pont Neuf", собиравшійся вокругъ Скарона, съ которымъ впрочемъ позднѣе разсорился. Ближайшими друзьями Сирано были Лебре, де Прадъ, Линьяръ, Тристанъ, составлявшіе вокругъ него кружокъ горячихъ поклонниковъ. Но число его враговъ было еще гораздо

значительнѣе. Враги эти пользовались всѣми средствами для того чтобы повредить Сирано, обвиняя его въ вольнодумствѣ и безбожіи, стараясь очернить его нравственный характеръ. Поэтому, когда въ 1654 году была поставлена на сцену его трагедія „Агриппина“, въ ней усмотрѣли анти-религіозныя сужденія, и послѣ нѣсколькихъ представленій піеса его подверглась запрещенію. Въ этомъ же году онъ издалъ свои „Oeuvres diverses“, въ которые вошли письма, комедія „Le pédant joué“ и собраніе афоризмовъ, подъ заглавіемъ „Entretiens pointus“, посвятивъ свою книгу герцогу Арпажону. Но лучшее произведеніе Сирано, фантастическое путешествіе на луну и на солнце, не было вовсе издано при его жизни и напечатано уже послѣ смерти автора, въ 1659 году, его другомъ Лебре, при чемъ боязливый издатель сдѣлалъ въ немъ не мало пропусковъ. Кромѣ названныхъ сочиненій ему принадлежатъ еще нѣсколько стихотвореній различнаго содержанія; число ихъ несомнѣнно было гораздо значительнѣе, но большинство ихъ не дошло до насъ, такъ же какъ и его „Histoire de l'Etincelle“, входившая въ составъ его фантастическаго путешествія. Съ другой стороны ему приписываются нѣкоторыя произведенія которыя на самомъ дѣлѣ ему не принадлежатъ. Такъ напримѣръ, Поль Лакруа включилъ въ свое изданіе сочиненій Сирано де Бержерака анонимное стихотвореніе политическаго содержанія, напечатанное въ 1649 году и написанное противъ кардинала Мазарини: „Le Ministre d'Etat flambé“. Новѣйшій біографъ Сирано, Пьеръ Бренъ, однако рѣшительно отвергаетъ принадлежность Сирано этого стихотворнаго памфлета, ссылаясь на то что Сирано, насколько намъ извѣстно, былъ сторонникомъ кардинала министра, что ясно видно изъ одного изъ его „Писемъ“ направленнаго противъ сторонниковъ Фронды [2]). Кромѣ того изъ сочиненій нелитературнаго характера сохранился еще отрывокъ сочиненія о физикѣ, показывающій насколько глубокъ былъ въ немъ интересъ къ этой наукѣ и къ ея глубочайшимъ проблемамъ.

Въ послѣдніе годы жизни, по свидѣтельству Лебре, характеръ Сирано значительно измѣнился, быть можетъ подъ вліяніемъ какой-нибудь тяжелой болѣзни. Онъ разошелся съ кружками своихъ разгульныхъ, беззаботныхъ товарищей по перу, и сталъ вести уединенный, замкнутый образъ жизни. Впрочемъ въ кругу своихъ ближайшихъ интимныхъ друзей онъ былъ по-прежнему остроумнѣйшимъ, неистощимымъ собесѣдникомъ и желаннымъ гостемъ. Лебре выставляетъ на видъ его строгую воздержанность и стоическое равнодушіе

[2]) Pierre Brun. S. de Cyrano Bergerac, sa vie et ses oeuvres d'après des documents inédits. Paris, 1893, p. 143.

съ которымъ онъ переносилъ житейскія невзгоды. Впрочемъ иногда на Сирано находили приступы глубокой меланхоліи; въ такіе дни онъ покидалъ Парижъ для того чтобы гдѣ-нибудь на лонѣ природы возстановить свою душевную бодрость. Прекрасныя описанія природы встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ ясно показываютъ что его одушевляла глубокая любовь къ ней и къ ея красотамъ, чувство мало знакомое писателямъ XVII вѣка.

Въ 1654 году Сирано получилъ тяжелую рану въ голову отъ упавшаго на него или преднамѣренно брошеннаго бревна. Это повлекло за собой долгую болѣзнь, отъ которой ему уже не суждено было оправиться; чувствуя приближеніе смерти, онъ пожелалъ чтобы его перевезли въ деревню и черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ имѣніе своего двоюроднаго брата скончался тамъ въ сентябрѣ 1655 года, тридцати шести лѣтъ отъ рода. Литературная судьба Сирано де Бержерака сложилась почти такъ же неудачно какъ и его жизнь. Не смотря на свой крупный талантъ, онъ какъ писатель не пользовался большою популярностью. Отчасти это происходило отъ установившейся за нимъ репутаціи опаснаго вольнодумна и атеиста, хотя Сирано передъ смертью примирился съ религіей и умеръ добрымъ католикомъ. Поль Лакруа предполагаетъ даже что іезуитское „братство Индекса“ [3]) систематически истребляло книги Сирано и обвиняетъ его въ похищеніи рукописей писателя въ качествѣ вредныхъ, хотя Бренъ считаетъ такое предположеніе ни на чемъ не основаннымъ. Впослѣдствіи мы увидимъ что упрекъ Сирано въ атеизмѣ совершенно несправедливъ; что же касается до его „вольнодумства“, то не слѣдуетъ забывать что въ эту эпоху даже ученіе о движеніи земли вокругъ солнца считалось глубочайшею ересью, и система Коперника была осуждена въ качествѣ несогласной съ библейскими преданіями.

Затѣмъ съ конца XVII вѣка наступаетъ для Сирано пора почти полнаго забвенія, по крайней мѣрѣ со стороны литературной критики. Впервые обратилъ на него серіозное вниманіе уже въ XIX вѣкѣ Дэнлопъ который посвятилъ ему нѣсколько страницъ въ своей „Исторіи романа“, первое изданіе которой вышло въ свѣтъ въ 1814 г., въ главѣ о „фантастическихъ путешествіяхъ“ [4]). Затѣмъ горячими поклонниками и защитниками Сирано выступили двое изъ французскихъ романтиковъ: Шарль Нодье и Т. Готье. Въ шестидесятыхъ годахъ извѣстный библіографъ Поль Лакруа написалъ довольно об-

---

[3]) Index librorum prohibitorum, такъ назывался списокъ запрещенныхъ церковью книгъ.

[4]) J. C. Dunlop. History of prose fiction. London, 1888. Vol II, p. 525 ss.

ширное біографическое введеніе къ своему изданію сочиненій Бержерака, а Викторъ Фурнель посвятилъ ему интересный критическій этюдъ основанный на разборѣ его главнѣйшихъ произведеній. Должную оцѣнку нашелъ себѣ Сирано и въ трудахъ Лотейсена и Кертинга по исторіи французской литературы XVII вѣка. Наконецъ въ 1894 году вышла первая спеціальная монографія о Сирано написанная П. Бреномъ и особенно цѣнная, потому что въ приложеніи къ этой книгѣ напечатаны нѣкоторыя изъ пропущенныхъ мѣстъ въ „Путешествіи на луну", а также нѣсколько неизвѣстныхъ до этого „писемъ" Сирано.

II.

Обратимся теперь къ разбору отдѣльныхъ произведеній Сирано де Бержерака. Среди нихъ первое мѣсто занимаютъ безспорно его фантастическія путешествія на луну и на солнце. „Путешествіе на Луну" написано Бержеракомъ въ 1648—49 гг. Въ началѣ своего повѣствованія авторъ разказываетъ какимъ образомъ ему пришла въ голову мысль посѣтить луну: однажды ночью онъ съ нѣсколькими пріятелями возвращался съ дружеской пирушки происходившей въ окрестностяхъ Парижа; луна находилась въ полномъ блескѣ, и нѣкоторые изъ собесѣдниковъ стали высказывать относительно ея разныя остроумныя предположенія: одни утверждали что это слуховое окно неба, другіе что это помостъ на которомъ Діана вѣшаетъ грязное бѣлье Аполлона, наконецъ, согласно третьему мнѣнію, луна есть не что иное какъ дневное солнце, на ночь снявшее съ себя свой лучистый нарядъ. Сирано же, возбужденный этими разнорѣчивыми сужденіями, сталъ серіозно доказывать къ немалому удивленію своихъ друзей что луна есть такой же міръ какъ и наша земля и что съ точки зрѣнія ея обитателей наша земля въ свою очередь является луною. Друзья Сирано долго смѣялись надъ такимъ предположеніемъ, считая его совершенно нелѣпымъ; но что касается самого Сирано, то чѣмъ больше онъ о немъ думалъ, тѣмъ правдоподобнѣе оно ему казалось и поэтому онъ сталъ серіозно обдумывать средства при помощи которыхъ ему можно было бы достигнуть луны и познакомиться съ ея устройствомъ.

Мысль о путешествіи по небеснымъ пространствамъ явилась задолго до Сирано и встрѣчается еще въ древней греческой литературѣ, у Антонія Діогена и у Лукіана. Въ поэмѣ Аріосто герой его, Астольфо, поднимается на луну на гиппогрифѣ. Что касается до ближайшаго къ Сирано времени, то къ этой эпохѣ относится цѣлый

рядъ сочиненій, такъ или иначе затрогивающихъ вопросъ объ обитаемости небесныхъ свѣтилъ. Въ 1623 году напечатана знаменитая книга Кампанеллы „Civitas Solis“, въ 1638 году появилось сочиненіе одного англійскаго епископа Францисса Годвина: „The Man in the Moon, or a discourse of a voyage thither by Domingo Gonsales“. Наконецъ незадолго до Сирано лейбъ-медикъ французскаго короля Пьеръ Борель, принадлежавшій также къ кружку Гасенди и Мерсена, написалъ сочиненіе, въ которомъ доказывалъ множественность міровъ и ихъ обитаемость. Всѣ эти сочиненія несомнѣнно были извѣстны Бержераку и такимъ образомъ не могли не оказать нѣкотораго вліянія на его замыселъ. Но все это нисколько не умаляетъ оригинальности произведенія Сирано. Новымъ и весьма характернымъ для него, какъ для раціоналиста и физика, является уже то обстоятельство что онъ старается дать нѣкоторое правдоподобіе самому способу путешествія по небесному пространству, о чемъ его предшественники вовсе не заботились. Въ то время какъ Аріосто сажаетъ своего героя на гиппогрифа, а Лукіанъ заставляетъ Аквилонъ перенести судно со своими путешественниками на луну, Сирано подробно останавливается на вопросѣ о самомъ способѣ путешествія по воздуху и пытается сдѣлать его болѣе естественнымъ и вѣроятнымъ. Такимъ образомъ въ своемъ сочиненіи онъ какъ бы ставитъ задачу разрѣшенную только современною аэростатикой.

Сирано предлагаетъ нѣсколько способовъ передвиженія по воздуху не лишенныхъ остроумія. Его первый опытъ летанія по воздуху заключался въ томъ что онъ обвязалъ свое тѣло цѣлымъ рядомъ стклянокъ наполненныхъ росою въ надеждѣ что солнце притягивающее росу съ земли подниметъ съ нею вмѣстѣ и его самого. Опытъ этотъ удается ему только наполовину: солнце дѣйствительно поднимаетъ его вверхъ, притягивая къ себѣ испаренія росы, но вечеромъ ему снова вмѣстѣ съ росою приходится опуститься на землю. Однако, во время его подъема земля успѣла сдѣлать полъоборота, и Сирано опускается уже на противоположномъ полушаріи, въ Канадѣ. Здѣсь онъ приходитъ въ столкновеніе съ отцами-іезуитами принимающими его за опаснаго чародѣя и считающими еретическимъ его утвержденіе о движеніи земли вокругъ оси, и только покровительство губернатора Канады спасаетъ отважнаго путешественника отъ непріятныхъ послѣдствій. Здѣсь онъ строитъ какую-то снабженную крыльями машину, устройство которой онъ, впрочемъ, не описываетъ, для того чтобы достигнуть своей цѣли; однако, первый подъемъ его происходитъ неудачно: онъ падаетъ вмѣстѣ со своей машиной на землю, сильно разбивается и для заживленія полученныхъ ушибовъ намазываетъ свое тѣло бычачьимъ мозгомъ. Въ это время солдаты нахо-

дятъ на площади его машину и привязываютъ къ ней ракеты для того чтобы пустить ее на воздухъ въ видѣ огненнаго дракона; Сирано приходитъ какъ разъ въ то время, когда солдаты зажигаютъ ракеты; онъ бросается къ своей машинѣ чтобы спасти ее, и вспыхнувшія ракеты уносятъ его вмѣстѣ съ нею въ пространство. Опомнясь отъ перваго ошеломленія, Сирано замѣчаетъ что поднявшись на нѣкоторую высоту машина вдругъ останавливается, а затѣмъ начинаетъ быстро падать, въ то время какъ самъ онъ продолжаетъ плавно подниматься вверхъ. Онъ объясняетъ себѣ это тѣмъ что машина подняла его до сферы луннаго притяженія, а затѣмъ уже начинаетъ дѣйствовать сама луна, во время полнолунія притягивающая къ себѣ, по распространенному въ то время повѣрію, мозгъ животныхъ. Третій способъ предлагаемый Сирано заключается въ томъ что два достаточно большіе шара наполняются дымомъ, привязываются человѣку подъ мышки и такимъ образомъ поднимаютъ его, такъ какъ, по мнѣнію Сирано, дымъ всегда стремится вверхъ; несмотря на наивность формы въ этомъ проектѣ Сирано уже заключается несомнѣнно первый проблескъ идеи Монгольфьера.

Такимъ образомъ Сирано стремится найти раціональный способъ для достиженія своей фантастической цѣли, между тѣмъ какъ его предшественники вовсе объ этомъ не заботились. Съ могучимъ полетомъ необузданной фантазіи у него соединяется большая точность реальнаго описанія, такъ что съ этой стороны, по вѣрному замѣчанію Фурнеля, онъ близко напоминаетъ Эдгара По [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ его стремленіе внести научность въ белетристическое произведеніе сближаетъ его съ нашимъ современникомъ Жюлемъ Верномъ. Подобно этому писателю Сирано также, повидимому, вполнѣ сознательно поставилъ себѣ задачу популяризовать въ общедоступной формѣ современныя научныя идеи. Поэтому на ряду съ самыми фантастическими описаніями у него встрѣчаются длинныя разсужденія на научныя и философскія темы: о способѣ дѣйствія органовъ чувствъ, о сущности матеріи, о природѣ души и т. п. Что же касается до описанія нравовъ и обычаевъ лунныхъ жителей, то очень часто, не смотря на кажущуюся безобидную комичность, эти описанія являются въ сущности злой сатирой на наши собственные земные нравы, мѣстами возвышающейся до глубокаго нравственнаго негодованія, напримѣръ, когда рѣчь идетъ объ ужасахъ войны. Какъ ни странно кажется такое заявленіе въ устахъ храбраго солдата и отъявленнаго дуэлиста, но Сирано является убѣжденнымъ противникомъ войны; въ одномъ мѣстѣ онъ даже предлагаетъ рѣшать международные споры

[5]) V. Fournel. La littérature indépendante et les écrivains oubliés. Paris, 1869, p. 97.

путемъ третейскаго суда, планъ еще теперь далекій отъ полнаго осуществленія.»

При описаніи луны и лунныхъ жителей Сирано даетъ полную волю своей фантазіи. Люди на лунѣ значительно больше земныхъ и при томъ ходятъ они на четвере620ькахъ какъ животныя. Членораздѣльной рѣчи, какъ мы ее понимаемъ, у нихъ не существуетъ. За то существуютъ два способа для выраженія своихъ чувствъ и мыслей. Одинъ изъ нихъ, свойственный высшему классу населенія, заключается въ музыкѣ: вмѣсто того чтобы составлять фразы изъ отдѣльныхъ словъ, лунные жители поютъ рулады или играютъ на флейтѣ, „такъ что если случится что общество изъ пятнадцати или двадцати человѣкъ начнетъ обсуждать какой-нибудь богословскій вопросъ, или же разбирать затруднительный судебный случай, то получается самый гармоническій концертъ, какой только можетъ ласкать нашъ слухъ“. Что касается простаго народа, то представители его выражаютъ свои мысли и желанія при помощи тѣлодвиженій, при чемъ, напримѣръ, складка на лицѣ, сжатіе пальца, сокращеніе мускула означаетъ иногда цѣлую сложную фразу: поэтому издали бесѣдующихъ лунныхъ жителей можно принять за бѣсноватыхъ, или же предположить что ихъ трясетъ лихорадка. Питаются лунные жители запахами яствъ, причемъ для того чтобы тѣло ихъ стало болѣе доступнымъ этимъ питательнымъ ароматамъ, они передъ обѣдомъ раздѣваются до нага. Нашъ же способъ питанія на лунѣ считается низменнымъ и животнымъ. Однако, Сирано, ne pouvant pas se débrutaliser si promptement, проситъ дать ему кусокъ мяса. Поэтому угощавшій его хозяинъ отправляется съ нимъ на охоту и стрѣляетъ для него жаворонковъ, при чемъ они падаютъ на землю уже ощипанными, изжаренными и приправленными: изумленному путешественнику хозяинъ его объясняетъ что этотъ эфектъ достигается при помощи особеннаго состава пороха который мгновенно превращаетъ летящую на свободѣ птицу въ прекрасное жаркое.

Постели на лунѣ приготовляются изъ различнаго рода цвѣтовъ, причемъ за ихъ приготовленіемъ, такъ же какъ и за приготовленіемъ яствъ, наблюдаютъ особаго рода врачи-физіономы которые по внѣшнему виду человѣка, по строенію лица, по цвѣту волосъ и кожи, по скорости пульса и дыханія, опредѣляютъ его діэту и сонъ. Такимъ образомъ предотвращается возникновеніе болѣзней, и дѣлается ненужной обычная медицина, и все дѣло ограничивается простою гигіеной. На ночь желающимъ щекочутъ пятки, способъ усыпленія испытаный и здѣсь на землѣ покойнымъ супругомъ помѣщицы Коробочки. Для освѣщенія употребляютъ свѣтящихся червячковъ, или же солнечные лучи, извѣстнымъ способомъ лишенные

тепла, сконцентрированные и собранные въ стеклянные шары Развѣ не напоминаетъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, этотъ способъ освѣщенія наши электрическія солнца?

Въ другомъ мѣстѣ Сирано предвосхищаетъ въ идеѣ одно изъ наиболѣе удивительныхъ изобрѣтеній XIX вѣка, фонографъ. На лунѣ, по его словамъ, не существуетъ книгъ въ нашемъ смыслѣ слова: ихъ замѣняютъ очень сложнаго устройства металическія машины въ которыхъ особымъ образомъ запечатлѣны разнаго рода литературныя произведенія; желающій прочесть что-либо изъ нихъ приводитъ въ движеніе иглу, предварительно поставивъ ее на нужное ему мѣсто сочиненія, и тотчасъ же изъ машины раздается человѣческій голосъ или звукъ музыкальнаго инструмента передающій въ точности содержаніе требуемаго отрывка.

Къ болѣе простому способу прибѣгаютъ лунные жители для опредѣленія времени. Когда Сирано достаточно научившійся лунному языку спрашивалъ встрѣчавшихся ему аборигеновъ: который часъ? то они вмѣсто всякаго отвѣта широко раскрывали ротъ и обращали лицо кверху. На вопросъ Сирано что̀ это значило, и почему они ему не отвѣчали, его хозяинъ разъяснилъ ему его недоразумѣніе: когда лунные жители хотятъ узнать время, то они становятся извѣстнымъ образомъ относительно солнца, и тѣнь отъ носа падающая на зубы съ полной точностью опредѣляетъ время дня, служа такимъ образомъ естественною замѣной солнечныхъ часовъ. Это даетъ поводъ Бержераку сказать нѣсколько словъ относительно значенія носовъ на лунѣ. Большой носъ служитъ тамъ признакомъ ума, благородства, честности, великодушія. Этотъ фактъ установленъ, по словамъ жителей, вѣками долгаго опыта и почти не подверженъ исключенію. Дѣтей на второмъ году жизни приносятъ къ магистратамъ, и если носъ ихъ къ этому времени не достигаетъ опредѣленной величины, точная мѣра которой сохраняется у присяжныхъ синдиковъ, то дѣтей превращаютъ въ евнуховъ. Конечно составляя этотъ комичный панегирикъ длинному носу, Сирано несомнѣнно говоритъ pro domo sua. Что касается до знака отличія дворянскаго достоинства на лунѣ, то желающихъ справиться я принужденъ отослать къ самому сочиненію [6]).

Отношенія между полами основаны на полной свободѣ любви, хотя отказываться отъ предложенной любви никто не имѣетъ права подъ страхомъ наказанія. Бездѣтность считается не только большимъ позоромъ, но и настоящимъ преступленіемъ, такъ какъ давать жизнь новымъ существамъ вмѣняется человѣку въ обязанность. Вмѣстѣ съ

---

[6]) Cyrano de Bergerac. Histoire comique des états et empires de la Lune et du Soleil. Nouv. édition, par. P. L. Jacob, p. 183.

тѣмъ отношенія между различными поколѣніями представляютъ полную противоположность тѣмъ которыя существуютъ на нашей планетѣ. На лунѣ власть и значеніе всегда принадлежатъ младшему поколѣнію, какъ только оно подрастаетъ и разовьется до полной самостоятельности. Что касается представителей старшаго поколѣнія, „отцовъ", то они обязаны во всемъ повиноваться своимъ дѣтямъ. Сирано самъ горячо защищаетъ такой порядокъ вещей. „Скажите по совѣсти, говоритъ онъ устами одного изъ лунныхъ жителей, кто болѣе способенъ управлять дѣлами дома и государства, юноша ли у котораго живо работаетъ сила воображенія, сужденія и воли, или же больной и жалкій старикъ, dont la neige de soixante hivers a glacé l'imagination. То что называется старческимъ благоразуміемъ происходящимъ изъ долгаго опыта есть не что иное какъ паническій страхъ передъ всякимъ новымъ предпріятіемъ требующимъ юношескаго одушевленія и силы. Старости съ ея вяло текущею кровію недоступенъ никакой энтузіазмъ, никакое благородное увлеченіе. Зачѣмъ же продолжать ваши колѣнопреклоненія предъ старостью когда въ ея лицѣ предстоитъ предъ вами воочію лишь отвратительный призракъ смерти?" Изъ этого отрывка ясно видна склонность Сирано къ парадоксамъ составляющая одну изъ характерныхъ сторонъ его дарованія. Увлеченный собственною діалектикой Сирано часто злоупотребляетъ своимъ остроуміемъ. Особенно сильно сказывается эта склонность въ „Письмахъ", гдѣ онъ нерѣдко въ одномъ письмѣ защищаетъ то что въ другомъ опровергалъ и при томъ вполнѣ сознательно забавляясь своею діалектикой (напримѣръ, въ письмахъ „Pour les sorciers" и „Contre le sorciers").

Наказанія за проступки на лунѣ такъ же своеобразны какъ и весь бытъ. За неповиновеніе, напримѣръ, назначается наказаніе in effigie: сѣкутъ розгами изображеніе провинившагося лица. За болѣе серіозные проступки провинившагося приговариваютъ къ amende honteuse: облачаютъ въ роскошную одежду и на блестящей колесницѣ возятъ по городу. Изъ этого видно что обычная одежда лунныхъ жителей отличается большою простотой, нарушать которую считается неприличнымъ. Наконецъ относительно наиболѣе тяжкихъ преступниковъ наказанія налагаются послѣ смерти: именно ихъ присуждаютъ быть погребенными, между тѣмъ какъ прочихъ сжигаютъ въ общественныхъ крематоріяхъ. Такимъ образомъ Сирано въ XVII вѣкѣ предвосхитилъ мысль о сожженіи труповъ только въ послѣднее время начинающуюся осуществляться на западѣ.

Города на лунѣ двухъ родовъ: одни передвижные, другіе осѣдлые. Когда требуется по чему-либо перемѣнить мѣсто, то дома ставятся на колеса, съ одной стороны стѣны прикрѣпляютъ громадные

паруса, при помощи большихъ мѣховъ вдѣланныхъ въ противоположную стѣну надуваютъ ихъ, и домъ такимъ образомъ начинаетъ двигаться какъ парусный корабль на морѣ. Въ осѣдлыхъ же городахъ дома строятся въ видѣ высокихъ башенъ, по срединѣ которыхъ проходитъ глубоко въ землю громадный винтъ. Когда наступаетъ зима (aussitôt que les geleés commencent à morfondre le Ciel, по образному выраженію Бержерака), то дома при помощи этихъ винтовъ опускаются въ землю и остаются тамъ до весны, защищенные отъ дѣйствія непогоды.

Ходячею монетой на лунѣ являются стихи. Мелкіе расходы оплачиваются эпиграмами, канцонами, сонетами; болѣе крупные одами или сатирами, наконецъ наибольшею денежною единицей служатъ поэмы и трагедіи. Но и въ предѣлахъ каждой изъ этихъ категорій существуютъ различія, смотря по поэтическому достоинству каждаго произведенія: поэтому для установленія дѣйствительной цѣнности стиховъ существуютъ особые присяжные оцѣнщики на разсмотрѣніе которыхъ должны быть представлены стихи прежде чѣмъ пойти въ обращеніе.

Описывая способъ веденія войны на лунѣ Сирано, какъ уже было замѣчено выше, выступаетъ ея рѣшительнымъ противникомъ. Впрочемъ формы войны на лунѣ гораздо болѣе мягки чѣмъ на нашей планетѣ. Прежде всего противники стараются о томъ чтобы самымъ точнымъ образомъ уравновѣшивать свои силы для того чтобы побѣда дѣйствительно досталась достойному, то-есть, болѣе мужественному, а не болѣе многочисленному и хитрому. Затѣмъ кромѣ солдатъ въ войнѣ принимаютъ участіе и ученые (les esprités) которые состязаются между собою, и побѣда въ этомъ состязаніи приравнивается къ тремъ побѣдамъ одержаннымъ силою. Но даже и въ такой формѣ война кажется Бержераку безсмысленнымъ и варварскимъ обычаемъ, и вмѣсто ея онъ рекомендуетъ въ случаѣ международнаго столкновенія прибѣгать къ третейскому суду незаинтересованныхъ лицъ.

Таковы жизнь и нравы обитателей луны, среди которыхъ появленіе Сирано вызываетъ конечно большую сенсацію. Они долгое время не знаютъ къ разряду какихъ животныхъ причислить это невѣдомое существо, языкъ котораго кажется безсмысленнымъ бормотаніемъ (bourdonnement). По внѣшнему сходству его принимаютъ за самку обезьяны принадлежащей королевѣ и доставляютъ ко двору къ большой радости королевы которая надѣется такимъ образомъ размножить на лунѣ эту забавную породу животныхъ. Но существо принимаемое обитателями луны за обезьяну оказывается на самомъ дѣлѣ человѣкомъ, Испанцемъ, который залетѣлъ на луну спасаясь отъ преслѣдованія инквизиціи и ища мѣста во вселенной, гдѣ бы по

крайней мѣрѣ воображеніе было свободно. По весьма вѣроятной догадкѣ Дэнлопа, этотъ Испанецъ есть не кто иной какъ Доминико Гонзалесъ, герой сочиненія Годвина, изъ чего можно заключить что Сирано былъ знакомъ съ этимъ сочиненіемъ [7]).

Сирано болѣе наблюдательный и смѣтливый чѣмъ чопорный Испанецъ въ скоромъ времени научается языку лунныхъ жителей, такъ что начинается распространяться слухъ что онъ такой же человѣкъ какъ и мѣстные аборигены. Слухъ этотъ возбуждаетъ негодованіе мѣстныхъ ученыхъ, des Docteurs du pays, которые доказываютъ что Сирано отнюдь не человѣкъ, такъ какъ у него только двѣ ноги, изъ чего видно что природа, создавая его, не придавала ему большаго значенія и потому не позаботилась сообщить его тѣлу солидность и устойчивость какой надѣлила она ихъ самихъ. По ихъ мнѣнію Сирано является не чѣмъ инымъ какъ ощипаннымъ попугаемъ и поэтому они совѣтуютъ заключить его въ клѣтку. Однако это рѣшеніе не прекращаетъ возникшихъ толковъ, такъ какъ Сирано, на котораго какъ на диковинку приходятъ смотрѣть любопытные, поражаетъ всѣхъ своимъ умомъ. Поэтому для разслѣдованія и окончательнаго рѣшенія этого вопроса созывается особая государственная комисія которая постановляетъ строгое запрещеніе вѣрить и распространять слухъ что онъ человѣкъ, и что бы онъ ни дѣлалъ и ни говорилъ разумнаго, все это признавать дѣйствіемъ врожденнаго инстинкта. Въ концѣ-концовъ постановлено признать его особаго вида страусомъ.

Но на этомъ дѣло не оканчивается: Сирано самъ накликаетъ на себя новое преслѣдованіе своимъ утвержденіемъ что луна на которой онъ находится не есть самостоятельный міръ, а служитъ только для освѣщенія земли въ лунныя ночи. За такую ересь его собираются приговорить къ потопленію (pendant къ сожженію практиковавшемуся на землѣ.) Но на судѣ у него находится преданный защитникъ въ лицѣ „демона Сократа" который въ длинной рѣчи доказываетъ судьямъ что они не имѣютъ права осуждать Сирано, такъ какъ, если они признаютъ его за человѣка, то-есть, за существо одаренное разумомъ, то они не могутъ путемъ насилія заставить его отказаться отъ своихъ взглядовъ и вѣрованій, такъ какъ на лунѣ царствуетъ свобода мнѣнія; если же они признаютъ его за животное, то дѣйствія животныхъ опредѣляются инстинктомъ вложеннымъ въ нихъ природой, и поэтому наказывать его за эти проявленія инстинкта будетъ грѣхомъ противъ самой природы. Діалектика защитника спасла Сирано отъ угрожавшаго ему наказанія, и онъ

---

7) Dunlop. Op cit., p. 527

былъ приговоренъ только къ описанной выше amende honteuse, причемъ долженъ былъ, однако, произнести на всѣхъ площадяхъ города торжественное отреченіе отъ своихъ еретическихъ взглядовъ: очевидный намекъ на недавній процессъ Галилея.

Защитникъ Сирано называющій себя „демономъ Сократа“ есть существо принадлежащее къ разряду духовъ и способное принимать всевозможныя внѣшнія формы. Родиной его является солнце, обитатели котораго одаренные сверхъестественными способностями живутъ по нѣскольку тысячъ лѣтъ. Переносясь съ одной планеты на другую, этотъ „демонъ“ былъ тайнымъ спутникомъ Сократа, затѣмъ, послѣ его смерти, онъ находился въ сношеніи съ Эпаминондомъ, Катономъ младшимъ и Брутомъ. Потомъ разочаровавшись въ людяхъ, онъ на долгое время покинулъ землю и вернулся туда только черезъ полтора тысячелѣтія, чтобы посѣтить нѣкоторыя избранныя лица которыя имѣли способность сноситься съ духами: Кардана, Фауста, Нострадамуса, Кампанеллу и другихъ. На лунѣ онъ принимаетъ внѣшній видъ лунныхъ аборигеновъ и служитъ Сирано проводникомъ и чичероне при его ознакомленіи съ этой планетой. Съ нимъ же Сирано ведетъ долгія бесѣды на разныя философскія и научныя темы. Наконецъ когда Сирано соскучился по родинѣ, „демонъ“ переноситъ его при помощи вихря на землю и опускаетъ его, согласно его желанію, въ Италіи Здѣсь несчастнаго путешественника едва не разорвали собаки почуявшія отъ него лунный запахъ, и только послѣ того какъ Сирано нѣсколько дней посидѣлъ на солнцѣ, запахъ этотъ испарился настолько что онъ могъ безопасно выходить на улицу. Наконецъ посѣтивъ Римъ и полюбовавшись тамъ на остатки „великихъ вѣковъ“ Сирано черезъ Марсель возвращается на родину, гдѣ по просьбѣ своихъ друзей начинаетъ писать разказъ о своемъ необычайномъ путешествіи.

Таково внѣшнее содержаніе „Путешествія на луну“ Сирано. Но помимо описанія быта лунныхъ жителей и приключеній самого путешественника въ книгѣ встрѣчаются почти на каждой страницѣ длинныя философскія и научныя разсужденія характеризующія автора какъ вдумчиваго мыслителя, котораго занимали глубочайшіе вопросы познанія, привлекавшіе къ себѣ умы современниковъ. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этого *внутренняго* содержанія его произведенія, намъ необходимо еще познакомить читателя со второй частью его фантастическаго путешествія, въ которой онъ разказываетъ о своемъ пребываніи на солнцѣ: „Histoire comique des états et empires du Soleil.“ Однако мы не будемъ останавливаться подробно на анализѣ этого сочиненія въ виду того что изъ предшествующаго

изложенія читатель достаточно знакомъ съ характерными пріемами творчества Сирано и съ той чертой его литературной физіономіи которую Боало называлъ „audace burlesque.“ Поэтому, не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся только передачею фабулы втораго главнаго произведенія Бержерака въ ея наиболѣе существенныхъ чертахъ.

Прежде всего авторъ принимающій въ этомъ сочиненіи псевдонимъ Дирконы (анаграма изъ de Cyrano) разсказываетъ о тѣхъ невзгодахъ и преслѣдованіяхъ какія навлекло на него его первое произведеніе, распространявшееся его друзьями въ рукописи, со стороны людей суевѣрныхъ и ханжей обвинившихъ его въ еретичествѣ и колдовствѣ. Авторъ, по его словамъ, гостилъ послѣ возвращенія на родину у одного изъ своихъ друзей на югѣ Франціи; особенно ожесточенно нападалъ на него священникъ ближайшаго села messire Jean произносившій по праздникамъ проповѣди съ цѣлію возстановить противъ него своихъ прихожанъ. Это въ значительной мѣрѣ удалось ему, такъ что Диркона принужденъ былъ уѣхать изъ гостепріимнаго замка своего пріятеля, но на пути былъ схваченъ и брошенъ въ Тулузскую тюрьму. Авторъ съ такой подробностію и реальностію описываетъ тѣ мученія которыя ему пришлось вынести въ своемъ заключеніи что невольно является вопросъ, не основано ли это описаніе на личныхъ воспоминаніяхъ, тѣмъ болѣе что и одно изъ его „писемъ“ направлено противъ „messire Jean“, котораго онъ обвиняетъ въ невѣжествѣ и ханжествѣ. Такимъ образомъ первыя страницы этого фантастическаго путешествія получаютъ какъ бы автобіографическое значеніе, хотя у насъ нѣтъ никакихъ прямыхъ данныхъ которыя бы подтверждали точность этого разказа Сирано.

Для того чтобы освободиться изъ своего заключенія, Диркона успѣвшій наконецъ войти въ сношенія съ своими друзьями строитъ себѣ весьма сложную летательную машину, съ помощію которой ему удается совершить свое путешествіе къ солнцу. Однако прежде чѣмъ достичь этого свѣтила онъ встрѣчаетъ на своемъ пути одно изъ тѣхъ небесныхъ тѣлъ, которыя мы принимаемъ за солнечныя пятна, но которыя на самомъ дѣлѣ находятся отъ солнца на значительномъ разстояніи. Населеніе этого неизвѣстнаго намъ міра состоитъ изъ карликовъ, которые рождаются изъ самой почвы вслѣдствіе дѣйствія солнечныхъ лучей. Съ однимъ изъ нихъ Диркона вступаетъ въ разговоръ, такъ какъ языкъ на которомъ говоритъ карликъ оказывается ему вполнѣ понятнымъ. Языкъ этотъ прародитель всѣхъ нарѣчій (langue matrice), онъ голосъ самой природы, такъ что понимать его могутъ не только люди, но и животныя.

Такіе же карлики обитаютъ и на самомъ солнцѣ, куда Диркона, наконецъ, достигаетъ послѣ 22-хъ мѣсячнаго путешествія. Такъ какъ солнце есть неистощимый источникъ „свѣтовой матеріи“ проникающей во всѣ мельчайшія отверстія тѣлъ, то вблизи него всѣ тѣла становятся прозрачными; становится прозрачнымъ, словно стекляннымъ, и тѣло самого путешественника, такъ что онъ получаетъ возможность видѣть свои собственныя внутренности. Кромѣ того солнце есть источникъ теплоты и жизненной силы которая получаетъ свое наглядное выраженіе въ актахъ *воли*. Поэтому обитатели солнца одарены необыкновенно могущественною волей при помощи которой они могутъ совершать всевозможныя превращенія, переноситься мгновенно на далекое разстояніе и тому подобное. Въ противность современнымъ научнымъ представленіямъ, Сирано считаетъ что на солнцѣ законъ тяготѣнія недѣйствителенъ, и поэтому движенія тамъ совершаются съ необыкновенной легкостью. Такія превратныя, съ нашей точки зрѣнія, представленія встрѣчаются у автора „Путешествія“ неоднократно на ряду съ многочисленными другими, въ которыхъ онъ предвосхищаетъ современныя научныя идеи и гипотезы.

Отъ карликовъ Диркона попадаетъ въ царство птицъ и здѣсь подвергается большой опасности, такъ какъ птицы видятъ въ человѣкѣ своего злѣйшаго врага, безпощадно ихъ истребляющаго для своего питанія или для прихоти. Поэтому замѣтивъ путешественника птицы нападаютъ на него, овладѣваютъ имъ и заключаютъ его въ тюрьму, въ дупло столѣтняго дуба. Противъ него начинается формальный судебный процесъ, въ описаніи котораго Сирано даетъ прекрасную пародію современнаго суда во всѣхъ его подробностяхъ. Сначала Диркона, по совѣту одной сострадательной сороки, пытается скрыть тотъ фактъ что онъ человѣкъ и выдаетъ себя за обезьяну. Но птичій прокурорь доказываетъ въ обстоятельной рѣчи его самозванство: въ своемъ „plaidoyer fait au Parlement des oiseaux, les Chambres assemblées, contre un animal accusé d'être homme“, онъ на основаніи цѣлаго ряда признаковъ уличаетъ обвиняемаго Диркону въ принадлежности къ человѣческой породѣ и на этомъ основаніи признаетъ его достойнымъ высшей мѣры наказанія, именно „печальной смерти“ (mort triste). Этотъ способъ казни заключается въ томъ что преступника переносятъ въ мрачную кипарисную рощу, куда собираются множество птицъ одаренныхъ самыми меланхолическими, самыми тоскливыми голосами. Онѣ начинаютъ вокругъ него свой концертъ, и пѣніе ихъ наполняетъ душу преступника такою печалью что „горечь его тоски разстраиваетъ экономію его органовъ, угнетаетъ его сердце и онъ умираетъ наконецъ удушенный своею скорбью“.

Такая участь грозила и Дирконѣ, но король птичьяго царства голубь (королями тамъ выбираются не самые могущественные, а, напротивъ того, самые слабые и мягкосердечные представители птичьей породы, для того чтобы они не могли злоупотреблять своею властью) смягчаетъ это наказаніе и постановляетъ отдать преступника живымъ на съѣденіе мухамъ, пчеламъ и другимъ насѣкомымъ. Сирано, не пропускающій нигдѣ удобнаго случая чтобы подчеркнуть безсиліе человѣка и выставить въ смѣшномъ видѣ его высокомѣріе, конечно, хотѣлъ и здѣсь лишній разъ отмѣтить это несоотвѣтствіе между претензіями человѣка и его дѣйствительными силами, поставивъ его въ безпомощное положеніе передъ насѣкомыми, къ которымъ человѣкъ обыкновенно относится съ гордымъ пренебреженіемъ. Такимъ образомъ Диркону ожидала вѣрная и мучительная смерть отъ ужаленія насѣкомыхъ, еслибы на его защиту не явился въ критическую минуту попугай его кузины котораго онъ самъ когда-то спасъ отъ смерти. Эта черта, состраданіе къ животнымъ, несомнѣнно, принадлежитъ самому Бержераку который признавалъ у животныхъ существованіе разумной души и относился къ нимъ съ большою любовью.

Заступничество попугая избавляетъ Дирконy отъ опасности быть уничтоженнымъ насѣкомыми; король объявляетъ ему помилованіе, и громадный страусъ исполнявшій во время процеса роль судебнаго пристава переноситъ его на своей спинѣ въ другую область солнца и оставляетъ его въ дремучемъ лѣсу, гдѣ Диркона утомленный испытанными имъ впечатлѣніями погружается въ глубокій сонъ. Пробудившись, онъ съ удивленіемъ слышитъ что кто-то бесѣдуетъ подлѣ него на греческомъ языкѣ, хотя вокругъ не видно никакого живаго существа. Оказывается что Диркона очутился теперь въ „царствѣ деревьевъ“ и что слышанные имъ голоса принадлежатъ столѣтнимъ дубамъ, прямымъ потомкамъ священныхъ дубовъ Додонскаго оракула. Такимъ образомъ Сирано надѣляетъ разумомъ и сознаніемъ и представителей растительнаго царства, одушевляетъ всю органическую природу; въ этомъ также сказываются, несомнѣнно, его глубокая любовь и сочувствіе къ природѣ являющіяся характерными черта его личности. Этой чертой характера обусловлена въ немъ тонкость наблюденія, способность подмѣчать проблески скрытой жизни въ явленіяхъ внѣшняго міра, истолковывать ихъ въ качествѣ *поэта*. Это поэтическое чувство дѣйствительности придаетъ своеобразный отпечатокъ произведеніямъ Бержерака, прорываясь иногда совершенно неожиданно среди длинныхъ отвлеченныхъ разсужденій, фантастическихъ описаній или сатирическихъ выходокъ.

Отъ Додонскаго дуба съ которымъ Диркона вступаетъ въ бесѣду онъ узнаетъ много фантастическихъ подробностей относительно жизни деревьевъ, ихъ чувствъ и т. д. Попутно излагается поэтическій миѳъ объ Орестѣ и Пиладѣ превращенныхъ послѣ смерти въ деревья, плоды которыхъ возбуждаютъ у вкусившихъ отъ нихъ необоримую взаимную любовь и влеченіе. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе страшнаго единоборства между двумя фантастическими животными: огненной Саламандрой, угрожающей сжечь лѣсъ, и ледяной Реморой, образы которыхъ Сирано заимствовалъ изъ области народныхъ повѣрій. При этомъ поединкѣ оканчивающемся побѣдою Реморы присутствуетъ, кромѣ Дирконы, еще другой человѣкъ, маститый старецъ въ которомъ Диркона узнаетъ умершаго за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Кампанеллу.

Вмѣстѣ съ этимъ мыслителемъ къ которому авторъ относится съ глубочайшимъ уваженіемъ Диркона отправляется затѣмъ въ третье царство солнечнаго міра, въ „царство философовъ". Сюда переселяются души великихъ мыслителей и ученыхъ и здѣсь живутъ онѣ чуждыя всякихъ тревогъ, въ ревностномъ исканіи истины. Кромѣ Кампанеллы, Диркона встрѣчаетъ здѣсь и Декарта, „только недавно прибывшаго въ этотъ міръ", по замѣчанію Кампанеллы. Это указаніе даетъ намъ возможность приблизительнымъ образомъ опредѣлить время написанія „Путешествія на Солнце": Декартъ умеръ въ февралѣ 1650 года; слѣдовательно произведеніе Сирано написано имъ въ одномъ изъ ближайшихъ годовъ, хотя точнѣе пріурочить его хронологически мы не имѣемъ возможности.

Отъ Кампанеллы путешественникъ узнаетъ что само солнце, „ce grand et parfait animal", по своему веществу состоитъ изъ душъ умершихъ на окружающихъ планетахъ живыхъ существъ: оттого оно и является для этихъ планетъ источникомъ жизненнаго свѣта и тепла. Такимъ образомъ души умершихъ, освободясь отъ тѣлесной оболочки и смѣшавшись съ свѣтоносным солнечнымъ веществомъ, служатъ какъ бы для постояннаго обновленія затрачиваемаго солнцемъ свѣта и тепла. Исключеніе составляютъ только „философы" которые и послѣ смерти не теряютъ своей личности и не смѣшиваются съ солнечной матеріей. Въ этихъ неясно выраженныхъ представленіяхъ Сирано виденъ какъ бы отблескъ пантеистическихъ идей Джордано Бруно, хотя мы нигдѣ не имѣемъ прямаго доказательства того что Сирано былъ знакомъ съ сочиненіями знаменитаго италіянскаго философа.

При дальнѣйшемъ путешествіи Диркона и Кампанелла встрѣчаютъ двухъ супруговъ направляющихся къ судебному трибуналу мудрецовъ для разрѣшенія одного довольно щекотливаго вопроса

супружеской жизни. Это даетъ Кампанеллѣ поводъ разказать своему спутнику объ устройствѣ браковъ въ „солнечномъ царствѣ“; повидимому, въ дальнѣйшемъ изложеніи Сирано хотѣлъ коснуться и соціальнаго устройства и, подобно Кампанеллѣ въ его „Civitas solis“, нарисовать картину утопическаго общественнаго строя. Но, къ сожалѣнію, ему не суждено было докончить свое произведеніе, или же конецъ его почему-либо не дошелъ до насъ, и разказъ Дирконы обрывается совершенно неожиданно послѣ описанія его встрѣчи съ Декартомъ.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

В. Саводникъ.

СКАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ.

Музыка Римскаго-Корсакова.

Н. А. Римскому-Корсакову пришла счастливая мысль воспользоваться для оперы произведеніемъ Пушкина, такъ какъ имѣющіеся въ немъ элементы русскаго юмора, непринужденной граціи и фантастики какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ музыкальной индивидуальности автора. Къ тому же выборъ сказочнаго сюжета для оперы не новость въ творчествѣ нашего композитора. Вспомнимъ его оперы: „Снѣгурочку", „Майскую ночь", „Ночь передъ Рождествомъ", которыя всѣ могутъ быть названы операми-сказками.

Либрето новой оперы-сказки составлено по Пушкину съ нѣкоторыми добавленіями, какъ увидимъ ниже, В. И. Бѣльскимъ и весьма удалось, хотя прибавимъ что это либрето нельзя разсматривать внѣ музыки оперы, какъ литературное самостоятельное произведеніе, такъ какъ всякая передѣлка Пушкина неминуемо должна испортить его сказку.

Ни увертюры, ни вступленія въ новой оперѣ не имѣется; взамѣнъ этого предъ началомъ пролога раздается только оригинальная фанфара трубы съ цѣлію привлечь вниманіе слушателей. Она невольно напоминаетъ байрейтскій обычай сзывать публику предъ началомъ представленія и въ антрактахъ фанфарами заимствованными изъ исполняемыхъ музыкальныхъ драмъ. Въ новой оперѣ Корсакова одна и та же фанфара раздается въ разныхъ тональностяхъ передъ каждою картиной и не играетъ другой роли кромѣ призыва. Этотъ пріемъ какъ нельзя болѣе идетъ къ сказкѣ. „Слушайте, слушайте", какъ бы говоритъ композиторъ-сказатель замечтавшимся и очарованнымъ слушателямъ. Небольшой прологъ (введеніе происходитъ въ деревенской свѣтлицѣ, какъ у Пушкина:

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.

Однообразная фигура тридцати двухъ скрипокъ изображаетъ какъ бы жужжаніе веретена. Сестры прядутъ. Когда скрипки затихаютъ слышится діалогъ старшей и средней сестеръ, сопровождаемый гобоемъ:

Я въ воскресный день куделюшки купила,
А домой пришла, подъ лавку положила,
Рѣзвой ножкою подкинула кудельку,
Ты лежи, моя куделюшка, недѣльку.

Мелодическіе обороты этихъ угрозъ чисто русскаго пѣсеннаго пошиба. Діалогъ смѣняется дуэтомъ сестеръ построеннымъ изъ того же мелодическаго матеріала сначала на фонѣ возобновляющейся фигуры 32 струнныхъ, съ присоединеніемъ потомъ, въ униссонъ съ голосами сестеръ, флейты и гобоя. Со словъ старшей сестры: „въ понедѣльникъ я ранешенько вставала, да три ниточки тонешенько напряла“, дуэтъ получаетъ дальнѣйшее развитіе въ варіаціонной формѣ. Характеръ музыки остается строго выдержанный народный, русскій. Текстъ либрето заимствованъ отчасти изъ народныхъ пѣсенъ, отчасти написанъ въ духѣ нихъ.

Подъ вліяніемъ словъ Бабарихи (contralto): „Черезъ силу не пряди, дней вѣдь много впереди“, сестры оставляютъ пряжу, щелкаютъ орѣхи и заставляютъ младшую сестру носить воду и топить печку. Музыка принимаетъ другой характеръ, довольно шутливый и очень граціозный. Дуэтъ возобновляется и переходитъ въ trio (Бабариха и двѣ сестры), правда, не надолго. Сестры похваляются другъ предъ другомъ: „всѣмъ, сестра, съ тобой мы взяли“. При фразѣ Бабарихи: „Вы, невѣсты, сущій кладъ, васъ самъ царь посватать радъ“, въ оркестрѣ слышится раньше встрѣчавшійся мелодическій оборотъ на трубѣ, очевидно илюстрирующій блескъ царя. Вся эта суета очень выдержана по характеру музыки и обличаетъ руку мастера. Но вотъ въ оркестрѣ слышится маршеобразная тема Царя Салтана появляющагося изъ-за полуоткрытыхъ дверей свѣтлицы и прислушивающагося къ рѣчамъ сестеръ. Здѣсь либретистъ не отступилъ отъ пушкинской сказки. Каждая изъ сестеръ рѣшаетъ по своему вопросъ, что было бы еслибъ она была царицею. Старшая сестра жаждетъ удовлетворить свои поварскія наклонности, средняя свои ткаческія, при чемъ музыка сопровождающая слова средней сестры служитъ варіантомъ сопровожденія словъ старшей. Фраза же младшей сестры (Andante):

Кабы я была царица,
Ткать плохая мастерица,
Я бъ для батюшки-царя
Родила богатыря—

выдается по своей пѣвучести, задушевности и красотѣ мелодіи. Оркестровое сопровожденіе ея съ тонкою гармонизаціей составляетъ для нея вполнѣ соотвѣтствующій художественный нарядъ. Царь Салтанъ совсѣмъ плѣненъ словами младшей сестры и входитъ въ свѣтлицу.

Маршеобразная его тема снова появляется въ оркестрѣ, получая здѣсь гораздо бо̀льшее развитіе. „Коли такъ, то будь царица“, говоритъ царь. Дѣвица очень смущена: „Царь нашъ, батюшка родимый, дай ты мнѣ собраться съ силой“, отвѣчаетъ она на прежней своей пѣвучей фразѣ, иначе ритмованной съ новымъ оркестровымъ сопровожденіемъ. Царь приказываетъ ей собираться и ѣхать за нимъ

сейчасъ же. Музыка представляетъ дальнѣйшее развитіе музыкальной характеристики Салтана которая получаетъ, какъ увидимъ, свое полное развитіе во вступленіи къ 1-му дѣйствію въ родѣ марша. Здѣсь же она написана въ $^{3}/_{4}$ и имѣетъ характеръ призыва благодаря фанфарѣ. Послѣ словъ царя: „Снаряжайся во дворецъ и сейчасъ же подъ вѣнецъ“, эта фанфарная тема звучитъ на двухъ трубахъ, и обрывки ея потомъ слышатся вверху на 2-хъ флейтахъ и 2-хъ гобояхъ, какъ бы издали, что еще болѣе усиливаетъ ея манящій, призывной характеръ.

Младшая сестра слѣдуетъ за царемъ. Музыка принимаетъ характеръ марша построеннаго на музыкальной характеристикѣ Царя Салтана. Маршъ постепенно стихаетъ. Сестры остаются пораженныя. Вмѣсто того чтобы стать царицами, одна изъ нихъ попала къ царю ткачихой, а другая поварихой. Онѣ сѣтуютъ на судьбу. Музыка легка и граціозна. Характерны фразы Бабарихи: „Какъ предъ царскимъ ходя ликомъ, вѣкъ свой глядя на царя, не родить богатыря“. Завистливыя сестры совѣщаются что дѣлать, какъ отомстить младшей сестрѣ. Solo дальновидной Бабарихи, придумавшей въ отмщеніе подмѣнить будущую грамоту гонца которую пошлетъ царица къ отправившемуся въ походъ царю, чрезвычайно характерно со смѣняющимся въ немъ staccato и legato въ голосѣ и сопровожденіи. Бывшая раньше въ ея партіи характерная фраза: „не родить богатыря“, еще болѣе характерна. Здѣсь Пушкинскій текстъ ложнаго письма посылаемаго царю:

Родила царица въ ночь,
Не то сына, не то дочь,
Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку—

еще болѣе выигралъ въ своей выразительности въ музыкѣ. Фраза эта сначала высказывается Бабарихой въ унисонъ съ гобоемъ, а затѣмъ со злораднымъ смѣхомъ повторяется ею же вмѣстѣ съ двумя сестрами. Этимъ тріо и кончается прологъ. Замѣтимъ что роли сестеръ и Бабарихи въ либрето развиты очень ловко и умѣло, а между тѣмъ Пушкинъ почти не далъ для этого матеріала въ своей сказкѣ, гдѣ роли сестеръ незначительны, а роль Бабарихи и совсѣмъ осталась невыясненною. Впрочемъ, это не требовалось для цѣлей Пушкина.

Первому дѣйствію предпослано оркестровое вступленіе, яркая музыкальная картинка для илюстраціи непосредственно слѣдующаго момента сказки Пушкина:

Въ тѣ поры война была.
Царь Салтанъ съ женой простяся,
На добра коня садяся,
Ей наказывалъ себя
Поберечь, его любя.

Это родъ марша (g-Dur), съ музыкой котораго слушатели познакомились въ прологѣ при появленіи Царя Салтана. Здѣсь только эта музыка получила свое полное чудесное оркестровое развитіе. Въ тріо (es-Dur) этого своеобразнаго марша является новая тема,

сначала на волторнѣ, а затѣмъ съ присоединеніемъ струнныхъ, которая можетъ назваться специальною темою Царя Салтана. Тема эта сразу мѣтко обрисовываетъ типъ сказочнаго царя выступающаго съ напыщенною важностью и въ то же время недалекаго. Тема въ духѣ солдатскихъ русскихъ пѣсенъ, въ ея дальнѣйшемъ проведеніи слышатся характерные подголоски въ терціяхъ. Послѣ ея развитія музыка первой части марша (g-dur) возвращается съ небольшими измѣненіями. Постепенно звуки марша стихаютъ. Царь Салтанъ отбылъ въ походъ. Это оркестровое вступленіе по своему сказочному юмору, характерности мелодическихъ оборотовъ, ясной формѣ, техническому мастерству въ гармоніи, контрапунктѣ и оркестровкѣ, прозрачной и пластичной, должно быть признано образцовымъ.

Очень оригинальна и счастлива мысль илюстрировать отъѣздъ на войну Салтана самостоятельнымъ оркестровымъ нумеромъ, безъ помощи банальныхъ сценическихъ эфектовъ. Первое дѣйствіе происходитъ на царскомъ дворѣ въ Тмутараканѣ, на берегу моря. Въ сѣняхъ дворца сидитъ царица Милитриса за рукодѣльемъ, при ней Бабариха и Скоморохъ. За сценой слышны голоса нянюшекъ поющихъ колыбельную царевичу. Тема колыбельной простая, чисто-русская, текстъ ея: „Баюшки, баюшки! Спи, царевичъ нашъ, усни, угомонъ тебя возьми", тоже народный, русскій. Тема появляется много разъ въ разнообразной гармонизаціи и оркестровкѣ. На ней же построенъ небольшой ансамбль присоединяющейся къ голосамъ нянюшекъ Бабарихи съ ея ловко вплетеною фразой: „баю, баю, поскорѣй умирай" (сильно контрастирующей съ настроеніемъ колыбельной) и Милитрисы спрашивающей Бабариху: „что ты, бабушка, твердишь?" Тема колыбельной вмѣстѣ съ голосами нянюшекъ звучитъ на флейтѣ и кларнетѣ. Постепенно звуки колыбельной замираютъ. Милитриса скучаетъ по мужѣ и жалуется Бабарихѣ на отсутствіе о немъ извѣстій. Скоморохъ хочетъ развлечь царицу. Его пѣсня: „Ужь ты, матушка, государыня, не зови ты насъ скоморохами", народнаго русскаго склада, очень характерна и находится въ яркомъ контрастѣ съ предыдущимъ. Въ пѣснѣ скомороха чувствуется все больше и больше оживленія, благодаря варіаціонному развитію сопровожденія. Входитъ повариха и предлагаетъ царицѣ отвѣдать пироговъ своего изготовленія. Музыка здѣсь съ нѣкоторыми измѣненіями встрѣчалась въ прологѣ. Рѣчи поварихи: „ты хоть тронь ихъ, горячи, прямо съ пылу изъ печи", комичны и живы по декламаціи. Милитриса отвѣчаетъ искреннею и выразительною фразой: „До того ль мнѣ? Нѣтъ покою. Что-то ноетъ ретивое!" Неожиданный штрихъ струнныхъ унисономъ и на фонѣ его возгласы стражниковъ „Куда? Назадъ!" обращаетъ вниманіе зрителей на пробившагося во дворъ, сквозь стражу, стараго, престараго дѣда. Этотъ эпизодъ вставной. Дѣдъ проситъ у царицы позволенія: „стать предъ царевича... заглянуть на его очи свѣтлыя". Его речитативъ (вѣрнѣе онъ „голоситъ", какъ и обозначено въ партитурѣ) въ минорѣ очень типиченъ. Затѣмъ между нимъ и скоморохомъ завязывается діалогъ, текстъ котораго чисто народнаго происхожденія. Между прочимъ часть его приведена въ разказѣ Лѣскова „Юдоль".

Послѣдовательные вопросы скомороха: „Государь ты мой, родный

дѣдушка, видно много тебѣ лѣтъ будетъ", построены на четырехтактной мелодической фразѣ въ мажорѣ (Es-Dur), каждый разъ съ новымъ сопровожденіемъ по гармоніи и оркестровкѣ. Отвѣты стараго дѣда: „смѣты нѣтъ, миленькій" построены на шеститактныхъ мелодическихъ фразахъ. Фразы эти начинаются каждый разъ выше, и имѣютъ такимъ боразомъ все болѣе и болѣе повышенную теситуру. По мысли композитора, эти отвѣты дѣда должны исполняться сначала мягко, а затѣмъ каждый разъ сильнѣе. Текстъ этого діалога и музыкальное его воплощеніе равно замѣчательны. Своеобразный юморъ сквозь слезы этой музыки, въ духѣ юродивыхъ и убогихъ Мусоргскаго, вмѣстѣ съ выразительною и живою декламаціей производятъ незабвенное впечатлѣніе. Повариха и Бабариха хохочутъ одновременно съ акордами staccato сопровожденія. „Какъ не грѣхъ? надъ нуждою что за смѣхъ?" останавливаетъ ихъ Милитриса. Въ полномъ контрастѣ съ этою сценой изъ внутреннихъ покоевъ дворца снова доносятся голоса нянюшекъ поющихъ прежнюю колыбельную съ новымъ чудеснымъ сопровожденіемъ разработаннымъ контрапунктически. Опять слышится голосъ Бабарихи: „поскорѣе умирай", затѣмъ слѣдуетъ ансамбль Милитрисы, Бабарихи и голосовъ нянюшекъ въ унисонъ съ флейтой и кларнетомъ. Пока царевичъ спитъ, дѣдъ начинаетъ сказку: „кличъ закликали по лѣсу темному, только гулъ идетъ по дремучему". Къ ансамблю потомъ не надолго присоединяется и скоморохъ. Текстъ сказки заимствованъ изъ отрывка Пушкина напечатаннаго въ его сочиненіяхъ подъ заглавіемъ: „Начало сказки" („Какъ весенней теплой порою"). Музыка при строгой выдержанности общаго характера отвѣчаетъ всѣмъ деталямъ текста, благодаря мелодическимъ оборотамъ вокальныхъ фразъ и выдающейся декламаціи, не останавливающейся и передъ ритмическими измѣненіями, лишь бы сохранить правдивость выраженія; такъ, слова: „зайка бѣдненькій, зайка сѣренькій", ритмуются тріолями. Отмѣтимъ также оригинальную фразу, на которой обрывается сказка: „все-то онъ ежъ ежится, все-то онъ щетинится", на выдержанномъ басу и staccato (альтовъ) въ сопровожденіи. Входитъ ткачиха и предлагаетъ царицѣ разныя ткани своей работы. Музыка здѣсь аналогична съ эпизодами предложенія поварихой пироговъ и встрѣчалась въ прологѣ. Царица отказывается. „Что-то ноетъ ретивое", какъ и прежде замѣчаетъ она на той же выразительной, понижающейся фразѣ и проситъ стараго дѣда продолжать сказку. Сказка со словъ [1]): „Всѣ медвѣди тутъ покланялися" возобновляется съ музыкой того же характера что и раньше, но съ усиленною звучностью оркестроваго сопровожденія. Отмѣтимъ удивительный оркестровый колоритъ, чрезвычайно подходящій къ тексту при словахъ: „прилетѣли гуси сѣрые". Словами: „Не пойти ли намъ на птицъ войной", сказка заканчивается, при чемъ къ голосу дѣда присоединяется голосъ скомороха и хоръ народа мало по малу наполнившаго дворъ.

Народъ пришелъ воздать славу царицѣ и поднести ей хлѣбъ-соль. Въ хорѣ народа отмѣтимъ фразу обращенную къ царицѣ: „Покажи намъ мѣсяцъ ясный, ликъ царевича прекрасный", унисонъ всѣхъ голосовъ на фонѣ мѣрныхъ акордовъ оркестра. Хоръ народа пре-

[1]) Отсюда и до конца сказки текстъ принадлежитъ В. И. Бѣльскому.

рывается колыбельной нянюшекъ. Это новый и поэтическій варіантъ колыбельной съ красивыми хроматическими восходящими и нисходящими штрихами и трелями кларнета и флейты. Послѣ спускающейся хроматической гаммы скрипокъ (allegro vivo) на фонѣ трели нянюшки поютъ пробудившемуся царевичу: „Ладушки, ладушки, гдѣ были? У бабушки", и прихлопываютъ въ ладоши. Тема пѣсни народная, простая, но характерно гармонизованная. Очень легка и граціозна музыка сопровожденія, когда рѣзвый царевичъ бѣгаетъ по двору, а 7 нянекъ стараются его поймать. Царевича подводятъ къ царицѣ, она его ласкаетъ. Вступаетъ унисономъ хоръ народа: „въ очью диво совершается", намѣченный ранѣе, когда народъ собрался, при окончаніи сказки дѣда, и получающій здѣсь широкое развитіе. Фраза дѣда: „изъ за тучки среди бѣла дня", на фонѣ богатаго оркестроваго сопровожденія повторяется хоромъ. Дальнѣйшій хоръ ($^5/_8$) идетъ сначала унисономъ съ оркестромъ; голоса гармонически раздѣляются при возгласѣ: „Дай то Боже", на фонѣ основной скрипичной темы сопровожденія.

Интересна подробность. Пожеланіе царевичу счастливой женитьбы: „взять изъ-за моря хозяюшку", поется унисономъ съ оркестромъ на фразѣ, которая встрѣтится далѣе при упоминаніи объ островѣ Буянѣ гдѣ царевичъ Гвидонъ дѣйствительно найдетъ себѣ жену Царевну-Лебедь. Хоръ заключается послѣднимъ пожеланіемъ: „и въ умѣ и твердой памяти безболѣзненно преставиться", при чемъ прежняя блестящая фраза сопровожденія проводится на струнныхъ съ новою гармонизаціей (деревянные духовые); хоръ производитъ могучее, радостное впечатлѣніе, звучность его блестяща. Изъ толпы выступаетъ развязно гонецъ и держитъ несуразную рѣчь къ царицѣ. Эта рѣчь гонца не оригинальна (Глинка) и не высоко-пробна, особенно послѣ предыдущаго хора, но очень идетъ къ дѣлу. Милитриса приказываетъ гонцу передать грамоту для прочтенія думнымъ дьякамъ: „Дай же грамотку скорѣе". Здѣсь въ оркестрѣ слышится тема знакомая по прологу, илюстрирующая царское величіе, блескъ. Бѣгутъ звать дьяковъ. Хоръ: „голова хмѣльна заранѣ, будетъ пиръ въ Тмутараканѣ", построенъ на обрывкахъ скрипичной темы изъ предыдущаго хора. Гонецъ неясно разказываетъ, какъ онъ доставилъ царю подложное письмо и что царь Салтанъ „чуть прочелъ, давай чудесить, ужь совсѣмъ велѣлъ повѣсить". Въ оркестрѣ появляется фанфара Салтана и обрывки темъ изъ его музыкальной характеристики. Входятъ бояре и дьяки. Милитриса торжественно объявляетъ: „ждите милостей безъ счета". Эта характерная фраза не что иное, какъ малоизмѣненная фраза Бабарихи въ прологѣ: „васъ самъ царь посватать радъ". На фонѣ повторяющихся шестнадцатыми терцій сообщающихъ музыкѣ характеръ чего-то спотыкающагося, малограмотные дьяки по складамъ читаютъ грамоту царя: „и царицу, и приплодъ въ бочкѣ бросить въ бездну водъ". При этой фразѣ въ оркестрѣ звучатъ не разъ увеличенныя трезвучія для выраженія недоумѣнія народа. Музыка большаго хора народа (пожеланія царевичу) возвращается съ красивыми контрапунктическими подробностями (альты и фаготы), при чемъ на флейтѣ слышится чрезвычайно простая, но характерная тема, вѣрнѣе хромати-

ческій ходъ, которую можно назвать темой бочки. На фонѣ этого сопровожденія слышатся возгласы хора: „Что такое?.. Въ чемъ тутъ дѣло?" Между этими возгласами нужно отмѣтить тоже хроматическій ходъ скрипокъ (въ нисходящемъ движеніи синкопами), служащій и далѣе въ оперѣ для передачи отчаянія царицы. На этой же темѣ построена здѣсь ея фраза: „охъ, въ глазахъ все потемнѣло!" „Да царева ли печать"? спрашиваетъ народъ, (та же музыка хора). „Чья жь иная"? замѣчаетъ Бабариха (въ оркестрѣ штрихъ изъ ея партіи въ прологѣ: „у царей всегда война"...) „Ждать царева возвращенія, для законнаго рѣшенія", рѣшаетъ хоръ народа на фонѣ того же оркестроваго сопровожденія, при чемъ проходитъ и тема бочки.

Характерны вопросы Бабарихи „охранительницы" закона: „Аль вы всѣ съ ума сошли?.. Бунтъ, крамолу завели!" прерываемые штрихами оркестра (секундакордъ съ проходящимъ увеличеннымъ трезвучіемъ). Народъ смущенъ (опять увеличенное трезвучіе): „Что жь мы, право, ничего". „Дѣлать нечего, сестрицы, неудачная царица", злорадно замѣчаютъ почти одновременно обѣ сестры. „Въ бочкѣ тѣсно и темно, а ужь сѣсть въ нее должно", заключаютъ онѣ вмѣстѣ съ Бабарихой, и въ оркестрѣ проходитъ мотивъ бочки. Этотъ же мотивъ въ расширенномъ видѣ порученъ и хору ужасающагося народа въ унисонъ съ флейтой и гобоемъ. Оркестръ затихаетъ на хроматической темѣ отчаянія Милитрисы. Вся эта сцена задумана и исполнена очень удачно, въ ней есть движеніе, драматизмъ, правда, чисто сказочнаго характера. Милитриса сидитъ въ тяжеломъ раздуміи. Очень хорошо ея аріозо родъ плача или причитанья, въ которомъ она жалуется на свою судьбу: „въ дѣвкахъ сижено, горе мыкала". Вокальная фраза большой выразительности еще болѣе оттѣняется мягкою звучностью струнныхъ сопровожденія Музыка дышитъ неподдѣльной искренностью, характеръ ея строго выдержанъ. Очень выразителенъ и речитативъ ея слѣдующій за аріозо: „Да! послушна царской волѣ". Приводятъ царевича успѣвшаго замѣтно вырости; мать его обнимаетъ. Приготовляютъ бочку. Небольшое оркестровое Andante иллюстрирующее этотъ моментъ представляетъ варіантъ граціозной музыки хора нянюшекъ при первомъ выходѣ царевича, съ иной, очень красивой гармонизаціей. Народъ, глядя на царевича и мать, выражаетъ свое сочувствіе въ прекрасномъ хорѣ начинающемся унисонною фразой: „ой, ты, мѣсяцъ, ясный, ласковый, ой, царевичъ, дитя малое", получающей затѣмъ многоголосное развитіе. Чудесно обращеніе царицы къ волнѣ взятое у Пушкина. Первоначальныя фразы: „ты, волна моя, волна, ты гульлива и вольна", имитируется флейтой solo. Послѣ вступленія хора: „видѣть сердце надрывается", въ унисонъ съ оркестромъ, тѣ же мелодическія фразы обращенія Милитрисы къ волнѣ сопровождаются красивою фигураціей тріолями струнныхъ. „Жди, послушаетъ тебя сердобольная волна!" злорадствуетъ Бабариха на прежнемъ мелодическомъ оборотѣ. Царица съ сыномъ спускаются въ бочку, мотивъ которой проходитъ въ басахъ и слышится отъ времени до времени въ сопровожденіи слѣдующаго за тѣмъ хора народа построеннаго на прежней темѣ: „ой, ты, мѣсяцъ,

милый, ласковый", но получающей здѣсь широкое, контрапунктическое развитіе. Бочку катятъ въ море, народъ плачетъ и голоситъ. Повариха, ткачиха и Бабариха хохочутъ. Море поглощаетъ бочку. Въ оркестрѣ въ басахъ слышатся однообразно колеблющіяся фигуры изображающія море, а въ верхнемъ регистрѣ слышенъ расширенный мотивъ бочки. Этою простою и сильною картиною морской стихіи и кончается первое дѣйствіе. Ей же посвящено и вступленіе ко второму дѣйствію, музыкальная картина написанная на текстъ Пушкина:

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны плещутъ,
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица
Плачетъ, бьется въ ней царица,
И ростетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.

Эта симфоническая картина производитъ плѣнительное впечатлѣніе по своей музыкальной образности, пластикѣ и цѣльности настроенія, глубокаго, почти мрачнаго, а также и по своему богатѣйшему оркестровому колориту, въ чемъ Римскій-Корсаковъ имѣетъ мало равныхъ.

2-е дѣйствіе: островъ Буянъ. Берегъ моря. На откосѣ виднѣется бочка съ выбитымъ дномъ. Царица Милитриса и царевичъ Гвидонъ только-что выброшены моремъ на землю. Въ оркестрѣ какъ бы издали слышатся таинственные призывы (струнные) и намѣчается музыкальная характеристика Гвидона. Съ одной стороны въ ней большую роль играетъ нонакордъ, а съ другой она основана на мелодическихъ оборотахъ, разнообразно видоизмѣняемыхъ съ сохраненіемъ общаго характера радостнаго, бодраго, отчасти шаловливаго. Единство музыкальной характеристики Гвидона получается главнымъ образомъ посредствомъ единства ритма. „Ахъ, какъ славно, мы на волѣ!" Эти первыя слова царевича опредѣляютъ и дальнѣйшій его характеръ, очень удачно проведенный въ музыкѣ. Совсѣмъ не то Милитриса. „Островъ пустъ и дикъ, мой сынъ, лишь дубокъ растетъ одинъ", говоритъ она, при чемъ въ сопровожденіи звучитъ отмѣченная нами фраза въ хорѣ народа въ 1-мъ дѣйствіи (добрыя пожеланія царевичу). Послѣ замѣчанія Гвидона: „улыбается намъ солнце... море тихо шелеститъ", на фонѣ знакомаго сопровожденія рисующаго море слышится при словахъ: „ахъ, сторонушка чужая", синкопическая тема отчаянія царицы, въ полномъ контрастѣ съ настроеніемъ царевича. Чтобы достать себѣ ужинъ, царевичъ устраиваетъ лукъ, заостряетъ на камнѣ тростинку для стрѣлы и идетъ на берегъ стрѣлять дичину. Въ оркестрѣ усиленно проводится тема Гвидона. Неожиданно и очень фантастично (сопоставленіе трезвучій des-dur и A-moll) за сценой раздается крикъ лебеди (флейта piccolo и англійскій рожокъ) и затѣмъ, когда царевичъ хочетъ убить ее („мнѣ добыча"), проходятъ отрывки темъ Лебеди (деревянные духовые). По морю проносится лебедь и за нею коршунъ; между ними идетъ борьба, за исходомъ которой царица съ сыномъ напряженно слѣдятъ; интересна ихъ вокальная фраза („Ахъ, бѣдняжка, такъ и плещетъ") построенная по спускающейся гаммѣ ($^1/_2$ тона, 1 тонъ, и т. д.). Гвидонъ пускаетъ

стрѣлу (glissando флейтъ и скрипокъ) и убиваетъ коршуна, то-есть, чародѣя; голосъ послѣдняго слышится за сценой: „тяжко, нѣтъ болѣе силъ“. . Все затихаетъ. Полная ночь. Появленіе Лебеди-птицы освѣщенной мѣсяцемъ сопровождается музыкою фантастическаго характера выдающейся красоты и напоминающей по пріемамъ появленіе Морской Царевны въ оперѣ „Садко“ и отчасти сцену Снѣгурочки съ весной того же автора. На ударяемыхъ plaqués-акордахъ деревянныхъ духовыхъ слышатся отрывистые звуки арфъ и двѣ темы Лебеди: сначала тема Лебеди-птицы (волторна solo), а затѣмъ тема Лебеди-Царевны (скрипка solo). Эти темы играютъ большую роль и далѣе входя въ различныя оркестровыя красивыя контрапунктическія комбинаціи. Обращенія лебеди къ царевичу: „Ты, царевичъ, мой спаситель, мой могучій избавитель“, чрезвычайно поэтично. При той же фантастичной очаровательной музыкѣ, воздушной и прозрачной. Лебедь-птица исчезаетъ въ морѣ. Речитативъ Гвидона: „будь здорова, птица-лебедь“, красивый и выразительный, сопровождается въ оркестрѣ отрывками изъ музыкальной характеристики Гвидона. Очень ласково, задушевно обращеніе царицы къ сыну: „Поздно волны задремали, мы съ тобою такъ устали“, съ сопровожденіемъ колеблющихся скрипокъ съ сурдинами. Еще болѣе ласки и любви слышится въ колыбельной матери которую она поетъ засыпающему сыну: „лягъ, сынокъ, я посижу и головку подержу“... На вопросъ сына: „за что отецъ намъ придумалъ казнь такую?“ Царица начинаетъ разказъ въ унисонъ съ сопровожденіемъ: „мой Салтанъ, царь возлюбленный, мнѣ, супругѣ загубленной, дай отвѣтъ“. При словахъ: „ужь какъ царь жену любилъ“, въ оркестрѣ проводится пѣвучая фраза Милитрисы: „еслибъ я была царица“, а при словахъ: „вдругъ нагрянула война, и осталась я одна“, тема Салтана собирающагося на войну. Отмѣтимъ здѣсь чрезвычайно красивый по гармоніи ходъ въ одномъ оркестрѣ (неизвѣстность будущаго), послѣ чего тема разказа Милитрисы возвращается съ инымъ сопровожденіемъ. При словахъ: „царь прислалъ приказъ въ бочкѣ бросить въ море насъ“, проходитъ тема бочки. Подъ этотъ разказъ царевичъ засыпаетъ Повторяемая матерью колыбельная на басовой педали: „мой сыночекъ ужь не слышитъ мамы“... замираетъ. Темная ночь. Въ оркестрѣ акордъ на тромбонахъ съ сурдинами. Издали доносится шумъ моря. Но вотъ начинаетъ разсвѣтать. Изъ утренняго тумана появляется городъ Леденецъ. На постоянной тріольной фигурѣ арфъ (тема острова) сперва издали, а потомъ приближаясь, слышится фанфара, а наконецъ, звучитъ на флейтѣ и celesta тема Лебеди-Царевны... Царевичъ пробуждается и видитъ:

Городъ крѣпкій и большой,
Стѣны съ частыми зубцами
. . . .
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.

При этихъ словахъ Гвидона матери чрезвычайно красивая и изящная музыка въ оркестрѣ изображаетъ перезвонъ (флейта, celesta, арфа) вмѣстѣ съ которымъ слышатся прежніе фанфары; прелестны

имитаціи темы перезвона. „Вижу я, лебедь тѣшится моя“, замѣчаетъ Гвидонъ на темѣ Лебеди.

При звукахъ колокольнаго звона и пушечныхъ выстрѣловъ выходятъ изъ воротъ города пѣвчіе и войско со знаменами. Хоръ: „Вознесите хвалу“ имѣетъ строго выдержанный церковный характеръ и напоминаетъ темы обихода. Музыка пріобрѣтаетъ все больше блеска, развивается и растетъ до самаго конца дѣйствія. Любопытно что вся эта великолѣпная сцена всенародной встрѣчи Гвидона, какъ князя острова, написана въ строгой, сонатной формѣ. Эта сцена великолѣпна по красотѣ музыки, жизнерадостнаго настроенія и по удивительной оркестровой звучности блестящей, сильной, но прозрачной и не тяжеловѣсной. Она результатъ вдохновенія чудными стихами Пушкина о сказочномъ городѣ. Ея построеніе въ сонатной формѣ лишній разъ доказываетъ насколько эта форма можетъ годиться для оперы въ рукахъ настоящаго мастера.

Оркестровое вступленіе къ 1-й картинѣ 3-го дѣйствія (островъ Буянъ) опять изображаетъ вѣчные переливы волнъ морскихъ: только ритмъ здѣсь новый $^{3}/_{4}$; вступленіе чрезвычайно красиво въ гармоническомъ отношеніи. Гвидонъ задумчиво смотритъ вслѣдъ уплывающему кораблю и поетъ безподобную въ своей простотѣ и искренности арію: „Вѣтеръ по морю гуляетъ и корабликъ подгоняетъ“. Здѣсь почти цѣликомъ взяты стихи Пушкина. Мысленно Гвидонъ посылаетъ съ уѣхавшими купцами поклонъ отцу Царю Салтану. Оркестровое сопровожденіе аріи очень красиво съ возобновляющимися съ каждымъ тактомъ восходящими штрихами скрипки и фразами валторны (тема острова) внизу. Гвидонъ груститъ по родинѣ. Его душевныя изліянія со словъ: „Еслибъ зналъ онъ, какъ Гвидонъ, цѣлый день душой печальный, ищетъ взоромъ берегъ дальній“, очень выразительны и трогательны. Послушная его призыву: „Что же лебедь не плыветъ?“ появляется Лебедь. Въ оркестрѣ слышатся арпеджіо арфы. „Здравствуй, князь ты мой прекрасный, что ты тихъ, какъ день ненастный?“ говоритъ она. Мелодическіе обороты ея партіи красиво контрапунктируютъ съ кларнетомъ при тремоло струнныхъ. „Мнѣ прискучили, ходя, тридцать три богатыря, и не тѣшитъ тоже бѣлка, хоть и чудо, а бездѣлка“, жалуется ей царевичъ, при чемъ въ оркестрѣ сдѣланы намеки на темы богатырей и бѣлки (пѣсня: „Во саду ли, въ огородѣ“) которыя въ полномъ видѣ встрѣтятся далѣе. „Видѣть я бъ хотѣлъ отца невидимкой“, прибавляетъ Гвидонъ. Лебедь предлагаетъ ему обернуться шмелемъ. Музыка здѣсь очень поэтична и основана на темѣ Лебеди-птицы появляющейся сначала на кларнетѣ, а потомъ на фаготѣ на акордахъ plaqués. Чтобъ обратиться въ шмеля Гвидонъ идетъ окунуться въ море. Въ оркестрѣ проводится тема его въ терціяхъ по нонакорду. Изъ моря вылетаетъ шмель. Граціозная музыка очень удачно иллюстрируетъ жужжаніе шмеля и полетъ его за море. Этотъ характеръ музыки зависитъ отъ хроматизма ея и оркестроваго колорита скрипокъ съ сурдинами. На фонѣ этого непрерывнаго хроматическаго движенія безъ паузъ слышится тема Гвидона. Лебедь напутствуетъ улетающаго шмеля. Занавѣсъ падаетъ, но граціозная, остроумно задуманная музыка еще продолжается нѣкоторое время.

Вторая картина снова въ Тмутараканѣ, на Царскомъ дворѣ. Въ открытыхъ сѣняхъ приготовленъ столъ. Царь Салтанъ на тронѣ. Корабль съ гостями пристаетъ къ берегу. Слетаетъ съ корабля шмель. Здѣсь послѣ оркестроваго вступленія представляющаго варіантъ музыки моря съ торжественно звучащею темой острова и музыкой илюстрирующей шмеля обращаетъ на себя вниманіе хоръ корабельщиковъ: „Благодарствуй, Царь Салтанъ, торгъ безъ пошлины намъ далъ“, построенный на простой, діатонической, народной темѣ. Эта тема при словахъ корабельщика: „Что же царь глядитъ не веселъ“, красиво появляется въ оркестрѣ. Царь приказываетъ прежде всего посадить гостей за столъ и угостить ихъ. Музыка построенная отчасти на темахъ Салтана звучитъ парадно и свѣтло. Прежній хоръ со словъ: „Съѣшь одинъ калачъ крупичатый, по другомъ горитъ душа“, возобновляется и получаетъ богатое и мастерское тематическое и контрапунктическое развитіе въ ансамблѣ съ поварихой и ткачихой спрашивающими гостей: „Вы нашли ль среди скитаній градъ славнѣй Тмутаракани?“ Въ блестящій ансамбль вступаетъ и Царь Салтанъ при словахъ совсѣмъ въ народномъ духѣ: „Дунутъ воздухи по погребу, бочки съ медомъ всколыхнувъ, загогочутъ словно гоголи, съ тихихъ заводей вспорхнувъ“. Въ заключеніе къ ансамблю сестеръ и Бабарихи присоединяется хоръ на прежней основной народной темѣ унисономъ. На вопросъ Салтана: „Ладно за моремъ, иль худо, и какое въ свѣтѣ чудо?“ корабельщики разказываютъ про чудесный островъ, при чемъ въ оркестрѣ слышится тріольная тема острова, тема перезвона съ фанфарами и тема Гвидона при словахъ карабельщиковъ: „А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ“. „Чудный городъ навѣщу, у Гвидона погощу“, говоритъ удивленный Салтанъ корабельщикамъ. Эта фраза его, простодушнаго характера, появляется и далѣе. Сестры и Бабариха встревожены („Намъ нельзя его пустить чудный островъ навѣстить“), музыка здѣсь взята изъ пролога. Интересно измѣнена тема острова звучащая въ оркестрѣ дуолями на нотахъ увеличеннаго трезвучія, когда повариха съ притворнымъ равнодушіемъ замѣчаетъ: „Ходитъ же пустая слава! Островъ на морѣ стоитъ“. Вотъ что не бездѣлка: „Домъ хрустальный, въ домѣ бѣлка“, прибавляетъ она кратко въ унисонъ съ гобоемъ на темѣ бѣлки. Эта коротенькая тема произошла изъ пѣсни: „Во саду ли, въ огородѣ“, которую бѣлка поетъ у Пушкина въ сказкѣ. Хроматическая музыка шмеля возвращается въ отрывкѣ. Шмель жалитъ повариху въ бровь: „Хорошо что въ бровь, не въ глазъ“, возглашаетъ забавно хоръ. Корабельщики разказываютъ о чудесной бѣлкѣ: „Бѣлка пѣсенки поетъ и орѣшки все грызетъ, да орѣшки не простые, все скорлупки золотыя“. И въ это время въ оркестрѣ въ верхнемъ регистрѣ на флейтѣ piccolo звучитъ народная пѣсня: „Во саду ли, въ огородѣ“, оригинально гармонизованная квинтами; тема пѣсни сейчасъ же повторяется при дальнѣйшемъ разказѣ корабельщика въ новой, болѣе сложной и очень красивой гармонизаціи. Салтанъ повторяетъ свое обѣщаніе побывать на островѣ. По наученію Бабарихи „иниціаторши“ на этотъ разъ старается расхолодить царя ткачиха.

„Въ свѣтѣ есть иное диво“, говоритъ она и разказываетъ про витязей чудесно выходящихъ изъ моря. Снова музыка Шмеля. Онъ

жалитъ и ткачику. Музыка сопровождавшая ея разказъ въ болѣе распространенномъ видѣ сопровождаетъ разказъ другаго корабельщика, цѣликомъ стихами Пушкина, о 33 богатыряхъ съ дядькой Черномором являющихся изъ моря. Удивленный Салтанъ опять при той же музыкѣ выражаетъ желаніе посѣтить Гвидона на чудномъ островѣ. Ансамбль поварихи, ткачихи и Бабарихи здѣсь болѣе развитъ изъ музыкальныхъ элементовъ пролога: „Царь пойдетъ бродить по свѣту, точно дома дѣла нѣту“, поютъ онѣ; среди этого ансамбля въ оркестрѣ проходятъ контрапунктами темы ткачихи и поварихи. Царь сердится. Оркестръ обрывается на его темѣ. „Завтра жь ѣду“, рѣшаетъ онъ. „Что ребенокъ! право, точно изъ пеленокъ“, говоритъ спокойно Бабариха. Въ оркестрѣ ловко проведена въ тройной имитаціи ея тема изъ пролога: „только нуженъ умъ одинъ“. Бабариха старается отклонить царя отъ поѣздки. Чрезвычайно поэтичная и чудесная музыка при ея словахъ: „За моремъ царевна есть, что не можно глазъ отвесть“ (Пушкинъ), основана на темѣ Лебеди-Царевны и сцены перваго ея появленія. Шмель-Гвидонъ жалитъ Бабариху въ глазъ Поднимается суматоха. Стражники ловятъ Шмеля. Вступаетъ хоръ: „да дави его, дави“. „Стражу всю сейчасъ повѣсить“, яростно кричитъ Салтанъ, при чемъ въ оркестрѣ появляется мелодическій оборотъ изъ его характеристики. Шмель улетаетъ. Среди хора выдѣляется приказаніе Салтана: „всѣхъ шмелей отъ этихъ поръ не пускать на царскій дворъ“, раздающееся на первоначальной его темѣ остроумно измѣненной для сего случая. Характеренъ при этомъ получающійся въ ней нисходящій тетракордъ цѣлыми тонами. Картина оканчивается звучнымъ ансамблемъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Относительно либрето этой картины замѣтимъ что въ него очень умѣло введенъ разказъ о чудесахъ острова (бѣлки, богатыри), что̀ сдѣлалось удобоисполнимымъ для сцены благодаря счастливой мысли, не придерживаясь строго Пушкина, считать эти чудеса постоянными атрибутами острова бывшими на немъ до самаго прибытія Гвидона, а не появившимися по волшебству Царевны-Лебеди постепенно, послѣ каждаго изъ путешествій Гвидона въ видѣ комара или шмеля къ Царю Салтану. Было бы очень неудобно въ сценическомъ отношеніи и монотонно въ музыкальномъ заставлять путешествовать сначала два раза Гвидона къ Салтану, а потомъ Салтана къ Гвидону.

Оркестровое вступленіе къ 1-й картинѣ 4-го дѣйствія вызываетъ въ воображеніи слушателя прекрасный образъ Царевны-Лебеди. По поднятіи занавѣса (островъ Буянъ, берегъ моря) Гвидонъ на лонѣ природы. Онъ поетъ небольшое аріозо: „Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ“, въ которомъ вокальнымъ его фразамъ громко вторятъ фразы оркестра. Въ музыкѣ аріозо встрѣчаются и прежніе музыкальные элементы: тема Гвидона, призывъ Лебеди. Появленіе Лебеди и ея обращеніе къ Гвидону: „Здравствуй, князь ты мой прекрасный, что ты тихъ какъ день ненастный“, основано на музыкѣ бывшей тамъ же. Гвидонъ проситъ Лебедь показать ему чудесную царевну которая: „днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ, ночью землю освѣщаетъ, мѣсяцъ подъ косой блеститъ, а во лбу звѣзда горитъ“. Прекрасная музыка при этихъ словахъ съ чередующимися тактами въ $^3/_2$ и $^2/_2$ построена на темѣ Лебеди-Царевны въ томъ видѣ какъ

она встрѣчалась въ предыдущей картинѣ въ устахъ Бабарихи: („за моремъ царевна есть"). Получается новый чудесный варіантъ изложенія темы Лебеди-Царевны. Очень красивъ и граціозенъ небольшой дуэтъ Гвидона и Лебеди: „какъ веселый мотылекъ на привѣтный огонекъ къ милой онъ и льнетъ и рвется"... Настроеніе дуэта ласковое и искреннее.

„Да такая есть дѣвица, но жена не рукавица, съ бѣлой ручки не стряхнешь", отвѣчаетъ Гвидону Лебедь на вопросъ о чудесной царевнѣ. Въ это время въ оркестрѣ проводится тема Лебеди-птицы. Новое обращеніе Гвидона къ Лебеди съ выраженіемъ страстнаго желанія жениться на чудесной царевнѣ основано на прежней музыкальной его характеристикѣ. „Нѣтъ, зачѣмъ искать далеко?" отвѣчаетъ Лебедь и признается наконецъ что „царевна это я", при этомъ тема Лебеди-птицы звучитъ сначала въ голосѣ, а потомъ великолѣпно проводится въ оркестрѣ въ интересной гармонизаціи и дивной оркестровкѣ. Во время полной темы Лебедь-птица превращается въ царевну и предстаетъ предъ изумленнымъ Гвидономъ. Слушатель не менѣе изумленъ великолѣпной оркестровой картиной въ которой въ полномъ блескѣ всѣмъ оркестромъ проводится тема Лебеди-царевны совмѣстно съ темой Лебеди-птицы (кларнеты и альты). Гвидонъ бросается къ царевнѣ. Слѣдуетъ дуэтъ удивительный по красотѣ музыки и задушевности настроенія. Дуэтъ Лебеди и Гвидона: „Чудо не малое въявь совершается" (царевна), „солнце ты ясное, дѣвица ль красная" (Гвидонъ), написанъ съ большимъ вдохновеніемъ и мастерствомъ. Ансамбль: „Дай намъ, Боже, бракъ счастливый", производитъ глубокое впечатлѣніе по своей трогательной простотѣ и искренности. Въ немъ очень характеренъ постоянный припѣвъ дѣвушекъ: „Боже, дай". Слушая этотъ ансамбль, досадуешь только на его краткость.

Оркестровое вступленіе къ послѣдующей картинѣ написано по стихамъ Пушкина изъ Сказки о Салтанѣ, гдѣ онъ разказываетъ о трехъ чудесахъ на островѣ Буянѣ, „бѣлкѣ, что при всѣхъ золотой грызетъ орѣхъ", напѣвая „при честномъ при всемъ народѣ: во саду ли, въ огородѣ", о тридцати трехъ богатыряхъ выходящихъ изъ моря и, наконецъ, о прекрасной царевнѣ, которая:

Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ.
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.

Эта великолѣпная и яркая по звуковымъ краскамъ картина построена на музыкальныхъ намъ извѣстныхъ элементахъ оперы.

2-я картина 4-го дѣйствія и послѣдняя оперы переносятъ насъ въ городъ Леденецъ, во внутренность кремля съ княжескими палатами. Гвидонъ на вышкѣ смотритъ въ морскую даль и говоритъ матери что видитъ приближающіеся корабли Царя Салтана. Въ оркестрѣ на валторнѣ слышится тема острова чередующаяся съ колебаніемъ скрипокъ (море). „Матушка моя родная, лучше спрячься, дорогая", говоритъ Гвидонъ и собирается принять отца. Царица уходитъ. Въ оркестрѣ начинается звонъ. Входитъ войско, трубачи, народъ. Входитъ свита Салтана и народъ изъ Тмутаракани, среди

него скоморохъ, гонецъ и старый дѣдъ. „Здравствуй, царь Тмутаракани", вступаетъ хоръ. Въ оркестрѣ проходитъ первоначальная тема Салтана контрапунктирующая съ короткою фразой изъ партіи Бабарихи и звучащая торжественно вмѣстѣ съ неперестающимъ звономъ при появленіи Салтана. Затѣмъ раздается фанфара на трубахъ (изъ сцены встрѣчи Гвидона по прибытіи его на островъ) и, наконецъ, когда Гвидонъ здоровается съ царемъ, тема Гвидона. Все это при непрекращающемся хорѣ славящемъ прибывшаго царя и богатой оркестровой звучности производитъ очень торжественное впечатлѣніе. На выразительныхъ вокальныхъ фразахъ Гвидонъ ласково задаетъ Салтану рядъ вопросовъ о войнѣ, о томъ, вдовъ ли онъ, или женатъ, и есть ли у него кому передать престолъ. Царь очень взволнованъ. Его отвѣтъ построенъ на прежней музыкальной характеристикѣ. Такъ начало его со словъ: „Зналъ и я бывало радость, вѣдалъ ласки женской сладость" построено на первоначальной его темѣ взятой здѣсь въ минорѣ (F-moll) и мастерски разработанной нѣсколько иначе, что чрезвычайно идетъ для передачи грустнаго воспоминанія царя о своемъ короткомъ счастіи съ царицей; затѣмъ при словахъ: „Шелъ въ походъ, не такъ ее оставилъ", появляется другая тема его изъ тріо марша вступленія къ 1-му дѣйствію.

При словахъ: „Ахъ, Гвидонъ, мой нравъ бѣдовый", проходитъ мелодическій оборотъ тоже бывшій въ его партіи, послѣ чего музыка возвращается въ F-moll и снова построена на первоначальной темѣ въ началѣ отвѣта, что̀ ему придаетъ закругленность и цѣльность. Очень выразительна фраза Салтана: „но былаго не вернешь, хоть слезами изойдешь". Великолѣпенъ унисонъ всего оркестра (съ акордами мѣдныхъ), когда Салтанъ, переставая владѣть собой, горько плачетъ на груди у Гвидона, который старается его утѣшить: „Государь мой, вытри слезы"... Это обращеніе Гвидона къ отцу, на выразительныхъ вокальныхъ фразахъ, очень сердечно. „Прослезился, что ребенокъ, право, точно изъ пеленокъ", стыдитъ въ то же время царя Бабариха на своей характерной фразѣ изъ пролога („только нуженъ умъ одинъ"). Стыдятъ царя и повариха съ ткачихой, причемъ въ музыкѣ выдержана ихъ прежняя характеристика. Успокоившись царь выражаетъ желаніе посмотрѣть 3 чуда. „Только очень не дивись, посмотри, да отвернись", унисономъ совѣтуютъ ему три бабы. Раздается фанфара трубъ (глашатаи изъ торжественной встрѣчи Гвидона на островѣ). На тележкѣ ввозятъ хрустальный домикъ бѣлки грызущей орѣхи. Въ оркестрѣ отчасти знакомыя, отчасти новыя варіаціи съ хоромъ дѣвушекъ на тему: „во саду ли, въ огородѣ". Вообще музыка всей этой сцены показыванія чудесъ намъ уже знакома по предыдущему дѣйствію. Только здѣсь она получила свое полное раскошное оркестровое развитіе съ хоромъ. Послѣ каждаго чуда (бѣлка, витязи) Гвидонъ обращается къ царю со словами: „это еще что̀ покуда. Впереди, вотъ будетъ чудо", а удивленный Салтанъ восклицаетъ: „много въ свѣтѣ я видалъ, а того не ожидалъ". Третье чудо Царевна-Лебедь. Она выходитъ изъ терема, затмевая солнечный свѣтъ. Въ оркестрѣ слышится колебанія струнныхъ напоминающія музыку при появленіи Лебеди-птицы во 2-мъ дѣйствіи. „Разгадай загадку, царь, всѣхъ мудрѣйшій государь," поетъ Царевна-

Лебедь въ унисонъ съ такою же фразой оркестроваго сопровожденія на фонѣ чудной гармонизаціи. Вотъ полный текстъ загадки царевны:

Для живыхъ чудесъ
Я сошла съ небесъ
И живу незримо
Въ милыхъ мнѣ сердцахъ.
Свѣтелъ имъ со мной
Жеребій земной,
Горе сладко въ пѣснѣ,
Въ сказкахъ милъ и страхъ.
Солнце имъ яснѣй.
Вешній цвѣтъ краснѣй,
Говоръ волнъ понятенъ,
Птичья рѣчь въ лѣсахъ.

Салтанъ слушаетъ въ сильномъ волненіи. „Хоть темна ея загадка, а ужь слушать больно сладко", замѣчаетъ онъ.

О чемъ же такъ восторженно говоритъ въ своей загадкѣ Царевна-Лебедь, какъ не о красотѣ непосредственнаго, народнаго русскаго сказочнаго творчества? Это именно и имѣлъ въ виду, какъ намъ достовѣрно извѣстно, и самъ композиторъ. „Кто же тогда царь Салтанъ?" можетъ спросить читатель. Послѣ сказаннаго раньше ясно что онъ какъ восприниматель красоты народнаго творчества можетъ служить символомъ публики, добродушной, способной на эстетическій восторгъ, но еще невѣжественной, не способной разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, отнестись къ нимъ сознательно. Появленіе Царевны-Лебеди и ея глубокомысленная загадка кульминаціонный моментъ оперы, послѣ чего она быстро близится къ концу. Очарованный волшебствомъ Царевны-Лебеди, Салтанъ проситъ ее устроить чтобы предъ нимъ предстала живою царица. По словамъ Царевны-Лебеди „взглянь на теремъ, царь Салтанъ", на крыльцѣ терема показывается Милитриса; сначала на віолончеляхъ, а затѣмъ въ усиленной оркестровой звучности слышится пѣвучая и красивая ея тема („еслибъ я была царицей"). Небольшой задушевный дуэтъ царя и царицы: „Солнце теплится ясное, пора, время ненастное обошлось" построенный на темѣ Милитрисы изъ 2-го дѣйствія („Мой Салтанъ, царь возлюбленный") смѣняется ярко звучащею въ оркестрѣ темой Лебеди-Птицы.

„Гдѣ жь, скажи, твое дитя?" спрашиваетъ царь Милитрису. „Мой родимый, это я", объявляетъ Гвидонъ на своей темѣ при тремоло струнныхъ съ восходящими штрихами деревянныхъ духовыхъ. Фраза царицы красиво звучитъ въ ея дуэтѣ съ царемъ при новомъ по гармоніи и колориту оркестровомъ сопровожденіи Бабариха и сестры царицы въ великомъ смущеніи и страхѣ: „Дни расправы знать настали", замѣчаетъ Бабариха на своей характерной фразѣ („только нуженъ умъ одинъ") и убѣгаетъ. Повариха и ткачиха бросаются въ ноги царю Салтану и просятъ пощады. Ихъ обращеніе (дуэтомъ) къ царю построено на тематическомъ матеріалѣ ихъ характеристики. Царь прощаетъ ихъ.

„Безъ продѣлки хитрой вашей не бывать бы свадьбѣ нашей," поютъ дуэтомъ Царевна-Лебедь и Гвидонъ на фразахъ Лебеди. Этотъ дуэтъ заключается при словахъ: „а теперь затѣимъ пиръ", звуча-

щей въ оркестрѣ, на доминантовой педали, темой Гвидона, послѣ чего слѣдуетъ заключительный ансамбль всѣхъ дѣйствующихъ лицъ съ хоромъ. Этимъ ансамблемъ блестяще написаннымъ въ чисто русскомъ народномъ духѣ и оканчивается опера. Въ кодѣ этого финала эфектно звучитъ тема призывной фанфары въ то время, какъ хоръ и ансамбль на той же фанфарѣ унисономъ оригинально довершаютъ цѣльное впечатлѣніе оперы сказки фразой: „ну, теперь ужь сказка вся. Дальше сказывать нельзя.“

Наша задача тоже почти выполнена.

Новая опера имѣетъ нѣкоторыя особенности. Въ ней очень мало речитативовъ, аріозный стиль преобладаетъ, причемъ закругленныхъ нумеровъ очень мало (дуэтъ въ 4-мъ дѣйствіи, арія Гвидона въ 3-мъ дѣйствіи). Сказочная фантастика ведетъ къ широкому примѣненію оркестровыхъ красокъ, но въ то же время оркестръ Римскаго-Корсакова не умаляетъ, а напротивъ, подчеркиваетъ интересъ вокальныхъ партій сплошь красивыхъ и характерныхъ въ новой оперѣ. Всѣ дѣйствующія лица имѣютъ свои характерныя темы или по нѣскольку темъ получающихъ блестящее развитіе доказывающее большую изобрѣтательность и фантазію автора. Очень типиченъ Царь Салтанъ, чрезвычайно поэтиченъ образъ Лебеди-Царевны, прекрасно очерчены Гвидонъ и царица Милитриса, характерны ткачиха, повариха и Бабариха не играющія выдающейся роли.

Одною изъ особенностей новой оперы служитъ большее развитіе въ ней, сравнительно съ прежними операми Римскаго-Корсакова, многоголоснаго стиля. Намъ часто приходилось подчеркивать красоту контрапунктическихъ деталей которыхъ въ оперѣ много. Про красоту гармоніи и богатство оркестроваго колорита нечего и говорить. Въ „Царской Невѣстѣ“ композиторъ показалъ насколько умѣстно примѣненіе въ оперѣ закругленныхъ ансамблей, Въ „Царѣ Салтанѣ“ мы видѣли весьма удачное примѣненіе сонатной формы и великолѣпіе свободнаго аріознаго, часто многоголоснаго стиля.

Общій характеръ музыки „Царя Салтана“ выдержанный сказочный, народный, настроеніе глубоко оптимистическое. Римскому-Корсакову вполнѣ удалось уловить тотъ тонъ который проникаетъ насквозь и сказку Пушкина. Это настроеніе одна изъ характерныхъ особенностей его таланта. Вдохновеніе ни на минуту не покидаетъ нашего славнаго композитора въ новой оперѣ, которую слѣдуетъ поставить въ рядъ самыхъ замѣчательныхъ его оперъ: „Псковитянка“, „Снѣгурочка“, „Майская Ночь“, „Млада“ и „Садко“.

Г. Н. Тимофеевъ.

ВЫЗОВЪ КОЛОНИСТОВЪ ИЗЪ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ И БУНТЪ КОРСИКАНЦЕВЪ.

Очеркъ изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи *).

(По неизданнымъ архивнымъ документамъ).

II.

„Борисоенъ“ благополучно совершилъ свой путь по Тиренскому, Іоническому и Эгейскому морямъ, обогнувъ Италію и Балканскій полуостровъ, и въ сентябрѣ 1783 г. приблизился къ Дарданеламъ. Наступленіе осенней погоды задержало, однако, на цѣлые два мѣсяца дальнѣйшее движеніе корабля къ предѣламъ Россіи: нѣсколько разъ „Борисоенъ“ пытался войти въ Дарданельскій проливъ, но каждый разъ противные сѣверо-восточные вѣтры заставляли его возвращаться назадъ; пришлось поневолѣ стать на якорь и дожидаться болѣе благопріятной погоды. Мѣсто для этой невольной стоянки корабля было выбрано у береговъ острова Тенедоса по тѣмъ соображеніямъ что здѣсь „способно было стоять для налитія прѣсной воды и покупки дровъ и провіанта“.

Продолжительное и однообразное пребываніе на кораблѣ сопряженное съ необходимостію соблюдать извѣстный порядокъ и дисциплину было тяжелымъ испытаніемъ для отбросовъ италіянскихъ городовъ, и строгія взысканія, до тѣлеснаго наказанія включительно, которымъ по настоянію командира „Борисоена“, лейтенанта Власьева, они были подвергаемы за нарушеніе установленныхъ правилъ, только озлобляли людей которые были „всѣ почти съ висѣлицы“. На бѣду Власьева и его экипажа въ это время одинъ бѣглый изъ Россіи колонистъ распространилъ на Тенедосѣ слухъ „будто бы находящіеся въ Херсонѣ колонисты худо содержатся“. Этотъ слухъ былъ искрой попавшей въ порохъ. „Не хотя себя подвергнуть равной участи, а желая снискать себѣ вольность и независимость“, семь (7) человѣкъ

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, февраль, 1901 г.

колонистовъ „Борисоена“ составили заговоръ съ цѣлію завладѣть кораблемъ. Въ случаѣ успѣха своего предпріятія они предполагали отправиться въ Алжиръ и тамъ или продать Борисоенъ вмѣстѣ съ его грузомъ, или же заняться на немъ морскимъ разбоемъ. Во главѣ заговора стоялъ сардинецъ Николай Теальди, по професіи подлекарь. Для приведенія своего намѣренія въ исполненіе заговорщики сначала хотѣли отравить экипажъ корабля опіумомъ, тайно вливъ его въ „водяныя бочки, откуда корабельные служители прѣсную воду употребляютъ въ пищу“ [1]), но почему-то передумали и рѣшили дѣйствовать открытымъ бунтомъ.

Съ $^{26}/_{15}$ на $^{27}/_{16}$ октября около 2-хъ часовъ по полуночи колонисты выскочили внезапно на палубу съ ножами и полѣньями, напали на подштурмана Кузьму Любимова и 6 человѣкъ матросовъ стоявшихъ на вахтѣ, избили ихъ полѣньями и бросили въ форъ-люкъ боцмана Андрея Ащенкова, трехъ матросовъ находившихся на бакѣ зарѣзали и еще одного матроса тяжко ранили.

Чтобъ остальные русскіе матросы спавшіе въ трюмѣ не оказали имъ сопротивленія и помощи своимъ товарищамъ, колонисты загородили имъ выходъ на палубу, ставъ съ полѣньями и ножами вокругъ люковъ: пытавшихся выйти били и бросали обратно въ трюмъ, гдѣ между тѣмъ другая часть колонистовъ вязала матросамъ руки.

Когда такимъ образомъ одни изъ колонистовъ принявшихъ участіе въ бунтѣ вели борьбу съ экипажемъ корабля, другіе во главѣ съ руководителями заговора расправлялись съ командиромъ „Борисоена“ лейтенантомъ Власьевымъ.

Въ каютъ-компаніи собралось скопище изъ 15-ти или 20-ти человѣкъ колонистовъ, изъ коихъ бо̀льшая часть „съ отчаяніемъ и звѣрствомъ“ бросались въ камеру помянутаго капитана Власьева, разбивая у нея двери и стекла полѣньями и крича: „а, окончилъ жизнь собака!“ Изъ капитанской каюты (или „камеры“) слышался голосъ Власьева призывавшаго къ себѣ на помощь начальника колонистовъ Макюзи и плачъ его жены. Бунтовщики ворвались, наконецъ, въ каюту Власьева чрезъ выбитое окно съ наружной стороны. Собравшись съ духомъ, Макюзи отворилъ дверь своей каюты и „увидѣлъ при лунномъ сіяніи выходящую изъ капитанской каюты“ и направляющуюся къ нему „съ воплемъ“ жену Власьева. Впустивъ ее къ себѣ и помѣстивъ вмѣстѣ съ своею женой, Макюзи сдѣлалъ слабыя попытки образумить бунтующихъ, но не имѣлъ успѣха, расправа съ Власьевымъ продолжалась, истязанія не прекращались: колонистъ Боріо ударилъ Власьева два раза полѣномъ по головѣ, главный за-

[1]) *Государственный Архивъ*: Рапортъ подштурмана Любимова контръ-адмиралу Макензію отъ 1-го декабря 1783 г.

чинщикъ бунта Теальди нанесъ ему ножемъ двѣ раны въ животъ, а вслѣдъ за нимъ Бартоломей Боджи два удара топоромъ по головѣ; такъ какъ Власьевъ обнаруживалъ еще признаки жизни, то „капралъ“ Джузепе Мари Фили взялъ у Боджи топоръ чтобы прекратить жизнь несчастнаго лейтенанта.

Вокругъ каюты Власьева толпились колонисты готовые принять участіе въ совершеніи убійства, какъ-то: Станиславъ Песъ, Томасъ Марцисъ и другіе.

Въ это время не смотря на мѣры предосторожности принятыя колонистами подштурману Никифору Древсянникову удалось выбѣжать изъ комисарскаго люка. Преслѣдуемый колонистами охранявшими выходъ изъ люковъ, Древсянниковъ былъ загнанъ въ капитанскую каюту, откуда чрезъ окно выскочилъ за бортъ и схватился за веревки которыми привязаны были къ кораблю стоявшіе на водѣ баркасъ и шлюпка; одновременно съ Древсянниковымъ оказался за бортомъ стоявшій на ютѣ часовой матросъ сброшенный колонистами и спасся такимъ же способомъ. Такимъ образомъ на баркасѣ и шлюпкѣ вмѣстѣ съ находившимися на нихъ 4-мя дневальными матросами оказалось шесть человѣкъ изъ команды „Борисоена“. Теперь явилась возможность отвязать эти суда и отправиться на нихъ искать помощи на сторонѣ, чѣмъ Древсянниковъ и поспѣшилъ воспользоваться. Подъ градомъ полѣньевъ, лотовъ и бутылокъ бросаемыхъ съ корабля колонистами (причемъ у Древсянникова была перешиблена лѣвая рука), удалось отвязать шлюпку и баркасъ и направиться на стоящій по близости греческій корабль подъ русскимъ флагомъ. Здѣсь Древсянниковъ разказалъ о бунтѣ колонистовъ и просилъ о помощи. Капитанъ корабля Антоній Драко немедленно далъ знать объ этомъ по стоявшимъ венеціанскимъ и турецкимъ купеческимъ судамъ, а затѣмъ послалъ судно въ сопровожденіи своихъ служителей и двухъ русскихъ матросовъ на стоявшій неподалеку турецкій военный фрегатъ для объявленія о случившемся. Въ то же время самъ Древсянниковъ въ сопровожденіи матроса и даннаго ему съ греческаго судна переводчика отправился въ городъ Тенедосъ гдѣ, явившись на гауптвахту, просилъ у Турокъ защиты. Турки съ своей стороны также дали знать по стоявшимъ судамъ, равно какъ и на свой военный фрегатъ. Древсянниковъ очень торопилъ Турокъ оказать помощь, такъ какъ отъѣзжая на греческое судно замѣтилъ у колонистовъ намѣреніе уйти въ открытое море.

Между тѣмъ колонисты, умертвивъ лейтенанта Власьева, начали хозяйничать на „Борисоенѣ“. Войдя въ артилерійскую каюту, они разломали сундуки и вынули оттуда тесаки, сабли, ружья, мушкетоны и пистолеты и вооружившись ими стали ранить матросовъ

которые попадались имъ подъ руку; другіе вбѣжали въ комисарскій люкъ и смертельно ранивъ караульнаго матроса начали вытаскивать наверхъ и бросать за бортъ провіантъ предназначавшійся на содержаніе команды корабля; „письменныя дѣла“ находившіяся въ томъ-же люкѣ „рвали и на огнѣ жгли“, а вещи принадлежавшія матросамъ растаскивали и дѣлили между собою.

Впрочемъ, жажда крови и увлеченіе грабежомъ овладѣли не всѣми колонистами. Болѣе разчетливые изъ нихъ понимали что въ видахъ личной безопасности имъ слѣдуетъ поторопиться выходомъ въ открытое море: въ то время какъ ихъ товарищи расправлялись съ матросами, растаскивали и уничтожали корабельное имущество, они приготовлялись къ отплытію: отрубили у „Борисоена“ оба якоря, подняли паруса и поплыли было въ южномъ направленіи. Однако корабль оказался приспособленнымъ болѣе къ якорной стоянкѣ чѣмъ къ плаванію и шелъ очень медленно. „Чтобы имѣть больше парусовъ“, пришлось обратиться къ содѣйствію русской команды, такъ какъ сами колонисты ничего не понимали въ мореходствѣ. Отыскавъ подшкипера Новоженова, они „за конвоемъ, съ тесаками, водили“ его по кораблю и заставляли отдавать приказанія матросамъ что нужно дѣлать.

Въ это время находившійся на „Борисоенѣ“ лоцманъ, венеціанскій подданный Павелъ Дисеменосъ, взятый въ Занте „для провожденія“ корабля до Константинополя, поспѣшно „сошелъ на низъ и обрѣзалъ веревку (штуръ-тросъ), коею руль управляется“; такимъ образомъ „дѣйствія въ рулѣ и не стало и понесло корабль къ берегу Тенедосскому при вѣтрѣ ONO“, и онъ вскорѣ сталъ на мель. Пользуясь этимъ случаемъ, Новоженовъ бросился въ море и выплылъ на берегъ, а виновникъ посадки корабля на мель Дисеменосъ, „опасаяся чтобъ зъ то его не убили, тотчасъ влѣзъ на заднюю мачту и тамъ скрывался даже до разсвѣту“. На разсвѣтѣ къ стоявшему неподалеку военному турецкому фрегату присоединилось еще два такихъ же фрегата, и со всѣхъ 3-хъ фрегатовъ, а равно и съ греческаго судна подъ русскимъ флагомъ, были посланы къ „Борисоену“ гребныя суда съ достаточнымъ числомъ вооруженныхъ людей. Подъ предлогомъ что нужно облегчить корабль для снятія съ мели колонистовъ пригласили сойти на берегъ, гдѣ ихъ Турки тотчасъ же арестовали и отвели въ Тенедосскую крѣпость.

Послѣ этого корабль былъ снятъ съ мели и поставленъ на „вольную воду“. Турецкіе капитаны поручили капитану греческаго судна Антонію Драко оказать помощь русской командѣ своими людьми и провести корабль въ Константинополь, причемъ съ своей стороны снабдили „Борисоенъ“ якоремъ и канатомъ.

1-го ноября (стараго стиля) „Борисоенъ“ благополучно прибылъ въ Константинополь. На немъ находилось въ это время, помимо лицъ команды оставшихся невредимыми во время бунта, 14 человѣкъ матросовъ „раненыхъ легкими и тежелыми ранами“, нѣсколько мертвыхъ тѣлъ [2]), начальникъ колонистовъ Макюзи съ семействомъ и четырмя служителями, 4 человѣка пасажировъ находившихся въ вѣдѣніи того же Макюзи и, наконецъ, жена покойнаго лейтенанта Власьева (родомъ француженка).

„О плачевной трагедіи воспослѣдовавшей на Борисоенѣ“ русскій посланникъ въ Константинополѣ Яковъ Ивановичъ Булгаковъ былъ увѣдомленъ письмомъ Макюзи изъ Тенедоса отъ 18/29 октября; 1-го ноября стараго стиля въ день прибытія „Борисоена“ въ Константинополь подштурманъ Кузьма Любимовъ „обще съ командою“ также представилъ Булгакову рапортъ о бунтѣ колонистовъ [3]).

Русскому посланнику предстояло теперь много хлопотъ. Трое изъ колонистовъ успѣли потурчиться въ Тенедосѣ, то-есть, принять магометанство (одинъ изъ потурчившихся былъ уже въ Ливорнѣ въ цѣпяхъ за то что хотѣлъ зарѣзать своего тестя [4]). Вслѣдъ за этими тремя ренегатами и всѣ остальные колонисты заявили желаніе принять турецкое подданство, вслѣдствіе чего турецкія власти въ Тенедосѣ поспѣшили отправить ихъ въ Константинополь.

Здѣсь однако Булгаковъ, сдѣлавъ представленія турецкому правительству, „предуспѣлъ всѣхъ оныхъ колонистовъ получить отъ Порты въ свои руки“. „Оковавъ“, онъ посадилъ ихъ на „Борисоенъ“, поручивъ начальство надъ ними и надъ кораблемъ русскому подданному, англичанину Томасу Рейну, „который умѣлъ обходиться съ подобными извергами, перевозя неоднократно Негровъ изъ Африки въ Америку [5])“.

21-го ноября 1783 года „Борисоенъ“ вооруженный двѣнадцатью шестифунтовыми орудіями вышелъ изъ Буюкъ-Дере и направился къ предѣламъ Россіи [6]), въ Херсонъ, гдѣ Томасъ Рейнъ долженъ былъ

[2]) А именно: капитана Власьева, боцмана Ащепкова и 4-хъ матросовъ. Всѣ они были преданы землѣ въ Буюкъ-Дере у греческой церкви.

[3]) *Московск. отд. Архива Гл. Штаба:* Рапортъ подштурмана Любимова Я. И. Булгакову, отъ 1-го ноября; письмо Макюзи къ Булгакову изъ Тенедоса отъ 18/29 октября и его же „объявленіе“ сдѣланное въ канцеляріи русскаго посольства въ Константинополѣ; показаніе лоцмана Дисеменоса данное тамъ же; показаніе подштурмана Дресвянникова данное въ слѣдственной комиссіи 2-го марта 1784 года.

[4]) Тамъ же, письмо Булгакова полковнику Гаксу отъ 15/26 ноября 1783 г.

[5]) *Государственный Архивъ:* письмо Булгакова къ полковнику Гаксу 8-го ноября 1783 г.

[6]) Тамъ же: Рапортъ подштурмана Любимова контръ-адмиралу Макензію отъ 1-го декабря 1783 г.

сдать колонистовъ, при письмѣ Булгакова отъ 8-го ноября, полковнику Гаксу, начальнику Херсонской крѣпости. На случай еслибы за позднимъ временемъ года и противными вѣтрами „Борисоену" не удалось добраться до Херсона, Булгаковъ разрѣшилъ пристать въ Крыму и обратиться къ командовавшему тамъ русскими войсками барону Осипу Андреевичу Игельстрому, или иному изъ начальствующихъ тамъ лицъ. На имя барона Игельстрома Булгаковымъ вручено было Томасу Рейну особое письмо и сверхъ того было предписано въ случаѣ прибытія въ Крымъ распечатать письмо къ полковнику Гаксу чтобы мѣстныя власти, сообразно съ содержавшимися въ немъ свѣдѣніями, могли принять мѣры относительно колонистовъ [7]).

Въ письмѣ отъ 8-го ноября Булгаковъ писалъ Гаксу, между прочимъ, слѣдующее:

обязаннымъ почитаю себя просить ваше высокородіе тотчасъ по полученіи сего приставить сильный караулъ къ колонистамъ, даже и въ карантинѣ изъ цѣпи ихъ не освобождать, а особливо начальниковъ бунта, кои и на кораблѣ съ бóльшею передъ другими строгостію содержались, дабы они какъ не разбѣжались, въ которомъ случаѣ причинить могутъ большіе бѣдствіи, ибо *сверхъ небольшаго числа добрыхъ и невинныхъ всѣ почти съ висѣлицы.*

Въ другомъ письмѣ къ Гаксу отъ 15-го ноября отправленномъ сухимъ путемъ чрезъ Ольвіопольскую почту Булгаковъ опять напоминаетъ о необходимости принять всѣ мѣры предосторожности противъ колонистовъ:

остается мнѣ просить ваше высокоблагородіе принять всѣ нужныя мѣры съ сими колонистами. *Вообразить невозможно, на какіе они злодѣйствы въ состояніи пуститься*, и слѣдовательно не надлежитъ вѣрить ни клятвамъ ихъ, ни лицемѣрнымъ лицамъ. Теперь они, по словамъ своимъ, всѣ святые и кромѣ начальника своего лекаря никто ни въ чемъ участія не бралъ. Ваше высокоблагородіе скоро о поведеніи каждаго можете удостовѣриться отъ экипажа и чрезъ то въ состояніи найдетесь отличить и облегченіе сдѣлать невиннымъ.

Къ этому письму Булгаковъ приложилъ всѣ документы имѣвшіе отношеніе къ колонистамъ и ихъ бунту и предлагалъ Гаксу отправить ихъ немедленно къ барону Игельстрому съ нарочнымъ офицеромъ, если „Борисоенъ" за позднимъ временемъ года не въ состояніи будетъ добраться до Херсона [8]).

---

7) Тамъ же: Рапортъ барона Игельстрома Потемкину отъ 17-го декабря 1783 г.

8) *Москов. отд. Архива Гл. Штаба.*

„Борисоенъ“ дѣйствительно принужденъ былъ направиться къ крымскимъ берегамъ и 30 ноября вошелъ въ Ахтіярскую гавань (Севастополь).

Теперь началась переписка между крымскими и херсонскими властями по вопросу какъ поступить съ колонистами? Херсонскія власти въ лицѣ генералъ-поручика графа Дебальмена [9]) сочли нужнымъ довести дѣло до свѣдѣнія екатеринославскаго губернатора Тимоѳея Ивановича Тутолмина, „особому распоряженію“ котораго „препоручены“ были кн. Потемкинымъ вызываемые въ Россію колонисты [10]). Тутолминъ съ своей стороны обратился къ барону Игельстрому съ просьбой „учинить строгое изысканіе, кто у нихъ былъ главнымъ зачинщикомъ заговора и причиною содѣяннаго на кораблѣ злодѣянія, и кто, наконецъ, прямо учавствовали въ злоумышленіи и дѣйствительномъ исполненіи онаго“? [11]). Во исполненіе просьбы Тутолмина для производства слѣдствія 1 марта 1784 года учреждена была въ Ахтіярской гавани слѣдственная комисія подъ предсѣдательствомъ флота капитана 2 ранга Доможирова. Вскорѣ, однако, дѣло по распоряженію Потемкина было передано военно-судной комисіи учрежденной въ Херсонѣ куда и перевезли колонистовъ. Херсонская комисія потребовала пересылки ей дѣла производившагося въ Севастополѣ (Ахтіярской гавани), что̀ и было исполнено; однако присланными документами она не удовлетворилась, а произвела дополнительное разслѣдованіе. Дѣло такимъ образомъ затянулось. Генералъ-поручикъ Гудовичъ ордеромъ отъ 10 сентября 1784 года побуждалъ военно-судную комисію „всю возможность употребить къ скорѣйшему окончанію сего дѣла, толико времени продолжающагося“. Не смотря на это напоминаніе начальства, комисія не спѣшила: только 7 ноября Гудовичъ получилъ возможность представить на усмотрѣніе кн. Потемкина „дѣло съ заключенною при немъ на основаніи законовъ сентенціею [12]) и своимъ мнѣніемъ“.

Какъ показало разслѣдованіе виновниками возмущенія и убійства были не Корсиканцы, а Сардинцы и отчасти иные колонисты главнымъ образомъ италіянской же національности: но такъ какъ по официальной терминологіи всѣхъ ихъ принято было объединять подъ именемъ „Корсиканцевъ“, то и самое возмущеніе получило названіе бунта Корсиканцевъ.

---

[9]) Дебальменъ замѣнялъ въ это время Гакса который, вслѣдствіе „возложенія на него... кн. Г. А. Потемкинымъ крѣпостнаго строенія“, былъ уволенъ „отъ всѣхъ зависящихъ по гражданскому управленію дѣлъ“.

[10]) М. Отд. Арх. Гл. Штаба: письмо гр. Дебальмена Тутолмину отъ 15 декабря 1783 года.

[11]) Тамъ же: письмо Тутолмина изъ Полтавы отъ 20 января 1784 года.

[12]) Сентенція „заключена“ въ Херсонѣ 28 октября 1784 года.

Всѣхъ найденныхъ такъ или иначе виновными, не исключая и начальника колонистовъ Макюзи, военный судъ на основаніи соотвѣтствующихъ артикуловъ морскаго и воинскаго уставовъ приговорилъ къ различнымъ видамъ смертной казни: колесованію, повѣшенію и простому „лишенію живота“, смотря по степени виновности.

Въ приложенномъ къ сентенціи своемъ „мнѣніи“ Гудовичъ предлагалъ значительно смягчить наказаніе виновнымъ, а именно:

1. Николая Теальди и 6 его сообщниковъ, какъ первыхъ зачинщиковъ бунта и убійства, казнить смертію (вмѣсто колесованія).

2. Петра Перацони и 6 же его сообщниковъ приставшихъ къ заговору, но не участвовавшихъ въ убійствѣ, сослать на два года въ каторгу (вмѣсто повѣшенія).

3. Доминика Доминичиса и 20 его товарищей присоединившихся къ бунтовщикамъ уже во время самаго бунта безъ предварительнаго уговора, и въ убійствѣ также не принимавшихъ участія, въ городовую работу на одинъ годъ (вмѣсто повѣшенія). (Впрочемъ, одного изъ виновныхъ послѣдней категоріи, „Флорентинскаго дворянина“ Човатино Ферони, Гудовичъ полагалъ „оставить безъ всякаго наказанія“, вмѣнивъ ему въ оное содержаніе въ желѣзахъ до резолюціи, „во уваженіе его дворянства“ и того обстоятельства что онъ насильно и въ самомъ концѣ бунта былъ привлеченъ къ участію въ немъ, будучи поставленъ часовымъ у матросовъ).

4. Начальника колонистовъ Макюзи, примѣненіе къ которому смертной казни за попустительство и непредусмотрительность самъ военный судъ находилъ несоотвѣтствующимъ степени его виновности, отъ всякаго наказанія избавить, вмѣнивъ ему въ оное содержаніе подъ карауломъ до воспослѣдованія конфирмаціи.

Князь Г. А. Потемкинъ на усмотрѣніе котораго поступило дѣло только относительно виновныхъ первой категоріи (Николая Теальди и его сообщниковъ) согласился съ мнѣніемъ Гудовича, по отношенію же къ виновнымъ остальныхъ категорій стоялъ за болѣе суровыя наказанія.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ императрицѣ Потемкинъ предлагалъ:

(2-я категорія) Петра Перопони съ прочими его товарищами „наказавъ кнутомъ сослать вѣчно въ каторжную работу“.

(3-я категорія) „Доминиса съ соучавствовавшими съ нимъ и Павла Гусича вѣдавшаго о заговорѣ и не донесшаго, наказавъ кнутомъ, сослать въ каторжную работу на время, при чемъ Февронія какъ нечаянно и насильно вовлеченнаго къ этому дѣлу отъ преступниковъ во уваженіе его дворянства и насильственнаго его примѣшанія къ

возмутителямъ, *не подвергая тѣлесному наказанію, сослать на время въ работу*".

Что касается начальника колонистовъ Макюзи, „коего власть недовольно была сильна къ усмиренію бунтовщиковъ, сколько онъ ни старался", то въ виду продолжительнаго содержанія его подъ стражей и той опасности которой онъ самъ подвергался во время бунта, Потемкинъ полагалъ отъ смертной казни его избавить, предавая опредѣленіе ему наказанія на милость императрицы [13]).

Окончательное рѣшеніе участи виновныхъ колонистовъ опять затянулось: весь слѣующій 1785 годъ они просидѣли въ херсонской крѣпости подъ карауломъ. Только 9 февраля 1786 года послѣдовало распоряженіе Потемкина отправить виновныхъ колонистовъ изъ Херсона въ Кременчугъ къ „правителю екатеринославскаго намѣстничества" Синельникову (смѣнившему Тутолмина) для приведенія въ исполненіе состоявшейся относительно ихъ высочайшей конфирмаціи. При этомъ оказалось что изъ числа виновныхъ 9 человѣкъ, и среди нихъ двое присужденныхъ къ смертной казни Николай Теальди (главный зачинщикъ и руководитель бунта и убійства) и Франциско Папа умерли подъ стражей, двое бѣжали изъ подъ стражи, „за что́ бывшіе тогда въ караулѣ офицеры штрафованы, а часовые наказаны", одинъ былъ отданъ „на поруки херсонскому трактирщику Бенодето, отъ котораго бѣжалъ, да и самого поручителя не найдено", наконецъ, бывшій начальникъ колонистовъ Макюзи, уволенный для излеченія болѣзни на форштадтъ, скрылся. Только въ августѣ 1786 года Макюзи былъ пойманъ и отправленъ въ Кременчугъ „для поступленія и съ нимъ также по оной высочайшей конфирмаціи" [14]).

Таковъ былъ финалъ трагедіи разыгравшейся на „Борисоенѣ".

III.

Обратимся теперь къ колонистамъ не участвовавшимъ въ возмущеніи на „Борисоенѣ", а равно къ прибывшимъ изъ Ливорно съ предшествовавшими экспедиціями, и постараемся освѣтить ихъ судьбу насколько позволяютъ это сдѣлать сохранившіеся въ Государственномъ Архивѣ документы.

Въ средѣ иностранныхъ офицеровъ, предводителей или начальниковъ колонистскихъ партій, возникъ свой планъ организаціи италі-

---

[13]) Москов. Отд. Архива Гл. Штаба.

[14]) Государственный Архивъ: Рапорты Потемкину генералъ-майора Якова Рѣпнина отъ 26 марта и 15 августа 1786 года.

янскихъ колоній на югѣ Россіи. Планъ этотъ неимѣющій, къ сожалѣнію, даты изложенъ въ документѣ озаглавленномъ: „конвенціи". Судя по нѣкоторымъ даннымъ заключающимся въ самыхъ „конвенціяхъ" онѣ выработаны не позже весны 1783 года [15]). Что представляетъ изъ себя этотъ документъ, есть-ли онъ результатъ обоюднаго соглашенія между русскимъ правительствомъ съ одной стороны и представителями и начальниками колонистовъ съ другой, какъ можно судить по его названію: „конвенція", или же это только проектъ, простое пожеланіе исходящее отъ одного или нѣсколькихъ лицъ изъ числа предпринимателей, „которые отъ разныхъ мѣстъ собрали въ Ливорнѣ" колонистовъ для Россіи? не имѣя другихъ документальныхъ данныхъ, трудно отвѣтить на этотъ вопросъ положительно, но второе рѣшеніе его кажется болѣе вѣроятнымъ. Какъ-бы то ни было, „конвенціи" отражая въ себѣ интересы и стремленія лицъ стоявшихъ во главѣ колонистскихъ партій и ихъ взгляды на организацію колоній представляютъ несомнѣнный интересъ, и мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ здѣсь сполна:

„Конвенціи".

Колоней будетъ двѣ: *одна* составляемая *изъ корсикановъ и геновезовъ, а вторая изъ Лукезовъ и разныхъ народовъ итальянскихъ*; каждая колонія имѣть будетъ особливое правленіе подъ однимъ начальникомъ, и *каждое селеніе должно отдать нѣкоторое число въ солдаты*.

Хлѣбопашцы, которые не будутъ имѣть фамилій, соединятца съ тѣми, которые съ фамиліеми, или между ими учредить товарищество кои въ хлѣбопашествѣ пособствовали-бъ взаимно, и каждое товарищество составляло-бъ меніе пяти человѣкъ.

Солдаты и художники разселятца будутъ по пропорціи между вышереченными фамиліеми и согласны будутъ съ ними; отведенную-жъ землю позволяется салдатамъ и художникамъ отдавать въ работу помянутымъ фамиліемъ, а отъ нихъ за то получать половинную часть изъ прибыточнаго.

Тѣмъ, которые ихъ отъ разныхъ мѣстъ собрали въ Ливорнѣ, чтобъ быть достойными пользоваться милостію Ея Императорскаго Величества, каждой изъ тѣхъ колонистовъ обязанъ будетъ работать, а когда самъ не можетъ, то за оную (работу) заплатитъ, хотя онъ художникъ или салдатъ, 1600 квадратныхъ геометрическихъ шаговъ или 40 шаговъ длиною и шириною; половинное число сей земли ра-

---

[15]) При умноженіи колонистовъ раздѣленіе ихъ на двѣ колоніи по „конвенціямъ" должно зависѣть отъ разрѣшенія генералъ-поручика И. А. Ганнибала, между тѣмъ послѣдній въ рапортѣ полковника Гакса Потемкину отъ 3-го мая 1783 г. называется „бывшимъ здѣсь", то-есть, уже не состоящимъ на службѣ въ Херсонѣ.

ботать осенью, а другую (половину) весною; начальникамъ-же тѣхъ, которые имъ будутъ работать, содержать на своей порціи во все время ево работы.

Господинъ поручикъ Пачіола долженъ имѣть команду надъ обѣими колоніеми, пока онѣ не раздѣлятца, а ежели онъ будетъ обязанъ какими другими дѣлами, которые не допустютъ ево быть при вышереченныхъ колоніяхъ, также когда умножутся, что можно будетъ ихъ раздѣлить на двѣ колоніи, то просить должны г-на генералъ-поручика Ганнибала опредѣлить на мѣсто его Пачоли г-на Гантина Гарделина.

Военный корпусъ, которой Ея Императорское Величество соблаговолила сформировать отъ колонистовъ, имѣть команду г-ну порутчику Пачолу, и какъ корпусъ умножитца и потребуются другіе афицеры, то должны быть г-нъ Иванъ Макюзи, а по немъ г-нъ Гантино Гарделини, г-нъ Петро Орсини и Павло Антони.

По умноженіи корпуса, какъ можно будетъ составить два селенія и двѣ роты военныхъ, то различить оные колоніи и роты сими наименованіями: первое—Корсолигура, а второе—Ольтрамонтана; г-нъ Пачолъ долженъ получить Корсолигуру, а г-нъ Макюзи Ольтрамонтану.

Вышеписанные колоніи и роты зависимы будутъ отъ генералъ-губернатора, а чтобъ не быть подъ командою другихъ корпусовъ; когда-жь потребны будутъ другіе афицеры, то начальники имѣютъ право выбирать, по ихъ разсмотрѣнію, тѣхъ которые достойны и представлять по командѣ.

Всѣ салдаты, составляющіе военный корпусъ, производились бы въ чины по достоинству, какъ въ Россіи оберъ-афицерскіе дѣти.

При устройствѣ судьбы колонистовъ администрація Новороссійскаго края на первыхъ порахъ не обнаружила склонности руководиться „конвенціями". Согласно желанію самихъ эмигрантовъ, часть ихъ принята была въ военную службу и образовала изъ себя егерскую роту. Къ 21-му октября 1783 года въ послѣдней состояло 56 человѣкъ, а именно: поручикъ 1, прапорщиковъ 2, сержантовъ 3, капраловъ 4 и егерей 46. Въ слѣдующемъ 1784 году еще 71 эмигрантъ пожелали поступить въ военную службу. Остальныхъ италіянскихъ эмигрантовъ, не раздѣляя „по пропорціи" на земледѣльцевъ, солдатъ и „художниковъ", рѣшено было всѣхъ обратить въ колонистовъ-земледѣльцевъ [16]); вопреки „конвенціямъ" былъ даже сдѣланъ опытъ поселенія ихъ не отдѣльною колоніей, а вмѣстѣ съ другими поселенцами, и притомъ иной совершенно чуждой имъ національности, съ порученіемъ наблюденія за ними состоявшему при колоніи русскому офицеру.

---

[16]) Такъ поступила мѣстная администрація вопреки распоряженію Потемкина который приказалъ посадить на землю однихъ хлѣбопашцевъ. См. ниже рапортъ Синельникова Потемкину отъ 6 янв. 1784 г.

Въ 1782 году въ Новороссійскомъ краѣ водворены были особою колоніей Шведы съ острова Даго [17]). Проходя чрезъ Бѣлоруссію, Шведы заразились оспой которая какъ во время пути, такъ и по водвореніи на новыхъ мѣстахъ унесла среди нихъ немало жертвъ. Къ этому присоединились заболѣванія и другими болѣзнями, вызванныя непривычкой переселенцевъ къ новымъ для нихъ климатическимъ условіямъ. Только въ маѣ 1783 года заболѣваемость и смертность приняли нормальные размѣры. Между тѣмъ Шведы совсѣмъ потеряли голову и вопреки здравому смыслу и требованіямъ гигіены искали спасенія въ сплоченности, въ соединеніи нѣсколькихъ семействъ въ одномъ домѣ: „будучи въ такомъ неожиданномъ страхѣ, въ разстроенномъ здоровьѣ", они, „къ лучшему себѣ вспоможенію, помѣстились изъ числа совсѣмъ отстроенныхъ" для нихъ „58 домовъ только въ 19-ти домахъ, полагая будущимъ лѣтомъ раздѣлиться и занять жительствомъ остальные". Но „главная команда" распорядилась иначе: рѣшено было воспользоваться пустыми домами для водворенія въ нихъ „Корсиканцевъ", при чемъ послѣдніе дѣлались совладѣльцами отмежеванной Шведамъ земли [18]). Въ іюнѣ 1783 года поселено было такимъ образомъ въ Шведской колоніи 38 семей Корсиканцевъ въ количествѣ 235 душъ.

Мы знаемъ что̀ за люди были новые иностранные колонисты: въ огромномъ большинствѣ это были бездомные горожане, пролетаріи, люди опустившіеся и неспособные ни къ какой работѣ, тѣмъ болѣе къ земледѣлію, однимъ словомъ, подонки большихъ и приморскихъ городовъ Италіи и побережья Средиземнаго моря.

Зная составъ колонистовъ и не имѣя при этомъ никакихъ другихъ документальныхъ данныхъ, уже не трудно было бы предугадать результаты италіянской колонизаціи на югѣ Россіи: ясно что она не могла дать другихъ результатовъ, кромѣ чисто отрицательныхъ; но мы располагаемъ и фактическимъ матеріаломъ который не оставляетъ никакого сомнѣнія въ справедливости этого вывода.

Не прошло и мѣсяца отъ водворенія Корсиканцевъ въ Шведской колоніи, какъ началось ихъ бѣгство оттуда: уже 25 іюня состоявшій при упомянутой колоніи капитанъ Макаретовъ рапортомъ донесъ Тутолмину что 8 Корсиканцевъ скрылись изъ колоніи. Оставшіеся же въ ней (Корсиканцы) „узнавъ что по желанію ихъ на содержаніе ихъ и на одежду деньгами отпуска не будетъ, вознегодовавъ за то, къ продовольствію принятіемъ провіанта отказались, кромѣ восьми (8) хо-

---

17) См. „Переселеніе Шведовъ съ острова Даго въ Новороссійскій край" (По документамъ Государственнаго Архива). *Русскій Вѣстникъ*, 1899 г., мартъ.

18) Государственный Архивъ: „Доношеніе Ивану Максимовичу Синельникову уполномоченнаго Шведовъ Михеля Альферсона отъ 5 декабря 1783 г.

зяевъ, но и тѣ, получа на полмѣсяца, увидя что не пшеничная, а русская мука, съ крайнимъ презрѣніемъ въ домахъ своихъ безъ употребленія разсыпали. Хотя, по способности нынѣшняго времени къ пріобрѣтенію пользы, выданы имъ были для кошенія сѣна косы, но, ни одинъ въ хозяйство свое не входя, обращались ежедневно въ праздности". 28 іюня ночью опять бѣжало изъ колоніи 6 корсиканскихъ семей въ количествѣ тридцати семи (37) душъ, а 6 іюля ночью же еще 25 семей состоявшихъ изъ ста шестидесяти девяти (169) душъ: въ колоніи такимъ образомъ осталось всего 4 корсиканскихъ семьи или 21 душа.

Бѣглецы, захвативъ съ собой выданные имъ изъ казны инструменты, топоры, желѣзныя лопаты и косы, какъ можно было думать, направились къ Херсону, почему капитанъ Макаретовъ просилъ Херсонское полицейское управленіе и „начальствующаго" въ Херсонской крѣпости полковника Гакса о поимкѣ Корсиканцевъ. Съ своей стороны губернаторъ Тутолминъ предложилъ Новороссійской губернской канцеляріи „сдѣлать неукоснительное о поимкѣ ихъ въ уѣздахъ и городахъ... распоряженіе и объ отправленіи пойманныхъ въ колонію". Точно также и Гаксу было предписано Тутолминымъ, въ случаѣ поимки Корсиканцевъ, „отправить ихъ подъ присмотромъ попрежнему въ колонію" [19]).

Благодаря принятымъ мѣрамъ бѣглецовъ поймали, хотя и не всѣхъ, и снова водворили въ Шведской колоніи. Въ началѣ 1784 года ихъ находилось здѣсь налицо „за умертвіемъ мужеска и женска пола взрослыхъ и малолѣтнихъ сорока" и „за побѣгомъ тридцати семи" сто шестьдесятъ (160) душъ.

Но теперь уже сами Шведы, ссылаясь на „увѣрительные пункты" Потемкина, требовали выселенія отъ нихъ Корсиканцевъ и предоставленія имъ всей отмежеванной къ колоніи земли. Находя претензію Шведовъ обоснованной и справедливой, бригадиръ Синельниковъ съ своей стороны ходатайствовалъ предъ Потемкинымъ объ исполненіи ихъ просьбы. Помимо указанія на законность притязаній Шведовъ, онъ приводилъ и другіе доводы въ пользу выселенія Корсиканцевъ изъ колоніи. Въ своемъ рапортѣ отъ 6 января 1784 года Синельниковъ, между прочимъ, писалъ Потемкину:

Шведскимъ крестьянамъ *льготные годы* положены отъ вашей свѣтлости на четыре года, а *Корсиканцамъ Новороссійская губернская канцелярія опредѣлила на десять лѣтъ*, и слѣдовательно и будетъ тутъ въ одномъ селеніи и за одну землю разновременный сборъ; и необходимо должно будетъ имъ какъ пахотными и не пахотными

---

[19]) Госуд. архивъ: Рапортъ Тутолмина Потемкину отъ 2 іюля 1783 года изъ Полтавы.

землями, сѣнокосами и другими угодіями раздѣлятся, и чрезъ то будутъ выходить споры и безпокойство; а сверхъ того ваша свѣтлость, помѣщая въ оную колонію въ состоявшіе тамъ пустые дома, оставшіеся отъ умершихъ Шведовъ, означенныхъ Корсиканцевъ, приказать мнѣ изволили поселить изъ оныхъ только *земледѣльцевъ, а оныхъ кромѣ четырехъ семей, подающихъ надежду къ земледѣлію, нѣтъ*, и что тѣ Корсиканцы чинили побѣги, то тому причиною было помѣщеніе ихъ въ той земледѣльческой въ степныхъ мѣстахъ колоніи и раздача имъ земледѣльческихъ инструментовъ, ибо *они возрастя и состарившись при городахъ и упражняясь въ разныхъ службахъ, не находили тамъ себѣ работы и потому огорчались тою жизнію;* а при томъ и поселить ихъ въ томъ пограничномъ мѣстѣ сомнительно, поелику оные, сколько ни чинили побѣговъ, то всегда пробирались къ рѣкѣ Бугу и въ Крымъ, ища способа уйти за-границу, и неоднажды предпринимались красть въ Кизи-Керменѣ лодки, а двѣнадцать человѣкъ изъ числа бѣжавшихъ, укравшіе двѣ казенныя лодки, какъ видно, на оныхъ уплыли Днѣпромъ въ море, ибо и понынѣ какъ какъ тѣ лодки, такъ и оные не найдены.

Въ силу этихъ соображеній Синельниковъ испрашивалъ повелѣніе Потемкина объ отосланіи Корсиканцевъ въ Новороссійскую губернскую канцелярію для поселенія въ городѣ Кременчугѣ, гдѣ они по привычкѣ къ городской жизни и знанію ремеслъ могли бы себѣ найти пропитаніе и „помѣститься въ приличное званіе“. Какой отвѣтъ далъ Синельникову Потемкинъ изъ документовъ не видно, но, очевидно, ходатайство его было уважено.

Во всякомъ случаѣ бѣгство колонистовъ не прошло безслѣднымъ для администраціи Новороссійскаго края, и она теперь, повидимому, была не прочь дѣйствовать въ направленіи указываемомъ конвенціями, насколько это оказывалось возможнымъ.

26 января 1784 года Потемкинъ далъ предписаніе Тутолмину „касательно учрежденія порядочнаго житія корсиканскихъ колонистовъ“. „Исполняя насланное“ къ нему „повелѣніе“, Тутолминъ распорядился „самолично отъ каждаго отобрать желаніе, въ какое состояніе кто изъ нихъ поступить хочетъ“? Результаты опроса оказались очень любопытными: изъ 485 человѣкъ 94 (68 мужескаго пола и 26 женскаго) оказались мастеровыми и были водворены въ Кременчугѣ; 181 человѣкъ (125 мужескаго пола и 56 женскаго) заявили желаніе получить паспорты по которымъ они могли бы „вступать въ службу и работу для сисканія пропитанія трудами“, то-есть, и въ Россіи хотѣли остаться тѣми же, какъ были на родинѣ въ Италіи, бездомными пролетаріями: желаніе ихъ было исполнено; наконецъ 210 человѣкъ (130 мужескаго пола и 80 женскаго) выразили готовность „упражняться въ земледѣліи“ [20]).

[20]) Госуд. архивъ: Рапортъ Тутолмина Потемкину отъ 19 апрѣля 1784 года.

Въ маѣ того же 1784 года по распоряженію Тутолмина произведенъ былъ опросъ 206 человѣкъ италіянскихъ колонистовъ временно расположенныхъ въ мѣстечкѣ Станиславѣ близь Херсона (сюда входили и прибывшіе на „Борисоенѣ", но не участвовавшіе въ бунтѣ 180 человѣкъ). На этотъ разъ изъ 206 человѣкъ оказалось только 40 земледѣльцевъ; иные объявили себя „художниками", то-есть, ремесленниками, большинство же изъявило желаніе получить паспорты и пропитывать себя работою, то-есть, опять таки остаться пролетаріями.

Такимъ образомъ составъ эмигрантовъ оказался очень наблагопріятнымъ для земледѣльческой колонизаціи, и соблюсти при поселеніи въ колоніяхъ должную пропорцію между различными ихъ категоріями, какъ требовали „конвенціи", не было возможности; да и среди самихъ колонистовъ большинство предпочитало городскую жизнь жизни въ колоніяхъ. Поэтому правительство рѣшило надѣлить землей лишь тѣхъ которые сами выразили готовность „упражняться въ земледѣліи": таковыхъ оказалось въ общей сложности 84 семьи. Изъ нихъ *была образована отдѣльная колонія въ Павлоградѣ*, „гдѣ по перемѣщеніи уѣзднаго правленія въ Луганку" онѣ могли воспользоваться „не только землею, къ хлѣбопашеству удобною, но и казенными тамъ строеніями", а также „еще не отдѣланною церковію"; *во главѣ колоніи былъ поставленъ офицеръ ихъ національности, указанный въ „конвенціяхъ" поручикъ Паччіола.* Кромѣ него при колоніи назначены были состоять: священникъ, подлекарь и подлекарскій ученикъ. Всѣмъ имъ было назначено жалованіе отъ казны: поручику Паччіолѣ 120 р., священнику и подлекарю по 100 р., а подлекарскому ученику 24 р. въ годъ. На уплату жалованія этимъ должностнымъ лицамъ по 1 января 1785 года и на обзаведеніе Корсиканцевъ „экономіей" Азовская губернская канцелярія отпустила денегъ 2.221 р. Послѣ уничтоженія Азовской канцеляріи попеченіе о колонистахъ перешло къ Екатеринославской казенной палатѣ которая должна была позаботиться о снабженіи ихъ сѣменами для посѣва и скотомъ, а также продовольствіемъ по 1 сентября 1785 года, то-есть, до полученія перваго урожая.

За неимѣніемъ данныхъ мы не можемъ прослѣдить дальнѣйшую исторію этой колоніи, намъ извѣстно только что, не смотря на всѣ заботы, и это поселеніе въ качествѣ италіянской земледѣльческой колонію не уцѣлѣло, и поселенцы разсѣялись безслѣдно.

Такъ плачевно кончилась задуманная колонизація юга Россіи Италіянцами стоившая усилій и трудовъ многихъ лицъ, большихъ расходовъ деньгами и даже жертвъ людьми.

Г. Писаревскій.

СМѢСЬ.

Фотографическій юбилей. Въ текущемъ году исполняется шестидесятилѣтіе того знаменательнаго дня, когда въ 1841 году въ Англіи была выдана привилегія на *калотипію*, почему этотъ годъ можетъ быть совершенно справедливо наименованъ годомъ рожденія *фотографіи*.

Три страны спорятъ между собою о чести быть родиною изобрѣтателя фотографіи. Французы и Англичане давно уже заявляли свои притязанія. Нѣмцы заявили свои права на эту честь сравнительно позднѣе, однако они утверждаютъ что фотографія изобрѣтена именно въ Германіи еще въ концѣ восемнадцатаго столѣтія. Кто же изъ нихъ правъ?

Уже древнимъ было извѣстно что киноварь темнѣетъ подъ вліяніемъ свѣта и воздуха, однако никто не додумался до возможности воспользоваться этимъ свойствомъ ея для воспроизведенія изображеній. Въ 1727 году докторъ Шульце въ Галле, производя опыты, совершенно случайно открылъ что если лить растворъ адскаго камня на мѣлъ, то послѣдній, будучи выставленъ на свѣтъ, дѣлается чернымъ. Онъ вырѣзалъ нѣсколько шаблоновъ изъ свѣтонепроницаемой бумаги, покрылъ ими мѣлъ облитый растворомъ адскаго камня и подвергъ ихъ дѣйствію солнечныхъ лучей. При этомъ онъ замѣтилъ что вырѣзанныя мѣста почернѣли отъ вліянія свѣта, а остальныя остались свѣтлыми. Такимъ образомъ одновременно не только была открыта свѣточувствительность серебряныхъ солей, но и примѣнена къ воспроизведенію изображеній. По этой то причинѣ Нѣмцы заявляютъ свои притязанія на честь открытія фотографіи. Ученые того времени стали изучать свѣточувствительность разныхъ веществъ, однако при всѣхъ опытахъ производившихся ими оставался крупный недостатокъ въ печатаніи по способу Шульце состоявшій въ томъ что свѣтлыя мѣста воспроизведенныхъ изображеній впослѣдствіи темнѣли и сплывались съ темными.

Указанный недостатокъ былъ устраненъ совершенно неожиданно и случайно. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія изобрѣтатель литографіи Зеннефельдеръ распространявшій свое изобрѣтеніе въ Германіи пытался ввести его и во Франціи, хотя старанія его и не увѣнчались тамъ большимъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе мысль Зеннефельдера пора-

зила молодаго Француза Никифора Нипса, и онъ сталъ производить опыты въ его духѣ. Послѣ того какъ онъ тщетно пытался вытравлять посредствомъ кислотъ камни облитые лакомъ для полученія литографскихъ плитъ, Нипсъ сталъ примѣнять для этого мѣдныя доски. При этомъ онъ замѣтилъ что его лакъ содержавшій значительное количество асфальта требовалъ для растворенія болѣе сильный спиртъ въ тѣхъ случаяхъ когда подвергался вліянію свѣта. Вслѣдствіе сдѣланнаго имъ открытія онъ сталъ покрывать лакомъ свои мѣдныя доски, накладывалъ на нихъ рисунки и узоры и подвергалъ дѣйствію солнечныхъ лучей. На мѣстѣ линій и тѣней асфальтовый лакъ растворялся и могъ быть легко удаленъ, и на этихъ мѣстахъ мѣдь подвергалась окисленію, тогда какъ лакъ оставался нерастворимымъ на свѣтлыхъ мѣстахъ рисунковъ, вслѣдствіе чего кислоты не дѣйствовали на находящуюся подъ ними поверхность мѣдной доски.

Трудно точно опредѣлить дѣлалъ ли Нипсъ попытки получать изображенія въ фотографической камерѣ, однако ему неоспоримо принадлежитъ заслуга открытія способа фотографическаго печатанія, который съ нѣкоторыми измѣненіями и усовершенствованіями существуетъ до настоящаго времени.

Дагэръ случайно познакомился съ Нипсомъ и, такъ какъ оба преслѣдовали одинаковыя цѣли, стали работать вмѣстѣ. При своихъ опытахъ Дагэръ еще раньше замѣтилъ что серебряныя пластинки подвергнутыя дѣйствію іодистыхъ паровъ измѣняются на свѣту и на основаніи этого посовѣтовалъ Нипсу принять іодистое серебро въ основаніе способа печатанія, причемъ онъ впервые наименовалъ подобныя пластинки свѣточувствительными. Дальнѣйшіе опыты Дагэра производившіеся въ камерѣ дали ему возможность получить изображенія внѣшняго міра, причемъ какъ сами изображенія, такъ и всѣ тѣни получались въ обратномъ видѣ, то-есть, то что̀ теперь извѣстно подъ названіемъ *негативы*. Однажды Дагэръ поставилъ подобныя пластинки, на которыхъ еще не появлялись изображенія, въ темный шкафъ. Когда спустя нѣкоторое время онъ вынулъ ихъ для производства дальнѣйшихъ опытовъ, то съ удивленіемъ обнаружилъ что на нихъ появились изображенія съ правильнымъ распредѣленіемъ тѣней. Это была совершенная случайность, какими такъ богата исторія всѣхъ открытій и изобрѣтеній.

Дагэръ пораженный случившимся сталъ доискиваться причины этого факта и пришелъ къ заключенію что на эту метаморфозу повліяло небольшое количество ртути помѣщавшейся въ шкафу, на которое онъ не обратилъ раньше вниманія. Оказалось что пары ртути воздѣйствовали на тѣ именно части серебряной пластинки, которыя ранѣе подверглись дѣйствію солнечныхъ лучей, и такимъ образомъ воспроизвели изображеніе бывшее до того невидимымъ.

14 іюля 1839 года Дагэръ продалъ свое изобрѣтеніе французскому правительству за пожизненную ренту въ 6 тысячъ франковъ. Такимъ образомъ притязанія Французовъ на славу открытія фотографіи основываются на замѣчательныхъ открытіяхъ Дагэра и Нипса. Дагеротипы имѣли блестящій успѣхъ не только во Франціи, но и по всему свѣту и цѣны на нихъ, особенно въ первое время, достигли басно-

словныхъ цифръ. Однако они имѣли тотъ громадный недостатокъ устраненный современной фотографіей что не могли быть умножаемы съ одного и того же оригинала.

Почти одновременно съ Дагэромъ и Нипсомъ Фоксъ Тальботъ работалъ надъ тѣмъ же въ Англіи. Ему удалось получить очень свѣточувствительную бумагу пропитанную серебряными солями отъ прибавленія къ растворамъ Галловой кислоты. Тальботъ сталъ получать изображенія въ фотографической камерѣ еще раньше чѣмъ способъ Дагэра получилъ права гражданства. Обрадованный успѣхомъ, онъ сталъ производить дальнѣйшіе опыты въ этомъ направленіи увѣнчавшіеся также успѣхами. Спустя нѣкоторое время ему уже посчастливилось вызывать видимыя изображенія на изобрѣтенной имъ бумагѣ при посредствѣ вліянія Галловой кислоты на адскій камень, причемъ они фиксировались при помощи іодистыхъ и бромистыхъ растворовъ. Изобрѣтеніе Фокса Тальбота очень важно въ томъ отношеніи что онъ впервые получилъ негативъ такого рода съ котораго можно было снять безчисленное количество копій, чего не удалось достигнуть ни Дагэру, ни Нипсу.

Такимъ образомъ Фоксъ Тальботъ можетъ быть совершенно справедливо названъ отцомъ современнаго негативнаго процесса. 14-го февраля 1841 года, то-есть, шестьдесятъ лѣтъ назадъ, Тальботъ получилъ патентъ на изобрѣтенную имъ калотипію; этотъ день и долженъ быть признаваемъ днемъ рожденія современной фотографіи. По способу Тальбота были сняты портреты всѣхъ выдающихся англійскихъ ученыхъ извѣстнымъ въ свое время художникомъ Гилемъ и даже и теперь гилевскіе портреты признаются замѣчательными образцами фотографическаго искусства.

Впослѣдствіи свѣточувствительная бумага изобрѣтенная Фоксомъ Тальботомъ была съ успѣхомъ замѣнена стеклянною пластинкой, свѣточувствительныя соли соединены съ колодіемъ и въ концѣ концовъ получились, благодаря дальнѣйшимъ опытамъ и усовершенствованіямъ, современныя бромо-желатинныя пластинки самой высокой чувствительности.

Благодарное потомство воздвигло памятникъ Нипсу и Дагэру въ городѣ Шалонѣ на Марнѣ, на главной городской площади, а въ память столѣтней годовщины Фокса Тальбота 11-го февраля 1900 года возобновлена каѳедра въ церкви Jacock-Church въ Англіи гдѣ онъ родился.

Судоходство между Венеціей и Миланомъ. Мѣстность расположенная непосредственно за венеціанскими лагунами пересѣчена безчисленнымъ множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и каналовъ. Надъ устройствомъ этихъ водяныхъ сообщеній туземные жители работали болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, и первыя работы по проведенію каналовъ и приспособленію рѣкъ для судоходства приписываются Пеласгамъ. По преданію они первые обратили вниманіе на водные пути въ долинѣ рѣки По. Карты составленныя еще во время австрійскаго владычества въ Ломбардіи исполнены настолько хорошо въ гидрографическомъ, тригонометрическомъ и военномъ отношеніяхъ что онѣ лучше современныхъ картъ италіянскаго генеральнаго штаба даютъ ясное представленіе

о всѣхъ водныхъ путяхъ и развѣтвленіяхъ каналовъ и выставляютъ на видъ значеніе всей водной системы долины рѣки По и ея притоковъ.

Тысячи лодокъ, барокъ и иныхъ судовъ оживляли водный путь между Венеціей и Падуей, переѣздъ между которыми во времена Петрарки совершался въ 7 или 8 часовъ.

Изъ Піаченца суда направлялись въ Павію гдѣ уже въ 1518 году былъ каналъ оборудованный сначала для полей орошенія; онъ впослѣдствіи былъ продолженъ до самаго Милана при императрицѣ Маріи-Терезіи. Однако онъ не былъ оконченъ при этой императрицѣ, преемники же не придавали должнаго значенія этому искусственному водному пути, и только Наполеонъ I, признавая значеніе канала, 25 іюня 1805 годъ издалъ декретъ гласившій слѣдующее: „Каналъ между Миланомъ и Павіей долженъ быть сдѣланъ судоходнымъ. Представить мнѣ къ 1 октября проектъ объ исполненіи моего распоряженія. Постройка канала должна быть закончена въ восьмилѣтній срокъ“.

Однако каналъ былъ окончательно готовъ только въ 1819 году. Впрочемъ разными окольными путями, то водою, то волокомъ, суда небольшаго размѣра приходили изъ рѣки По въ Миланъ еще въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія. Плаваніе происходило слѣдующимъ образомъ. Суда поднимались вверхъ по Тичино до Берегуардо, тамъ ихъ поднимали и прослѣдовавъ нѣкоторое время волокомъ они вступали въ каналъ и пройдя по немъ одиннадцать шлюзовъ достигали Абіатегроссо, откуда шли уже свободно въ Навильогранде соединявшій Миланъ съ лаго Маджіоре еще въ XIII столѣтіи. По этому пути слѣдовали глыбы карарскаго мрамора изъ которыхъ состоятъ великолѣпныя скульптурныя украшенія миланскаго собора и павійской церкви Чертоза.

Совершенно понятно что въ послѣднее время снова обратили должное вниманіе на эти полузабытые водные пути между Миланомъ и Венеціей, и въ настоящее время италіянское правительство прилагаетъ все свое стараніе чтобы снова придать имъ такое же значеніе какимъ они пользовались раньше. Первыя попытки на этомъ пути были сдѣланы уже въ 1857 году, во времена австрійскаго владычества, состоявшія въ томъ что извѣстное пароходное общество „Австрійскій Ллойдъ“ учредило правильные пароходные рейсы между главнѣйшими рѣчными портами водной системы рѣки По. Однако это полезное предпріятіе вскорѣ рушилось вслѣдствіе наступившихъ политическихъ событій и не возобновлялось до послѣдняго времени. Теперь вопросъ возбужденъ снова. Недавно основалась пароходная компанія для эксплоатаціи судоходства по рѣкѣ По и въ видѣ перваго опыта пріобрѣла въ Цюрихѣ буксирный пароходъ который будетъ буксировать суда по старинному водному пути между Венеціей и Миланомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ перевозить пасажировъ.

Мода на шляпы и форма крышъ. Относительно возникновенія той или другой моды всегда существовало мнѣніе что ее можно приписать лишь случаю или, вѣрнѣе, капризу какого-нибудь лица. Теперь одинъ досужій Нѣмецъ, основываясь на произведенныхъ имъ наблюденіяхъ, утверждаетъ что въ большинствѣ случаевъ мода подчиняется, подобно всему въ мірѣ, нѣкоторымъ законамъ которые конечно опредѣлить довольно трудно, но несомнѣнно они всетаки существуютъ.

Теорія эта доказывается очень любопытнымъ образомъ. По словамъ ученаго Нѣмца вполнѣ доказано что форма и фасонъ шляпъ извѣстной эпохи соотвѣтствуютъ формѣ крышъ на жилищахъ туземцевъ существовавшихъ въ ту же эпоху. Человѣкъ накрываетъ свою голову и крышу своего жилища совершенно одинаковымъ образомъ.

Богъ Меркурій, самое древнее лицо изображавшееся въ головномъ уборѣ, изображается въ круглой шляпѣ или шапочкѣ съ краями защищающими лицо. Это типичная нормальная шляпа миѳическихъ временъ соотвѣтствующая крышамъ жилищъ древнихъ. Дикіе народы не носятъ головныхъ уборовъ, и крыши ихъ жилищъ болѣе примитивной формы. Они не дѣлаютъ полей для защиты лица у своихъ шляпъ или шапокъ. Крыши ихъ жилищъ просто на просто состоятъ изъ снопа соломы, тростника или камыша, имѣютъ конусовидную форму, а головные уборы ихъ тоже соломенные или сдѣланы изъ травъ и похожи на крыши ихъ хижинъ.

Корейскій король носитъ шляпу съ удлиненными и загнутыми къ верху полями. Она довольно обширнаго размѣра и имѣетъ видъ крыши кіоска. Сравнивая крыши нѣкоторыхъ выдающихся вычурностью и оригинальностью зданій въ Кореѣ, мы невольно придемъ къ заключенію что существуетъ прямое отношеніе между формой шляпы корейскаго монарха и формой крышъ въ его государствѣ.

Средневѣковыя дамы прикрывали свою голову высокими остроконечными головными уборами изъ дорогихъ кружевъ и шелковыхъ матерій въ видѣ башни и онѣ на самомъ дѣлѣ жили въ замкахъ съ островерхими башнями. Италіянки носятъ головной уборъ состоящій изъ четыреугольника который плотно прилегаетъ къ волосамъ. Эти уборы соотвѣтствуютъ плоскимъ терасамъ ихъ жилищъ. Мрачный Испанецъ носитъ отвратительную шляпу совершенно закрывающую ему глаза, которая производитъ такое же впечатлѣніе какъ мрачные испанскіе дома большинства городовъ. Турки щеголяютъ громадными чалмами, точнымъ воспроизведеніемъ куполовъ ихъ мечетей. Чѣмъ обширнѣе ученость правовѣрнаго магометанина, тѣмъ большихъ размѣровъ его чалма.

Современные намъ европейцы живущіе среди чудесъ техники и промышленности не переняли для своихъ шляпъ форму обитаемыхъ ими домовъ, но совершенно безсознательно стали носить шляпы имѣющія прямое отношеніе къ духу времени. Какъ извѣстно, большая часть мущинъ считаетъ первою необходимостью имѣть шляпу извѣстную подъ именемъ *цилиндра*. Что же такое цилиндръ? Цилиндръ точное воспроизведеніе фабричной трубы. Фабрики, промышленность и изобрѣтенія примѣненныя техникой ознаменовали конецъ девятнадцатаго и начала двадцатаго столѣтій, и человѣкъ остался вѣренъ въ этомъ отношеніи самому себѣ и слѣдуетъ тѣмъ необъяснимымъ законамъ о которыхъ было упомянуто выше.

Наполеонъ I въ Зеландіи въ 1810 году. По поводу празднествъ бывшихъ недавно въ Голандіи по случаю бракосочетанія королевы Вильгельмины журналъ *Nederland* въ послѣдней своей книжкѣ вспоминаетъ о торжествахъ 1810 года въ Зеландіи во время пребыванія тамъ Наполеона I вскорѣ послѣ его бракосочетанія съ Маріей-Луизой. Эта провинція присоединенная къ Франціи декретомъ 26 апрѣля

1810 года составляла часть департамента Двухъ Нетъ, и во главѣ ея находился вице-префектъ дю-Бошъ съ резиденціей въ Мидельбургѣ.

Когда въ Зеландіи стало извѣстно о пріѣздѣ императорской четы, вице-префектъ предложилъ муниципалитету принять мѣры для торжественной встрѣчи монарховъ. Городской совѣтъ рѣшилъ устроить большую илюминацію, портикъ на Дамскомъ мосту и тріумфальную арку на рѣкѣ Дамъ. Кромѣ того, предложено было убрать матеріями и коврами Рыночную площадь и освѣтить блестящимъ образомъ башни древняго абатства. Составленъ былъ списокъ имѣвшихся въ наличности экипажей и домовъ для помѣщенія высокихъ гостей и ихъ многочисленной свиты. По требованію вице-префекта нѣсколько дѣтей въ возрастѣ отъ восьми до десяти лѣтъ должны были бросать цвѣты передъ императорскою четой при въѣздѣ ея въ городъ. Для этой цѣли городскимъ совѣтомъ были назначены дѣти аристократическихъ фамилій проживавшихъ въ то время въ Мидельбургѣ.

9 мая въ половинѣ седьмаго часа вечера въ городъ при колокольномъ звонѣ и грохотѣ барабановъ прибыла императрица. Въ семь часовъ прибылъ и императоръ съ небольшою свитой верхомъ по дорогѣ изъ Флиссингена. Навстрѣчу ему вышелъ бургомистръ Шореръ съ отрядомъ гражданской гвардіи. Этотъ сановникъ въ нѣсколькихъ словахъ сказалъ императору привѣтствіе по поводу посѣщенія имъ города и пожелалъ благополучія и добраго здоровья. Затѣмъ онъ поднесъ императору ключи города, но Наполеонъ отказался принять ихъ и съ гнѣвомъ сталъ напоминать ему о томъ что въ прошломъ году городское управленіе точно также поднесло ключи Англичанамъ и распорядилось освѣтить башни абатства. Не дождавшись отвѣта сконфуженнаго бургомистра императоръ поскакалъ въ городъ, предшествуемый генераломъ Жили.

Муниципальный совѣтъ бывшій свидѣтелемъ обращенія Наполеона съ бургомистромъ, убѣжденный въ томъ что императоръ не былъ хорошо освѣдомленъ относительно капитуляціи Мидельбурга Англичанамъ, рѣшилъ доложить ему объ этомъ дѣлѣ. На слѣдующій день муниципальный совѣтъ испросилъ себѣ аудіенцію которая была назначена въ 10 часовъ утра. Бургомистръ обратился къ императору, который, повидимому, уже забылъ о вчерашнемъ случаѣ и разспрашивалъ его о нуждахъ Зеландіи, со словами: „моя участь въ вашихъ рукахъ, государь, но я долженъ объяснить вамъ откровенно положеніе дѣлъ. Правда, Голандцы не любятъ Французовъ, но они еще меньше любятъ Англичанъ. Они любятъ только свою родину и всегда будутъ вѣрны тому государю который ими управляетъ. Этими принципами они обязаны своей вѣрѣ.“ Рѣчь откровеннаго бургомистра произвела сильное впечатлѣніе на Наполеона, какъ передавалъ впослѣдствіи Дюрокъ присутствовавшій при пріемѣ муниципалитета. Уѣзжая изъ Мидельбурга императоръ выразилъ бургомистру свое удовольствіе и благодарилъ за пріемъ оказанный ему и императрицѣ муниципалитетомъ и горожанами.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русское сельское хозяйство.

Петръ Лохтинъ. Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги къ XX вѣку. С.-Петербургъ, 1901.

Уже много лѣтъ русское сельское хозяйство переживаетъ тяжелый кризисъ вызываемый паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ и другія его произведенія. Въ свою очередь это паденіе цѣнъ обусловливается усиленнымъ соперничествомъ съ нами заокеанскихъ странъ. Время когда Россія была чуть ли не единственною житницей Европы давно уже миновало. На міровомъ рынкѣ въ роли крупныхъ поставщиковъ хлѣба выступили Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Египетъ, Остъ-Индія, Урагвай, Аргентинская республика и другія страны. Невольно является вопросъ: испытываютъ ли и онѣ паденіе цѣнъ на сельскохозяйственныя произведенія? Отражается ли оно и на нихъ съ такою же силою какъ на насъ?

Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ приходится дать вполнѣ отрицательный отвѣтъ. Прежде всего урожаи хлѣбовъ въ различныхъ странахъ далеко не одинаковы. Средній сборъ всѣхъ важнѣйшихъ хлѣбовъ съ 1 десятины въ различныхъ странахъ выражается слѣдующими цифрами: въ Бельгіи 128,5 пуд., въ Великобританіи 123,4, въ Японіи 115,7, въ Голандіи 113,7 и въ Даніи 110,6 пуд. Если отъ старыхъ земледѣльческихъ странъ съ высокоразвитою сельскохозяйственною промышленностью мы перейдемъ къ странамъ новымъ, только еще выступающимъ на всемірное поприще, то увидимъ и здѣсь довольно высокую урожайность. Въ Аргентинѣ съ 1 десятины собирается 88,6 пуд., въ Канадѣ 87,1, въ Соединенныхъ Штатахъ 83,2, въ Урагваѣ 75,8 пудовъ. Меньшею урожайностью отличаются государства Балканскаго полуострова и прилежащихъ къ нему странъ. Въ Венгріи собирается по 83,1 пуда съ десятины, въ Румыніи 64,2 п.,

въ Болгаріи 57,6 п. и въ Сербіи 50,2 пуда. Между тѣмъ въ Европейской Россіи средній сборъ хлѣбовъ съ одной десятины равняется только 38,8 п. Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ г. Лохтинъ дѣлаетъ слѣдующій неутѣшительный выводъ:

нѣтъ ни одного государства въ свѣтѣ въ которомъ сборъ хлѣба съ единицы площади былъ бы меньше чѣмъ въ Россіи, или другими словами, въ которомъ землепашество велось бы хуже чѣмъ въ Россіи.

Въ дѣйствительности положеніе нашего земледѣлія значительно хуже чѣмъ оно рисуется приведенными статистическими данными. Ни въ одной странѣ не остается такое количество земли подъ паромъ какъ у насъ, нигдѣ не тратится непроизводительно такого количества зерна какъ въ Россіи.

Чѣмъ же, однако, объясняется такое печальное положеніе вещей? Нашимъ суровымъ континентальнымъ климатомъ вызывающимъ частыя засухи? Но климатъ мѣняется медленно, а наше земледѣліе идетъ къ упадку съ поразительною быстротой.

Люди не желающіе серіозно вдумываться въ этотъ серіозный вопросъ стараются увѣрить что все зло происходитъ отъ плохой постановки у насъ начальнаго образованія, отъ недостатка школъ. Но приведенныя статистическія данныя вовсе не подтверждаютъ этого вывода. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ Болгаріи только двадцать пять лѣтъ назадъ освобожденной отъ турецкаго ига школьное дѣло поставлено лучше чѣмъ у насъ? Конечно, нѣтъ. А тамъ урожайность въ полтора раза превосходитъ нашу. На плохую постановку народнаго образованія ни въ какомъ случаѣ не можетъ пожаловаться Германія гордящаяся тѣмъ что „подъ Седаномъ побѣдилъ школьный учитель", а по урожайности она уступаетъ мѣсто Японіи, Британской Индіи, Урагваю, Греціи и многимъ другимъ странамъ которыя высотою народнаго образованія похвалиться ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Итакъ, увѣреніе что съ увеличеніемъ количества школъ улучшится наше земледѣліе является очень мало убѣдительнымъ.

Но въ чемъ же таится причина печальнаго положенія нашей земледѣльческой промышленности?

Г. Лохтинъ видитъ ее въ истощеніи нашихъ полей.

Почва нашихъ полей, говоритъ онъ, являетъ несомнѣнные признаки истощенія, такъ какъ она и въ благопріятные по метереологическимъ условіямъ годы даетъ слабые урожаи и неурожаи являются слѣдствіемъ этого истощенія.

Далѣе онъ продолжаетъ:

Богатая почва, требуя значительно меньше воды для снабженія растенія пищею, не столь чувствительна къ случайнымъ уменьше-

ніямъ количества осадковъ какъ почва бѣдная; для первой достаточно минимальнаго количества воды требующейся вообще для роста растенія; для второй требуется максимальное ея количество.

Въ этомъ объясненіи, по мнѣнію автора, и заключается ключъ къ разгадкѣ вліянія русскихъ засухъ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ много довольно серіозныхъ соображеній. Прежде всего онъ указываетъ на отсутствіе существенныхъ различій въ климатическихъ условіяхъ между Россіей и сосѣдними съ нею странами, гдѣ земледѣльческая промышленность находится въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Частые неурожаи, низкіе урожаи въ благопріятнѣйшіе по атмосфернымъ условіямъ годы; гибель значительнаго количества сѣменъ; сносные урожаи у частныхъ владѣльцевъ въ неурожайные годы; сокращеніе площади посѣвовъ растеній болѣе требовательныхъ къ почвѣ и увеличеніе площади посѣвовъ растеній менѣе требовательныхъ, все это приводитъ г. Лохтина къ выводу что

русскія поля представляютъ несомнѣнные признаки сильнаго истощенія цѣнными питательными веществами почвы, и неурожаи представляютъ слѣдствіе (и вмѣстѣ признакъ) этого истощенія.

Въ этомъ истощеніи русскихъ полей нѣтъ ничего неожиданнаго: изъ года въ годъ мы отправляемъ за границу огромное количество своего хлѣба, а вмѣстѣ съ тѣмъ и питательныхъ частей нашей почвы. Въ этомъ не было бы еще большой бѣды, еслибы мы имѣли возможность тѣмъ или инымъ путемъ пополнять образующійся недостатокъ. Но въ томъ то и бѣда что этой возможности у насъ нѣтъ. Искусственныхъ удобреній мы почти не употребляемъ, а наше скотоводство падаетъ съ каждымъ годомъ.

Въ концѣ концовъ г. Лохтинъ приходитъ къ выводу что главною причиной печальнаго положенія русскаго крестьянскаго хозяйства является существованіе общиннаго землевладѣнія которое служитъ препятствіемъ для какихъ бы то ни было хозяйственныхъ улучшеній. Взглядъ совершенно справедливый.

Частновладѣльческія хозяйства у насъ поставлены несравненно лучше крестьянскихъ. Но и въ нихъ улучшенія идутъ слишкомъ медленно. Авторъ пытается указать на нѣкоторыя изъ причинъ этого явленія и говоритъ:

...группа частныхъ владѣльцевъ у насъ немногочисленна и почти полностью занята службой правительственною или общественною дающею и матеріальное обезпеченіе. Для большинства нашихъ землевладѣльцевъ сельское хозяйство не составляетъ главнаго или единственнаго средства для существованія какъ, напримѣръ, для нѣмецкихъ помѣщиковъ или американскихъ фермеровъ; у нихъ нѣтъ ни

времени, ни необходимости заниматься этимъ хозяйствомъ, какъ говорится, вплотную. Къ тому же при крайней бѣдности главной массы населенія Россіи, вопросъ о сбытѣ лишнихъ количествъ хлѣба, скота всякаго и особенно откормленнаго, масла, сыра и т. д. представляетъ не малую долю безнадежности еще болѣе усугубляемой дороговизною провозовъ и неудобствами путей сообщенія. Наконецъ, слѣдуетъ указать, съ одной стороны, на дороговизну оборотныхъ средствъ, денегъ, а съ другой на высокую цѣну аренды за землю. При экстенсивномъ хозяйствѣ и общинныхъ порядкахъ увеличеніе земельной площади для крестьянъ единственный путь для увеличенія ихъ хлѣбной доли; поэтому въ сдачѣ земли въ аренду (или исполу) владѣльцы имѣютъ обезпеченный и достаточный доходъ.

Въ этихъ словахъ есть извѣстная доля правды, есть и преувеличеніе, но въ общемъ они далеко не исчерпываютъ сущности дѣла. Англійскія землевладѣльцы въ веденіи хозяйства принимаютъ несравненно меньше участія чѣмъ Русскіе; система арендъ тамъ получила гораздо большее развитіе, а между тѣмъ Великобританія въ хозяйственномъ отношеніи находится на недосягаемой для насъ высотѣ, хотя въ этой странѣ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній несравненно меньше чѣмъ у насъ.

Ошибочно думать что общинное землевладѣніе тормозитъ только развитіе крестьянскихъ хозяйствъ. Нѣтъ, оно косвенно сказывается на хозяйствахъ частновладѣльческихъ, сковывая свободу крестьянъ, заставляя ихъ и на арендованныхъ земляхъ держаться своихъ отжившихъ пріемовъ. Наконецъ, всякое хозяйственное улучшеніе встрѣчаетъ у насъ крупныя преграды въ доровизнѣ металовъ; сбытъ хозяйственныхъ продуктовъ тормозится ужаснымъ бездорожьемъ. Если бы хотя половину тѣхъ средствъ которыя мы тратимъ на насажденіе обработывающей и горной промышленности мы истратили на нужды промышленности земледѣльческой, то Россія, вѣроятно, и до сихъ поръ не перестала бы быть житницей Европы.

Золотопромышленность.

Золотопромышленность въ Баргузинскомъ округѣ и ея нужды. Очеркъ Я. Д. Фризеръ. Москва. 1901.

Когда въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ раздаются жалобы на истощеніе почвы, это не значитъ что земля потеряла способность производить хлѣбъ, а означаетъ только что безъ удобренія вести хозяйство дальше нельзя. Также условно должны мы принимать и жалобы нашихъ золотопромышленниковъ на упадокъ золотаго промысла.

Горный инженеръ И. С. Боголюбскій считающійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ золотопромышленнаго дѣла высказалъ мнѣніе что золотыя богатства Сибири еще только что затронуты, но не исчерпаны, и что въ горахъ, долинахъ и рѣкахъ Сибири лежатъ неистощимые запасы золота которыми воспользуется потомство. Также смотритъ на дѣло и авторъ разсматриваемой книги.

Но при существующихъ условіяхъ разработки золотыхъ промысловъ мы можемъ пользоваться только золотомъ лежащимъ близко къ поверхности земли и притомъ только песками со сравнительно значительнымъ его содержаніемъ. Въ Австраліи находятъ выгоднымъ разработывать пески съ содержаніемъ золота $1^3/_4$ доли на 100 пудовъ, а между тѣмъ

пески съ содержаніемъ отъ 5 до 15 долей золота встрѣчаются въ Баргузинскомъ округѣ повсемѣстно: на горахъ, въ увалахъ, въ долинахъ, руслахъ рѣкъ и рѣчекъ на всякой глубинѣ, при чемъ такое содержаніе золота обнаруживается при опробованіи на допотопныхъ лоткахъ, вашгертахъ и бутарахъ мѣстнаго издѣлія; но до сихъ поръ работались только *верхнія,* такъ сказать, розсыпи залегающія на глубинѣ 50—60 четвертей или, какъ на среднемъ Витимѣ, совершенно выходящія на поверхность земли.

Для разработки богатыхъ коренныхъ мѣсторожденій золота дѣлается также очень мало. Нагляднымъ примѣромъ отсталости нашей золотопромышленности можетъ служить разработка золотыхъ розсыпей расположенныхъ по русламъ рѣкъ. У насъ для такой цѣли употребляется отведеніе рѣкъ въ сторону, а въ Австраліи землечерпательныя машины (драги): у насъ оказывается возможнымъ разработывать подобные пески только тогда когда въ нихъ содержится не менѣе одного золотника золота, а въ Австраліи драгами работаются, какъ мы уже сказали, пески съ содержаніемъ въ пятьдесятъ разъ меньшимъ.

Современное печальное положеніе нашей золотопромышленности объясняется отсутствіемъ въ ней знаній и капиталовъ. Для поднятія ея г. Фризеръ рекомендуетъ слѣдующія мѣры: организацію различныхъ формъ дешеваго и общедоступнаго кредита; улучшеніе быта пріисковыхъ рабочихъ и служащихъ вообще и въ частности введенія для нихъ страхованія; скорѣйшее введеніе на пріискахъ казенной винной монополіи; освобожденіе золотаго промысла на казенныхъ земляхъ отъ всякихъ налоговъ съ переложеніемъ ихъ на чистую прибыль получаемую предпринимателями; освобожденіе золотопромышленниковъ отъ сборовъ за пользованіе лѣснымъ матеріаломъ; измѣненіе существующихъ правилъ о порядкѣ поисковъ, заявокъ и отводовъ золотоносныхъ площадей, и, наконецъ, допущеніе свободнаго обращенія добываемаго на пріискахъ золота.

Интереснѣе всего то что авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился о необходимости устройства технических школъ для подготовки служащихъ по золотому дѣлу. Неужели они не нужны? Неужели мы до безконечности можемъ обходиться самоучками? Неужели одного улучшенія содержанія и введенія страхованія достаточно чтобы измѣнить составъ этихъ служащихъ? А объ этомъ слѣдовало бы позаботиться прежде всего. На предложенныхъ г. Фризеромъ мѣрахъ для поднятія золотопромышленности мы останавливаться не будемъ, такъ какъ о значеніи ихъ не разъ уже говорилось на страницахъ *Русскаго Вѣстника*.

Консульскія донесенія.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ четвертый. Выпускъ II, 1901. С.-Петербургъ. 1901.

Послѣднія событія привлекли усиленное вниманіе русскаго общества къ университетскому вопросу, а потому въ *Сборникѣ* нельзя не остановиться прежде всего на замѣткѣ о малоизвѣстныхъ у насъ шведскихъ университетахъ, принадлежащей перу нашего бывшаго генеральнаго консула въ Стокгольмѣ, г. Арсеньева.

Въ Швеціи при пятимиліонномъ населеніи имѣются два университета: Упсальскій и Лундскій. Оба они основаны очень давно: первый въ 1477 году, а второй въ 1666 году. По университетскимъ уставамъ XVII вѣка всѣ лекціи должны были обязательно читаться на латинскомъ языкѣ и на немъ же писались и всѣ диссертаціи. Требованіе это вновь было подтверждено въ 1781 году, но съ начала XIX вѣка на практикѣ стали допускаться отступленія. Прежде всего было разрѣшено произносить на шведскомъ языкѣ актовыя рѣчи въ присутствіи короля или членовъ королевскаго дома. Затѣмъ послѣдовало разрѣшеніе писать на шведскомъ языкѣ и диссертаціи, однако, не иначе какъ съ соизволенія короля въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. По уставу 1852 года лекціи въ университетахъ стали читаться на шведскомъ языкѣ, латинскій же языкъ остался обязательнымъ лишь для диссертацій по богословію и древнимъ языкамъ. Вмѣстѣ съ паденіемъ изученія латинскаго языка замѣчается и измѣненіе въ характерѣ шведскихъ университетовъ которые теряютъ свой первоначальный научный характеръ и обращаются въ практическія профессіональныя школы.

Одною изъ характерныхъ особенностей шведскихъ университетовъ является отсутствіе платы за слушаніе лекцій, берутся деньги лишь

за практическія занятія, напримѣръ, въ лабораторіяхъ сообразно стоимости издержанныхъ матеріаловъ. За запись въ число студентовъ взимается единовременно 12 кронъ 25 эре.

Не смотря на то, говоритъ г. Арсеньевъ, что посѣщеніе лекцій безплатно, что расходы на иммагрикуляцію, на экзамены и на обязательный взносъ въ корпорацію ничтожны, шведскіе студенты, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, могутъ существовать безбѣдно лишь располагая ежегоднымъ доходомъ въ 1.500 кронъ. О постороннемъ заработкѣ имъ нельзя и думать, такъ какъ оба шведскіе университета находятся въ маленькихъ городкахъ гдѣ спроса на студенческій трудъ не существуетъ. А между тѣмъ число стипендій крайне ограничено. И при такихъ-то затруднительныхъ условіяхъ въ университетахъ Швеціи все-же находятъ возможность учиться молодые люди не располагающіе достаточными денежными средствами.

Интереснѣе всего то что они при этомъ не прибѣгаютъ ни къ общественной, ни къ частной благотворительности, не гоняются за грошевымъ заработкомъ отнимающимъ всякую возможность посвятить себя серіозному труду. Въ Швеціи это дѣло устраивается гораздо проще. Тамъ сильно распространены между студентами займы подъ залогъ свидѣтельствъ о страхованіи жизни. Застраховавъ себя, студентъ занимаетъ сумму необходимую ему для окончанія курса, выдавая кредитору въ обезпеченіе страховой полисъ вмѣстѣ съ нотаріальнымъ завѣщаніемъ, въ которомъ назначаетъ заимодавца своимъ наслѣдникомъ.

Подобный порядокъ, несомнѣнно, представляетъ много выгодныхъ сторонъ: студентъ привыкаетъ полагаться только на собственныя средства, и ему, конечно, не придетъ въ голову устраивать стачки и забастовки для непосѣщенія лекцій, такъ какъ это затянетъ время ученія, а слѣдовательно, увеличитъ и его долгъ который рано или поздно придется выплачивать. Наконецъ, такой порядокъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ справедливости. Высшее образованіе прежде всего приноситъ пользу самому получившему его, такъ какъ оно улучшаетъ его матеріальное положеніе, даетъ ему возможность работать на болѣе обширномъ поприщѣ, скорѣе достигнуть полной обезпеченности. Для достиженія этихъ цѣлей отъ человѣка вполнѣ справедливо требовать извѣстныхъ жертвъ; къ сожалѣнію, у насъ еще многіе не могутъ понять эту простую истину, а потому у насъ и является ничѣмъ не оправдываемое стремленіе предоставить каждому лицу получившему высшее образованіе пользоваться плодами его, всѣ же жертвы возложить на государство и общество.

Баварія усиленно интересуется вопросомъ о путяхъ сообщенія. Страна эта имѣетъ довольно густую сѣть желѣзныхъ дорогъ, но

перевозка товаровъ по нимъ обходится слишкомъ дорого, и населеніе Баваріи мечтаетъ о болѣе дешевыхъ водныхъ путяхъ. Въ частности наиболѣе жгучимъ вопросомъ въ этой области является проектъ устройства новаго соединительнаго канала между Дунаемъ и Майномъ, доступнаго морскимъ судамъ и имѣющаго предоставить Баваріи возможность непосредственнаго участія въ морской торговлѣ.

Въ настоящее время, говоритъ первый секретарь нашей миссіи въ Мюнхенѣ г. Львовъ, за неимѣніемъ въ Баваріи удобныхъ рѣчныхъ сообщеній перевозка товаровъ по рѣкамъ сопряжена съ частыми перегрузками и производится чрезвычайно медленно, обходясь несравненно дороже морской перевозки. Такимъ образомъ необходимость созданія Дунайско-Майнскаго канала живо чувствуется промышленнымъ классомъ страны.

Совершенно иначе относятся къ этому вопросу аграріи. У нихъ являются серіозныя опасенія что установленіе дешеваго воднаго пути поведетъ къ наплыву въ страну болѣе дешевыхъ сельско-хозяйственныхъ произведеній сосѣднихъ государствъ и поставитъ мѣстное земледѣліе въ невыгодное положеніе.

Однако, такія опасенія далеко не основательны и баварскимъ аграріямъ совершенно справедливо указываютъ на то что каналъ дастъ крупныя выгоды и мѣстному сельскому хозяйству которое получитъ новый путь для сбыта своихъ произведеній, возможность пользоваться болѣе дешевыми удобреніями и т. д.

Баварская палата депутатовъ, не смотря на настоянія правительства, отказалась асигновать необходимыя средства на разработку проекта этого канала. Тогда за это дѣло взялось частное общество *Verein zur Hebung der Fluss-und Kanalschiffahrt in Bayern* имѣющее свои отдѣленія въ городахъ Баваріи. И старанія этого общества не пропали даромъ: число сторонниковъ канала быстро ростетъ. Въ послѣднее время поставленъ на очередь имѣющій непосредственное отношеніе къ проекту вопросъ о правительственной субсидіи Дунайскому пароходству. Наконецъ, въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій баварскаго парламента, по словамъ г. Львова, асигновано 80,000 марокъ на подготовительныя работы по составленію проекта. „Имѣется основаніе предполагать, говоритъ авторъ, что въ недалекомъ будущемъ будетъ приступлено и къ самому его осуществленію“. Такимъ образомъ старанія баварскихъ аграріевъ не приведутъ, повидимому, ни къ чему.

Въ той же книжкѣ *Сборника* секретарь русскаго консульства въ Кульджѣ, г. Богоявленскій, сообщаетъ нѣсколько не лишенныхъ интереса свѣдѣній о положеніи нашей торговли въ Илійской области. Въ общемъ положеніе этой торговли далеко не блистательное. Рус-

скіе купцы имѣютъ свои лавки только въ Кульджѣ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ края русскими товарами торгуютъ Татары, Сарты, Таранчи и Дунгане забирающіе товары въ кредитъ у первыхъ. Являющійся въ первый разъ за покупкою въ долгъ мелкій торговецъ долженъ представить продавцу двухъ поручителей. Срокъ уплаты за товаръ назначается обыкновенно отъ 3 до 6 мѣсяцевъ, причемъ платежъ производится частичными взносами или каждую недѣлю, или каждые двѣ недѣли по субботамъ. Если въ первый разъ мелкій торговецъ оправдаетъ довѣріе продавца, то товаръ ему отпускается на будущее время уже безъ поручительства. Подобная система имѣетъ свои выгодныя и невыгодныя стороны. Съ одной стороны, она даетъ возможность проникать русскимъ товарамъ въ самые отдаленные углы края; съ другой, не обладающіе капиталами, а подчасъ и вполнѣ невѣжественные туземцы. не могутъ дать правильную постановку нашей торговлѣ.

Изъ русскихъ издѣлій наибольшимъ распространеніемъ пользуются хлопчатобумажныя ткани, желѣзо и издѣлія изъ него, мѣдныя издѣлія, сахаръ, спички, керосинъ, бумага и пр. Весь нашъ ввозъ въ Кульджу оцѣнивается приблизительно въ 1,000,000 руб. Вывозятся изъ Илійской области въ Россію: мѣха, шкуры, скотъ и продукты скотоводства, всего на 800,000 руб.

Эти цифры показываютъ что наши торговые обороты съ Илійскимъ краемъ очень незначительны. Вѣроятно, они и останутся такими до тѣхъ поръ, пока не улучшатся въ краѣ пути сообщенія. Одною изъ полезныхъ мѣръ для оживленія нашей торговли въ Западномъ Китаѣ является возвратъ акциза за вывезенный туда сахаръ и таможенныхъ пошлинъ съ хлопка употребленнаго на вывезенныя мануфактурныя издѣлія.

Трудовая помощь.

Трудовая помощь въ губерніяхъ: Казанской, Вятской и Симбирской съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы Александры Θеодоровны оказанная въ 1899 году Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. С.-Петербургъ. 1900 г.

Едвали нужно говорить что въ странѣ преимущественно земледѣльческой какою является Россія недороды ведутъ къ очень крупнымъ послѣдствіямъ. Населеніе сразу остается безъ пищи, безъ запасовъ зерна для посѣвовъ, часто безъ корма для скота который приходится распродавать по несообразно низкимъ цѣнамъ. Такое положеніе крестьянъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ требуетъ быстрой

помощи. Съ нею является частная благотворительность и правительство.

Правительсто выдаетъ продовольственныя ссуды и ссуды на обсѣмененіе полей. Но при сильномъ недородѣ экономическое положеніе крестьянъ оказывается подорваннымъ до такой степени что возвратъ этихъ ссудъ приходится сначала отсрочивать и пересрочивать, а потомъ и вовсе отказываться отъ ихъ полученія. Въ концѣ концовъ ссуда превращается въ безвозвратное пособіе, въ паекъ выдаваемый крестьянамъ казною.

Первымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей является стремленіе лицъ сравнительно состоятельныхъ и вовсе не нуждающихся въ пособіи получить ссуду которую вѣдь все равно уплачивать не придется.

Неудовлетворительность подобнаго положенія вещей слишкомъ очевидна. И вотъ мы видимъ, съ одной стороны, желаніе упорядочить дѣло народнаго продовольствія, а съ другой, создать такую форму помощи которая отбивала бы охоту у не нуждающихся пользоваться ею. Такою помощью является трудовая помощь, опытъ которой въ 1899 году былъ произведенъ Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ въ 14 уѣздахъ Казанской, Вятской и Симбирской губерній.

Прежде всего является вопросъ: насколько такого рода помощь можетъ замѣнить правительственныя пособія и частную благотворительность? На этотъ вопросъ мы въ *Отчетѣ* находитъ слѣдующій отвѣтъ:

... при неурожаѣ во многихъ мѣстностяхъ и притомъ почти всегда сплошномъ, въ нѣсколькихъ смежныхъ губерніяхъ, число нуждающихся въ пропитаніи бываетъ до того велико что, при самомъ даже широкомъ развитіи трудовой помощи, трудно предположить возможность предоставленія работы всѣмъ нуждающимся въ ней, и, вовторыхъ, допуская даже предположеніе что всѣ способные къ труду будутъ заняты работой, то и тогда останется еще немалая нуждающаяся въ продовольствіи часть населенія: всѣ неспособные къ работѣ и въ томъ числѣ дѣти. Наконецъ, и самое производство большинства работъ внѣ жилыхъ помѣщеній не всегда возможно, какъ, напримѣръ, зимою когда организація подобныхъ работъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вовсе не мыслима, а въ другихъ крайне затруднительна. Только тамъ, гдѣ развитъ кустарный промыселъ, оказаніе трудовой помощи всѣмъ трудоспособнымъ кустарямъ возможно во всякую пору года и можетъ имѣть большое значеніе.

Однако, и при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида одно очень важное соображеніе. Громадное большинство кустарныхъ издѣлій при своей малоцѣнности не можетъ выдержать отдаленной перевозки,

а въ пораженномъ неурожаемъ районѣ покупная способность населенія быстро понижается, что ведетъ къ сокращенію спроса на кустарныя издѣлія.

Такимъ образомъ, за трудовою помощью приходится признать лишь ограниченное значеніе, что и подтверждается цифровыми данными *Отчета*. Въ 14 уѣздахъ было выполнено 226 крупныхъ и болѣе мелкихъ работъ на сумму свыше 86.000 рублей, причемъ почти вся эта сумма, какъ мы узнаемъ изъ *Отчета*, составила непосредственный заработокъ населенія, самыя же работы послужили къ улучшенію мѣстныхъ условій. Работы эти заключались въ улучшеніи дорожныхъ сооруженій, въ борьбѣ съ сыпучими песками и оврагами, въ осушеніи болотъ, въ мѣрахъ по предоставленію селеніямъ лучшей питьевой воды, въ водоснабженіи вообще и, наконецъ, въ производствѣ нѣкоторыхъ построекъ. Кромѣ того, была оказана помощь кустарямъ.

Далѣе, около 80.000 руб. было затрачено на устройство учебныхъ мастерскихъ, дѣтскихъ пріютовъ съ обученіемъ сельскому хозяйству и ремесламъ. До 29.000 руб. получили употребленіе на устройство яслей, въ которыхъ нашли пріютъ 7.865 дѣтей. Такимъ образомъ, собственно на трудовую помощь населенію было употреблено только 86.000 руб., что на каждый изъ 14 уѣздовъ составитъ только по 6.140 рублей. Цифра положительно ничтожная!

Это обстоятельство можетъ быть объяснено отчасти тѣмъ что въ рукахъ Попечительства не было плана работъ выработаннаго заблаговременно, не было указаній на необходимость производства тѣхъ или другихъ работъ. При иныхъ условіяхъ дѣятельность Попечительства могла бы раскинуться неизмѣримо шире.

Повидимому, эта дѣятельность тормазится еще тѣмъ что нѣтъ строго установленныхъ правилъ за чей счетъ должны производиться общественныя работы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ такіе вопросы рѣшаются легко и просто, въ другихъ рѣшеніе ихъ, напротивъ, является довольно сложнымъ. Для каждой общественной работы заблаговременно должно быть намѣчено изъ какихъ средствъ можетъ быть покрытъ расходъ на производство ея и гдѣ взять эти средства въ нужную минуту.

Но само собою понятно что заботы о правильной и прочной постановкѣ трудовой помощи въ мѣстностяхъ постигнутыхъ неурожаемъ отнюдь не могутъ устранить болѣе важныхъ заботъ о цѣлесообразной постановкѣ продовольственнаго дѣла. Еще важнѣе для насъ принятіе общихъ мѣръ которыя вели бы къ уменьшію недородовъ хлѣба, а такія мѣры вполнѣ возможны.

Сельскохозяйственная политика Германіи.

А. Бухтенбергеръ. Основные вопросы сельскохозяйственной экономіи и политики. Перевелъ съ нѣмецкаго А. Гурьевъ. С.-Петербургъ. 1901.

Медленно, но упорно завоевывая міровые рынки и заполняя ихъ издѣліями своей фабрично-заводской промышленности, Германія не перестаетъ желать остаться земледѣльческою страною. Но въ этой области ей приходится выдержать упорную борьбу съ заграничнымъ хлѣбомъ и другими произведеніями иноземнаго сельскаго хозяйства, стремящимися найти себѣ помѣщеніе на германскихъ рынкахъ. Первымъ и самымъ простымъ шагомъ въ этой борьбѣ было установленіе ввозныхъ пошлинъ на продукты иноземнаго сельскаго хозяйства, что̀ и поспѣшила сдѣлать Германія.

Въ 1879 году былъ изданъ новый таможенный тарифъ которымъ устанавливались ввозныя пошлины въ размѣрѣ одной марки съ двойнаго центера пшеницы, полбы, ржи, овса и 50 пфениговъ съ ячменя, проса и кукурузы; но уже въ тарифахъ 1885 и 1887 гг. пошлины на главнѣйшіе хлѣба были утроены и даже упятерены. Однако удержать этихъ высокихъ пошлинъ не удалось и подъ вліяніемъ заключенныхъ съ нѣкоторыми государствами договоровъ онѣ были понижены съ 5 до $3^1/_2$ марокъ. Этими уступками воспользовались не только государства заключившія торговые договоры съ Германіей, но и другія, которыя находились относительно ея прямо или косвенно въ положеніи наиболѣе благопріятствуемой державы, въ частности Соединенные Штаты, Канада, Индія и Аргентина.

Хлѣбныя пошлины имѣютъ своихъ горячихъ защитниковъ и не менѣе горячихъ противниковъ. Г. Бухтенбергеръ является сторонникомъ умѣренныхъ пошлинъ. Цѣль таможеннаго покровительства, по его словамъ, состоитъ въ томъ

чтобы укрѣпить внутреннее производство, подрываемое иностранною конкуренціей, и со временемъ поднять его на уровень конкурирующаго иностраннаго производства. Эта цѣль никогда не была бы достигнута, еслибы вслѣдствіе гарантированной государствомъ высокой доходности хозяева увидѣли себя освобожденными отъ обязанности наивысшаго напряженія своихъ силъ. Сельскохозяйственный покровительственный тарифъ долженъ, подобно и другимъ тарифамъ, служить лишь *орудіемъ борьбы и устраненія опасности, поощрительной и возбуждающей преміей*. Онъ долженъ приводить не къ застою, а къ прогрессу; онъ не долженъ предполагать продолжительную неспособность къ сопротивленію и конкуренціи; напротивъ, цѣль такого тарифа постепенно воспитать способныхъ къ сопротивленію и къ конкуренціи.

Эти понятія не худо было бы усвоить и нашимъ протекціонистамъ. Смотря на дѣло съ подобной точки зрѣнія, г. Бухтенбергеръ, само собою понятно, не можетъ не отводить виднаго мѣста улучшенію техники сельскаго хозяйства. Признавая что въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, именно тамъ гдѣ преобладаетъ крупное землевладѣніе и гдѣ рядомъ съ сельскохозяйственнымъ производствомъ возникли производства побочныя (сахарные и винокуренные заводы), земледѣльческая техника достигла такой высокой степени какъ пожалуй ни въ какой другой странѣ, не исключая Англіи и С. Америки, онъ находитъ что земледѣліе далеко не одинаково преуспѣваетъ въ различныхъ частяхъ страны и что тамъ есть еще области, въ которыхъ хозяева, особенно мелкіе и средніе, совсѣмъ не умѣютъ пользоваться землею соотвѣтственно современнымъ требованіямъ земледѣльческой техники. Одно только неумѣлое обращеніе съ навозомъ ведетъ, по словамъ г. Бухтенбергера, къ ежегодной потерѣ многихъ миліоновъ марокъ. Наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для улучшенія земледѣльческой техники онъ считаетъ широкое распространеніе сельскохозяйственнаго образованія.

Въ ряду мѣръ государственной помощи сельскому хозяйству г. Бухтенбергеръ, кромѣ защитительныхъ таможенныхъ пошлинъ о которыхъ мы уже говорили, ставитъ аграрное законодательство, улучшеніе въ организаціи сельскохозяйственнаго кредита, страхованія, сельскохозяйственной полиціи и т. д.

Являясь сторонникомъ страхованія посѣвовъ отъ градобитія и скота отъ падежа, г. Бухтенбергеръ далеко не сочувственно относится къ страхованію отъ неурожаевъ.

Вслѣдствіе большихъ размѣровъ ежегодно повторяющихся потерь отъ неурожаевъ, говоритъ онъ, такое страхованіе могло бы существовать только при условіи накопленія большаго фонда изъ принудительныхъ взносовъ хозяевъ въ урожайные годы и крупныхъ пособій изъ государственныхъ средствъ, то-есть, оно могло бы быть жизнеспособнымъ только при условіи организаціи слишкомъ соціалистическаго характера. Еще серіознѣе опасность что разчетъ на возмѣщеніе убытковъ въ случаѣ неурожая какъ слѣдствія метеорологическихъ вліяній усыпитъ энергію въ борьбѣ съ вредными для урожая факторами. Страховая организація которая относится совершенно одинаково какъ къ заботливымъ и предусмотрительнымъ хозяевамъ, такъ и къ нерадивымъ и неумѣлымъ, низвела бы всѣхъ на одинаковый уровень сельскохозяйственной безпечности, и это не можетъ быть желательно въ общихъ интересахъ. Изъ этого слѣдуетъ что каждый долженъ самъ справляться съ послѣдствіями метеорологическихъ крайностей, поскольку вреднымъ вліяніямъ ихъ нельзя противодѣйствовать примѣненіемъ особыхъ способовъ обработки земли и меліоративными устройствами (осушеніе и орошеніе). Точно также и защиту отъ

убытковъ наносимыхъ вредными для растеній насѣкомыми слѣдуетъ искать не въ области страхованія, а въ энергичной борьбѣ съ ними, то-есть, въ мѣрахъ сельскохозяйственной полиціи.

Сельскохозяйственная полиція, по мнѣнію автора разсматриваемаго труда, должна включать въ себя рядъ административныхъ постановленій и предписаній имѣющихъ своей задачей съ одной стороны устраненіе вредныхъ вліяній и затрудненій встрѣчаемыхъ сельскохозяйственнымъ производствомъ вслѣдствіе противозаконныхъ дѣйствій или неисполненія предписаній, а съ другой стороны борьбу съ болѣзнями животныхъ и растеній.

Въ области сельскохозяйственнаго кредита Германія значительно опередила насъ; тамъ наряду съ займами срочными, требующими погашенія въ опредѣленный срокъ и въ опредѣленномъ размѣрѣ, получили широкое развитіе ссуды безсрочныя, по которымъ уплачиваются только проценты, а погашеніе капитальнаго долга предоставляется усмотрѣнію заемщика. Идутъ дѣла его плохо, онъ можетъ не платить ничего; улучшается положеніе дѣлъ, и онъ производитъ усиленные платежи.

Задолженность въ Германіи подвергается постоянному смягченію, и теперь тамъ насчитывается уже многочисленная группа сторонниковъ неотчужденія земельныхъ имуществъ за долги. Къ подобному стремленію г. Бухтенбергеръ относится очень неодобрительно.

... Отказывать кредитору, говоритъ онъ, въ правѣ принудительнаго отчужденія имущества должника какъ въ ultima ratio его права, значило бы затруднить возможность получить даже самый полезный кредитъ; съ другой стороны, безусловная гарантія отъ принудительнаго отчужденія была бы преміей за небрежность и нехозяйственность, чему не можетъ быть мѣста въ здоровомъ обществѣ, проникнутомъ идеей отвѣтственности и строгаго исполненія обязательствъ.

Однако авторъ вполнѣ одобряетъ установленіе правила, въ силу котораго извѣстная часть недвижимости ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ отчужденію при принудительной продажѣ имѣній, въ качествѣ неотчуждаемаго минимальнаго участка. Въ этомъ г. Бухтенбергеръ видитъ только послѣдовательное развитіе принципа неотчуждаемости необходимыхъ орудій производства, хотя даже установленіе и такого правила, по его мнѣнію, можетъ невыгодно отозваться на кредитѣ.

Наслѣдственное право Германіи также подверглось значительнымъ измѣненіямъ въ интересахъ сельскаго хозяйства. Нельзя не упомянуть и о другихъ мѣрахъ для развитія сельскохозяйственной дѣятельности, среди нихъ видное мѣсто занимаютъ: податныя облегченія сельскому населенію, расширеніе желѣзнодорожной сѣти, проведеніе узкоколейныхъ и подъѣздныхъ путей и улучшеніе шосейныхъ дорогъ.

Всѣ эти мѣры заслуживаютъ самаго серіознаго вниманія; если при помощи ихъ Германія разчитываетъ оградить себя отъ иностранной хлѣбной конкуренціи, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ что тѣ же самыя мѣры, будучи примѣнены въ странахъ производства хлѣба, могутъ въ значительной мѣрѣ облегчить его ввозъ въ Германію и вообще сдѣлать сельское хозяйство несравненно болѣе прибыльнымъ. Къ этому мы должны стремиться всѣми силами.

Министерство Путей Сообщенія.

Краткій историческій очеркъ развитія и дѣятельности вѣдомства путей сообщенія за сто лѣтъ существованія (1798—1898 гг.).

Россія издавна была страною бездорожною. Правда, уже XVII вѣкѣ существовали почтовыя дороги отъ Москвы до Великаго Новгорода, Смоленска и рубежей Свейскаго и Польскаго, но и въ болѣе позднее время, при Петрѣ I, сухопутныя сообщенія были въ самомъ жалкомъ состояніи. Такъ, напримѣръ, иностранные послы тратили до пяти недѣль на проѣздъ изъ Москвы до С.-Петербурга вслѣдствіе грязи и поломанныхъ мостовъ.

По поводу дурнаго состоянія дорогъ писалъ, между прочимъ, въ 1718 году голандскій резидентъ Деби:

Тверь, Торжокъ и Вышній Волочекъ завалены товарами которые будутъ перевезены въ Петербургъ Ладожскимъ озеромъ, потому что возщики отказались перевозить ихъ сухимъ путемъ по дороговизнѣ конскихъ кормовъ и дурнаго состоянія дорогъ.

Въ виду этого въ 1722 году послѣдовало приказаніе о постройкѣ новой дороги отъ Москвы до Волхова и объ установленіи для этой цѣли особаго налога; сама дорога была наименована *перспективной*. Но заботясь объ улучшеніи сухопутныхъ дорогъ, Великій Петръ мечталъ проложить черезъ Россію транзитный путь для торговаго обмѣна между Европой и Азіей. Само собою понятно что наши непроѣздныя дороги служить для этой цѣли не могли, и въ геніальной головѣ перваго русскаго императора созрѣлъ планъ устройства воднаго пути между морями Балтійскимъ и Каспійскимъ. Въ 1706 году рѣка Цна была соединена съ рѣкой Тверцою каналомъ. Далѣе идутъ усиленныя изысканія по проведенію другихъ каналовъ, а въ 1718 году послѣдовалъ указъ Сенату о сооруженіи канала въ обходъ бурнаго Ладожскаго озера.

Работы по устройству Ладожскаго канала сильно интересовали Петра I который выражалъ надежду въ скоромъ времени выѣхать изъ

Петербурга водою и сойти на берегъ въ Москвѣ въ Головинскомъ саду на берегу Яузы. Но оконченъ каналъ Минихомъ былъ уже послѣ кончины Великаго Преобразователя Россіи.

Водные пути долгое время усиленно интересовали правительство и послѣ смерти Петра I. Первоначально водные пути находились въ вѣдѣніи Камеръ-Колегіи, а сухопутныя дороги подъ надзоромъ мѣстныхъ властей. Этотъ порядокъ не разъ измѣнялся, но болѣе или менѣе правильное устройство завѣдыванію путями сообщенія было дано только въ 1797 году, когда былъ образованъ Главный Департаментъ Водяныхъ Комуникацій. Въ періодъ времени съ 1798 по 1809 годъ органами центральнаго управленія являлись: Департаментъ Водяныхъ Комуникацій и Экспедиція устроенія дорогъ въ государствѣ. Съ 1820 по 1842 годъ органомъ управленія служило Главное управленіе путей сообщенія (съ 1833 года публичныхъ зданій). Съ 1865 года является уже министерство Путей Сообщенія, преобразованное въ 1870 году.

Взглянемъ теперь на развитіе дорожнаго дѣла въ Россіи. До вступленія на престолъ императора Павла было сооружено судоходныхъ каналовъ 108 верстъ, шлюзовано и канализовано 100 верстъ рѣкъ.

Царствованіе императора Павла не было богато дорожными сооруженіями и обогатилось только десятью верстами каналовъ. Полную противоположность въ этомъ отношеніи составляло царствованіе императора Александра I, когда новые каналы были построены на протяженіи 153 верстъ, а рѣки шлюзованы и канализованы на протяженіи 447 верстъ и построено шоссейныхъ дорогъ 1.050 верстъ. Еще болѣе плодотворнымъ въ этомъ отношеніи было царствованіе императора Николая I, когда было сооружено 979 верстъ желѣзныхъ дорогъ, 7.982 версты дорогъ шоссейныхъ, сооружено судоходныхъ каналовъ 324 версты и шлюзовано и канализовано 271 верста рѣкъ. Съ воцареніемъ императора Александра II началось усиленное желѣзнодорожное строительство, и сѣть рельсовыхъ путей возросла съ 979 до 20.283 верстъ.

Но съ этого же времени водные пути и шоссейныя дороги на задній планъ. Послѣднихъ было построено только 1.816 версты. Что же касается водныхъ путей, то дѣятельность по улучшенію ихъ выразилась проложеніемъ каналовъ на 104 версты, шлюзованіемъ и канализованіемъ рѣкъ на 155 верстъ.

Короткое царствованіе императора Александра III носило въ дорожномъ отношеніи тотъ же характеръ: вниманіе главнымъ образомъ обращалось на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ которыхъ и прибавилось 11.760 верстъ. Въ постройкѣ шоссейныхъ дорогъ также замѣ-

чается нѣкоторое, хотя и небольшое, оживленіе, но зато заботы о водныхъ путяхъ рѣшительно отступили на задній планъ: въ 13 лѣтъ было проведено только 69 верстъ каналовъ и шлюзовано и канализовано 148 верстъ рѣкъ.

Въ первые три года благополучнаго царствованія Государя Императора Николая Александровича желѣзнодорожное строительство шло съ еще болѣе поразительною быстротою: въ 1895—1898 гг. было сооружено 9.003 версты рельсовыхъ путей, и къ концу февраля рельсовая сѣть достигла 42 025 верстъ. Медленнѣе шло сооруженіе другихъ путей: шоссейныхъ дорогъ выстроено было 810 верстъ, рѣкъ канализовано и шлюзовано 109 верстъ.

Подводя итоги дѣятельности Министерства Путей Сообщенія, мы видимъ что къ концу февраля 1898 года Россія располагала слѣдующими средствами сообщенія: 42.025 верстами желѣзныхъ дорогъ, не считая рельсовыхъ путей Финляндіи, 13.992 верстами шоссейныхъ дорогъ, 768 верстами судоходныхъ каналовъ, 155.000 верстъ естественныхъ водныхъ путей, изъ которыхъ 85.000 верстъ судоходныхъ и 1.230 верстъ шлюзованныхъ и канализованныхъ.

При современныхъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ расширеніе рельсовой сѣти является дѣломъ безусловной необходимости, но не менѣе важно для насъ и улучшеніе естественныхъ водныхъ путей. Россія страна земледѣльческая, даетъ она преимущественно грузы громоздкіе и малоцѣнные, невыдерживающіе сравнительно дорогой желѣзнодорожной перевозки. Какъ бы мы не понижали искусственно желѣзнодорожныхъ тарифовъ, они всегда будутъ несравненно выше рѣчныхъ фрахтовъ. Далѣе намъ слѣдуетъ обратить серіозное вниманіе на подъѣздные пути, рельсовые, шоссейные и грунтовые. Безъ нихъ и желѣзнодорожныя линіи не могутъ имѣть такого значенія, какое онѣ должны имѣть.

Памяти В. С. Соловьева.

Первая книга *Вопросовъ философіи и психологіи* за текущій годъ всецѣло посвящена памяти безвременно скончавшагося Владиміра Сергѣевича Соловьева. Среди статей вошедшихъ въ ея составъ особенно обращаетъ на себя вниманіе обстоятельная характеристика философской системы покойнаго мыслителя написанная професоромъ Л. М. Лопатинымъ. Характеристика эта имѣетъ интересъ не только потому что въ сжатой и доступной формѣ выясняетъ основныя черты философіи Соловьева, но еще болѣе потому что ри-

суетъ намъ исторію развитія его философіи, указываетъ на тѣ этапы, черезъ которые проходила мысль философа прежде чѣмъ достигнуть законченности и самостоятельности. Конечно, Л. М. Лопатинъ съ дѣтства знавшій Владиміра Сергѣевича, соединенный съ нимъ узами дружбы и общихъ интересовъ, могъ по личнымъ воспоминаніямъ сообщить многое о ходѣ философскаго развитія Соловьева, о его внутреннемъ ростѣ, о пережитыхъ имъ нравственныхъ кризисахъ. Поэтому статья професора Лопатина помимо своего общаго интереса въ качествѣ блестящей характеристики Соловьева, какъ мыслителя, имѣетъ еще важное значеніе въ качествѣ біографическаго документа изъ котораго мы впервые знакомимся съ различными фазисами въ исторіи его мысли, о постепенномъ ходѣ выработки его міросозерцанія. До сихъ поръ многочисленныя воспоминанія о Соловьевѣ вызванныя его кончиной касались преимущественно внѣшней его характеристики: его образа жизни, привычекъ, особенностей; напротивъ того, г. Лопатинъ рисуетъ намъ его главнымъ образомъ какъ *мыслителя*, касаясь внѣшнихъ фактовъ его жизни лишь поскольку они отражались на дѣятельности его мысли.

Прежде всего Л. М. Лопатинъ характеризуетъ ту умственную атмосферу, среди которой протекали годы развитія Соловьева. Отрочество и юность его совпадали съ эпохой шестидесятыхъ и начала 70-хъ годовъ, эпохой плодотворною во многихъ другихъ отношеніяхъ, но весьма неблагопріятною для развитія у насъ философіи. Матеріализмъ и позитивизмъ считались вершинами человѣческой мудрости. На великія идеалистическія системы первой половины вѣка смотрѣли какъ на наивныя и смѣшныя фантазіи не имѣющія никакой цѣны и значенія. Научныя гипотезы часто непровѣренныя опытомъ или даже недоступныя провѣркѣ признавались за безусловную истину. Имена Конта, Льюиса, Милля, Дарвина стояли въ зенитѣ своей славы; ихъ сочиненія являлись для всей молодежи какъ бы новымъ откровеніемъ. В. С. Соловьевъ также, по словамъ г. Лопатина, испыталъ на себѣ всѣ эти вліянія.

Была пора въ его жизни когда онъ былъ совершеннымъ матеріалистомъ, правда, въ очень юные годы начиная лѣтъ съ пятнадцати, и считалъ за окончательную истину то, противъ чего впослѣдствіи такъ энергично боролся. Я никогда потомъ не встрѣчалъ матеріалиста столь страстно убѣжденнаго. Это былъ типическій нигилистъ шестидесятыхъ годовъ. Ему казалось что въ основныхъ началахъ матеріализма открывается та новая истина которая должна замѣнить и вытѣснить всѣ прежнія вѣрованія, перевернуть всѣ человѣческіе идеалы и понятія, создать совсѣмъ новую счастливую и разумную жизнь. Съ неудержимою послѣдовательностію, всегда отличавшею его умъ, онъ распространялъ свои общіе взгляды на рѣшеніе всѣхъ занимавшихъ его вопросовъ. Еще въ эпоху своего студен-

чества, отличный знатокъ сочиненій Дарвина, онъ всею душой вѣрилъ что теоріей этого знаменитаго натуралиста разъ навсегда положенъ конецъ не только всякой *телеологіи*, но и всякой *теологіи*, вообще всякимъ идеалистическимъ предразсудкамъ. Его общественные идеалы въ то время носили рѣзко соціалистическую, даже комунистическую окраску. Онъ внимательно изучалъ сочиненія знаменитыхъ теоретиковъ соціализма и былъ глубоко убѣжденъ что соціалистическое движеніе должно возродить человѣчество и кореннымъ образомъ обновить исторію.

Но это увлеченіе господствовавшими идеями продолжалось у Соловьева не долго. Его умъ былъ слишкомъ глубокъ, въ немъ слишкомъ много было критическаго такта и внутренняго идеализма чтобы онъ могъ навсегда удовлетвориться поверхностною и притязательною матеріалистическою догматикой. Къ этому присоединялось еще благотворное вліяніе семьи, во главѣ которой стоялъ такой глубоко просвѣщенный человѣкъ какъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ; да и семейныя религіозныя традиціи шли въ разрѣзъ съ усвоеннымъ юношей извнѣ настроеніемъ. Поэтому уже въ скоромъ времени въ немъ начинаетъ сказываться реакція противъ увлеченія модными идеями. Особенно благопріятствовало такому повороту въ его мышленіи ознакомленіе Соловьева съ великими философскими системами открывавшими ему новые горизонты. Раньше всего онъ познакомился съ ученіемъ Спинозы котораго самъ Соловьевъ въ одной изъ своихъ статей назвалъ „своею первою любовію въ области философіи". По свидѣтельству г. Лопатина, Соловьевъ познакомился съ сочиненіями Спинозы 16-ти лѣтъ и одно время страшно имъ увлекался. Увлеченіе это не прошло для него безслѣдно. „Благодаря Спинозѣ Богъ, хотя еще въ очень абстрактномъ и натуралистическомъ образѣ, впервые возвращается въ міросозерцаніе Соловьева". Творенія этого мыслителя впервые открыли ему глаза на глубочайшія проблемы бытія и познанія, показали ему всю несостоятельность поверхностнаго и односторонняго эмпиризма которымъ удовлетворялось современное ему молодое поколѣніе. Отъ Спинозы Соловьевъ перешелъ къ изученію Фейербаха и Дж. Ст. Милля. Послѣдній также оказалъ, по словамъ г. Лопатина, немалое вліяніе на выработку міросозерцанія Соловьева.

Кажется, благодаря Миллю В. С. Соловьевъ со всею ясностію созналъ что въ матеріализмѣ не все благополучно, и что матеріалистическое ученіе съ рѣзкою безцеремонностію возстающее противъ всякой вѣры въ духовный міръ какъ грубой и невѣжественной иллюзіи само все опирается на еще болѣе грубую вѣру въ абсолютную, предшествующую всему и отъ всего независимую реальность вещества, тогда какъ никакое вещество и ничто вещественное не бы-

ваетъ дано нашему сознанію прямо, а всегда открывается намъ только черезъ наши ощущенія и представленія, то-есть, черезъ состоянія духовнаго психическаго порядка которыя одни только и могутъ имѣть притязаніе на достовѣрность и безспорную настоящую дѣйствительность. Наконецъ наиболѣе глубокій переворотъ въ Соловьевѣ вызываетъ изученіе Канта и въ особенности Шопенгауэра: Шопенгауэръ овладѣлъ имъ всецѣло какъ ни одинъ философскій писатель послѣ или раньше. Былъ періодъ въ жизни В. С. Соловьева, правда, довольно короткій, когда онъ принималъ Шопенгауэра всего, со всѣми его общими взглядами и частными мнѣніями, съ его безграничнымъ пессимизмомъ и съ его туманными надеждами на искупленіе отъ страданій міра черезъ погруженіе въ Нирвану. У Шопенгауэра онъ нашелъ то чего не находилъ ни у одного изъ излюбленныхъ имъ писателей, развѣ за исключеніемъ Спинозы: удовлетвореніе никогда не умолкавшей въ немъ религіозной потребности, религіозное пониманіе и религіозное отношеніе къ жизни. Въ Шопенгауэрѣ его всего болѣе привлекало воззрѣніе на жизнь какъ на нравственный очистительный процесъ, воззрѣніе строго проведенное въ стилѣ умозрительнаго будизма. Недаромъ послѣ знакомства съ Шопенгауэромъ В. С. Соловьевъ со страстію отдается изученію восточныхъ религій.

Однако и увлеченіе Шопенгауэромъ было, по выраженію г. Лопатина, „только эпизодомъ въ умственномъ ростѣ В. С. Соловьева“. Онъ скоро увидѣлъ недостатки и логическія противорѣчія заключающіяся въ ученіи Шопенгауэра, а природный свѣтлый оптимизмъ одушевлявшій его не позволилъ ему окончательно остановиться на мрачныхъ выводахъ системы франкфуртскаго мыслителя. Отъ Шопенгауэра Соловьевъ естественно переходитъ къ изученію нѣмецкихъ философовъ-идеалистовъ начала XIX вѣка, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Изъ нихъ наибольшее вліяніе оказала на него философія тождества Шеллинга, въ которой онъ видѣлъ примиреніе между крайними точками зрѣнія Шопенгауэра и Гегеля. Это сочувствіе къ Шеллингу стояло, быть можетъ, въ связи съ отношеніями Соловьева къ славянофильскимъ кружкамъ, среди которыхъ онъ въ своей юности много вращался.

Въ годы его юности славянофилы, особенно въ Москвѣ, составляли тѣсно сплоченную группу, въ которой было немало людей со всестороннимъ и глубокимъ философскимъ образованіемъ. Они мало писали и печатали, но нерѣдко отличались очень своеобразными философскими взглядами. Изъ бесѣдъ съ ними, а также изъ чтенія философскихъ и богословскихъ произведеній основателей славянофильства, Хомякова и Кирѣевскаго, Соловьевъ въ молодости почерпнулъ очень много: недаромъ при своемъ выступленіи на литературное поприще онъ еще всецѣло находился въ славянофильскомъ лагерѣ.

Г. Лопатинъ, къ сожалѣнію, не упоминаетъ еще о вліяніи на Соловьева его учителя, профессора Московскаго университета Юркевича, о которомъ Соловьевъ еще незадолго до смерти вспоминалъ съ глубокимъ уваженіемъ и благодарностію. Въ эпоху господства матеріалистическихъ и позитивистическихъ теченій въ обществѣ и въ литературѣ Юркевичъ оставался вѣренъ знамени идеализма, вызывая противъ себя нападки и глумленіе со стороны представителей противоположнаго лагеря, напримѣръ, Чернышевскаго. На Соловьева лекціи Юркевича и бесѣды съ нимъ произвели, несомнѣнно, сильное впечатлѣніе и окончательно способствовали укрѣпленію въ немъ новыхъ взглядовъ на истинныя задачи философіи. Изъ древнихъ философовъ на складъ его мысли наибольшее вліяніе оказалъ Платонъ и его послѣдователи, въ особенности Плотинъ. Затѣмъ, еще будучи въ университетѣ, онъ увлекся нѣкоторыми мистическими писателями среднихъ вѣковъ, напримѣръ, Бонавентурой, Скотомъ Эригеной, Парацельзомъ и другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ познакомился съ писаніями нѣкоторыхъ Отцевъ церкви отличавшихся своими умозрительными и мистическими наклонностями. Изъ мистиковъ новаго времени онъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ Якову Бёме. Но всѣ эти разнообразныя вліянія усложняемыя еще разносторонней начитанностію не привели Соловьева къ утратѣ собственной интелектуальной личности; онѣ только способствовали окончательной выработкѣ въ немъ собственнаго, во всѣхъ частяхъ продуманнаго философскаго міросозерцанія. Это міросозерцаніе выработывалось при помощи критики господствующихъ взглядовъ и ученій: поэтому тотчасъ послѣ своего выступленія на литературное поприще Соловьевъ оказался въ полномъ антагонизмѣ съ духомъ времени.

Въ то время когда мистицизмъ и метафизика стали почти бранными словами, въ то время когда на спиритуализмъ въ философскихъ и психологическихъ кругахъ смотрѣли какъ на жалкій предразсудокъ пережитаго прошлаго и только въ видѣ снисхожденія допускали его въ качествѣ недоказуемаго субъективнаго вѣрованія или утѣшительной мечты съ непремѣннымъ, однако, условіемъ признать механическое и физіологическое толкованіе душевной жизни за единственно научное, Соловьевъ открыто выступилъ въ философской литературѣ какъ мистикъ, метафизикъ и спиритуалистъ.

Встрѣченный на первыхъ порахъ всеобщимъ недоумѣніемъ онъ скоро достигъ извѣстности и популярности въ качествѣ блестящаго университетскаго лектора. Но этимъ успѣхомъ Соловьевъ былъ обязанъ главнымъ образомъ обаянію своей личности, а не торжеству своихъ взглядовъ. Дѣло неизмѣнилось и тогда, когда Соловьевъ пріобрѣлъ громкую славу замѣчательнаго публициста: общество, усердно

читая его журнальныя полемическія статьи, попрежнему только въ самыхъ общихъ и туманныхъ чертахъ было знакомо съ философскими взглядами любимаго автора. Между тѣмъ именно въ философіи лежалъ центръ тяжести всей его дѣятельности. Професоръ Лопатинъ сопоставляетъ его въ этомъ отношеніи съ Пушкинымъ: какъ Пушкинъ былъ первымъ вполнѣ самобытнымъ русскимъ писателемъ, такъ Соловьевъ является у насъ первымъ самостоятельнымъ философомъ создавшимъ свою собственную философскую систему могущую быть поставленною, по мнѣнію г. Лопатина, въ одинъ рядъ съ величайшими идеалистическими системами западныхъ мыслителей.

Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ болѣе подробно остановиться на мастерской характеристикѣ философіи Соловьева въ ея цѣломъ, сдѣланной професоромъ Лопатинымъ, и заставляютъ ограничиться лишь передачей ея существенныхъ выводовъ. Общій смыслъ философскаго міросозерцанія Соловьева, по мнѣнію автора, можно свести къ тремъ главнымъ пунктамъ: 1) къ идеѣ внутренней духовности всего существующаго, 2) къ идеѣ абсолютнаго всеединства, 3) къ идеѣ Богочеловѣчества. Первая изъ этихъ руководящихъ идей выработалась у Соловьева путемъ борьбы съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ. Критика матеріализма принадлежитъ къ числу неувядаемыхъ заслугъ покойнаго философа, благодаря ея чрезвычайной убѣдительности и строгой логичности. Нигдѣ діалектическій талантъ Соловьева не сказался съ такою силой какъ именно въ этомъ разборѣ основныхъ посылокъ матеріализма. Онъ доказалъ явную несостоятельность матеріалистическаго атомизма признающаго протяженность и непроницаемость атомовъ ихъ первичнымъ свойствомъ. Но протяженность и непроницаемость характеризуютъ атомы только въ ихъ взаимоотношеніи, ничего не говоря объ ихъ внутренней природѣ. Для того чтобы постигнуть эту внутреннюю природу атомовъ, мы должны стать на *динамическую* точку зрѣнія и предположить что атомы есть не что иное какъ невещественные центры живыхъ силъ, монады, а все существующее является лишь результатомъ ихъ сложнаго взаимодѣйствія. Такимъ образомъ въ основѣ вещественныхъ атомовъ лежатъ невещественныя *силы*. Между тѣмъ сила есть понятіе заимствованное изъ нашего внутренняго духовнаго опыта: поэтому, предположивъ силу какъ основу всякаго бытія, мы должны придти къ выводу что все вещественное въ своей внутренней сути невещественно, все матеріальное есть непосредственная реализація духовнаго начала.

Принципъ абсолютнаго всеединства проходитъ черезъ всю систему Соловьева. Это абсолютное всеединство объемлемое понятіемъ Бога предполагаетъ. однако, существованіе внутри его нѣкотораго много-

образія; въ противномъ случаѣ, еслибы оно было вполнѣ однороднымъ, то оно не имѣло бы никакихъ опредѣленій, и его бытіе ничѣмъ не отличалось бы отъ полнаго ничтожества. Поэтому *міръ*, то-есть, вся совокупность творенія, существенно необходимъ для полноты Божественнаго бытія. Міръ есть созданіе Божіе, Божество получаетъ въ немъ дѣйствительное выраженіе полноты своей мощи, и въ этомъ смыслѣ онъ есть живое подобіе Бога. Внутреннее средоточіе этого подобія Божія, живой источникъ вѣчныхъ силъ присущихъ идеальному космосу есть *душа міра*. Это очень важное понятіе въ системѣ Соловьева, по мнѣнію г. Лопатина; благодаря ему онъ, не смотря на свое строго-христіанское міросозерцаніе, въ значительной мѣрѣ приближается къ *пантеизму*. Душа міра въ качествѣ живаго подобія Божія надѣлена полною свободой самоопредѣленія. Отъ ея свободнаго выбора зависитъ поэтому ея отношеніе къ Божеству: она можетъ пребывать въ единствѣ съ нимъ, но можетъ и не пребывать, сдѣлавъ самое себя центромъ и цѣлію своего бытія. Изъ этой свободы самоопредѣленія и возникъ существующій міръ. Душа міра совершила свободно этотъ актъ самоопредѣленія, и онъ былъ актомъ отпаденія отъ Божественнаго источника. Она сдѣлала центромъ своего бытія не Бога, а себя и этимъ нарушила коренной смыслъ своего существованія. Оттого ея отпаденіе отъ Бога въ то же время было ея внутреннимъ паденіемъ, и такъ какъ всякая воля въ мірѣ въ послѣднемъ корнѣ есть ея воля, то эта эгоистическая, на себя направленная воля превратилась въ эгоистическую волю всѣхъ существъ. Отсюда борьба и страданія царствующія въ мірѣ, отсюда всеобщее разъединеніе вмѣсто прежняго единства. Но сознаніе этого единства не заглохло окончательно для міровой души, и въ этомъ смутномъ сознаніи заключается залогъ ея очищенія и спасенія. Въ этомъ очищеніи міровой души для соединенія ея съ Божествомъ и заключается сущность всего космическаго процеса. Но, прежде чѣмъ придти къ этому единенію, онъ долженъ пройти черезъ три предварительныя ступени; изъ первобытнаго хаоса космическій процесъ долженъ выработать: 1) единство *механическое* порождаемое всемірнымъ тяготѣніемъ: оно создаетъ матеріальное тѣло вселенной; 2) единство *динамическое* основанное на дѣятельности невѣсомой, разрѣженной, всюду проникающей и все объемлющей матеріи такъ называемаго эѳира; 3) единство *органическое* впервые дающее настоящій образъ всеединства въ матеріальномъ мірѣ черезъ начало идеальной соотвѣтственности и цѣлесообразности частей живаго организма.

Въ созданіи человѣка природный процесъ достигаетъ своей верховной цѣли и получаетъ свой истинный центръ долженствующій

очистить все злое природы. Въ человѣчествѣ чувственная душа міра становится душою разумною и, проникнувшись умопостигаемымъ свѣтомъ, обнимаетъ въ идеальномъ единствѣ все существующее. Черезъ человѣка земля возвышена до небесъ, черезъ него же, черезъ его дѣйствія небеса должны низойти на землю и наполнить ее. Такое центральное положеніе человѣка зависитъ отъ того что въ немъ впервые и въ то же время окончательно душа міра внутренно открывается Божественному разуму и входитъ въ живое, интимное единеніе съ нимъ. Такимъ образомъ назначеніе человѣка лежитъ въ освященіи и обожествленіи того что̀ отъ Бога отпало. Поэтому человѣчество, какъ единящее и освящающее начало природнаго міра, можетъ быть названо вторымъ абсолютнымъ.

Какъ носитель своего идеальнаго призванія человѣкъ есть живое воплощеніе Божества въ матеріальномъ мірѣ. Но чтобы стать такимъ воплощеніемъ онъ долженъ всецѣло возвыситься надъ чувственными эгоистическими побужденіями и сдѣлать волю Бога своею волей. Тогда онъ станетъ *Богочеловѣкомъ*. Такимъ Богочеловѣкомъ является Христосъ и оттого Его личность представляетъ собой центральный пунктъ не только всемірно-историческаго, но и всего космическаго процесса. Христосъ представляетъ ту точку въ міровой жизни, изъ которой исходитъ всеобщее очищеніе: только черезъ Него, черезъ Его пребывающее воздѣйствіе на человѣчество посредствомъ церкви, которая есть Его мистическое тѣло, возможно достиженіе окончательной цѣли всечеловѣческаго развитія, откровеніе Царства Божія. Историческій процесъ есть долгій и трудный переходъ отъ „звѣрочеловѣчества“ къ „богочеловѣчеству“. Когда этотъ переходъ совершится, весь міръ сдѣлается другимъ: изъ него исчезнетъ вещественная рознь, внѣшняя косность и взаимная непроницаемость существъ, и онъ превратится въ свѣтлое царство очищенныхъ духовъ объемлемыхъ единою жизнію духа абсолютнаго.

Такова въ общихъ чертахъ схема философской системы В. С. Соловьева въ изложеніи профессора Лопатина. Вся статья проникнута глубокою любовію и сочувствіемъ къ почившему мыслителю, хотя авторъ, къ собственному сожалѣнію, принужденъ констатировать что вліяніе Соловьева, какъ *философа*, на русское общество до сихъ поръ весьма незначительно. Отчасти это, впрочемь, объясняется тѣмъ что большинство статей Соловьева разбросано по разнымъ старымъ журналамъ и потому мало доступно публикѣ. Нужно надѣяться что эти статьи будутъ наконецъ собраны и изданы и что такимъ образомъ общество получитъ возможность ознакомиться съ ученіемъ перваго русскаго оригинальнаго философа.

Изъ другихъ статей входящихъ въ составъ первой книги *Вопросовъ философіи* остановимся еще только на статьяхъ кн. С. Н.

Трубецкаго: „Основное начало ученія В. Соловьева“ и профессора А. И. Введенскаго: „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія В. Соловьева“. Основная идея Соловьева, по мнѣнію кн. Трубецкаго, идея проникающая всѣ части его ученія есть религіозная христіанская идея. Философія его имѣла такимъ образомъ религіозную цѣль, но она не превращалась отъ этого въ „служанку теологіи“, не лишалась своей самостоятельности подобно средневѣковой схоластикѣ. Соловьевъ глубоко вѣрилъ что истина познаваемая путемъ умозрительныхъ изысканій, путемъ діалектической работы ума, въ конечномъ итогѣ вполнѣ совпадаетъ съ истинами вѣры, съ истинами религіознаго откровенія. Оттого онъ постоянно требовалъ полной свободы для разума, полагая что эта свобода всего лучше будетъ способствовать постиженію истины данной въ христіанскомъ вѣроученіи. Заблужденія, конечно, всегда будутъ возможны, но при честномъ отношеніи къ своей мысли, при твердомъ желаніи постичь „истину“, эти заблужденія не удержатся надолго и исчезнутъ. Вѣря въ силу человѣческаго разума, Соловьевъ не колебался вносить въ свою систему даже такія идеи которыя въ современномъ міропониманіи получили въ значительной мѣрѣ матеріалистическую окраску, напримѣръ, идею *эволюціи* которая играетъ въ его философіи весьма важную роль. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагалъ что принципъ *эволюціи* нисколько не противорѣчитъ принципу творенія, такъ какъ появленіе всякаго новаго типа есть въ извѣстномъ смыслѣ *новое твореніе*, реализація идеи даннаго типа отъ вѣка существующаго въ Божественномъ разумѣ. Высшею ступенью міровой эволюціи является человѣкъ. Но міровой процесъ не кончается созданіемъ человѣка, такъ какъ въ самомъ человѣкѣ открывается возможность безконечнаго совершенствованія: человѣкъ долженъ стать сверхъ-человѣкомъ или богочеловѣкомъ, человѣчество должно стать Царствомъ Божіимъ. Жизненный смыслъ христіанства Соловьевъ видѣлъ именно въ томъ что оно есть религія *Богочеловѣчества*. Съ этой точки зрѣнія назначеніе человѣка заключается въ томъ чтобы быть проводникомъ Бога въ мірѣ, служить посредникомъ воплощенія Бога. Въ соединеніи съ Богомъ онъ долженъ осуществить въ мірѣ полноту истины, добра и красоты. И въ этомъ заключается спасеніе человѣчества такъ же какъ и спасеніе всего міра.

Понимаемое такимъ образомъ христіанство, какъ религія Богочеловѣчества, есть залогъ того что абсолютная истина открывается человѣку и составляетъ не только возможную, но и безусловно должную цѣль стремленія нашего разума. Далѣе, оно есть залогъ того что абсолютное благо не только *есть*, но и *открывается* міру

черезъ человѣка и составляетъ высшую цѣль его воли. И, наконецъ, въ христіанствѣ же залогъ того что внѣшняя, матеріальная природа не полагаетъ вѣчной и безусловной границы духа, что она способна къ одухотворенію и преображенію составляющему высшую цѣль человѣческаго искусства и человѣческой культуры.

Професоръ Лопатинъ и кн. Трубецкой даютъ въ своихъ статьяхъ общій очеркъ міросозерцанія Соловьева. Напротивъ того, професоръ Введенскій останавливается на одномъ лишь спеціальномъ вопросѣ объ основахъ теоріи познанія Соловьева. Но вопросъ этотъ особенно важенъ, потому что теорія познанія есть краеугольный камень всякой философіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ отъ рѣшенія гносеологическихъ проблемъ существенно зависитъ отношеніе мыслителя къ основнымъ вопросамъ метафизики и этики. Въ теоріи познанія Соловьева А. И. Введенскій различаетъ два составные элемента: мистицизмъ и критицизмъ. Мистицизмъ или мистическое восприятіе является для Соловьева необходимымъ условіемъ всякаго полнаго знанія, поскольку оно касается основныхъ метафизическихъ вопросовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приписывалъ мистическому воспріятію и нашу увѣренность въ существованіе внѣшняго міра, которое является логически недоказуемымъ. Точно также и существованіе Бога непосредственно открывается какъ фактъ только мистическому созерцанію. Мистицизмъ Соловьева, по мнѣнію г. Введенскаго, въ послѣдніе годы его жизни подвергся, однако, значительному видоизмѣненію: поворотнымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи авторъ считаетъ 1897 годъ, годъ изданія „Оправданія Добра“. До этого года Соловьевъ полагалъ что всѣ люди болѣе или менѣе способны къ мистическому воспріятію, на томъ основаніи что Сущее Всеединое или Богъ содержитъ въ себѣ все, въ томъ числѣ и насъ самихъ, нашъ собственный духъ; поэтому Сущее Всеединое должно быть *дано* нашему сознанію внутри насъ самихъ, какъ наша собственная основа, непосредственно воспринимаемая нами, такъ что отрѣшившись отъ всякихъ личныхъ ощущеній и мыслей можно найти Бога внутри собственнаго духа. Но около 1897 года Соловьевъ существенно измѣняетъ свою точку зрѣнія и приходитъ къ выводу что далеко не всѣ люди, а только немногіе избранные способны къ мистическому воспріятію. Эта перемѣна произошла въ немъ, по мнѣнію г. Введенскаго, подъ вліяніемъ Канта. Первоначально Соловьевъ предполагалъ что мы *прямо* и *непосредственно* воспринимаемъ свое безусловное существо или душу, а такъ какъ послѣдняя находится въ Богѣ, то мы получаемъ возможность воспринимать въ глубинѣ своего духа также и Бога. Теперь же Соловьевъ усвоилъ себѣ взглядъ Канта который отрицалъ въ насъ воспріятіе собственнаго

существа и объяснялъ то что мы называемъ своимъ *я*, какъ эмпирическое *явленіе*, сущность котораго для насъ такъ же непостижима какъ и сущность вещей внѣшняго міра. Но есть избранники которые обладаютъ даромъ проникать въ сущность вещей, которымъ Богъ открывается въ непосредственномъ сознаніи; такіе люди обладаютъ способностію мистическаго воспріятія которая недоступна для другихъ, и этимъ избранникамъ въ моменты мистическаго откровенія высшія истины открываются какъ реальные *факты*, въ то время какъ для другихъ онѣ являются лишь въ качествѣ объекта традиціонной *вѣры*.

Такимъ образомъ професоръ Введенскій приписываетъ вліянію Канта существенное значеніе въ развитіи философскихъ взглядовъ Соловьева и считаетъ *критицизмъ* вторымъ составнымъ элементомъ его теоріи познанія представляющей собой синтезъ Кантовскаго критицизма съ мистицизмомъ. Подобно Канту, Соловьевъ считалъ невозможнымъ построить метафизику въ видѣ науки, то-есть, въ видѣ доказаннаго знанія; но онъ думалъ что такое знаніе становится вполнѣ возможнымъ если воспользоваться услугами мистическаго воспріятія. Кантъ, отрицая возможность метафизики въ видѣ науки, отнюдь не отрицалъ ея необходимости для цѣльнаго міровоззрѣнія и для обоснованія метафизическихъ положеній прибѣгъ къ такъ называемымъ „постулатамъ практическаго разума", придавая рѣшающую роль нашему внутреннему сознанію, нравственному чувству. Того же самаго метода придерживался и Соловьевъ при построеніи своей метафизики, съ тою только разницей что онъ на мѣсто нравственнаго сознанія ставилъ мистическое воспріятіе.

Перечисляя заслуги оказанныя Соловьевымъ русской философіи, г. Введенскій выдвигаетъ на первый планъ три главныя: это, во-первыхъ, борьба Соловьева противъ позитивизма и его разрушительная критика матеріалистическаго міросозерцанія; во-вторыхъ, распространеніе у насъ Кантовскаго критицизма какъ непосредственно путемъ ознакомленія общества съ ученіемъ Канта при помощи переводовъ его сочиненій („Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ" переведенныя Соловьевымъ выдержали два изданія), такъ и посредственно, путемъ усвоенія своей философской системѣ основныхъ принциповъ критицизма; наконецъ, третья важная заслуга Соловьева, это дополненіе ученія Канта указаніемъ на мистическое воспріятіе какъ на непосредственный источникъ метафизическаго знанія. Основной же недостатокъ философіи Соловьева препятствующій распространенію его мистицизма г. Введенскій видитъ въ томъ что Соловьевъ не выяснилъ психологію мистическаго воспріятія; эту задачу, по мнѣнію автора, и предстоитъ разрѣшить теперь ученикамъ и послѣдователямъ Соловьева, въ качествѣ его философскаго завѣщанія.

Кромѣ перечисленныхъ статей въ разбираемую книгу *Вопросовъ философіи* вошелъ еще рефератъ Соловьева о „Средневѣковомъ міросозерцаніи“ читанный имъ въ психологическомъ обществѣ еще въ 1891 году и навлекшій тогда на автора запрещеніе выступать лекторомъ въ публичныхъ засѣданіяхъ; затѣмъ приведено содержаніе рѣчи Соловьева произнесенной имъ на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ 13 марта 1881 года, въ которой онъ осуждаетъ современное революціонное движеніе съ христіанской и философско-нравственной точки зрѣнія. Кромѣ того выясненію отдѣльныхъ чертъ личности и ученія Соловьева посвящены статьи Новгородцева, Рачинскаго, Петровскаго и Геца. Все это дѣлаетъ разбираемую книгу московскаго философскаго журнала въ высшей степени интересною. Къ ней приложенъ также прекрасный портретъ почившаго мыслителя.

Новый альманахъ.

„Сѣверные Цвѣты“ на 1901 годъ собранные книгоиздательствомъ „Скорпіонъ“. Москва, 1901.

Литературные сборники въ формѣ альманаховъ были въ особомъ ходу у насъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, когда періодическая печать въ Россіи еще только развивалась. Нѣкоторые изъ нихъ представляли значительный интересъ и литературную цѣнность: таковы „Полярная Звѣзда“ Бестужева и Рылѣева, „Сѣверные Цвѣты“ Дельвига, „Мнемозина“ кн. Одоевскаго, „Денница“ Максимовича: въ нихъ принимали участіе лучшіе наши поэты и писатели: Пушкинъ, Баратынскій, Жуковскій, Вяземскій и др. Но на ряду съ этими альманахами выходило множество другихъ преслѣдовавшихъ чисто комерческія цѣли и являвшихся сборомъ никуда ненужнаго литературнаго хлама. Новый альманахъ только что выпущенный въ свѣтъ московскимъ книгоиздательствомъ пытается воскресить лучшія традиціи альманаховъ Пушкинскихъ временъ, на что̀ указываетъ и самое заглавіе его.

Содержаніе перваго выпуска „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ интересно и разнообразно. Здѣсь читатель найдетъ прекрасный новый разказъ Чехова: „Ночью“, производящій, не смотря на свои незначительные размѣры, весьма сильное впечатлѣніе и напоминающій по сжатой энергіи повѣствованія и по безотрадно мрачному настроенію лучшія произведенія Мопасана. Оригинальность замысла и неожиданность развязки еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе этого маленькаго художественнаго шедевра. Весьма недуренъ также разказъ г. Марка Криницкаго: „Умный и глупый“, написанный талантливо и остроумно.

Около половины всей книги отведено стихамъ, которые составляютъ особый отдѣлъ какъ въ старыхъ альманахахъ, а не помѣщены вперемежку съ прозой, какъ дѣлается въ современныхъ сборникахъ и журналахъ. Изъ извѣстныхъ поэтовъ прежняго времени мы встрѣчаемъ здѣсь два небольшія стихотворенія Фета и довольно длинное стихотвореніе Каролины Павловой: „Думы", весьма красивое по формѣ, написанное стансами съ тройными риомами; стихотвореніе это относится къ 1845 году.

Современная поэзія представлена цѣлымъ рядомъ именъ принадлежащихъ преимущественно литературной молодежи. Среди нихъ весьма недурны стихотворенія гг. Фофанова, Сологуба, Брюсова (особенно послѣднее: отрывокъ изъ поэмы), Балтрушайтиса. Къ сожалѣнію на ряду съ хорошими вещами встрѣчаются въ альманахѣ и вещи совсѣмъ слабыя: таковы, напримѣръ, стихи и проза г. Ивана Коневскаго написанные какимъ-то удивительно суконнымъ языкомъ. Излишнимъ баластомъ является въ книгѣ и фантастическая драма Гиппіусъ: „Святая кровь". За то весьма интересенъ по своему содержанію весь третій отдѣлъ альманаха, куда вошли письма Фета и Вл. С. Соловьева, отрывки изъ записокъ кн. А. И. Урусова, нѣсколько записокъ Тютчева къ Ап. Майкову и даже записка Пушкина къ Муханову (напечатана факсимиле). Особенно любопытны и цѣнны письма Соловьева къ Фету рисующія ихъ взаимныя отношенія и искрящіяся остроуміемъ.

Нужно надѣяться что изданіе не ограничится однимъ выпускомъ и будетъ появляться каждогодно. Внѣшность его весьма изящна; рисунокъ обложки принадлежащій художнику Сомову выдержанъ строго въ стилѣ тридцатыхъ годовъ.

Изъ историческихъ журналовъ.

Н. К. Шильдеръ въ вышедшихъ книжкахъ *Русской Старины* за текущій годъ (январь, февраль, мартъ и апрѣль) напечаталъ окончаніе своей статьи по исторіи царствованія императора Николая I: „Императоръ Николай I и Восточный вопросъ". Въ этихъ книгахъ журнала излагаются событія нашей войны съ Турціей окончившіяся нашими удачами въ 1828 году и завершившіяся блистательнымъ походомъ за Балканы въ 1829 году.

Главною цѣлію нашего похода за Дунай въ 1828 году была Шумла. Сюда направлены были значительныя силы, здѣсь же была и квартира главнокомандующаго графа Витгенштейна, при которомъ находился и графъ Дибичъ. Однако численное превосходство непріятеля и выгоды его неприступнаго положенія уже заранѣе обрекали на

неуспѣхъ всѣ попытки вытѣснить его съ занятыхъ имъ высотъ и овладѣть крѣпостью. Повидимому, по отъѣздѣ императора Николая Павловича изъ-подъ Шумлы въ іюлѣ 1828 года въ главной квартирѣ сознали наконецъ критическое положеніе русской арміи, но выходомъ изъ него считали дальнѣйшее развитіе уже оказавшагося ошибочнымъ плана обложенія Шумлы. Основаніями такого образа дѣйствій служили разчеты на нравственное превосходство нашихъ войскъ и на неспособность непріятельскихъ полководцевъ. Послѣднее соображеніе не лишено было справедливости. Дѣйствительно, засѣвшій въ Шумлѣ Гуссейнъ-паша совсѣмъ по-турецки пользовался выгодами своего положенія: онъ предался полному бездѣйствію. Онъ спокойно смотрѣлъ со своихъ тѣнистыхъ, лѣсистыхъ высотъ какъ Русскіе среди безводной, безлѣсной равнины, подъ палящимъ зноемъ солнца, цѣною невѣроятныхъ лишеній и усилій напрасно старались лишить Турокъ источниковъ ихъ изобилія и безопасности. Неспособность непріятельскихъ полководцевъ въ этомъ случаѣ съ избыткомъ покрывалась выгодами непріятельскаго положенія и разчетъ на нее одну не могъ не оказаться по меньшей мѣрѣ безрезультатнымъ. Событія не замедлили подтвердить ошибочность этихъ разчетовъ.

Генералъ-адъютантъ Киселевъ 25 іюля составилъ записку объ измѣненіи образа дѣйствій противъ Шумлы. Мнѣніе его заключалось въ томъ что для возможно полнаго стѣсненія Шумлы слѣдуетъ занять долину Буюкъ-Камчика и стать твердою ногой на главномъ сообщеніи Турокъ съ Константинополемъ черезъ Эски-Стамбулъ. Киселевъ полагалъ что постояннымъ наблюденіемъ и изысканіемъ удобопроходимыхъ дорогъ на высоты въ тылъ Шумлы представится наконецъ возможность утвердиться на хребтѣ горъ и тѣмъ еще болѣе стѣснить укрѣпленный турецкій лагерь, „а можетъ-быть съ помощію Божіею и занять оный“. Главнокомандующій рѣшился выполнить этотъ планъ, при чемъ въ донесеніи государю продолжалъ отстаивать необходимость большаго обложенія Шумлы: „мѣра сія, писалъ онъ, вынужденная обстоятельствами и желаніемъ дать хотя нѣкоторой части арміи наступательное дѣйствіе не увѣряетъ однакожь въ успѣхѣ главной цѣли которая можетъ быть достигнута только усиленіемъ войскъ подъ Шумлою“.

Гуссейнъ-паша замѣтивъ наступательныя намѣренія русскихъ войскъ атаковалъ 14 августа оба наши фланга. Произошелъ бой при Стражѣ Марашѣ едва не окончавшійся гибелью отрядовъ принца Евгенія Виртембергскаго. Однако Турки не воспользовались благопріятнымъ для нихъ оборотомъ дѣла и Гуссейнъ тотчасъ же впалъ въ прежнее бездѣйствіе, какъ замѣчаетъ историкъ, „опасаясь, повидимому, что малѣйшее неосторожное движеніе сорветъ лавры съ его чела которыми увѣнчали полководца собственное бездѣйствіе и счастье“. Графу Витгенштейну оставалось только обратиться къ спасительной мѣрѣ постепенно очищать позиціи занятыя имъ въ тылу Турокъ и бросать одно укрѣпленіе за другимъ сосредоточиваясь передъ фронтомъ непріятельскаго лагеря.

Когда государь узналъ объ исходѣ дѣла 14 августа, онъ сильно разгнѣвался на фельдмаршала и свое негодованіе излилъ въ обширномъ письмѣ къ Дибичу. Благимъ результатомъ этой неудачи было

то что съ этого времени рѣшено было обратить главныя усилія противъ Варны и двинуть туда для поддержанія осаждавшихъ ее войскъ гвардію.

21 августа послѣ обѣда императоръ отправился изъ Одессы на фрегатѣ „Флора" въ Варну. Неблагопріятный вѣтеръ заставилъ однако вернуться въ Одессу и предпринять сухопутное путешествіе. 23 августа государь съ генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ и съ двумя фельдъегерями уже мчался въ коляскѣ. Фрегату со свитой приказано было отправиться прямо въ Варну когда позволитъ погода. 27 августа, уже на фрегатѣ, государь остановился утромъ посреди флота противъ Варны. Въ тотъ же день онъ спустился на берегъ для свиданія съ раненымъ княземъ Меншиковымъ, для осмотра лагерей и осадныхъ работъ и для посѣщенія больныхъ и раненыхъ. Съ этого дня государь ежедневно день проводилъ въ осадномъ лагерѣ и только къ закату солнца возвращался на корабль.

Атака Варны постепенно усиливалась. Взятіе этой крѣпости являлось необходимымъ заключительнымъ дѣломъ оканчивающейся неудачной кампаніи 1828 года и залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашего оружія на Балканскомъ полуостровѣ. Турки съ необыкновеннымъ упорствомъ отстаивали осажденную крѣпость. Лишь во второй половинѣ сентября, благодаря искуснымъ осаднымъ работамъ по плану полковника Шильдера, наши успѣхи стали замѣтнѣе, а положеніе непріятелей ухудшалось съ каждымъ днемъ и становилось безвыходнымъ. Наконецъ 28 сентября Юсуфъ-паша вышелъ изъ крѣпости и предалъ себя подъ покровительство императора, а 29 сентября покорилась и крѣпость. 1 октябрь императоръ торжественно въѣхалъ въ Варну.

Государь лично благодарилъ войска и щедро наградилъ всѣхъ, особено саперъ, подкопы и взрывы которыхъ подготовили сдачу Варны безъ штурма. Между прочимъ государь пожаловалъ 12 орудій отбитыхъ у непріятеля Варшавѣ, по его собственнымъ словамъ, „какъ замѣчательное историческое воспоминаніе, ибо достойно вниманія что здѣсь явилась именно русская армія съ польскимъ королемъ чтобы отомстить смерть другаго польскаго короля." Такимъ образомъ, императоръ Николай I, какъ явствуетъ изъ только что приведенныхъ словъ письма его къ цесаревичу Константину Павловичу, признавалъ себя какъ польскаго короля обязаннымъ отомстить Туркамъ взятіемъ Варны за смерть своего отдаленнаго предмѣстника Владислава III, короля польскаго и венгерскаго, который погибъ подъ стѣнами Варны въ битвѣ съ султаномъ Амуратомъ 10 ноября 1444 года. Въ рескриптѣ графу Воронцову по поводу взятія Варны государь писалъ:

„Я желаю почтить память моего предшественника утратившаго побѣду и жизнь, но не славу, подъ стѣнами покоренной нынѣ Варны. Здѣсь палъ ратуя подъ знаменемъ Христовымъ мужественный сынъ Ягайлы Владиславъ, король польскій. Мѣсто его погребенія не знаемо, но да будетъ ему воздвигнутъ въ самой столицѣ Польши памятникъ его достойный. Назначивъ для сего въ даръ ей 12 турецкихъ пушекъ изъ числа найденныхъ въ Варнѣ орудій, Я поручаю вамъ немедленно выбрать и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ оныя будутъ поставлены на приличномъ мѣстѣ по распоряженію его императорскаго высо-

чества цесаревича въ честь герою и въ честь храбрымъ россійскимъ войскамъ отмстившимъ побѣдою за его паденіе".

Главною цѣлію такого подарка Варшавѣ было со стороны государя желаніе открыто засвидѣтельствовать свое расположеніе къ Полякамъ и тѣмъ привлечь и Поляковъ къ довѣрчивому и братскому отношенію къ Русскимъ, или какъ писалъ онъ цесаревичу: „да сблизятся Поляки и Русскіе все болѣе другъ съ другомъ". Къ сожалѣнію, Поляки и въ то время, какъ и всегда, не переставали самыя милости своихъ королей обращать въ средства наносить оскорбленія и ущербъ своимъ повелителямъ. И дальнѣйшая исторія весьма скоро приведетъ насъ къ повѣствованію о томъ невѣроятномъ вѣроломствѣ какъ Поляки изъ пожалованныхъ имъ государемъ пушекъ стрѣляли въ русскія войска въ мятежѣ 1831 года и какъ русскимъ войскамъ пришлось собственною грудью вторично отбивать турецкія пушки, но уже не изъ вражескихъ рукъ Турокъ, а изъ измѣнническихъ рукъ своихъ соотечественниковъ Поляковъ.

Покончивъ съ Варною и готовясь къ отъѣзду въ Россію, государь лично распорядился объ окончаніи похода и о зимнемъ расквартированіи войскъ. 2 октября на кораблѣ „Императрица Марія" онъ отправился въ Одессу. Переѣздъ этотъ былъ особенно тяжелъ, и корабль бросилъ якорь на Одесскомъ рейдѣ лишь ночью на 8 число октября, вслѣдствіе разыгравшейся въ морѣ бури, много разъ угрожавшей выбросить русскаго монарха на турецкую землю, на враждебные берега Босфора.

Послѣ паденія Варны настало время окончательно отвести войска изъ-подъ Шумлы, и оставалась еще слабая надежда овладѣть крѣпостію Силистріею. 4 октября началось отступательное движеніе нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы. Корпусъ генерала Рота отошелъ въ Козлуджу, а генералъ Рудзевичъ со своимъ корпусомъ двинулся къ Силистріи. Непріятель слабо преслѣдовалъ его сначала, но 7 октября завязались жаркія аріергардныя дѣла въ Айдосской лощинѣ съ восьми тысячнымъ турецкимъ отрядомъ. Дороги вслѣдствіе проливныхъ дождей сдѣлались непроходимыми, и корпусу Рудзевича (3-му) при изнуренныхъ лошадяхъ и истощенныхъ людяхъ лишенныхъ надлежащаго продовольствія пришлось бороться съ неимовѣрными затрудненіями, особенно въ Айдосской лощинѣ, изъ которой приходилось подниматься на крутизны простирающіяся на двѣ версты. Артилерію удалось спасти, но въ виду натиска Турокъ пришлось пожертвовать обозомъ. Рудзевичъ раздалъ людямъ что̀ они могли взять, а затѣмъ истребилъ бо̀льшую часть своихъ повозокъ застрявшихъ въ лощинѣ. Въ этомъ дѣлѣ мы понесли потери болѣе 700 человѣкъ.

По прибытіи генерала Рудзевича къ Силистріи силы облегавшихъ ее войскъ возрасли до 30.000 человѣкъ, но благопріятное время для рѣшительныхъ дѣйствій противъ крѣпости прошло. Проливные дожди наводнили траншеи и затопили мѣстность по которой надлежало вести подступы. Вскорѣ дождь смѣнился метелью при восьми градусномъ морозѣ, снѣгомъ занесло землянки и батареи. На Дунаѣ уже сталъ появляться ледъ грозившій совершенно прервать сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ и прекратить подвозъ продовольственныхъ и боевыхъ припасовъ, въ которыхъ и безъ того ощущался недостатокъ. Къ тому же войска нуждались въ отдыхѣ на зимнихъ квартирахъ послѣ всѣхъ трудовъ и потерь понесенныхъ въ теченіе кампаніи.

18 октября графъ Витгенштейнъ въ сопровожденіи графа Дибича прибылъ изъ Варны въ Каларашъ. Убѣдясь лично въ невозможности продолжать осаду въ столь позднее время года, главнокомандующій по совѣщанію съ графомъ Дибичемъ рѣшился 1 ноября снять блокаду Силистріи, которую впослѣдствіи Мольтке назвалъ „предпріятіемъ невѣрно соображеннымъ, слабо выполненнымъ и совершенно неудавшимся“. Главная квартира была перенесена въ Яссы, графу Ланжерону поручены были войска на лѣвомъ берегу Дуная, а генералу Роту предназначенныя для храненія занятой нами части Болгаріи.

* * *

Кампанія 1828 года окончилась. Какое же значеніе имѣла она въ исторіи нашего движенія на Востокъ? „Если принять въ соображеніе огромныя жертвы которыми ознаменовалась для Русскихъ кампанія 1828 года, пишетъ Мольтке, то трудно сказать кто ее выигралъ или потерялъ: Русскіе или Турки? Значеніе этого похода должно было опредѣлиться второю кампаніей“. Оцѣнивая, однако, самыя военныя дѣйствія наши, Мольте говоритъ:

Если кампанія получила сносный исходъ, то въ этомъ нисколько не повинны соображенія русской стратегіи. Кампанія была подготовлена неудовлетворительно, начата недостаточными средствами и открыта слишкомъ поздно; направленіе же данное главному корпусу войскъ было такое отъ котораго никогда нельзя было ожидать какого-либо результата. Но всѣ эти ошибки были исправлены отличными качествами свойственными русскимъ войскамъ, самоотверженнымъ повиновеніемъ начальникамъ, настойчивостію солдата, бодростію его духа въ перенесеніи лишеній и непоколебимымъ мужествомъ среди опасности; вотъ обстоятельства отклонившія гибель которая угрожала Русскимъ подъ Шумлою и удержавшая предпріимчивость сераскира, они же побѣдили всѣ затрудненія и противодѣйствіе встрѣченныя подъ Варною и въ такой степени подѣйствовали на Омеръ-Вріоне что онъ,

не смотря на одержанную имъ побѣду, простоялъ какъ ошеломленный десять дней въ бездѣйствіи, между тѣмъ какъ Варна, этотъ оплотъ Отоманской имперіи, пала передъ его глазами... Поведеніе войскъ, отъ послѣдняго солдата и кончая самымъ главнымъ начальникомъ... выше всякихъ похвалъ кабинетнаго пера.

Въ то же время въ Азіятской Турціи походъ совершенный графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ въ 1828 году ознаменовался непрерывнымъ рядомъ блестящихъ успѣховъ. Побѣды „отца командира" служили императору Николаю Павловичу истиннымъ утѣшеніемъ среди невзгодъ и затрудненій съ которыми приходилось бороться русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ. Паскевичъ едва окончивъ изнурительный персидскій походъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 11.000 человѣкъ, рѣшительностію своихъ дѣйствій предупредилъ всѣ намѣренія непріятеля и вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ затрудненій. 14 іюня онъ перешелъ границу и двинувшись къ Карсу взялъ его штурмомъ 23 іюня. Послѣ этого менѣе чѣмъ въ два мѣсяца Паскевичу удалось самыми ограниченными средствами разсѣять непріятельскую армію и занять три пашалыка: Карскій, Ахалцыхскій и Баязетскій. Государь наградилъ графа Паскевича-Эриванскаго орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

По возвращеніи въ Петербургъ государю пришлось прежде всего пережить тяжкое семейное горе, кончину своей августѣйшей матери, императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая послѣдовала 24 октября 1828 года. Заслуживаетъ вниманія то тайное предчувствіе которое съ такой силою влекло государя въ Петербургъ и заставило его день и ночь мчаться изъ Одессы не смотря на отвратительное состояніе погоды и дорогъ. Послѣдніе дни и минуты покойной государыни императоръ подробно описалъ въ письмѣ къ своему брату цесаревичу Константину, къ которому государь, между прочимъ, обращался съ такими словами:

Вотъ мы сиротами! Намъ остаетесь лишь вы, старшій и глава нашей несчастной семьи. На васъ именно переходятъ наши привязанности, не отталкивайте ихъ, дорогой Константинъ, и замѣните намъ, насколько это возможно для васъ, ту которая все время, пока Господь хранилъ ее, составляла для насъ все... Душой и сердцемъ обнимаю васъ и прошу у васъ благословенія какъ я просилъ его у нея для меня, моей жены и моимъ добрымъ дорогимъ дѣтямъ.

Нельзя съ сожалѣніемъ не отмѣтить еще одного обстоятельства тѣсно связаннаго съ изложеннымъ событіемъ и выясняющагося изъ переписки государя съ цесаревичемъ по этому поводу. Императрица Марія Ѳеодоровна оставила обширныя, многотомныя записки, но повелѣла ихъ сжечь послѣ своей кончины. Безъ сомнѣнія, для исторіи

Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка исчезновеніе этихъ записокъ составляетъ невознаградимую потерю. 14 января 1829 года императоръ сообщилъ объ этомъ цесаревичу въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

По ея приказанію я долженъ былъ лично сжечь цѣлый ящикъ наполненный серіей томовъ, родомъ воспоминаній или дневника, писанныхъ ею собственноручно изъ года въ годъ, восходящихъ до семидесятыхъ годовъ и оканчивающихся около 1800 года. Признаюсь что это меня очень огорчило. Непонятно какъ моя матушка находила время написать все то что̀ собственноручно начертано ею.

Отвѣчая государю на это извѣстіе цесаревичъ писалъ что ему вполнѣ понятно огорченіе испытанное братомъ при сожженіи дневника императрицы—матери: „Было бы очень любопытно прочесть его, но разъ такова была ея воля, оставалось только въ точности ее исполнить,“ заключаетъ Константинъ Павловичъ. Послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны 26 октября послѣдовалъ высочайшій указъ сенату которымъ государь бралъ подъ свое покровительство всѣ многочисленныя благотворительныя учрежденія бывшія подъ управленіемъ покойной императрицы и для доклада по этимъ дѣламъ и объявленія высочайшихъ повелѣній назначенъ былъ особенный статсъ-секретарь съ наименованіемъ „статсъ-секретаря по дѣламъ управленія учрежденій императрицы Маріи.“ Одновременно и канцелярія императрицы Маріи Ѳеодоровны была переименована въ IV отдѣленіе собственной его величества канцеляріи.

* * *

Въ Петербургѣ императоръ Николай Павловичъ, имѣя въ виду то что война 1828 года не привела къ какимъ либо рѣшительнымъ результатамъ, немедленно занялся самымъ важнымъ въ то время для Россіи дѣломъ: преобразованіемъ дѣйствующей арміи и подготовленіемъ средствъ для продолженія войны. Послѣднему обстоятельству могла бы препятствовать Европа, но на этотъ разъ политическія отношенія сложились въ нашу пользу: лишь Метернихъ совѣтовалъ Турціи продолжать войну ошибочно считая положеніе Россіи затруднительнымъ. Другія державы молча злорадствовали, очевидно, увѣренныя нашими неудачами 1828 года въ полномъ безсиліи Россіи и въ еще бо̀льшемъ паденіи ея могущества и значенія, если она рѣшится продолжать войну съ Турціей. Поэтому государю прежде всего предстояло подумать о выборѣ новаго главнокомандующаго и обновленіи личнаго состава штаба арміи предназначенной дѣйствовать въ 1829 году на Балканскомъ полуостровѣ.

Послѣ паденія Варны и отъѣзда государя въ Россію фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ возобновилъ свою просьбу объ увольненіи. Государь отклонилъ эту просьбу и послалъ главнокомандующему милостивый рескриптъ.

Въ половинѣ декабря въ Петербургъ пріѣхалъ изъ арміи графъ Дибичъ. Съ нимъ государь во всю осень переписывался и обсуждалъ условія будущей кампаніи противъ Турокъ. Относительно плана ея государь полагалъ полезнымъ не переходить Балканъ, удержать за нами то, чтó было покорено, и овладѣть лишь тѣми пунктами которые еще не находились въ нашей власти. „Обстоятельства и политика требуютъ пока однѣхъ оборонительныхъ мѣръ“, говорилъ государь. Слѣдовательно, вторая кампанія должна была привести къ постепенному занятію одной линіи Дуная, то-есть, къ плану кампаніи примѣненному уже однажды съ такимъ неуспѣхомъ во время семилѣтней войны съ Турціею въ царствованіе императора Александра I (съ 1806 по 1812 годъ). „Этотъ планъ кампаніи, писалъ императоръ Николай, докажетъ всему міру что мы продолжаемъ дѣло не какъ завоеватели, но какъ подобаетъ благоразумнымъ и осмотрительнымъ людямъ преслѣдующимъ планъ который можетъ привести насъ къ большимъ результатамъ“.

Графъ Дибичъ съ своей стороны одобрилъ всѣ предположенія государя относительно обреченія арміи на атаку дунайской оборонительной линіи, предполагая только предварительно при открытіи кампаніи овладѣть во чтò бы то ни стало Шумлою при помощи штурма! Затѣмъ уже графъ находилъ возможнымъ спокойно приступить къ покоренію дунайскихъ крѣпостей. „Это движеніе главныхъ силъ вполнѣ оборонительное и даже до нѣкоторой степени отступательное, писалъ въ заключеніи Дибичъ государю, доказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и выяснило бы принятую систему дѣйствій“.

Для выполненія подобнаго плана кампаніи графъ Витгенштейнъ признавался вполнѣ способнымъ и предположено было его не трогать.

Однако въ Петербургѣ неожиданно произошелъ переворотъ во мнѣніяхъ насчетъ плана будущей кампаніи: генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ обратился къ государю съ прямодушною рѣчію честнаго солдата и представилъ ему записку заключавшую въ себѣ безпощадную критику всего совершившагося въ 1828 году на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, исходя изъ той мысли что готовясь къ новой войнѣ нужно воспользоваться опытомъ истекшей кампаніи, остерегаясь впасть въ тѣ же ошибки которыя воспрепятствовали намъ въ достиженіи болѣе положительныхъ резуль-

татовъ. Императоръ Николай оцѣнилъ по достоинству правдивое слово Васильчикова, и высказанныя имъ истины и полезные совѣты не остались подъ спудомъ. Государь призналъ непреложными выставленныя имъ положенія: на войнѣ въ виду непріятеля, главнокомандующій долженъ руководствоваться исключительно собственными соображеніями (Васильчиковъ указывалъ подробно на неудобство происходящее отъ назначенія фельдмаршала главнокомандующимъ арміею въ то время, когда государь лично ею предводительствуетъ); но занимаясь подготовленіемъ кампаніи слѣдуетъ призвать для обсужденія людей опытныхъ и способныхъ. Эти мысли вскорѣ получили практическое примѣненіе.

19 ноября 1828 года подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя собранъ былъ комитетъ въ которомъ приняли участіе графъ В. П. Кочубей, графъ Чернышевъ, баронъ Толь и В. П. Васильчиковъ. Въ этомъ засѣданіи получившемъ важное историческое значеніе государь счелъ умѣстнымъ заявить собранію что цѣль дальнѣйшей войны съ Турціей не заключается вовсе въ покореніи Константинополя, или же въ низверженіи султана, но единственно въ пріобрѣтеніи возможно бо̀льшихъ гарантій для принужденія Порты заключить миръ могущій впредь обезпечить прочнымъ и непоколебимымъ образомъ точное выполненіе преимуществъ утвержденныхъ за Россіею прежними трактатами. Для достиженія этой цѣли государь полагалъ достаточнымъ назначить въ кампанію не болѣе 120.000 человѣкъ. Выслушавъ государя собравшіеся въ засѣданіи высказались противъ предположенной систематической войны на Дунаѣ, а напротивъ признали необходимымъ стараться причинить непріятелю чувствительные, сильные и неожиданные удары. Такимъ образомъ рѣшенъ былъ забалканскій походъ.

Въ это то время въ Петербургѣ появился Дибичъ. Онъ скоро освоился съ новымъ планомъ военныхъ дѣйствій и уже не настаивалъ на штурмѣ Шумлы. А такъ какъ императоръ отказался отъ личнаго предводительствованія арміею, на первую очередь выступилъ вопросъ о выборѣ главнокомандующаго. Графъ Дибичъ повелъ это дѣло съ большимъ искусствомъ. Оба возможные кандидата, Сакенъ и Витгенштейнъ, отклоняли отъ себя труды и отвѣтственность въ предпріятіи для нихъ неожиданномъ. 9 февраля 1829 года высочайшимъ приказомъ Витгенштейнъ былъ уволенъ, а Дибичъ назначенъ главнокомандующимъ. Такимъ образомъ Дибичъ достигъ цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій, преслѣдуя которую, по свидѣтельству многихъ современниковъ, онъ подготовилъ неудачный исходъ кампаніи 1828 года. Назначеніе его главнокомандующимъ нигдѣ, ни при дворѣ, ни въ обществѣ, ни въ арміи, не встрѣтило сочувствія.

15 февраля въ Яссахъ Дибичъ принялъ командованіе арміею. Первымъ дѣломъ новой кампаніи было взятіе Силистріи, которое должно было служить основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ предпріятій. 18 іюня крѣпость сдалась на капитуляцію безъ штурма, лишь благодаря работѣ однѣхъ лопатъ. 25 іюня въ Кіевѣ Государь получилъ радостное извѣстіе объ этомъ. Теперь оставалось ожидать перехода войскъ черезъ Балканы. 30 іюля извѣстіе объ этомъ счастливомъ событіи обрадовало Государя. Переходъ черезъ Балканы совершился благополучно. 5, 6, и 7 іюля, затѣмъ съ 11 по 31 іюля заняты были Мисемврія, Ахіоло, Бургасъ, Айдосъ, Карнабатъ, Ямболь и Сливно, а въ заключеніе 8 августа сдался на капитуляцію безъ выстрѣла Адріанополь. Вслѣдъ затѣмъ наши войска заняли дальнѣйшія позиціи непріятеля и 26 августа городъ Эносъ, послѣ чего армія наша вошла въ связь съ находившеюся въ Архипелагѣ эскадрой графа Гейдена. Съ этого момента слава графа Дибича какъ полководца окончательно утвердилась, а завистники и недоброжелатели его умолкли на долго.

Вечеромъ 29 августа пріѣхалъ курьеръ изъ Константинополя отъ прусскаго посланника Ройе съ письмомъ къ главнокомандующему отъ французскаго и англійскаго пословъ при Портѣ, въ которомъ они увѣдомляли что въ случаѣ движенія русскихъ войскъ къ Царьграду Порта перестанетъ существовать и что самое ужасное безначаліе, уничтоживъ власть ея, подвергнетъ самому пагубному жребію христіанъ и мусульманъ турецкой имперіи. 2 сентября 1829 года подписанъ былъ Адріанопольскій мирный договоръ.

Главнѣйшія условія этого столь желаннаго мира заключались въ слѣдующемъ: Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія. Безопасность нашей азіятской границы обезпечена присоединеніемъ крѣпостей: Анапы, Поти, Ахалцыха, Ахцура и Ахалкалаки. Прежніе трактаты съ Портою признаны сю во всей силѣ. Права и преимущества Сербіи и княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены, причемъ Порта обязалась не оставлять за собою на лѣвомъ берегу Дуная ни одного укрѣпленія и не дозволять своимъ мусульманскимъ подданнымъ имѣть тамъ жительство. Греція признана васальнымъ государствомъ. Уплата военныхъ издержекъ опредѣлена была въ десять миліоновъ голандскихъ дукатовъ, а вознагражденіе русскимъ подданнымъ и негоціантамъ въ миліонъ пятьсотъ тысячъ дукатовъ.

Такимъ образомъ изъ завоеваній нашихъ нами не былъ удержанъ за собою Карсъ. Графъ Паскевичъ особенно настаивалъ на удержаніи нами карскаго пашалыка и написалъ графу Нессельроде пророческія слова: „Остается только надѣяться что намъ не придется раскаяться о сдачѣ Карса и хребта Сеганлугскихъ горъ, а уступка

немаловажная". Къ сожалѣнію, пророчество Паскевича сбылось съ неотразимою вѣрностію, и намъ пришлось не разъ въ 1855 и 1877 годахъ памятовать объ ошибкѣ учиненной графомъ Дибичемъ при заключеніи Адріанопольскаго мира.

Турецкая война закончилась съ честію для русскаго оружія, но государь питалъ надежды на большее: онъ выражалъ желаніе чтобы султанъ принялъ христіанство.

* * *

Прошло почти пятьдесятъ лѣтъ, и русскимъ войскамъ снова пришлось переходить Дунай и Балканы. Въ 1877 году началась наша всѣмъ еще памятная война съ Турціей. Геройскіе подвиги нашихъ войскъ и въ эту кампанію удержали за ними прежнюю славу. Зимницкая переправа, Систово, Рущукъ, Шипка, Плевна и множество другихъ дѣлъ еще разъ подтвердили ихъ несокрушимую отвагу. Подробная повѣсть о каждомъ изъ этихъ славныхъ дѣлъ еще ожидаетъ своихъ историковъ. Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о переправѣ черезъ Дунай и побѣдномъ движеніи отрядовъ Гурко и Скобелева сообщаетъ С. А. Цуриковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о войнѣ 1877 и 1878 годовъ" (*Историческій Вѣстникъ*, январь и февраль).

Августѣйшій главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ Старшій изволилъ послать своего сына, великаго князя Николая Николаевича Младшаго, вмѣстѣ съ авторомъ „Воспоминаній" въ распоряженіе генерала Драгомирова на переправу черезъ Дунай въ Зимницѣ. Предстоящее дѣло хранилось въ строжайшей тайнѣ, и главнокомандующій повелѣлъ никому не говорить куда и зачѣмъ посылаются молодые офицеры подъ страхомъ разстрѣлянія.

Въ Зимницу командированные великій князь и Цуриковъ прибыли вечеромъ чтобы впотьмахъ не выдать своего пріѣзда. Въ это время у начальника дивизіи собрались начальники частей и довольно долго совѣщались. Отпустивъ ихъ генералъ Драгомировъ принялъ пріѣзжихъ. Пріемъ не отличался любезностію. Генералъ сказалъ:

— Удивляюсь, зачѣмъ его высочество прислалъ васъ ко мнѣ, у меня и своихъ есть много, управимся и безъ васъ. А впрочемъ это его воля, поэтому будьте при мнѣ.

Надо замѣтить что на другой же день генералъ призналъ пользу которую пріѣзжіе оказали дѣлу переправы и занятія береговыхъ укрѣпленій и воздалъ должную похвалу ихъ боевымъ достоинствамъ.

Пріѣзжіе вышли отъ генерала и сѣли на скамейку у крыльца. Здѣсь денщикъ генерала готовилъ изъ свѣжаго хлѣба бутерброды. Голодъ сильно давалъ чувствовать себя, и молодые офицеры очень

желали воспользоваться чѣмъ-нибудь изъ генеральскихъ закусокъ, соблазняли равнодушнаго къ нимъ денщика даже золотомъ, но неизмѣнно получали категорическій отвѣтъ что хлѣбъ, молъ, готовится для генерала.

Вдругъ послышался скрипъ колесъ. Это везли понтоны для спуска въ рукавъ Дуная, откуда они должны были пройти въ самую рѣку, взять на себя десантъ для переправы на турецкую сторону. Вышелъ генералъ, пріѣзжіе встали и пошли за нимъ. За генераломъ тронулись откуда-то вдругъ появившіяся войска. Слѣдовали сперва берегомъ рукава, потомъ спустились внизъ, перешли устланный соломой мостикъ, еще прошли съ версту по сухому иловатому острову и очутились на берегу Дуная. Все время слѣдованія соблюдалась полная тишина, совсѣмъ не было разговоровъ, и приказанія отдавались шепотомъ. Впрочемъ, каждый такъ хорошо зналъ свое дѣло что и безъ приказаній, казалось, можно было бы обойтись. Противоположный берегъ Дуная казался черною линіей. Ночь была лунная, тихая. Было такъ свѣтло что, казалось, съ противоположнаго берега турецкіе часовые должны были замѣтить движеніе нашихъ баталіоновъ. Артилерія наша заняла свои мѣста направо и налѣво отъ сборнаго пункта.

Расположеніе турецкихъ силъ было такое: у Систова лагерь трехтысячнаго отряда, вдоль берега стояли посты, у устья ручья Текиръ-Дере находилась занятая пѣхотной частью караулка и у Вардика, восточнѣе Систова, семитысячный турецкій лагерь.

Тихо, безъ шума подошли понтоны и лѣвыми бортами причалили къ берегу. Начальникъ дивизіи перекрестился, сказалъ: „Съ Богомъ!“ и махнулъ рукой. Началась переправа. Все было заранѣе предусмотрѣно, обдумано и расписано, какъ по нотамъ: каждый безъ суеты пошелъ на свое мѣсто. Люди, снимая фуражки и крестясь, стали садиться на понтоны, головная часть десанта тихо отчалила. Съ понятною среди подобной обстановки тревогой ожидали что каждое мгновеніе тайна нашего смѣлаго предпріятія будетъ открыта непріятелемъ, но опасенія были напрасны: Турки спали непробуднымъ сномъ, и первый рейсъ выгрузился безъ выстрѣла. Люди штыками перекололи засѣвшую въ караулку у Текиръ-Дере пѣхотную часть, разломали эту постройку и заняли ближайшую возвышенность. Тогда только турецкіе часовые догадались открыть огонь по подходящимъ къ берегу понтонамъ. Поднялась тревога. Наши понтоны обратно причаливали къ берегу и съ новыми частями десанта опять переправлялись черезъ рѣку. Систовскія батареи открыли огонь, но гранаты, высоко перелетая надъ сборнымъ пунктомъ, падали въ позади находящуюся глубокую лужу. Въ это время стало свѣтать, поднялся свѣ-

жій вѣтеръ взволновавшій поверхность рѣки. Семь понтоновъ быстрымъ теченіемъ рѣки были снесены ниже устья ручья Текиръ-Дере къ вардинскому лагерю, откуда уже поспѣшалъ къ берегу поднятый тревогой непріятель, и именно къ этому мѣсту сносило наши понтоны. Гребцы выбивались изъ силъ чтобы высадиться у Текиръ-Дере. Быстрое теченіе несло ихъ на вѣрную гибель: лишь только понтонъ подплывалъ къ скалистому берегу занятому турецкими таборами, раздавался ружейный залпъ, и понтонъ шелъ ко дну рѣки. Пока подходилъ новый понтонъ, Турки успѣвали зарядить ружья и снова раздавались залпы.

Перестрѣлка усиливалась. Генералъ Драгомировъ со Скобелевымъ и своею свитой отправился тоже на тотъ берегъ, поручивъ великому князю дальнѣйшія наблюденія касательно посадки людей, на понтоны и ихъ отправленія. Въ этомъ назначеніи, по отзыву автора „Воспоминаній", сказалась военная опытность Драгомирова. Дѣло въ томъ что въ эту минуту артиллерійскій бой былъ въ полномъ разгарѣ: наши снаряды осыпали систовскую батарею которая держалась стойко и непрерывно посылала къ намъ „отвѣтные чугунные гостинцы". Отъ усиленнаго и мѣткаго огня систовскихъ батарей мѣсто посадки нашихъ войскъ сдѣлалось весьма опаснымъ. Въ виду этого, во избѣжаніе возможности замѣшательства въ частяхъ которыя впервые попадали въ сферу огня, назначеніе великаго князя руководить столь важнымъ въ данную минуту дѣломъ быстрой и непрерывной посадки войскъ на понтоны было во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразно. Присутствіе сына августѣйшаго главнокомандующаго на такомъ жаркомъ пунктѣ, какъ мѣсто переправы, сильно ободряло и успокоивало необстрѣленныхъ солдатъ. Впослѣдствіи оказалось что первое напряженіе на мѣстѣ переправы было такъ велико что одинъ изъ болѣе значительныхъ начальниковъ подвергся душевной болѣзни.

На турецкомъ берегу Драгомировъ со свитой оказались въ сферѣ самаго жестокаго ружейнаго огня. Раздавались потрясающіе душу ожесточенные возгласы нашихъ и Турокъ, но трудно было что нибудь видѣть, такъ какъ ущелье ручья Текиръ-Дере и возвышающіяся надъ нимъ горы покрыты были рощами, садами и виноградниками. Скобелевъ забѣжалъ впередъ и взглянувъ на лица солдатъ вернулся и поздравилъ Драгомирова съ побѣдой. Бой шелъ хорошо, но разрозненно. По мѣрѣ того какъ подходили понтоны, люди небольшими кучками выскакивали на берегъ, бѣжали впередъ на выручку своимъ и натыкаясь въ кустахъ и виноградникахъ на Турокъ стремительно бросались въ рукопашный бой. Любопытенъ одинъ случай о которомъ авторъ разказываетъ какъ о „забавѣ непріятеля".

Вдругъ, говоритъ онъ, услышалъ я сигналъ напоминающій отступленіе; онъ непріятно удивилъ меня, но объясненіе унтеръ-офицера (находившагося около автора) меня успокоило. Оказалось что начальникъ дивизіи заранѣе объявилъ ввѣреннымъ ему частямъ что отступленія не будетъ, и если услышатъ подобный сигналъ, то онъ будетъ поданъ или какимъ-нибудь измѣнникомъ, или непріятелемъ чтобы насъ сбить съ толка; но такъ какъ у насъ измѣнниковъ быть не можетъ, добавилъ мой солдатъ, то это должно быть забавляется непріятель.

Первый день за Дунаемъ окончился блистательно для нашихъ войскъ. На лѣвомъ флангѣ, гдѣ былъ Драгомировъ лично, наши укрѣпились, на правомъ заняли Систово.

Заслуживаетъ вниманія случай со Скобелевымъ, разыгравшійся въ первые же дни пребыванія его за Дунаемъ. Главнокомандующій объѣзжалъ у Систова позиціи Радецкаго. Подъѣхавъ къ 4-ой стрѣлковой бригадѣ и увидѣвъ здѣсь Скобелева, великій князь строго обратился къ нему:

— Ты зачѣмъ здѣсь?

Генералъ Радецкій хотѣлъ было отвѣчать: „генералъ Скобелевъ...“ Но великій князь продолжалъ:

— Развѣ я тебя посылалъ къ генералу Радецкому? я развѣ я тебѣ лично не приказалъ ѣхать къ Рущуку? Отправляйся сейчасъ въ Зимницу, отдай свою саблю полковнику Скалону и сиди въ моей палаткѣ до моего возвращенія.

Взявъ подъ козырекъ и повернувшись налѣво кругомъ будущій герой Плевны, Ловчи и Шейнова отправился подъ арестъ. Генералъ Драгомировъ началъ просить за Скобелева:

— Ваше высочество, простите его хотя ради тѣхъ заслугъ которыя онъ оказалъ на переправѣ.

Но великій князь оставался и тогда непреклоненъ, когда Скобелевъ старшій, отецъ Михаила Дмитріевича, сталъ тоже просить:

— Ваше высочество, простите моего Мишку: онъ уже и такъ достаточно наказанъ.

— Эхъ, ты старый! отвѣчалъ Скобелеву главнокомандующій, — своего Мишку не знаешь, а еще отецъ! Я твоего Мишку не меньше тебя люблю, но самъ посмотри каковъ онъ: на переправу его никто не посылалъ, онъ произвольно оставилъ свой постъ и въ бой удралъ, гдѣ, повидимому, не боялся пуль, а теперь, когда я его послалъ на рекогносцировку, онъ не поѣхалъ почему-то вдругъ, видишь ли: страшно стало ѣхать безъ конвоя. А что онъ посидитъ у меня часа три или четыре въ палаткѣ, еще невелика бѣда. За то знаю впередъ что если я что̀ поручу ему, то онъ стѣну лбомъ расшибетъ чтобы исполнить мое приказаніе. Только этого мнѣ и нужно.

Послѣдующія событія показали какъ вѣрно главнокомандующій понималъ Скобелева и какъ умѣлъ пользоваться его блистательными дарованіями для пользы и славы Россіи.

Новости иностранной литературы.

Отношеніе Англіи къ ея ближайшимъ сосѣдямъ.

France and Britain: two civilisations. By Havelock Ellis. (*Contemporary Review*, April 1901).

Germany and England. By Ignotus. (*Fortnightly Review*, April 1901).

Отношенія Англіи къ ея ближайшимъ сосѣдямъ послужили предметомъ двухъ крайне любопытныхъ статей въ апрѣльскихъ книжкахъ журналовъ *Contemporary* и *Fortnightly Review*. Авторъ первой изъ нихъ дѣлаетъ попытку доказать что французская и англійская цивилизаціи только въ томъ случаѣ могутъ успѣшно достигнуть высшей точки своего развитія, если соединятся въ совмѣстномъ усиліи для взаимнаго содѣйствія другъ другу. Какъ Англія, такъ и Франція наслѣдницы цивилизаціи латинской, но каждая изъ этихъ странъ переработала это наслѣдіе по своему. Французская цивилизація является въ основѣ своей строгою дисциплиной которой долженъ подчиняться всякій желающій воспользоваться благами французской культуры. Лучшимъ доказательствомъ этой особенности можетъ служить ея литературный языкъ. Всякій образованный Французъ пишетъ хорошо. При чтеніи французскихъ книгъ научнаго содержанія отдыхаешь: такъ ясенъ, изященъ и легокъ ихъ слогъ сравнительно съ тяжелымъ, мучительно-лаконическимъ слогомъ англійскихъ писателей и варварскимъ многоглаголаніемъ нѣмецкихъ. Эта забота о томъ чтобы не утруждать другихъ при обмѣнѣ мыслями находится въ тѣсной зависимости отъ коренныхъ свойствъ французскаго народа исторически сложившихся въ теченіе многихъ вѣковъ. Въ основу французской культуры положено подчиненіе интересовъ частнаго лица или отдѣльной личности интересу общему. Отсюда философскій складъ ума у всего народа заставляющій его добровольно ниспровергать самыя дорогія ему традиціи во имя того что̀ принимается въ данную минуту за высшія требованія ума и нравственности; отсюда же та веселость которая способна свести самые тяжелые результаты жизненнаго опыта къ улыбкѣ или эпиграмѣ. Къ французскому веселію многіе иностранцы относятся отрицательно, и оно дѣйствительно въ болѣе грубыхъ своихъ проявленіяхъ заслуживаетъ такого отношенія; но въ основѣ своей оно всетаки является выраженіемъ способности отречься отъ своего *я* свойственной почти каждому Французу. Народъ этотъ можетъ при видѣ своихъ собственныхъ несчастій проникаться тѣмъ что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія вѣчности. Авторъ видѣлъ однажды

какъ Французъ съ трудомъ догнавши омнибусъ и увидавъ что всѣ мѣста въ немъ заняты любезно приподнялъ шляпу съ добродушнымъ привѣтствіемъ: bon voyage! по адресу счастливыхъ пасажировъ. Англичанинъ никогда не былъ бы способенъ на это. Онъ считаетъ себя за центръ вселенной и малѣйшее разочарованіе въ этомъ убѣжденіи настолько возмущаетъ его что въ немъ утрачивается всякое побужденіе къ вѣжливости и человѣчности. Французъ же въ этихъ случаяхъ умѣетъ побороть свое разочарованіе и проникнуться сознаніемъ что если онъ потерялъ, то другіе отъ этого выиграли.

Такимъ традиціямъ своей культуры Франція обязана широкимъ развитіемъ общественной жизни. Развитіе это должно было неизбѣжно принять демократическій характеръ. Онъ сказывается даже въ общности языка у высшихъ и низшихъ классовъ общества. Въ Англіи, наоборотъ, самый языкъ служитъ препятствіемъ къ сближенію между аристократіей и народомъ. Первая говоритъ на чистомъ англійскомъ языкѣ основой которому служитъ латинскій, второй имѣетъ множество нарѣчій или жаргоновъ различныхъ для каждой данной мѣстности. При этомъ Британцы дѣлаютъ все чтобъ подчеркнуть соціальное неравенство, тогда какъ Французы въ силу природной вѣжливости стараются не давать его почувствовать.

Англичане охотно говорятъ объ упадкѣ латинскихъ расъ противополагая его своему собственному экономическому процвѣтанію. Но они забываютъ при этомъ что заработываніе денегъ не есть цѣль жизни, а условіе поддержки ея, и неспособно украсить самой жизни. Въ этомъ отношеніи Англичане противорѣчатъ на практикѣ тому что говорятъ въ теоріи. Всего тридцать, даже двадцать лѣтъ тому назадъ Лондонъ представлялъ собою унылую, безобразную пустыню, чуждую всякаго элемента красоты и изящества „и болѣе лишенную всѣхъ удобствъ жизни нежели даже далекая Москва". Но за послѣднее время онъ подвергся большимъ измѣненіямъ: здѣшнія улицы, парки, рестораны, трамваи, мѣста общественныхъ гуляній подверглись преобразованіямъ благодаря которымъ они существенно сблизились съ французскими. Даже англійская толпа нѣсколько дисциплинировалась на французскій ладъ. Она привыкла соблюдать нѣкоторыя формы вѣжливости, и драки бывшія въ ней прежде обычнымъ явленіемъ перестали приниматься за нѣчто естественное. Явленія эти нельзя объяснить непосредственнымъ вліяніемъ французской культуры, но они представляютъ несомнѣнное доказательство что въ нашъ вѣкъ, когда вѣжливость заняла въ сношеніяхъ людей подобающее ей мѣсто, народъ наиболѣе выработавшій у себя правила ея является неизбѣжно образцомъ для другихъ.

Въ свою очередь и Французамъ есть чѣмъ позаимствоваться у

Англіи. Въ области воспитанія воли и силы характера Англія, несомнѣнно, можетъ служить образцомъ для другихъ государствъ. Затѣмъ въ области литературы французскій народъ благодаря своимъ природнымъ свойствамъ имѣетъ большой пробѣлъ, а именно во Франціи нѣтъ поэтовъ. Тотъ же самый французскій языкъ который въ своей ясности незамѣнимъ для прозы чуждъ тѣхъ великолѣпныхъ туманныхъ выраженій которыя придаютъ такую чарующую прелесть твореніямъ англійскихъ поэтовъ. Французскій языкъ легко дѣлается орудіемъ реторики которая есть не что иное какъ поэзія разсудочнаго и прозаичнаго ума. Величайшій изъ французскихъ поэтовъ Викторъ Гюго прекраснѣйшій реторикъ. Французамъ вообще трудно бываетъ уловить различіе между громкою фразой и истинною поэзіей. Такъ велико непониманіе поэзіи во Франціи что наиболѣе искренно вдохновенные изъ французскихъ поэтовъ нашего времени какъ Вилонъ и Вэрлэнъ не нашли себѣ мѣста въ окружающемъ ихъ обществѣ и сдѣлались бездомными скитальцами стоящими какъ бы внѣ закона. Англія же, наоборотъ, даетъ у себя просторъ и свободу всякому вдохновенію; въ этомъ отношеніи она могла бы оказать благотворное вліяніе на свою сосѣдку.

Къ сожалѣнію, народныя страсти и зависть другъ къ другу препятствуютъ сближенію между этими двумя странами и тѣмъ тормазятъ развитіе той и другой. Авторъ выражаетъ надежду что этой розни суждено кончиться и что придетъ время когда Англія и Франція будутъ искать другъ въ другѣ поддержки для общей успѣшной работы на поприщѣ культуры.

Далеко не такимъ примирительнымъ характеромъ какимъ проникнута только-что приведенная статья отличаются разсужденія автора скрывающагося подъ псевдонимомъ Ignotus объ отношеніяхъ между Англіей и Германіей. Публицистъ этотъ, какъ извѣстно, отличается крайне широкимъ взглядами на права Британіи и крайне узкими на права другихъ національностей и постоянно изливается въ горькихъ жалобахъ на то что со всѣхъ сторонъ англійскому могуществу угрожаетъ неминуемая и незаслуженная гибель. Не далѣе какъ въ прошломъ году мишенью его нападокъ была Россія, въ нынѣшнемъ году онъ направилъ свои стрѣлы противъ Германіи. Если вѣрить его словамъ, Германія заклятой врагъ Англіи подъ которую она не переставая подкапывается въ продолженіе многихъ лѣтъ. Въ доказательство своего обвиненія онъ приводитъ въ извѣстномъ, разумѣется, освѣщеніи бѣглый обзоръ нѣмецкой политики за послѣднія десятилѣтія. Статья начинается съ пересказа разговора Бисмарка съ однимъ дипломатомъ въ ту пору когда желѣзный канцлеръ былъ на вершинѣ своей славы. Бисмаркъ въ этомъ разговорѣ выражаетъ свое удовольствіе по поводу

того что ему удалось разрѣшить одно постоянное затрудненіе нѣмецкой политики, а именно избавить Германію отъ опасности одновременной борьбы съ Франціей и Россіей. „Обсудивъ дѣло со всѣхъ сторонъ“, говоритъ онъ, „я пришелъ къ заключенію что для меня будетъ всего выгоднѣе, если я отвлеку въ сторону вниманіе своихъ грозныхъ сосѣдей. Ради этого я добился соединеннаго контроля Англіи и Франціи надъ Египтомъ и создалъ затрудненіе между вашимъ правительствомъ и Россіей въ Афганистанѣ, въ придачу къ тѣмъ которыя уже существовали по Восточному вопросу. Надѣюсь что этимъ я предупредилъ, по крайней мѣрѣ, на то время пока буду живъ, совмѣстное нападеніе Франціи съ Россіей на Германію“. Этотъ эпизодъ является краснорѣчивою илюстраціей двойственности Бисмарковской политики. Ignotus вспоминаетъ по тому же поводу тѣ средства какими Бисмаркъ добился отказа Горчакова отъ нѣкоторыхъ статей парижскаго трактата по вопросу о Черномъ морѣ и припоминаетъ исторію присоединенія къ Пруссіи Шлезвигъ-Гольштейна, побѣды надъ Австріей, политическіе происки приведшіе къ франкопрусской войнѣ и не состоявшуюся, благодаря вмѣшательству Россіи и Англіи, попытку Бисмарка вовлечь Францію въ новую войну въ 1875 году.

По увѣренію Ignotus, духъ Бисмарка всецѣло царитъ въ нынѣшнемъ германскомъ кабинетѣ, доказательствомъ этого можетъ служить знаменитая телеграма посланная Вильгельмомъ Крюгеру въ 1896 году которая на самомъ дѣлѣ была не что иное какъ попытка создать предлогъ для войны съ Англіей и привлечь себѣ союзниковъ для этой цѣли. Этотъ планъ не удался только потому что Россія и Франція уклонились отъ союза съ Германіей въ данномъ случаѣ. Затѣмъ авторъ припоминаетъ событія послѣднихъ лѣтъ на Дальнемъ Востокѣ: Германія воспользовалась для своихъ цѣлей тѣмъ что Англія отказалась соединиться съ Россіей для совмѣстныхъ дѣйствій въ Китаѣ послѣ японско-китайской войны. Вскорѣ потомъ послѣдовалъ захватъ германскимъ флотомъ Кіао-Чау. Нынѣшнее англо-германское соглашеніе о которомъ графъ Бюловъ заявилъ что оно ни въ какомъ случаѣ не направлено противъ Россіи на самомъ дѣлѣ направлено противъ Англіи. Нѣмецкіе офицеры снова примутся за преобразованія китайской арміи и современемъ эта армія подъ начальствомъ своихъ нѣмецкихъ инструкторовъ и вооруженная нѣмецкимъ оружіемъ вытѣснитъ Англичанъ изъ Китая и лишитъ ихъ владычества въ долинѣ Янъ-Цзы-Цзяна. Затрудненія испытываемыя Англичанами въ Южной Африкѣ также оказываются какъ нельзя болѣе кстати для видовъ германской политики и, разумѣется, Германія сдѣлаетъ все отъ нея зависящее чтобы продлить ихъ какъ можно долѣе. Правда, импера-

торъ Вильгельмъ и Родсъ выработали соглашеніе относительно проведенія желѣзнодорожной линіи которая соединитъ китовый берегъ съ Родезіей, но въ данномъ случаѣ выгоды всѣ на сторонѣ Германіи, потому что англійскія южно-африканскія владѣнія будутъ въ зависимости отъ нея въ дѣлѣ выработки условій для провоза товаровъ съ берега моря внутрь страны. Авторъ приписываетъ германскому императору глубоко задуманные планы для сближенія съ Франціей; онъ предполагаетъ будто существуетъ проектъ примирить вражду между обоими государствами тѣмъ чтобъ отдать Бельгію Франціи, а Голандію включить въ составъ Германской имперіи.

Не менѣе коварною явилась политика Германіи на Ближнемъ Востокѣ. Ignotus утверждаетъ будто императоръ Вильгельмъ предлагалъ Греціи помочь ей добиться присоединенія Крита на томъ условіи, если Судская бухта будетъ уступлена Германіи, а получивъ отказъ обратился къ Турціи и оказалъ султану содѣйствіе для войны съ Греціей. Когда же Греція была побѣждена, Германіею были посланы на Критъ тайные дипломатическіе агенты для того чтобы добиться кандидатуры нѣмецкаго принца на постъ губернатора.

Для того чтобы избѣгнуть опасностей грозящихъ со стороны Германіи Ignotus предлагаетъ средства которыя способны привести въ ужасъ британскихъ джингоистовъ, а именно, онъ совѣтуетъ Англіи принять всевозможныя мѣры къ тому чтобы сблизиться съ Россіей на почвѣ общихъ интересовъ и добиться путемъ какихъ бы то ни было уступокъ скорѣйшаго окончанія южно-африканской войны въ самомъ корнѣ подтачивающей могущество Великобританіи.

Новая повѣсть Эдуарда Рода.

Mademoiselle Annette, par M. Edouard Rod (*Revue des deux Mondes*, 15 mars, 1 et 15 avril 1901).

Въ основѣ новой повѣсти Рода, какъ вообще во всѣхъ послѣднихъ произведеніяхъ этого писателя, положена нравоучительная идея, ради удобства популяризаціи ея облеченная въ белетристическую форму. Надо при этомъ отдать однако справедливость автору что, не смотря на тенденціозность своихъ произведеній, онъ умѣетъ дѣлать ихъ отраженіемъ дѣйствительной жизни и представить намъ въ своихъ герояхъ живые, яркіе образы.

Здѣсь изображены двѣ жизни изъ которыхъ одна посвящена цѣликомъ служенію ближнему, а другая заботѣ о собственной особѣ. Дѣйствіе происходитъ въ небольшомъ швейцарскомъ городкѣ Бьелѣ. Родъ

начинаетъ съ описанія начальной школы куда онъ былъ отданъ въ дѣтствѣ родителями и гдѣ особенно подружился съ однимъ изъ своихъ товарищей, Пьеромъ Николэ. Мальчика этого онъ зналъ уже нѣсколько лѣтъ, такъ какъ вмѣстѣ съ нимъ учился грамотѣ у сестры его, mademoiselle Annette, которая имѣла маленькую подготовительную школу. Эта школа, по отзыву Рода, была „настоящая школа Телема, одна изъ тѣхъ какія существовали тогда когда педагогія еще не была включена въ число наукъ, когда не возникалъ еще вопросъ о переутомленіи, когда азбука была еще хорошенькою книжкой съ картинками, когда не изобрѣтали еще каждый годъ новыхъ методовъ чтобъ учить писать палки". Другую особенность этого заведенія составляло всеобщее обожаніе учениками учительницы. Она являлась для нихъ воплощеніемъ красоты, доброты и учености. Родъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ ея поклонниковъ и сильно горевалъ когда долженъ былъ разстаться съ нею чтобы поступить въ городскую школу, но это горе было не продолжительнымъ. Подружившись съ ея братомъ онъ сталъ бывать у нихъ въ домѣ и познакомился со всею семьею Николэ. Она состояла изъ разбитаго параличемъ дѣда, послѣдователя суровой секты Дарбистовъ, сына его Жюста, ограниченнаго и тупаго человѣка который стоялъ во главѣ винокуреннаго завода, его болѣзненной и вялой жены и ихъ дѣтей изъ которыхъ Анетъ была старшая, а Пьеръ младшій. У старика Николэ кромѣ Жюста было еще нѣсколько человѣкъ дѣтей разсѣянныхъ по всему свѣту; одна дочь была гувернанткой въ Россіи, другая замужемъ въ Англіи, одинъ сынъ Пьеръ-Дэни жилъ въ Сѣверной Америкѣ и, какъ говорили, находился на пути къ тому чтобы нажить большое состояніе, другой, Жюль, странствовалъ по свѣту съ труппой актеровъ, третій, Адольфъ, смолоду пристрастился къ цвѣтоводству и служилъ садовникомъ при виллѣ Шарлотъ принадлежавшей одному богатому Англичанину и отстоявшей на два километра отъ Бьеля.

Въ довольно мрачномъ домѣ Николэ Анетъ являлась свѣтлымъ лучемъ: она ходила за старикомъ-паралитикомъ, помогала матери по хозяйству и учила младшихъ сестеръ грамотѣ. Ей самой, хотя на короткое время, выпало на долю счастіе: она сдѣлалась невѣстою Марка Магэ, сына извѣстнаго врача у котораго была ушная клиника въ городѣ Бьелѣ. Молодой человѣкъ этотъ считался лучшею партіей въ городѣ и всѣ съ завистью смотрѣли на счастливую невѣсту. Таково было положеніе дѣлъ когда на семью Николэ сразу обрушилось несчастіе. Жюстъ нѣсколько запуталъ дѣла завода и по проискамъ одного изъ неумолимыхъ кредиторовъ былъ объявленъ несостоятельнымъ. Разореніе было полное. Николэ лишились всего, домъ и иму-

щество были проданы за долги, женихъ Анетъ отказался отъ нея, и вся семья за исключеніемъ молодой дѣвушки и старика-паралитика переселилась въ Америку. Анетъ перешла съ дѣдомъ на маленькую квартиру и зарабатывала себѣ пропитаніе уроками въ школѣ. Шли года, и въ ихъ монотонной жизни не было иного разнообразія кромѣ полученія писемъ отъ близкихъ гдѣ они описывали свою полную труда и лишенія жизнь. Вдругъ однажды распространился слухъ что въ Бьель пріѣзжаетъ Пьеръ-Дэни Николэ, американскій миліонеръ. Весь городъ былъ въ волненіи какъ встрѣтить и принять важнаго гостя. Всѣмъ хотѣлось показать ему что его родной городъ гордится имъ и что мѣстные жители не забыли товарища дѣтскихъ игръ. Но появленіе богача въ городѣ сразу разочаровало всѣхъ; онъ обошелся съ мѣстными властями хотя вѣжливо, но сухо и холодно, интересовался исключительно статистическими свѣдѣніями о городѣ и не скрывалъ своего презрѣнія предъ господствующимъ здѣсь застоемъ промышленности и торговли. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ, и этотъ отъѣздъ, вѣроятно, не оставилъ бы ничего кромѣ разочарованія въ средѣ мѣстнаго населенія, еслибъ ему не предшествовало событіе приведшее въ изумленіе весь городокъ. А именно миліонеръ купилъ за огромныя деньги виллу Шарлотъ и переселилъ туда своего старика отца и племянницу, назначивъ имъ крупную пенсію для того чтобы они могли жить безбѣдно и поддерживать роскошное жилище въ такомъ видѣ чтобы владѣлецъ могъ въ любое время найти здѣсь готовый столъ и домъ. Анетъ сразу стала виднымъ лицомъ въ городѣ и всѣ съ любопытствомъ ждали какова она будетъ въ новой роли богатой наслѣдницы. Но къ изумленію всѣхъ окружающихъ она осталась такою же скромною, смиренною учительницей, какою была до сихъ поръ. У нихъ осталась та же старая служанка, тѣ же скромныя привычки что̀ и прежде. Даже садовника имъ не пришлось нанимать для поддержки великолѣпныхъ садовъ, потому что дядя Адольфъ остался при своемъ прежнемъ занятіи. Всѣ деревья, кусты и цвѣты онъ выростилъ самъ, и разстаться съ ними для него было равносильно тому чтобы разстаться съ жизнію. Надъ скупостію mademoiselle Annette подсмѣивались въ городѣ, пока не случилось событія заставившаго замолчать всѣ злые языки. Въ одинъ прекрасный день Анетъ явилась къ мѣстному нотаріусу и заявила ему что намѣрена удовлетворить всѣхъ кредиторовъ своего отца. Похваламъ ей по этому поводу конца не было, и она сдѣлалась образцомъ всѣхъ добродѣтелей для мѣстнаго населенія. Вскорѣ послѣ того умеръ дѣдъ; всѣ ожидали что избавясь отъ этой обузы Анетъ выйдетъ замужъ и даже стали пріискивать ей подходящихъ жениховъ, но она вмѣсто того занялась воспитаніемъ двою-

роднаго брата своего, идіота Антонія, только-что осиротѣвшаго въ ту пору. Въ то же время явился къ ней дядя ея Жюль, бывшій актеръ котораго чахотка заставила бросить странствованія и искать такого уголка гдѣ онъ могъ бы умереть спокойно. Снова начались для Анетъ дни полные заботъ объ этихъ двухъ больныхъ попавшихъ на ея попеченіе. Жила она такъ же скромно какъ и прежде, но деньги которыя ей удавалось накопить не залеживались у нея. Онѣ отсылались въ Америку роднымъ облегчая имъ тяжелую борьбу изъ-за куска хлѣба. Сосѣди иногда покачивали головою на порядки царившіе въ виллѣ Шарлотъ, и нѣкоторые изъ нихъ болѣе предусмотрительные утверждали даже что дядя Николэ будетъ не особенно доволенъ тѣмъ какъ ведется хозяйство его племянницею. Предсказанія эти дѣйствительно оправдались. Однажды нежданно-негаданно пришла телеграма извѣщавшая о пріѣздѣ миліонера, вслѣдъ за которой явился и самъ дядя Николэ. Изумленію, а потомъ негодованію его границъ не было, когда вмѣсто многочисленой прислуги, которую онъ ожидалъ видѣть, его встрѣтила одна старуха Эмелинъ, и когда оказалось что лучшая комната въ домѣ занята его больнымъ братомъ. Видъ идіота окончательно вывелъ его изъ терпѣнія; онъ сдѣлалъ рѣзкій выговоръ Анетъ за то что она живетъ въ такой обстановкѣ, и объявивъ ей о своемъ намѣреніи впредь поселиться здѣсь, предложилъ ей продолжать жить въ домѣ попрежнему и заниматься хозяйствомъ, но только съ условіемъ чтобы она избавилась отъ состоящихъ при ней двухъ больныхъ. Она, разумѣется, отказалась и переѣхала снова жить на маленькую квартиру, куда перевезла съ собою Жюля и Антонія. Миліонеръ же принялся за немедленное переустройство хозяйства на новыхъ началахъ. Первымъ его дѣломъ было избавиться отъ дяди Адольфа. „Я не могу“, разсуждалъ онъ, „оставить брата у себя въ усадьбѣ на положеніи работника и заставить его обѣдать съ прислугою; а ввести его въ кругъ своихъ знакомыхъ и посадить его за столъ съ собою тоже невозможно; тѣмъ болѣе что онъ къ этому не привыкъ“. Именно въ этихъ выраженіяхъ онъ и объяснилъ Адольфу причину почему онъ проситъ его оставить мѣсто садовника въ виллѣ Шарлотъ. Пьеръ-Дэни всетаки мучился угрызеніемъ совѣсти за этотъ поступокъ, но успокоилъ себя тѣмъ что предложилъ Адольфу купить ему маленькій участокъ по сосѣдству, гдѣ бы онъ могъ самостоятельно примѣнять свои свѣдѣнія по садоводству. Адольфъ наотрѣзъ отказался и ушелъ отъ брата съ пустыми руками.

Не смотря на то что онъ устроилъ жизнь свою вполнѣ по своему Пьеръ-Дэни всетаки чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ ею. Чтобы убить время онъ рѣшилъ принять участіе въ общественныхъ

дѣлахъ, но опытъ примѣненія американскихъ порядковъ на швейцарской почвѣ оказался крайне неудачнымъ. Граждане жаловались что предлагаемыя имъ мѣры невыполнимы, а онъ выходилъ изъ себя отъ косности и медленности веденія общественныхъ дѣлъ и мало-по-малу совсѣмъ отступился отъ нихъ. Даже посѣщенія мѣстныхъ властей сдѣлались ему въ тягость. Кончилось тѣмъ что онъ совсѣмъ заперся у себя въ виллѣ, ведя знакомство только съ богатыми иностранцами наѣзжавшими къ нему изъ сосѣднихъ курортовъ. Не разъ возникали слухи будто онъ собирается жениться на одной изъ молодыхъ дѣвушекъ того круга въ которомъ онъ вращался, но они не оправдывались. Велико было поэтому изумленіе мѣстныхъ жителей когда однажды они узнали черезъ прислугу миліонера что онъ женится на бѣдной дѣвушкѣ Христинѣ Ложье, дочери французскаго эмигранта жившаго рядомъ съ виллой Шарлотъ. Робкая и скромная, она по смиренію и незлобивости напоминала Анетъ, но у нея было меньше личной иниціативы и энергіи. Это было одно изъ тѣхъ существъ которыя напрашиваются на сравненіе съ птичкой или цвѣткомъ, и дѣйствительно она сумѣла украсить унылый домъ миліонера своимъ дѣтскимъ веселіемъ. Свадьба была отпразднована великолѣпно, но затѣмъ супруги зажили очень тихо. Мало-по-малу подъ вліяніемъ жены Пьеръ-Дэни сталъ перерождаться, онъ сталъ менѣе жестокъ и требователенъ по отношенію къ прислугѣ, началъ мягче относиться къ людямъ и даже согласился вернуть брату своему Адольфу прежнее мѣсто, выстроивъ ему отдѣльный домикъ. Миліонеръ, быть можетъ, пошелъ бы еще дальше на пути нравственнаго усовершенствованія, еслибы его добрый геній не покинулъ его неожиданно. Христина умерла внезапно въ одинъ лѣтній вечеръ, оставивъ миліонера одного въ его богатомъ домѣ. На этотъ разъ Пьеръ-Дэни познalъ всю тягость одиночества, будучи окруженъ чужими, равнодушными людьми. Онъ не могъ найти ни въ чемъ исхода мучительной тоскѣ, и единственнымъ утѣшеніемъ для него сдѣлались бесѣды о Христинѣ съ тѣми кто ее зналъ. Въ этомъ горѣ онъ снова прибѣгъ къ Анетъ; придя къ ней, онъ попросилъ ее переселиться къ нему въ виллу Шарлотъ и жить тамъ на тѣхъ условіяхъ какія она сама назначитъ. На этотъ разъ она согласилась и переѣхала туда вмѣстѣ съ Антоніемъ. Примѣръ ея не могъ не подѣйствовать на ея дядю и заставилъ его мало-по-малу перемѣнить не только свои отношенія къ людямъ, но и свои убѣжденія въ томъ что касается культа своего *я*. Доказательствомъ этого можетъ служить разговоръ который онъ имѣлъ съ авторомъ въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ своей жизни.

— Нѣтъ ничего легче, говорилъ миліонеръ,—какъ вообразить себѣ что примѣняя свои способности себѣ на пользу исполняешь величайшій законъ природы; но въ одинъ прекрасный день съ горемъ убѣждаешься что одна сила ума или таланта есть сила грубая, что то чѣмъ ей обязанъ не имѣетъ никакой цѣны, что для того чтобы поправить ее нужны другія качества болѣе прекрасныя, рѣдкія, дѣйствительно-человѣчныя. Посмотрите теперь на Анетъ и то что ею сдѣлано: безъ нея цѣлая семья, быть можетъ, погибла бы въ безплодной борьбѣ, она спасла ее въ то время какъ я собиралъ свои миліоны; прокладывая себѣ путь, я разорялъ много слабыхъ существъ по закону борьбы который есть законъ природы, но природы коварной, жестокой, несправедливой, которую человѣкъ долженъ исправлять. Анетъ же никогда не заставила пролить ни одной слезы, наоборотъ, она дѣлала добро всѣмъ которые приходили съ ней въ соприкосновеніе, даже мнѣ самому: при всемъ своемъ богатствѣ я пользовался ея милостыней.

Въ другой разъ онъ жаловался на то что сдѣлалъ плохое употребленіе изъ своей жизни:

— Я никогда не думалъ о счастіи, говорилъ онъ, и не заботился ни о томъ чтобы получить его, ни о томъ чтобъ давать его; я ничѣмъ не пользовался въ жизни кромѣ сознанія денежныхъ удачъ, а теперь онѣ тяготѣютъ надо мною, и мнѣ кажется будто мнѣ навьючили на спину всѣ мои миліоны слитые въ одинъ слитокъ. Мнѣ неизвѣстны радости доступныя самымъ бѣднымъ людямъ, и теперь гнаться за ними слишкомъ поздно. Мнѣ остается только одно, дѣлать добро, а это искусство трудное которому я не обученъ.

Чѣмъ больше онъ старился, тѣмъ чаще повторялись такія рѣчи. Онъ сталъ торопиться дѣлать добро, словно боясь что конецъ близокъ. Въ этомъ случаѣ онъ былъ правъ, но смерть не пришла сразу. Ей предшествовала мучительная болѣзнь приковавшая его къ постели на много мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ Анетъ ходила за нимъ, пока онъ не умеръ у нея на рукахъ. Послѣ него пришла очередь Адольфа; смерть его оставила Анетъ совершенно одинокой, потому что Антоній скончался за нѣсколько времени до того. Чувствуя что ея жизнь болѣе никому не нужна Анетъ тихо и незамѣтно угасла спустя нѣсколько лѣтъ на чужихъ рукахъ.

Помимо тенденціи которая здѣсь, какъ и всегда, отзывается фальшію и натяжкою произведеніе Рода обладаетъ серіозными достоинствами въ томъ что касается эпической стороны въ изображеніи событій и характеровъ. У него превосходно описана жизнь маленькаго городка съ его мелкими будничными интересами и представлены крайне яркіе типы мѣстныхъ жителей. Остается только жалѣть почему онъ въ данномъ случаѣ не ограничился задачами бытописателя, а взялъ на себя также рѣдко удающуюся ему роль моралиста.

Произошелъ ли человѣкъ отъ обезьяны?

Stammt der Mensch vom Affen ab? Von Professor Hermann Klaatch (*Deutsche Revue*, April 1901).

Въ апрѣльской книжкѣ журнала *Deutsche Revue* помѣщена интересная статья гейдельбергскаго профессора Клача, гдѣ онъ на основаніи новѣйшихъ открытыхъ наукою данныхъ опровергаетъ теорію происхожденія человѣка отъ обезьяны.

Если прислушиваться къ разговорамъ публики гдѣ-нибудь въ зоологическомъ саду передъ клѣткой съ обезьянами, говоритъ онъ, непремѣнно придется услышать слѣдующаго рода замѣчанія о родственной связи человѣка съ павіанами и мартышками: „Дарвинъ говорилъ что это наши предки“, или: „Относительно многихъ людей можно сказать что они происходятъ отъ обезьяны“; иные съ неудовольствіемъ отворачиваются и возмущаются по поводу мнѣнія: будто человѣкъ, вѣнецъ созданія, имѣетъ въ картинной галереѣ своихъ предковъ подобные экземпляры. Такія мнѣнія выражаемыя людьми непосвященными доказываютъ ученому какъ велико невѣжество господствующее даже въ кругу образованныхъ лицъ по вопросу о происхожденіи человѣка и его связи съ царствомъ животныхъ.

Впрочемъ, это, по мнѣнію автора, не удивительно: вѣдь еще не прошло и пятидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Дарвинъ своими трудами положилъ основу новымъ воззрѣніямъ на законъ общаго происхожденія и развитія живыхъ существъ изъ низшихъ организмовъ. Онъ же доказывалъ что человѣкъ ведетъ свое происхожденіе отъ низшаго вида, но при этомъ онъ отнюдь не давалъ точнаго опредѣленія того существа которое явилось бы прототипомъ человѣка. Въ Дарвиновскомъ трудѣ „Descent of man“, появившемся въ 1871 году отсутствуетъ какой-либо намекъ на то чтобъ обезьяны были тожественны съ нашими предками. Самъ Дарвинъ никогда не училъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, и теорія эта была приписана ему отчасти по невѣжеству, отчасти изъ желанія повредить ему. Теорія ложно приписываемая Дарвину принадлежитъ Геккелю, іенскому зоологу, и надо сознаться что построено это ученіе на крайне неудачныхъ основаніяхъ. Авторъ статьи спеціально занимался изученіемъ того же вопроса и пришелъ къ совершенно инымъ результатамъ. Въ настоящей своей статьѣ онъ дѣлится съ читающею публикой плодами своихъ изысканій по этому вопросу.

Прежде всего важно, по его мнѣнію, выяснить себѣ взаимную связь между человѣкомъ и животнымъ вообще. Въ томъ что такая связь существуетъ и притомъ очень тѣсная убѣдиться не трудно.

Зачатіе и развитіе человѣческаго организма совершается по тѣмъ же законамъ какъ и у животныхъ. Тѣло человѣческое состоитъ изъ тѣхъ же клѣточекъ составляющихъ собою ткань какъ и тѣло животныхъ; въ человѣческомъ организмѣ существуютъ различныя составныя части которыя для него безполезны и составляютъ какъ бы остатки прежняго состоянія, когда онѣ были необходимы, у животныхъ тѣ же части существуютъ въ развитомъ видѣ и служатъ для различныхъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, въ ушной раковинѣ человѣка находятся маленькіе мускулы никогда не приходящіе въ движеніе; животнымъ эти мускулы служатъ чтобы двигать ушами. Затѣмъ слѣпая кишка у человѣка имѣетъ такъ называемый червовидный отростокъ который для него не только безполезенъ, но можетъ быть подчасъ вреденъ. У травоядныхъ же этотъ отростокъ является запаснымъ вмѣстилищемъ для переваривания растительныхъ веществъ. Все это у человѣка остатки первобытнаго состоянія, когда онъ по условіямъ существованія ближе стоялъ къ животному чѣмъ теперь.

Разрѣшивъ вопросъ относительно близости между человѣкомъ и животнымъ въ первобытную эпоху, можно перейти къ вопросу о родственной связи человѣка съ млекопитающими вообще и обезьяной въ частности. При этомъ надо имѣть въ виду что нынѣшнія обезьяны значительно отличаются отъ своихъ предковъ, такъ что положительно не можетъ быть рѣчи о происхожденіи человѣка отъ какой-либо современной породы обезьянъ. Кромѣ того, подъ однимъ общимъ названіемъ *обезьяна* разумѣется множество разновидностей этого животнаго крайне мало похожихъ другъ на друга. Въ силу этого условія устраняется всякая возможность родственной связи между человѣкомъ и обезьяной вообще. Уже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ ученые выдѣлили въ особую группу нѣсколько породъ обезьянъ особенно близко стоящихъ къ человѣку по своему строенію; таковы орангъутанги, гиббоны, шимпанзэ и гориллы. Съ тѣхъ поръ, однако, было найдено что во внутреннемъ строеніи тѣла другихъ обезьянъ болѣе похожихъ по внѣшнему виду на животное нежели на человѣка есть много человѣческаго, таковы, напримѣръ, длиннохвостыя обезьяны ревуны. Ближе всего къ нимъ по типу подходитъ гиббонъ. Орангъутангъ представляетъ особый типъ и только въ старости становится похожимъ на гориллу тѣмъ что при непомѣрномъ ростѣ зубовъ у него жевательные мускулы получаютъ значительное развитіе придающее ему свирѣпый видъ. Гориллы и шимпанзэ представляютъ родственные между собою типы. Они водятся въ Африкѣ гдѣ шимпанзэ очень распространенъ, а горилла живетъ въ жаркомъ поясѣ вблизи экватора. Эта самая крупная изъ обезьянъ достигаетъ высоты двухъ метровъ. Живетъ она обособленно и ведетъ постоянную борьбу за

существованіе, что и сказывается въ ея свирѣпомъ выраженіи. Болѣе мелкіе и красивые шимпанзэ живутъ стаями. Орангъ-утангъ живетъ по преимуществу на Борнео и Суматрѣ. Самцы не менѣе свирѣпы чѣмъ гориллы и отличаются такимъ же хищнымъ выраженіемъ; самки же сохраняютъ на всю жизнь присущую обезьянамъ въ дѣтствѣ круглую форму черепа, и выраженіе у нихъ много мягче.

Наиболѣе рѣзкая разница между типомъ человѣка и типомъ обезьянъ сказывается въ томъ что у этихъ послѣднихъ очень мало развитъ носъ. Глаза у нихъ такъ близко стоятъ другъ къ другу что носовая кость оказывается какъ бы вдавленною на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ у человѣка является наибольшее развитіе носоваго хряща. Нѣтъ никакой возможности предположить что носъ нынѣшней обезьяны могъ преобразоваться въ носъ человѣка. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вызвалъ много толковъ найденный голандскимъ врачемъ Дюбоа на островѣ Явѣ черепъ первобытной обезьяны весьма близко подходящій къ человѣческому по формѣ темени. Это дало основаніе предположить что находка эта представляетъ собою наглядное подтвержденіе теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны. При подробномъ разсмотрѣніи оказалось, однако, что глазныя впадины крайне тѣсно сближены, что заставляетъ заключить съ достовѣрностію что носовая кость была вогнутою. Эти особенности черепа служатъ прямымъ доказательствомъ того что онъ принадлежалъ существу крупной обезьяньей породы, и что, вѣроятно, предки теперешнихъ обезьянъ ближе подходили по типу къ человѣку нежели ихъ выродившіеся потомки. Къ тому же результату приводятъ насъ измѣренія членовъ тѣла обезьяны. Извѣстно что обезьянамъ дается съ трудомъ хожденіе на ногахъ или, вѣрнѣе, заднихъ рукахъ; у всѣхъ антропоидовъ руки длиннѣе ногъ. У гиббона эта пропорція является даже въ отношеніи двухъ къ одному. Несомнѣнно что такое развитіе переднихъ конечностей въ ущербъ заднимъ обусловливается необходимостію лазать по деревьямъ. Эмбріонъ гиббона имѣетъ руки и ноги одинаковой длины. То же самое мы видимъ у человѣка въ первое время послѣ его рожденія. Въ настоящее время нѣтъ сомнѣнія что высшая порода обезьянъ произошла отъ лазающихъ животныхъ у которыхъ пропорція между различными частями тѣла была одинакова съ человѣческою. Такъ какъ человѣкъ сохранилъ въ большей неприкосновенности первоначальное соотношеніе длины рукъ и ногъ, то онъ долженъ считаться первоначальнымъ видомъ развившихся впослѣдствіи существъ, а отнюдь не обезьяна которая подверглась въ данномъ случаѣ одностороннему развитію однихъ членовъ въ ущербъ другимъ. Любопытно также что одинъ только человѣкъ сохранилъ особенности руки и ноги которыя были присущи не

только предкамъ нынѣшнихъ обезьянъ, но и предкамъ всѣхъ млекопитающихъ. Такъ извѣстно по новѣйшимъ палеонтологическимъ изслѣдованіямъ что теперешнія однокопытныя, двукопытныя животныя, грызуны и хищные звѣри въ первобытный періодъ своего существованія имѣли пятипалыя руки и пятипалыя же ноги приспособленныя для лазанія. Сходство человѣка съ антропоидами служитъ доказательствомъ того что они прошли общій путь развитія, съ котораго однако высшія породы обезьянъ отклонились довольно сильно; чѣмъ обезьяна меньше утратила первоначальныя свойства, тѣмъ она болѣе похожа на человѣка. На основаніи вышесказаннаго нечего удивляться что у низшихъ человѣческихъ расъ не находится отличительныхъ признаковъ обезьяньей породы. Нѣкоторые извѣстные ученые и въ числѣ ихъ Вирховъ отвергали на этомъ основаніи всю теорію происхожденія видовъ; но въ этомъ они не правы: они разсматривали вопросъ только съ точки зрѣнія происхожденія человѣка отъ обезьяны, если же мы отстранимъ эту теорію, отрицательныя данныя обратятся въ положительныя. *Человѣкъ можетъ имѣть много низшихъ животныхъ особенностей, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ чтобы особенностями этими онъ заимствовался отъ обезьяны.* Это положеніе подтверждается путемъ палеонтологическихъ изысканій: сохранились скелеты ледниковаго періода, отличительную особенность которыхъ составляетъ вдавленный лобъ и выдвинутыя впередъ кости глазныхъ впадинъ; но и эти черепа не имѣютъ ничего общаго съ обезьянами, у которыхъ тѣ же признаки вызываются чрезмѣрнымъ развитіемъ челюстей.

Такимъ образомъ почтенный ученый приходитъ къ выводу что человѣкъ представлялъ собою съ самаго начала своего бытія на землѣ самостоятельный видъ; видъ этотъ, хотя и развивался по законамъ общимъ съ другими видами, сохранилъ однако свои первобытныя особенности въ несравненно бо́льшей чистотѣ нежели всѣ эти послѣдніе. Сохраненіе этихъ коренныхъ особенностей, не въ примѣръ прочимъ видамъ указываетъ уже само по себѣ на сравнительное совершенство и превосходство природы человѣка. Любопытно также что конечный выводъ къ которому насъ приводятъ новѣйшія научныя изслѣдованія, то-есть, сознаніе совершенства человѣческой природы надъ окружающимъ, тождественно съ тѣмъ сознаніемъ которое было присуще человѣку еще въ отдаленнѣйшія и, можетъ быть, даже доисторическія времена и выразилось въ ученіи Библіи о человѣкѣ какъ вѣнцѣ созданія Творческой Силы.

Коренной недостатокъ современнаго воспитанія.

Die mangelnde Herzensbildung in unsrer modernen Erziehung. Von Professor Dr. H. Schiller (*Deutsche Revue*, Mai 1901 г).

Толкамъ о всевозможныхъ реформахъ въ области школы конца нѣтъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, но большинство этихъ толковъ касаются по преимуществу объема и содержанія програмъ и способовъ преподаванія. Вопроса же о воспитаніи въ собственномъ смыслѣ этого слова касаются рѣдко и легко, а между тѣмъ это одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе важный что на этой почвѣ происходитъ наибольшее сближеніе между семьею и школою. По этому предмету содержитъ много дѣльныхъ замѣчаній статья лейпцигскаго професора Шиллера помѣщенная въ майской книжкѣ журнала *Deutsche Revue*. Онъ утверждаетъ что коренной недостатокъ современнаго общественнаго строя состоитъ въ отсутствіи воспитанія сердца. Обыкновенно принято приписывать этотъ пробѣлъ въ воспитаніи современнаго поколѣнія зловредному вліянію школы которая развиваетъ въ своихъ питомцахъ исключительно только умъ. Такое обвиненіе безсмысленно въ самой основѣ своей. Школа дѣйствительно призвана помимо сообщенія нужныхъ свѣдѣній развивать какъ умственныя силы дѣтей, такъ до извѣстной степени и нравственное чувство. Но дѣятельной любви къ ближнему и теплому участію къ нему она научить не можетъ. Это дѣло общества и родителей, и они совершенно не правы когда хотятъ свалить съ себя обузу на учебное заведеніе. Гораздо было бы лучше еслибы они въ этомъ отношеніи обратили побольше вниманія на самихъ себя и заботились о томъ чтобы создать такую обстановку, гдѣ свѣтлыя стороны дѣтской души находили бы просторъ и благопріятную среду для развитія. А между тѣмъ этой среды не умѣютъ создать ни современное общество, ни современная семья. Возьмемъ хотя бы попытки разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ. Одинъ изъ болѣе видныхъ факторовъ ихъ разрѣшенія составляетъ благотворительность. Въ наше время, безъ сомнѣнія, дѣлается, говорится и пишется очень много для облегченія нищеты; о бѣдныхъ всячески заботятся и частныя лица и общественныя учрежденія; для нихъ собираются пожертвованія деньгами и вещами; изобрѣтаются всевозможные способы къ тому чтобы эти пожертвованія шли дѣйствительно въ прокъ, и все же зачастую случается что лица пользующіяся благотворительностію проявляютъ вмѣсто благодарности только желаніе обойти какъ-нибудь своихъ благодѣтелей и становятся во враждебныя къ нимъ отношенія прикрытыя маскою лести. Если спросишь о причинахъ такого явленія, то полу-

часть обыкновенно въ отвѣтъ жалобу на людскую неблагодарность. Въ иныхъ случаяхъ такое объясненіе вѣрно, но всего чаще оно не исчерпываетъ дѣйствительной причины зла. Важно не только дѣлать добро, но и умѣть его дѣлать. Не видя къ себѣ участія со стороны лица благодѣтельствующаго бѣднякъ невольно проникается досадою и недружелюбнымъ чувствомъ къ богатому за то что онъ не умѣетъ понять бѣднаго. Такихъ случаевъ множество и ихъ всецѣло слѣдуетъ приписать тому разсудочному характеру который имѣетъ въ нашъ вѣкъ благотворительность. По этому поводу слѣдуетъ вспомнить базары и любительскіе спектакли съ благотворительною цѣлію и т. п. филантропическія развлеченія въ которыхъ главнымъ двигателемъ служитъ отнюдь не участіе къ бѣднымъ, а желаніе какъ-нибудь выставить на показъ себя самого. Добываніе же средствъ для цѣлей благотворительности является въ данномъ случаѣ лишь предлогомъ. Толки взрослыхъ о такого рода помощи ближнему едва ли полезны для дѣтей которыя постоянно поневолѣ прислушиваются къ нимъ.

Еще печальнѣе обстоитъ дѣло воспитанія въ самой семьѣ или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ семей. Одни отношенія между хозяевами и прислугой представляютъ собою образецъ того вѣчнаго недоразумѣнія которое должно происходить отъ столкновенія двухъ эгоизмовъ. Теперь раздаются повсемѣстныя жалобы на прислугу особенно со стороны хозяекъ которыя единогласно утверждаютъ что она стала никуда не годною. Въ этомъ утвержденіи много правды, но зло коренится тутъ не въ одной прислугѣ. Большая доля его должна быть приписана самимъ хозяевамъ. Еще лѣтъ тридцать тому назадъ прислуга, особенно въ провинціи, входила въ составъ семьи. Старые слуги и служанки пользовались довѣріемъ родителей и имѣли право на уваженіе дѣтей. Такихъ старыхъ слугъ было много, несмотря на то что не существовало тогда награды въ видѣ крестовъ, дипломовъ и премій за долголѣтнее житье на одномъ мѣстѣ. Теперь же попеченіе о прислугѣ ограничивается помѣщеніемъ ее въ госпиталь въ случаѣ болѣзни; да и отъ этой обязанности хозяева всячески стараются уклониться. Господа и люди представляютъ два враждебно настроенные лагеря находящіеся въ постоянной то открытой, то скрытой борьбѣ. Свидѣтелями этой борьбы являются дѣти и потому естественно что они съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ смотрѣть съ пренебреженіемъ на людей ниже ихъ стоящихъ въ общественномъ положеніи и всячески помыкать ими когда могутъ. Такимъ образомъ и выходитъ что въ теоріи дѣтямъ проповѣдуются любовь къ ближнимъ и кротость, а на дѣлѣ они видятъ вокругъ себя постоянное нарушеніе проповѣдуемыхъ имъ правилъ. Да и всегда ли проповѣдуются они? Въ нашъ вѣкъ, когда такъ спѣшатъ жить и наслаждаться жизнію, у многихъ

родителей, въ особенности матерей, зачастую не хватаетъ времени на то чтобы слѣдить за развитіемъ ребенка и руководить имъ. Потому-то эту обязанность такъ охотно слагаютъ на школу, не заботясь о томъ что этого требованія она все равно выполнить не можетъ. Внѣшкольная жизнь ребенка лишена всякаго контроля. Доказательствомъ этого можетъ служить хотя бы отношеніе къ чтенію дѣтей въ часы отдыха отъ занятій. На видъ кажется будто эта область составляетъ въ наше время предметъ особаго попеченія, но на дѣлѣ это не такъ. Правда, дѣтская литература богаче чѣмъ когда-либо, но пользованіе ею носитъ совершенно нелѣпый характеръ. Дѣтямъ покупаются книги подходящія къ ихъ возрасту, которыя они поглощаютъ съ бо̀льшею или меньшею жадностію; но польза выносимая изъ этого чтенія весьма сомнительна. Ребенокъ читаетъ про себя, не имѣя возможности ни подѣлиться своими впечатлѣніями, ни провѣрить ихъ, и поэтому зачастую даже изъ хорошей книжки онъ не можетъ извлечь себѣ настоящей пользы. На такое чтеніе можно смотрѣть развѣ только какъ на мѣру обезпеченія домашнимъ извѣстной тишины и спокойствія, а отнюдь не какъ на факторъ нравственнаго, умственнаго или эстетическаго развитія.

Вообще въ настоящее время вопросъ о нравственномъ совершенствованіи молодаго поколѣнія едвали не важнѣе вопроса объ умственномъ его развитіи, но разрѣшенъ онъ можетъ быть только при томъ условіи, если всякіе отецъ и мать проникнутся въ данномъ случаѣ сознаніемъ своего долга передъ дѣтьми и постараются добросовѣстно выполнять его, отрѣшась отъ личнаго эгоизма, вмѣсто того чтобы стараться сложить на чужихъ людей свою первую прямую обязанность.

Народныя суевѣрія въ Китаѣ.

La magie populaire chez les Chinois. Par Léon Charpentier (*Nouvelle Revue*, 15 Avril 1901).

Китайскій народъ, по словамъ Шарпантье, представляетъ собою любопытный образчикъ сочетанія глубокаго равнодушія къ религіознымъ догматамъ съ крайне щепетильнымъ отношеніемъ ко всему что̀ можетъ служить предметомъ суевѣрія. Обладающее значительною нравственною высотою ученіе Конфуція осталось недоступнымъ народнымъ массамъ, но онѣ всецѣло прониклись тѣми суевѣрными розказнями которыми стараются дѣйствовать на воображеніе и волю своей паствы жрецы таоизма. Всякій Китаецъ живетъ подъ вѣчнымъ страхомъ таинственныхъ силъ могущихъ ему повредить, и значительная доля его жизненной энергіи уходитъ на борьбу съ этими невидимыми врагами. Изъ числа этихъ послѣднихъ занимаютъ особенно видное мѣсто небесная собака въ

тучахъ пожирающая дѣтей и бѣлый и черный чортъ съ подвластными имъ духами. Самый обычный способъ борьбы съ ними составляетъ ношеніе амулетовъ которыми обвѣшанъ каждый Китаецъ. Амулетомъ можетъ служить каждый красный предметъ, потому что черти боятся краснаго цвѣта. При чтеніи Китаецъ отмѣчаетъ красною чертой то мѣсто на которомъ остановился въ книгѣ чтобы нечистая сила не могла заложить туда какой-нибудь болѣзни. Дѣтямъ кладутся въ карманы красные лоскутки, а въ волосы ленточки краснаго шелка чтобы чортъ не отрѣзалъ имъ косъ. Заклинанія пишутся на полосахъ желтой бумаги и онѣ наклеиваются на пологѣ или на двери. Иногда бумага эта сжигается и пепелъ поглощаютъ, смѣшавъ его съ чаемъ или водою; многіе Китайцы ежедневно принимаютъ значительныя дозы этого своеобразнаго лекарства. Амулетомъ также можетъ служить ножъ которымъ убили человѣка и гвоздь отъ гроба: его раскаляютъ до-красна и обертываютъ вокругъ кисти руки или щиколки. Нѣкоторыя изъ классическихъ сочиненій, какъ, напримѣръ, *Книга о переселеніи душъ* или *Великій Учитель*, будучи положены подъ подушку спящаго, имѣютъ свойство охранять его отъ козней нечистой силы. Знаніе наизусть длинныхъ отрывковъ изъ этихъ книгъ также бываетъ полезно. Иногда случается что одинъ талисманъ не помогаетъ: тогда надо взять нѣсколько въ извѣстномъ сочетаніи, изобрѣсти которое бываетъ порою очень трудно.

Въ Китаѣ существуетъ цѣлый классъ рабочихъ спеціально занимающихся приготовленіемъ амулетовъ. Однимъ изъ дѣйствительныхъ талисмановъ считается восьмиугольная металическая дощечка на которой выгравированы восемь первыхъ знаковъ китайской азбуки, изобрѣтенныхъ въ IV в. до Р. X. императоромъ Фу-Хи. Знаки эти обозначаютъ небо, землю, молнію, горы, огонь, тучи, воду и вѣтеръ. Спасительная дощечка должна быть поставлена снаружи дома или внутри его, безразлично, но только подъ уклономъ паралельнымъ уклону крыши, иначе вмѣсто избавленія отъ злыхъ духовъ она будетъ служить для привлеченія ихъ. На наружной стѣнѣ дома помѣщаются згонутыя металическія зеркала: назначеніе ихъ собирать въ себя и отражать все дурное исходящее отъ сосѣдей. При рожденіи ребенка отецъ отправляется къ друзьямъ и знакомымъ, а иногда даже и къ чужимъ людямъ, и въ каждомъ домѣ куда приходитъ проситъ чтобъ ему дали монету. Набравъ сто такихъ монетъ, изъ нихъ дѣлаетъ цѣпь съ замочкомъ которая надѣвается на шею новорожденнаго. Талисманъ этотъ называется монетная цѣпь ста семействъ. По преданію китайскій народъ первоначально состоялъ изъ ста семействъ, и въ данномъ случаѣ создается фикція что весь народъ приноситъ добрыя пожеланія новорожденному. Одинъ изъ самыхъ красивыхъ

талисмановъ литая металическая группа состоящая изъ тигра, ящерицы, тысяченожки, сказочнаго животнаго о трехъ ногахъ, и ехидны. Стоитъ она дорого и потому въ настоящемъ ея видѣ ее пріобрѣтаютъ только богатые, другіе же довольствуются изображеніемъ нарисованнымъ на бумагѣ. У студентовъ въ большомъ ходу знакъ бога литературы состоящій изъ металической звѣзды на которой изображенъ человѣкъ съ кистью въ рукѣ наступающій на голову морскаго чудовища. Вокругъ изображенія выгравированы четыре добрыхъ совѣта: *направляй свое сердце, держи въ порядкѣ свое тѣло, властвуй надъ собою, будь вѣжливъ*. Талисманъ этотъ обладаетъ свойствомъ обезпечивать успѣхъ на экзаменахъ и отдалять всѣ дурныя вліянія могущія ему противодѣйствовать.

Кромѣ талисмановъ предохраняющихъ отъ зла есть и такіе назначеніе которыхъ навлекать на враговъ всякія бѣды. Такъ, напримѣръ, если взять листъ желтой бумаги, положить его на голову собаки или быка, намѣтить на ней форму и контуры головы животнаго и спрятать ее гдѣ-нибудь по близости той дороги по которой проѣдетъ вашъ врагъ, онъ заболѣетъ и можетъ быть даже умретъ. Пепелъ оставшійся послѣ сожженія такой бумаги тоже приноситъ несчастіе если его выпить въ чаѣ. Большую пользу приноситъ также принесенное въ жертву извѣстнымъ божествамъ изображеніе врага, причемъ произносятся вслухъ молитвы и заклинанія навлекающія погибель. Существуютъ даже особенные праздники когда произносятся офиціальныя молитвы о ниспосланіи бѣдъ на недруговъ и недоброжелателей. Въ текстѣ такихъ молитвъ заключаются всѣ пожеланія зла въ этой жизни и въ будущей: *да погибнешь ты при дорогѣ, или на поворотѣ, или въ пути! Какъ знаешь, только умри! Умри прежде чѣмъ дойти до дома! Да послужитъ тебѣ подушкой земля, единственное достояніе бродягъ! Пусть вся твоя семья будетъ похоронена съ тобой въ одномъ гробѣ, или, еще лучше, пусть никто изъ васъ не будетъ похороненъ! Да поразятъ васъ пять молній и да пожретъ тебя огонь небесный! Унесутъ тебя какъ собаку или поросенка! Разорвутъ тебя на тысячу кусковъ! Да сгніютъ твои внутренности дюймъ за дюймомъ! Да отсохнутъ у тебя руки и ноги! Да не унесутъ черти твои скверные останки!*

Вѣра въ силу всякихъ пожеланій какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ очень развита въ Китаѣ и потому въ мѣстномъ этикетѣ пожеланія добра занимаютъ видное мѣсто среди формулъ вѣжливости. Правда, такія привѣтствія носятъ порою своеобразный, малопонятный для европейца характеръ. Одно изъ самыхъ употребительныхъ состоитъ въ томъ чтобы пожелать человѣку проѣхаться верхомъ на единорогѣ. Съ нашей точки зрѣнія такая прогулка явилась бы вели-

чайшею непріятностью, но для Китайца она составляетъ завѣтную мечту. Единорогъ служитъ здѣсь символомъ всякаго успѣха и благополучія, о многообѣщающемъ юношѣ говорятъ что онъ сынъ единорога. Когда Китаецъ хочетъ оказать вамъ любезность, онъ поднесетъ вамъ пирогъ изъ рисовой или маисовой муки въ формѣ персика. Это такъ-называемый персикъ безсмертія имѣющій свойство продлить человѣческую жизнь. Этотъ даръ приносится также и богамъ. Во время празднованія новаго года Китайцы посылаютъ другъ къ другу бумажки на которыхъ красными чернилами написано пожеланіе пяти благополучій: процвѣтанія, крупнаго жалованія, долгой жизни, удовольствія и, наконецъ, высшаго счастія состоящаго въ безпрепятственномъ пользованіи четырьмя первыми. Если вы подружитесь съ Китайцемъ, онъ поднесетъ вамъ бездѣлушки изъ драгоцѣнныхъ камней настоящихъ или поддѣльныхъ, на которыхъ выгравированы всякаго рода пожеланія, напримѣръ, счастія обширнаго какъ восточный океанъ и прочнаго какъ южныя горы, ста дѣтей и тысячи внуковъ и т. п.

Китай страна гдѣ процвѣтаютъ всевозможнаго вида гаданія. Къ нимъ прибѣгаютъ во всѣхъ случаяхъ жизни. Наиболѣе употребительный видъ гаданія состоитъ въ томъ чтобъ выводить заключенія о судьбѣ человѣка на основаніи чиселъ обозначающихъ день, мѣсяцъ и годъ рожденія и сопоставленныхъ съ пятью стихіями и двѣнадцатью животными. Вычисленія производимыя при этомъ очень сложны и при нихъ обыкновенно руководствуются особою книгой. Есть впрочемъ въ этой категоріи гадальщиковъ и слѣпые которые особенно цѣнятся, потому что для нихъ руководства не существуютъ и ихъ предсказанія подсказываются яко бы высшею мудростію и знаніемъ, затѣмъ существуютъ физіономисты и хироманты которые въ своихъ гаданіяхъ руководствуются линіями рукъ и чертами лица не столько самого гадающаго, сколько пяти губернаторовъ когда-то существовавшихъ въ древности. Особымъ видомъ является гаданіе при посредствѣ колекціи изъ 64 листковъ бумаги, на которыхъ изображены фигуры птицъ, животныхъ и боговъ. Подъ каждымъ рисункомъ подписано стихотвореніе. Гадальщикъ раскладываетъ на землѣ или на столѣ всѣ листки, затѣмъ выпускаетъ изъ клѣтки выдрессированную для этой цѣли птичку. Тотъ листъ на который она сядетъ и заключаетъ въ себѣ предсказаніе судьбы вопрошающаго. Иногда этотъ пріемъ повторяется нѣсколько разъ, и тогда гаданіе составляется при помощи сопоставленія нѣсколькихъ предсказаній. Этотъ видъ гаданія пользуется особенною популярностію среди женщинъ и мущинъ классовъ народа. Въ Китаѣ также существуетъ гаданіе похожее на наше гаданіе по картамъ: берется пачка картонныхъ кружковъ съ изображенными на нихъ знаками, ихъ смѣшиваютъ, потомъ раскладываютъ

въ извѣстномъ порядкѣ. Изъ того куда какой кружокъ лежитъ выводится заключеніе.

Особенно часто прибѣгаютъ къ гадальщикамъ при выборѣ мѣста для погребенія. Для этой цѣли отправляются въ намѣченную мѣстность и роютъ землю тамъ гдѣ предполагается устроить могилу: если почва бѣлая и проступаетъ вода, мѣсто неблагопріятно, если же земля желтая, мѣсто выбрано удачно. Каждый Китаецъ въ своей жизни тратитъ не мало денегъ и энергіи на то чтобы путемъ колдовства обезпечить себѣ благополучное существованіе здѣсь и за гробомъ. Со стороны приходится только пожалѣть о такой безполезной тратѣ средствъ и силъ; но еще печальнѣе это явленіе въ нравственномъ смыслѣ. Оно служитъ непосредственнымъ доказательствомъ того что китайскій народъ за все свое многовѣковое существованіе не успѣлъ выработать себѣ никакого опредѣленнаго философскаго міросозерцанія и потому, вѣроятно, надолго останется игрушкою судьбы и всевозможныхъ внѣшнихъ условій жизни.

Міросозерцаніе Дарвина.

Science et foi dans la pensée de Darwin. Par M. L. Luzzati (*La Réforme Sociale*, 16 Avril 1901).

Означенная въ подзаголовкѣ статья г. Луцати по своему содержанію находится въ связи съ интереснымъ изслѣдованіемъ предпринятымъ авторомъ о философскихъ и религіозныхъ убѣжденіяхъ величайшихъ натуралистовъ и астрономовъ. Въ данной же статьѣ авторъ останавливается на вопросѣ о религіозности Дарвина и на выводахъ которые обусловливаются тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса.

Былъ ли Дарвинъ вѣрующимъ или агностикомъ, то-есть, отказывался ли онъ отъ убѣжденій не основанныхъ исключительно на данныхъ опытныхъ наукъ, или, наконецъ, атеистомъ?

Въ своей академической рѣчи *Знаніе и вѣра* напечатанной въ италіянскомъ журналѣ *Nuova Antologia* Луцати отозвался о Дарвинѣ какъ о вѣрующемъ человѣкѣ. Но въ настоящей статьѣ онъ признаетъ свой отзывъ ошибочнымъ. Дѣло въ томъ что свой отзывъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ Дарвина онъ дѣлалъ исключительно подъ впечатлѣніемъ которое произвело на него главнѣйшее произведеніе знаменитаго натуралиста, *Происхожденіе видовъ*, въ дѣйствительности не дающее никакихъ основаній къ иному заключенію. Мало того, въ эпиграфахъ философскаго и религіознаго содержанія, заимствованныхъ изъ сочиненій Уіуэля, Бётлера, Бэкона, которыми Дарвинъ снабдилъ свой трудъ и которыя онъ повторилъ рѣшительно во всѣхъ послѣ-

дующихъ имъ выпущенныхъ изданіяхъ этой книги, содержится вѣра въ порядокъ который управляетъ природою посредствомъ опредѣленныхъ, постоянныхъ законовъ и высказывается желаніе непрестанно размышлять о словѣ и твореніяхъ Божіихъ, вѣчной пищѣ для истинной науки. Идеею того же порядка дышатъ и заключительныя строки Дарвина къ своему труду которыя онъ неизмѣнно вносилъ во всѣ послѣдующія изданія книги.

Однако послѣдующее внимательное и безпристрастное ознакомленіе съ автобіографіею Дарвина, съ его изданными письмами и его нѣкоторыми другими сочиненіями заставило Луцати измѣнить свой взглядъ и привело его къ заключенію что Дарвинъ если утратилъ вѣру въ Божественное Провидѣніе, не сталъ на прямо противоположную отрицательную точку зрѣнія; въ немъ просто не сложилось убѣжденіе относительно Божественной идеи: то ему представлялась вселенная результатомъ случайности, то въ ней онъ видѣлъ волю Творца; въ виду этого, будучи искреннимъ и правдивымъ, онъ воздерживался отъ какихъ-либо заключеній и вмѣсто утвержденія или отрицанія ограничивался признаніемъ своего незнанія и, самое большее, невозможности для него знанія по этому вопросу (ignoro et ignorabo).

Нѣкоторые видѣвшіе въ наукѣ лишь средство оправдать апріорныя атеистическія воззрѣнія дѣлали все возможное дабы выставить Дарвина въ неестественной ему роли убѣжденнаго борца противъ христіанства. Они принялись пользуясь научнымъ авторитетомъ знаменитаго натуралиста успѣшнѣе распространять свои излюбленныя теоріи подъ вліяніемъ которыхъ рядомъ съ эволюціонною теоріей Дарвина развился среди одностороннихъ и не всегда научно разборчивыхъ его послѣдователей такъ называемый Дарвинизмъ. Авторъ справедливо указываетъ на то что агностицизму Дарвина придается дарвинистами значеніе котораго онъ не имѣетъ въ спорѣ атеистовъ съ ихъ противниками.

Агностицизмъ Дарвина былъ вызванъ въ немъ тѣмъ представленіемъ что эволюція является дѣйствіемъ случайностей которыя благодаря безконечности времени допускающей всякія сочетанія создаютъ великія преобразованія матеріи включительно съ созданіемъ человѣка и его духовной природы. Но спрашивается: каковы были бы религіозныя воззрѣнія Дарвина, еслибъ онъ умеръ не въ эпоху своего научнаго торжества, еслибъ ему довелось дожить до пересмотра и крушенія нѣкоторыхъ гипотезъ и ученій которыя были ему самыми дорогими?

Съ 1860 по 1880 г. подъ вліяніемъ теоріи знаменитаго натуралиста религіозныя сомнѣнія получили большое распространеніе, причемъ теорія эволюціи и Дарвинизмъ смѣшивались въ представленіяхъ не только образованной части общества, но и большин-

ства ученыхъ. Но затѣмъ наступила въ ученомъ мірѣ пора отрезвленія. Ученія и изслѣдованія Нэгели, Кёлихера, Дриша, Гертвига, Вейсмана, Бланшара; сочиненія Ру, Подэпа, Гаке, Стопани и многихъ другихъ исправили теоріи Дарвина во многомъ и имѣли предметомъ возстановить тотъ фактъ что матерія обладаетъ извѣстными специфическими свойствами которыя развиваются, но не создаются сами собою въ борьбѣ за существованіе и отъ случайныхъ обстоятельствъ среды; такъ Нэгели, а за нимъ и Граси указываютъ что нельзя смѣшивать теплоту при которой куриное яйцо превращается въ цыпленка со свойствами яйца; теплота лишь условіе при которомъ можетъ состояться превращеніе яйца, но оно не сообщаетъ яйцу свойства органически развиваться.

Въ такомъ положеніи отъ котораго Дарвина избавила смерть очутился другъ Дарвина, выдающійся натуралистъ Романэсъ. Авторъ христіанской книги о молитвѣ, онъ въ 1876 году напечаталъ книгу *A candid examination of Theism*, въ которой онъ отрицаетъ идею Бога. Но когда острый періодъ увлеченія Дарвинизмомъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошелъ, Романэсъ мѣняется въ своихъ воззрѣніяхъ; дальнѣйшія его ученыя изслѣдованія не упрочили въ немъ его атеистическихъ убѣжденій. Наоборотъ, въ выдающемся своемъ трудѣ *Mind and Motion and Monism* открывшемъ новые пути физіологической психологіи онъ проникается идеями инаго порядка и наконецъ въ 1889 г. въ книгѣ своей *Thougts on Religion* онъ критикуетъ и отвергаетъ свой вышеупомянутый атеистическій трудъ. Такимъ образомъ, потерявъ горячую вѣру своихъ молодыхъ лѣтъ подъ вліяніемъ мнимо научныхъ итоговъ и ошибочныхъ научныхъ представленій и затѣмъ разочаровавшись въ антирелигіозныхъ ученіяхъ, благодаря добросовѣстному, искреннему отношенію къ научнымъ изслѣдованіямъ, онъ вернулся къ вѣрѣ которую сохранилъ до смерти.

Книги поступившія въ редакцію *Русскаго Вѣстника* въ апрѣлѣ.

Полное собраніе сочиненій *А. А. Фета*. Подъ редакціею Б В. Никольскаго. Томы I, II и III. Спб. Изданіе Ф. Маркса. 1901.

Стихотворенія. *М. А. Лохвицкая* (Жиберъ). Томъ II. 1896—1898. Изданіе второе. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1900.

Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ (1862—1885) Изданіе четвертое. *Н. Страховъ*. Томъ первый. Изданіе И. П. Матченко. Кіевъ. 1901.

Воспоминанія, статьи и письма изъ-заграницы. *И. Е. Рѣпина*. Подъ редакціей Н. Б. Сѣверовой. Спб. 1901.

Варулъ и Онуфрій. Разказъ. *А. В. Круглова*. М. Издатель В. С. Спиридоновъ. 1901.

Домна-ректорша. Повѣсть. *А. В. Круглова.* М. Издатель В. С. Спиридоновъ. 1901.

Печальникъ земли Русской. Историческая повѣсть для школьнаго и семейнаго чтенія. *Анна Доганович*ъ. Изданіе второе, измѣненное и дополненное. Съ рисунками В. Г. Курчевскаго. Издатель В. С. Спиридоновъ. М. 1901.

Общіе знакомые. Очерки и разказы. *Павелъ Россіевъ.* М. 1901.

Послѣдняя дуэль Пушкина. Біографическій очеркъ *Б. В. Никольскаго.* Спб. 1901.

Письма идеалиста. Девятое и десятое письма. *В. Ярмонкинъ.* Спб. 1901.

Думы и пѣсни русскихъ поэтовъ. Отъ Ломоносова до нашихъ дней. Томъ I. „Библіотека культурной Руси". Изданіе Е. П. К. М. 1900.

М. Ю. Лермонтовъ. Избранныя произведенія. Съ критико-біографической статьей И. П. Иванова. Тоже изданіе. М. 1901.

Европейская литература XIX вѣка. *Фердинандъ Брюнтьеръ.* Переводъ А. Весселовской. Тоже изданіе. М. 1901.

Отношеніе богословской науки ко всемірнымъ задачамъ богочеловѣчества. Вступительная лекція професора богословія священника *А. М. Клитина.* Одесса. 1901.

Забайкальцы въ Манчжуріи въ 1900 году. Очерки изъ похода Хайларскаго отряда генерала Н. А. Орлова въ Китаѣ въ 1900 г. *Н. Орловъ.* Съ картою и планами. Спб. 1901.

Очерки и замѣтки. Выпускъ 2-й. *Скугаревскій.* Вильна. 1901.

Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву. *И. Н. Захарьинъ.* (Якунинъ). Спб. 1901.

Русское дѣло. *Н. И. Герасимовъ.* М. 1901.

Фаустъ. Трагедія *Гёте* (часть первая). Переводъ князя Д. Н. Цертелева. М. 1899.

Новая женщина (My Wonderful Wife). Повѣсть *Маріи Корелли* (съ англійскаго). Изданіе К. Цвѣткова. М.

Основы къ разрѣшенію задачи воздухоплаванія *Д. Чумакова.* Асхабадъ. 1901.

Положеніе 1874 года о начальницахъ народныхъ училищахъ. Изданіе неофиціальное. Спб. 1901.

Пожарная техника. Руководство для пожарныхъ командъ, обществъ и дружинъ. Составилъ Графъ *А. Д. Шереметевъ.* Выпускъ I. Спб. 1901.

Краткія свѣдѣнія о новоалександрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Варшава. 1900.

Отчетъ Московскаго Общества распространенія комерческаго образованія за 1900 годъ. Годъ третій. М. 1901.

Школьныя попечительства. Къ вопросу о сближеніи и взаимодѣйствіи между семьей и школой. *Ив. Курочкинъ.* Томскъ. 1901.

Отчетъ о дѣятельности комисіи народныхъ чтеній при Русскомъ Литературномъ Кружкѣ въ Ригѣ за 1899 — 1900 годъ. (9-й годъ). Рига. 1900.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Россія и Манчжурія.

I.

Въ тотъ роковой день, когда съ китайской стороны раздались выстрѣлы по беззащитному Благовѣщенску и русскимъ пароходамъ плывшимъ по Амуру, когда началось разрушеніе сооруженной Русскими желѣзнодорожной линіи въ предѣлахъ Манчжуріи, для каждаго стало ясно что мы не только должны водворить миръ и порядокъ въ сопредѣльной съ нами провинціи Китая, но и добиться того чтобы въ будущемъ повтореніе подобныхъ печальныхъ событій сдѣлалось невозможнымъ.

Въ первую минуту единственнымъ цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ вопроса являлось занятіе Манчжуріи русскими войсками, что̀ и было выполнено Россіей безъ всякой помощи со стороны другихъ державъ. Мы сосредоточили здѣсь значительную армію которая сломила сопротивленіе *боксеровъ* и примкнувшихъ къ нимъ регулярныхъ китайскихъ войскъ, мы взяли одинъ укрѣпленный пунктъ за другимъ, очистили страну отъ разбойничьихъ шаекъ, водворили спокойствіе въ ней. Посылкою военныхъ отрядовъ въ Ургу и въ Кульджу мы предотвратили возникновеніе безпорядковъ въ другихъ пограничныхъ съ нами провинціяхъ Китая. Первая часть нашей задачи была выполнена. Но вопросъ о гарантіяхъ на будущее время требовалъ быстраго и серіознаго рѣшенія.

Наши интересы въ Манчжуріи были значительнѣе интересовъ Англичанъ въ южно-африканскихъ республикахъ; занявъ страну, мы имѣли, конечно, не меньшее право присоединить Манчжурію къ Россіи чѣмъ Англичане Трансваалъ и Оранжевую республику къ великобританскимъ владѣніямъ.

Но подобное присоединеніе представляло для насъ слишкомъ мало привлекательнаго. Во-первыхъ, оно могло служить началомъ вовсе нежелательнаго для насъ раздѣла Китая; во-вторыхъ, Россія и такъ уже достаточно велика чтобы стремиться къ новымъ пріобрѣтеніямъ; въ-третьихъ, присоединеніе страны несомнѣнно богатой, но населенной 12—20 миліонами народа чуждаго намъ по языку, религіи, по-

нятіямъ и обычаямъ, не подающимъ никакой надежды на сліяніе съ нами даже въ отдаленномъ будущемъ, потребовало бы отъ насъ слишкомъ крупныхъ жертвъ, а мы и такъ уже несемъ ихъ слишкомъ много для другихъ нашихъ окраинъ.

Если мы не желали полнаго присоединенія Манчжуріи къ русскимъ владѣніямъ, то у насъ оставался другой путь, окупація. Но и онъ не представлялъ для насъ никакихъ выгодъ. Если окупація не является замаскированнымъ присоединеніемъ, какъ мы видимъ это, напримѣръ, въ Босніи, Герцеговинѣ, Египтѣ, то она должна стремиться къ возможно скорѣйшему окончанію, такъ какъ она требуетъ слишкомъ крупныхъ денежныхъ затратъ, вернуть которыя еще труднѣе чѣмъ при полномъ присоединеніи извѣстной области. Конечно, при окупаціи можно прибѣгнуть къ системѣ военныхъ контрибуцій, облагать мѣстное населеніе непомѣрными сборами и съ помощью ихъ покрывать чрезвычайные расходы. Но мы связаны съ Манчжуріей тысячью невидимыхъ нитей, намъ нужно стараться объ укрѣпленіи, а не объ ослабленіи этихъ связей, намъ нѣтъ разчета возстанавливать противъ себя миліоны манчжурскаго населенія. И такъ окупація сама по себѣ не рѣшаетъ еще никакихъ вопросовъ, не рѣшаетъ даже самаго главнаго изъ нихъ: какой порядокъ долженъ быть установленъ въ странѣ послѣ очищенія ея отъ русскихъ войскъ?

Есть еще и третій путь для рѣшенія вопроса. Манчжурія должна остаться подъ властію Китая, управляться по китайскимъ законамъ и китайскими чиновниками, но надъ ихъ управленіемъ въ извѣстной степени долженъ существовать *русскій контроль* не позволяющій проявлять по отношенію къ намъ какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій. При такомъ порядкѣ вещей русскія военныя силы въ Манчжуріи могли бы быть сведены до minimum необходимаго для защиты нашихъ рельсовыхъ путей. Такой порядокъ представлялся бы одинаково выгоднымъ какъ для Китая, такъ и для Россіи. Первый не только сохранялъ бы верховную власть надъ Манчжуріей, но и пользовался бы въ ней полною свободой дѣйствій во всемъ что̀ не вредитъ Россіи; послѣдняя же получила бы дѣйствительныя гарантіи въ томъ что повтореніе печальныхъ событій минувшаго года станетъ невозможнымъ.

Какого пути въ рѣшеніи манчжурскаго вопроса намѣревалось держаться наше правительство, мы не знаемъ. Но сопоставляя неоднократно высказанныя увѣренія въ томъ что Россія не ищетъ въ Китаѣ никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній съ невозможностью вывести русскія войска изъ Манчжуріи, не добившись никакихъ гарантій противъ повторенія безпорядковъ, нужно думать что оно болѣе всего склонялось къ третьему указанному нами пути. Но въ

послѣднее время произошелъ цѣлый рядъ событій, значительно усложнившихъ дѣло.

II.

Не особенно давно пекинскій кореспондентъ газеты *Times* сообщилъ полный текстъ русско-китайскаго соглашенія относительно манчжурской провинціи Фынь-Тянь. Соглашеніе это состоитъ будто бы изъ девяти статей. Сущность этого соглашенія заключалась, по его словамъ, въ слѣдующемъ:

1) По возвращеніи манчжурскаго генерала Цзенга къ своему посту онъ долженъ взять на себя защиту провинціи и принять мѣры для ея замиренія; онъ долженъ слѣдить далѣе за тѣмъ чтобы постройка желѣзной дороги не встрѣчала препятствій.

2) Такъ какъ Россія заняла посты въ Мукденѣ и другихъ городахъ въ видахъ охраненія желѣзнодорожнаго пути и умиротворенія провинціи, то манчжурскій генералъ и мѣстные чиновники должны благожелательно относиться къ Русскимъ и оказывать имъ всякое содѣйствіе, напримѣръ, снабжать ихъ квартирами и продовольствіемъ.

3) Во всей провинціи Фынь-Тянь со стороны китайскихъ солдатъ произведены были возмущенія, и желѣзная дорога была разрушена. Потому долгъ манчжурскаго генерала распустить различные свои отряды и отнять у нихъ оружіе. Тѣ которые примутъ настоящія условія будутъ избавлены отъ слѣдствія объ ихъ прежнихъ заблужденіяхъ. Боевые припасы въ арсеналахъ не занятыхъ Русскими должны быть также переданы русскимъ военнымъ властямъ.

4) Тѣ мѣста въ Фынь-Тянѣ которыя не были заняты Русскими и гдѣ были возведены форты и укрѣпленія должны быть сообща осмотрѣны русскими и китайскими властями и въ ихъ присутствіи срыты. Также точно должно быть поступлено и съ пороховыми магазинами, если они не понадобятся Русскимъ.

5) Ню-Чжуанъ и другіе пункты управляются русскими властями, пока русское правительство не убѣдится вполнѣ въ замиреніи края; послѣ этого китайскимъ чиновникамъ позволено будетъ возобновить отправленіе своихъ обязанностей въ этихъ мѣстахъ.

6) Различные города и поселенія во всей провинціи Фынь-Тянь должны исполнять инструкцію манчжурскаго генерала относительно содержанія конныхъ и пѣшихъ отрядовъ для полицейской службы и для охраны купцовъ. Села провинціи находятся также всецѣло подъ начальствомъ манчжурскаго генерала.

7) Цѣлесообразно чтобы въ Мукденѣ находился русскій агентъ съ общими правами надзора для улаженія всѣхъ вопросовъ касающихся

обѣихъ сторонъ какіе могутъ возникнуть между манчжурскимъ генераломъ, съ одной стороны, и русскимъ генералъ - губернаторомъ Ляодунскаго полуострова съ другой. Манчжурскій генералъ обязанъ доставить русскому агенту въ Мукденѣ полныя свѣдѣнія о всякой принятой имъ важной мѣрѣ.

8) Еслибы полиція содержимая манчжурскимъ генераломъ въ Мукденѣ и въ прочихъ мѣстахъ оказалась недостаточной для того или иного случая, то манчжурскій генералъ долженъ немедленно снестись съ русскимъ агентомъ въ Мукденѣ и пригласить Русскихъ послать ему на помощь подкрѣпленія, все равно находится ли данное мѣсто на морскомъ берегу, или внутри провинціи.

9) Въ случаѣ возникновенія спора насчетъ смысла одной изъ предшествующихъ восьми статей русскій текстъ признается за основной. Настоящее временное соглашеніе вступаетъ въ силу немедленно по возвращеніи въ Мукденъ манчжурскаго генерала Цзенга, но еслибы впослѣдствіи манчжурскій генералъ, по соглашенію съ русскимъ генералъ-губернаторомъ Ляодунскаго полуострова, призналъ необходимымъ ввести какія-либо измѣненія или поправки полезныя для обѣихъ сторонъ, то имъ предоставляется вводить такія измѣненія и поправки въ дѣйствіе насколько это окажется возможнымъ. Портъ-Артуръ, 11 ноября 1900 года.

Манчжурскій генералъ не является верховнымъ повелителемъ страны, а потому, само собою понятно, соглашеніе съ нимъ могло бы носить лишь временный характеръ до утвержденія его центральнымъ правительствомъ Китая. И дѣйствительно, вслѣдъ за опубликованіемъ приведеннаго выше соглашенія въ иностранной печати начали появляться слухи о предстоящемъ заключеніи между Россіей и Китаемъ соглашенія болѣе общаго характера.

Сущность этого соглашенія, въ передачѣ нѣмецкихъ газетъ, состоитъ въ общихъ чертахъ въ слѣдующемъ. Вслѣдствіе непрекращающихся безпорядковъ въ странѣ образующія желѣзнодорожную полицію русскія войска должны быть увеличены впредь до полнаго умиротворенія края. Представители другихъ націй не могутъ занимать офиціальные посты въ Манчжуріи, а равно быть инструкторами солдатъ и матросовъ въ Сѣверномъ Китаѣ. Размѣры военной контрибуціи уплачиваемой Россіи должны быть тѣ же что и остальнымъ державамъ, и условія взноса ея могутъ быть установлены позже. По вопросу о вознагражденіи за порчу манчжурскаго рельсоваго пути Китай самъ долженъ войти въ переговоры съ желѣзнодорожнымъ обществомъ. Это вознагражденіе должно быть или уплачено полностію или замѣнено какою-нибудь концесіей. Далѣе Китай долженъ гарантировать свое согласіе на постройку Россіею желѣзной дороги до

Пекина. Китай обязуется не держать войскъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Россія не достроила желѣзныхъ дорогъ или начала постройку ихъ. Высшіе манчжурскіе чиновники виновные въ смутахъ должны быть разжалованы, причемъ Россія сама укажетъ эти лица. Она опредѣлитъ, какого рода оружіе могутъ носить полицейскія войска, артиллерійскія орудія не допускаются. Въ Монголіи, китайскомъ Туркестанѣ и Манчжуріи горныя, желѣзнодорожныя и иныя концесіи не должны быть выдаваемы никому изъ иностранцевъ.

Трудно разобраться въ томъ что̀ здѣсь является фактомъ и что̀ вымысломъ, но въ общемъ нельзя не признать что всѣ статьи этого предполагаемаго или воображаемаго договора, дѣйствительно, отвѣчаютъ настоятельнымъ нуждамъ и потребностямъ Россіи.

По болѣе позднимъ извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, она рѣшилась значительно понизить свои требованія. Китаю дозволяется размѣщать свои войска въ Манчжуріи въ количествѣ и въ мѣстностяхъ которыя должны составить предметъ будущаго соглашенія между Россіей и Китаемъ. Ввозъ оружія долженъ регулироваться согласно пекинскому протоколу о заключеніи мира. Нежелательные чиновники подлежатъ перемѣщенію или удаленію отъ должности вмѣсто предполагаемаго прежде разжалованія. Льготныя условія относительно устройства горныхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ предпріятій ограничиваются одной Манчжуріей, не распространяясь на Монголію и китайскій Туркестанъ. Требованіе концесіи на постройку желѣзной дороги до Пекина замѣнено требованіемъ концесіи на постройку желѣзнодорожной линіи до Великой Стѣны.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать что̀ правдиво и что ложно во всѣхъ этихъ сообщеніяхъ.

III.

Едва иностранная печать успѣла распространить слухи объ этихъ соглашеніяхъ, какъ поднялась цѣлая буря. Спокойнѣе всѣхъ отнеслась германская печать которою былъ высказанъ взглядъ что англо-германское соглашеніе о неприкосновенности Китая не относится къ Манчжуріи которая не можетъ войти въ сферу вліянія Германіи. Иначе отнеслась къ дѣлу печать англійская забившая тревогу объ угрожающей опасности; впрочемъ, и тамъ нашлись болѣе спокойные и болѣе благоразумные органы которые совершенно справедливо указывали что отъ укрѣпленія Россіи въ Манчжуріи Великобританія ничего не потеряетъ, а торговля ея останется даже въ прямомъ выигрышѣ.

Наибольшее раздраженіе слухи о русско-китайскомъ соглашеніи вызвали въ Японіи, что̀ и понятно. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ японская армія одержала рядъ крупныхъ побѣдъ въ Манчжуріи, но вмѣшательство Россіи, Франціи и Германіи не дало сдѣлать ей здѣсь никакихъ територіальныхъ пріобрѣтеній.

Въ общемъ вся японская печать относится крайне враждебно къ этому соглашенію, указывая на то что Японія является наиболѣе заинтересованною державой въ манчжурскомъ вопросѣ. Но въ то время какъ одна часть японской печати усиленно проповѣдуетъ необходимость самаго энергичнаго протеста противъ русско-китайскаго соглашенія, другая часть совѣтуетъ примириться съ нимъ какъ съ неизбѣжнымъ фактомъ, воспользовавшись удобною минутой заключить съ Россіей окончательное соглашеніе относительно Кореи.

Эта горячая агитація не пропала даромъ, и китайское правительство руководимое совѣтами враждебныхъ Россіи державъ уклонилось отъ заключенія отдѣльнаго соглашенія съ нею.

По этому поводу въ недавнемъ правительственномъ сообщеніи мы читаемъ:

Къ сожалѣнію, въ иностранной печати для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ Россіи распространялись тревожные слухи о цѣляхъ и намѣреніяхъ Императорскаго Правительства, приводились искаженные тексты какого-то договора о протекторатѣ надъ Манчжуріей и сообщались завѣдомо ложныя извѣстія о предполагавшемся между Россіей и Китаемъ соглашеніи.

А между тѣмъ соглашеніе это преслѣдовало главнымъ образомъ одну цѣль: скорѣйшее возвращеніе Китаю Манчжуріи. Сдѣлать это оказалось, однако, невозможнымъ, такъ какъ, по полученнымъ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣніямъ, китайскому правительству для соглашенія съ Россіей были созданы весьма серіозныя препятствія, вслѣдствіе чего и безотлагательное очищеніе Манчжуріи отъ русскихъ войскъ оказалось невозможнымъ. Будетъ возможно оно только тогда когда центральное правительство Китая пріобрѣтетъ необходимую силу чтобы обезпечить Россію отъ повторенія недавнихъ безпорядковъ.

Оканчивается правительственное сообщеніе слѣдующими многознаменательными словами:

Сохраняя настоящую временную организацію въ Манчжуріи, въ цѣляхъ поддержанія порядка вблизи обширной границы съ Россіей, и оставаясь въ то же время неукоснительно вѣрною своей первоначальной неоднократно заявленной политической програмѣ, Императорское Правительство будетъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода событій.

Въ переводѣ на болѣе понятный языкъ эти дипломатическія фразы значатъ что Манчжурія останется подъ русскимъ управлені-

емъ и подъ охраною русскихъ войскъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены требованія Россіи.

Интереснѣе всего что и въ этомъ полномъ энергіи и достоинства отвѣтѣ англійскія газеты ухитрились усмотрѣть свою побѣду и дипломатическое пораженіе Россіи. „Пусть она остается въ Манчжуріи, говорятъ онѣ, но безъ всякихъ договоровъ и соглашеній“. Логика нѣсколько странная. Впрочемъ, южно-африканская война слишкомъ пріучила Англичанъ къ *побѣдамъ*, и онѣ имъ всюду мерещатся.

IV.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка ясно что вывести свои войска изъ Манчжуріи, не добившись установленія тамъ прочнаго порядка, Россія не могла. Прежде всего десятки русскихъ миліоновъ затрачены на сооруженіе Восточно-Китайской желѣзной дороги и ея южной вѣтви. Дорога эта слишкомъ важна для насъ и въ политическомъ, и въ военномъ, и въ торговомъ отношеніяхъ, чтобы мы могли ставить существованіе ея въ зависимость отъ тѣхъ или иныхъ случайныхъ причинъ. Ошибочно было бы думать что наша задача сводится только къ охранѣ рельсоваго пути отъ разбойничьихъ шаекъ или отъ мятежныхъ скопищъ. Одинаково мы не можемъ допустить чтобы китайское правительство выдавало желѣзнодорожныя концесіи въ Манчжуріи иностраннымъ государствамъ. Прежде всего проведеніе новыхъ рельсовыхъ путей могло бы создать конкуренцію для нашей желѣзнодорожной линіи, уменьшить ея доходность и сдѣлать наши миліонныя затраты непроизводительными. Наконецъ, новые рельсовые пути находящіеся во враждебныхъ намъ рукахъ могли бы создать значительную опасность какъ для Восточной Китайской желѣзной дороги, такъ и для русскихъ владѣній на лѣвомъ берегу Амура.

Но водвореніе мира и порядка въ Манчжуріи намъ нужно и по многимъ другимъ причинамъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ наше Пріамурье находится какъ бы на военномъ положеніи которое мѣшаетъ мирному развитію нашей окраины. Манчжурія высылаетъ къ намъ шайки хунхузовъ производящихъ опустошенія въ нашихъ владѣніяхъ и доходящихъ иногда до открытаго вооруженнаго сопротивленія нашимъ военнымъ силамъ. Цѣлые годы сѣверная часть Манчжуріи заселялась Китайцами, возникали даже проекты образованія на нашей границѣ китайскаго казачества. Въ прошломъ году на правомъ берегу Амура выросли довольно сильныя укрѣпленія которыя русскимъ войскамъ приходилось брать штурмомъ и изъ которыхъ обстрѣлива-

лись наши берега. Нормально ли такое положеніе, должна ли Россія мириться съ нимъ?

Мы не знаемъ требовала ли Россія, дѣйствительно, срытія укрѣпленій и сокращенія войскъ въ Манчжуріи, но то и другое требованія были бы вполнѣ основательны. Развѣ европейскія державы не требуютъ срытія фортовъ Таку? Да и для чего нужны эти укрѣпленія? Противъ кого они направлены? Не эти укрѣпленія спасли Манчжурію отъ японскаго погрома, а вмѣшательство Россіи. И Китай не можетъ сомнѣваться что Россія, если будетъ нужно, вновь выступитъ въ защиту Китая. Если та же самая Манчжурія останется теперь подъ властію Китая, то и этому она обязана не своимъ крѣпостямъ, а дружелюбію Россіи. Нѣтъ, эта часть Серединнаго царства рѣшительно не нуждается ни въ крѣпостяхъ, ни въ многочисленной арміи.

Еслибы Россія настаивала на исключительномъ правѣ полученія концессій въ Манчжуріи, то и въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Россія отъ китайскихъ безпорядковъ понесла гораздо болѣе убытковъ чѣмъ какое-либо другое государство. Кромѣ участія въ пекинскомъ походѣ, причемъ она располагала значительнымъ количествомъ войскъ, она на свой собственный страхъ дѣйствовала въ Манчжуріи, что потребовало громадныхъ тратъ. Здѣсь Россія имѣетъ преимущественное право на вознагражденіе, а концессіи въ сущности являются единственнымъ средствомъ, да и этого источника едва ли хватитъ. Уже изъ этого одного можно вывести исключительное право Россіи на полученіе горныхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій.

Русско-китайское соглашеніе не достигнуто, русскія войска остаются въ Манчжуріи. Какое же положеніе должна занимать эта страна? До тѣхъ поръ пока она не возвращена Китаю, на нее можно смотрѣть только какъ на часть русской територіи. Иной взглядъ едва ли возможенъ. Мы должны стараться ввести въ ней русскіе порядки, должны всѣ преимущества предоставить русскимъ людямъ, нисколько не заботясь о томъ какъ отзовется такой порядокъ на другихъ иностранцахъ. Мы должны щадить до извѣстной степени платежныя силы манчжурскаго населенія, но мы должны стараться по возможности покрывать издержки окупаціи и управленія изъ мѣстныхъ средствъ. Чѣмъ тверже мы станемъ въ Манчжуріи, чѣмъ рѣшительнѣе воспользуемся мы своимъ положеніемъ, тѣмъ скорѣе лицемѣрные друзья Китая поймутъ какъ невыгодно и для нихъ, и для самого Китая отсутствіе прочнаго соглашенія съ Россіей. Тогда картина измѣнится, и вчерашніе противники этого соглашенія сдѣлаются сторонниками его.

Н. Емельяновъ.

Польскій соціализмъ и современное настроеніе Поляковъ.

I.

Нѣсколько лѣть тому назадъ въ Краковѣ появилась весьма интересная книга извѣстнаго польскаго литератора Станислава Козьмяна: „Сочиненіе о 1863 годѣ“, выдержавшая затѣмъ нѣсколько изданій. Жаль что на эту книгу обратили у насъ мало вниманія, а съ ней слѣдовало бы ознакомиться Русскимъ въ виду личности ея автора и въ виду ея содержанія. Козьмянъ извѣстный у Поляковъ родъ имѣющій много связей съ польскими магнатами. Одинъ изъ Козьмяновъ, Каэтанъ, былъ сенаторомъ Царства Польскаго въ 1815—1830 годахъ и славился какъ поэтъ-ложноклассикъ, изданныя же послѣ его смерти его „Воспоминанія“ заключаютъ въ себѣ цѣнный историческій матеріалъ и написаны сравнительно безпристрастно. Другой Козьмянъ, Янъ, былъ извѣстный польскій іезуитъ, третій, Станиславъ (1811—1885), поэтъ, знатокъ театровъ и авторъ политическихъ брошюръ, принималъ какъ близкій сотрудникъ князя Адама Чарторижскаго участіе въ проискахъ Чарторижскаго въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, а затѣмъ, когда вспыхнулъ мятежъ 1863 года, явился дѣятельнымъ сотрудникомъ сына князя Адама Чарторижскаго, Владислава, который продолжалъ дѣло своего отца умершаго до начала мятежа. Сынъ этого Станислава Козьмяна, тоже Станиславъ, видный галицко-польскій публицистъ польско-консервативнаго лагеря. Онъ помогалъ своему отцу въ 1863 году и много писалъ впослѣдствіи. Изъ подъ его пера и вышла книга „Сочиненіе о 1863 годѣ“, ему же принадлежатъ, какъ увѣряютъ свѣдущіе люди, редакція и литературная отдѣлка памфлета „Варшавское Общество“ который произвелъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ большую сенсацію въ польскомъ обществѣ. Этотъ объемистый, мѣстами не лишенный остроумія, но часто впадающій въ тонъ пасквиля и въ грубый шаржъ, бойко написанный памфлетъ трудъ колективный. Въ составленіи его участвовали многія лица изъ варшавской польской аристократіи и изъ варшавскихъ польскихъ интелигентовъ и чиновниковъ. Цѣлію этого памфлета было остановить обрусительную политику Россіи, талантливымъ представителемъ которой въ Варшавѣ являлся І. В. Гурко, и главныя стрѣлы памфлета были направлены противъ покойнаго фельдмаршала и его ближайшихъ сотрудниковъ. Конечно, цѣль эта не была достигнута, но поль-

ское общество сильно было взволновано, и памфлетъ „Варшавское Общество", подливъ масло въ огонь, поддержалъ броженіе польскихъ умовъ.

Книга „Сочиненіе о 1863 годѣ" имѣетъ цѣлію успокоить Поляковъ, отрезвить ихъ. Она доказываетъ что польскія возстанія были безцѣльны и безсмысленны. Въ ней много мѣткихъ и вѣрныхъ замѣчаній о Полякахъ и ихъ племенномъ характерѣ. Появленіе этой книги совпало съ усиленіемъ въ нашей печати толковъ о русско-польскомъ „примиреніи", и нѣкоторые изъ нашихъ „примирителей" ссылались на книгу Козьмяна, видя въ ней доказательство политическаго перерожденія Поляковъ. Указывая на это перерожденіе, они находили что если въ Россіи польскіе умы не вполнѣ умиротворены, то только потому что ограничительные законы и русскіе чиновники раздражаютъ Поляковъ. Пусть, дескать, Россія отнесется къ Полякамъ какъ мать, а не какъ мачиха, пусть русскіе чиновники не раздражаютъ ихъ, и они станутъ вѣрнѣйшими сынами Россіи.

Только незнаніе прошлаго Поляковъ и весьма поверхностное знакомство съ книгой Козьмяна могли привести къ подобнымъ выводамъ. Всегда среди Поляковъ были люди осуждавшіе польскія легкомысленныя увлеченія, но, во-первыхъ, эти люди всегда оставались въ незначительномъ меньшинствѣ, а во-вторыхъ, они были сильны только своимъ отрицаніемъ, ихъ же положительныя програмы не выдерживали критики и... и тоже отличались политическимъ легкомысліемъ. Это слѣдуетъ сказать и о Козьмянѣ съ его единомышленниками, такъ называемыми „станьчиками". Книга Козьмяна, между прочимъ, цѣнна именно тѣмъ что приводитъ много доказательствъ польскаго политическаго легкомыслія. Большинство такъ называемыхъ *спокойныхъ Поляковъ* умѣетъ логично разсуждать, знаетъ ошибки прошлаго, но пусть тому или другому Поляку или той или другой группѣ Поляковъ придетъ въ голову какая-либо сумасбродная „патріотическая" комбинація, и *спокойные*, назвавъ эти комбинаціи сумасбродными, покричавъ и пошумѣвъ на тему что авторы этой „патріотической" комбинаціи „губятъ отчизну", въ концѣ концовъ подчинятся этимъ „сумасбродамъ" и пойдутъ за ними. Узнавъ о началѣ возстанія 1863 года, Козьмянъ поспѣшилъ изъ своего имѣнія въ Краковъ. „Прибывъ въ Краковъ, пишетъ онъ, я засталъ тамъ вѣтвь варшавскаго тайнаго общества подъ названіемъ „Лава" и много разсудительныхъ людей, солидныхъ патріотовъ, словомъ, такъ называемыхъ консерваторовъ: они были поражены, безпомощны, чувствовали весь ужасъ положенія, опасность возстанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда это бываетъ въ Польшѣ, опасались вооружить противъ себя болѣе смѣлую партію движенія и не желали чтобы ихъ сочли менѣе

патріотичными чѣмъ эта партія", а потому кончили тѣмъ что примкнули къ возстанію.

Козьмянъ остроумно вышутилъ въ своей книгѣ польскія революціонныя стремленія къ возстановленію Польши и польскую политическую слабохарактерность, но положительная сторона выраженныхъ имъ политическихъ взглядовъ партіи „станьчиковъ", къ которымъ онъ принадлежитъ и въ выработкѣ политической програмы которой онъ принималъ горячее участіе, очень слаба. Это ярко доказано дѣятельностію „станьчиковъ" въ Галиціи. Русскіе „примирители" расхваливніе „станьчиковъ" упускали изъ вида неудачные плоды которые дала ихъ дѣятельность въ Галиціи и полную непримѣнимость въ Россіи ихъ програмы выработанной сообразно съ условіями государственнаго устройства Австріи и построенной на ультрамонтанствѣ.

II.

Козьмянъ картинно разказываетъ въ своей книгѣ о наивномъ увлеченіи Поляковъ Наполеономъ III. Стремясь возстановить Польшу и не надѣясь на свои силы, Поляки возложили въ началѣ XIX вѣка надежды на Наполеона I. Они дорого заплатили за свое увлеченіе Наполеономъ I и вскорѣ должны были убѣдиться въ тщетности своихъ надеждъ на всемогущество Наполеона, въ ошибочности своей вѣры въ безкорыстную любовь Наполеона къ Польшѣ. Въ 1815 году, казалось, Поляки поняли что ихъ судьба въ рукахъ Россіи, но вскорѣ опять они стали обращать свои взоры къ Франціи, а затѣмъ и къ Англіи. Вступленіе во Францію на престолъ Наполеона III еще болѣе подняло въ Полякахъ вѣру въ помощь Франціи, а крымская война окрылила ихъ надежды. Проигрышъ Наполеономъ III и Англіей дипломатической кампаніи въ 1863 году мало поколебалъ надежды большинства Поляковъ на Францію, но съ теченіемъ времени эти надежды, какъ и надежды на Англію, мало-по-малу ослабли, и въ началѣ 80-хъ годовъ Поляки увидѣли свою спасительницу въ лицѣ Австріи. Ожидая войны съ Россіей, Австрія разрѣшила Полякамъ въ 1887 году открыть рядъ враждебныхъ Россіи демонстрацій, всячески бранить Россію въ австро-польской печати. Поляки увлеклись Австріей и тройственнымъ союзомъ въ увѣренности что этотъ союзъ разгромитъ Россію и возстановитъ Польшу, но затѣмъ имъ пришлось убѣдиться что первая роль въ союзѣ принадлежитъ не Австріи, а Германіи, къ тому же въ Германіи стали появляться брошюры о будущей войнѣ съ Россіей и карты новаго политическаго дѣленія Европы

съ Польшей отъ Вислы до Днѣпра и Западной Двины. Кончина императора Вильгельма I дала увѣренность Полякамъ въ скоромъ паденіи Бисмарка котораго, они ненавидѣли, и они еще сильнѣе стали искать сближенія съ Германіей. Вступленіе на престолъ Вильгельма II, замѣна Бисмарка графомъ Каприви заигрывавшимъ съ Поляками, и милости которыми осыпалъ Вильгельмъ II въ первое время своего царствованія Поляка Косцельскаго совсѣмъ вскружили головы Поляковъ. Польско-прусскій архіепископъ Стаблевскій заговорилъ о крестовомъ походѣ на варварскую Россію, о культурномъ родствѣ Поляковъ и Нѣмцевъ. Стаблевскій и Косцельскій стали популярнѣйшими лицами у Поляковъ. Петербургскій польскій журналъ *Край* отличающійся большою чуткостью изъ яраго австрофила обратился въ не менѣе яраго пруссофила. Тулонскія торжества окончательно разочаровали Поляковъ во Франціи, и они усердно стали молиться новому своему божку, Пруссіи, но увлеченіе Пруссіей было недолговременнымъ, такъ какъ Пруссія скоро отъ крайне полонофильской политики перешла къ рѣзкимъ антипольскимъ мѣрамъ. Одни изъ Поляковъ обратили свои взоры къ Россіи [1]), другіе разсчитываютъ на обращеніе Австріи въ федерацію западныхъ Славянъ, къ которой де со временемъ присоединится вся бывшая Рѣчь Посполитая, причемъ, конечно, Поляки убѣждены что въ этой федераціи руководящая роль будетъ принадлежать имъ. Но большинство Поляковъ въ настоящее время не разсчитываетъ на возстановленіе Польши при

---

[1]) Отношеніе краковскихъ станьчиковъ къ Россіи измѣнилось въ послѣдніе годы не безъ соглашенія станьчиковъ съ тою группой русскихъ Поляковъ, которая назвала себя „угодовцами“ (угода—соглашеніе) и надѣется тѣми или другими путями добиться для Поляковъ въ Россіи того значенія какое они имѣютъ въ Австріи. Нѣкоторыхъ галицкихъ Поляковъ заставило измѣнить свое отношеніе къ Россіи крайне бѣдственное экономическое состояніе Галиціи. Прусскіе Поляки не прочь заигрывать съ Россіей чтобы этимъ напугать Нѣмцевъ и, по возможности, остановить ихъ германизаторскія стремленія, но наши газеты въ послѣднее время раздуваютъ руссофильское настроеніе прусскихъ Поляковъ. Сообщенія нашихъ газетъ о появленіи въ Познани русскихъ вывѣсокъ, повидимому, вѣрны. Дешевыя проявленія руссофильства дѣлаются, главнымъ образомъ, въ пику Нѣмцамъ, но извѣстія заимствованныя изъ пражскихъ газетъ о заговорѣ въ пользу Россіи среди польскихъ солдатъ прусской арміи и о требованіи австрійскихъ Поляковъ чтобы австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ предварилъ Пруссію что въ случаѣ продолженія ею антипольской политики Австрія выйдетъ изъ союза съ нею и соединится съ Россіей, родились, какъ уже доказано въ польской печати, въ слишкомъ горячей головѣ одного Поляка-фантазера живущаго въ Прагѣ. Это участникъ возстанія 1863 г., бывшій затѣмъ въ Сибири и въ концѣ концовъ обратившійся въ горячаго руссофила. Онъ, безспорно, преданъ Россіи, но фантазеръ.

помощи той или другой европейской державы, а всецѣло полагается на собственныя польскія силы. И такъ какъ, по ихъ мнѣнію, опытъ прошлаго доказалъ что шляхта и интелигенція не въ состояніи возстановить Польши, то они рѣшили обратиться къ помощи низшихъ классовъ населенія. Мицкевичъ въ свое время считалъ необходимой помощь Евреевъ и выдумалъ „Поляковъ Моисеева закона“ которые, дѣйствительно, приняли участіе въ возстаніи 1863 года и... нажили на этомъ возстаніи немалыя деньги. Накапунѣ самаго возстанія было рѣшено одной изъ партій привлечь на сторону мятежа крестьянъ и съ этою цѣлію варшавское „Земледѣльческое Общество“ объявило въ январѣ 1863 г. что надѣляетъ крестьянъ землею, въ память чего даже выбило медаль, но это фиктивное надѣленіе землею, конечно, такъ и осталось въ области фикціи. Теперь опять польскіе политиканы заговорили о крестьянахъ и рабочихъ. Тѣ и другіе въ настоящее время герои дня у Поляковъ. Въ Галиціи тамошніе соціалисты и „людовцы“ громко кричатъ объ этомъ и издаютъ множество книгъ и брошюръ. На краковской сценѣ ставятся піесы идеализующіе „народъ“ и „хожденіе въ народъ“. Въ Варшавѣ громкія рѣчи о „хлопской и работничей“ Польшѣ, изданіе брошюръ и постановка піесъ патріотическо-соціалистическаго и патріотическо-народолюбческаго характера невозможны, но и здѣсь идетъ работа въ этомъ же направленіи. „Демократическая“ волна охватила польское общество и въ Привислинскомъ краѣ, и разные элементы польскаго общества увлечены теперь этою волной.

III.

Польскіе соціалисты и „людовцы“ дѣлятся въ Галиціи на нѣсколько кружковъ которые враждуютъ между собою. Споры и ссоры возникаютъ у нихъ изъ-за разныхъ мелочей и на почвѣ личныхъ счетовъ, основная же цѣль у всѣхъ этихъ кружковъ общая: возстановленіе Польши, но не шляхетской. Въ послѣдніе годы польскіе соціалисты и людовцы достигли въ Галиціи большихъ успѣховъ, захватили въ свои руки много разныхъ обществъ и ведутъ энергичную пропаганду.

1899—1901 годахъ ими выпущено много книгъ и брошюръ. Однѣ изъ этихъ книгъ и брошюръ предназначены для интелигенціи, другія для народа. Онѣ написаны такимъ зажигательнымъ тономъ и съ такою увѣренностію что читая ихъ можно подумать что если не сегодня, то завтра вспыхнетъ новое польское возстаніе. Интелиген-

ція доказывается въ нихъ необходимость общенія съ народомъ. Поляки, говорится въ одной изъ нихъ, всегда были передовымъ народомъ и могутъ выиграть борьбу за независимость только въ томъ случаѣ, если будутъ опираться на передовыя идеи, а такъ какъ нынѣ вѣкъ торжества соціально-демократическихъ идей, то польская идея должна слиться съ этими идеями. Борьба Россіи и Польши, гласитъ другая, является борьбой реакціоннаго начала которое представляетъ собой Россія съ прогрессивнымъ олицетворяемымъ Польшей, а идеаломъ прогреса нынѣ является соціально-демократическая республика. Въ брошюрахъ издаваемыхъ для народа народъ призывается „бить Москву", разъясняется что Костюшко былъ великій народолюбецъ, что подъ его знаменами дрались „хлопы съ косами", и что если „Москва" дала крестьянамъ землю, то только потому что должна была сдѣлать это подъ давленіемъ возстанія 1863 года, одной изъ главныхъ цѣлей котораго было де надѣленіе крестьянъ землею. Соціалистскіе издатели не забываютъ и дѣтей: для нихъ издаются дѣтскія революціонныя книжки награждаемыя преміями на конкурсахъ галицко-польскихъ „педагогическихъ" обществъ.

Въ то время какъ русскіе соціалисты и народники открещиваются отъ національной идеи, польскіе соціалисты и людовцы „патріоты" 96-й пробы. Главный органъ польскихъ соціалистовъ носитъ названіе „Всепольское обозрѣніе". Онъ видитъ всюду Польшу и смѣло переходитъ за предѣлы Рѣчи Посполитой 1772 года, считая Польшей и Смоленскъ, и Силезію, находя Поляковъ и за Карпатами. Русскіе либералы демократическаго пошиба пытались сходиться съ польскими „патріотами", соціалистами. Правда, среди нихъ есть такіе которые готовы сойтись съ русскими соотвѣтственными элементами, но когда недавно либеральный петербургскій професоръ Карѣевъ отправился во Львовъ читать лекцію о столпѣ русскаго народничества г. Михайловскомъ, то большинство польскихъ соціалистовъ и людовцевъ устроило ему скандалъ [2]).

Между Поляками западной и привислинскихъ губерній съ одной

---

[2]) Въ числѣ галицко-польскихъ „людовцевъ" есть лицо которое считаетъ себя другомъ Россіи. „Консервативные" Поляки ненавидятъ его и называютъ анархистомъ. Это ксёндзъ Стояловскій, неоднократно сидѣвшій въ тюрьмѣ за австрійскую „политическую неблагонадежность". Года два тому назадъ онъ былъ лишенъ права совершать богослуженія, но поѣхавъ въ Римъ доказалъ тамъ свою католическую благонамѣренность, и ему возвращены папой прерогативы священническаго сана. Недавно на конгресѣ славянскихъ журналистовъ въ Дубровникѣ рѣзко громилъ австро-польскихъ журналистовъ разжигающихъ ненависть къ Россіи. Польскіе журналисты подняли крикъ противъ ксёндза, а затѣмъ польская печать всячески осуждала его за „безтактную выходку".

стороны и Галиціей съ другой существуетъ живое и тѣсное общеніе. Много галицко-польскихъ учрежденій и обществъ, въ томъ числѣ и соціалистскихъ, существуетъ и поддерживается на средства нашихъ Поляковъ. Напримѣръ, въ польской печати встрѣчались указанія что галицко-польскій „народный университетъ имени Адама Мицкевича“ поддерживается, главнымъ образомъ, русскими Поляками, а каковъ характеръ этого учрежденія, можно заключить изъ изданной имъ для народа брошюры „1863 годъ“. Она заканчивается такъ:

„А въ первый рядъ вы, крестьяне, польскій сельскій людъ! Видишь Москву, это неволя! Бей, и будешь свободенъ! Развѣ не дорога намъ эта земля, удобренная трудомъ? Развѣ можетъ Москаль взять ее Богъ знаетъ за что? Пустить косы на эти плевелы, которые заглушаютъ наши поля! Любить Польшу не половиной, а всей душой!

„Духъ Костюшки живетъ среди насъ. Да поведетъ онъ насъ къ великой будущности!“

Въ варшавской польской подцензурной литературѣ, конечно, польская „соціально-демократическая доктрина“ не можетъ открыто проповѣдываться, но до извѣстной степени отражается. Года два тому назадъ въ Варшавѣ появилась „Исторія польскаго народа“ съ „демократическимъ“ душкомъ, теперь эта книга издана въ русскомъ переводѣ въ Петербургѣ, причемъ авторомъ ея названъ польскій историкъ Смоленскій (варшавское изданіе было анонимное). Замѣтимъ кстати что русскій переводчикъ книги Смоленскаго какой-то г. Львовичъ счелъ долгомъ заявить въ одномъ изъ своихъ примѣчаній что древнее Православіе Западной Руси „отнюдь не тожественно“ съ „московскимъ и нынѣшнимъ“ Православіемъ. Странное историческое открытіе! Но „останавливаться на этомъ“, поясняетъ г. Львовичъ, „неудобно“... Поздравляемъ редакцію *Вѣстника Всемірной Исторіи*, издавшую книгу Смоленскаго въ переводѣ г. Львовича, съ открытіемъ что юго-западное русское Православіе „отнюдь не тожественно“ съ „московскимъ“. Почтенная редакція, вѣроятно, забыла даже тотъ фактъ что первые московскіе митрополиты были родомъ изъ юго-западной Руси.

IV.

Достоевскій предсказывалъ въ своемъ „Великомъ инквизиторѣ“ на страницахъ *Русскаго Вѣстника* что папизмъ подастъ руку соціализму. „Ты отвергъ, говоритъ Великій инквизиторъ Христу, единственное абсолютное знамя которое предлагалось тебѣ чтобъ заставить всѣхъ преклониться предъ тобою безспорно, знамя хлѣба зем-

наго" .. Но папизмъ, по словамъ Великаго инквизитора, возьметъ это знамя въ руки и покоритъ міръ. Послѣ того какъ попытки Ватикана подавить соціализмъ не увѣнчались успѣхомъ, папа дѣйствительно сталъ заигрывать съ соціализмомъ. Онъ обнародовалъ уже нѣсколько энцикликъ о соціализмѣ, которыми санкціонирована „христіанская демократія". Очевидно, этимъ путемъ папа хочетъ захватить соціалистское движеніе въ свои руки.

Польскіе аристократы, польское духовенство и польская „интелигенція", повидимому, дѣйствуютъ по примѣру папы и хотятъ взять польское революціонно-соціалистское движеніе въ свои руки. Въ послѣдніе годы польская Варшава воспылала любовью къ крестьянину и рабочему и проявила много заботъ о нихъ. Ксендзы Семенъ и Хелмицкій особенно радѣютъ о рабочихъ и недавно ксендзъ Хелмицкій устроилъ для рабочихъ дешевыя передвижныя кухни, графъ Пржездецкій организовалъ общество для несенія, главнымъ образомъ, рабочимъ и бѣднякамъ скорой медицинской помощи, банкиръ Бліохъ задумалъ устроить „народный паркъ" (это не было ему разрѣшено), недавно открытое варшавское „Гигіеническое Общество" то и дѣло толкуетъ о рабочихъ и крестьянахъ, были попытки устраивать для крестьянъ библіотеки и кассы.

Заботы о бѣдныхъ, объ облегченіи ихъ участи и просвѣщеніи ихъ, конечно, дѣло прекрасное; вполнѣ похвально и стремленіе сблизиться съ простонародьемъ съ цѣлію противодѣйствовать соціалистско-революціонной пропагандѣ, но можно-ли быть увѣреннымъ что польское духовенство, польскіе аристократы и интелигенты, ищущіе общенія съ простонародьемъ подъ знаменемъ противодѣйствія соціализму, удержатся на пути этого противодѣйствія? Вспомнимъ прошлое Поляковъ. Заглянемъ въ исторію 1830 года: на дняхъ появился IV томъ интересныхъ воспоминаній генерала Колачковскаго, родственника княгини Ловичъ, супруги цесаревича Константина Павловича. Генералъ Колачковскій разказываетъ что онъ, какъ и нѣкоторые другіе Поляки, примкнули къ возстанію единственно съ цѣлію захватить его въ свои руки. Они предвидѣли что возстаніе будетъ имѣть печальный для Поляковъ конецъ, но не были въ силахъ остановить повстанское движеніе, поэтому они сочли за единственный исходъ присоединиться къ движенію, дабы, овладѣвъ имъ, ставъ во главѣ его и устранивъ отъ главенства терористовъ и революціонеровъ по ремеслу, по возможности „сократить размѣры бѣдствія" и умѣрить ужасы революціи. Но развѣ эти цѣли были достигнуты, развѣ большинство примкнувшихъ къ революціонному движенію съ этими „благими намѣреніями" не были затѣмъ увлечены революціоннымъ потокомъ и не прониклись духомъ революціи? Не одинъ Колачковскій, но и другіе

польскіе авторы писавшіе о возстаніи 1830—31 годовъ удостовѣряютъ что многіе „солидные" Поляки присоединились къ возстанію съ тѣми благими намѣреніями, о которыхъ говоритъ Колачковскій, и 1830—31 годы, казалось-бы, должны были научить Поляковъ что благими намѣреніями умощенъ путь въ адъ, если у людей нѣтъ стойкости, и что нужно имѣть сильныя ноги чтобы не поскользнуться на валенродскомъ скользкомъ пути, а развѣ не валенродизмъ своего рода входить въ лагерь революціонеровъ и стремиться къ захвату въ немъ власти съ цѣлію подавить революцію?

Къ 1863 году эти уроки были забыты Поляками. Козьмянъ въ „Сочиненіи о 1863 годѣ" говоритъ что консервативные польскіе элементы сдѣлали первый шагъ къ участію въ дѣлахъ возстанія 1863 года съ цѣлію овладѣть движеніемъ и... „сократить размѣры бѣдствія". „Соображеніе, замѣчаетъ онъ по этому поводу, ложное; оно привело лишь къ тому что къ услугамъ красныхъ и ихъ безразсуднаго предпріятія явились авторитетъ, силы и средства консервативныхъ элементовъ". Но и теперь „солидные" Поляки руководятся подобными-же соображеніями. Петербургскій польскій журналъ *Край* въ началѣ управленія Привислинскимъ краемъ князя Имеретинскаго въ рядѣ статей доказывалъ необходимость облегчить польской „интелигенціи" доступъ къ народу чтобы она имѣла возможность противодѣйствовать пропагандѣ „красныхъ" въ народѣ. А нѣкто г. Скаржинскій года $1^1/_2$ тому назадъ очень жаловался въ газетѣ *Россія* на то что русскія власти мѣшаютъ Полякамъ безконтрольно распоряжаться въ варшавскомъ попечительствѣ трезвости и въ народномъ театрѣ этого попечительства, чѣмъ, дескать, противодѣйствуютъ благому вліянію солидныхъ людей на народъ, а это вліяніе, по его словамъ, крайне необходимо теперь въ виду усиленной пропаганды „красныхъ" въ народѣ. Этотъ г. Скаржинскій, принимавшій одно время видное участіе въ дѣлахъ варшавскаго попечительства трезвости, а затѣмъ бывшій представителемъ нашего Министерства Финансовъ на Парижской выставкѣ по отдѣлу попечительствъ трезвости, а также представителемъ русскаго правительства на недавнемъ антіалкоголическомъ конгресѣ въ Вѣнѣ, очевидно, забылъ что попытки „солидныхъ" и „консервативныхъ" Поляковъ овладѣть революціоннымъ движеніемъ въ 1830 и 1863 годахъ привели къ тому что движеніе усилилось, и что польскіе „консервативные элементы", дѣйствуя въ Галиціи вполнѣ безконтрольно, допустили тамъ полный разцвѣтъ польскаго революціоннаго соціализма. Вотъ почему покойный князь Имеретинскій, настроенный весьма „либерально" въ отношеніи Поляковъ и нерѣдко подозрѣвавшій тѣхъ Русскихъ, которые говорили что на Поляковъ полагаться нельзя, въ

стремленіи раздувать „русско-польскую рознь“ и подливать масло въ огонь, былъ вполнѣ правъ, не вполнѣ довѣряя заявленіямъ „солидныхъ“ Поляковъ что они сдержатъ польско-революціонныя вспышки, если имъ дать свободу и не допускать вмѣшательства Русскихъ во „внутреннія польскія дѣла“. По покойнымъ княземъ въ этомъ отношеніи были сдѣланы Полякамъ немалыя уступки, и можно ли сказать что эти уступки принесли пользу, не придется ли со временемъ пожалѣть о нихъ?

V.

Новому варшавскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту М. И. Черткову предстоитъ много труда въ Привислинскомъ краѣ. Такъ называемый польскій вопросъ теперь усложнился, воспринявъ соціалистскіе элементы. Польскій соціализмъ разросся въ Галиціи, но „ни для кого не тайна“, писалъ года 4 тому назадъ петербургскій польскій *Край*, что польская соціалистская пропаганда переходитъ изъ Галиціи въ Привислинье. Въ изданной въ 1898 году брошюрѣ г. Наблюдателя „Возможно ли русско-польское сближеніе“ (эта брошюра составлена изъ варшавскихъ кореспонденцій *Петербургскихъ Вѣдомостей* и напечатана въ типографіи *Края*), приведено много фактовъ подтверждающихъ слова *Края*. [3]) Въ періодъ управленія Привислинскимъ краемъ князя Имеретинскаго въ жизни Варшавы было нѣсколько крупныхъ фактовъ, ярко свидѣтельствующихъ, къ сожалѣнію, объ успѣхахъ польскаго соціализма. Факты эти въ печати не оглашались. Покойный фельдмаршалъ Гурко былъ сторонникомъ гласности въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ. О всѣхъ бывшихъ при немъ попыткахъ польско-патріотическихъ демонстрацій съ соціалистской подкладкой и безъ нея появлялись сообщенія. Покойный же князь Имеретинскій былъ противникомъ огласки въ печати подобныхъ фактовъ. Въ *Варшавскомъ Дневникѣ* печатались при немъ приказы о провинностяхъ должностныхъ лицъ и выговоры имъ. Это дѣлалось гласно, но польскія выходки, даже крупныя, замалчивались. Въ прошломъ году въ одинъ и тотъ же день вся Варшава была свидѣтельницей „патріотическихъ“ безчинствъ, въ

[3]) Маленькая, характерная для польскаго образа дѣйствій, черта: Брошюра „Возможно ли русско-польское сближеніе“ напечатана въ типографіи *Края*, но на обложкѣ ея значится: „Типографія Тренне и Фюсно, Максимиліановскій пер., д. № 13“, а на обложкѣ каждаго № *Края* можно прочесть: Въ типографіи *Края* (Тренне и Фюсно), Максимиліан. пер. д. № 13. Къ чему понадобилось *Краю* замаскировать то обстоятельство что эта брошюра напечатана въ его типографіи?

уѣздномъ же городѣ Привислинскаго края Влоцлавскѣ мѣстный полиціймейстеръ въ пьяномъ видѣ произвелъ скандалъ въ театрѣ. О проступкѣ Влоцлавскаго полиціймейстера и о лишеніи его должности появился приказъ въ *Варшавскомъ Дневникѣ*, перепечатанный затѣмъ всѣми русскими и польскими газетами, но о варшавскихъ безчинствахъ не было сообщено ни слова въ варшавскомъ офиціозѣ. Объ этихъ безчинствахъ было сдѣлано лишь мимолетное замѣчаніе въ одной изъ передовыхъ статей *Московскихъ Вѣдомостей*. Покойный князь Имеретинскій говорилъ что русская печать, сообщая о польскихъ „патріотическихъ“ выходкахъ, мѣшаетъ „умиротворенію края“, и прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ чтобы сообщенія объ этихъ выходкахъ не появлялись въ русской печати. При такихъ условіяхъ русскій читатель, узнавая изъ газеты о проступкахъ русскихъ должностныхъ лицъ въ Привислиньѣ, какъ, напримѣръ, о проступкѣ влоцлавскаго полиціймейстера, и не имѣя возможности узнавать о разныхъ польскихъ выходкахъ, легко могъ придти къ ошибочному заключенію что Поляки умиротворились, ведутъ себя спокойно, а русскія должностныя лица производятъ скандалы и этимъ „раздражаютъ“ мирныхъ Поляковъ.

VI.

Люди располагающіе собственностью являются, обыкновенно, противниками революціонныхъ движеній, особенно съ соціалистской подкладкой. Изъ этого вѣрнаго, но не абсолютно, предположенія исходятъ сторонники мнѣнія что „консервативные“ собственники Поляки заинтересованы противодѣйствовать польскимъ соціалистскимъ затѣямъ. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и покойный князь Имеретинскій, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ на практикѣ убѣждался что въ борьбѣ съ польскимъ соціализмомъ не всегда можно полагаться на польскихъ „консерваторовъ“. Не таковъ польскій характеръ, не таково прошлое Поляковъ, не такова польская жизнь чтобы въ борьбѣ съ революціонными теченіями можно было полагаться на „польскіе консервативные элементы“.

Громадное большинство Поляковъ не можетъ устоять передъ революціоннымъ движеніемъ какого бы оно ни было рода. Начавъ обыкновенно съ небольшихъ уступокъ этимъ движеніямъ „ради успокоенія“, Поляки затѣмъ дѣлаютъ большія уступки и отдаются революціонному теченію. Одни изъ польскихъ крупныхъ помѣщиковъ заражены польскимъ тщеславіемъ и ради популярности склонны къ уступкамъ

польскимъ революціонерамъ. Недавно въ Варшавѣ громко говорили объ отказѣ одного графа отъ предложеннаго ему княземъ Имеретинскимъ очень почетнаго званія; графъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ что, принявъ это званіе, онъ утратитъ популярность у низшихъ слоевъ населенія которая ему дорога. Этотъ графъ стоялъ во главѣ одного учрежденія явившагося въ послѣднее время плодомъ заботъ о „меньшей братіи“. Другіе съ гордостью хранили революціонныя традиціи своихъ родовъ и не желаютъ отступать отъ этихъ традицій. Многіе изъ польскихъ богатыхъ Евреевъ тоже говорятъ объ этого рода традиціяхъ. Ихъ отцы и дѣды, принимая участіе въ возстаніяхъ, не забывали и о своихъ карманахъ, о которыхъ вѣроятно не забываютъ и нынѣшніе варшавскіе Евреи-„патріоты“, но какъ бы то ни было фактъ всегдашняго участія Евреевъ въ польскихъ революціонныхъ движеніяхъ и въ разнаго рода польскихъ выходкахъ послѣдняго времени несомнѣненъ. Есть мостикъ соединяющій Поляковъ всѣхъ оттѣнковъ: это „патріотизмъ“. И наконецъ, и во время возстаній польскихъ партій враждовали какъ и теперь враждуютъ „консервативные“ элементы съ соціалистами, но въ концѣ концовъ сходились [1]). Среди польскихъ союзниковъ „чистыхъ соціалистовъ соціалистовъ-интернаціоналовъ почти нѣтъ. Польскій соціализмъ сочетался съ польскимъ „патріотизмомъ“. Польскій соціализмъ стремится къ возстановленію Польши, что̀ составляетъ мечту почти всѣхъ Поляковъ. Своеобразный польскій соціализмъ и народничество характерны еще тѣмъ что они многое заимствовали изъ польской шляхетско-революціонной програмы. Еслибы польскіе народники (людовцы) руководились, дѣйствительно, только интересами народа, то

[1]) Особенно рѣзко польскіе соціалисты нападаютъ на редактора петербургскаго польскаго журнала *Край* г. Пильца, называя его „московскимъ духомъ“ и „слугой русскаго правительства“. Изъ галицко-польской печати они перенесли было эти нападки въ петербургскій *Сѣверный Курьеръ*, который недавно закрытъ. *Новое Время*, очевидно не зная подкладки этихъ нападокъ, приняло сторону *Сѣвернаго Курьера*. Г. Пильцъ растерялся. Обыкновенно *Новое Время* упрекало его въ неискренности и притворности его дружбы къ Россіи, требуя искренней преданности, а тутъ вдругъ присоединилось къ нападкамъ „красныхъ“ Поляковъ, которые винятъ г. Пильца за преданность Россіи. Г. Пильцъ вызвалъ редактора *Сѣв. Курьера* на судъ чести, приговоръ котораго почему-то не оглашенъ въ печати. Объясненія г. Пильца въ *Краѣ* вышли туманными и подорвали довѣріе къ нему въ польскомъ обществѣ. Вести двойную игру нелегко: съ одной стороны говорить о преданности Россіи, а съ другой выказывать себя горячимъ патріотомъ „свободной Польши отъ моря до моря“, быть лютераниномъ и пропагандировать католичество, пускать стрѣлы въ польскихъ соціалистовъ выставившихъ на своемъ знамени имя Костюшки, и писать дифирамбы въ честь Костюшки... Какъ тутъ не запутаться!

они стремились бы къ возстановленію этнографической Польши, въ предѣлахъ которой живетъ польскій народъ, а между тѣмъ они мечтаютъ о включеніи въ составъ будущей новой Польши и областей въ которыхъ живетъ изстари русскій народъ, и лишь имѣется польскій шляхетскій налетъ. Вспомнимъ уже цитованныя выше слова Козьмяна что, „какъ это всегда бываетъ въ Польшѣ", польскіе консерваторы опасались въ 1863 году „чтобы ихъ не сочли менѣе патріотичными, чѣмъ эта партія (т.-е. партія движенія)". Это опасеніе показаться не патріотами обыкновенно приводитъ раньше или позже „солидныхъ" Поляковъ къ подчиненію краснымъ. Еслибы „солидные" Поляки не характеризовались этой чертой, еслибы они не вели двойной игры, польскій соціализмъ не представлялъ бы большой опасности. „Консервативные" Поляки не прочь преувеличивать его силу въ нашихъ глазахъ чтобы выторговать себѣ свободу дѣйствій. Самъ по себѣ онъ гораздо менѣе опасенъ чѣмъ польская „лойяльность", подъ прикрытіемъ которой Поляки входятъ въ разныя сферы нашей жизни и стремятся вліять на нихъ различными способами. Главная опасность соединенная съ нимъ заключается именно въ томъ что польскіе „консервативные" элементы, говоря о борьбѣ съ нимъ, на дѣлѣ лишь тормазятъ ходъ русскаго государственнаго дѣла въ Привислиньѣ и перевоспитаніе Поляковъ въ духѣ русской государственности, и что на дѣйствительное противодѣйствіе значительной части польскихъ консервативныхъ элементовъ польскому соціализму разчитывать нельзя.

Л.

Варшава, 6 апрѣля 1901 г.

Сибирскія фантазіи на земскія темы.

I.

Въ городѣ Томскѣ существуетъ мѣстное отдѣленіе Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства. Въ странѣ исключительно крестьянскаго землевладѣнія, въ губерніи гдѣ насчитывается всего только три частныхъ земельныхъ себственника сельскохозяйственное общество должно было бы носить, повидимому, чисто крестьянскій характеръ. Но ничего подобнаго не видимъ мы въ дѣйствительности. Въ составъ общества вошло нѣсколько професоровъ Томскаго университета, нѣсколько чиновниковъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, нѣсколько другихъ горожанъ интересующихся агрономическою наукой.

Такой составъ общества, конечно, долженъ былъ наложить свою печать на его дѣятельность. Отъ времени до времени въ обществѣ читаются довольно интересные доклады, дѣлаются еще болѣе интересныя научныя сообщенія; но такъ какъ ни одинъ членъ общества не связанъ органически съ краемъ, ни одинъ не заинтересованъ матеріально въ положеніи мѣстнаго сельскаго хозяйства, то общество въ основу своей дѣятельности кладетъ исключительно отвлеченныя, теоретическія соображенія и всегда готово идти на самые рискованные опыты, ни на минуту не задумываясь надъ тѣмъ какъ отзовутся эти опыты на интересахъ мѣстнаго населенія. За примѣрами ходить далеко не нужно.

Въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій дѣйствительный членъ общества І. К. Окуличъ, по словамъ сибирскихъ газетъ, прочиталъ докладъ на тему: *Земство и сельское хозяйство*, въ которомъ указалъ на громадную роль которую играетъ земство въ дѣлѣ улучшенія сельскохозяйственной организаціи, на пользу приносимую земскими агрономами и на желательность возможно скорѣйшаго введенія земской организаціи во всѣхъ неземскихъ губерніяхъ. Вопросъ этотъ разсматривался на послѣднемъ съѣздѣ агрономовъ въ Москвѣ, причемъ съѣздъ пришелъ къ заключенію что „правильная, планомѣрная дѣятельность, направленная къ улучшенію сельскохозяйственной культуры, возможна лишь при условіи введенія земскихъ учрежденій“.

Взглядъ совершенно новый и неожиданный. Въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить его съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ что наибольшей высоты земледѣліе достигаетъ въ губерніяхъ Прибалтійскаго края гдѣ земскихъ учрежденій никогда не было, да и теперь нѣтъ? Въ Привислинскомъ краѣ земскихъ учрежденій также не существуетъ, и едва ли найдется человѣкъ который рѣшится утверждать что тамъ земледѣліе находится на низшемъ уровнѣ чѣмъ въ коренныхъ губерніяхъ Россіи.

Но возвратимся къ докладу г. Окулича.

После прочтенія доклада однимъ изъ членовъ общества, какъ сообщаетъ *Сибирскій Вѣстникъ*, предложенъ былъ вопросъ: возможно ли введеніе земскихъ учрежденій въ Сибири, такъ какъ она находится въ совершенно другихъ условіяхъ чѣмъ Европейская Россія?

Г. Окуличъ возразилъ что онъ не видитъ никакой разницы въ этомъ отношеніи между Европейской Россіей и Сибирью и не понимаетъ почему бы земство, приносимая которымъ польза въ Россіи извѣстна всѣмъ, здѣсь стало дѣйствовать въ обратномъ направленіи. Отсутствіе въ Сибири элемента помѣщичьяго не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ мы видимъ что земство введено и въ исключительно почти крестьянскихъ губерніяхъ, напримѣръ, Перм-

ской и Вятской. Въ Чердынскомъ или Шадринскомъ земствѣ всего одинъ помѣщикъ, да и тотъ никогда не бываетъ въ земскихъ собраніяхъ, между тѣмъ дѣятельность этихъ земствъ весьма продуктивна, ихъ нужно причислить къ числу однихъ изъ самыхъ лучшихъ, правильнѣе всего функціонирующихъ. Въ Вятской губерніи было нѣсколько председателей земскихъ управъ изъ крестьянскаго населенія, и они оказались вполнѣ отвѣчающими своему назначенію.

Вотъ тѣ доводы которые приводятся въ доказательство необходимости введенія земскихъ учрежденій на нашей восточной окраинѣ. Посмотримъ насколько соотвѣтствуютъ они дѣйствительности.

II.

По офиціальнымъ даннымъ собраннымъ Министертствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, у насъ въ 1898 году одно губернское и 19 уѣздныхъ земствъ совершенно воздерживались отъ какихъ-либо мѣропріятій въ области улучшенія сельскаго хозяйства, такъ что приписывать земству непремѣнно желаніе вліять на сельское хозяйство нѣтъ еще достаточнаго основанія.

Положимъ, такія земства составляютъ меньшинство. Но и во всѣхъ остальныхъ земствахъ сельскохозяйственные интересы стоятъ далеко не на первомъ планѣ. Изъ числа 19 губернскихъ и 228 уѣздныхъ земствъ, о бюджетахъ которыхъ имѣлись свѣдѣнія въ Министерствѣ, 2 губернскія и 105 уѣздныхъ земствъ вовсе не производили никакихъ безвозвратныхъ асигнованій на сельскохозяйственныя потребности. Въ трехъ губернскихъ и 51 уѣздномъ земствѣ расходы эти не превышали 1% общей суммы всѣхъ асигнованій; отъ 1 до 5% на сельскохозяйственныя мѣропріятія тратили 9 губернскихъ и 62 уѣздныхъ земства; отъ 5 до 14% 5 губернскихъ и 9 уѣздныхъ земствъ и, наконецъ, 17% тратило одно только Кобелякское земство, къ слову сказать, совсѣмъ не крестьянское. Эти цифры далеко еще не убѣждаютъ въ томъ что дѣятельность земствъ является плодотворною для русскаго сельскаго хозяйства.

Предположимъ что въ сельскохозяйственномъ отношеніи сибирскія земства будутъ не хуже и не лучше земствъ Европейской Россіи, какую же выгоду получитъ тогда отъ нихъ земледѣльческое населеніе Сибири? Въ Европейской Россіи, гдѣ фабрично-заводская промышленность получила сравнительно большее развитіе, гдѣ больше многолюдныхъ городовъ, гдѣ значительно болѣе развита торговля, каждая десятина земли въ 1895 году была обложена въ среднемъ 16,7 коп., но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ эта цифра достигала 45 коп.

съ десятины. Съ тѣхъ поръ эти цифры значительно возросли. Но даже не принимая въ разчетъ послѣдняго обстоятельства, не трудно видѣть что крестьянамъ въ Сибири придется платить несравненно больше чѣмъ въ Европейской Россіи. Здѣсь извѣстная и далеко немалая часть земскихъ налоговъ уплачивается частными землевладѣльцами которыхъ въ Сибири совершенно нѣтъ. Населеніе Сибири гораздо рѣже чѣмъ даже въ окраинныхъ губерніяхъ по западную сторону Урала, слѣдовательно, при одинаковой цифрѣ расходовъ съ губерніями Пермской, Уфимской или Вятской, въ губерніи Томской пришлось бы платить каждому жителю значительно больше; эта цифра возросла бы еще болѣе отъ невозможности переложить сколько-нибудь замѣтную часть земскихъ платежей на торговыя и промышленныя предпріятія. Во имя чего же подвергать мѣстныхъ крестьянъ такому усиленному обложенію? Во имя улучшенія сельскаго хозяйства?

Но развѣ для этого непремѣнно нужно земство?

Для улучшенія техники и организаціи сельскаго хозяйства земскія учрежденія пользуются мѣрами двухъ родовъ, а именно: мѣрами распространенія сельскохозяйственныхъ знаній и воздѣйствіемъ непосредственнаго примѣра. Къ послѣдней категоріи мѣръ принадлежатъ: устройство образцовыхъ хозяйствъ, организація показательныхъ опытовъ и демонстрированіе улучшеннаго сельскохозяйственнаго инвентаря.

Относительно способности правительства устроить и содержать сельскохозяйственныя школы различныхъ типовъ, само собою понятно, не можетъ быть и вопроса. Оно содержитъ высшія, среднія и низшія сельскохозяйственныя заведенія въ различныхъ мѣстностяхъ, а въ томъ числѣ и въ Сибири, слѣдовательно, можетъ содержать ихъ и въ бо́льшемъ количествѣ, если признаетъ это полезнымъ.

Для завѣдыванія сельскохозяйственными учрежденіями земство приглашаетъ агрономовъ, но тоже самое дѣлаетъ и правительство въ нѣкоторыхъ неземскихъ губерніяхъ. Трудно понять почему правительственные агрономы должны быть хуже земскихъ. Развѣ только потому что казенная служба является болѣе обезпечивающею и менѣе зависящею отъ личнаго произвола и каприза. Разъ существуютъ агрономы и извѣстныя денежныя средства въ ихъ распоряженіи, то и образцовыя хозяйства, опытныя и показательныя поля могутъ съ одинаковымъ успѣхомъ процвѣтать какъ въ земскихъ, такъ и въ неземскихъ губерніяхъ. Разница только въ томъ что при подобномъ порядкѣ крестьяне, неся расходы на сельскохозяйственныя мѣропріятія, не несли бы въ то же время болѣе крупныхъ побочныхъ расходовъ на содержаніе земскихъ учрежденій. А это немаловажная выгода.

Впрочемъ, продолжительный опытъ земскихъ мѣропріятій съ непреложною ясностію доказалъ что на практикѣ эти мѣропріятія вовсе уже не такъ плодотворны, какъ это можно предположить въ теоріи. Дѣло въ томъ что о земскихъ опытныхъ и показательныхъ поляхъ зачастую не знаютъ даже крестьяне сосѣднихъ мѣстностей, животныхъ на земскихъ фермахъ они не покупаютъ въ виду дороговизны ихъ, да и вообще къ ихъ услугамъ прибѣгаютъ только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ.

Несравненно большее значеніе имѣютъ, такъ сказать, комисіонныя операціи земствъ по снабженію населенія сельскохозяйственными машинами и орудіями. Но не слѣдуетъ забывать что такого рода дѣятельность присуща вовсе не однимъ только земствамъ. Въ той же Сибири мы видимъ казенные склады земледѣльческихъ машинъ и орудій для переселенцевъ, дѣйствующіе ничуть не хуже складовъ земскихъ. Остается только расширить дѣятельность этихъ складовъ, предоставить пользоваться ими всему крестьянскому населенію Сибири, и вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно. За устройство подобныхъ складовъ могли бы взяться и сельскохозяйственныя общества. Нѣтъ, для улучшенія сельскаго хозяйства въ Сибири земскія учрежденія отнюдь не являются чѣмъ-то необходимымъ.

III.

Почти одновременно съ г. Окуличемъ на защиту сибирскаго земства выступили и *С.-Петербургскія Вѣдомости.* „Сибирь жаждетъ земства!“ восклицаютъ онѣ, „и насколько здѣсь ощущается потребность въ работѣ нечиновныхъ общественныхъ силъ, видно изъ положенія медицинской части въ Колымскомъ округѣ“. Далѣе, со словъ иркутской газеты *Восточное Обозрѣніе*, рисуется дѣйствительно довольно мрачная картина.

Въ прошломъ году городъ остался совсѣмъ почти безъ лекарствъ. Изъ Якутска въ апрѣлѣ была послана только часть медикаментовъ, но ихъ и въ октябрѣ еще не было получено. Между тѣмъ больные, а въ томъ числѣ и прокаженные, съѣзжались за сотни верстъ и возвращались ни съ чѣмъ. Дальше краски въ картинѣ сгущаются еще больше, становятся еще мрачнѣе.

Въ городѣ, повѣствуетъ кореспондентъ *Восточнаго Обозрѣнія*, есть больница на 7 кроватей; помѣщается она въ старой разваливающейся юртѣ, отапливается деревянными комельками; зимою въ окнахъ вмѣсто стеколъ льдины; при сильныхъ дождяхъ такъ про-

текаетъ что буквально на полу не остается сухаго мѣста. Деньги на содержаніе больницы присылаются обыкновенно въ концѣ года (такъ, въ прошломъ году деньги за весь годъ получены были 20 ноября, въ этомъ же году тоже еще не получены). Какъ же содержать больницу въ теченіе года безъ денегъ? И вотъ приходится забирать продукты на содержаніе больныхъ въ долгъ, переплачивая на всемъ процентовъ 50. Однажды въ больничномъ погребѣ испортились мясо и рыба, достать въ долгъ свѣжаго не удалось, и вотъ врачъ очутился передъ дилемой: закрыть больницу и распустить больныхъ, или кормить ихъ недоброкачественнымъ мясомъ и рыбой. Врачъ выбралъ послѣднее, благо мѣстные жители привыкли къ такой пищѣ...

Все это, конечно, печальные факты. Не въ лучшемъ положеніи, по словамъ того же кореспондента, находится и начальное образованіе. Вотъ что̀ говоритъ онъ по этому поводу:

Въ одной школѣ (въ уѣздѣ всего 4 школы съ малограмотными учителями) ни одинъ ученикъ не могъ мнѣ прочесть четырехзначнаго числа, хотя нѣкоторые учатся уже 4 года; читаютъ же всѣ по складамъ. Въ городской школѣ вовсе нѣтъ теперь учителя и учатъ добровольцы: одинъ чиновникъ и одинъ торговецъ.

И это печальные факты, но можно ли сдѣлать изъ нихъ тотъ выводъ, который дѣлаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, что и эти факты являются краснорѣчивѣйшею защитой необходимости ввести земство въ Сибири?

Соединенные Штаты Сѣверной Америки далеко опередили насъ по части либерализма, но тамъ никому не придетъ въ голову принципы управленія выработанные для „бѣлыхъ“ переносить на „краснокожихъ“. Тамъ это показалось бы нелѣпымъ вздоромъ который нельзя оправдать никакими, даже самыми либеральными, принципами. А у насъ столичная газета считающая себя серіозною не смущаясь говоритъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Колымскомъ краѣ. Земство въ инородческомъ округѣ населенномъ Якутами, „полунезависимыми“ Чукчами, Ламутами и т. д., гдѣ русское населеніе встрѣчается только мелкими и рѣдкими оазисами, явленіе новое и оригинальное. Мы думаемъ что во всемъ Колымскомъ округѣ едва ли нашлись бы два три человѣка удовлетворяющихъ избирательному цензу въ земскіе гласные. Даже пародію, даже карикатуру земскаго собранія здѣсь создать было бы нелегко. Да и что̀ стало бы дѣлать здѣсь земство?

Плоха больница на семь кроватей, плохи четыре училища, но для того чтобы улучшить положеніе ихъ прежде всего нужны средства, а гдѣ взять ихъ? Существуетъ въ краѣ скотоводство, существуетъ рыболовство, существуютъ пушные промыслы и торговля.

Но что̀ можно обложить налогомъ въ пользу земства? Да, пожалуй, что ровно ничего. Торговые обороты поддаются очень трудно учету на необъятномъ пространствѣ полярной пустыни, рыба ловится для себя, скотоводствомъ занимаются инородцы, нѣкоторые изъ нихъ не платятъ даже ясака въ казну. Въ концѣ концовъ земскихъ суммъ не хватило бы даже на содержаніе личнаго состава уѣздной земской управы. И уже во всякомъ случаѣ можно поручиться что въ рукахъ такого земства дѣла пошли бы нисколько не лучше чѣмъ при бюрократическомъ завѣдываніи мѣстными дѣлами.

Высланныя губернскимъ земствомъ лекарства такъ же легко могли не попасть на мѣсто какъ и посланныя правительственнымъ учрежденіемъ. Вѣдь уѣздный городъ Средне-Колымскъ отстоитъ отъ областнаго центра, Якутска, приблизительно въ 3.000 верстахъ, лѣтомъ съ нимъ существуетъ только вьючное сообщеніе, причемъ почтовыя станціи отстоятъ одна отъ другой на 100 и болѣе верстъ! При такихъ условіяхъ несвоевременная доставка грузовъ всегда возможна, тѣмъ болѣе что передъ нѣкоторыми рѣками по цѣлымъ недѣлямъ приходится ожидать переправы. И въ этомъ-то краѣ съ нѣсколькими стами человѣкъ русскаго населенія предлагаютъ ввести земскія учрежденія и даже утверждаютъ что край ихъ жаждетъ!

IV.

Всѣ довольно многочисленныя въ послѣдніе годы реформы въ Сибири не коснулись сѣверной полярной полосы ея: безлюдье, необъятныя пространства и отсутствіе путей сообщенія дѣлаютъ введеніе ихъ совершенно невозможнымъ. Невозможно созданіе въ этой мѣстности и земскихъ учрежденій. Но коренныя губерніи Сибири стоятъ нѣсколько въ иныхъ условіяхъ. Отрицать здѣсь возможность введенія земства нельзя. Другой вопросъ: нужно ли оно? На этотъ вопросъ въ высшей степени трудно дать положительный отвѣтъ.

Въ сущности въ Сибири существуютъ только два сословія: городское и сельское, крестьянское; оба эти сословія пользуются самоуправленіемъ въ довольно широкихъ размѣрахъ. Говорятъ что въ сибирскихъ губерніяхъ и народное образованіе и врачебная часть поставлены хуже чѣмъ въ земскихъ губерніяхъ. Въ этомъ, положимъ, есть доля правды. Но не слѣдуетъ забывать что и тратится на все это въ Сибири неизмѣримо меньше чѣмъ въ губерніяхъ въ которыхъ введены земскія учрежденія. Но никто рѣшительно не мѣшаетъ крестьянамъ тратить гораздо больше. Во всякую минуту они могутъ составить приговоръ объ открытіи новаго училища, о приглашеніи

лишняго фельдшера, объ устройствѣ опытнаго или показательнаго поля. Всякое такое ходатайство встрѣтитъ только сочувствіе со стороны мѣстной администраціи.

Выгоды такого порядка слишкомъ очевидны: удовлетворяются потребности только дѣйствительно назрѣвшія, а не мнимыя, не искусственныя, не выдуманныя земскими „интелигентами"; расходы въ данномъ случаѣ несутъ тѣ именно лица которыя пользуются услугами фельдшера или школы, наконецъ, расходы эти меньше, такъ какъ крестьянскія общества въ денежныхъ тратахъ всегда являются болѣе экономными чѣмъ земства.

Но если правительство признаетъ затруднительнымъ для себя завѣдываніе мѣстными хозяйственными дѣлами, если ему надоѣдятъ вѣчныя и слишкомъ часто безосновательныя нареканія за неудовлетворительное веденіе мѣстнаго хозяйства, то оно, конечно, можетъ передать эти дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Зло вовсе не въ томъ что въ Россіи существуютъ подобныя учрежденія, а въ томъ что имъ дана совершенно неправильная постановка. Судебная реформа вводилась въ Сибири съ весьма существенными измѣненіями. Эти измѣненія обусловливались соображеніями двоякаго рода: во-первыхъ, отбрасывалось все что̀ было признано маложелательнымъ сохранить въ Европейской Россіи, во-вторыхъ, въ соображеніе принимались мѣстныя условія къ которымъ и приспособлялась реформа. Тѣхъ же самыхъ основаній слѣдовало бы придержаться и при введеніи въ краѣ земскихъ учрежденій.

Въ чемъ сказался капитальный недостатокъ этихъ учрежденій въ Европейской Россіи за тридцатилѣтнее ихъ существованіе? Прежде всего въ правѣ самообложенія которое по существу своему составляетъ неотъемлемое преимущество Верховной Власти. Разъ была допущена подобная ошибка, она неминуемо должна была повести къ цѣлому ряду другихъ. Право установленія налоговъ по собственному усмотрѣнію повело къ тому что земскія учрежденія не сдѣлались органами мѣстнаго хозяйственнаго управленія, а превратились въ какіе-то „союзы" губернскаго и уѣзднаго населенія, какъ ихъ величаютъ предсѣдатели нѣкоторыхъ губернскихъ управъ. Право самообложенія привело къ обособленію земскихъ кассъ и къ отсутствію фактическаго контроля надъ земскими учрежденіями. Все это извратило земскую дѣятельность и дало ей ложное направленіе. Вотъ первая ошибка которой не могли исправить ни перемѣны въ составѣ земскихъ собраній, ни фиксація земскихъ расходовъ, ни другія мѣры принятыя для упорядоченія земскаго хозяйства. Избѣжать этой ошибки при введеніи земствъ на окраинахъ вообще и въ Сибири въ частности положительно необходимо.

Чѣмъ обширнѣе земская територія, чѣмъ разнообразнѣе ея почвенныя, климатическія и экономическія условія, тѣмъ каждому гласному труднѣе знать ея нужды и потребности. Между тѣмъ, когда при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкинѣ вводились земскія учрежденія въ нѣкоторыхъ окраинныхъ губерніяхъ, то уѣздныя земскія собранія были упразднены и признано возможнымъ ограничиться одними губернскими собраніями. Въ этомъ нельзя не видѣть очень крупной ошибки. Губернскія земства всегда стремились у насъ оторваться отъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, предпочитая заниматься дѣлами общегосударственнаго характера. Здѣсь преимущественно возникали всѣ „принципіальные" вопросы, здѣсь вырабатывались нелѣпыя ходатайства вплоть до „увѣнчанія зданія", здѣсь чаще всего возникали „инциденты" и происходили „конфликты" съ правительствомъ.

Если такова въ общемъ дѣятельность губернскихъ земствъ въ Европейской Россіи, то чего же можно ждать отъ нея въ крестьянской Сибири? Вовсе не нужно быть пророкомъ чтобы предсказать что гласные отъ крестьянъ сдѣлаются игрушкою въ рукахъ представителей городовъ и другихъ „интелигентовъ". Серіозное и спокойное обсужденіе мѣстныхъ хозяйственныхъ вопросовъ замѣнится игрою въ парламентаризмъ и фрондою противъ правительства. Нѣтъ, не этого нужно желать отъ сибирскихъ земствъ, а потому на нашей восточной окраинѣ, несомнѣнно, цѣлесообразнѣе было бы видѣть одни только уѣздныя земства.

При такихъ измѣненіяхъ земскія учрежденія принесли бы несравненно больше пользы Сибири. Эти измѣненія могли бы послужить полезнымъ указаніемъ и для общей земской реформы, указаніемъ тѣмъ болѣе цѣннымъ что оно будетъ провѣрено опытомъ.

Н. Н.

Германія и Англія.

Письмо изъ Лондона.

На ряду съ руссофильскими статьями въ англійскихъ журналахъ начинаютъ теперь появляться и статьи германофобскія.

Англичане давно уже недружелюбно относятся къ Нѣмцамъ, но это недружелюбіе особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ Нѣмцы выступили опасными соперниками Англичанъ на поприщѣ международной торговли и промышленности. Соперничество началось всего лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но успѣхи Нѣмцевъ такъ блестящи

что они даже внутренній рынокъ въ Англіи заполонили своими дешевыми товарами. Даже у себя дома англійскимъ промышленникамъ и торговцамъ приходится страдать отъ нѣмецкой конкуренціи, и это не замедлило отразиться усиленіемъ враждебности къ Нѣмцамъ которая не такъ давно, во время Джемсонскаго набѣга на Трансвааль и послѣдовавшей затѣмъ извѣстной телеграмы императора Вильгельма къ Крюгеру, превратилась прямо въ ненависть.

Война въ южной Африкѣ нѣсколько умѣрила эту ненависть, во-первыхъ, вслѣдствіе того что Англія отчасти утомилась неистовствами надъ Бурами которыхъ Англичане называютъ „голандскими Тевтонами" и которымъ они мстили за успѣхи ихъ отдаленныхъ сородичей, Германцевъ, на мирномъ состязаніи въ промышленности и торговлѣ, во-вторыхъ, потому что императоръ Вильгельмъ предпочелъ пріобрѣтеніе выгодъ въ различныхъ частяхъ свѣта вмѣшательству въ пользу ограбленнаго и уничтоженнаго народа родственнаго его подданнымъ.

Императоръ не вмѣшался въ борьбу, не помѣшалъ Англичанамъ раздавить Буровъ, забрать бурское золото и разорить цвѣтущую страну, и Англичане зачли на его кредитъ эту услугу. Благодарность императору (достаточно вознагражденному выгодами пріобрѣтенными его державою) распространилась и на его подданныхъ. Ненависть къ Нѣмцамъ ослабѣла и возвратилась къ прежней стадіи недружелюбія. Но и недружелюбіе готово было исчезнуть, когда императоръ Вильгельмъ примчался къ постели своей августѣйшей бабки, нынѣ почившей королевы Викторіи. Чувствительные къ сентиментальности Англичане пришли въ восторгъ отъ горячаго родственнаго чувства проявленнаго императоромъ и простили ему и его народу все зло, которое они причинили Англіи. Въ эту минуту борьба изъ-за промышленныхъ прибылей была забыта, она потонула въ признательности народа оплакивавшаго свою маститую монархиню и оцѣнившаго сочувствіе проявленное вождемъ обширнаго государства, который явился раздѣлить народное горе Англіи.

Въ эту минуту могло быть положено прочное основаніе будущей дружбѣ обоихъ народовъ, еслибы Нѣмцы послѣдовали за своимъ вождемъ и проявили то же сочувствіе англійскому горю какое проявилъ онъ. Но они этого не сдѣлали; Нѣмцы слишкомъ практичны чтобы отказаться отъ своихъ выгодъ и преимуществъ ради платоническихъ увлеченій. Они истолковали поѣздку своего императора къ одру умиравшей бабки исключительно личными родственными чувствами и обязанностями и отказались отъ участія въ этой родственной манифестаціи. Англичане разобрали это не сразу, но теперь, когда разобрали, то враждебность къ Германіи возрасла съ новою силой.

Объяснителемъ этой враждебности выступилъ въ *Fortnightly Review* за апрѣль извѣстный уже читателямъ *Русскаго Вѣстника* публицистъ скрывающійся подъ псевдонимомъ *Калхаса*. Его статья подъ заглавіемъ: *Will Germany fail?* (Постигнетъ ли Германію неудача?) посвящена разбору англо-германскихъ отношеній и доказательству несомнѣнности неудачи ожидающей Германію въ будущемъ въ ея стремленіи къ міровому господству.

Авторъ прежде всего выясняетъ что посѣщеніе Англіи германскимъ императоромъ не принесло никакихъ политическихъ результатовъ. Онъ говоритъ:

Изъ авторитетнаго источника намъ теперь разъяснили какое политическое значеніе имѣло посѣщеніе Англіи императоромъ. Отвѣчая на запросъ д-ра Шедлера въ рейхстагѣ, графъ Бюловъ увѣрялъ что оно не имѣло ровно никакого значенія. Если изъ-за личнаго рыцарскаго поступка императора Англіи угодно было броситься на шею къ Германіи, что, повидимому, вызвано было какимъ-то заблужденіемъ Германіи, какъ выразился графъ Бюловъ, не было интереса ее отталкивать. Но онъ очень ловко далъ понять что не было также никакой необходимости отвѣчать тѣми же чувствами, особенно въ дѣловыхъ сношеніяхъ, на чемъ Англичане именно и настаиваютъ. Этимъ онъ вызвалъ тотъ странный акомпаниментъ постоянно вызываемый въ рейхстагѣ рѣчами канцлера объ англо-германскихъ отношеніяхъ, непріязненный смѣхъ. Что бы въ Англіи или въ Германіи подумали, еслибы въ англійской палатѣ общинъ каждое упоминаніе о какомъ-либо изъ нашихъ сосѣдей вызывало подобную же нелестную смѣшливость и дѣлалось именно съ разчетомъ ее вызвать?

Этими словами авторъ статьи указалъ самое больное мѣсто въ англо-германскихъ отношеніяхъ. Англійское общественное мнѣніе не можетъ простить Нѣмцамъ этого саркастическаго отношенія къ проявленіямъ англійскихъ симпатій. Англичане до того раздражены нѣмецкими сарказмами что начинаютъ уже обвинять Нѣмцевъ чуть не въ поголовной глупости и политической незрѣлости. Эти обвиненія выражены и авторомъ интересующей насъ статьи въ слѣдующей нѣсколько смягченной формѣ:

Германскій народъ взятый въ цѣломъ никогда еще не выказывалъ характеризующаго его недостатка политическаго инстинкта столь ясно какъ въ своемъ теперешнемъ полнѣйшемъ разногласіи со своимъ императоромъ по вопросу объ отношеніяхъ къ Англіи. Ненависть къ Англіи принадлежитъ теперь къ разряду германскихъ idées fixes и должна быть разсматриваема какъ новая манія добавленная къ прежнимъ.

Телеграма Крюгеру была самымъ популярнымъ актомъ царствованія императора Вильгельма. Едва ли будетъ преувеличеннымъ утвержденіемъ что пожалованіе Чернаго Орла лорду Робертсу было самымъ непопулярнымъ актомъ этого царствованія.

Впрочемъ авторъ находитъ что и со стороны Англичанъ было глупо проявлять ту сентиментальную восторженность по адресу императора Вильгельма и Германіи какую вызвалъ пріѣздъ императора въ Лондонъ. „Англія и Германія не могутъ быть друзьями", утверждаетъ онъ, и затѣмъ говоритъ:

Несомнѣнно что ни одна страна не наносила такого серіознаго вреда не только англійскому престижу, но и самой сущности англійской мощи какъ Германія которая подорвала наше торговое превосходство. Было бы безнравственно и безсмысленно желать политическаго уничтоженія германскаго народа изъ-за его успѣховъ въ сферѣ нашей обширной комерческой монополіи, гдѣ не могла намъ вредить никакая иная страна, но тотъ фактъ что одинъ народъ, хотя бы и съ полнымъ правомъ на то, успѣшно занимается подкапываніемъ подъ государственныя основы другаго народа, самъ по себѣ не можетъ, конечно, содѣйствовать установленію добрыхъ отношеній между ними обоими.

Но не одной только Англіи вредитъ Германія.

Германскіе интересы со смѣлымъ и мастерскимъ разчетомъ на длительность европейскаго мира пересѣкаютъ дорогу бо́льшему числу странъ за разъ чѣмъ дѣлала это политика какой-либо державы со временъ Наполеона и Людовика XIV. Если она будетъ и впредь такъ же пытать счастіе во всякомъ направленіи, не избирая одного окончательнаго пути для своего развитія, коалиція противъ нея много вѣроятѣе чѣмъ противъ насъ. За послѣднее десятилѣтіе ея политикой руководила въ высшей степени замѣчательная система вытягиванія щупальцевъ во всѣ стороны. Теперь она дошла до пункта когда должна намѣтить главную линію своего наступательнаго движенія. Наступаетъ критическій періодъ. Въ настоящее время Германія вытянула всѣ свои щупальцы: она бросила вызовъ англійскому первенству на морѣ, она возбудила подозрительность и противодѣйствіе Соединенныхъ Штатовъ которые рѣшили не пускать ее въ Южную Америку и строятъ военный флотъ настолько сильный чтобы по крайней мѣрѣ сравняться съ Германіей.

Капитуляція графа Бюлова предъ аграріями по вопросу о торговыхъ договорахъ серіозно попортила отношенія Германіи къ Италіи обѣщая въ будущемъ привести къ тарифной войнѣ съ Россіей, худшей чѣмъ такая же война въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, которая и повлечетъ за собой полное паденіе силезской желѣзодѣлательной промышленности. И при всемъ этомъ графу Бюлову всетаки едва ли удастся настолько возвысить пошлины на хлѣбъ насколько онъ сулилъ это аграріямъ.

Общественное мнѣніе въ Италіи по этому вопросу единомысленно съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ; напримѣръ, Corriere di Napoli объявляетъ что тройственный союзъ сдѣлается невозможнымъ если Италія окажется изгнанною съ германскихъ рынковъ.

Франція больше уже не старается вызвать войну, даже съ помощію Россіи, но никто не сомнѣвается что когда счастіе отвер-

нется отъ Германіи, требованіе реванша разгорится съ новою силой. Но на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ объ отношеніяхъ Берлина къ С.-Петербургу въ зависимости отъ увеличенія германскаго вліянія въ Константинополѣ, отъ молчаливой борьбы на Балканахъ, отъ проявленія германской мощи въ Китаѣ и отъ Багдадскаго желѣзнодорожнаго проекта, этой поразительнѣйшей и самой смѣшной авантюры германскаго императора.

Такимъ образомъ вытягиваніе щупальцевъ въ разныя стороны привело Германію къ такому положенію въ которомъ она возбуждаетъ неудовольствіе и зависть почти всѣхъ народовъ Европы, а это можетъ легко повести къ столкновенію, послѣдствія котораго трудно предвидѣть, хотя шансы скорѣе на сторонѣ многочисленныхъ противниковъ Германіи. Одновременно, по мнѣнію автора статьи, и внутреннее положеніе Германіи далеко не блестящее. Съ одной стороны дѣла въ Китаѣ не только ничего не прибавили къ военной славѣ германской арміи, но, пожалуй, даже убавили эту славу, обнаруживъ предъ ея соперниками значительные недостатки этой арміи. Графу Вальдерзэ пришлось играть комическую роль главнокомандующаго безъ противника и на войнѣ законченной до его прибытія на мѣсто. Германія жаждетъ только какъ можно скорѣе покончить съ этой авантюрой и отозвать свои войска изъ Китая который стоитъ много денегъ и не принесъ еще никакой ощутительной выгоды.

Затѣмъ въ Берлинѣ разыгрывается скандалъ за скандаломъ обнаруживающіе всю гнилость бюрократическаго строя и нравственное паденіе нѣмецкаго общества. Дѣло миліонера Штернберга доказало подкупность берлинскаго чиновничества, а другое дѣло о 12.000 марокъ раскрыло злоупотребленія въ центральномъ вѣдомствѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ взимавшемъ доброхотныя даянія съ фабрикантовъ для того чтобы провести въ рейхстагѣ законы ограничивающіе стачки рабочихъ.

Наконецъ, авторъ указываетъ на кризисъ грозящій германской промышленности. Промышленность уже начала падать, говоритъ онъ:

Заминка начавшаяся еще прошлою осенью является очень серіознымъ и тревожнымъ симптомомъ. Рабочіе остаются безъ работы и опасаются что съ приближеніемъ лѣта число незанятыхъ рабочихъ еще возрастетъ. Въ каменоугольной промышленности потребленіе сократилось и склады угля переполнены, хотя на многихъ копяхъ ночныя работы прекращены. Положеніе желѣзодѣлательной промышленности плохо, много доменныхъ печей погашено и заказы отсутствуютъ.

Поддержать падающую промышленность могутъ лишь выгодные торговые договоры. Но въ томъ-то и бѣда для Германіи что такіе договоры можно заключить только при соотвѣтственныхъ уступкахъ

странамъ производящимъ сырье, а этого не допустятъ аграріи. Но туть-то и является вопросъ, что намѣрена развивать Германія: свое земледѣліе или свою промышленность? Если развиваться должна промышленность, то аграріи составляющіе сильную партію въ странѣ откажутъ въ своей поддержкѣ правительству, и неминуемы крупныя неурядицы при которыхъ внѣшняя политика Германіи должна сузить кругъ своей дѣятельности; если же будутъ развивать земледѣліе, то таможенная война съ Россіей, а можетъ быть и съ Италіей приведетъ къ крупному кризису и полному паденію промышленности.

Этого момента съ удовольствіемъ и ожидаетъ авторъ статьи, предсказывая полную неудачу всѣмъ начинаніямъ Германіи какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Англія же унаслѣдуетъ отъ нея ту часть ея торговыхъ сношеній которыхъ не заберетъ Америка.

Господство Германіи въ промышленности было только временнымъ, говоритъ авторъ статьи, и если оно ушло изъ рукъ одной части англо-саксонской расы, то для того только чтобы перейти къ другой ея части, то-есть, къ сѣверо-Американцамъ.

Германія не можетъ одинаково развиваться въ обоихъ направленіяхъ, то-есть, развивать одновременно и свою промышленность и свое земледѣліе. Уже теперь, по вычисленіямъ торговыхъ статистиковъ, она вынуждена ввозить восьмидневный запасъ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ страна производитъ лишь такое количество припасовъ, котораго хватаетъ только на 357 дней въ году. Это производство конечно еще уменьшится.

Кризисъ близится, пророчествуетъ авторъ, и Германія должна пасть.

Единственнымъ средствомъ отдалить это паденіе является, по мнѣнію автора, захватъ Балканскаго полуострова въ сферу германскаго вліянія и колонизація Малой Азіи.

Германія не можетъ пріобрѣсти колоній путемъ раздѣла Великобританскихъ владѣній. Она, конечно, могла бы въ одно десятилѣтіе наводнить избыткомъ своего населенія и Канаду и Австралію, но ученіе Монрое распространяется на Канаду, а въ случаѣ опасности распространится и на Австралію. Южная Африка со своимъ населеніемъ изъ Голандцевъ и Англичанъ тоже не дастся въ руки Германцамъ. Единственно что могло бы создать англо-американскій союзъ, это опасное для англо-саксонской расы возрастаніе германскаго морскаго могущества.

Итакъ, для спасенія своихъ колоній отъ Германіи Англичане готовы чуть не подчиниться Американцамъ и распространить ученіе Монрое о самодовлѣющей Америкѣ на Австралію, а, пожалуй, и на

Южную Африку. Въ какую же сторону идти Нѣмцамъ тоже нуждающимся въ колоніяхъ?

— Въ Азію, отвѣчаетъ авторъ.—Нѣмцы должны создать великую Германію отъ Амстердама до Персидскаго залива, захватывающую по пути Константинополь съ Босфоромъ.

Но осуществляя этотъ проектъ Нѣмцы встрѣтятся со Славянами во главѣ которыхъ пойдетъ Россія. Борьба Славянъ съ Нѣмцами будетъ главнымъ событіемъ XX вѣка. И въ этой борьбѣ, объясняетъ авторъ, симпатіи Англичанъ окажутся совсѣмъ не на нѣмецкой сторонѣ.

Изъ этого можно вывести что и тутъ, по мнѣнію автора, Германію ожидаетъ тоже неудача. Но между строкъ у него читается что въ этомъ направленіи неудачу все же можно избѣгнуть, если Германія во-время догадается измѣнить свое отношеніе къ Англіи и не будетъ стремиться занять мѣсто Англіи на міровыхъ рынкахъ. На это намекаетъ заключеніе статьи въ которомъ подводится итогъ ошибокъ Германіи ведущихъ ее къ неминуемому паденію. Подведя этотъ итогъ, авторъ восклицаетъ:

Таковъ въ высшей степени печальный результатъ къ которому пришелъ народъ съ плохо развитымъ политическимъ чутьемъ и съ геніальнымъ императоромъ котораго въ самый критическій моментъ перестали понимать его подданные!

Плохо развитое политическое чутье выразилось ненавистію Нѣмцевъ къ Англичанамъ, когда же геніальный императоръ выступилъ адвокатомъ англо-германскаго примиренія, подданные не поняли его и осудили его политику, „единственно здравую“ по мнѣнію автора статьи.

Delenda est Germania! возглашаетъ публицистъ скрывающійся подъ псевдонимомъ Калхаса, и за нимъ повторяютъ это восклицаніе всѣ Англичане страдающіе отъ германской конкуренціи.

Странникъ.

Изъ текущей жизни.

Проектъ всеобщей подачи голосовъ.—Воспитаніе и унтеръ-офицеры, солдатки, сахарный акцизъ...—Новый законъ о свободномъ обращеніи шлиховаго золота.—Положительныя и отрицательныя стороны его.—Петербургъ или Москва должны служить конечнымъ пунктомъ Сибирской желѣзной дороги?—Принципіальная политика Московскаго губернскаго земства въ школьномъ дѣлѣ.—Городскіе налоги, городскія таможни и городская пограничная стража.—*Русскія Вѣдомости* о безплатныхъ библіотекахъ и читальняхъ.

Назначеніе П. С. Ванновскаго министромъ Народнаго Просвѣщенія усилило толки печати о грядущемъ преобразованіи нашего многострадальнаго просвѣщенія. Добровольцы учебнаго дѣла предлагаютъ свои соображенія о необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, реформахъ. По скольку такія соображенія содержатъ въ себѣ нѣчто положительное, они могутъ имѣть хотя бы то значеніе что отражаютъ взгляды извѣстной части общества на задачи просвѣщенія и на желательную организацію учебнаго дѣла. Но положительныя и мотивированныя соображенія предполагаютъ у ихъ авторовъ выработанную систему взглядовъ. Ни въ какой другой области государственнаго строительства система руководящихъ взглядовъ не имѣетъ такого значенія какъ въ дѣлѣ устроенія просвѣщенія народа. Чѣмъ опредѣленнѣе эти взгляды и чѣмъ рѣже подвергаются они колебаніямъ, тѣмъ тверже ходъ образованія.

Большою опредѣленностію и прямолинейностію отличалась система графа Д. А. Толстаго. Преемники его по Министерству Народнаго Просвѣщенія не говоря уже о томъ что ничего къ этой системѣ не прибавили, но и не сохранили эту систему въ ея первоначальномъ видѣ, а постепенными уступками и отступленіями отъ основной идеи довели эту систему до карикатуры на класическую школу. Въ дѣлѣ просвѣщенія со смертью гр. Д. А. Толстаго изсякъ творческій духъ, и началось разложеніе системы. Мѣсто живой мысли и единичной иниціативы заняли безконечныя комисіи отвлекавшія „лучшихъ педагоговъ" отъ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей. Какъ ни мало выиграло отъ такого способа разрѣшенія педагогическихъ вопросовъ народное образованіе, находятся, однако, люди которымъ желательно подвергнуть вопросъ о наилучшемъ устроеніи просвѣщенія всенародному голосованію.

Комисія которой поручается коренная реформа того или инаго дѣла должна исходить въ своихъ работахъ не отъ обсужденія нѣкоторыхъ деталей стараго дѣла. Такая комисія, не говоря уже о томъ что ея члены должны представлять собою возможно большее

число не только специальностей, но и разнообразныхъ общественныхъ группъ, можетъ приступить къ работѣ только тогда когда ей будетъ данъ цѣлый рядъ проектовъ и матеріаловъ собранныхъ самымъ широкимъ путемъ. Первымъ шагомъ который должна сдѣлать такая комисія, это обратиться съ предложеніемъ *ко всѣмъ рѣшительно и спеціалистамъ и неспеціалистамъ* высказать свое мнѣніе по данному вопросу. Необходимо предложить Академіи Наукъ, отдѣльнымъ факультетамъ всѣхъ университетовъ, попечителямъ учебныхъ округовъ, педагогическимъ совѣтамъ класическихъ и реальныхъ гимназій и всѣмъ ученымъ обществамъ высказаться по вопросу о реформѣ школы. Хорошо было бы еслибы такое же предложеніе было сдѣлано также и частнымъ лицамъ, бывшимъ студентамъ которымъ на государственной службѣ и на всѣхъ поприщахъ практической дѣятельности приходится дорого платиться за недостатки нашего школьнаго строя. Думы большихъ городовъ, по крайней мѣрѣ университетскихъ, земскіе дѣятели, дворянскія собранія, подвергнувъ у себя обсужденію вопросъ о реформѣ школы, также могли бы дать не мало указаній основанныхъ на непосредственномъ знакомствѣ съ нуждами нашей общественной жизни. Только послѣ такого анкета комисія получивъ въ свое распоряженіе цѣлый рядъ самостоятельныхъ взглядовъ и, быть можетъ, предварительныхъ проектовъ могла бы сдѣлать второй шагъ и приступить къ обработкѣ собраннаго такимъ путемъ матеріала, къ составленію проекта реформы существующаго школьнаго строя. Только при такой постановкѣ дѣла можно будетъ надѣятся что новый уставъ не окажется лишь въ деталяхъ исправленнымъ старымъ и, согласно выраженной въ рескриптѣ на имя министра Народнаго Просвѣщенія Высочайшей волѣ, дѣйствительно будетъ соотвѣтствовать „основнымъ началамъ русской жизни и потребностямъ времени“ (*Новое Время*, № 9015, „Наканунѣ реформы“)

Въ длинномъ перечнѣ учрежденій и лицъ которыя приглашаются высказать свои самостоятельные взгляды, а быть можетъ даже и представить готовые проекты, позабыты сельскіе сходы и волостныя правленія.

Сваливать все на такой „анкетъ“ не значитъ ли предполагать полное отсутствіе руководящихъ взглядовъ на дѣло народнаго просвѣщенія? Знаменательныя слова Высочайшаго рескрипта на имя генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго даютъ полную увѣренность въ томъ что дѣло народнаго просвѣщенія вручено лицу имѣющему опредѣленную програму, осуществленіе которой не нуждается во всенародномъ голосованіи. Зданіе возводимое по новымъ планамъ всегда бываетъ изящнѣе и стройнѣе чѣмъ перестройка стараго пришедшаго и приведеннаго въ разрушеніе. Теперь рѣчь идетъ о коренномъ преобразованіи нашего школьнаго строя. Новыя силы призваны къ обновленію заброшеннаго до сего времени дѣла. Наилучшее устроеніе нашего народнаго просвѣщенія выдвинуто теперь на первую очередь. Умудренный продолжительною государственною служ-

бой опытъ новаго руководителя нашего народнаго просвѣщенія является лучшимъ залогомъ того что вопросы школьнаго строя не будутъ отданы на разрѣшеніе „всѣмъ частнымъ лицамъ“, а будутъ разрѣшены авторитетною иниціативой министра призваннаго внести въ школу и разумъ и сердце.

Есть люди которые склонны считать себя тонкими политиками и считаютъ высказываемыя ими мысли очень умными. Къ такимъ политическимъ философамъ безъ сомнѣнія принадлежитъ нѣкто А. К. обратившійся съ очень авторитетнымъ письмомъ къ издателю *Новаго Времени* (№ 9017). Разносторонность этого политическаго философа изумительна. Въ 1884 г. онъ дѣлалъ докладъ бывшему кіевскому генералъ-губернатору о причинахъ безпорядковъ въ Кіевскомъ университетѣ, усматривалъ причину безпорядковъ въ томъ что „наша молодежь, даже высшихъ классовъ, лишена необходимаго руководительства, воспитываясь въ большихъ центрахъ часто на кафешантанахъ, въ родѣ московскаго „Омона“, французскихъ опереткахъ и шансонеткахъ“; онъ „горячо поддерживалъ мнѣніе о необходимости не только измѣнять програмы, но ввести тѣ воспитательныя начала, безъ которыхъ немыслимо правильное государственное развитіе цѣлыхъ поколѣній“. Къ сожалѣнію г. А. К. не хочетъ подѣлиться съ читателемъ своими взглядами на эти воспитательныя начала, ограничиваясь однимъ лишь предложеніемъ: „во главѣ должны были бы быть поставлены люди истинно просвѣщенные и твердые, и хотя на нѣсколько лѣтъ слѣдовало бы избрать въ попечители и изъ лучшихъ директоровъ военно-учебныхъ заведеній“. Тутъ же авторъ откровенно признается: „то же мнѣніе приходилось высказывать и другимъ лицамъ высокостоящимъ, *но ничего изъ этого не выходило*“. Почему? Авторъ надъ этимъ вопросомъ не задумывается: онъ спѣшитъ разказать анекдотъ о томъ какъ болгарскій князь Александръ просилъ предоставить для болгарскихъ кадровъ 300 унтеръ-офицеровъ, а ему отвѣтили что Военному Министерству легче дать Болгарамъ 300 генераловъ; онъ торопится затронуть вопросъ о солдаткахъ, о сахарномъ акцизѣ въ Юго-Западномъ краѣ, о недостаткѣ школъ и врачебной помощи въ той же мѣстности.

И еще жалуются у насъ на недостатокъ въ истинно-государственныхъ людяхъ съ широкими горизонтами! Вѣдь еслибы г. А. К. имѣлъ способность сосредоточиться на одной мысли и не перескакивалъ отъ одной мысли къ другой безъ всякаго разумнаго къ тому основанія, онъ по широтѣ своихъ взглядовъ на вопросъ внутренней по-

литики былъ бы прямо вторымъ Бисмаркомъ. А теперь приходится съ разочарованіемъ повторить вмѣстѣ съ г. А. К.: „но ничего изъ этого не выходило"...

Вопросъ о свободномъ обращеніи шлиховаго золота рѣшенъ, наконецъ, законодательнымъ порядкомъ. Отнынѣ золотопромышленники освобождаются отъ обязательства сдавать добытое ими сырое золото въ казну и получаютъ право располагать имъ по собственному усмотрѣнію, сдавать его въ казенныя золотосплавочныя лабораторіи и получать оттуда или, по прежнему, асигновки, или же слитки золота. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый законъ разрѣшаетъ частнымъ лицамъ устройство золотосплавочныхъ лабораторій и вообще всякаго рода заведеній для сплава шлиховаго золота и очистки золота, серебра и платины. Новый законъ вступаетъ въ дѣйствіе съ 1 марта 1902 года.

Первымъ послѣдствіемъ его будетъ появленіе въ обращеній на ряду съ кредитными билетами и звонкою монетой золотыхъ слитковъ и золотаго песку. Особенно радоваться этому причины мы не видимъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую гарантію представляетъ золотой слитокъ съ клеймомъ частной лабораторіи? Думаемъ что очень небольшую. Наконецъ, поддѣлка золотыхъ слитковъ не представляетъ никакихъ трудностей, разрѣзать же ихъ при каждомъ переходѣ изъ рукъ въ руки едва ли будетъ удобно. Что же касается золотаго песка, то онъ и теперь поддѣлывается довольно успѣшно путемъ позолоты мѣдныхъ опилковъ. Но это не единственное и не самое главное неудобство новаго закона.

При старомъ порядкѣ золотопромышленникъ не могъ продать въ постороннія руки добытое имъ золото, это создавало извѣстную гарантію для рабочихъ въ томъ что они сполна получатъ всю причитающуюся имъ плату. Теперь эта гарантія болѣе уже не существуетъ, и нельзя не пожелать чтобы былъ измѣненъ самый порядокъ разчета съ рабочими который долженъ производиться не разъ въ годъ, какъ прежде, а черезъ болѣе короткіе промежутки времени.

Отчетность въ каждомъ золотникѣ добытаго золота вела къ тому что положеніе дѣлъ каждаго золотопромышленника было извѣстно довольно хорошо, что̀ давало возможность болѣе или менѣе безошибочно опредѣлить степень его кредитоспособности и, въ случаѣ надобности, обратить взысканія на причитающіяся ему изъ казны суммы за сданное золото. При новомъ порядкѣ вещей получить вѣрныя свѣдѣнія о кредитоспособности будетъ не такъ уже легко, что̀ можетъ затруднить самый кредитъ.

При свободномъ обращеніи шлиховаго золота надзоръ за хище-

ніями золота значительно затруднится, и золотопромышленники будутъ вынуждены несравненно больше затрачивать на охрану своихъ пріисковъ. Можно было бы привести еще нѣсколько другихъ отрицательныхъ сторонъ новаго закона, но взглянемъ на его положительныя стороны.

Съ будущаго года золотопромышленникъ станетъ въ положеніе обыкновеннаго владѣльца промышленнаго предпріятія который имѣетъ право сбывать предметы своего производства кому и когда угодно, не подвергаясь никакому контролю. Тогда золотопромышленнику не нужно будетъ уже ждать мѣсяцы, пока казна произведетъ разчетъ за принятое у него золото, онъ можетъ продать его немедленно, расширить промывку песковъ и увеличить доходность своего предпріятія. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать что эта возможность болѣе существуетъ въ теоріи чѣмъ на практикѣ. Дѣло въ томъ что въ большинство золотопромышленныхъ мѣстностей подвозъ жизненныхъ припасовъ для рабочихъ возможенъ только въ зимнее время, лѣтомъ же, при необходимости везти грузы по вьючнымъ тропамъ, такая перевозка грузовъ до невѣроятныхъ размѣровъ поднимаетъ ихъ цѣнность. Наемъ рабочихъ тоже долженъ происходить въ опредѣленное время и въ жилыхъ мѣстностяхъ; найти рабочихъ для золотыхъ пріисковъ среди лѣта очень нелегко, конечно, если не пользоваться трудомъ бѣглыхъ рабочихъ съ сосѣднихъ промысловъ.

Сама жизнь, конечно, гораздо лучше укажетъ, насколько новый законъ будетъ содѣйствовать росту и развитію нашей падающей золотопромышленности, насколько оградитъ онъ насъ отъ сбыта русскаго золота въ Китай. Во всякомъ случаѣ нельзя не пожелать чтобы нашъ государственный и частные комерческіе банки организовали покупку золота въ пріисковыхъ районахъ въ возможно широкихъ размѣрахъ. Для нихъ подобная операція не была бы убыточною, а золотопромышленники избавились бы отъ зависимости отъ частныхъ скупщиковъ золота которые навѣрно не замедлятъ употребить всевозможныя мѣры для обезцѣненія его.

За Сибирскою желѣзною дорогой признается міровое транзитное значеніе. При такихъ условіяхъ она должна имѣть самостоятельный рельсовый путь въ предѣлахъ Европейской Россіи, который избавлялъ бы сибирскіе грузы отъ скитанія по чужимъ дорогамъ и открывалъ бы имъ прямой выходъ въ Европу. Для постройки этой желѣзной дороги предложены три направленія: сѣверное, среднее и южное.

Первое должно соединить С-Петербургъ рельсовымъ путемъ съ Вяткою черезъ Вологду; второе Москву съ Кыштымомъ черезъ Казань; третье Челябинскъ съ Царицыномъ, откуда уже существуетъ желѣзнодорожная линія до Новороссійска. Какое же изъ этихъ трехъ направленій является наиболѣе выгоднымъ?

Когда рѣчь идетъ о постройкѣ желѣзной дороги на тысячу и болѣе верстъ, обсуждать ея значеніе исключительно съ точки зрѣнія магистрали связывающей конечные пункты нельзя: такая дорога представляетъ собою какъ бы сумму мелкихъ рельсовыхъ путей, каждый изъ которыхъ имѣетъ самостоятельное значеніе. Этой стороны дѣла ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ вида.

Особая комисія обсуждавшая недавно этотъ вопросъ высказалась *въ принципѣ* за сѣверное направленіе. Подобное предпочтеніе сѣвернаго пути не совсѣмъ понятно. Прежде всего въ основу его положено совершенно произвольное положеніе что транзитные грузы, пройдя по Сибирской желѣзной дорогѣ и достигнувъ Европейской Россіи, будутъ стремиться къ переходу на болѣе дешевый морской путь. Изъ Европы на Дальній Востокъ и обратно пойдутъ по Сибирской желѣзной дорогѣ только цѣнные грузы, а такіе грузы могутъ и до самаго мѣста назначенія не переходить на морской путь. Въ этомъ отношеніи дорога отъ Кыштыма до Москвы представляетъ то удобство что здѣсь грузы могутъ сортироваться и направляться по желанію товароотправителей въ Петербургъ, Виндаву или на сухопутную границу.

Москва всегда поддерживала съ Сибирью болѣе оживленный торговый обмѣнъ чѣмъ Петербургъ, и это несомнѣнно даетъ ей право на болѣе прямой и короткій желѣзнодорожный путь.

Московско-Кыштымская линія соединитъ Сибирь съ Казанью которая нуждается для своихъ заводовъ въ сибирскихъ кожахъ и въ сибирскомъ салѣ. Вспомнимъ что сравнительно еще очень недавно Казань дѣлала попытки выписывать сало изъ Австраліи.

На это возражаютъ что сѣверныя губерніи нуждаются въ дешевомъ хлѣбѣ, что безъ него невозможно тамъ развитіе многихъ мѣстныхъ промысловъ. Но развѣ ничего не сдѣлано для удовлетворенія этой потребности сѣверныхъ губерній? Московско-Архангельская желѣзная дорога открываетъ возможность снабжать хлѣбомъ губерніи Вологодскую и Архангельскую; той же цѣли, но въ еще большей степени служитъ дорога Пермско-Котласская, по которой сибирскій хлѣбъ достигаетъ береговъ Сѣверной Двины, откуда онъ по ней, по Сухонѣ, по Югу и по другимъ рѣкамъ можетъ попадать даже въ довольно отдаленные уѣзды Архангельской и Вологодской губерній. Все это заставляетъ признать что для снабженія хлѣбомъ сѣвер-

ныхъ губерній нами сдѣлано уже вполнѣ достаточно, и теперь на очередь пора поставить другіе вопросы.

Мы всѣ изо дня въ день говоримъ что Россія страна преимущественно земледѣльческая, что земледѣліе составляетъ основной промыселъ ея, что подавляющее большинство русскаго населенія существуетъ только этимъ трудомъ. Если все это высказывается искренно, если мы вѣримъ тому что̀ говоримъ, то проведенію желѣзныхъ дорогъ по сравнительно густонаселенной мѣстности земледѣльческаго характера мы всегда должны предпочитать проложеніе рельсовыхъ путей въ мѣстностяхъ безлюдныхъ съ слабо развитою земледѣльческою промышленностью. Этотъ доводъ безусловно говоритъ противъ сѣвернаго направленія предполагаемой дороги.

Остается послѣдній вопросъ: какое направленіе выгоднѣе въ военномъ отношеніи? На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ событія прошлаго года. На военное положеніе прежде всего были приведены въ Европейской Россіи войска *Казанскаго* военнаго округа. Московско-Кыштымская дорога и облегчила бы передвиженіе ихъ на Дальній Востокъ. Вообще для цѣлей военныхъ выгоднѣе та дорога, которая пройдетъ не по болѣе короткому направленію, а по болѣе густонаселенной мѣстности.

Мы не касаемся вопроса: по какому направленію выгоднѣе Сибири вывозить свой хлѣбъ? такъ какъ спеціально для этого вывоза создана Пермско-Котласская желѣзная дорога открывающая выходъ сибирскимъ хлѣбнымъ грузамъ къ Бѣлому морю. Появленіе же его въ Петербургскомъ или Виндавскомъ портахъ нужно признать совершенно нежелательнымъ въ виду того замѣшательства въ хлѣбныхъ цѣнахъ которое оно можетъ вызвать.

Въ техническомъ отношеніи всѣ преимущества находятся также не на сторонѣ сѣвернаго направленія, такъ какъ Петербугско-Вятская дорога упрется въ дорогу Пермско-Тюменскую, которая въ горной своей части обладаетъ слишкомъ ничтожною пропускною способностью. Послѣдній доводъ въ связи съ возможностью болѣе скораго сооруженія желѣзнодорожной линіи по среднему направленію заставилъ комисію въ концѣ концовъ высказаться именно въ пользу этого направленія. Этому, конечно, могутъ только порадоваться всѣ тѣ кому дороги интересы русскаго сельскаго хозяйства.

Что̀ представляютъ собою наши земства? Являются ли они учрежденіями сословными или безсословными? Къ сожалѣнію, отвѣтить просто на такой вопросъ нельзя, а нужно предварительно освѣдомиться о приходѣ или расходѣ земскихъ суммъ идетъ рѣчь? Въ

смыслѣ прихода земства являются учрежденіями дѣйствительно всесословными, такъ какъ платежами земскихъ сборовъ обложены лица рѣшительно всѣхъ сословій имѣющія недвижимую собственность или производящія торговлю или промыселъ. Но когда дѣло касается расхода, то характеръ земскихъ учрежденій, въ нѣкоторомъ случаѣ непонятнымъ образомъ, мѣняется или, точнѣе, стараются придать имъ характеръ сословный.

На эти мысли наводитъ слѣдующій фактъ. Въ послѣднюю экстренную сессію Московскаго губернскаго земскаго собранія было отклонено ходатайство Подольскаго уѣзднаго земства о назначеніи ежегоднаго пособія въ размѣрѣ 500 руб. на содержаніе женской прогимназіи въ Подольскѣ. Предложеніе объ отклоненіи этого ходатайства исходило отъ губернской земской управы которая находила что задачу земскихъ учрежденій должны составлять заботы о *начальномъ* образованіи, среднія же учебныя заведенія должны содержаться на счетъ правительства.

Трудно, даже невозможно понять на чемъ основанъ подобный взглядъ. Если земство совершенно сложило бы съ себя всякія заботы объ образованіи населенія, то это было бы понятно, но разъ оно этого не дѣлаетъ, то его заботы должны распредѣляться равномѣрно между всѣми группами плательщиковъ земскихъ налоговъ. Вѣдь ни для кого не тайна что ни крупный, ни средній землевладѣлецъ своихъ дѣтей въ начальную школу не отдастъ, какъ не отдаетъ ихъ сколько-нибудь зажиточный владѣлецъ промышленнаго или торговаго предпріятія. Имъ нужна другая школа. Почему же ихъ деньги должны идти на содержаніе вовсе ненужныхъ имъ начальныхъ училищъ? Почему взамѣнъ собираемыхъ съ нихъ суммъ не дать имъ дѣйствительно необходимой школы? Вѣдь этого, кажется, требуетъ самая простая, самая элементарная справедливость!

Подобный образъ дѣйствія непонятенъ вообще, а менѣе всего понятенъ онъ въ Московской губерніи, гдѣ земскіе платежи крестьянъ составляютъ крайне ничтожную сумму сравнительно съ платежами лицъ другихъ сословій. А между тѣмъ и народное образованіе, и земская медицина, и земская агрономія, все это существуетъ исключительно для однихъ крестьянъ. На почвѣ подобныхъ „принциповъ“ можно дойти до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости.

Не лишенъ характерности и слѣдующій фактъ: Московское губернское земство отказавшее Подольску въ 500 рубляхъ на содержаніе женской прогимназіи даетъ довольно щедрое пособіе на содержаніе высшихъ женскихъ курсовъ. Почему? Какое отношеніе имѣютъ эти курсы къ земству? Въ самомъ дѣлѣ, окончившая курсъ въ прогимназіи дѣвушка можетъ пойти въ земскія учительницы или

поступить на фельдшерскіе курсы съ намѣреніемъ работать въ земской больницѣ. А въ какой области земской дѣятельности нужны слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ?

Тутъ выступаетъ новый „принципъ", въ силу котораго земство считаетъ себя обязаннымъ исправлять „ошибки" правительства. Правительство не принимаетъ на себя расходовъ по содержанію высшихъ учебныхъ заведеній, слѣдовательно ихъ должно взять земство.

Проведеніе въ жизнь этихъ „принциповъ" доказываетъ только что законъ о фиксаціи земскихъ расходовъ далеко не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Правда, онъ положилъ до извѣстной степени предѣлъ земскимъ поборамъ, но онъ не создалъ никакихъ гарантій въ томъ что собранныя деньги будутъ дѣйствительно употребляться въ интересахъ плательщиковъ земскихъ налоговъ, что будутъ удовлетворяться реальныя, а не фантастическія нужды. А между тѣмъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе чувствуется потребность сдѣлать что-нибудь и въ этомъ направленіи. Не пора-ли?

Страсть жить не по средствамъ, недостатокъ присущій не только частнымъ лицамъ, но и большинству нашихъ земскихъ и городскихъ самоуправленій. Земства не довольствуются своимъ приходнымъ бюджетомъ, горько сѣтуютъ на установленіе предѣльности въ земскомъ обложеніи и наперерывъ другъ передъ другомъ ходатайствуютъ о правѣ обложенія желѣзныхъ дорогъ, о вознагражденіи за убытки отъ введенія казенной продажи вина, объ освобожденіи ихъ отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ и т. д. Для городскихъ управленій никакой предѣльности обложенія еще не создано, тѣмъ не менѣе они не довольствуются одними прямыми налогами и всѣми силами стараются установить еще налоги косвенные, преимущественно на предметы первой необходимости.

Однимъ изъ такихъ излюбленныхъ налоговъ является налогъ на освидѣтельствованіе мясныхъ тушъ. Заботясь объ охранѣ народнаго здравія, городскія управленія издаютъ обязательныя постановленія объ освидѣтельствованіи мяса какъ получаемаго на городскихъ скотобойняхъ, такъ и привозимаго изъ-за черты города. Освидѣтельствованіе мяса требуетъ извѣстныхъ расходовъ со стороны этихъ управленій на содержаніе ветеринарнаго надзора. Само собою понятно что эти издержки должны быть покрыты какимъ-нибудь путемъ, а потому за освидѣтельствованіе мяса устанавливается извѣстный сборъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ еще ничего предосудительнаго, если подобные сборы находятся въ соотвѣтствіи съ производимыми расходами.

Но въ томъ-то и бѣда что этого соотвѣтствія нѣтъ. Первоначальная цѣль установленія сбора скоро забывается, на него начинаютъ смотрѣть съ фискальной точки зрѣнія и въ интересахъ увеличенія городскихъ доходовъ устанавливаютъ плату за освидѣтельствованіе мяса въ максимальномъ размѣрѣ, превращая ее въ нѣчто подобное существующему у Евреевъ коробочному сбору. Кіевское городское управленіе, напримѣръ, получаетъ такимъ путемъ до 200.000 рублей чистаго дохода въ годъ!

Давно извѣстно что установленіе или повышеніе косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія ведетъ къ вздорожанію ихъ не на соотвѣтствующую, а на гораздо большую сумму, такимъ образомъ, кромѣ произвольныхъ и совершенно незаконныхъ налоговъ городскому населенію приходится еще нести весьма крупныя переплаты въ пользу торговцевъ. Едва ли нужно говорить какъ благотворно отзываются при существующей повсемѣстно дороговизнѣ такіе налоги на „благосостояніи“ городскихъ жителей.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ что наименѣе зажиточная часть населенія старается освободиться отъ платежа подобныхъ косвенныхъ налоговъ и стремится покупать мясо за городскою чертой, гдѣ не существуетъ акциза на него. Подобное стремленіе идетъ въ разрѣзъ съ интересами городскихъ управленій, и они въ корнѣ хотятъ пресѣчь ихъ, не останавливаясь передъ сформированіемъ цѣлыхъ „бригадъ“ собственной таможенной стражи для охраны городской пограничной черты отъ вторженія контрабанднаго мяса.

Гдѣ есть пограничная стража и контрабандисты, тамъ неизбѣжны и столкновенія между ними. Объ одномъ изъ такихъ столкновеній разказывалъ недавно *Кіевлянинъ*. Бѣдная женщина купила за городскою чертой окорокъ и съ нимъ направилась въ городъ. Но едва она успѣла переступить таможенную черту, какъ на нее напалъ городской „урядникъ“ и на глазахъ постоваго городоваго, изорвавъ на ней пальто и отнявъ окорокъ, повелъ ее въ таможню, то-есть, на городскую бойню. По дорогѣ гнѣвъ былъ переложенъ на милость, и „контрабандистка“ отпущена домой.

Въ Томскѣ, какъ и въ Кіевѣ, существуетъ акцизъ на мясо, дающій городскому управленію доходъ, но Томскъ меньше Кіева и 200.000 р. налогами на мясо не соберешь, а потому томское городское управленіе, придерживаясь средневѣковыхъ обычаевъ, взимаетъ пошлины со всѣхъ ввозимыхъ въ городъ товаровъ, скромно именуя этотъ таможенный налогъ повознымъ сборомъ. Жители города очень недовольны этою внутреннею таможней, и съ завѣдующими ея происходятъ довольно крупныя столкновенія. Недавно судился томскій купецъ г. Фуксманъ по обвиненію въ насиліи надъ смотрителемъ

заставы черезъ которую открыто провезъ „контрабанду". Насиліе на судѣ не подтвердилось, но за неисполненіе „законныхъ требованій" городскаго управленія виновный присужденъ къ пятирублевому штрафу.

Эти два „инцидента" наводятъ на цѣлый рядъ размышленій. Оказывая жителямъ тѣ или другія услуги, городское управленіе, несомнѣнно, имѣетъ право требовать оплаты ихъ въ размѣрѣ дѣйствительной стоимости; но требованіе платы въ размѣрѣ высшемъ уже превращаетъ ее въ налогъ, который можетъ быть установленъ единственно только Высочайшею властью которая своего права городскимъ думамъ никогда не передавала. Отсюда слѣдуетъ прямой выводъ что разъ освидѣтельствованіе и клейменіе мясныхъ тушъ даютъ городскому управленію доходъ въ 200.000 рублей, то сборъ установленъ въ несоотвѣтственно высокомъ размѣрѣ. Подобная ошибка легко можетъ быть допущена въ первый годъ; но въ годы послѣдующіе ей не можетъ и не должно быть мѣста. Разъ сборъ далъ крупное превышеніе, то обязанность лицъ и учрежденій наблюдающихъ за дѣятельностью городскихъ управленій понизить этотъ сборъ до такихъ предѣловъ чтобы онъ только покрывалъ дѣйствительные размѣры стоимости оказываемыхъ городскимъ жителямъ услугъ. Эта такая простая истина, такая безспорная аксіома, что можно только удивляться, какъ она до сихъ поръ не можетъ быть строго и послѣдовательно проведена въ жизнь.

Появившійся въ петербургскихъ газетахъ слухъ что въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія закончено составленіе новаго каталога книгъ допускаемыхъ въ безплатныя народныя библіотеки и читальни вызвалъ прочувствованную статью въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, въ которой московская газета горько сожалѣетъ что Министерство Народнаго Просвѣщенія до сихъ поръ не отказалось отъ начала опеки надъ народнымъ чтеніемъ, что безплатныя библіотеки и читальни остаются поставленными въ исключительныя условія, при которыхъ въ эти библіотеки и читальни допускаются лишь книги и повременныя изданія *одобренныя* Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Свои сѣтованія *Русскія Вѣдомости* заканчиваютъ слѣдующими словами:

Пора признать что въ дѣлѣ удовлетворенія литературныхъ потребностей взрослыхъ читателей нельзя руководствоваться правилами которыя могутъ быть допустимы лишь при рѣшеніи вопроса о дѣт-

скомъ чтеніи. Пора признать за народомъ права на литературу во всемъ ея объемѣ, а не дѣлать изъ нея спеціальныя для него выборки отвѣчающія взглядамъ и тенденціямъ чиновниковъ, для которыхъ многомиліонный русскій народъ со всѣми разнообразными требованіями его къ книгѣ очевидно представляется однородною массой какихъ-то малолѣтковъ нуждающихся въ опекѣ даже въ сферѣ духовныхъ потребностей.

Заканчивается статья пожеланіемъ
чтобы составленный каталогъ былъ замѣненъ распоряженіемъ о примѣненіи къ этимъ библіотекамъ 179 ст. Уст. о ценз. и печати регулирующей книжный инвентарь въ публичныхъ библіотекахъ вообще.

Что этотъ взглядъ вполнѣ искрененъ, что газета, высказывая подобныя мнѣнія, руководствуется самыми лучшими намѣреніями, мы не сомнѣваемся. Но насъ искренно удивляетъ что *Русскія Вѣдомости* не могутъ уловить разницы между, такъ называемымъ, интелигентнымъ читателемъ и читателемъ изъ народа. А разница между ними поразительная.

Первый относится скептически къ печатному слову, онъ хорошо знаетъ что самыя возвышенныя слова могутъ быть продиктованы очень низменными побужденіями, онъ понимаетъ что въ печать можетъ проскользнуть умышленная и неумышленная ложь, что есть писатели систематически прибѣгающіе къ извращенію фактовъ, къ подтасовкѣ ихъ, къ замалчиванію всего того что̀ не подходитъ подъ ихъ аршинъ.

А читатель изъ народа свято вѣритъ куску печатной бумаги, онъ разсуждаетъ такъ: „если это не правда, если это не хорошо, то зачѣмъ же позволяютъ печатать это“. Въ самомъ фактѣ появленія книги, брошюры или нумера повременнаго изданія онъ видитъ одобреніе правительства высказаннымъ въ нихъ взглядамъ. Разъ народъ смотритъ на дѣло подобнымъ образомъ, правительство должно считаться съ этимъ воззрѣніемъ и допускать въ народную среду только тѣ произведенія печати которыя оно можетъ одобрить.

Русскія Вѣдомости, ссылаясь на мнѣнія высказанныя на недавнемъ съѣздѣ дѣятелей по народному образованію, указываютъ что составленіе каталоговъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ является совершенно незаконнымъ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія на которое по закону вовсе не возложены обязанности просматривать книги для взрослаго населенія страны. Обсуждать этотъ вопросъ съ формальной стороны мы не станемъ, но скажемъ что такого рода дѣятельность нисколько не противорѣчитъ тѣмъ основамъ которыми руководится наша цензура.

Степень строгости ея соразмѣряется обыкновенно со степенью развитости круга читателей для которыхъ предназначается то или иное произведеніе печати. *Русскимъ Вѣдомостямъ*, конечно, извѣстно что на французскомъ языкѣ въ Россіи допущены многія сочиненія (возьмемъ хотя *Исторію французской революціи* Луи Блана), которыя на языкѣ русскомъ запрещены. Почему? Да потому что знаніе французскаго языка предполагаетъ нѣсколько высшій образовательный уровень, при которомъ произведеніе Луи Блана считается менѣе вреднымъ. На языкахъ англійскомъ или италіянскомъ у насъ пропускаются книги которыя, пожалуй, были бы запрещены на языкѣ французскомъ. Иногда критеріемъ для опредѣленія степени образованія читателей берется стоимость изданія. Въ дорогомъ и объемистомъ сочиненіи нерѣдко позволяется высказывать мнѣнія которыя безпощадно были бы изгнаны изъ грошовой брошюры предназначенной для широкаго круга малообразованныхъ читателей которымъ трудно отличить золото отъ мишуры. Повременныя изданія стоящія болѣе семи рублей въ годъ пользуются гораздо большимъ цензурнымъ просторомъ чѣмъ изданія болѣе дешевыя.

Театръ считается доступнымъ для всѣхъ, какъ для грамотныхъ, такъ и для неграмотныхъ, а потому у насъ существуетъ особая цензура драматическая которая относится къ дѣлу гораздо строже цензуры обыкновенной. Все это факты одного порядка, и существованіе особыхъ каталоговъ для безплатныхъ библіотекъ и читаленъ посѣщаемыхъ наименѣе образованнымъ слоемъ населенія является лишь логическимъ развитіемъ ихъ.

Но посмотримъ на дѣло съ практической стороны. Къ чему бы привело осуществленіе желанія *Русскихъ Вѣдомостей*? Ни въ одной народной библіотекѣ или читальнѣ нельзя собрать всѣхъ произведеній русской печати, слѣдовательно, изъ нихъ нужно дѣлать выборъ. Но во главѣ этихъ библіотекъ и читаленъ стоятъ самые разнообразные люди съ различными взглядами, понятіями и вкусами. При такихъ условіяхъ въ одной библіотекѣ будетъ отдаваться предпочтеніе твореніямъ отцовъ церкви, а въ другой произведеніямъ гр. Л. Толстаго. Появятся читальни съ марксистскою, нео-марксистскою или народническою окраскою. Не трудно себѣ представить какой сумбуръ, какую путаницу въ мозгахъ малообразованныхъ людей могъ бы произвести тенденціозный подборъ такого вздора?

Мы думаемъ что эта путаница, что этотъ сумбуръ съ ихъ неизбѣжными послѣдствіями одинаково нежелательны какъ для насъ, такъ и для *Русскихъ Вѣдомостей*, а потому можемъ только удивляться высказанному ими желанію.

Письма къ издателю.

I.

„Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и да долголѣтенъ будеши на земли“, стоитъ въ заголовкѣ путевыхъ замѣтокъ изъ „дорожной записной книжки“ покойнаго моего отца описывающихъ его впечатлѣнія по поводу поѣздки въ Англію для ознакомленія на мѣстѣ съ постановкой народнаго образованія въ этой странѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Прошло болѣе четверти вѣка, многое измѣнилось и въ Англіи и Россіи, не стало отца, какъ и незабвенныхъ въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова, но время не измѣнило того духа отрицанія въ средѣ русской молодежи и ея самозванныхъ руководителей и радѣтелей, противъ котораго приходилось отцу бороться въ его бытность сперва помощникомъ, а затѣмъ и попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа, какъ не поколебало оно въ Англіи чувства уваженія ко всему что имѣло и имѣетъ отношеніе къ величію и славѣ отечества. „Культурность и прогрессъ“ въ Россіи требуютъ того чтобы люди отрекались отъ своего роднаго, отъ вѣры, отъ славныхъ испытанныхъ завѣтовъ своихъ предковъ прославившихъ русское имя во всѣхъ отрасляхъ народной жизни въ силу того что они были и не стыдились быть Русскими. „Отжило вѣкъ“, „несовременно“, „негуманно“, то и дѣло слышится теперь у насъ, и слова эти, трескучія и звонкія, не меньшая въ своемъ родѣ язва русской жизни, чѣмъ чиновничество и канцелярщина съ одной стороны, обезличенная русская „интелигенція“ съ другой. „Dominus illuminatio mea“ (Господь просвѣщеніе мое) красуется огромными буквами надъ главнымъ входомъ въ Оксфордскій университетъ основанный еще въ XII вѣкѣ и въ которомъ тщательно оберегаются до мельчайшихъ подробностей всѣ памятники старины, свято хранится преемственность преданій длиннаго ряда подвижниковъ науки и представителей англійской молодежи не стыдившихся, а гордившихся своимъ роднымъ. Счастлива страна въ которой молодежь проникнута такими завѣтами; всегда и вездѣ представляется цвѣтомъ и надеждой будущаго молодежь являющаяся на смѣну прежнимъ поколѣніямъ, исполнившимъ свое назначеніе въ жизни государства и радующимся когда наслѣдіе ихъ переходитъ къ здоровымъ нравственно, свѣжимъ и нетронутымъ силамъ которыя, однако, въ свою очередь для плодотворности работы нуждаются въ указаніяхъ опыта и руководителяхъ. Могущественнѣйшимъ орудіемъ для надлежащей подготовки этихъ силъ къ ихъ будущей дѣятельности служитъ воспитаніе (конечно, не въ смыслѣ внѣшняго свѣтскаго лоска, а въ смыслѣ образованія), и тутъ-то и возстаетъ въ Россіи вѣчный споръ о преимуществахъ и недостаткахъ класицизма всюду нынѣ признаннаго и положеннаго въ основу образованія.

Противники изученія древнихъ языковъ любятъ указывать на „непроизводительную трату времени и труда“ могущихъ съ пользою быть употребленными на ознакомленіе съ новѣйшими языками и прежде

всего съ отечественнымъ, которымъ будто бы жертвуютъ ради мертвыхъ, никому не нужныхъ языковъ. Такъ говорятъ болѣе умѣренные изъ числа благонамѣренныхъ; повторять же всѣ нелѣпости болѣе ярыхъ противниковъ класицизма прямо не стоитъ. Всѣ эти господа забываютъ одно, что погрѣшности и промахи второстепенныхъ исполнителей (а къ этому главнымъ образомъ сводятся самыя свирѣпыя обвиненія „въ омертвѣніи и растлѣніи" учащейся молодежи „сухой рутиной Толстовской системы", обвиненія которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи относятся къ „бездушному формализму" преподавателей особенно изъ числа „братьевъ-Славянъ") отнюдь не могутъ набрасывать тѣнь на общій строй народнаго образованія. Никто не станетъ отрицать пользы тѣлесныхъ упражненій для укрѣпленія здоровья, но умъ человѣческій точно также несомнѣнно нуждается въ „гимнастикѣ" умственной, а для этой цѣли человѣчество пока не нашло болѣе подходящаго средства какъ именно древніе языки съ ихъ неисчерпаемыми по всѣмъ отраслямъ твореній человѣческой мысли и духа сокровищами, нетлѣнными во всѣ вѣка и для грядущихъ поколѣній. Изученіе мертвыхъ языковъ (строго говоря возможно лишь по отношенію къ нимъ однимъ, такъ какъ живые постоянно развиваются одновременно съ жизнію, развитіемъ народной жизни и доступны изученію скорѣе въ смыслѣ разговорномъ, то-есть, прямо противоположномъ языкамъ древнимъ) въ той постепенности и строгой послѣдовательности которая выработана всѣмъ строемъ „класической науки", пріучаетъ человѣка съ раннихъ лѣтъ къ усидчивой, выдержанной работѣ, даетъ навыкъ къ преодолѣнію трудностей, воспитываетъ умъ какъ никакая другая наука и пріучаетъ мысль сосредоточиваться на предметахъ достойныхъ вниманія вмѣсто того чтобы разбрасываться по сторонамъ. Несправедливы въ высшей степени и обвиненія въ томъ будто бы отечественный языкъ приносится въ жертву древнимъ, такъ какъ всякій добросовѣстный преподаватель требуетъ отъ учениковъ при переводахъ не только правильности въ передачѣ мысли, но и чистоты языка. Нападки на „класическую систему" въ видѣ голословныхъ обобщеній нелѣпы; наоборотъ, вполнѣ понятны указанія на частности: на недостаточность начальныхъ и ремесленныхъ училищъ въ Россіи, на недоступность вслѣдствіе всегдашняго переполненія такъ называемыхъ „професіональныхъ школъ", на отсутствіе тѣлеснаго воспитанія которому отецъ мой придавалъ такое значеніе по пословицѣ „mens sana in corpore sano", въ справедливости которой онъ имѣлъ случай удостовѣриться наглядно при своемъ объѣздѣ англійскихъ училищъ, вслѣдствіе чего получается одностороннее развитіе ума за счетъ здоровія, и многое другое. Дѣйствительно, безусловно совершеннаго нѣтъ на землѣ, но основа правильна, и проклинаемая многими Митрофанушками и Простаковыми „класическая система" сослужила и сослужитъ службу многимъ поколѣніямъ людей. Класицизмъ одно изъ немногихъ звеньевъ связующихъ между собою все человѣчество независимо отъ народности, мѣста и времени, и для Славянскихъ племенъ оно, быть можетъ, болѣе чѣмъ для всякаго другаго необходимо: Славяне, будучи по природѣ одарены богаче Романскихъ и Англо-Германскихъ народовъ, не имѣютъ той выдержки, того нравственнаго закала,

благодаря которому они въ состояніи были бы справиться со своими противниками. Послѣдніе отдавая себѣ всегда ясный отчетъ въ той цѣли къ которой они стремятся и въ тѣхъ средствахъ коими въ данныхъ обстоятельствахъ они не могутъ располагать, постоянно берутъ верхъ надъ даровитымъ, но вѣчно тратящимъ непроизводительно силы и разбрасывающимся всюду за исключеніемъ наиболѣе угрожаемыхъ мѣстъ Славяниномъ. И вотъ почему намъ въ виду недостатковъ присущихъ всему нашему племени слѣдуетъ больше другихъ заботиться о томъ чтобы закалить свою молодежь и пріучить одолѣвать препятствія и трудности еще на школьной скамьѣ, а не прятаться отъ нихъ, хотя бы и подъ разными благовидными предлогами. Сложная вещь для непосвященнаго въ ея тайны двойная бухгалтерія, и однако никто же не станетъ ратовать за ея замѣну простымъ счетоводствомъ въ торговыхъ сношеніяхъ въ виду головоломности ея изученія. И это только одинъ частный примѣръ выхваченный мною случайно изъ цѣлаго ряда сопоставленій которыя можно было бы привести для изобличенія людей, слишкомъ часто, къ сожалѣнію, намѣренно замалчивающихъ то что̀ имъ не выгодно и представляющихъ свои положенія въ ложномъ одностороннемъ освѣщеніи. Но, не смотря на всѣ такого рода изощренія, безсмертныя заслуги гр. Д. А. Толстаго, П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова предъ дѣломъ русскаго просвѣщенія будутъ оцѣнены потомствомъ, и, Богъ дастъ, окрѣпнетъ оно и разовьется это просвѣщеніе, сохранивъ въ своей основѣ „класическую систему", при существованіи которой вполнѣ возможны и желательны разумныя и безстрастныя мѣры направленныя къ устраненію искусственнаго созданія въ Россіи „умственнаго пролетаріата" который не въ духѣ страны, не вызывается русской жизнію и можетъ быть желаннымъ лишь для враговъ земли Русской, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Князь Александръ Николаевичъ Мещерскій.

II.

Памяти Н. П. Боголѣпова.

Не стало Николая Павловича Боголѣпова. . Не мнѣ, его бывшему ученику, входить въ оцѣнку общественной его дѣятельности которую оцѣнитъ по достоинству судъ потомства болѣе безпристрастный чѣмъ современники, слишкомъ причастные къ „злобамъ дня".

Николай Павловичъ погибъ отъ гнуснаго злодѣянія доблестной смертію воина при исполненіи долга, коего онъ всю жизнь былъ воплощеніемъ. Въ наши дни исполины долга обезсмертившіе свое служеніе отечеству въ древнемъ Римѣ кажутся чѣмъ-то сказочнымъ, до того измельчало и выродилось все „въ культурный нашъ вѣкъ прогреса", но по временамъ являются и теперь свѣтлые избранники, отмѣчающіе свой путь среди общей безцвѣтности, и къ такимъ, безспорно, принадлежалъ почившій. Онъ по духу былъ истинный Римля-

ниыъ въ самомъ блестящемъ проявленіи гражданской доблести этого великаго народа и въ то же время былъ вѣрующимъ христіаниномъ и Русскимъ.

Я имѣлъ счастіе, иначе не могу выразиться, быть въ числѣ слушателей Николая Павловича. Его сжатая, мощная рѣчь, каждое слово которой было кладомъ мысли и выраженія (чистотою и подборомъ) производила чарующее дѣйствіе на меня, и его Римское право останется мнѣ на всю жизнь свѣтлымъ воспоминаніемъ о незабвенномъ учителѣ бывшемъ въ то же время и незамѣнимымъ воспитателемъ мысли и духа.

Миръ праху этого благороднѣйшаго слуги Россіи и ея Царя.

Князь Александръ Мещерскій.

Я пробыла у нея почти до сумерекъ, то-есть, до обратнаго отхода почты. Ея нотаріусъ написалъ удостовѣреніе въ томъ что весь ея капиталъ дѣйствительно обращенъ въ пожизненную ренту, и по окончаніи всей этой дѣловой возни я вынула привезенные мною тетѣ Линѣ подарки. Она обрадовалась чашкѣ съ гербомъ Берлина и медали отчеканенной въ память выставки; что же касается пресъ-папье, то оно ей менѣе понравилось, хоть она и не сказала ничего.

— Это одна изъ самыхъ новомодныхъ бездѣлушекъ, расхваливала я его.

— О, нѣтъ! спокойно возразила она;—у Фидтовъ уже цѣлый годъ валяется такая же штука присланная имъ на пробу ихъ берлинскимъ поставщикомъ, и они не знаютъ какъ ее сбыть. Это, съ позволенія сказать, дорожная машинка для снимапія сапогъ.

Къ счастію вошла дѣвушка и доложила что почта сейчасъ отходитъ. Тетя Лина очевидно обидѣлась на подарокъ, и я не знаю, удалось ли бы мнѣ уговорить ее еслибы я сначала сунулась со своими сюрпризами.

Хорошее намѣреніе хорошо только тогда, когда оно встрѣчаетъ хорошее настроеніе.

ГЛАВА XX.

Дѣло идетъ къ развязкѣ.

Я съ истиннымъ наслажденіемъ разсталась съ тетей Линой и пустилась въ обратный путь, хоть у меня и было съ собою все необходимое на случай еслибы мнѣ пришлось остаться у нея ночевать. Но сидѣть безъ надобности въ такомъ малоинтересномъ уголкѣ можно только въ наказаніе за прошлые грѣхи, и я радовалась возможности избѣжать этого удовольствія. Почтовая карета во-время доставила меня на станцію. Я сидѣла и думала о томъ что у Криберга должна пропасть охота къ супружеской жизни, когда онъ увидитъ что путь къ алтарю не вымощенъ червонцами, какъ онъ воображалъ. Если онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ Оттилію и желаетъ ей счастія, то онъ вернетъ ей ея слово.

На обратномъ пути я попала въ очень пріятную компанію. Въ вагонѣ сидѣли люди радовавшіеся предстоящему посѣще-

нію выставки и ожидавшіе отъ нея только хорошаго. Было видно что они читали прекрасныя и поучительныя описанія, а не брань газетныхъ писакъ которые рвутъ выставку на части, потому что разрушать легче чѣмъ строить. Кто не варитъ и не печетъ, у того конечно нѣтъ неудачъ въ кухнѣ.

Меня засыпали такимъ количествомъ вопросовъ что я не поспѣвала отвѣчать. Особенно интересовалъ всѣхъ вопросъ о томъ, не слишкомъ ли дорого обходится полное и основательное знакомство съ выставкой.

На это я отвѣчала:

— Сочтите, во что̀ обошлась бы вамъ поѣзда въ Камерунъ, еслибы вы захотѣли ознакомиться съ бытомъ дикарей, или въ Каиръ, или на Шпицбергенъ къ бѣлымъ медвѣдямъ, или даже въ Циллерталь! А потомъ гдѣ бы вы могли достать круговые билеты на путешествіе въ прежніе вѣка? А здѣсь вамъ выстроенъ Старый Берлинъ въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ послѣ тридцатилѣтней войны. Тогда ему и не снилось, какимъ онъ станетъ послѣ франко-прусской войны.

Такъ мы мирно бесѣдовали, переходя отъ одного предмета къ другому. Между прочимъ меня спросили, правда ли что въ рыболовномъ отдѣлѣ по воскресеніямъ продается болѣе ста центнеровъ морской рыбы?

— Вѣшать я не вѣшала, отвѣчала я, — но думаю что правда, потому что это было напечатано въ газетахъ на томъ мѣстѣ гдѣ печатаются вѣрныя извѣстія. Во всякомъ случаѣ непремѣнно побывайте въ рыбномъ отдѣлѣ; тамъ плаваютъ радужныя форели и самыя рѣдкостныя рыбы; тамъ вы увидите какъ онѣ выводятся, живутъ и ловятся, а когда насмотритесь на рыбу, то можете и наѣсться ея тутъ же до-сыта. Большая порція стоитъ тридцать пфениговъ.

— Мы непремѣнно пойдемъ туда, послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Я закажу себѣ двѣ порціи, сказалъ какой-то тощій господинъ; —это невѣроятно дешево.

— Въ народной столовой можно поѣсть еще дешевле, поддержала я его въ его добрыхъ намѣреніяхъ, — а въ вегетаріанской кухнѣ вы получите за двадцать пфениговъ такое блюдо кислой чечевицы что въ двое сутокъ не съѣдите.

Комнатами они уже запаслись чрезъ посредство агентства.

— Многіе останавливаются у знакомыхъ, сказала я.

— Это можетъ оказаться стѣснительнымъ для обѣихъ сторонъ, замѣтила одна дама.

Я вздохнула.

— У васъ вѣроятно были опыты этого рода? участливо продолжала дама.

— И были и будутъ, отвѣчала я.

Чѣмъ темнѣе становилось въ вагонѣ, тѣмъ вялѣе шелъ разговоръ. Кончилось тѣмъ что всѣ замолкли и только господа курили свои сигары. Чтò за гадость они курили, я не берусь рѣшить; скажу одно: они сами поминутно отворяли окна чтобы не задохнуться. Мнѣ казалось что это не табакъ, а какое-то зелье отъ комаровъ.

Благодаря неутомимости паровоза мы наконецъ пріѣхали въ Берлинъ и разстались, пожелавъ другъ другу всякаго удовольствія и благополучія. Лично я видѣла впереди только одно удовольствіе, а именно возможность устроить радостный сюрпризъ моему Карлу который ждалъ меня только завтра.

Я сѣла въ первыя попавшіяся дрожки и поѣхала. Было уже около полуночи, но на главныхъ улицахъ и Подъ-Липами жизнь кипѣла какъ днемъ; рестораны и кофейни были ярко освѣщены и даже лавки открыты. „Въ это время въ провинціи люди уже второй разъ переворачиваются на правый бокъ", подумала я. Но кто составляетъ ночную публику въ Берлинѣ? Пріѣзжіе. А откуда они пріѣзжаютъ? Изъ той же провинціи. Чтò было бы, еслибы они такъ безчинствовали дома? Нехорошо!

Да, Унгерманъ будетъ помнить свое пребываніе въ столицѣ!

Мой извощикъ должно быть счелъ меня за провинціалку и везъ самымъ медленнымъ шагомъ, такъ что я наконецъ крикнула ему:

— Разбудите кнутомъ свою старую водовозку, а то она сама себѣ на пятки наступаетъ.

Извощикъ остановилъ лошадь и обернулся ко мнѣ.

— Эта лошадь, сказалъ онъ, указывая кнутомъ на везшій насъ мѣшокъ съ костями,—была прежде рысакомъ и не нуждается въ кнутѣ, и кромѣ того она дрессирована такъ что дѣлаетъ все чтò хочетъ.

— Чего же она хочетъ? спросила я.

— Она хочетъ въ конюшню.

— И прекрасно; гоните же ее скорѣй!

— Нѣтъ, потому что конюшня какъ разъ на концѣ города. Вотъ еслибы вы велѣли ѣхать въ такъ узнали бы чтò это за лошадь. Когда она бѣ

то обгоняетъ электрическую желѣзную дорогу; вотъ какая эта лошадь! Ну, пошелъ!

Пріѣхавъ на Ландсбергерскую улицу, я увидала что въ домѣ вездѣ темно. „Всѣ по постелямъ!“ подумала я съ внутреннимъ удовольствіемъ, дала лишнихъ десять пфениговъ извощику и рѣшила пройти черезъ фабрику чтобы сначала повидать Карла, а затѣмъ обрадовать и успокоить Оттилію которая вѣроятно глазъ не смыкаетъ отъ тревоги.

Но каковъ былъ мой ужасъ когда я нашла ворота незапертыми! Первою моею мыслью было: „Унгерманъ!“ второй: „Гдѣ же Дореттинъ будочникъ?“ Я взглянула внизъ по улицѣ: ни одной полицейской каски, и только мой отставной рысакъ лѣниво скрывался вдали.

Входить или нѣтъ? А что̀ если на лѣстницѣ притаились воры и разбойники? Не закричать ли?

Но нѣтъ! Впередъ, потихоньку впередъ черезъ дворъ! Ключъ отъ входной двери годится и для фабрики. Я отперла ее и ощупью добралась до комнаты моего Карла. У двери я прислушалась. Храпа не было слышно.

— Ты спишь, Карлъ? тихо сказала я.—Не пугайся, это я, твоя Вильгельмина, твоя вѣрная жена. Тетя Липа кланяется.

Отвѣта не было. Я постучала.

— Не бойся! продолжала я,—у насъ нѣтъ ни пожара, ни воровъ. Отвори, мой Карлъ!

Онъ не шевелился.

— Карлъ, отвори!

Я стала стучать сильнѣе.

— Карлъ, если ты не отворишь, я разсержусь, *очень* разсержусь. Понялъ?

Я вынула изъ кармана свою связку ключей, но входилъ изъ нихъ только послѣдній и притомъ только входилъ, а не отпиралъ. Вынуть его я тоже не могла и, наконецъ, сломала. Такъ какъ Карлъ не проснулся и отъ этого шума, то очевидно его тамъ не было. Гдѣ же мнѣ искать его? Прежде всего конечно въ столовой.

Идя по темной галереѣ соединяющей фабрику съ домомъ я наткнулась на что-то мягкое и чуть не закричала отъ ужаса. Однако оно не шевелилось и при ощупываніи оказалось сверткомъ товара. Ага, заказъ Унгермана! Недуренъ, хотя могъ бы быть и больше. Матовыя стекла кухонной двери были освѣщены. Я стремительно отворила ее.

Доретта пронзительно взвизгнула. Я только сказала: „А!“ Будочникъ же сталъ во фрунтъ и сдѣлалъ подъ козырекъ. Доретта хотѣла было погасить лампу (нашу, столовую!), но было поздно: я видѣла болѣе чѣмъ достаточно. На накрытомъ столѣ стояли хлѣбъ, масло, холодное жаркòе, бутылка нашего лучшаго лафита, сыръ, цѣлая миска компота, коньякъ и вообще все чтò нашлось вкуснаго въ домѣ.

— Гдѣ баринъ? строго спросила я.

— Ушелъ.

— И ворота не заперты? вы называете это порядкомъ, г. полицейскій?

— Я сегодня не дежурный, отвѣчалъ онъ.

— Вѣдь онъ же мой женихъ, обиженно начала Доретта; — у него есть обязанности и по отношенію ко мнѣ. Вы сами виноваты, барыня: зачѣмъ возвращаться когда васъ не ждутъ?

— Затѣмъ чтобы знать чтò дѣлается въ мое отсутствіе. Мы будемъ продолжать этотъ разговоръ завтра. А теперь я надѣюсь что женихъ сытъ и можетъ уходить.

Онъ покорно всталъ съ мѣста.

— Посвѣти ему, Доретта, и запри домъ!

Я взяла лампу и коньякъ съ собою. Онъ хорошо поработалъ надъ нимъ. Доретта съ плачемъ вышла изъ кухни. Она чувствовала свою вину. Ей разрѣшалось умѣренное гостепріимство, а не оргіи; съ лафитомъ же начинаются оргіи.

Итакъ Карла не было дома... Нечего сказать, весело!

Однако не надо забывать Оттиліи.

— Будь весела, дитя! сказала я, входя въ комнату. — Послѣ дождя проглядываетъ солнце, и его-то я привезла тебѣ.

Никакого отвѣта. Я зажгла свѣчу. Кровать Оттиліи была пуста и не смята. „Вѣрно она боится спать одна и ушла ночевать къ фрау Клибишъ“, подумала я и направилась туда. На мой стукъ не послѣдовало никакого отклика.

Странно! Неужели же всѣ уѣхали? Нѣтъ, на диванѣ лежала Анна Клибишъ и неистово храпѣла. Чтò она умѣетъ дѣлать, такъ это спать. Даже днемъ при видѣ ея лица мнѣ всегда хочется сказать ей: покойной ночи, Анна!

Послѣ долгаго и безуспѣшнаго расталкиванія я наконецъ вернула ее къ жизни. Она посмотрѣла на меня стеклянными глазами, ничего не сказала и снова заснула.

Это меня разсердило, и я опять принялась ее трясти, пока она не открыла глазъ.

— Гдѣ мама? спросила я.

— Гдѣ мама? сонно повторила она и опять клюнула носомъ.

— Анна, проснись! Гдѣ мама?

— Въ постели.

— Вздоръ, ея тамъ нѣтъ. Гдѣ она и гдѣ Оттилія?

— Въ постели.

— Ахъ, ты глупая овца! въ отчаяніи вскричала я.—Продолжай спать и не забудь завтра проснуться.

У меня оставалась одна надежда на Унгерманшу. Но въ домѣ не оказалось не только ея, а даже и ея вещей. Уѣхала обратно въ Кассель. Его вещи стояли въ комнатѣ.

У меня просто колѣна подгибались. Что̀ случилось? Ни души въ домѣ кромѣ невмѣняемой Анны и преступной Доретты. Въ это время она вошла наверхъ.

— Доретта! закричала я,—иди сюда въ столовую, сейчасъ же перестань выть и безъ увертокъ разказывай что̀ здѣсь произошло. Во-первыхъ, гдѣ Унгерманша?

— Уѣхала съ двѣнадцатичасовымъ поѣздомъ и не дала мнѣ ничего на-чай. Я сейчасъ раскусила ее, какъ только она пріѣхала; отъ такихъ не поживишься.

— Хорошо. А фрау Клибишъ?

— Она вернется послѣзавтра.

— Откуда?

— Этого она не сказала. Тутъ была такая исторія, когда молодой баринъ пришелъ послѣ завтрака и сказалъ: „Оттилія, я отъ тебя не отстану“, а она ему: „Нѣтъ, нѣтъ, не могу, мнѣ лучше умереть“, или что-то въ этомъ родѣ; толкомъ-то я не разобрала...

— Значитъ опять подслушивала у двери? А что̀ говорилъ Криберґъ?

— Онъ? Онъ ничего не говорилъ.

— Вѣдь онъ же долженъ былъ что-нибудь отвѣчать?

— Онъ не могъ отвѣчать. Его тутъ не было.

— Про какого же молодаго барина ты говоришь?

— Господи! Да про другаго, съ коричневыми плюшевыми глазами. Ахъ, какой у него взглядъ! Право, еслибы я не была такъ сильно влюблена, я бы съ ума сошла по немъ.

— Доретта, не уклоняйся отъ дѣла. Итакъ г. Браунсъ былъ здѣсь, объяснился съ Оттиліей и получилъ отказъ...

— Она страшно упиралась...

— И онъ убѣжалъ изъ дома?

— Ну, какъ сказать?.. Очень медленно убѣжалъ и не сейчасъ. Съ нимъ убѣжала и фрау Клибишъ.

— Что за вздоръ?! А Оттилія осталась?

— Она совсѣмъ потеряла разсудокъ. Она смѣялась и плакала, обнимала и цѣловала меня. „Доретта, говорила она, этого не можетъ быть, а это есть", и еще какой то такой же вздоръ. Рѣчи сумашедшихъ трудно упомнить.

— А что въ это время дѣлалъ мой мужъ... баринъ?

— Господа съ утра уѣхали въ Трептовъ, и я оставалась одна съ Анной. Вечеромъ я дала ей поужинать и она стала дремать. Кажется, не приди ко мнѣ женихъ, я бы съ ума сошла отъ страха одна во всемъ домѣ. Нѣтъ, здѣсь неладно!

— Объ этомъ предоставь судить мнѣ, только мнѣ. Поняла? А вотъ если Оттилія наложила на себя руки, то ты будешь отвѣчать передъ судомъ.

— Охъ, Господи Боже! Нѣтъ!

— Не выть! На это у тебя будетъ время въ тюрьмѣ. Какъ могла ты не досмотрѣть за нею?

— Да она потомъ стала совсѣмъ тиха и только вдругъ въ одну минуту исчезла.

— И ты ея не ищешь? И твой будочникъ не далъ знать полиціи? Вмѣсто того ты накачиваешь его лафитомъ? Погоди, я вычту его изъ твоего жалованья.

Другаго вина я не нашла.

— А водопроводъ на что?

— Къ нему будочники и близко не подходятъ.

Я вскочила съ мѣста.

— Идемъ, Доретта, искать не оставила ли Оттилія какой-нибудь записки или прощальнаго письма.

Но сколько мы ни рылись, все было напрасно. Нигдѣ ничего.

— Можетъ быть, она поручила что-нибудь Аннѣ Клибишъ? вдругъ надумалась Доретта. — Мнѣ помнится что она сказала ей: „не забудь этого" или „не забывай меня", вообще что-то вродѣ послѣдняго прощанія.

— Анна и о себѣ-то ничего не умѣетъ отвѣтить, не то что объ Оттиліи.

— Это возможно: она сидѣла такой мокрой курицей что мой женихъ посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать ей стаканчикъ грога чтобы она хоть спать-то скорѣе улеглась.

— И ты, конечно, послушалась безумнаго совѣта и дала ребенку стаканъ грога?

— Два.

— Изъ коньяка? Доретта, да ты кажется совсѣмъ потеряла голову?

— Ну, вотъ опять! Я говорю что здѣсь больше жить нельзя.

Что̀ мнѣ было дѣлать? Отъ Анны ничего не добьешься, изъ разказовъ Доретты ничего не поймешь! Только бы Оттилія не вздумала утопиться! Это было бы ужасно. Но какъ могла фрау Клибишъ уѣхать съ г. Браунсомъ? А Оттилія взяла свой ручной мѣшокъ. Вѣдь въ рѣку не бросаются съ багажомъ. Куда же она убѣжала и зачѣмъ?

Мы еще разъ осмотрѣли комнату и не нашли ни ея завивальныхъ щипцовъ, ни капота, ни непромокаемаго плаща. Нѣтъ, очевидно, водяныхъ плановъ у нея не было.

— Доретта, сказала я,—если даже все кончится благополучно, то ты всетаки должна будешь искать себѣ другаго мѣста. Надѣюсь что ты сама понимаешь это?

— Нѣтъ, ужь я доживу у васъ до весны; тогда мы обвѣнчаемся, а можетъ быть и раньше. Неужели же мнѣ еще разъ до тѣхъ поръ мѣнять мѣсто? Быть не можетъ чтобы вы выгнали меня на улицу послѣ того, какъ я у васъ выжила такое трудное время со всѣми этими гостями и передѣлала столько работы. Барыня, милая, вы были всегда такъ добры....

Она плакала такъ горько что я сказала ей:

— Все это будетъ зависѣть отъ твоего будущаго поведенія, Доретта, а теперь иди спать.

Я усѣлась какъ была въ дорожномъ платьѣ и стала ждать Карла. Хороши дѣла, нечего сказать! Чуть только отвернешься, какъ міръ сейчасъ же встанетъ вверхъ дномъ.

Хорошъ и Карлъ! пропалъ въ самую нужную минуту. Развѣ пойти мнѣ къ Бетти и излить ей свое наболѣвшее сердце?

Но я напередъ знаю ея отвѣтъ: „Кто же тебѣ велѣлъ заводить гостиницу, мама?“

Наконецъ, на лѣстницѣ послышался шумъ, и что-то ввалилось въ квартиру. Я устремила глаза на дверь.

За дверью раздался смѣхъ.

— Мы выпьемъ еще, сказалъ кто-то, — вашъ коньякъ хорошъ.

Это былъ голосъ Клибиша.

— Пожалуй! отвѣчалъ мой Карлъ.

— Только примите въ компанію и меня, проговорилъ голосъ Унгермана.

Съ этими словами они вошли, и... о, ужасъ! Мой мужъ, мой невинный мужъ, шелъ шатаясь между Клибишемъ и Унгерманомъ.

Я встала съ мѣста и сказала: „Господа!“

Больше ни слова. Но еслибы вы видѣли этотъ испугъ!

— Ты... здѣсь... Вильгельмина?

— Какъ видишь. Я не спрашиваю, гдѣ ты былъ, и не хочу знать этого. Твое состояніе достаточно краснорѣчиво и безъ того. Я благодарю васъ, господа, и въ особенности васъ, г. Унгерманъ, за то что вы въ качествѣ будущаго отца города такъ отечески позаботились о моемъ мужѣ и взяли его съ собою на свои научныя изслѣдованія, пока меня не было дома.

Унгерманъ измѣнился въ лицѣ.

— Мы немножко повеселились... на прощанье... Я завтра уѣзжаю, бормоталъ онъ.

— Вздоръ, ты остаешься, сказалъ Карлъ.

— Нѣтъ, г. Унгерманъ ѣдетъ, рѣшила я.—Ты слышишь, онъ самъ этого хочетъ. А вы, г. Клибишъ, вы многократный отецъ семейства и помогаете сбивать съ пути моего мужа? Я не ожидала этого отъ васъ. А коньяка больше никто не получитъ.

Съ этими словами я взяла бутылку и заперла ее.

— Но, Минхенъ, еслибы ты знала, какъ хорошо на выставкѣ!

— Она уже давно закрыта.

— Мы выпили на „ты“ съ Унгерманомъ и хотимъ пить еще. Веселись и ты съ нами, Минхенъ.

— До веселія ли мнѣ? Оттилія, вѣроятно, лежитъ на днѣ рѣки, а фрау Клибишъ убѣжала съ молодымъ г. Браунсомъ.

— Какъ? Что̀?

Ведро холодной воды не могло бы подѣйствовать лучше моихъ словъ, и когда я по капелькѣ и слово за слово сообщила имъ то что̀ считала нужнымъ, то хмель ихъ совсѣмъ прошелъ.

— Въ данную минуту ничего предпринимать нельзя, сказала я;—единственный человѣкъ который можетъ что-нибудь знать, это Анна, но она теперь невмѣняема.

— Съ горя о матери! стоналъ Клибишъ.

— Пусть она сначала заспитъ его, посовѣтовала я.—А теперь покойной ночи, господа! Пойдемъ, Карлъ, со мною; мнѣ надо сообщить тебѣ многое.

— Вѣдь я сплю на фабрикѣ.

— Не сегодня; ты не можешь попасть въ свою комнату, потому что въ замкѣ торчитъ сломанный ключъ. Идемъ!

Я никогда не видала болѣе пристыженнаго прощанія. Пусть господа всегда помнятъ что на днѣ самаго искрометнаго кубка радости таится осадокъ горечи.

ГЛАВА XXI.

Старый Берлинъ.

Когда я въ первый разъ увидала Старый Берлинъ, то мнѣ показалось что я иду какъ во снѣ. Это было еще весною до открытія выставки. Городъ уже стоялъ готовый; настоящій городъ съ улицами и площадями, съ церковью, ратушей, съ крѣпостными валами, башнями и воротами, съ мостами, переулками и закоулками, точно сказка изъ былыхъ временъ, однимъ словомъ, такой же маленькій, бѣдный и ничтожный, какимъ Берлинъ былъ 300 лѣтъ тому назадъ.

У насъ нѣтъ фотографій того времени, потому что тогда еще не было колодіума, нѣтъ и рисунковъ за отсутствіемъ илюстрированныхъ журналовъ, такъ что одна фантазія должна была возстановлять то что медленно разрушало время и насильственно люди. Но всѣ говорятъ что въ 1650 году Берлинъ имѣлъ именно такой видъ, такъ что когда Клибишъ споритъ и увѣряетъ что онъ гораздо больше напоминалъ грязное болото, то я требую доказательствъ.

Я шла одна одинешенька по городу подъ лучами майскаго солнышка и совсѣмъ забылась. Улицы были такъ тихи и безмолвны что я не шутя задавала себѣ вопросъ, въ самомъ ли дѣлѣ изобрѣтена конка, и не приснилась ли мнѣ городская желѣзная дорога, по которой я полчаса тому назадъ пріѣхала въ Трептовъ? Куда исчезли живущіе здѣсь люди? Выселились? Выгнаны? Вымерли?

Я, такъ сказать, собственною рукой касалась прошлаго: я могла ощупывать старыя стѣны, балки и столбы, могла сквозь зеленыя окошечки заглядывать въ низкія комнаты и лавки. Всѣ онѣ стояли пустыя.

Въ такихъ помѣщеніяхъ жило когда-то счастье, черезъ такіе пороги входило къ людямъ горе, дѣлавшее изъ веселаго

настоящаго грустное будущее, смѣнявшееся еще новымъ будущимъ. По вывѣскамъ можно было судить о занятіяхъ и ремеслахъ гражданъ. Должно быть старый Берлинъ былъ большимъ вѣтреникомъ, потому что я открыла въ немъ несмѣтное число пивныхъ, трактировъ и гостиницъ. Даже ратуша внутри оказалась питейнымъ заведеніемъ. Солнце весело озаряло вывѣсочные вѣнки и трактирные садики, въ которыхъ не сидѣло ни одного человѣка. Точно призрачное царство среди бѣлаго дня, но царство милое и родное, какъ забытая коробка игрушекъ уцѣлѣвшая отъ дѣтскихъ дней.

Я медленно шла по улицамъ; всѣ онѣ были одинаково безлюдны.

— Ты спишь, Вильгельмина, говорила я сама себѣ; — ты спишь и сейчасъ упадешь и проснешься.

Наконецъ увидала я человѣка; это былъ молодой маляръ стоявшій на лѣстницѣ со своими кистями и красками и мазавшій чѣмъ-то по старой крышѣ.

— Эй, вы! крикнула я; — не можете ли вы мнѣ сказать, куда я зашла?

— Въ Волниговъ переулокъ, отвѣчалъ онъ.

— Никогда не слыхала о немъ! Недавно проведенъ?

— Какое! Самая стародавняя старина! Цѣлый вѣкъ какъ стертъ съ лица земли.

Съ этими словами онъ слѣзъ въ своей длинной парусинной блузѣ и началъ издали любоваться крышей.

— Вѣрно пролило дождемъ? спросила я.

— Пока еще нѣтъ. Какъ вы находите мохъ?

— Какой мохъ?

— А вотъ который я только что писалъ. Неправда ли, какъ похожъ на настоящій? Красивый цвѣтъ, неправда ли?

— Ахъ, такъ? Благодарю васъ. Теперь я снова опомнилась, а то мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось что я попала въ средніе вѣка.

— Этого-то мы и добиваемся; я съ помощью красокъ, а остальное что̀ вы видите, все дерево, холстъ и известь. Если это васъ занимаетъ, то я могу вамъ показать какъ это дѣлается.

Онъ повелъ меня къ полуготовымъ улицамъ, гдѣ картонные дома грозили повалиться при первомъ дождѣ и вѣтрѣ. Но какъ только на нихъ наведутъ краску, такъ можно поклясться что они стоятъ со времени великаго курфюрста. Я выразила свое удивленіе по этому поводу.

— Это нашихъ рукъ дѣло, отвѣчалъ мой проводникъ.— Я нахожу самое мошенническое удовольствіе въ томъ чтобы морочить людей и рисовать все какъ живое. Я и самъ иногда забываюсь.

— Вы настоящій художникъ!

Онъ улыбнулся горькою улыбкой.

— Это *ваше* мнѣніе, сказалъ онъ,—а мои товарищи говорятъ другое.

— Они вѣрно не видали вашего мха?

— Они видѣли гораздо лучшія вещи. Я прилежно работалъ, я вышелъ изъ академіи съ наградой, я писалъ картины...

— А теперь красите домà?

— Чтò же мнѣ остается дѣлать? На картинныхъ выставкахъ для моихъ картинъ нѣтъ мѣста. Туда вѣшаютъ всякую мазню изъ Франціи, Бельгіи, Голандіи и еще не знаю откуда, а нѣмецкому художнику говорятъ: на международныхъ состязаніяхъ твое мѣсто въ углу, а еще лучше совсѣмъ за дверями. И еще еслибы иностранцы присылали дѣйствительно свои лучшія художественныя произведенія, я бы молчалъ: чтò дѣлать? Искусству вездѣ первое мѣсто. Но когда они упаковываютъ къ намъ всякую ненужную дрянь, то поневолѣ спросишь, отчего же это мы-то, Нѣмцы, не смѣемъ показывать публикѣ своихъ произведеній. А кромѣ большихъ выставокъ обращаться къ суду публики негдѣ. Академія содержится государствомъ, и когда человѣкъ, пройдя ее, захочетъ идти впередъ, то находящаяся подъ покровительствомъ того же государства выставка отвѣчаетъ ему сожалѣніемъ что для него нѣтъ свободнаго мѣста, и въ то же время беретъ какой-нибудь окорокъ ветчины написанный сумашедшимъ Норвержцемъ, потому что... потому что это „международно". Поэтому я теперь и пишу черепицы, мохъ и сѣрыя стѣны и вообще перехожу на ремесло, а заискивать милостей собратій по искусству которые ничѣмъ не даровитѣе меня я не могу: я слишкомъ гордъ для этого.

— Что же? сказала я;—каждый самъ лучше знаетъ чтò ему дѣлать; у насъ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ хорошихъ профессіональныхъ мастеровъ. Когда вы кончите здѣсь, пришлите мнѣ свою карточку съ адресомъ, вы получите всю нашу малярную работу.

— Нѣтъ! воскликнулъ онъ,—я подразумѣвалъ не то. Я посвящаю себя всетаки художественной работѣ. Прежде вся-

кій ремесленникъ самъ придумывалъ образцы и узоры. Теперь всѣ они пробавляются уже готовымъ матеріаломъ. Я буду создавать новое и чувствую что могу это дѣлать: вѣдь я сумѣлъ же безъ всякихъ образцовъ работать въ духѣ стараго времени. Точно также сумѣю я изобрѣтать и рисовать въ современномъ духѣ.

Послѣ этого онъ показалъ мнѣ разные нарисованные имъ карнизы, перила, узорчатыя украшенія и т. д.

— Да здравствуетъ Старый Берлинъ! воскликнулъ онъ, увидавъ съ какимъ удовольствіемъ я любовалась его работой,— съ него начинается мой жизненный путь.

— Отъ рыбачьей деревушки до столичнаго дворца! подхватила я.—Будьте только мужественны и вѣрьте въ свои силы.

— Только бы была работа и возможность развивать и прилагать къ дѣлу свои способности! Въ наше время ремесло свободнѣе искусства стѣсненнаго узкими рамками моды. А голодать, потому что нѣсколько первыхъ барановъ стада наткнулись на выжженный лугъ? Покорно благодарю! Нѣтъ, я лучше буду жить и заработывать свой хлѣбъ.

— Очень умно! сказала я.—Пріятно видѣть когда молодежь берется за умъ; старикамъ это обыкновенно уже бываетъ безполезно.

Онъ показалъ мнѣ много любопытныхъ древностей, какъ напримѣръ, залу суда и позорный столбъ съ желѣзнымъ ошейникомъ на площади. Къ этому столбу приковывались преступники, а порядочные граждане издѣвались надъ ними и бросали въ нихъ тухлыми яйцами. Когда дрались и бранились женщины, то палачъ надѣвалъ имъ камень на шею и привязывалъ одну къ другой, а въ руки давалъ по палкѣ съ острымъ гвоздемъ на концѣ. Этими палками они должны были колоть другъ друга, и это было тѣмъ легче что на нихъ были надѣты только однѣ рубашки. Въ особыхъ случаяхъ это сопровождалось роговою музыкой. Слава Богу что подобныя наказанія теперь не въ ходу, хотя есть особы которымъ не мѣшало бы попробовать палки съ гвоздемъ. Еслибы, напримѣръ, Краузиха и Унгерманша жили въ то время, то я не знаю, кто изъ нихъ передолбилъ бы другую. Судя по злости и скорости языка, думаю что Краузиха. Но видѣть эту сцену я всетаки не желала бы; я охотнѣе посмотрѣла бы свадебный поѣздъ на улицѣ. Художникъ сказалъ мнѣ что съ открытіемъ выставки Старый Берлинъ будетъ населенъ средневѣковыми берлинцами въ разнообразныхъ нарядахъ того времени.

Между тѣмъ на улицѣ мало-по-малу стали показываться плотники, каменщики, столяры уходившіе обѣдать. Я поблагодарила своего кровельнаго Рафаэля снова полѣзшаго на крышу и вышла черезъ Шпандаускія ворота и мостъ въ выставочный паркъ.

Этотъ часъ въ Старомъ Берлинѣ былъ настоящею грезой и остался пріятнымъ воспоминаніемъ.

А теперь мы сговорились провести всею семьей вечерокъ въ Старомъ Берлинѣ вмѣстѣ съ судьей Бухгольцемъ пріѣхавшимъ къ намъ гостить послѣ исчезновенія Унгермановъ и Клибишей.

Отъѣздъ Унгермана былъ величайшею необходимостью. Мой Карлъ давно знакомъ съ головными болями, но такой, какая у него сдѣлалась на другое утро послѣ кутежа съ Унгерманомъ, онъ въ жизни не испытывалъ. У него еще и послѣ обѣда глаза не смотрѣли, а апетитъ былъ направленъ исключительно на зельтерскую воду; и при этомъ замѣчалась наклонность къ горизонтальному положенію.

О, Карлъ, и гадко же тебѣ было!

Клибишъ тоже былъ хорошъ, но безпокойство о женѣ всетаки подняло его съ постели довольно рано.

— Все еще нѣтъ извѣстій отъ жены? грустно спрашивалъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала я, — и слава Богу что она уѣхала! Взгляните вы на себя въ зеркало, г. Клибишъ, и скажите по совѣсти, можетъ ли такое лицо нравиться женщинѣ! И гдѣ только вы пропадали?

— На выставкѣ, слабо проговорилъ онъ;—у Дресселя... въ Старомъ Берлинѣ.

— И больше нигдѣ?

Онъ только болѣзненно вздохнулъ. Я налила ему кофе; его онъ выпилъ, а на хлѣбъ не взглянулъ. Послѣ этого онъ снова сталъ спрашивать и плакать о женѣ.

— Я думаю что теперь ваша дочь пришла въ себя настолько что можетъ отвѣчать, сказала я.—Вчера вечеромъ она ничего не понимала отъ усталости. Быть не можетъ чтобы мать уѣхала не простясь съ дочерью.

— Развѣ у такой матери есть сердце? съ горечью воскликнулъ онъ. — О, Берлинъ ужасное мѣсто: въ немъ на каждомъ шагу искушенія.

— Это вамъ лучше знать, хладнокровно замѣтила я.— Привести моего мужа въ такое состояніе! Стыдитесь!

— Ого! Да Бухгольцъ былъ веселѣе и удалѣе насъ всѣхъ; его нельзя было уговорить идти домой. Когда мущинѣ представляется случай насладиться давно утраченною свободой...

— Чтò? Вы хотите унизить моего мужа, посѣять раздоръ, разрушить супружеское счастіе? И вы надѣетесь загладить это какимъ-нибудь мѣшкомъ картофеля? Не на такую напали!

Этотъ окрикъ подѣйствовалъ. Еслибы онъ подозрѣвалъ что можетъ быть въ тягость, сказалъ онъ, то онъ не пріѣзжалъ бы вовсе, а теперь думаетъ что ему лучше какъ можно скорѣе уѣхать.

Я отвѣтила что *одна* не берусь ни совѣтовать, ни отговаривать, потому что въ нашемъ домѣ все рѣшаетъ мой мужъ, но что онъ въ данную минуту слишкомъ нездоровъ чтобы я стала безпокоить его вопросами.

— Хорошо, отвѣчалъ Клибишъ,—такъ я сегодня же уѣду со своимъ ребенкомъ.

Я молчала.

Онъ пошелъ, разбудилъ Анну и велѣлъ ей собираться въ дорогу.

Тутъ пошли такіе безтолковые сборы и такая варварская укладка что я не могла оставаться равнодушною зрительницей и принялась помогать. Дѣвочка еще наполовину спала.

— Анна, начала я разспросы,—мама тебѣ ничего не говорила, когда уѣзжала?

— Ничего.

— И Оттилія ничего?

— Ничего.

— Подумай хорошенько.

— Да, она дала мнѣ письмо.

— Куда же ты положила его? на столъ?

— Не помню.

— Подъ подушку?

— Кажется.

Стали искать, но никакого письма не нашли.

— Да неужели же мама ничего не поручала тебѣ передавать мнѣ?

— Мама сказала что Оттилія напишетъ все чтò нужно, а что я все равно забуду.

— Она хорошо знаетъ тебя.

Больше отъ нея ничего нельзя было добиться.

Въ одиннадцать часовъ простился Унгерманъ очень вѣжливо и сдержанно, выразивъ при этомъ желаніе чтобы между обоими домами оставались прежнія отношенія.

— Ваше расположеніе будетъ всегда цѣнно моему мужу, сказала я,—и я надѣюсь что вы остались довольны тѣмъ что̀ мы могли предложить вамъ. Венгерскія графини, къ сожалѣнію, не бываютъ у насъ, но зато часы и цѣпочки остаются въ цѣлости.

Онъ попробовалъ улыбнуться, но, видимо, былъ смущенъ.

— Я покидаю Берлинъ съ тѣмъ запасомъ изслѣдованій который я предполагалъ собрать, отвѣчалъ онъ.—Мои труды будутъ оцѣнены на своемъ мѣстѣ, а на недоразумѣнія я разсчитывалъ заранѣе и, какъ вижу, не ошибся.

Теперь въ свою очередь улыбнулась я. Этакій тихоня?

Въ двѣнадцать часовъ отплыли Клибишъ съ дочерью. Я считала своею обязанностью въ цѣлости и исправности доставить дѣвочку на желѣзную дорогу и потому доѣхала съ ними на Александровскую площадь. Клибишъ пошелъ сдавать багажъ, а я взяла Анну за руку чтобы не потерять ея въ послѣднюю минуту. Она плакала. Такой быстрый отъѣздъ ошеломилъ ее. Наконецъ они сѣли въ вагонъ.

— Анна, спросила я въ послѣдній разъ,—не припомнишь ли ты куда ты положила письмо?

— Кажется въ карманъ.

— Такъ давай же его.

Она опустила руку въ карманъ и долго шарила въ немъ, но ничего не нашла.

— Оно въ другомъ платьѣ, сказала она.

— Въ какомъ?

— Въ томъ которое мы уложили на дно сундука.

Машина засвистала и поѣздъ тронулся со всѣми сундуками, платьями и письмами. Г. Клибишъ имѣлъ самый несчастный видъ. Былъ ли тому виною спѣшный отъѣздъ, или вчерашнія алкогольныя причины, или просто безпокойство насчетъ будущности своей старшей дочери, не берусь рѣшать. Что̀, въ самомъ дѣлѣ, будетъ съ этой дѣвочкой? Въ самомъ лучшемъ случаѣ она выйдетъ замужъ за какого-нибудь скотовода помѣщика, одареннаго такъ же богато какъ и она, и потомъ они будутъ удивляться что сельское хозяйство падаетъ.

Все это я могла съ увѣренностію предсказать впередъ, а между тѣмъ ничего не понимала въ самомъ недавнемъ прошломъ. Кто же мнѣ скажетъ что̀ такое произошло и чего мнѣ ждать? Среди всей этой неурядицы явился судья Бухгольцъ.

Но онъ оказался такимъ милымъ человѣкомъ что я сейчасъ же почувствовала въ немъ помощь и опору себѣ.

— У брата пивная инфлюэнца, проницательно угадалъ онъ, взглянувъ на Карла,—и если я вамъ некстати, многоуважаемая кузина, то скажите это безъ стѣсненія; я сейчасъ же отправлюсь къ фрау Пучъ, или какъ тамъ ее зовутъ.

— Нѣтъ, у Бучихи все полно и вы очутитесь въ самой неподходящей компаніи. Оставайтесь у насъ!

Мы съ первыхъ минутъ сошлись съ нимъ какъ родные, и онъ сейчасъ же доказалъ свою принадлежность къ семьѣ, угостивъ Карла „бенгальской устрицей". Такъ онъ назвалъ смѣсь изъ яичнаго желтка, чайной ложки соли, столько же горчицы и перца и рюмки коньяка. Онъ говоритъ что всегда даетъ ее своимъ молодымъ чиновникамъ когда они дурно чувствуютъ себя по понедѣльникамъ. Моему Карлу она тоже принесла пользу: онъ еще не успѣлъ заѣсть ея вкусъ какъ уже началъ клясться что никогда въ жизни больше никуда не пойдетъ съ Унгерманомъ.

А между тѣмъ, пока мой мужъ понемногу приходилъ въ себя, а милый судья Бухгольцъ разбирался и устраивался у себя въ комнатѣ, подъѣхала фрау Клибишъ. Боже мой! что̀ за шумъ подняла она не найдя ни мужа, ни дочери! Никакія объясненія не помогали, и во всемъ осталась виновата я одна. Къ счастію, въ лицѣ кузена у насъ въ домѣ находился живой судъ, благодаря чему самыя главныя обиды думались про себя, а не говорились вслухъ. Юстиція требуетъ осторожности.

Изъ-за Оттиліи судьѣ пришлось устроить настоящее разбирательство съ обвиненіемъ, оправданіемъ и свидѣтельскими показаніями Доретты.

Когда я потребовала чтобы мой мужъ доказалъ свое ночное alibi (съ цѣлію вывѣдать этимъ способомъ гдѣ они вчера праздновали втроемъ), то предсѣдатель замѣтилъ: „Свидѣтель не обязанъ разказывать о себѣ вещи могущія повредить ему въ чьемъ-нибудь мнѣніи". И я видѣла что Карлъ вздохнулъ съ радостнымъ облегченіемъ. Что̀ они могли дѣлать? Мнѣ показалось что судья кусалъ себѣ губы отъ смѣха.

Между тѣмъ фрау Клибишъ понемногу остывала и отвѣчала все меньше и меньше вздора. Она стала ссылаться на письмо Оттиліи которое та осталась писать, пока они съ господиномъ Браунсомъ ходили покупать обручальныя кольца и брошку, чтобы Оттилія могла показаться родителямъ г. Браунса не совсѣмъ нищей принцесой, а потомъ сказала что, блюдя честь нашего дома, она поѣхала проводить Оттилію къ роди-

телямъ ея жениха, за что ее здѣсь отблагодарили тѣмъ что выгнали ея мужа и дочь на улицу и т. д. и т. д.

Итакъ Рудольфъ увезъ свою невѣсту.

— Молодецъ! сказалъ мой Карлъ.—Онъ не станетъ долго думать, я поступилъ бы точно также.

— Карлъ, твоими устами говоритъ бенгальская устрица. Молчи и раскаявайся въ своемъ вчерашнемъ поведеніи.

Судья помирилъ насъ всѣхъ, и я была рада что наконецъ узнала какъ все произошло. Моя отвѣтственность кончилась; молодые люди сами взяли въ руки свою судьбу. Въ концѣ концовъ я дѣйствительно поблагодарила фрау Клибишъ за то что она сопровождала Рудольфа и Оттилію въ качествѣ почетнаго караула. По ея словамъ, родители жениха ласково приняли будущую невѣстку. Слава Богу! Наконецъ-то послѣ столькихъ мрачныхъ дней я увидала лучъ свѣта!

А теперь мы остались трилистникомъ, какъ говоритъ судья, и превеселымъ трилистникомъ. Ходить съ нимъ по выставкѣ одно удовольствіе. Во-первыхъ, онъ человѣкъ понимающій, а во-вторыхъ, жажда у него является всегда во время, а не такъ какъ у Клибиша который не могъ пройти равнодушно мимо ставки съ пивомъ.

Семейный вечеръ въ Старомъ Берлинѣ былъ мыслію того же судьи. Кромѣ насъ троихъ въ немъ принимали участіе Бетти съ мужемъ и санитарный совѣтникъ съ женою.

Теперь Старый Берлинъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ нежели въ то молчаливое послѣобѣда. На улицахъ кишѣла настоящая ярмарка; вездѣ стояли столы и лотки съ грошевыми игрушками, мелочами и лакомствами; это, по правдѣ сказать, мало напоминало средніе вѣка, несмотря на маскарадные наряды продавщицъ и ландскнехтовъ. А въ домахъ трактиръ на трактирѣ, съ музыкой и безъ музыки, и даже на площадяхъ оркестры средневѣковыхъ трубачей. Вездѣ царило самое шумное и несдержанное веселіе.

Мы полюбопытствовали заглянуть въ прославившуюся своею грубостью Крестьянскую харчевню, но она была такъ набита народомъ что войти въ нее было невозможно.

— Эй, вы! Убирайтесь прочь! крикнулъ намъ хозяинъ. — Развѣ вы не видите что здѣсь сидятъ порядочные люди?

— Нѣтъ, оставайтесь! кричали намъ гости.

— Давайте сюда тещу! воскликнулъ хозяинъ;—ея еще не хватаетъ въ моемъ собраніи рѣдкостей!

Тогда вся публика принялась ворчать:

— Не надо! Намъ не надо тёщъ!

Мы вполнѣ удовлетворились этимъ опытомъ и повернули прочь, да и было пора, потому что вслѣдъ за нами былъ буквально вышвырнутъ на улицу какой-то господинъ который, вѣроятно, слишкомъ долго засидѣлся, по мнѣнію гостей. Громкій хохотъ сопровождалъ его изгнаніе. Неужели такія вещи были въ обычаѣ во времена великаго курфюрста? Надѣюсь что этотъ тонъ не распространится въ нашемъ новомъ Берлинѣ; это будетъ плохимъ выставочнымъ наслѣдствомъ.

Но вотъ показался самый интересный сюрпризъ Стараго Берлина: историческій поѣздъ. Онъ состоялъ изъ мущинъ и женщинъ въ пестрыхъ праздничныхъ одеждахъ, съ поддѣльными бородами и париками и всѣми принадлежностями которыя надѣваютъ на сценѣ герои, пажи и красавицы феодальныхъ развалинъ. Точно разбѣжавшаяся и заплутавшаяся толпа актеровъ! При вечернемъ освѣщеніи и сквозь бинокли оно можетъ быть и не дурно, но днемъ и на близкомъ разстояніи совсѣмъ нелѣпо.

— Либо давайте мнѣ настоящее, либо совсѣмъ не надо, замѣтилъ судья,—а то это выходитъ одинъ смѣхъ. Войдемъ лучше сюда: здѣсь, кажется, можно повеселиться и послушать пѣніе.

— Я боюсь что здѣсь будетъ слишкомъ накурено для дамъ, упирался мой Карлъ.

Это обратило мое вниманіе, и мы вошли; я впереди всѣхъ. Передъ нами была большая зала, а на концѣ ея эстрада. На эстрадѣ золоченые стулья, а на нихъ около дюжины пѣвицъ. Всѣ онѣ были въ коротенькихъ юбочкахъ, если можно вообще назвать юбкою то что̀ на нихъ было надѣто.

Да это какой-то café-chantant, сказалъ санитарный совѣтникъ;—уйдемъ лучше отсюда!

— Нѣтъ, рѣшила я,—мнѣ давно хотѣлось видѣть café-chantant. Останемся.

Пѣвицы начали пѣть одна за другою; конечно, все о любви съ разными поясненіями и добавленіями. Го̀лоса ни одного, но мимики безъ конца. Онѣ держались такъ невозможно что меня даже въ жаръ бросило, но господа сидѣвшіе въ первыхъ рядахъ шумно рукоплескали, а пѣвицы строили имъ глазки. Теперь я поняла, какого рода знакомства могъ заводить Унгерманъ въ Старомъ Берлинѣ. Должно быть онъ и моего Карла затащилъ сюда же, иначе почему бы ему было такъ жаться и прятаться?

Наши господа были смущены тѣмъ что мы теперь узнали, что̀ такое café-chantant. Одинъ судья былъ непринужденно-веселъ и ничего не боялся, потому что онъ не женатъ.

— Какъ тебѣ это нравится? спросила я Бетти. Она ничего не отвѣчала, а только поблѣднѣла и сидѣла прямая какъ стрѣлка, какъ бывало въ дни своего дѣвичества, когда она переживала душевныя страданія. Она глазъ не сводила съ мужа и какъ будто старалась прочесть на его лицѣ, о чемъ онъ думаетъ. Вѣдь онъ тоже когда-то былъ охотникомъ до подобнаго рода развлеченій, какъ тѣ молодые люди которые угощали пѣвицъ шампанскимъ. Можетъ быть она невольно вспоминала старыя времена?

— Пойдемъ! сказала я.

Она встала и взяла меня за руку. Не глядя ни направо, ни налѣво, она вывела меня на улицу и пошла, не останавливаясь, впередъ, пока мы не очутились въ паркѣ за воротами Стараго Берлина.

— Что̀ съ тобой, Бетти?

Она тяжело вздохнула.

— Это былъ нехорошій сонъ, съ трудомъ проговорила она.—Я больше никогда не буду вспоминать его и никогда не пойду въ Старый Берлинъ.

— Дитя мое, Старый Берлинъ такъ хорошъ!

— Да, но люди, люди въ немъ! Мама, гдѣ Феликсъ?

Онъ подошелъ къ намъ вмѣстѣ съ остальными.

Бетти была не совсѣмъ не права. Какъ часто отсутствіе вкуса и чутья портитъ работу художниковъ! Но здѣсь, конечно, все дѣло сводится къ наживѣ денегъ.

ГЛАВА XXII.

Наша Африка.

Что̀ за милый человѣкъ этотъ судья! Жаль что у меня нѣтъ жены для него. Положимъ что мой мужъ взялъ съ меня клятву никогда больше не устраивать людскаго счастія, но за судью мнѣ право слишкомъ обидно: за что̀ такой человѣкъ пропадаетъ даромъ? И я думаю что осторожные намеки на пріятность семейнаго счастія не составляютъ нарушенія клятвы.

Нѣтъ, я надѣюсь что онъ еще обратится на путь истинный, хотя бы изъ-за однихъ газовыхъ кухонь съ которыми

начинать хозяйство должно быть одно удовольствіе. Объ электрической кухнѣ я ужь не говорю: вы ставите сковороду на любой столъ, поворачиваете винтъ, и яичница готова. Удивительно, до чего дошла цивилизація! Если сравнить съ нами дикарей, то, право, трудно повѣрить что живешь въ одно столѣтіе съ ними.

Всего за тридцать пфениговъ входной платы мы переносимся въ наши колоніи живописно расположенныя на берегу пруда среди зеленыхъ кустовъ и получаемъ возможность составить себѣ представленіе о нашихъ африканскихъ владѣніяхъ.

Многіе стоятъ за расширеніе колоній, многіе противъ него. Мой Карлъ до сихъ поръ держался того мнѣнія, что онѣ намъ только стóятъ, а ничего не даютъ. Дядя Фрицъ утверждаетъ что онѣ намъ необходимы, потому что Германіи въ скоромъ времени грозитъ избытокъ населенія.

— Фрицъ, сказала я,—тогда можно будетъ заселить Темпельгофское поле.

— А гдѣ же будутъ происходить парады? возразилъ онъ.

Объ этомъ я не подумала. Колоніальная политика имѣетъ свои трудности.

Хижины дикарей не разчитаны на берлинскій климатъ и выстроены по африканскому обычаю всѣ о трехъ стѣнахъ. Воображаю, какъ рады будутъ чернокожіе погрѣться на родномъ солнышкѣ, когда вернутся домой по исполненіи своей культурной миссіи въ Трептовѣ.

Я совершенно не въ состояніи различить и запомнить всѣ племена и путаю Суагелей съ Массаями и Дуаловъ съ Папуасами, особенно когда всѣ они вымажутся красною краской и станутъ похожи на раскаленныя желѣзныя печи. А кромѣ того, съ тѣхъ поръ какъ я узнала что Папуасы охотники до человѣчьяго мяса, я не люблю подходить близко къ нимъ. Такая сильная любовь къ ближнему не въ моемъ вкусѣ.

Мы подошли къ крѣпости Кви-Куру-Ква-Сики. Это сооруженіе коварно снаружи и еще кованѣе внутри. Наружный валъ обнесенъ частоколомъ на которомъ насажены черепа съ оскаленными зубами. „Идите, идите сюда,“ какъ будто говорятъ они съ коварной улыбкой, „здѣсь и вамъ устроятъ такую прическу“. Когда войдешь въ узкія ворота и увидишь гробницы и переходы какъ въ лабиринтѣ, то чувствуешь только одно: здѣсь рѣжутъ людей. Убѣжать невозможно. Человѣкъ все глубже проникаетъ въ мышеловку и не находитъ выхода.

И вотъ въ него начинаютъ стрѣлять то здѣсь, то тамъ изъ маленькихъ дырочекъ въ стѣнахъ. А иногда, если враговъ много, жители заманиваютъ ихъ въ самое тѣсное мѣсто и потомъ избиваютъ копьями и стрѣлами. Просто страшно слушать!

Хотя эта крѣпость только подражаніе настоящей, но мнѣ стало понятно, почему такія укрѣпленія были непреодолимы для туземцевъ и даже не сразу пали подъ натискомъ нашихъ войскъ. Но всетаки мы овладѣли ими съ помощью крупповскихъ пушекъ. Въ послѣднюю минуту послышался оглушительный ударъ. Вождь племени, Зики, непріятный человѣкъ, оказывавшій сопротивленіе нашимъ гуманнымъ, культурнымъ стремленіямъ и между прочимъ постоянно пившій водку, усѣлся со всей своей семьей и сокровищами на бочку съ порохомъ и взорвалъ себя на воздухъ. Крѣпость была облита керосиномъ и горѣла три дня. Побѣда осталась за нами, и дикари слоновою костью уплатили военныя издержки. Изъ слоновыхъ клыковъ напилили клавишъ, и рояли снова возвращаются въ Африку для распространенія культуры которая достигнетъ высшей точки только тогда, когда дочери дикарей научатся барабанить на фортепіано не хуже нашихъ.

Но до этого еще долго, потому что они не имѣютъ и тѣни понятія объ усиленной работѣ. Ихъ главное занятіе состоитъ въ шатаніи изъ угла въ уголъ. Вѣдь и въ книгахъ пишутъ что многія племена проводятъ жизнь въ пляскахъ и праздникахъ, не зная никакихъ заботъ. Что касается заботъ, то ихъ у женщинъ дѣйствительно немного. Когда имъ надо что-нибудь сварить, то онѣ складываютъ плиту изъ нѣсколькихъ камней, и кухня готова; а для чистки кухонной посуды берется прямо горсть земли изъ-подъ ногъ. Если это не беззаботность, то я не знаю что̀ это такое. А ужъ объ одеждѣ ихъ и говорить нечего. Дѣти бѣгаютъ просто въ своемъ природномъ видѣ, но впрочемъ они очень милы. Должно быть этому причиной ихъ глаза; дѣтскіе глаза одни и тѣ же на всемъ свѣтѣ.

На порогѣ одной изъ хижинъ сидѣла молодая мать и играла въ ладушки со своими малютками. Дѣти визжали отъ радости, а мать сіяла счастіемъ. Ея глаза сверкали, губы улыбались, и бѣлые зубы завидно блестѣли. Должно быть и любовь на всемъ земномъ шарѣ одна и та же.

Мы, образованные европейцы, стояли у изгороди и смотрѣли на нихъ. Многіе изъ зрителей говорили пошлости ко-

торыхъ женщина, слава Богу, не понимала, но мнѣ показалось что при звукахъ оскорбительнаго смѣха ея черныя щеки вспыхнули румянцемъ. Она встала и пристально посмотрѣла на бѣлыхъ. Я желала бы знать что̀ она думала. Потомъ она взяла дѣтей за руки и ушла въ хижину. Удалились и мы.

— Какъ они понравились тебѣ, Эрика? спросилъ дядя Фрицъ.

Его жена помолчала и потомъ проговорила:

— Какъ мнѣ жаль эту женщину!

Большой интересъ возбудили въ насъ также хижина колдуна и изображенія идоловъ, именно потому что никто не знаетъ о нихъ ничего достовѣрнаго. Таинственное всегда привлекаетъ. Даже судья не могъ дать намъ никакихъ объясненій. За то онъ растолковалъ намъ порядокъ общихъ собраній у Папуасовъ. Къ дому собранія не смѣетъ подойти ни одна женщина, а главное ни одна не смѣетъ видѣть находящійся въ немъ большой барабанъ. И онѣ такъ боятся этого барабана что падаютъ ницъ, какъ только заслышатъ его звукъ. Онѣ увѣрены что будутъ наказаны смертью при первомъ же взглядѣ на него. Очевидно что это суевѣріе выдумано мущинами для того чтобы жены не мѣшали имъ предаваться пирамъ и попойкамъ и не приходили растаскивать ихъ по домамъ.

— Точно у насъ на мужскихъ вечерахъ, замѣтила я;— но у насъ воздаяніе уже близко. Какого вы мнѣнія объ эмансипаціи женщинъ, кузенъ?

— Я стою за свободу женщинъ, вѣжливо отвѣчалъ онъ.

— Видишь? сказалъ дядя Фрицъ. — Оттого онъ и не женится.

Я сдѣлала видъ что не слыхала этой непристойности для того чтобы не задерживать другихъ. Намъ предстоялъ еще осмотръ колоніальной выставки изображавшей собою Занзибаръ. Она оказалась очень обширною.

— Мы должны крѣпко держать то что̀ имѣемъ, сказалъ судья,—и я очень радъ что могу своими глазами убѣдиться въ важности нашихъ колоніальныхъ владѣній. Еслибы Берлинская выставка состояла только изъ одного этого отдѣла, то и за это ей надо было бы сказать спасибо. Но къ несчастію подробное изученіе требуетъ чуть не мѣсяцевъ.

Въ этомъ онъ правъ. Одинъ „тропическій домъ“ даетъ такую картину производства, торговли, занятій и образа жизни европейца въ нашихъ тропическихъ владѣніяхъ что его не скоро забудешь. Этотъ домъ стоитъ на желѣзныхъ столбахъ,

и представьте себѣ что эти столбы внизу окружены кадками наполненными жидкимъ масломъ! Иначе въ домъ наползутъ муравьи, и изгрызутъ, и источатъ въ немъ все. Подъ домомъ предоставленъ свободный доступъ вѣтру который до извѣстной степени уноситъ лихорадочныя испаренія поднимающіяся отъ почвы.

Въ домѣ много мебели изъ дорогихъ сортовъ дерева, но вся она сдѣлана не на клею, а на мѣдныхъ винтахъ по причинѣ сырости; ключи и замки тоже мѣдные, потому что желѣзо портится отъ ржавчины. Вообще все сообразуется съ требованіями климата, но выдѣлывается въ Берлинѣ. Намъ очень понравилось общее убранство дома, въ особенности столовая съ накрытымъ столомъ, на которомъ стояли чудесно сдѣланные изъ воска туземные плоды. Надъ столомъ была протянута „пунка", то-есть, огромный вѣеръ навѣвающій гостямъ прохладу. По стѣнамъ висѣли картины съ изображеніемъ видовъ, охотъ, стычекъ съ туземцами и тому подобныхъ вещей. Намъ показали также спальню губернатора. Самого его конечно не было въ ней, но его кровать съ сѣткой отъ москитовъ стояла въ комнатѣ. По поводу сѣтки я замѣтила что кого не колетъ совѣсть, тотъ заснетъ и безъ газовой занавѣски.

— А ты, должно быть, плохо спишь послѣднее время, шепнулъ мнѣ дядя Фрицъ.

— Кажется я тебѣ ни на что не жаловалась, отвѣчала я съ достоинствомъ.

— Я и безъ словъ вижу что ты не такая какъ всегда. Что же, Криберъ наконецъ устраненъ?

— Онъ будетъ устраненъ только тогда, когда Папуасы изжарятъ его на вертелѣ. Онъ не отстаетъ и утверждаетъ что мы выдумали ему исторію съ тети-Лининымъ наслѣдствомъ. Мало того онъ грозитъ судомъ за тѣ напрасныя траты которыя долженъ былъ сдѣлать чтобы въ приличномъ видѣ сопровождать тетю Лину съ Оттиліей.

— Пусть судится.

— Фрицъ, я согласна на все... только не на судъ! Видишь ли, судьи могутъ быть очаровательны какъ, напримѣръ, кузенъ Бухгольцъ, но какъ только они надѣнутъ мундиръ, такъ становятся ненадежными. Посмотри что Криберъ окажется правымъ. Онъ подастъ въ окружный судъ, и тотъ присудитъ ему Оттилію, а мнѣ уплату издержекъ. Чѣмъ это кончится, я и придумать не могу. У меня голова кругомъ идетъ.

— Я это замѣчаю. Отчего ты не разкажешь этой исторіи кузену?

— Фрицъ, онъ въ отпуску и хочетъ забавляться и отдыхать.

— Кто тебѣ сказалъ что онъ не позабавится этимъ?

Меня вдругъ какъ свѣтомъ озарило. Само Провидѣніе хочетъ этого, иначе къ чему бы Оно послало намъ въ родство судью? Да къ тому же каникулы безо всякой дѣятельности даже нездоровы.

Я повеселѣла, какъ путникъ увидавшій гостиницу среди пустыни, и мы съ Фрицемъ поспѣшили нагнать остальныхъ которые тѣмъ временемъ осматривали устройство больницы въ тропическомъ домѣ.

Несмотря на плоды, лихорадочныя испаренія и кадки съ съ масломъ отъ муравьевъ, болѣзни въ тропикахъ не рѣдкость, и тогда начинаетъ дѣйствовать „Союзъ нѣмецкихъ женщинъ для ухода за больными въ колоніяхъ“. О томъ какъ идетъ это дѣло и насколько полезны женщины въ колоніяхъ, можно судить изъ ежемѣсячнаго журнала союза „Подъ Краснымъ Крестомъ“, который я себѣ сейчасъ же выписала. О, какъ много пользы можемъ мы принести тамъ и нашимъ соплеменникамъ и чернокожимъ! Доброта привязываетъ крѣпче чѣмъ сила.

На одномъ изъ столовъ Эрика открыла рождественскую елку со свѣчами, которой мы сначала не замѣтили, принявъ ее за декоративную зелень. Это была искусственная елка изъ проволоки съ иглами изъ зеленой матеріи, но издали она совсѣмъ имѣла видъ настоящей. Другая такая же елка стояла плотно укупоренная въ жестяной футляръ, и размѣрами, и формой напоминала сложенный дождевой зонтикъ. Такія елки отправляются въ Африку и зажигаются наканунѣ Рождества вездѣ, гдѣ живутъ Нѣмцы которые тоскуютъ безъ родной елки и не имѣютъ возможности достать ее, потому что она не растетъ подъ тропиками. Вмѣстѣ съ деревомъ укладывается пузырекъ сосновой эссенціи которой и взбрызгиваются вѣтки. Зажигаются свѣчи, вѣшаются золотые плоды, а наверху сіяетъ ангелъ со звѣздой, и наступаетъ сочельникъ, нѣмецкій сочельникъ! Иностранцы и туземцы видятъ елку и спрашиваютъ что это такое? „Нѣмецкій обычай“, отвѣчаютъ имъ, „идите и вы къ намъ и празднуйте съ нами праздникъ любви“.

Еслибы съ нами не было Эрики, то мы прошли бы мимо елки, но она увидала ее и разспросила обо всемъ. Дядя

Фрицъ записалъ себѣ адресъ фирмы и хочетъ разослать такія елки нѣкоторымъ изъ своихъ заграничныхъ друзей. Онъ знаетъ что̀ дѣлаетъ.

Послѣ этого мы смотрѣли на праздникъ дикихъ подъ открытымъ небомъ. Мущины, женщины и дѣти плясали, пѣли и играли. Ихъ музыка, какъ и всякая восточная музыка, напоминаетъ мнѣ звукъ выколачиванія ковровъ въ соединеніи съ упражненіями неумѣлаго ученика на кларнетѣ.

— Ну, милый зять, спросилъ дядя Фрицъ, — какъ тебѣ нравятся наши колоніальные братья и сестры?

— Вовсе не понравились, отвѣчалъ мой Карлъ. — Какой прокъ намъ отъ нихъ?

— А посмотри-ка повнимательнѣе! Мнѣ кажется что чулки которые болтаются у нихъ на икрахъ сдѣланы на твоей фабрикѣ.

Карлъ сталъ вглядываться.

— Да, это изъ моихъ полушерстяныхъ. Этотъ сортъ съ синей и красной каймой не понравился берлинской публикѣ. Это былъ неудачный опытъ.

— Вотъ тебѣ и польза колоній! Я тебѣ сто разъ говорилъ: дикари на тысячу верстъ отстали отъ вкуса Лейпцигской улицы.

— Да, пожалуй, что и колоніи въ концѣ-концовъ могутъ пригодиться, согласился мой мужъ.

— Карлъ, сказала я указывая пальцемъ на одного неряху-Негра, — если всѣ они обходятся съ шерстянымъ товаромъ такъ, какъ этотъ черный оборванецъ, то у насъ будетъ огромный сбытъ: онъ протопталъ по крайней мѣрѣ четырнадцать пятокъ.

Послѣ этого случая Карлъ сталъ благосклоннѣе относиться къ Африкѣ.

Изъ Занзибара мы перешли въ Каиръ. Когда мы съ Карломъ зашли туда въ первый разъ, то испытали настоящее счастіе свиданія съ любимой землей и все время повторяли: да неужели мы не въ самомъ дѣлѣ въ странѣ фараоновъ, гдѣ мы провели такія незабвенныя недѣли? Такъ вѣрно переданъ Каиръ на Кепеникскомъ шосе со всѣми своими Арабами, Бедуинами, Феллахами, ослами и погонщиками. Мы радовались всѣмъ какъ старымъ знакомымъ. За послѣдніе годы моимъ единственнымъ желаніемъ было еще разъ попасть въ Каиръ, но я отказалась отъ этой несбыточной мечты. А теперь она почти сбылась.

Мы встрѣчались съ людьми которымъ наше восхищеніе казалось смѣшнымъ. Они представляли себѣ Каиръ совсѣмъ другимъ и ожидали отъ него мишурнаго блеска, какъ отъ параднаго балета въ оперномъ театрѣ. Они не знаютъ что востокъ мало-по-малу гибнетъ, крошится и распадается, и не подозрѣваютъ что для позолоты его нужно знойное солнце тропическихъ странъ. Я говорила всѣмъ: Прочтите „Бухгольцы на Востокѣ"; тамъ все написано.

Съ какой стати мнѣ тратить слова на искорененіе ошибочныхъ предвзятыхъ мнѣній?

И когда арабскій мальчишка, коверкая наскоро заученыя нѣмецкія фразы, предлагалъ имъ почистить сапоги, то они смѣялись и говорили: „Полевая улица", какъ будто бы всѣ арабчата состояли изъ перекрашенныхъ берлинскихъ ребятъ.

Теперь все до такой степени поддѣлывается что люди скоро перестанутъ вѣрить и въ настоящія вещи. Это все сердитъ, и при томъ же они въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много и безобразно мошенничаютъ, то-есть, не египтяне, а дѣйствительные жители Полевой улицы съ чалмами и тюрбанами на головахъ и съ ухватками паяцовъ.

Судья умѣлъ отличать настоящее отъ поддѣльнаго, а Эрика была въ какомъ-то сказочномъ царствѣ и принимала все за чистую правду. Мнѣ доставляло наслажденіе ходить съ ними обоими по улицамъ и базарамъ. Я показала имъ на рѣшетчатыя окна гаремовъ. „Бѣдныя женщины!" сказала Эрика.

А арена съ бедуинами носящимися на своихъ скакунахъ и стрѣляющими во время скачки изъ длинныхъ ружей! Даже дядя Фрицъ сказалъ что нашимъ наѣздникамъ не мѣшало бы поучиться у нихъ. А свадебный поѣздъ съ верблюдами, носилками и пестрой египетской толпой! Кто видѣлъ это, тотъ можетъ сказать что видѣлъ уголокъ настоящаго Востока.

И между тѣмъ все это, весь городъ есть не что̀ иное какъ сонъ среди бѣлаго дня. Тамъ гдѣ теперь стоятъ мечети и извиваются кривыя улицы Каира, весною будутъ зеленѣть поля, а на мѣстѣ завывающаго муэдзина запоетъ жаворонокъ. Исчезнутъ и улетятъ храмы и пирамиды, и вѣтеръ, не встрѣтивъ на пути своемъ пальмъ, свободно какъ прежде понесется по германскимъ равнинамъ.

Въ то время египтяне будутъ сидѣть у себя дома и разказывать своимъ о „Берлинъ-Кебирѣ", о большомъ и могучемъ Берлинѣ, а мы будемъ вспоминать о сказочномъ Нильскомъ городѣ, пріѣзжавшемъ въ гости къ намъ на берега Шпре.

Пирамиды были чудомъ *древняго* міра, а чудо *новаго* міра состоитъ въ томъ что онѣ укладываются въ дорогу и ѣздятъ по бѣлу свѣту. Любопытно что̀ придумаютъ наши потомки для того чтобы превзойти предковъ?

ГЛАВА XXIII.

Счастливые люди.

Еще нѣсколько дней, и моя гостиница опустѣетъ. Послѣднему гостю, судьѣ, пора возвращаться на службу. Ужасно подумать что такой любезный и высокообразованный человѣкъ живетъ преступленіями. Но съ другой стороны еслибы на землѣ совершались только благородные поступки, то все министерство юстиціи осталось бы безъ хлѣба, и семьямъ обремененнымъ дочерьми пришлось бы еще труднѣе чѣмъ теперь.

Мы съ грустью отпускаемъ кузена и надѣемся съ этихъ поръ видѣться чаще, по крайней мѣрѣ по разу въ годъ и на болѣе продолжительное время. Разумѣется часы идутъ всегда ровно, но въ старости время летитъ скорѣе: недѣли кажутся днями, а дни короткими часами. Давно ли мы радовались на первую зелень, а вотъ листья уже начали мѣстами желтѣть. А лѣто въ общемъ нельзя было назвать жаркимъ. Жарко было одной мнѣ, но, слава Богу, и это прошло. Оттилія писала мнѣ покаянныя письма. Конечно съ ея стороны было нехорошо убѣжать изъ дома какъ разъ въ то время, когда я изъ-за ея же дѣлъ подвергалась опасностямъ путешествія, но зато, прося прощенія въ письмахъ, она поневолѣ должна была задуматься надъ собою и, кажется, пришла къ сознанію своего несовершенства; этотъ барышъ я считаю ея лучшимъ приданымъ. Ея женихъ также пространно сознавался въ своемъ преступленіи и просилъ меня не оставлять его своею благосклонностью. Можно ли послѣ этого сердиться на него?

Влюбленные невмѣняемы, а Рудольфъ болѣе чѣмъ влюбленъ въ Оттилію, несмотря на ея бѣдность и на недостатки ея характера. Вотъ что̀ значитъ красота.

Силу ея испыталъ на себѣ и Крибергъ, хотя не такъ, какъ Рудольфъ: у него къ его чувству примѣшивалась также мысль о деньгахъ.

Я спросила какъ-то разъ судью:

— Когда одно лицо хранитъ письменныя доказательства

отъ другаго лица и когда это лицо, видя что то̀ лицо предпочитаетъ тому лицу которое владѣетъ ими другое лицо, съ которымъ оно познакомилось позже, хочетъ посредствомъ этихъ документовъ помѣшать тому лицу вступить въ бракъ, то можетъ ли оно это сдѣлать?

— Я не ясно понялъ вашу мысль, милая кузина, отвѣчалъ мнѣ судья.

— Это меня удивляетъ, сказала я,—я нарочно старалась говорить юридическимъ языкомъ.

— Ахъ, онъ иногда бываетъ не подъ силу даже самымъ опытнымъ юристамъ. Будьте добры изложить мнѣ этотъ случай на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, и я постараюсь разрѣшить ваши сомнѣнія; но только, пожалуйста, безъ предубѣжденности и безъ пристрастія.

— Какое же тутъ пристрастіе? Криббергъ и есть Криббергъ, то-есть, человѣкъ какъ всякій другой.

— Позвольте! мнѣ это кажется пристрастнымъ.

— Да чѣмъ же? Ужь если я пристрастна, то конечно къ Рудольфу, о которомъ я, кажется, еще словечка не проронила.

— Гм! многозначительно произнесъ кузенъ. — Милая кузина, такимъ образомъ мы далеко не уйдемъ. Итакъ прежде всего вышеупомянутый Криббергъ. Въ какихъ отношеніяхъ состоите вы къ нему?

— Многоуважаемый кузенъ, я безусловно воспрещаю вамъ подобные вопросы. И главное Криббергъ! Нѣтъ человѣка съ которымъ у меня были бы хуже отношенія.

— Понимаю. Вы были о немъ такого мнѣнія съ самаго начала?

— Ахъ, кузенъ, исходъ дружбы всегда зависитъ отъ того, какимъ человѣкомъ покажетъ себя другъ!

И тутъ я разказала ему о моихъ статьяхъ и Криббергѣ съ Оттиліей въ качествѣ помощниковъ, о тетѣ Линѣ въ роли благодѣтельной тетушки съ миліоннымъ наслѣдствомъ, о Рудольфѣ съ Оттиліей какъ представителяхъ настоящей любви, о ревности Крибберга, о похищеніи Оттиліи и о кровожадныхъ замыслахъ Крибберга простирающихся даже на моего невиннаго мужа.

— Отчего невозможно совсѣмъ уничтожить дуэль? спросила я подъ конецъ.

— Потому что въ людяхъ, слава Богу, еще живетъ честь которая дороже жизни. Ея защита отъ насилія и коварства есть поединокъ. Кто покушается на честь, тотъ долженъ

знать что онъ этимъ самымъ ставитъ на карту собственную жизнь.

— Да, на карту, то-есть, на волю случая который и рѣшаетъ дѣло.

— Въ войнѣ за честь отечества побѣда тоже часто бываетъ дѣломъ случая. Пусть тотъ кто отнялъ у человѣка честь беретъ и жизнь, потерявшую для него цѣну, или въ искупленіе оставитъ свою. Какъ рѣшитъ судьба.

Я могла заранѣе предвидѣть этотъ отвѣтъ: рубцы на лицѣ кузена довольно краснорѣчиво говорятъ объ его умѣніи стоять за свою честь.

У Рудольфа тоже есть на лбу царапина на память о технологическомъ институтѣ и его корпораціяхъ. Онъ конечно вспыхнетъ какъ порохъ. Поэтому я спросила судью:

— Существуютъ же крѣпости! Неужели нѣтъ ни одной свободной для Криберга? Нельзя ли его засадить туда прежде чѣмъ онъ нанесетъ оскорбленіе, и притомъ на всю жизнь.

— Нѣтъ, сказалъ судья;—никто не имѣетъ права ограничивать свободу человѣка.

— Но если я знаю что онъ надѣлаетъ бѣдъ?

— Всетаки нельзя.

— Ахъ, отчего мы живемъ не въ Старомъ Берлинѣ?! Въ тѣ времена было легче справляться съ людьми.

— Вы напрасно такъ безпокоитесь. Если ваша племянница хочетъ разстроить свою помолвку, то для этого можно найти достаточное основаніе. Онъ можетъ оказаться не въ состояніи содержать ее, или его горячій характеръ заставляетъ опасаться умственнаго разстройства, и если у него найдется хоть одинъ свихнувшійся родственникъ, то мы выдадимъ его психіатрамъ.

— А это что-нибудь очень дурное?

— Въ глазахъ сторонника теоріи Ломброзо это равносильно гибели: ему довольно глупой кормилицы для передачи умственной ненормальности до пятаго колѣна.

— Все это прекрасно; но кто помѣшаетъ ему нарушить счастіе обоихъ своимъ безразсудствомъ? А такъ какъ Оттилія все-таки не безъ вины въ этомъ дѣлѣ, то что̀ это будетъ за супружеское счастіе? И неужели отрава семейнаго согласія такъ и останется безнаказанною?

Это кузенъ уразумѣлъ. Счастіе должно быть чистымъ, иначе оно не будетъ счастіемъ.

Онъ взялъ у меня адресъ Криберга и пошелъ къ нему

самъ съ цѣлію вывѣдать, изъ любви ли онъ такъ поступаетъ, или изъ корысти.

Путешествіе его насъ мало подвинуло. Крибергъ соглашался взять отступнаго и выдать письма Оттиліи, но требовалъ за нихъ 5,000 марокъ. Легко сказать, 5,000 марокъ! Откуда я ихъ возьму? А платить кромѣ меня некому.

Оттилія не располагала такими средствами, а Рудольфъ, конечно, не могъ покупать себѣ невѣсту; значитъ оставалась я одна.

Была еще тетя Лина, но она не могла тронуть своихъ денегъ.

А судья только пожималъ плечами.

— Въ сущности говоря, все это дѣло нисколько васъ не касается, замѣтилъ онъ.

Какъ часто я сама старалась увѣрить себя въ этомъ, сколько разъ мнѣ это же повторялъ дядя Фрицъ, но все было напрасно. Судьба Оттиліи и Рудольфа стала слишкомъ дорога моему сердцу, и я готова была сдѣлать все на свѣтѣ чтобы отвратить отъ нихъ бѣду. А между тѣмъ предстоящее возвращеніе Оттиліи затрудняло мнѣ мою задачу.

Родители Рудольфа хотѣли сами привезти ее, познакомиться съ Карломъ и со мною и отпраздновать здѣсь помолвку сына.

И вдругъ въ то время какъ мы будемъ пить за здоровье жениха и невѣсты, въ комнату ворвется Крибергъ и произведетъ скандалъ, а можетъ быть даже и выстрѣлитъ въ кого-нибудь? Это ужасно!

Я сѣла и заплакала.

Доретта доложила о приходѣ какого-то господина.

— Я не могу принять его: у меня мигрень.

— Это ничего, онъ тоже изъ благородныхъ.

— Мой мужъ въ конторѣ.

— Онъ его и не спрашивалъ, онъ хочетъ видѣть васъ, настаивала Доретта, суя мнѣ въ руку карточку.

Доретта оставила дверь полуотворенною.

— Простите что я пришелъ не во-время, произнесъ чей-то голосъ,—но я здѣсь на такое короткое время...

Я взглянула на говорившаго. Лицо чужое, но вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то знакомое. Гдѣ я видѣла его?.. Ахъ, да, на выставкѣ!.. Это онъ, это Іоганнъ Фидтъ.

— Вы отъ тети Лины? спросила я его, не дожидаясь формальнаго представленія.

— Да, и привезъ вамъ отъ нея поклонъ. Чтобы долго

не распространяться, скажу вамъ что она просила меня принять участіе въ судьбѣ одного молодаго архитектора...

— Да, да, знаю, перебила я его.—Его зовутъ Криберґъ, и это человѣкъ необыкновенныхъ способностей.

— Очень пріятно слышать. У насъ ощущается большой недостатокъ въ архитекторахъ. У меня самого скоро должны начаться большія постройки въ Сенъ-Луи. Если этотъ молодой человѣкъ знаетъ свое дѣло, то его будущность обезпечена.

— Онъ знаетъ его лучше чѣмъ кто-либо; онъ выстроитъ вамъ все что хотите.

— И при такихъ-то дарованіяхъ онъ не можетъ найти себѣ занятія? Странно!

— Ему негдѣ развернуть здѣсь свои силы, но вы увидите, что онъ сдѣлаетъ у васъ на просторѣ!

— Очень радъ. Ваша тетушка принимаетъ въ немъ живѣйшее участіе... какъ родная мать.

— Этого мнѣ въ голову не приходило. Впрочемъ, кто знаетъ?

Онъ молчалъ.

— Она не говоритъ о своемъ прошломъ, снова начала я,—но по всему видно что она оплакиваетъ даромъ потраченную жизнь. Поэтому она иногда бываетъ какъ-будто озлоблена, а иногда, напротивъ, удивительно мягка. Если у нея есть дѣйствительное желаніе помочь этому молодому человѣку... то я исполнила бы его, еслибы это зависѣло отъ меня... и какъ можно скорѣе. Можетъ-быть, это единственная радость которая у нея осталась. Вы не повѣрите какъ я сочувствую ей.

— Это дѣлаетъ честь вашему сердцу, сказалъ г. Іоганнъ Фидтъ.

— Нисколько! отвѣчала я и почувствовала что краснѣю.

— Гдѣ этотъ молодой человѣкъ? Мнѣ сказали что я отъ васъ получу дальнѣйшія свѣдѣнія о немъ.

— Да, это правда. Я пришлю къ вамъ г. Криберга.

— Гостиница Кайзергофъ, № 45.

— Прекрасно; буду помнить.

— Благодарю васъ.

Онъ ушелъ, а я сейчасъ же полетѣла къ Крибергу и къ счастію застала его дома, хотя далеко не въ радужномъ настроеніи. Съ него требовали платы за квартиру, а платить было нечѣмъ.

— Вотъ какъ вы низко упали, а все еще хотите гарцовать на конѣ, налетѣла я на него.—О мѣстѣ, конечно, нѣтъ

и помина? Извольте сейчасъ надѣвать пальто и идти въ Кайзергофъ, гдѣ остановился американскій набабъ который возьметъ васъ съ собою и поручитъ вамъ мѣшать известку или производить какія-то строительныя работы. Но въ такомъ видѣ вамъ нельзя никуда показаться...

— Что же мнѣ дѣлать? Не могу я вмѣсто платья надѣть залоговыя свидѣтельства.

— Конечно нѣтъ! Но мы можемъ выкупить платье.

— Неужели вы это сдѣлаете?

— Разумѣется, но только прежде отдайте мнѣ Оттилінны письма.

— Вы ставите мнѣ ловушку?

— Молодой человѣкъ, Провидѣніе протягиваетъ вамъ руку помощи. Здѣсь вамъ предстоитъ жалкое существованіе, а тамъ будущность которой позавидуютъ сотни людей, и вы еще можете колебаться? Я считаю до трехъ, и на этомъ дѣлу конецъ. Итакъ: разъ!..

Онъ не трогался съ мѣста. Я сдѣлала шагъ по направленію къ двери.

— Два!.. даровой проѣздъ къ золотымъ горамъ и немедленное полученіе мѣста...

Я взялась за ручку двери.

— Два съ половиной! Прощайте, г. Крибергъ. Разъ, и два, и...

— Стойте!

— Ну вотъ видите, какъ хорошо!

Онъ вынулъ Оттилінны письма и свидѣтельства ссудной кассы. Я отсчитала ему деньги на выкупъ одежды, на уплату за квартиру и даже на карманные расходы, и что̀ бы вы думали онъ мнѣ на это сказалъ? „Надѣюсь что вы даете мнѣ эти деньги въ видѣ вознагражденія за мою работу“. Что̀ это такое: глупость или безстыдство? Я повернулась къ нему спиною и не удостоила его никакого отвѣта. Съ этимъ человѣкомъ я покончила. Положимъ что онъ еще далеко не уѣхалъ и могъ не понравиться г. Фидту, но во всякомъ случаѣ письма были въ моихъ рукахъ и съ ними онъ больше не могъ натворить бѣды.

Дома я прочла ихъ: поразительная безсодержательность при необыкновенномъ многословіи. Слова „небесный“, „восхитительный“, „блаженство“, „счастіе бытія“ и т. п. попадались на каждомъ шагу, но нигдѣ не было видно ни одной простой, сердечной фразы; все отзывалось книгою и напоми-

нало характеръ ея учености. Я сама нерѣдко читала такой же вздоръ вѣроятно въ тѣхъ самыхъ романахъ, откуда и Оттилія почерпала свою любовную мудрость. Нѣтъ, она никогда не любила Криберга по настоящему.

Но каковъ былъ мой ужасъ, когда послѣ обѣда мнѣ доложили объ его приходѣ! Я была увѣрена что онъ не поладилъ съ г. Фидтомъ, началъ его учить, остался безъ мѣста и снова сваливается мнѣ на плечи.

Но, слава Богу, нѣтъ! Небо сжалилось надъ моими страданіями. Г. Фидтъ беретъ его и завтра же увозитъ въ Гамбургъ, а оттуда въ С.-Луи, и онъ пришелъ благодарить меня.

— Г. Крибергъ, сказала я,—ваша благодарность мнѣ не нужна, и я принимаю ее только какъ знакъ вашего раскаянія. Деньги выданныя вамъ записаны мною въ книгу и будутъ считаться за вами. Вы расплатитесь со мною когда будете богачомъ. Отнынѣ между нами будутъ только дѣловыя отношенія, а моего расположенія вы лишились навсегда.

— Еслибы вы знали, какъ со мною поступало общество, это эгоистичное, лживое стадо, какъ оно всегда преслѣдовало меня, никогда не хотѣло понять...

— Ахъ, полноте сваливать на общество! Ваше несчастіе въ васъ самомъ и въ томъ что вы себя слишкомъ дорого цѣните. Старайтесь понять свѣтъ, тогда и онъ васъ пойметъ.

Это ему не понравилось, и онъ сейчасъ же простился и ушелъ.

Я свободно вздохнула. Гроза прошла. Но совсѣмъ успокоилась я только послѣ того, какъ передала нашъ разговоръ съ Крибергомъ судьѣ.

— Если и теперь изъ него ничего не выйдетъ, закончила я,—то я не виновата; я сдѣлала для него все что̀ могла.

Судья улыбнулся.

— Нѣтъ ничего сильнѣе покровительства женщины, сказалъ онъ.—По моему мнѣнію Крибергъ такой человѣкъ котораго постоянно надо сызнова пристраивать, потому что онъ самъ дѣлаетъ себя невозможнымъ на всякомъ мѣстѣ. Такіе люди созданы для протекціи и бо̀льшею частью находятъ ее благодаря своему умѣнію выставить себя многообѣщающимъ талантомъ и непонятымъ геніемъ. Разъ пріобрѣтя расположеніе женскаго сердца, они никогда не теряютъ его, даже и тогда когда перестаютъ заслуживать его.

— Совершенная правда, кузенъ! Я такъ и вижу предъ собою тетю Лину; что касается меня, то мое расположеніе онъ давно утратилъ.

— Можетъ быть онъ найдетъ себѣ любящую жену, которая его перевоспитаетъ.

— Для его будущей жены было бы лучше еслибы онъ остался холостымъ.

. . . .

Моему Карлу пришлось снова перейти на фабрику, такъ какъ ко мнѣ пріѣхала Оттилія.

Это было странное свиданіе. Она вошла и остановилась, не зная что̀ ее ждетъ: упреки или ласка. Рядомъ съ нею стоялъ ея женихъ. Она надѣялась что я не стану бранить ее въ его присутствіи, и забыла что я могла встрѣтить ихъ съ ледяной вѣжливостью которая хуже брани.

Но нѣтъ! Увидавъ ея робкій и молящій взоръ я раскрыла объятія и она съ плачемъ бросилась ко мнѣ на шею.

— Дитя мое, Оттилія, чего же ты плачешь? Все устроилось, все хорошо, сказала я и шепотомъ прибавила: — *все, все.*

Должно быть она поняла меня, потому что еще крѣпче прижалась къ моей груди.

— Видите что̀ вы надѣлали! обратилась я къ Рудольфу.— Васъ-то мнѣ и надо.. Вы обѣщали мнѣ не дѣлать глупостей, да, да, обѣщали, а чуть только я исчезла изъ зрительной атмосферы какъ вы увезли Оттилію.

— Такъ развѣ это глупость?

Съ этими словами онъ улыбнулся сіяющею улыбкой, а я... Я разсмѣялась.

Родители г. Браунса остановились въ Hôtel de Rome. Они привыкли къ бо̀льшей роскоши и удобству, чѣмъ я могла бы доставить имъ въ нашей незатѣйливой гостиницѣ-скороспѣлкѣ, но это не мѣшаетъ намъ часто видѣться, и они охотно проводятъ у насъ вечера и остаются по семейному ужинать. Они, въ самомъ дѣлѣ, милые люди. При такомъ богатствѣ они заставили сына начать службу съ самаго начала, самому пилить, ковать, слесарничать, чертить и считать, какъ будто бы у него не было гроша за душой. За то онъ и получилъ право свободнаго выбора невѣсты. Онъ доказалъ что можетъ работать и обходиться безъ посторонней помощи.

И вдругъ у такого-то человѣка какъ старый г. Браунсъ такая сестра какъ Унгерманша! Должно быть яблоки не всегда падаютъ близко къ яблонѣ. Или ее такъ испортилъ Унгерманъ? Этотъ человѣкъ не годенъ во всѣхъ отношеніяхъ: вмѣ-

сто того чтобы закупить товаръ у Карла онъ заключилъ условіе съ его конкурентомъ. Это ужь совсѣмъ не порядочно.

Браунсы посѣщали выставку не только для удовольствія, но и съ серіозными цѣлями. Дѣло шло объ устройствѣ дома для единственнаго сына, и на выставкѣ лучше всего можно было присмотрѣть и выбрать всю обстановку.

Вѣнецъ стремленія современнаго человѣка собственная вилла. Оттилія достигла этого счастія. Планъ будущей виллы уже готовъ, а убранство мы выбрали на выставкѣ. Старый г. Браунсъ безпрекословно платилъ.

Вопросъ о свадебномъ путешествіи тоже рѣшенъ: конечнымъ пунктомъ его будетъ Мадридъ. Такимъ образомъ Оттилія получитъ возможность сравнить испанскую столицу со своей экзаменной работой. Рудольфъ старается исполнить ея малѣйшія желанія. Только бы она не избаловалась! Но мама Браунсъ умная женщина и уже теперь сумѣла подчинить Оттилію своему вліянію.

Оставшись наединѣ съ Оттиліей въ вечеръ ея пріѣзда я сказала ей:

— Подай мнѣ спички и открой печную трубу.

Когда она сдѣлала это, я вынула пачку бумагъ и показала ей.

— Узнаешь ты ихъ? спросила я ее.

— Мои письма! сконфуженно вскричала она.

— Да, глупость твоей юности. Отъ нея не должно остаться ничего кромѣ праха и пепла. Въ печку ее!

Когда письма запылали яркимъ огнемъ, я сказала ей:

— Жаль что вмѣстѣ съ ними нельзя сжечь всѣхъ твоихъ наукъ. Или ты думаешь и дальше заниматься ими?

— Нѣтъ, нѣтъ! быстро перебила она.

— Тебѣ придется многому поучиться: ты должна будешь умѣть хозяйничать, готовить, справляться съ прислугой и...

— Заботиться о счастіи Рудольфа.

— Дитя мое, проще этого быть ничего не можетъ. Люби его больше самой себя.

Она невольно сложила руки и наклонила голову. Я поцѣловала ее.

Помолвка была отпразднована въ круглой башенной залѣ главнаго ресторана. Молодые люди увидались на выставкѣ въ первый разъ, и Рудольфъ здѣсь же хотѣлъ сдѣлать всѣхъ насъ участниками своей радости. Кромѣ нашей семьи и родныхъ были приглашены и супруги Бучъ; не даромъ Бучиха

была компаніономъ Рудольфа. Онъ въ самомъ дѣлѣ выхлопоталъ патентъ на ея барометрическую фантазію, и она уже получила сто пятьдесятъ марокъ дохода.

Я поздравила ее съ успѣхомъ; она просіяла.

— Да, кто бы могъ это подумать? сказала она.—Но это, въ самомъ дѣлѣ, правда. Теперь Бучъ хочетъ чтобы я наняла прислугу, а сама только сидѣла и изобрѣтала.

— А у васъ уже есть въ виду что-нибудь новое?

— Ахъ, нѣтъ, сколько я ни стараюсь, ничего не могу придумать. Бучъ тоже пробовалъ, но ничего не выходитъ.

— Смотрите, какъ бы онъ не запустилъ своего дѣла изъ-за этого.

— О, нѣтъ, онъ глядитъ въ оба. Его пиво лучшее въ околоткѣ, потому что онъ подмѣшиваетъ воды какъ разъ столько, сколько нужно. Онъ не хочетъ нажиться съ пріѣзжающихъ на выставку, какъ другіе хозяева. Бучъ понимаетъ что долженъ поддерживать честь Берлина.

— Да, да, проговорила я;—у каждаго своя честь.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Милая фрау Бучъ, какъ вы ни искусны въ изобрѣтеніяхъ, но я не совѣтую вамъ браться за разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, даже если у васъ будутъ три прислуги. Да здѣсь и не мѣсто для подобныхъ разговоровъ. Пойдемте, всѣ садятся обѣдать. Сегодня мы будемъ веселиться, веселиться отъ всего сердца.

— Ахъ, фрау Бухгольцъ, вы всегда угадываете настроеніе людей! Если здѣсь есть человѣкъ готовый визжать отъ радости, то это именно я. Я только боюсь какъ бы Бучъ не хватилъ лишняго: тогда онъ запоетъ, честное слово, запоетъ.

Мы стали ѣсть, пить и веселиться. Убранная зеленью и цвѣтами комната и богато сервированный столъ были очень красивы, но лучше всего были сами женихъ съ невѣстой, и всѣ мы радовались на ихъ счастіе.

Съ наступленіемъ сумерекъ зажглась иллюминація. Мы подошли къ окну и стали любоваться освѣщеннымъ озеромъ, свѣтовымъ фонтаномъ и главнымъ зданіемъ которое какъ сказочный огненный замокъ выдѣлялось на темномъ небѣ. Въ окно доносились веселые звуки оркестра.

— Выставка праздникъ труда, сказалъ старый г. Браунсъ.— Да будетъ вовѣки благословенъ честный трудъ: въ немъ сила нашей родины.

Рудольфъ подалъ знакъ. Лакеи внесли бокалы наполненные лучшимъ Дресселевскимъ рейнвейномъ.

— Выпьемъ нѣмецкаго вина за процвѣтаніе нѣмецкаго труда! воскликнулъ онъ. - Этотъ бокалъ посвящается ему. А теперь еще тостъ: за тѣхъ кого мы любимъ!

— Да здравствуютъ тѣ, кого мы любимъ, подхватилъ господинъ Бучъ.—Ура!..

КОНЕЦЪ.

— И сдѣлалъ бы большую глупость! сухо сказалъ м-ръ Кардью.—Никогда не надо жертвовать козырями изъ-за дряни.

— Я не понимаю что вы хотите сказать, не совсѣмъ довольнымъ голосомъ отвѣчалъ Джимъ,—но я никогда не боялся риска.

Онъ находилъ что м-ръ Кардью могъ бы получше оцѣнить его усердіе.

— Вотъ именно! сказалъ Кардью съ одной изъ своихъ необыкновенно теплыхъ улыбокъ.—Это хорошо, когда человѣкъ не боится опасности. На свѣтѣ не много отваги. Прибереги свою до болѣе важнаго и нужнаго случая.

Говоря это Джакъ снова улыбнулся при мысли о всеобщемъ ужасѣ и сожалѣніи къ его потерѣ. Эта иллюминація удивительно выяснила ему что именно „важно и нужно". Когда, наконецъ, огонь потухъ, и онъ остался одинъ на пожарищѣ подъ лучами занимавшейся зари, то не испытывалъ ничего кромѣ радостнаго и благодарнаго чувства.

Онъ пригласилъ пожарныхъ и рабочихъ на большой завтракъ въ гостиницу Золотаго Льва. Всѣ они толпой спустились въ деревню и весело принялись за ѣду послѣ безуспѣшной ночной работы. Тостъ за здоровье м-ра Кардью былъ провозглашенъ и выпитъ съ восторженными криками. Джакъ никогда не добивался популярности, но многіе изъ этихъ людей восхищались самообладаніемъ хозяина во время пожара и его стойкимъ отношеніемъ къ своему несчастію.

Кардью взялъ себѣ комнату въ гостиницѣ. Хотя м-ръ Кловисъ былъ въ отлучкѣ изъ дома по дѣламъ, но Джакъ не хотѣлъ пользоваться гостепріимствомъ родныхъ Джилліанъ. Взявъ ванну и выспавшись, Джакъ собрался идти въ Окландъ чтобы узнать о здоровьѣ сына и поблагодарить тещу за ея доброту къ нему. То обстоятельство что онъ не любилъ м-съ Кловисъ обязывало его только къ большей вѣжливости по отношенію къ ней.

Въ эту минуту ему доложили о приходѣ сэра Эдварда Бевана. Удивленный Джакъ еще больше удивился, когда старикъ принялъ его приглашеніе завтракать и сѣлъ съ нимъ за столъ въ „лучшей пріемной" маленькой гостиницы.

Кардью вспомнилъ что послѣдній обѣдъ его въ домѣ опекуна состоялъ изъ хлѣба и воды. Совсѣмъ арестантскій обѣдъ! Понятія сэра Эдварда о наказаніи были очень суровы и первобытны. Какъ давно это было!

— Какъ здоровье вашего сына? спросилъ старикъ.

— Онъ, повидимому, отдѣлался пустяками, беззаботно отвѣчалъ Кардью.—Его мать немножко испугалась вчера, но, пріѣхавъ въ Окландъ и увидавъ его, успокоилась. Женщины любятъ волноваться.

— Я радъ за м-съ Кардью что онъ здоровъ, сказалъ сэръ Эдвардъ. Онъ былъ такъ непроницателенъ что повѣрилъ равнодушію Джака къ сыну. Затѣмъ, помолчавъ, онъ мрачно прибавилъ:

— Я говорю что радъ, а между тѣмъ иногда смерть невиннаго ребенка посылается не на горе и жизнь его не на радость намъ.

Джакъ улыбнулся этому своеобразному сужденію.

— Вы хотите сказать что если мальчугану суждена висѣлица, то онъ не сгоритъ въ огнѣ? спросилъ онъ.—Но я надѣюсь что изъ него выйдетъ прокъ: вѣдь онъ всетаки сынъ своей матери. Вы ничего не кушаете, сэръ.

Сэръ Эдвардъ вздохнулъ и отодвинулъ тарелку.

— Какъ странно что мы снова встрѣтились, Кардью! За послѣдніе годы мнѣ приходило въ голову что я сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ въ вашемъ воспитаніи. Вы были упрямымъ, непослушнымъ, шумнымъ и очень вспыльчивымъ мальчикомъ; Кириллъ былъ гораздо покорнѣе. Я думалъ что изъ васъ двухъ у Кирилла лучшіе задатки. Однако Кириллъ...

Онъ остановился и закрылъ глаза рукою.

— Вотъ что̀, неловко сказалъ Джакъ,—вѣдь все это было сто лѣтъ тому назадъ. Зачѣмъ поднимать старыя ошибки? Вы не дотронулись до вина; вѣрно оно не хорошо? Ахъ, я и забылъ что вы не пьете никакого вина.

— Мнѣ это не кажется такъ давно. Долго я не проживу, а послѣдніе годы человѣка летятъ съ удивительною быстротой. Вотъ почему я и хочу скорѣе примириться съ вами. Евангеліе велитъ человѣку мириться съ противникомъ на пути, пока есть время, и онъ еще не предалъ его судьѣ который посадитъ его въ темницу.

— Ахъ, сказалъ Кардью,—я совсѣмъ не такой противникъ, сэръ: мнѣ самому надоѣла темница.

— Если вы не хотите простить меня, то такъ и скажите! вдругъ съ какимъ-то раздраженіемъ вскричалъ старикъ.

Джакъ на минуту задумался, потомъ протянулъ руку. Еслибы кто-нибудь обходился съ „Голіаѳомъ“ такъ, какъ обходился съ нимъ когда-то опекунъ, то онъ не простилъ бы

этого человѣка; но ему стало жаль старика, сынъ котораго оказался такимъ низкимъ негодяемъ.

— Вы *дѣлали* ошибки, серіозно сказалъ онъ,—но вѣроятно и я нуждался въ розгѣ; а кромѣ того, вы вѣрили въ меня, когда никто не вѣрилъ. Забудемъ прошлое, сэръ.

Они пожали другъ другу руки. Дѣйствительно, странны и необыкновенны были эта встрѣча и примиреніе двухъ враговъ послѣ стольких лѣтъ!

— Я надѣюсь что вашъ сынъ выростетъ хорошимъ человѣкомъ и что вы понимаете лежащую на васъ отвѣтственность, сказалъ онъ.—Повидимому, вы смотрите на свое богатство какъ на средство дѣлать добро. Я не вполнѣ сочувствую *всѣмъ* вашимъ планамъ; по моему, вы забываете самую нужную вещь, но я признаю что вы стараетесь дѣлать добро.

— Вовсе нѣтъ, вы ошибаетесь, сказалъ Джакъ.

Сэръ Эдвардъ отмахнулся отъ этого возраженія точь въ точь какъ бывало во дни дѣтства Джака отмахивался отъ оправданій мальчика и продолжалъ свою рѣчь знакомымъ крикливо-наставительнымъ голосомъ вызвавшимъ въ умѣ Джака цѣлый рядъ воспоминаній.

„Какъ онъ до сихъ поръ не терпитъ возраженій!“ думалъ Джакъ. „Онъ совсѣмъ не измѣнился, только постарѣлъ. Пожалуй, что онъ и тогда мучилъ меня съ добрыми намѣреніями. Боже мой! что̀ такое онъ говоритъ? Онъ хочетъ лишить сына наслѣдства и передать старое гнѣздо *мнѣ?* Да онъ съ ума сошелъ! Отъ постояннаго питья воды у него дѣлается разжиженіе мозга!“

Но прервать рѣчь сэра Эдварда не было никакой возможности, и Джаку пришлось высидѣть ее до конца. Онъ долженъ былъ выслушать всѣ горькія причины и основанія старика, всѣ доказательства необходимости такой мѣры и перечень всѣхъ беззаконій Кирилла.

— Онъ негодяй, негодяй до мозга костей, кончилъ сэръ Эдвардъ,—и, можетъ быть, я самъ виноватъ въ этомъ. Я жалѣю что мой сынъ родился на свѣтъ.

— Вотъ что̀! протянулъ Джакъ и, немного помолчавъ, прибавилъ:—но мнѣ кажется что отецъ обязанъ не покидать сына, не смотря ни на что̀.

Въ ту же минуту онъ самъ удивился своимъ словамъ, и ему стало смѣшно что *онъ* поучаетъ сэра Эдварда.

— Разумѣется, ваши личныя дѣла съ сыномъ меня не касаются, поспѣшно прибавилъ онъ; — я только не хочу

чтобы вы оставляли мнѣ имѣніе. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

— Для передачи имѣнія необходимо согласіе Кирилла, и я силою заставлю его согласиться на это, невозмутимо и какъ бы не слыша возраженія продолжалъ сэръ Эдвардъ.—Я прекратилъ ему выдачу денегъ, а на жизнь впроголодь у него не хватитъ мужества.

— Это правда: Кириллъ не станетъ голодать, согласился Джакъ.—Но я не хочу вмѣшиваться въ это дѣло, продолжалъ онъ твердымъ и серіознымъ голосомъ. — Мы съ вашимъ сыномъ не могли терпѣть другъ друга, но отнимать у него наслѣдство я не буду. У меня довольно своего.

— Ваши деньги не повредятъ Гайфильдсу, настаивалъ сэръ Эдвардъ,—а мое завѣщаніе покажетъ обществу что я, по крайней мѣрѣ, уважалъ васъ. Ваша жена находитъ что я былъ несправедливъ къ вамъ. Не знаю, можетъ быть. Вы не были серіознымъ мальчикомъ, но, можетъ быть, вы раскаялись съ тѣхъ поръ?

При этихъ словахъ онъ почти съ мольбою заглянулъ въ лицо Джака.

— Да, я надѣюсь что вы раскаялись, снова заговорилъ онъ,—и что вы будете хорошимъ „управителемъ“. Я никогда не позволялъ на своей землѣ торговли спиртными напитками и считаю что потребую не слишкомъ тяжелой жертвы когда поставлю вамъ въ условіе не нарушать этого правила, хотя наши личные взгляды на этотъ предметъ, къ сожалѣнію, кажется, расходятся.

— Мой милый сэръ, сказалъ Кардью,—если вы оставите Гайфильдсъ мнѣ, то даю вамъ честное слово что наставлю винныхъ лавокъ черезъ каждые десять аршинъ вдоль по всей алеѣ. (Если *это* не выбьетъ этого вздора изъ его головы, то я не знаю что̀ его выбьетъ, подумалъ онъ).

Во всякомъ случаѣ онъ далъ сэру Эдварду матеріалъ для размышленія.

Старикъ всталъ и въ уныломъ молчаніи сталъ надѣвать пальто. Выходя изъ комнаты, онъ споткнулся на порогѣ, и при видѣ этого сердце Джака сжалось отъ жалости.

— Съ вашей стороны было большою любезностію навѣстить меня, сэръ, сказалъ онъ ему,—и я долженъ бы благодарить васъ за ваши добрыя намѣренія. Я чувствую что плохо выразилъ свою благодарность, но я гораздо больше признателенъ вамъ за одно письмо которое вы написали мнѣ въ тюрьму.

Они стояли на крыльцѣ гостиницы. Старый опекунъ Джака медлилъ уходить. Онъ снова вспомнилъ что считалъ Кардью безсердечнымъ, а Кирилла любящимъ мальчикомъ. Но время опеки прошло, и никакія слова теперь не поправятъ прошлаго.

— Да проститъ мнѣ милосердный Господь то, въ чемъ я ошибался! сказалъ онъ и потомъ вдругъ съ внезапною рѣзкостію замѣтилъ:—Но я слышу что вы слишкомъ умны чтобы вѣрить въ Него?

— Да? отозвался Джакъ. — Мнѣ кажется что мои вѣрованія не касаются никого кромѣ меня. Прощайте, сэръ!

ГЛАВА XIV.

М-съ Кловисъ стояла у окна гостиной и смотрѣла на приближавшагося по алеѣ Джака. На ея хорошенькомъ и изящномъ лицѣ лежало выраженіе унынія и утомленія; она какъ-будто сразу постарѣла на нѣсколько лѣтъ. Маленькій Стивенъ проплакалъ всю ночь, и она раскаивалась въ томъ что помѣстила „милаго малютку“ рядомъ съ собою: она была не такъ здорова какъ Джилліанъ и не могла не спать по ночамъ.

Платье ея было отдѣлано дорогими кружевами, волосы красиво завиты и причесаны, но она только что взглянула на себя въ зеркало и ужаснулась своему истомленному и исхудалому лицу.

Въ восхищенныхъ глазахъ мужа она все еще казалась красавицей, но даже и его восхищеніе по временамъ только обостряло тайную тревогу которая за послѣдніе дни приняла въ ея сердцѣ угрожающіе размѣры. Иногда она страдала также и отъ физической боли и смутно чувствовала что оба страданія, и нравственное и физическое, зависѣли одно отъ другаго, но старалась не замѣчать ни того, ни другаго. Всю свою жизнь она играла роль мнимой больной, а теперь стала бояться докторовъ и не хотѣла говорить имъ о своемъ странномъ недомоганіи. Особенно нехорошо она чувствовала себя при встрѣчахъ съ Джакомъ Кардью. Что хорошаго нашла Джилліанъ въ этомъ огромномъ силачѣ, который въ лучшемъ случаѣ могъ назваться непокладистымъ человѣкомъ, а порою бывалъ просто грубъ?

М-съ Кловисъ никогда не любила Кардью, не любила его даже во дни его молодости, когда онъ былъ моднымъ авто-

ромъ и литературнымъ львомъ. Въ ея глазахъ имѣло вѣсъ только его происхожденіе (она всегда желала чтобы Джилліанъ вышла замужъ за человѣка „изъ хорошей семьи"), но самъ онъ всегда какъ-то стѣснялъ ее. Ей казалось непонятнымъ, за что его любили въ обществѣ; лично для нея онъ былъ только „неудобнымъ" гостемъ который или принимается съ жаромъ говорить о неинтересныхъ и неподходящихъ вещахъ, или молчитъ самымъ безнадежнымъ и невѣжливымъ образомъ. Но то было давно, и ея прежнее непріязненное равнодушіе къ Джаку было ничто въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ тревоги, почти ужаса, которое она испытывала теперь въ его присутствіи.

Она смущенно покраснѣла когда онъ вошелъ въ комнату.

— Вы пришли узнать о здоровьѣ нашего малютки, Джакъ? спросила она.—Д-ръ Ферроль, такой милый и внимательный молодой человѣкъ!—увѣряетъ меня что черезъ два-три дня онъ будетъ совсѣмъ здоровъ.

— Очень радъ, сказалъ Джакъ. Онъ удержалъ ея руку на секунду дольше обыкновеннаго, и въ голосѣ его звучала необычная ласка.

— Вы совсѣмъ измучились, замѣтилъ онъ.—Мы слишкомъ безцеремонно завладѣли вашимъ домомъ. Я увѣренъ что этотъ плутъ всю ночь никому спать не далъ. Я не удивился бы, еслибы оказалось что и домъ поджегъ онъ: у него всегда было нечестивое влеченіе къ спичечной коробкѣ. Ничто въ мірѣ не заставитъ Голіаѳа отказаться отъ вещи на которую онъ устремилъ свои помышленія. Должно-быть онъ уродился въ мать.

— Ну, не только въ мать, попробовала отшутиться м-съ Кловисъ. Она гордилась своимъ внукомъ, но ей было непріятно что онъ такъ похожъ на Джака.

— Я скажу Джилліанъ что вы здѣсь.

— Она видѣла меня изъ окна дѣтской и сейчасъ придетъ, сказалъ Джакъ.—Я хотѣлъ застать васъ одну и поблагодарить васъ за вашу доброту.

— Я съ радостью готова сдѣлать для своей дѣвочки все что могу, проговорила м-съ Кловисъ. Благодарность Джака смущала ее.

Джаку показалось что онъ понимаетъ ея чувство.

— Вы считаете что съ моей стороны почти дерзко благодарить васъ за то что вы дѣлаете для родной дочери, не правда ли? спросилъ онъ.—Видите ли, я собственно хотѣлъ

сказать другое. Разумѣется я знаю что вы готовы раздѣлить съ Джилліанъ все что̀ имѣете, такъ же какъ и я раздѣлилъ бы все со своимъ мальчуганомъ.

При этихъ словахъ его строгое лицо озарилось такою нѣжностью что м-съ Кловисъ на одну минуту поняла, почему иныя женщины любили Джака Кардью.

— Но я хотѣлъ поблагодарить васъ за вашу доброту лично ко мнѣ, за приглашеніе остаться у васъ въ домѣ, продолжалъ Джакъ.—Я не могу сдѣлать этого, не могу жить у васъ, потому что, говоря простыми словами, м-ръ Кловисъ считаетъ меня мошенникомъ. Онъ имѣетъ на то полное право, замѣтилъ Джакъ со своей быстрой задумчивой улыбкой,—и я даже уважаю его за такую твердость мнѣній, но она мѣшаетъ мнѣ принять ваше доброе приглашеніе, хотя и не мѣшаетъ быть признательнымъ за вашу доброту.

Онъ никогда въ жизни еще не сказалъ ни одной такой хорошенькой рѣчи м-съ Кловисъ. Правда что она звучала немножко сухо, потому что онъ приготовилъ ее заранѣе, но тѣмъ не менѣе онъ положительно гордился ею. Джилліанъ всегда говоритъ ему что онъ безтактенъ. Жаль что она не слыхала этого!

Но странное дѣло, рѣчь эта произвела совершенно обратное впечатлѣніе на м-съ Кловисъ.

— Ахъ, жалобно вскричала она,—что за охота воображать что люди думаютъ о васъ всякіе ужасы?! Вѣрьте мнѣ что всѣ забыли объ этой несчастной ошибкѣ. Теперь ея какъ будто и не бывало.

Джакъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Онъ положительно иногда отказывался понимать свою тещу.

— Однако послѣдствія этой маленькой ошибки не были плодомъ моего воображенія, сухо отвѣчалъ онъ.—Что же касается того что ея „какъ-будто и не бывало", то это чистый вздоръ. Еслибы ея не было, то мы съ Джилліанъ были бы другими людьми.

— Ахъ, милый Джакъ, какой вы спорщикъ! вскричала м-съ Кловисъ, и Джакъ къ своему неописанному изумленію увидалъ слезы на ея глазахъ. А слезы на глазахъ женщины неизмѣнно наполняли сердце этого человѣка жалостью и раскаяніемъ. Его жена увѣряла что плачущая женщина можетъ сдѣлать съ Джакомъ что̀ угодно, и жалѣла что она сама не принадлежитъ къ этой породѣ.

— Я не хотѣлъ сказать вамъ ничего непріятнаго, мягко

заговорилъ онъ.—Вы совершенно правы; я самъ удивляюсь людскому умѣнію дѣлать видъ что все забыто. Конечно, ихъ плохая память главнымъ образомъ дѣло рукъ Джилліанъ, но видите ли, *я* то не могу забыть!

Онъ откинулъ голову назадъ гордымъ движеніемъ которое такъ знала Джилліанъ и продолжалъ:

— Мало того, я не вижу причины дѣлать видъ что забылъ, потому что я въ этомъ дѣлѣ былъ обиженной стороной и надѣюсь когда-нибудь доказать это ради моего сына. Всѣ милые люди которые ѣдятъ мои обѣды тщательно стараются не оскорбить моихъ чувствъ; они не понимаютъ только одного что мнѣ нисколько не стыдно того что̀ со мною было.

На самомъ дѣлѣ *были* вещи которыхъ онъ стыдился, но онъ не хотѣлъ говорить о нихъ съ м-съ Кловисъ. Онъ смутно чувствовалъ что всякое его слово коробитъ ее и былъ радъ когда приходъ Джилліанъ прервалъ ихъ бесѣду.

Джилліанъ была блѣднѣе обыкновеннаго, но она никогда не признавалась въ усталости. Стивенъ очень капризничаетъ, сказала она, и не идетъ на руки ни къ кому кромѣ нея, такъ что она не ложилась всю ночь.

— Какое счастіе что ты такъ здорова, милочка, сказала м-съ Кловисъ,—а я совсѣмъ измучилась отъ испуга и тревоги. Джакъ не слушаетъ моихъ убѣжденій.

Сожалѣніе въ ея голосѣ было притворно, но Джилліанъ вопросительно взглянула на мужа.

— Развѣ Голіаоу хуже? нѣтъ? ты увѣрена въ этомъ, Джилль? Въ такомъ случаѣ я не останусь, рѣшилъ Джакъ.

— Уговори его, милочка; *меня* онъ не слушаетъ, сказала м-съ Кловисъ, выходя изъ комнаты.

Нельзя сказать чтобы она особенно старалась убѣдить его, но вѣдь „милый Джакъ“ былъ такъ упрямъ что это было бы пустой тратой времени.

„Джилліанъ особа съ характеромъ, но и она не всегда можетъ справиться съ Джакомъ“, думала мать; „я надѣюсь что онъ не согласится; по правдѣ сказать Джорджъ былъ бы такъ недоволенъ заставъ здѣсь по возвращеніи своемъ Джака что пожалуй такъ будетъ лучше. Джилліанъ хотѣлось чтобы я пригласила ея мужа, но мнѣ не зачѣмъ и разказывать объ этомъ Джорджу.“

На совѣсти м-съ Кловисъ было не мало мелочей которыя она такимъ образомъ скрывала отъ мужа.

— Джилліанъ, вдругъ сказалъ Джакъ,—я вполнѣ пони-

маю что твоя мать можетъ не любить меня, но почему она старается меня задобрить? и съ какой стати она боится меня? Думаетъ ли она что я могу каждую минуту пристукнуть ее, или украсть ея ложки? И если такъ, то зачѣмъ она старается быть такъ вѣжлива со мной?

— У тебя слишкомъ живое воображеніе, сказала Джилліанъ.—Предполагать что у мамы есть причины бояться тебя смѣшно, но твоя прямота ей непріятна. Ты не изъ тѣхъ людей которые ей нравятся. Она приняла за правило звать тебя „милымъ Джакомъ", потому что она такъ же ненавидитъ семейныя ссоры какъ кошка холодную воду.

— Но я всетаки не понимаю, упорствовалъ Джакъ.

— Ты никогда и не поймешь, милый, смѣясь отвѣчала Джилліанъ.

Въ голосѣ ея слышалась рѣзкая нотка, признакъ душевной тревоги. Джилль не хотѣла бояться, но страхъ неотвязчивый гость и пробиваетъ себѣ дорогу не смотря ни на какія преграды.

— Я почти готова просить тебя остаться, Джакъ, сказала она.—Мнѣ непріятно гостить въ домѣ моего вотчима безъ тебя, и я сейчасъ же ушла бы отсюда, но боюсь что Стивену будетъ не хорошо въ гостиницѣ. А еслибъ ты остался здѣсь, то это кстати было бы прекраснымъ случаемъ для примиренія съ м-ромъ Кловисомъ.

— Не забывай что не я первый отказался отъ него, сказалъ Джакъ.

— Я знаю что онъ упрямъ какъ старый оселъ, сказала Джилль,—но ему давно хочется смягчиться. Когда онъ узнаетъ что мы остались безъ крова надъ головой, то сочтетъ это достаточнымъ поводомъ для примиренія.

— Если я до вчерашняго дня не былъ честнымъ человѣкомъ, то я не сталъ сегодня чище оттого что мой домъ сгорѣлъ.

— Совершенно вѣрно. Но не всѣ люди бываютъ логичны, возразила Джилліанъ.—Чистый разумъ слишкомъ легковѣсная палка. Мы съ тобой можемъ быть очень разумны (особенно я, милый!), но мы будемъ дураками если станемъ пользоваться только однимъ этимъ орудіемъ для убѣжденія другихъ. Я давно отказалась отъ него: оно слишкомъ тонко и изящно.

— Какъ бы то ни было, я не могу принимать одолженія отъ м-ра Кловиса, сказалъ Джакъ, и Джилліанъ бросила споръ.

Она дѣйствительно была разумна и знала когда лучше молчать. Тѣмъ не менѣе ее настолько позабавилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ озадачилъ разказъ Джака о своемъ свиданіи съ сэромъ Эдвардомъ Беваномъ что она не скрыла своего впечатлѣнія отъ мужа.

— Боже мой, но если сэръ Эдвардъ жаждетъ оставить тебѣ свое свое состояніе, то зачѣмъ тебѣ мѣшать ему? воскликнула она.—Такое всенародное доказательство его довѣрія къ тебѣ было бы вовсе недурно. Вѣдь, всетаки ты ему не чужой, а двоюродный племянникъ, и имѣніе не ушло бы изъ семьи. По моему, ты сдѣлалъ глупость, Джакъ.

— Я такъ и зналъ что ты это скажешь, отвѣчалъ Джакъ.

Онъ всегда признавалъ за Джилліанъ право самостоятельнаго мнѣнія, и Джилліанъ иногда казалось что самое это признаніе отдаляетъ ее отъ него въ его душѣ. Но она презирала чувствительныхъ женщинъ обижающихся на оттѣнки выраженія, и потому засмѣялась и пожала плечами.

— Хорошо что ты *можешь* позволять себѣ такія чудачества! Но мнѣ по крайней мѣрѣ хотѣлось бы чтобы всѣ знали о твоемъ отказѣ. Можно мнѣ разказать эту исторію мамѣ, разумѣется подъ строжайшимъ секретомъ? Тогда она живо распространится.

— Нѣтъ, нельзя, отвѣчалъ Джакъ коротко, потому что тонъ жены рѣзалъ его.—Но знаешь ли, продолжалъ онъ послѣ минутнаго раздумья,—я не считаю твою мать очень болтливой женщиной.

— И я тоже, сказала Джилль съ шаловливой искоркой въ глазахъ.—Мама умѣетъ быть очень скрытной и не нуждается въ подробныхъ объясненіяхъ, какъ ты. Она знаетъ какіе секреты надо распространять и какіе нѣтъ.

Джакъ засмѣялся, но засмѣялся не весело. Иногда онъ находилъ Джилль слишкомъ рѣзкой, а сегодня она была особенно не въ духѣ. Почемъ онъ зналъ что въ ушахъ ея все время стоялъ капризный крикъ маленькаго Стивена? Джакъ попробовалъ перемѣнить разговоръ.

— Я получилъ письмо отъ м-ра Молино, сказалъ онъ.— Прочти и скажи мнѣ что̀ это значитъ по твоему? Старикъ должно быть боленъ.

Джилль съ трудомъ разобрала каракули письма и молча задумалась на минуту.

— Да, сказала она наконецъ,—онъ боленъ и очень хочетъ тебя видѣть. Мнѣ кажется что тебѣ надобно съѣздить

къ нему. Можетъ-быть, онъ хочетъ оставить тебѣ свое состояніе, но тебѣ нечего этимъ смущаться: ты всегда можешь бросить его обратно ему въ лицо.

— Такъ ѣхать? Я не поѣду если Голіаѳу въ самомъ дѣлѣ нехорошо, сказалъ Джакъ.

Джилль опять задумалась. Докторъ увѣрялъ что серіознаго ничего нѣтъ. Ручка ребенка была чуть-чуть обожжена, а безпокойная ночь происходила отъ испуга. Джилліанъ не хотѣла признаваться самой себѣ въ своемъ безразсудномъ страхѣ и еще менѣе отговаривать мужа отъ исполненія того что считала его нравственной обязанностью. Она была не всегда разборчива на оружіе для борьбы со свѣтомъ, но съ Джакомъ была безукоризненно честна.

— Ему очень хочется тебя видѣть, повторила она.— Бѣдный, старый дядя Стивенъ! Онъ никакъ не могъ полюбить меня; я совсѣмъ не въ его вкусѣ, я слишкомъ новомодна для него. Но онъ былъ очень добръ ко мнѣ, и мнѣ кажется что онъ любитъ тебя, Джакъ.

— Ну, что же, въ такомъ случаѣ я съѣзжу завтра въ Лондонъ, а сегодня послѣ обѣда зайду еще разъ спросить о здоровьѣ великана. Ты уже уходишь? Джилль, милая, мнѣ жаль что ты сердишься на мой отвѣтъ сэру Эдварду. Чтò мнѣ сдѣлать чтобы ты не сердилась?

Онъ взялъ ее за руку когда она проходила мимо него и удержалъ ее.

— Не надо ли тебѣ чего?

Джакъ любилъ дѣлать ей подарки.

Джилліанъ выдернула руку изъ руки мужа. Странное дѣло, но въ эту минуту его прикосновеніе было ей непріятно.

— Представь себѣ какъ это ни удивительно, но я не хочу чтобы ты покупалъ мнѣ еще бриліантовъ, сказала она съ не совсѣмъ искреннимъ смѣхомъ.—Твое безкорыстіе заразительно. Прощай! я слышу плачъ Стивена.

Джакъ задумчиво вышелъ изъ дома. Что-то разладилось между ними, но чтò именно, онъ не могъ уловить и даже не старался добраться до корня. Все на свѣтѣ шло, по его мнѣнію, вкось и вкривь. Джилліанъ осталась ему вѣрна въ такое время когда всѣ остальные отвернулись отъ него, она спасла его. Поэтому онъ даже мысленно не хотѣлъ обвинять ее ни въ чемъ. Когда мнѣнія ихъ расходились, онъ отдѣлывался молчаніемъ и шелъ своей дорогой, предоставляя ей дѣлать то же. Ему не приходило въ голову что не свобода была нужна Джилліанъ.

Джакъ вынулъ изъ кармана письмо и сталъ читать его идя внизъ по алеѣ. Письмо было изъ Лондона отъ агента сыскной полиціи который увѣдомлялъ Кардью что напалъ на слѣдъ людей могущихъ дать указанія относительно таинственнаго лица которое по словамъ Лизы Пококъ входило въ комнату Джака Кардью и затѣмъ такъ некстати переселилось въ тотъ міръ, куда за нимъ не могъ послѣдовать ни одинъ сыщикъ. Со времени рожденія сына Кардью не переставалъ работать надъ раскрытіемъ старой тайны которую такъ старалась похоронить м-съ Кловисъ. Когда-то онъ говорилъ Джилль что не хочетъ тратить ни времени, ни денегъ на безплодные поиски правосудія, но теперь его рѣшеніе измѣнилось. Чувство заботы о потомствѣ сильно овладѣло имъ. Это чувство въ мущинѣ сильнѣе чѣмъ въ женщинѣ. Женщина любитъ своихъ собственныхъ дѣтей, малютокъ которыхъ она родила и вскормила, а мущина думаетъ о славѣ или позорѣ всего рода въ самомъ отдаленномъ будущемъ. И для того и для другаго дѣти могутъ явиться спасеніемъ.

Джакъ хмурился читая письмо. Онъ совершенно не вѣрилъ въ „почтенную вдову“ которая клялась что ея братъ (съ тѣхъ поръ убитый въ египетскую кампанію) былъ возлюбленнымъ Лизы Пококъ. Она, несомнѣнно, была одной изъ тысячи темныхъ личностей пытавшихся выманить у него этимъ способомъ деньги и готовыхъ дать присягу въ чемъ угодно. Сначала онъ съ жаромъ и бодростію бросался по каждому новому слѣду, теперь же все это грязное дѣло надоѣло и опротивѣло ему. Только упрямая настойчивость ради сына заставляла его продолжать поиски.

Его чтеніе было прервано толчкомъ. Чья-то голова со всего размаха ударилась объ его ноги. На него налетѣлъ кто-то тоже упорно преслѣдовавшій намѣченную цѣль.

— Эй ты, бутузъ, надо смотрѣть куда бѣжишь, сказалъ Джакъ.

Джорджъ Кловисъ младшій, круглая голова котораго, вѣроятно, пострадала при столкновеніи, остановился и сталъ тереть обѣими руками лобъ и темя.

— Я и смотрѣлъ, отвѣчалъ онъ задыхаясь. — Я бѣжалъ за той кошкой. Я *такъ* смотрѣлъ на нее что не видалъ васъ. Я надѣюсь, прибавилъ онъ спохватившись, — что я сдѣлалъ вамъ не очень больно.

Кардью засмѣялся.

— Еще бы, такой великанъ! сказалъ онъ.—Ты чуть не свалилъ меня съ ногъ.

Джорджъ не понялъ шутки и сталъ искренно извиняться:

— Не сердитесь, пожалуйста, мнѣ такъ жаль...

— Въ другой разъ будь осторожнѣе, сказалъ Джакъ,—а то я человѣкъ сложенія нѣжнаго... Ну, куда же дѣлась твоя кошка?

Мальчикъ оперся руками въ колѣна и сталъ въ раздумьѣ передъ довольно высокой кирпичной стѣной отдѣлявшей садъ отъ лѣса.

— Она перебралась туда, сказалъ онъ. — Мнѣ кажется что и я могъ бы сдѣлать то же, еслибы... еслибы вы согласились подсадить меня.

Онъ покраснѣлъ, выражая эту просьбу, и посмотрѣлъ на незнакомца ласково-умоляющимъ взглядомъ. Мама сказала бы ему что онъ слишкомъ смѣлъ и навязчивъ, но ему такъ хотѣлось перелѣзть черезъ стѣну!

— А какъ же ты спустишься на другую сторону? спросилъ Джакъ.

Джорджъ на минутку какъ будто смутился, но потомъ весело улыбнулся.

— Я придумаю когда влѣзу.

Джакъ засмѣялся и быстрымъ движеніемъ посадилъ ребенка къ себѣ на плечо, откуда тотъ съ крикомъ восторга перелѣзъ на стѣну и усѣлся верхомъ.

— Мнѣ всегда, всю мою жизнь, даже когда я былъ совсѣмъ маленькій, хотѣлось взобраться сюда! захлебываясь говорилъ мальчикъ.

— Въ такомъ случаѣ я надѣюсь что тебѣ тамъ не хуже чѣмъ ты воображалъ, отвѣчалъ Джакъ.

— Лучше, въ тысячу разъ лучше! увѣрялъ Джорджъ.— Это самое прекрасное мѣсто для сидѣнія какое мнѣ случалось находить. Я даже думаю что лучше его нѣтъ на всемъ свѣтѣ. Пожалуйста, не держите меня за ногу, я не свалюсь.

— Хорошо; я вижу не далеко отсюда калитку и, кажется, пройду чрезъ нее, хотя, конечно, это безславный способъ перелѣзать черезъ стѣны. Только смотри, сиди смирно. У тебя не закружится голова?

— Я не знаю какъ она кружится, убѣдительно отвѣчалъ мальчикъ.

И Джакъ вышелъ за калитку, не подозрѣвая что наткнется на гораздо болѣе интересную дичь чѣмъ рыжая кошка.

Ему нравился этотъ некрасивый, крѣпкій мальчикъ. Онъ снялъ его со стѣны, и они вмѣстѣ углубились въ рощу.

— Она, навѣрно, дикая, какъ вы думаете? съ любопытствомъ спрашивалъ Джорджъ.—Она желтая съ рыжими полосами и ѣстъ маленькихъ кроликовъ. Ручныя кошки ѣдятъ молоко, а эта и не смотритъ на него. Она очень зла, она сейчасъ укуситъ, какъ только до нея дотронешься. Можетъ быть, она теперь сидитъ гдѣ-нибудь на деревѣ и выпрыгнетъ на насъ какъ тигръ. Ахъ, какъ бы я желалъ этого! Тогда бы я выстрѣлилъ... то-есть, еслибы у меня было ружье. Отчего папа не позволяетъ мнѣ носить настоящее ружье? Скажите ему что это было бы полезно для имѣнія, потому что вы сами видите что здѣсь есть дикія кошки, а иногда бываютъ и лѣсные воры и... Ахъ, я и забылъ!..

Онъ остановился, и его смѣшное покрытое веснушками личико приняло смущенное выраженіе.

— Я забылъ что мама не велѣла мнѣ сегодня выходить въ рощу, потому что въ ней разставили ловушки для воровъ. Удивительно, какъ все вылетаетъ изъ головы, когда займешься какимъ-нибудь дѣломъ. Мнѣ было *необходимо* поймать эту кошку. А теперь... неохотно проговорилъ онъ,—теперь мнѣ, пожалуй, придется сбѣгать домой и спросить у мамы, можно ли мнѣ дойти до конца рощи съ вами. Вы такой сильный что въ случаѣ надобности вынете меня изъ ловушки. Ахъ, смотрите, тамъ за кустами виднѣется чья-то шапка! Это, навѣрно, воръ, а папа велитъ гонять воровъ. Я пойду и скажу ему чтобы онъ уходилъ.

Джакъ взглянулъ по направленію толстой ручонки будущаго землевладѣльца. Дѣйствительно, въ рощѣ былъ еще кто-то кромѣ нихъ.

Джорджъ торопливо зашагалъ навстрѣчу нарушителю закона. Кардью пошелъ за нимъ. Когда они были въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ кустовъ Джорджъ остановился и въ недоумѣніи оглянулся на своего спутника.

— Тамъ кто-то говоритъ маминымъ больнымъ голосомъ, сказалъ онъ,—но я *знаю* что мама у себя въ комнатѣ.

Джакъ остановился, и до слуха его ясно долетѣлъ жалобный женскій голосъ:

— Мнѣ вовсе не денегъ жаль (хотя, по правдѣ сказать, вы перебрали ихъ безъ конца, Кириллъ), но я не могу обманывать мужа. И потомъ, кто мнѣ поручится что это въ послѣдній разъ? Какъ могу я вѣрить какому бы то ни было вашему обѣщанію? Какъ я...

— Вотъ кошка! Я вижу ея хвостъ на томъ деревѣ! крик-

нулъ Джорджъ и бросился въ сторону противоположную той откуда слышался „маминъ больной голосъ“.

Тогда Джакъ проложилъ себѣ дорогу черезъ кусты и очутился лицомъ къ лицу съ м-съ Кловисъ и Кирилломъ Беваномъ который встрѣтилъ его пріятною улыбкой.

— Здравствуй, Джакъ, какъ твое здоровье? сказалъ онъ.— Я слышалъ что ты помирился съ моимъ отцомъ и очень радъ этому.

Джакъ молча взглянулъ на него и не отвѣтилъ на его привѣтъ. Кириллъ привыкъ къ пренебреженію, но на этотъ разъ его равнодушіе измѣнило ему, и онъ отъ всего сердца пожелалъ Джаку снова попасть въ тюрьму.

— Какъ мнѣ ближе пройти въ деревню, м-съ Кловисъ? Не покажете ли вы мнѣ дорогу? обратился Кириллъ къ владѣлицѣ Окланда.

Кардью спокойно повернулся къ м-съ Кловисъ и сказалъ ей тѣмъ ровнымъ, лишеннымъ всякаго выраженія голосомъ, подъ которымъ можно скрыть все что угодно:

— Если хотите, я легко могу показать этому... господину дорогу изъ вашего лѣса.

М-съ Кловисъ отшатнулась отъ него невольнымъ, нервнымъ движеніемъ. У нея были важныя причины не любить Кирилла Бевана, тогда какъ Джакъ не обидѣлъ ея ни раза въ жизни, но ее поразила грубость Джака не отвѣтившаго на поклонъ своего родственника.

— О, нѣтъ, милый Джакъ, вы напрасно безпокоитесь, живо сказала она.

— Какъ хотите; я предложилъ это съ цѣлію избавить васъ отъ хлопотъ, а не для того чтобы вмѣшиваться не въ свое дѣло.

Онъ молча проводилъ ихъ глазами; ему было непріятно положеніе въ которомъ онъ очутился. Онъ вышелъ къ разговаривавшимъ только для того чтобы заявить о своемъ присутствіи. Онъ ненавидѣлъ подслушиваніе; ему было непріятно и то немногое что долетѣло до его уха. И вотъ онъ оказался обладателемъ тайны женщины.

Итакъ, Кириллъ Беванъ выманиваетъ деньги у матери Джилліанъ. Бѣдная женщина! Она, дѣйствительно, жалка если сколько-нибудь попала во власть этого негодяя.

Въ эту минуту прибѣжалъ Джорджъ съ крикомъ: „мама! мама!“ и былъ очень разочарованъ не найдя ея.

— Неужели это была не мама? сказалъ онъ. — Голосъ

былъ совсѣмъ какъ у нея. Впрочемъ, я знаю что она не ушла бы не дождавшись меня, прибавилъ мальчикъ съ увѣренностію единственнаго балованнаго сына.—Кто же это могъ быть?

— Это были женщина и нищій, сказалъ Джакъ. — Вотъ что, Джорджъ, мнѣ жаль что мы вошли сюда, когда тебѣ это запрещено. Уйдемъ отсюда какъ можно скорѣе.

Онъ зашагалъ такъ скоро что мальчуганъ съ трудомъ поспѣвалъ за нимъ и рѣшилъ что м-ра Кардью мучитъ совѣсть.

— Вы не виноваты, утѣшалъ онъ его; — вѣдь я не сказалъ вамъ съ самаго начала что мнѣ нельзя въ лѣсъ, а сами вы этого знать не могли, потому что до сегодняшняго дня мнѣ никогда не запрещалось гулять здѣсь. Вамъ нечего безпокоиться объ этомъ. Нѣтъ, м-ръ Кардью, какіе здѣсь дерзкіе нищіе! Какъ они смѣютъ залѣзать въ чужіе лѣса? Мнѣ жаль что вы не словили ихъ. Какъ мама будетъ смѣяться, когда я скажу ей что нищая говорила ея большимъ голосомъ!

— А ты всегда все говоришь мамѣ?

— Да. Я говорю ей всѣ мои секреты, а она мнѣ свои, сказалъ Джорджъ. — Она разказала мнѣ одинъ страшный секретъ, котораго не знаетъ даже папа. Это секретъ къ его рожденію и онъ лежитъ вмѣстѣ съ моимъ секретомъ въ правомъ ящикѣ маминаго комода. Онъ спрятанъ въ маленькой коробочкѣ и завернутъ въ вату. Онъ немножко золотой, немножко съ моей головы и немножко съ маминой, и будетъ висѣть на часовой цѣпочкѣ, но я не скажу что̀ это такое, а папа ни за что не угадаетъ, хоть и пробуетъ постоянно.

„Бѣдный старый Кловисъ!“ подумалъ Джакъ.

Они вышли изъ лѣса, и Джакъ остановился, положивъ руку на плечо ребенка.

— Слушай, малышъ, сказалъ онъ ему: — скажи отъ меня мамѣ что я извиняюсь за то что мы вышли въ рощу, но что я не хотѣлъ сдѣлать ничего дурнаго. Скажи ей также что я совѣтую ей поговорить съ м-ромъ Кловисомъ о нищихъ, потому что я знаю что тотъ нищій котораго я видѣлъ сегодня очень дурной человѣкъ и дѣлалъ такія гадкія вещи о которыхъ я даже не стану разказывать твоей мамѣ. Запомнишь ты все это?

— Конечно, запомню, отвѣчалъ Джорджъ. — И мама, навѣрно, скажетъ папѣ, потому что она страшно боится бродягъ. Я радъ что это была не она, если этотъ нищій такой ужасный, хотя, конечно, тогда я вступился бы за нее.

— Конечно, согласился Джакъ.

ГЛАВА XV.

М-съ Кловисъ торопливо шла домой по деревнѣ. Она боялась возвращаться лѣсомъ, чувствуя что не въ состояніи второй разъ встрѣтиться съ своимъ зятемъ. Она сама понимала что страхъ ея неоснователенъ, что Джакъ не имѣетъ ни права, ни желанія вмѣшиваться въ ея дѣла, но тѣмъ не менѣе всякій разъ какъ ея совѣсть начинала мучить ее картинами неизбѣжнаго суда, передъ ней въ роли судьи неизмѣнно вставалъ этотъ высокій голубоглазый человѣкъ.

Бѣдная м-съ Кловисъ совсѣмъ не была создана для роли драматическаго злодѣя. Не было женщины которая больше ея цѣнила бы выгоды безупречной репутаціи и боялась бы тѣни дурной молвы. Во дни своей молодости она, дѣйствительно, сдѣлала нѣсколько глупостей, но ей казалось жестокимъ что изъ такихъ пустяковъ вышли такія серіозныя послѣдствія. Особено мучило ее то что одна незначительная ложь сказанная ею однажды м-ру Кловису заставляла ее теперь постоянно лгать ему.

Послѣ непріятнаго разговора съ Кирилломъ Беваномъ у нея разболѣлась голова, но тѣмъ не менѣе, услыхавъ церковный звонъ, она вошла въ церковь несмотря на усталость и присоединилась къ очень скудному числу молельщиковъ посѣщавшихъ службу въ пятницу вечеромъ. Въ церкви сидѣли двѣ старухи получавшія содержаніе отъ м-съ Кловисъ и потому усердно вертѣвшіяся у нея на глазахъ, да Энни Гобертъ снимавшая въ уголку рисунокъ окна. Больше не было никого кромѣ причетника который въ душѣ возмущался нововведеніями священника, но волей неволей долженъ былъ принимать въ нихъ участіе.

М-ръ Стродъ бѣглымъ взоромъ окинулъ пустую церковь. „Возлюбленные братья", началъ онъ, и его чистый, звучный голосъ звонко раздавался по церкви.

— Ему бы надо сказать „возлюбленный братъ", подумала Энни, потому что здѣсь только одинъ мущина.

Ей было немножко смѣшно что онъ съ такимъ упорствомъ каждую пятницу проповѣдуетъ пустымъ стульямъ и лавкамъ. Она замѣтила что алтарь убранъ дорогими цвѣтами. Эти цвѣты выращивалъ въ своемъ саду самъ священникъ.

Старый пробитый пулями обрывокъ знамени (когда-то побѣдоносно развѣвавшагося въ рукѣ давно умершаго героя) висѣлъ надъ головою м-ра Строда. Маленькой художницѣ это

показалось хорошимъ и трогательнымъ сюжетомъ. Она взяла кусокъ угля и начала новый рисунокъ. По окончаніи службы м-ръ Стродъ сказалъ короткую проповѣдь которой никто не слушалъ. Причетникъ страдальчески вздыхалъ, старухи дремали, а м-съ Кловисъ откинулась на спинку кресла, сжавъ руками свой пылающій лобъ. Она находила что и такъ сдѣлала больше чѣмъ была должна, придя въ церковь среди недѣли. Эту лишнюю службу она считала подвигомъ сверхъ требуемыхъ и ожидала себѣ за нее особенной награды со стороны Неба.

М-ръ Стродъ только что сталъ подходить къ двери ризницы, какъ восклицаніе причетника заставило его обернуться. Изящная фигура въ сѣромъ платьѣ, присутствіе которой иногда казалось ему благоуханнымъ ѳиміамомъ, лежала безъ чувствъ на полу у своего мѣста.

Энни Гобертъ, бросивъ бумагу и карандашъ, прибѣжала на помощь, но священникъ уже поднялъ м-съ Кловисъ и вынесъ ее на церковную паперть, гдѣ нѣжный западный вѣтерокъ немедленно привелъ ее въ сознаніе.

М-ръ Стродъ отличался быстротою дѣйствій. Положивъ свою ношу на широкую каменную скамью, онъ отправился за водой и черезъ минуту вернулся съ полнымъ стаканомъ. Онъ нашелъ м-съ Кловисъ сидящей и извиняющейся за безпокойство.

— Я такъ подвержена обморокамъ! Въ жаркую погоду и въ особенности когда я устала мнѣ всегда дѣлается дурно, но мнѣ совѣстно что я надѣлала столько хлопотъ мисъ Гобертъ и вамъ, м-ръ Стродъ.

— Я была увѣрена что вы съ головною болью лежите въ постели, сказала Энни. — Вы очень дурно сдѣлали что встали и пришли въ церковь. Я не знаю что̀ бы сказала на это м-съ Кардью.

— Я не люблю пропускать этой службы, но милая Джилліанъ этого не понимаетъ; она совсѣмъ другой человѣкъ, кротко отвѣчала м-съ Кловисъ.

Эта фраза разсердила Энни которая горячо любила м-съ Кардью.

— М-съ Кардью цѣлый день не выходила изъ дѣтской; она не можетъ оставить Стивена, сказала она.

— Предлогъ для непосѣщенія церкви найти не трудно, замѣтилъ м-ръ Стродъ. — Я желалъ бы чтобы кое-кто изъ моихъ прихожанъ побольше грѣшилъ излишнимъ усердіемъ къ церкви.

Въ эту минуту м-съ Кловисъ встала и, граціозно покачиваясь на ногахъ, заявила о своемъ намѣреніи идти домой. Ея собесѣдники принялись уговаривать ее послать за экипажемъ, но споръ былъ прерванъ появленіемъ самого м-ра Кловиса который ѣхалъ со станціи и, увидавъ жену, приказалъ кучеру остановиться. Онъ выпрыгнулъ изъ коляски со стремительностію напоминавшею скорѣе молодаго жениха чѣмъ стараго мужа, и съ сіяющимъ лицомъ пошелъ навстрѣчу женѣ.

— Какъ хорошо что я подъѣхалъ какъ разъ во-время чтобы захватить тебя, дорогая моя, сказалъ онъ.—Но вѣдь сегодня не воскресеніе; зачѣмъ же ты въ церкви?

— Сегодня пятница; у насъ по пятницамъ всегда бываетъ вечерняя служба, милый Джорджъ, сказала м-съ Кловисъ.— Ты, кажется, еще не знакомъ съ нашимъ новымъ викаріемъ.

М-ръ Кловисъ угрюмо поклонился, но зато новый викарій обрадовался ему отъ чистаго сердца. М-ру Строду надоѣла м-съ Кловисъ, и онъ былъ радъ сбыть ее съ рукъ. Онъ не очень любилъ женщинъ.

— Мы уговаривали м-съ Кловисъ не возвращаться домой пѣшкомъ. Ей и безъ того сдѣлалось дурно отъ жары въ церкви, объяснилъ онъ.

Тревога и безпокойство мгновенно отразившіяся на лицѣ нѣжнаго мужа показались м-ру Строду даже смѣшными.

— Что съ тобою? Что случилось? Теперь, вглядѣвшись въ тебя, я и самъ вижу что ты блѣдна какъ лилія. (М-ръ Кловисъ подбиралъ для жены самыя изящныя сравненія какія умѣлъ). Что съ тобою сдѣлалось въ мое отсутствіе?

— Ничего, милый, я просто устала и измучилась душою. Мой бѣдненькій внукъ обжегся во время пожара и вообще пришлось много хлопотать.

М-ръ Кловисъ взялъ ее подъ руку съ нѣжной заботливостію которая была ей очень пріятна.

— Не правда ли что возня съ внучатами идетъ мнѣ больше чѣмъ ей? шутливо сказалъ м-ръ Кловисъ, обратясь къ м-ру Строду который упорно промолчалъ въ отвѣтъ.—Я не понимаю, почему въ молитвѣ всегда нуждаются наименѣе грѣшные люди? Это напоминаетъ мнѣ тѣхъ бѣлоручекъ которыя во всю жизнь не притронулись ни къ чему грязному, а моютъ руки по десяти разъ въ день.

Онъ подсадилъ жену въ коляску съ тою преувеличенною заботливостью съ которой всегда относился къ этой изящнѣй-

шей и драгоцѣннѣйшей своей собственности. Энни и м-ръ Стродъ слѣдили за отъѣзжавшей коляской. М-ру Строду казалось страннымъ и непонятнымъ, какъ такая изящная дама вышла замужъ за такого грубаго, стараго лавочника, и онъ почти безсознательно выразилъ свою мысль.

— Мнѣ не приходилось встрѣчаться съ нимъ раньше, сказалъ онъ,—и я никогда бы не повѣрилъ что онъ мужъ м-съ Кловисъ.

— А мнѣ онъ нравится, и я совсѣмъ не считаю его грубымъ человѣкомъ, живо возразила Энни.

М-ръ Стродъ поднялъ свои черныя брови. Теперь онъ вспомнилъ что не въ первый разъ видитъ передъ собою мисъ Гобертъ. Эта маленькая дѣвочка опять начинаетъ ему противорѣчить.

Онъ такъ убѣдилъ себя въ тупости своихъ прихожанъ что совершенно отвыкъ отъ того чтобы его понимали съ полуслова, и теперь досадовалъ на себя что такъ неосторожно выдалъ свою мысль.

Онъ молча повернулся и сталъ было запирать церковь, какъ Энни остановила его.

— Пожалуйста, позвольте мнѣ прежде захватить мою тетрадь съ рисунками. Я оставила ее у окна когда бросилась на помощь къ м-съ Кловисъ.

— Въ такомъ случаѣ ею, вѣроятно, завладѣлъ м-ръ Джонсъ, сказалъ м-ръ Стродъ.—Я отдалъ ему приказъ конфисковать всѣ игрушки какія онъ найдетъ въ церкви. У меня уже лежатъ три мятныхъ карамельки, одинъ Робинзонъ Крузо и два свистка.

— Моя тетрадь не игрушка, а орудіе рабочаго человѣка, сказала Энни.—Она помогаетъ мнѣ добывать хлѣбъ, и я не могу оставить ее вамъ.

— Орудіе рабочаго человѣка? Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ и даже проблескомъ участія. Онъ никогда бы не подумалъ что та дѣвушка съ которой онъ обѣдалъ въ Дрэйкотъ-Кортѣ, сама заработываетъ свой хлѣбъ. Теперь онъ понялъ чѣмъ она отличалась отъ большинства барышень, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ гостиныхъ. Она была независимѣе и менѣе заботилась о производимомъ ею впечатлѣніи.

— Пойдемте! Я достану ее вамъ, сказалъ онъ и снова распахнулъ тяжелую дверь церкви.

Энни послѣдовала за нимъ въ ризницу.

— Этотъ снимокъ окна предназначается для одного художественнаго журнала, сказала она, когда онъ разыскалъ тетрадь.—Для литографированія приходится дѣлать каждую линію какъ можно рѣзче и яснѣе. На этотъ рисунокъ у меня пошло очень много времени.

— Онъ прекрасно сдѣланъ, замѣтилъ священникъ.—Можно мнѣ также взглянуть и на этотъ отдѣльный листокъ? Это, кажется, эскизъ какой-то картины!.. А!

Рѣзкое и короткое восклицаніе показало что онъ понялъ мысль художницы.

Это былъ бѣглый набросокъ углемъ изображавшій его самого говорящаго проповѣдь двумъ спящимъ старухамъ и длинной перспективѣ пустыхъ стульевъ. Его худая энергичная фигура была схвачена вѣрно и живо. Надъ его головой уныло склонялось старое знамя, а надъ нимъ стояла надпись: „Отчаянная битва“.

Энни покраснѣла.

— Мнѣ жаль что вы увидали это, сказала она.

— Отчего же? Видно что *вы*, по крайней мѣрѣ, извлекли пользу изъ моей проповѣди, сухо сказалъ м-ръ Стродъ.—Это очень остроумно. Въ какомъ журналѣ это появится?

— Ни въ какомъ. Я нарисовала это для моего брата, то-есть, все равно что для самой себя. Джоффрей любитъ знать про все что̀ я вижу и дѣлаю, а мнѣ легче рисовать чѣмъ описывать. Но если хотите, я разорву этотъ листокъ.

Она предложила это съ сожалѣніемъ, видя явное неудовольствіе священника. У Энни не хватало духа обидѣть кого-нибудь, но она знала что рисунокъ хорошъ.

— Я въ самомъ дѣлѣ слушала вашу проповѣдь, прибавила она въ извиненіе,—и могу повторить ее, а во время самой службы я не рисовала, такъ что это не было такъ безнравственно, какъ вы думаете. Меня главнымъ образомъ навелъ на эту мысль видъ стараго знамени. Въ старомъ знамени всегда есть что-то трогательное.

При этихъ словахъ Энни улыбнулась, и ея худенькое, острое личико зардѣлось румянцемъ. М-ръ Стродъ смягчился.

— Да, это знамя такой проповѣдникъ котораго понимаютъ даже самые сонные и тупые изъ моихъ прихожанъ, сказалъ онъ.—Не рвите своего рисунка!.. и не могу ли я... если вы въ самомъ дѣлѣ не хотѣли продавать его... не могу ли я оставить его себѣ? Потому что въ дѣйствительности и я не совсѣмъ равнодушно отношусь къ своему долгу!

— Разумѣется, сказала Энни, не понимая „оборонительнаго“ тона послѣдней фразы, которая была сказана не ей, а невидимому врагу и обвинителю.

Дѣло въ томъ что м-ръ Стродъ не переставалъ мысленно спорить съ чьимъ-то голосомъ несправедливо и злобно говорившимъ ему что онъ не истинный священникъ и что онъ сдѣлалъ все что могъ для того чтобы погубить ввѣренную ему душу. Онъ упорно отвергалъ обвиненіе, онъ съ торжествомъ доказывалъ обвинителю его неправоту, онъ находилъ превосходныя возраженія, которыхъ не успѣлъ сказать тогда въ теплицѣ, но голосъ звучалъ все также настойчиво, потому что это былъ голосъ женщины и не хотѣлъ подчиниться разуму.

— Возьмите этотъ рисунокъ, если онъ вамъ нравится, сказала Энни.

М-ръ Стродъ глядѣлъ на него сверкающими глазами.

— Я не знаю, можетъ ли для человѣка быть лучшая доля чѣмъ доля побѣдителя въ отчаянной битвѣ, сказалъ онъ.

— Врядъ ли, согласилась маленькая художница.—Я знаю только одну долю выше этой.

— Какую? спросилъ священникъ.

— Долю павшаго въ ней, тихо сказала дѣвушка.

Длинныя, косыя тѣни лежали на дворѣ, когда они вышли изъ церкви.

— Я думаю что еще успѣю поработать часокъ до обѣда. Моя стѣна почти кончена, сказала Энни.

— Ахъ, да! вы расписываете залу клуба который м-ръ Кардью нашелъ нужнымъ выстроить въ моемъ приходѣ? спросилъ м-ръ Стродъ.

Онъ былъ недоволенъ всѣми этими затѣями начатыми еще въ царствованіе его предшественника и даже хотѣлъ въ противовѣсъ имъ открыть церковный клубъ, но свѣтское вліяніе было такъ сильно въ приходѣ что онъ заранѣе предвидѣлъ неудачу и на время отложилъ свое предпріятіе.

Энни живо позвала его взглянуть на ея работу и сказала что считаетъ этотъ заказъ большимъ счастіемъ для себя, потому что на свѣтѣ нѣтъ людей добрѣе и лучше м-ра и м-съ Кардью.

— Да, я знаю что м-съ Кардью пользуется большой любовью, сказалъ м-ръ Стродъ безпристрастнымъ тономъ и пошелъ рядомъ съ Энни внизъ по деревенской улицѣ.

— Я чувствую что была слишкомъ скора и рѣзка съ вами

за обѣдомъ, сказала Энни всегда быстро раскаивавшаяся въ своей горячности,—но видите ли, я не могу равнодушно слушать когда кто-нибудь дурно отзывается о моихъ друзьяхъ. Послѣ я вспомнила что вы не могли знать всего что̀ я знаю.

— А что̀ вы знаете? спросилъ м-ръ Стродъ.

— Я знала м-ра Кардью до того какъ это все случилось. Онъ тогда былъ совсѣмъ молодъ, полонъ силъ и таланта. Всѣ мы ставили его очень высоко. Никто не былъ менѣе его способенъ на то преступленіе, въ которомъ его обвинили, и никто изъ его друзей не вѣрилъ въ его виновность. Это была совершенно невозможная вещь. Мнѣ хотѣлось объяснить вамъ это. Я думаю что вы были бы очень рады увѣриться въ его честности, а это, конечно, трудно для васъ, потому что вы не знали его раньше. У него есть манера принимать видъ... видъ бѣлой стѣны, когда онъ чувствуетъ что человѣкъ ему не довѣряетъ. Я увѣрена что онъ сдѣлалъ именно такое лицо при встрѣчѣ съ вами въ тюрьмѣ и не удивляюсь что вы не сумѣли проникнуть дальше.

Въ это время они уже успѣли дойти до клуба и стояли въ его веселой, хорошенькой залѣ. Стѣны были расписаны высокими мальвами, а деревянный полъ натертъ воскомъ. М-ръ Стродъ уставился ничего не видящимъ взоромъ въ стѣну.

— Нравится вамъ? съ любопытствомъ спросила художница.—Или, можетъ быть, вы находите что слишкомъ много розовыхъ цвѣтовъ? По моему эти сѣрыя головки очень недурны, а м-съ Кардью онѣ не нравятся. Она терпѣть не можетъ ничего вянущаго и отцвѣтающаго. Какъ это странно, не правда ли? Но я всетаки буду писать вещи такъ какъ вижу ихъ сама; слишкомъ усердное угожденіе вкусамъ заказчика по моему недобросовѣстно. Нравится вамъ этотъ рисунокъ?

— Нѣтъ, строго сказалъ м-ръ Стродъ,—это не оправданіе.

Энни даже вздрогнула отъ удивленія. Она иногда жаловалась на несеріозное отношеніе людей къ искуству, но здѣсь передъ нею стоялъ критикъ котораго поистинѣ нельзя было упрекнуть въ этомъ грѣхѣ!

— Я не оправдывала его, слабо сказала она, но затѣмъ съ огорченіемъ увидала что онъ думалъ вовсе не о цвѣтахъ.

— Это не оправданіе, повторилъ онъ,—да его и не нужно, потому что я и тогда былъ и теперь убѣжденъ въ его виновности. Когда онъ заговорилъ со мной въ первый разъ, то, дѣйствительно, заговорилъ горячо и съ напускной откровен-

ностью мальчишки, такъ что менѣе опытный человѣкъ могъ бы, пожалуй, обмануться, но я перевидалъ ихъ столько въ жизни! А потомъ онъ прославился отчаяннымъ упрямствомъ котораго не могла сломить никакая дисциплина. Онъ обратился ко мнѣ за поддержкой? Нѣтъ, нѣтъ, это не былъ искренній призывъ, это была попытка обмануть...

— Довольно! прервала его Энни.—Вы можете воображать о м-рѣ Кардью чтò хотите, но мнѣ такихъ вещей, пожалуйста, не говорите.

Съ этими словами она взяла кисти и палитру и направилась къ двери. Писать было слишкомъ темно, и кромѣ того она чувствовала себя огорченной и разстроенной.

— Съ моей стороны было большою глупостью воображать что я сумѣю убѣдить васъ, сказала она.—Мнѣ слѣдовало молчать... но, прибавила она послѣ минутной паузы,—я думала что можетъ быть вы будете сами рады убѣдиться.

М-ръ Стродъ перестаъ спорить съ обвиняющимъ голосомъ и вдругъ опомнился.

— Простите меня, пожалуйста, сказалъ онъ.—Я думалъ не о васъ, но я конечно не долженъ былъ дурно отзываться о м-рѣ Кардью въ присутствіи его гостьи. Конечно, я былъ бы очень радъ...

Но онъ не кончилъ фразы. Его честность не дала ему договорить. Онъ надѣлъ шляпу, простился и ушелъ. Онъ дорого далъ бы чтобы имѣть возможность докончить начатую фразу потому что теперь обвиняющій голосъ съ торжествомъ шепталъ ему:

— Да, вы не можете выговорить этихъ словъ: вы *не* были бы рады оправданію Джака Кардью; въ глубинѣ души вамъ было бы досадно. Вы не истинный пастырь душъ.

. . . .

Между тѣмъ м-съ Кловисъ ѣхала домой съ усталымъ видомъ прислонясь къ коляскѣ и кротко улыбалась въ отвѣтъ на ласковыя рѣчи мужа. Когда они подъѣхали, Джорджъ выбѣжалъ навстрѣчу отцу и остановился въ изумленіи при видѣ матери.

— Мамочка, я только что подбѣгалъ къ твоей двери, и она была заперта, а Джилліанъ сказала мнѣ что твоя голова еще не прошла. А мнѣ надо было разказать тебѣ много смѣшныхъ вещей и передать порученіе м-ра Кардью. Онъ говоритъ что нищій котораго мы видѣли въ лѣсу очень гадкій нищій и что онъ совѣтуетъ тебѣ разказать о немъ папѣ.

Впрочемъ, ты конечно ничего не понимаешь, потому что тебя тамъ не было. Ахъ, мама, вотъ смѣшно-то! Ты знаешь, я принялъ голосъ нищей женщины за твой. Правда что я не видалъ ея, потому что кошка какъ разъ въ эту минуту перепрыгнула на другое дерево. Но гдѣ же ты была, мамочка, и прошла ли твоя голова?

— Не приставай ты къ ней съ такими глупостями, сказалъ м-ръ Кловисъ.—Она молилась Богу, вотъ гдѣ она была!

Онъ говорилъ съ забавной смѣсью умиленія и досады. Благочестіе жены всегда казалось ему самымъ трогательнымъ вѣнцомъ ея совершенствъ, но онъ ревновалъ ее къ требованію церкви.

— Ты слишкомъ слаба чтобы сидѣть на жесткихъ стульяхъ и прислоняться къ деревяннымъ спинкамъ, сказалъ онъ.—Теперь я дома и положу этому конецъ. Я увѣренъ что этотъ длиннолицый баринъ въ подрясникѣ самъ не молится до обмороковъ.

— Я не люблю когда ты такъ говоришь про священниковъ, слабымъ голосомъ замѣтила м-съ Кловисъ. — Но я дѣйствительно пережила очень тревожное и утомительное время и рада что ты вернулся.

На этотъ разъ она говорила чистую правду. М-съ Кловисъ очень замѣчала отсутствіе своего заботливаго мужа, и ей показалось что вмѣстѣ съ нимъ въ домъ вернулось спокойствіе и безопасность. Ея совѣсть мучила ее весь день, Джакъ хоть и невольно напугалъ ее, Кириллъ Беванъ самымъ низкимъ образомъ требовалъ съ нея денегъ, и она почувствовала себя покинутой и мятущейся грѣшницей, для которой нѣтъ другаго спасенія кромѣ молитвы и покаянія. Теперь эти страхи разлетѣлись при одномъ звукѣ веселаго голоса мужа. Когда онъ уложилъ ее на диванъ, поправилъ ей подушки и побранилъ ее за излишнюю святость, ей стало такъ хорошо какъ будто бы она изъ темной, холодной пустыни попала въ веселую освѣщенную комнату. Она сознавала что на самомъ дѣлѣ ничто не измѣнилось и что въ будущемъ ее можетъ быть снова ждетъ тьма и холодъ, но теперь она могла забыть это на время. По правдѣ сказать, она такимъ образомъ забыла не мало „неудобныхъ“ фактовъ.

М-съ Кловисъ уютно улеглась на кушеткѣ, и головѣ ея стало легче. Она съ наслажденіемъ принялась разказывать о главномъ происшествіи послѣдней недѣли и о своемъ мученіи и безпокойствѣ.

М-ръ Кловисъ любилъ знать мельчайшія подробности событій, и подобно маленькому Джорджу твердо вѣрилъ что Эва разказываетъ ему „всѣ свои секреты“.

— Итакъ, м-съ Джилль въ концѣ-концовъ таки гоститъ у насъ! съ торжествомъ сказалъ онъ.—Она клялась что не сдѣлаетъ этого, пока я не приглашу ея каторжника.

— Я желала бы чтобы ты не называлъ Джака такими ужасными именами, сказала м-съ Кловисъ. — Да, я знаю, Джилль упряма, но на этотъ разъ она уступила ради ребенка. Испугъ подѣйствовалъ на него такъ сильно что было бы неосторожно снова перевозить и тревожить его.

М-ръ Кловисъ слушалъ и барабанилъ пальцами по столу, что̀ у него всегда было знакомъ внутренняго волненія.

— Да, замѣтилъ онъ,—ради мужа и сына она готова на все что̀ угодно. Вотъ что̀, Эва, а вдругъ она права и онъ никогда не дѣлалъ этого?

— Я всегда говорила что не вѣрю въ его виновность, отвѣчала м-съ Кловисъ.

— Да, ты *говорила*, съ какимъ-то сомнѣніемъ согласился мужъ, — но ты была до такой степени противъ ихъ свадьбы что мнѣ казалось, будто ты не очень довѣряешь ему. Ну, вотъ ты опять начинаешь волноваться! Успокойся, я говорю тебѣ что почти готовъ согласиться съ тобой. Я убѣждался много разъ въ жизни что настоящій мошенникъ, какъ бы онъ ни былъ хитеръ, въ концѣ-концевъ всегда запутается и выдастъ себя, особенно если его окружаютъ такіе соблазны, какими окруженъ Кардью, а между тѣмъ онъ мало-по-малу успѣлъ очиститься въ глазахъ многихъ достойныхъ людей и привлечь на свою сторону общее мнѣніе. Я не думалъ что это ему удастся, но на повѣрку вышло такъ. Я дорого бы далъ чтобы знать правду.

— Теперь ему вѣрятъ рѣшительно всѣ, усталымъ голосомъ сказала м-съ Кловисъ и закрыла глаза. Ей было непріятно что Джорджъ навелъ разговоръ на эту тему.

— Я далъ клятву не пускать его сюда, пока не узнаю правды. Я самъ честный человѣкъ и не хочу водиться съ каторжниками. Мнѣ все равно что̀ дѣлаютъ „всѣ“, упрямо говорилъ м-ръ Кловисъ,—но есть *одинъ* человѣкъ, чье мнѣніе мнѣ было бы очень интересно.

— Чье? Джилліанъ?

— Нѣтъ, не Джилліанъ (хотя я сомнѣваюсь чтобы отъ жены можно было скрыть правду), а самого Джака. Я хо-

тѣлъ бы подойти къ нему врасплохъ и сказать: „скажите мнѣ, какъ мущина мущинѣ и подъ строжайшимъ секретомъ, только для того чтобы мнѣ знать что думать, сдѣлали вы это или нѣтъ?“ Я увѣренъ что по выраженію его лица въ первую минуту я узнаю правду.

— Какой вздоръ, милый Джорджъ! Я надѣюсь что ты никогда не сдѣлаешь такой смѣшной вещи. Гораздо лучше оставить все дѣло въ покоѣ и держаться такъ, какъ будто ничего не было.

М-ръ Кловисъ съ сокрушеніемъ покачалъ головой.

— Я не могу такъ легко проглатывать вещи; это не въ моей природѣ, сказалъ онъ.—И напрасно ты считаешь мою мысль такою глупостью. Говорятъ что преступникъ всегда мучится жаждой сознанія; этимъ путемъ многіе изъ нихъ попадаютъ на висѣлицу. Ну, что ты? что съ тобой опять?

— У меня опять ударило въ голову. Я думаю что не сойду къ обѣду, а тебѣ пора одѣваться, милый; первый звонокъ уже былъ.

— Хорошо, я пойду, а ты лежи и береги свое здоровье, потому что хорошихъ людей мало на свѣтѣ, сказалъ онъ.— А я, кажется, не шутя задамъ этотъ вопросъ каторжнику.

Эта фантазія, можетъ быть, именно вслѣдствіе своей нелѣпой простоты крѣпко засѣла въ головѣ м-ра Кловиса. Онъ вышелъ къ обѣду съ такимъ озабоченнымъ видомъ что Джилліанъ обратила на это вниманіе.

— Итакъ, не смотря на всѣ ваши зароки вы всетаки очутились у насъ, сказалъ онъ при встрѣчѣ съ нею.

— Я не разчитывала на то что мы останемся безъ крова и что мой мальчикъ заболѣетъ. Вы имѣете полное право торжествовать, сказала Джилль.

М-ру Кловису стало досадно на себя за свои слова. М-съ Джилль умѣла пристыдить человѣка когда хотѣла. Однако, въ продолженіе обѣда онъ оправился и сталъ покровительственно занимать миссъ Гобертъ, подчуя ее то тѣмъ, то другимъ и слишкомъ замѣтно обращая ея вниманіе на разницу между этимъ обѣдомъ и тѣмъ который она привыкла ѣсть дома. Къ счастью, Энни обладала веселымъ и добродушнымъ характеромъ, и неловкости хозяина не столько обижали, сколько забавляли ее; кромѣ того, ее поддерживало сознаніе что на самомъ дѣлѣ въ ея судьбѣ не было ничего жалкаго и что она ни за что на свѣтѣ не согласилась бы помѣняться мѣстами съ м-ромъ Кловисомъ, даже еслибы это было возможно.

Вѣчно жить съ м-съ Кловисъ вмѣсто того чтобы жить съ Джоффреемъ! Стать старымъ старикомъ и отказаться отъ радужныхъ надеждъ въ будущемъ! До такой степени утратить пониманіе настоящихъ радостей жизни что начать интересоваться собственнымъ обѣдомъ и выдерживать ежедневно пять блюдъ подаваемыхъ напудренными лакеями! Все это можно было терпѣть на нѣсколько дней въ видѣ развлеченія, но жить такъ всю жизнь—никогда! Бѣдный богачъ! Ей стало даже жаль его.

Къ десерту появился Джорджъ который и остался болтать съ отцомъ, когда дамы ушли изъ столой. М-ръ Кловисъ и Джорджъ были отличные товарищи.

— Сегодня въ нашемъ лѣсу была пара страшныхъ бродягъ, сообщилъ Джорджъ отцу, — но м-ръ Кардью испугалъ ихъ, и они ушли прочь.

— Я не хотѣлъ чтобы ты заводилъ знакомство съ м-ромъ Кардью, мой мальчикъ.

— Отчего? Онъ такой славный, серіозно сказалъ Джорджъ.— Ты бы полюбилъ его еслибы зналъ его такъ же хорошо какъ я.

М-ръ Кловисъ нахмурился.

— Такъ же хорошо какъ ты? Съ какой стати у васъ завелась такая дружба?

— Онъ сегодня только въ первый разъ заговорилъ со мною, признался Джорджъ, — и то потому что я чуть не сшибъ его съ ногъ. Я, видишь ли, гнался за кошкой, ну и, конечно, у насъ послѣ этого начался разговоръ, а потомъ онъ подсадилъ меня на стѣну.

— Вотъ еще!.. О чемъ же вы разговаривали?

— О дикихъ кошкахъ и лѣсныхъ ворахъ, сказалъ Джорджъ.— Отчего ты говоришь: „вотъ еще!“ папа?

М-ръ Кловисъ потеръ рукой затылокъ, что̀ онъ дѣлалъ всегда въ минуты размышленія.

— Я не знаю, почему бы мнѣ не объяснить тебѣ этого, сказалъ онъ.—По правдѣ сказать, мой мальчикъ, я не знаю хорошій ли человѣкъ м-ръ Кардью, или никуда негодный. Съ нимъ однажды случилась гадкая исторія. Онъ былъ обвиненъ и посаженъ въ тюрьму за мошенническое вымогательство денегъ; это значитъ что для полученія этихъ денегъ онъ долженъ былъ наговорить кучу лжи. Но теперь, видишь ли, есть люди, которые несмотря на судей и присяжныхъ не вѣрятъ тому что онъ сдѣлалъ это, и есть другіе люди ко-

торые изъ-за того что у человѣка много денегъ готовы забыть всѣ его проступки. А ты и я, мы оба происходимъ изъ честнаго рода и не должны водиться съ мошенниками. Я хочу чтобы ты всегда помнилъ что ты вышелъ изъ честнаго рода, которому нечего стыдиться прошлаго. Тебѣ не придется заниматься торговлей, и когда ты очутишься въ обществѣ разныхъ лордовъ и леди и, можетъ быть, захочешь жениться на какой-нибудь леди Эвелинѣ *де-Я не знаю что*, то можешь сказать ея отцу: „мой отецъ былъ торговецъ, но родъ нашъ чистъ и честенъ".

М-ръ Кловисъ очень любилъ распространяться на эту тему, но Джорджъ мало заинтересовался своей будущею женитьбой на леди Эвелинѣ.

— И Джилліанъ тоже сидѣла въ тюрьмѣ? спросилъ онъ.— И они спали на доскахъ и ѣли черную кашу? Имъ, навѣрно, давали одну порцію каши на обоихъ, потому что они мужъ и жена.

Джорджъ, какъ и его отецъ, любилъ знать все въ подробности.

— Твоя сестра тогда еще не была замужемъ; она ждала, пока онъ не вышелъ изъ тюрьмы.

— Ну такъ, конечно, онъ не дѣлалъ этого; впрочемъ, я и безъ того знаю что не дѣлалъ, сказалъ Джорджъ.

— Знаешь? Почему ты знаешь, обезьянка? смѣясь спросилъ его отецъ. М-ръ Кловисъ разказалъ ребенку эту исторію почти съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ его собственный дѣдъ раскрывалъ на удачу библію: но внукъ не хотѣлъ признаваться что вѣрилъ въ гаданіе.

— Почему ты знаешь, обезьянка?

— Онъ не *лгалъ*, потому что онъ не *лжетъ*, рѣшительно сказалъ мальчикъ.—Папа, подари мнѣ настоящее ружье, пожалуйста, потому что у насъ въ лѣсу очень много злыхъ воровъ!

Отказавъ сыну въ этой просьбѣ которая ежедневно возобновлялась во время десерта подъ какимъ-нибудь новымъ предлогомъ, м-ръ Кловисъ услалъ его спать, а самъ закурилъ трубку и вышелъ въ садъ.

„Потому что онъ не лжетъ". Что же? Развѣ не на этой причинѣ большинство порядочныхъ людей основывало свою вѣру въ невинность Кардью? Лжецъ такъ же мало можетъ удержаться отъ лжи, какъ пьяница отъ бутылки. Можно было увѣрять въ чемъ угодно и говорить что деньги Джака и умъ

Джилліанъ покупаютъ золотыя мнѣнія (до извѣстной степени и среди извѣстнаго класса людей это безъ сомнѣнія такъ и было), но въ душѣ м-ръ Кловисъ зналъ что здѣсь, въ родномъ графствѣ Джака, были люди которые теперь увѣрились въ немъ, не смотря на то что сначала относились къ нему съ подозрѣніемъ, и мнѣніе которыхъ никогда не могло быть куплено деньгами. Мало того, эти люди позволяли своимъ женамъ знакомиться съ нимъ, что̀ было вѣскимъ доказательствомъ искренности ихъ вѣры. Затѣмъ въ Джака вѣрили женщины, а это что-нибудь значило. У женщинъ, по мнѣнію м-ра Кловиса, на этотъ счетъ особое чутье.

— Я хотѣлъ бы знать правду, повторялъ онъ въ сотый разъ и вдругъ увидалъ Джака подходившаго къ дому. Повинуясь какому-то непреодолимому побужденію. онъ всталъ и вышелъ къ нему навстрѣчу. Они встрѣтились какъ разъ подъ электрическимъ фонаремъ который мыловаръ повѣсилъ подъ крышей своего готическаго подъѣзда.

Джакъ холодно приподнялъ шляпу.

— Я долженъ извиниться передъ вами за то что являюсь въ вашъ домъ, сказалъ онъ,—но я хочу узнать о здоровьѣ моего сына прежде чѣмъ окончательно рѣшить свой отъѣздъ.

Кардью былъ смущенъ менѣе м-ра Кловиса и, по правдѣ сказать, удивился тому что вотчимъ Джилліанъ какъ-будто не находилъ словъ для отвѣта. Онъ рѣшилъ что вѣроятно старикъ слишкомъ взбѣшенъ чтобы говорить.

— Я могу и не входить въ домъ, сказалъ онъ.—Джилліанъ выйдетъ ко мнѣ сюда.

Съ этими словами онъ хотѣлъ дернуть ручку звонка, какъ вдругъ къ его бо̀льшему удивленію м-ръ Кловисъ остановилъ его руку.

— Нѣтъ, не звоните. Подождите минуту, сказалъ хозяинъ дома.—Я не затѣмъ чтобы помѣшать вамъ говорить съ м-съ Джилль, потому что каковъ бы ни былъ мужъ, онъ имѣетъ право на жену, но у меня есть одинъ вопросъ который мнѣ такъ хочется задать вамъ что, честное слово, я больше не могу терпѣть.

— Не понимаю что̀ вы можете желать знать отъ меня, сказалъ Джакъ.

Мыловаръ еще больше покраснѣлъ, и его выпуклые глаза съ выраженіемъ мольбы уставились на Джака, а рука съ бриліантовымъ перстнемъ дрожала отъ волненія. Кардью не могъ понять что̀ было въ головѣ у стараго Кловиса. Неужели что-

нибудь касающееся денегъ? Онъ не былъ настроенъ миролюбиво.

— Ну, что̀ же? холодно спросилъ онъ.

— Скажите мнѣ, какъ мущина мущинѣ, правду передъ Богомъ: были вы виновны или нѣтъ?

— *Нѣтъ,* сказалъ Джакъ.

И сейчасъ же, въ самый мигъ этого торжественнаго отреченія, его гордость подсказала ему что отвѣчать было глупо.

— Я не былъ обязанъ давать вамъ отвѣтъ, сказалъ онъ вслѣдъ за этимъ.—Смѣшно задавать мнѣ такіе вопросы. Если бы я сдѣлалъ эту вещь, то неужели, вы думаете, я не рѣшился бы поклясться въ томъ что не дѣлалъ ея? Вы ничего новаго не узнали.

М-ръ Кловисъ выпрямился и протянулъ руку.

— Я вѣрю вамъ, Кардью, просто сказалъ онъ,—и жалѣю что не повѣрилъ раньше. Вамъ это кажется ребячествомъ (хотя ребята издали чуютъ дурныхъ людей). но я вѣрю вамъ и несказанно радъ этому! Я не былъ увѣренъ въ томъ что это убѣдитъ меня, но однако чувствую что убѣдился.

Кардью громко разсмѣялся.

— Да вѣдь это же явная нелѣпость! сказалъ онъ.

М-ръ Кловисъ продолжалъ стоять съ протянутою рукой. Смѣхъ Джака умолкъ. Что-то точно сдавило ему горло. Все это было безъ сомнѣнія нелѣпо, но однако смѣшной поступокъ добраго и упрямаго мыловара вдругъ скрасилъ для него весь свѣтъ.

Онъ схватилъ руку м-ра Кловиса и сжалъ ее съ такою силой что тотъ закричалъ отъ боли, потому что бриліантовый перстень врѣзался ему въ руку.

— Довольно, довольно! просилъ онъ.—Но я не понимаю что̀ я сдѣлалъ смѣшнаго!

— Тѣмъ лучше, сказалъ Кардью.—Нѣтъ, я не былъ виновенъ, но я думаю что мы никогда не сможемъ доказать это. Теперь мнѣ это все равно, и если я забочусь о возстановленіи своего добраго имени, то только для сына.

М-ръ Кловисъ отворилъ дверь, и оба вошли въ сѣни. Услыхавъ послѣднюю фразу, старикъ покачалъ головой.

— Вамъ надо заботиться объ этомъ и для себя; вы еще молоды, сказалъ онъ.

— Мнѣ скоро сорокъ лѣтъ, сказалъ Джакъ. — Что же? Можетъ быть, и въ сорокъ лѣтъ человѣкъ понимаетъ такъ же мало, какъ въ двадцать, а въ восемьдесятъ такъ же мало,

какъ въ сорокъ. Во всякомъ случаѣ въ эти годы начинаешь догадываться, о чемъ *не* стоитъ заботиться; и то хорошо.

ГЛАВА XVI.

Кардью нашелъ своего стараго друга сидящимъ въ постели. Его худыя, длинныя колѣна были подняты и служили подставкой для книги которую онъ читалъ.

— На этотъ разъ я отдѣлался, Джакъ, сказалъ онъ,—но со слѣдующимъ приступомъ, думаю, будетъ конецъ.

Онъ былъ еще страшнѣе чѣмъ всегда, но въ пожатіи его костлявой руки чувствовалось еще много силы, а въ черныхъ глазахъ свѣтился огонь. На его подбородкѣ пробивалась жесткая щетина, потому что онъ не хотѣлъ позволить женскимъ рукамъ выбрить себя. Простыни и одѣяло неловко сбились въ кучу. Комната поражала своимъ неуютнымъ видомъ даже самаго невзыскательнаго гостя.

— Я не знаю, почему бы вамъ и еще двадцать разъ не отдѣлаться, если только вы будете принимать необходимыя мѣры предосторожности, сказалъ Джакъ.

Его только что передъ тѣмъ остановила на лѣстницѣ Елизавета со слезной просьбою „урезонить барина" который приводилъ ее въ отчаяніе своимъ удивительнымъ и ни на что не похожимъ способомъ леченія собственной болѣзни.

— Если вы будете продолжать пускать себѣ кровь, спать съ открытымъ окномъ и гонять отъ себя докторовъ...

— Довольно, довольно, все это вздоръ! прервалъ его старикъ.—Полно, Джакъ, неужели мы съ вами, какъ двѣ старыя кумушки, начнемъ говорить о пилюляхъ и разныхъ нѣжностяхъ? Я не хочу. У меня болѣзнь которая такъ или иначе должна убить меня; эта болѣзнь—годы. Я думалъ что умру сейчасъ и потому выписалъ васъ, но нѣтъ, на этотъ разъ смерть со мною не справилась. Въ слѣдующій разъ она подкрадется ко мнѣ изъ-за моей спины и уложитъ навсегда это старое, безобразное тѣло. И помните Джакъ: похороните меня въ саду въ простой корзинѣ; я терпѣть не могу церемоній. Я назначилъ васъ душеприкащикомъ.

— Но вы можете прожить еще десять лѣтъ, если...

— А вы можете уходить прочь если хотите говорить вздоръ, закричалъ на Джака м-ръ Молино.—Я еще не настолько

старъ чтобы позволять другимъ вмѣшиваться въ мои дѣла, сэръ!

Джакъ замолчалъ.

— Не думайте что я не радъ вамъ и не благодаренъ за вашъ пріѣздъ, неловко началъ старикъ послѣ минутнаго молчанія.—Я не хотѣлъ ссориться съ вами... Не можете ли вы лучше сѣсть и закурить? Мы выкурили вмѣстѣ немало трубокъ. Вы найдете трубку и спички на каминѣ. Меня иногда навѣщаетъ леди Джэнъ; она единственный человѣкъ котораго я бываю радъ видѣть, но, разумѣется, она не можетъ курить. Помните, какъ мы съ вами просидѣли чуть не всю ночь за трубками въ первый разъ какъ вы пришли ко мнѣ обѣдать? Ваша голова тогда была полна великихъ плановъ и предпріятій. Боже мой! Чего только вы не собирались сдѣлать! Вчера ночью мнѣ вдругъ захотѣлось чтобы вы опять покурили со мной.

Кардью исполнилъ желаніе больнаго, зажегъ трубку и придвинулъ свое кресло къ постели. Съ трубкой ему стало уютнѣе, но напоминаніе о прежнихъ временахъ больно кольнуло его. Какъ добръ былъ тогда старикъ къ пылкому юношѣ который былъ убѣжденъ что зажжетъ, по крайней мѣрѣ, Темзу, если не все море. Джакъ сталъ усиленно затягиваться изъ своей трубки, и должно быть, дымъ попалъ ему въ глаза, потому что на нихъ показались слезы.

— Я не могу понять, отчего вы приняли участіе въ такомъ самонадѣянномъ дуракѣ, какимъ я былъ тогда, сказалъ онъ.—Я объясняю это себѣ только тѣмъ что съ годами... для зрѣлаго человѣка... мальчики начинаютъ пріобрѣтать извѣстный интересъ.

— Не знаю... не могу сказать чтобы я вообще интересовался ими, сказалъ м-ръ Молино.—Въ васъ гораздо больше любви къ людямъ чѣмъ во мнѣ. Это сказывалось въ вашихъ сочиненіяхъ тогда, скажется и теперь. Вы гораздо крупнѣе меня, Кардью. Я родился педантомъ и буквоѣдомъ, а вы созданы на то чтобы помогать людямъ жить.

— Нѣтъ, я самъ испортилъ себѣ все, сказалъ Джакъ.

Онъ молча сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ и уныло заговорилъ:

— Вы сами знаете что это правда, сэръ. Вамъ было стыдно за меня въ день нашей первой встрѣчи въ комнатѣ Джилліанъ. Неужели вы думаете что я не замѣтилъ этого? Не думайте что я удивляюсь этому; мнѣ самому стыдно того времени. Но еслибы и она стала тогда стыдиться меня, то я не знаю что̀ бы теперь было со мною.

— Это правда, сказалъ м-ръ Молино.—Она была права, а я нѣтъ, но это потому что я разочаровался въ васъ, Джакъ.

Джакъ грустно улыбнулся.

— По моимъ героическимъ поэмамъ вы, вѣроятно, заключили что я самъ долженъ быть героемъ? сказалъ онъ. — А вмѣсто того я не выдержалъ силы обстоятельствъ, далъ волю звѣрю жившему во мнѣ и... убилъ человѣка, договорилъ онъ съ искаженнымъ отъ душевной боли лицомъ.—Вы никогда бы не сдѣлали этого.

— Не сдѣлалъ бы, согласился старикъ,—и потому счелъ себя въ правѣ разочароваться въ васъ. *Я* счелъ себя въ правѣ разочароваться въ васъ! съ сердитой насмѣшкой повторилъ онъ.

— Почему же нѣтъ? коротко сказалъ Кардью.—Я сказалъ вамъ что нисколько не удивился. Я не могъ не сознавать что сталъ хуже чѣмъ былъ. Меня удивила Джилліанъ, а не вы. Я зналъ что упалъ гораздо ниже вашего уровня. Вы были не виноваты въ томъ что были лучше меня.

— Въ этомъ-то и ошибка, сказалъ м-ръ Молино, и снова замолкъ.

Лучше? Нѣтъ, не лучше, а только мельче. Онъ чувствовалъ что былъ просто человѣкомъ съ менѣе сложною и потому менѣе доступною искушеніямъ природой. Онъ былъ радъ тому что понялъ это.

— А пожалуй что она всетаки недалеко... она какъ будто дала мнѣ новыя очки, задумчиво пробормоталъ онъ.

Когда Джакъ спросилъ, кто недалеко, старикъ улыбнулся.

— Кто! кто! повторилъ онъ.—Единственная цѣлительница людскихъ страданій и немощей, мой другъ.

Послѣ этого мысль его снова перенеслась къ предыдущему разговору.

— Видите ли, я не возмутился бы отъ отчаянія, потому что моя кровь никогда не была такъ горяча какъ ваша; я, вѣроятно, замерзъ бы и окостенѣлъ. Но я полюбилъ васъ именно за этотъ внутренній огонь и потомъ удивился тому что онъ вспыхнулъ и выбился наружу. Бѣдный, бѣдный мальчикъ! Вы ни къ чему и никогда не могли относиться хладнокровно.

— Что̀ сдѣлано, то сдѣлано, сказалъ Кардью, смотря въ упоръ передъ собою,—и если есть Богъ (а съ тѣхъ поръ какъ у меня родился Голіаѳъ, я думаю что Онъ есть), то я долженъ буду отвѣтить передъ Нимъ. Я не хочу чтобы мнѣ подыскивали оправданія. Никакое бѣшенство, никакое горе и

обида не служатъ человѣку оправданіемъ, когда вся задача жизни, если признавать различіе между добромъ и зломъ, сводится къ тому чтобы обуздывать въ себѣ дикаря.

— Это хорошо; вы раскаиваетесь какъ Давидъ, сказалъ старикъ; видно было что съ этими словами послѣдніе остатки разочарованія и отчужденія исчезли въ его душѣ.

— Старый сухарь умираетъ бездѣтнымъ, и это справедливо и хорошо, заговорилъ онъ.—Но ваши сыновья и внуки гордятся именемъ которое вы передаете имъ; у васъ есть также дѣти по духу. Да, да, и я радъ что дожилъ до этого.

Джакъ вздрогнулъ и вынулъ трубку изо рта. Чтò это? старикъ кажется бредитъ?

— Вы заглядываете далеко впередъ, сэръ, сказалъ онъ.

— Для меня уже почти не существуетъ времени, сказалъ м-ръ Молино.—Я очень любилъ васъ, Джакъ, и думаю что *это* возьму съ собою.

Послѣ этого наступило долгое молчаніе.

Такимъ образомъ Джаку пришлось въ третій разъ на одной недѣлѣ выслушать увѣреніе въ возобновленіи довѣрія отъ такихъ людей которыхъ онъ уважалъ, но которые до сихъ поръ сторонились отъ него: сначала отъ своего бывшаго опекуна, потомъ отъ вотчима Джилліанъ и наконецъ отъ этого стараго друга, чье отчужденіе было ему такъ больно и чье пророчество онъ выслушалъ со страннымъ трепетомъ. „Я радъ что дожилъ до этого“. Гдѣ же онъ видитъ это? А впрочемъ чтò такое пророчество какъ не освобожденіе духа отъ границъ времени, и почемъ знать чтò еще видитъ передъ собою этотъ чистый духъ, приближаясь къ своей свободѣ?

Какъ бы то ни было, но это просвѣтлѣніе или, можетъ быть, затемненіе сознанія прошло, и м-ръ Молино вдругъ заговорилъ раздражительнымъ тономъ.

— Я слышу что вы проявили новыя способности и прославились какъ дѣловой человѣкъ. Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ помочь мнѣ, хотя знайте что вообще я не сочувствую современной жаждѣ наживы.

— Я помогу вамъ съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Джакъ, улыбаясь этому обвиненію въ алчности. Каковы бы ни были его недостатки, но въ этомъ направленіи они никогда не лежали.

— Помните вы ту рукопись, о которой мы говорили въ послѣдній разъ? Она теперь продается, и Британскій музей набиваетъ на нее цѣну. Я вполнѣ увѣренъ въ ея подлин-

ности. Если я куплю ее, то смогу прожить не дольше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. У меня осталось 400 фунтовъ, не считая того чтò я отложилъ Елизаветѣ (вы позаботитесь о томъ чтобы она получила эти деньги?) а эта рукопись будетъ стоить что-нибудь около 300 фунтовъ. Мнѣ хотѣлось бы чтобы вы сходили къ м-ру В. и узнали до какой суммы намѣренъ дойти Британскій музей.

— Хорошо, сказалъ Джакъ.—Но чтò значатъ ваши слова о томъ что вы не сможете прожить дольше нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сэръ?

Онъ спросилъ это со страхомъ, потому что м-ръ Молино не любилъ разспросовъ. Джакъ зналъ что Джилліанъ считаетъ дядю Стивена очень богатымъ человѣкомъ и что богатые люди иногда любятъ прикидываться бѣдняками, но съ другой стороны самому ему часто приходило въ голову что денежныя дѣла м-ра Молино должны быть въ большомъ безпорядкѣ.

Въ первую минуту м-ръ Молино какъ-будто разсердился, но потомъ передумалъ. Джаку можно было позволить больше чѣмъ другимъ.

— Дѣло въ томъ что послѣдніе десять лѣтъ я жилъ на счетъ своего капитала, сказалъ онъ.—Для чего мнѣ было стѣсняться? Сына, у меня нѣтъ, а у васъ денегъ довольно. Мой отецъ умеръ 86-ти лѣтъ, точно такъ же какъ и дѣдъ. Я не разчитывалъ пережить ихъ и не оставилъ большаго запаса. Вы можете телеграфировать мнѣ, когда переговорите съ м-ромъ В.

— Это значитъ что васъ отдѣляютъ отъ нищеты всего четыре сотни фунтовъ? спросилъ Джакъ.

Старикъ улыбнулся доброю, шутливою улыбкой взрослаго человѣка снисходительно отвѣчающаго на пустые вопросы ребенка.

— Три изъ четырехъ—одна, Джакъ, сказалъ онъ.—Я непремѣнно хочу купить эту рукопись. Хорошо что я мало трачу на другія вещи. Я увѣренъ что доживу на сто фунтовъ. Тамъ на столѣ лежатъ нѣсколько книгъ которыя я хотѣлъ бы оставить на память леди Джэнъ. Я отобралъ ихъ раньше чѣмъ слегъ въ постель; подарокъ дамѣ надо дѣлать съ большимъ выборомъ. А рядомъ съ ними я отложилъ двѣ три золотыя бездѣлушки, думая что онѣ, можетъ быть, понравятся Джилліанъ. Я знаю что она отдастъ ихъ ювелиру и велитъ передѣлать на новый ладъ, и мнѣ это не особенно пріятно, но я всетаки дарю ихъ ей, потому что былъ несправедливъ къ

ней. Цвѣтъ ея волосъ похожъ на цвѣтъ волосъ ея матери, и это помѣшало мнѣ быть безпристрастнымъ. Но оказалось что Джилліанъ одна не измѣнила вамъ, и я былъ бы готовъ сейчасъ просить у нея прощенія, еслибы могъ предполагать что ей не все равно что̀ о ней думаетъ такой старый бука какъ я.

— Джилль не отдастъ въ передѣлку вашего подарка и она вовсе не похожа на свою мать, сказалъ Джакъ.

— Это напоминаетъ мнѣ еще объ одной вещи которую я позабылъ сказать вамъ, хотя много думалъ о ней. Я любилъ отца Джилліанъ, но ея мать такая особа, уважать которую я не въ состояніи.

Джакъ невольно улыбнулся. Сообщать ему этотъ фактъ не было никакой необходимости, потому что м-ръ Молино никогда не умѣлъ притворяться, и его чувства къ м-съ Кловисъ ни для кого не были тайною.

— Джилль говорила мнѣ что вы не ладите съ м-съ Кловисъ, но сто̀итъ ли объ этомъ безпокоиться? сказалъ онъ.

— Она нечестная женщина, сказалъ старикъ.—Я когда то послалъ ей денегъ на воспитаніе дочери и потомъ случайно узналъ что она никогда не отдавала Джилліанъ въ школу, а моими деньгами расплатилась съ портнихой. Это было непростительно. Я, разумѣется, не требовалъ ея къ отчету, но этотъ поступокъ доказалъ мнѣ что она не заслуживаетъ никакого довѣрія.

Кардью пускалъ кольца дыма въ потолокъ и молчалъ. Онъ то же не довѣрялъ м-съ Кловисъ, но такой рѣшительный приговоръ надъ ней казался ему слишкомъ жестокимъ. Джакъ иногда умѣлъ быть грознымъ и безпощаднымъ, но женщина преслѣдуемая кредиторами никогда не вызывала у него строгаго осужденія.

— Такимъ образомъ зная ее за человѣка безъ принциповъ, продолжалъ м-ръ Молино,—я съ удивленіемъ замѣтилъ что у нея есть какая-то тайная причина бояться васъ. Я не болтунъ и потому раньше не говорилъ объ этомъ, но я убѣжденъ что м-съ Кловисъ сожгла вашу рукопись и была виновата во всѣхъ вашихъ несчастіяхъ.

— Это совершенно невозможно! вскрикнулъ Джакъ.

— Хорошо, хорошо, я только думалъ что вамъ можетъ быть интересно знать кто это сдѣлалъ, и потому сказалъ вамъ, пояснялъ м-ръ Молино. — Но вы хорошо дѣлаете что не хотите обращать вниманіе. Наказаніе нечестиваго не въ

нашихъ рукахъ и состоитъ не въ бичеваніи и смерти какъ думаетъ толпа, а...

Концомъ фразы была греческая цитата, и Кардью попризабывшій этотъ языкъ только покачалъ головою.

— Я никогда не былъ философомъ, сказалъ онъ,—но я не думаю чтобы у меня былъ врагъ. Это было дѣло судьбы... или кого-то другаго. Вотъ и Елизавета съ вашей кашей, сэръ.

— Выбросьте ее за окно!! Я не хочу ея, сказалъ больной.—Постойте, о чемъ мы говорили?

Елизавета съ заплаканными глазами и сморщеннымъ лицомъ шептала Джаку.

— Баринъ не слушаетъ меня. Ради Бога, уговорите его проглотить что-нибудь!

Джакъ изъ жалости къ ней взялъ подносъ изъ ея рукъ и, сѣвъ на постель больнаго, сталъ уговаривать и упрашивать его съ какою-то грубою нѣжностью вызвавшею новый потокъ слезъ на глаза вѣрной служанки.

Ей было мучительно смотрѣть на неловкія движенія Джака и сознавать, насколько ловчѣе и лучше *она* накормила бы своего барина. Въ скомканныхъ простыняхъ и неубранной комнатѣ тоже крылась цѣлая трагедія для ея вѣрной души.

— Онъ такъ боится женскаго ухода за собой что навѣрно ему когда-нибудь сильно насолила женщина, рѣшила Елизавета.—И во всемъ его упрямствѣ виновата она!

Джакъ нашелъ ее сидящею на лѣстницѣ когда вышелъ съ пустою тарелкой.

— Я заставилъ его доѣсть все, Елизавета, сказалъ онъ,—но это былъ труднѣйшій подвигъ моей жизни, и еслибы не ваши слезы, я, кажется, отказался бы. Теперь, пожалуйста, перестаньте плакать и утрите глаза!

— Дай Богъ вамъ здоровья, сэръ, сказала она.—У васъ всегда было доброе сердце. Какъ вы находите барина? Послѣдніе дни онъ не говорилъ ни слова, но съ тѣхъ поръ что вы здѣсь я все время слышу его голосъ. Я все нѣтъ-нѣтъ, да и подкрадусь къ двери; и ночью то разъ десять подползу и послушаю дышитъ ли онъ.

— Я никогда не слыхалъ чтобы онъ говорилъ такъ скоро какъ сегодня, замѣтилъ Джакъ.

— А какъ по вашему, онъ въ полной памяти, сэръ?

— Кажется... съ сомнѣніемъ сказалъ Джакъ.—Онъ очень возбужденъ и разъ дѣйствительно сказалъ что-то, чего я не

понялъ, о человѣкѣ который ходитъ въ саду и можетъ отвѣтить на всѣ вопросы. Развѣ въ саду есть кто-нибудь?

Джакъ отворилъ стеклянную дверь и, сбѣжавъ по каменнымъ ступенямъ, очутился между цвѣточными грядами.

Было что-то трогательное въ этомъ дымномъ, окаймленномъ домами оазисѣ. Лондонскій садъ до такой степени окруженъ врагами! Самые лепестки цвѣтовъ покрыты лондонскою сажей. Со времени болѣзни хозяина садъ былъ въ полномъ забросѣ. Обыкновенно м-ръ Молино вставалъ въ четыре часа утра и каждый день работалъ въ саду.

— Ахъ, сэръ, я помню какъ онъ былъ радъ, когда вы въ первый разъ скинули сюртукъ и тоже стали копать! сказала Елизавета.—Это было точно вчера. „Елизавета, сказалъ онъ, помните что если м-ръ Кардью придетъ опять, то я всегда дома; впрочемъ, врядъ ли онъ придетъ".

Елизавета тихонько вышла въ садъ за Джакомъ и стала за его спиной. Ему было бы пріятнѣе остаться одному, но онъ не могъ отдѣлаться отъ нея; она испугалась состоянія м-ра Молино и была такъ же безпокойна какъ его персидская кошка которая цѣлый день ходила изъ комнаты въ комнату.

— Онъ такъ одинокъ, продолжала она,—а когда вы уѣдете ему будетъ еще хуже. Еслибы онъ только не прогонялъ меня... и она снова начала всхлипывать.

— Слушайте, я останусь здѣсь ночевать и если ему станетъ хуже, я пошлю васъ за докторомъ, хочетъ ли онъ этого, или нѣтъ, и отвѣтъ возьму на себя, успокоивалъ ее Джакъ.— Только ради Бога не плачьте!

Елизавета поклонилась ему въ знакъ благодарности и утерла глаза передникомъ.

— Тогда я скажу что сдѣлала это по вашему приказанію, сэръ, сказала она и успокоенная ушла въ домъ, а Джакъ пошелъ на телеграфъ и отмѣнилъ всѣ приглашенія и дѣла на этотъ день, а также далъ знать домой что остается ночевать въ Лондонѣ. Онъ зналъ что Джилліанъ засмѣется внезапной перемѣнѣ его плановъ и скажетъ что онъ не сумѣлъ убѣжать отъ Елизаветы, и въ самомъ дѣлѣ мысль о бѣдной женщинѣ, ползкомъ подслушивающей ночью дыханье барина, быть можетъ, повліяла на рѣшеніе Джака. Недаромъ женщины такъ вѣрили Джаку Кардью.

Обѣдъ вышелъ довольно грустнымъ, но Джакъ ѣлъ и пилъ какъ умѣлъ, не желая поддаваться унынію. Елизавета принесла бутылку лучшаго портвейна.

— Я знаю что баринъ велѣлъ бы подать его вамъ, сказала она;—онъ такъ и берегся для васъ и назывался портвейномъ м-ра Кардью съ перваго вечера какъ вы у насъ были.

— За здоровье барина! сказалъ Джакъ, наливая себѣ и стараясь улыбнуться.

Елизавета осталась очень довольна.

Кончивъ обѣдъ Джакъ снова поднялся наверхъ и вошелъ въ комнату больнаго. Найдя его спящимъ, онъ сѣлъ въ кресло къ окну съ твердымъ намѣреніемъ не спать, но когда потянулись длинные ночные часы онъ невольно задремалъ. Елизавета ушла спать съ полною надеждой на м-ра Кардью, и все смолкло въ старомъ домѣ.

Геній сна страннымъ образомъ перенесъ Джака въ ту дѣтскую гдѣ онъ жилъ ребенкомъ. Его честолюбивая юность и трагично-несчастные зрѣлые годы были забыты, и онъ снова любовался розовыми и лиловыми цвѣтами на обояхъ дѣтской и стоя въ кроваткѣ отколупывалъ ручонками краску съ ея рѣшетки.

Какой-то шумъ на улицѣ на минуту разбудилъ его; сновидѣніе заколебалось и слегка измѣнило форму и окраску. Кроватка продолжала стоять, но на обояхъ появились картинки изъ волшебныхъ сказокъ. Въ кроваткѣ вмѣсто него барахтался его сынъ. Мальчикъ прыгалъ и перегибался чрезъ перила и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій перелѣзъ на стоявшій возлѣ вѣнскій стулъ, а съ него сползъ на полъ. Спящій отецъ сочувственно улыбнулся радостному смѣху мальчика восхищеннаго собственнымъ успѣхомъ. Ребенокъ осмотрѣлся и быстро направился къ давно желанной коробкѣ спичекъ лежавшей на умывальникѣ. Овладѣвъ этимъ сокровищемъ, Голіаѳъ вернулся къ кровати и съ виновато-радостнымъ выраженіемъ лица сѣлъ на полъ, подвернувъ подъ себя розовыя ноженки. Онъ сталъ зажигать спичку за спичкой и бросать ихъ за спину, когда пламя слишкомъ близко касалось его пальцевъ. При этомъ видъ у него былъ самый серіозный и сосредоточенный.

„Маленькій негодяй! Погоди, кто-нибудь нахлопаетъ тебя за это", подумалъ Джакъ во снѣ. Этотъ „кто-нибудь" обыкновенно бывала Джилліанъ, потому что отецъ всегда боялся „сдѣлать слишкомъ больно" Голіаѳу.

Но вдругъ Джакъ съ ужасомъ увидалъ что занавѣска сзади мальчика вспыхнула, и ребенокъ вскочилъ и бросился бѣжать въ горящей рубашенкѣ. Въ ту же минуту вбѣжала нянька, быстро набросила на пылающую фигурку Голіаѳа коверъ и,

схвативъ его на руки, бросилась вонъ изъ комнаты. По дорогѣ она споткнулась объ игрушку и, инстинктивно вытянувъ руки впередъ, выронила свою ношу. Ребенокъ упалъ и закричалъ, ударившись спиной объ полъ.

На этомъ Джакъ проснулся.

— Я, вѣроятно, покачнулся впередъ и вообразилъ что это упалъ Голіаѳъ, успокоивалъ себя Джакъ, но всетаки впечатлѣніе сна было такъ непріятно что ему больше не хотѣлось закрывать глаза.

Около трехъ часовъ ночи больной проснулся, приподнялся съ подушекъ и ласково улыбнулся Джаку, нисколько не удивившись при видѣ его.

— Скоро разсвѣтетъ, и онъ придетъ въ садъ, многозначительно сказалъ онъ Джаку. —Лондонскій садъ въ сущности жалкая вещь, и я боялся что онъ не захочетъ приходить ко мнѣ.

– Я сейчасъ заварю вамъ чаю, сказалъ Джакъ самымъ естественнымъ тономъ. –Сколько сахара вамъ класть въ чашку? Спирта въ лампѣ много, и вода сейчасъ закипитъ.

Онъ боялся что со старикомъ опять что-то „неладно“, и рѣшилъ позвать доктора, какъ только Елизавета придетъ смѣнить его, а пока сталъ дѣлать видъ что не замѣчаетъ ничего особеннаго.

М-ръ Молино жадно проглотилъ чашку чая. Ему хотѣлось пить, и губы его пересохли. Кончивъ чай, онъ спустилъ длинныя ноги съ кровати и объявилъ что пойдетъ копать.

— Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, на дворѣ еще ночь, сказалъ Джакъ. – До разсвѣта осталось, по крайней мѣрѣ, три часа.

— Зачѣмъ вы здѣсь? Но, впрочемъ, я всегда радъ васъ видѣть; надѣюсь что вы знаете это, сказалъ м-ръ Молино;— только теперь я попрошу васъ выйти на пять минутъ и дать мнѣ одѣться. Вы, кажется, сказали мнѣ что у васъ нѣтъ фрака? Что за вздоръ, мой другъ! Я звалъ обѣдать *васъ*, и мнѣ рѣшительно все равно, въ чемъ вы пріѣдете, но только теперь мнѣ необходимо вставать.

— Я сегодня не могу остаться обѣдать, и если вы ляжете въ постель, то я объясню вамъ почему, сказалъ Джакъ, но старика нельзя было уломать.

Мало-по-малу онъ началъ сердиться на необъяснимое поведеніе своего гостя, и волненіе его росло съ каждою минутой. Джакъ съ огорченіемъ убѣдился въ необходимости употребить силу чтобы удержать м-ра Молино въ кровати.

Это было ему очень непріятно. Съ чувствомъ неописаннаго стыда и жалости онъ видѣлъ какъ старомодная вѣжливость м-ра Молино боролась въ немъ съ негодованіемъ на грубое обращеніе и какъ, наконецъ, бѣдный старикъ, выбившись изъ силъ, задыхаясь упалъ на подушки.

— Я никогда не ожидалъ этого отъ васъ, Кардью, сказалъ онъ ему съ упрекомъ.

Смѣшно было принимать это къ сердцу, но Джакъ дорого бы далъ чтобы быть увѣренымъ въ томъ что Стивенъ Молино не покинетъ этого міра съ чувствомъ гнѣва и обиды на него.

Онъ обрадовался, когда старикъ закрылъ глаза и, повидимому, оставилъ всякую мысль о сопротивленіи.

— Теперь я совершенно убѣдился въ томъ что васъ нельзя оставлять съ нимъ одну, сказалъ онъ вошедшей на смѣну Елизаветѣ.—Я думаю что сейчасъ онъ надолго успокоился, и потому возьму ванну, позавтракаю, а потомъ самъ схожу за докторомъ.

— Баринъ будетъ очень сердиться на васъ, сказала Елизавета, радуясь тому что м-ръ Кардью беретъ всю отвѣтственность на свои широкія плечи.

Вставало сѣрое утро. Напившись кофе, Кардью вышелъ въ садъ. Не было 6-ти часовъ, и ни одинъ лондонскій докторъ еще не вставалъ. Джакъ сорвалъ нѣсколько сухихъ цвѣтовъ и сталъ выдергивать сорную траву на средней клумбѣ предъ домомъ, думая о томъ какъ теперь здоровье Голіаѳа.

Вдругъ онъ услыхалъ звукъ отворявшейся стеклянной двери и обернувшись увидалъ м-ра Молино въ желтомъ халатѣ, съ лейкой въ рукахъ и съ веселою улыбкой на устахъ. Волосы его были въ безпорядкѣ, шаги нетверды, но когда Кардью бросился къ нему навстрѣчу, онъ нетерпѣливо оттолкнулъ его руку.

— Чтò такое? Чтò вамъ нужно? Я знаю что у васъ добрыя намѣренія, Кардью, но теперь вы мнѣ мѣшаете. Не держите меня, потому что онъ здѣсь.

Его языкъ путался, а голосъ звучалъ хрипло.

— Я и такъ опоздалъ, продолжалъ онъ.—Мнѣ давно надо было быть здѣсь, но, къ счастію, онъ подождалъ меня чтобы объяснить мнѣ это мѣсто. Ахъ, да, вѣдь вы говорите что позабыли греческій? Бѣдный мальчикъ, это не удивительно! Но только помните, не мѣшайте мнѣ, Джакъ. Кто вы чтобы останавливать меня?

Онъ съ неожиданною силой вырвался изъ рукъ Джака, но не разчиталъ усилія, перекачнулся и упалъ впередъ.

Джакъ едва успѣлъ подхватить его на руки. Онъ положилъ его на дорожку и хотѣлъ крикнуть Елизавету, какъ вдругъ внезапный страхъ остановилъ его. М-ръ Молино лежалъ совсѣмъ неподвижно, съ тусклыми полузакрытыми глазами. Кардью сталъ на колѣна и приложилъ ухо къ сердцу старика. Оно не билось, но на губахъ лежала мирная, загадочная улыбка.

Въ саду зачирикалъ воробушекъ; изъ пролитой лейки бѣжалъ по дорожкѣ ручеекъ воды, и цвѣты остались безъ хозяйской поливки.

Изъ дома съ испуганнымъ лицомъ выбѣжала Елизавета.

— О, сэръ, баринъ пропалъ, кричала она,—совсѣмъ пропалъ! Я оставила его крѣпко спавшимъ и пошла за бульономъ въ кухню, а когда вернулась, то... Господи Боже! Что̀ это такое?

— Тише! Не поднимайте шума. Вы не виноваты, сказалъ Джакъ и вставъ съ колѣнъ подошелъ къ ней.—Не пугайтесь! Намъ надо внести его въ домъ, но дѣлать больше нечего: онъ скончался.

Елизавета задрожала и вцѣпилась въ руку Джака, забывъ всѣ правила вѣжливости, забывъ все кромѣ человѣческой жажды поддержки въ присутствіи великой тайны природы.

— Нѣтъ... Неправда... Не можетъ быть! говорила она.

Джакъ снялъ шляпу и стоялъ съ обнаженною головой. Ему тоже чуялось чье-то невидимое присутствіе въ саду.

— Онъ отошелъ. Мнѣ кажется что его не слѣдуетъ жалѣть. Онъ нашелъ отвѣтъ, сказалъ Джакъ.

ГЛАВА XVII.

Странное дѣло, какъ несчастная судьба иногда тяготѣетъ надъ цѣлыми семьями и даже родами. Сэръ Эдвардъ былъ несчастный человѣкъ, Джакъ Кардью былъ несчастенъ и Генри Стродъ соединившій въ себѣ всѣ отличительныя семейныя черты Бевановъ и Кардью былъ тоже несчастенъ. Если справедлива поговорка что „характеръ человѣка его судьба", то несчастіе было въ его крови.

М-ръ Стродъ былъ удивительно правдивый и удивительно нелюбимый человѣкъ. Всѣ жители Чертонъ-Реджиса знали что новый священникъ получилъ мѣсто благодаря своему родству съ леди Гаммертонъ, но отнюдь не это было причиной всеобщаго затаеннаго недоброжелательства къ нему.

Эти южные поселяне не были необузданны въ проявленіи своей антипатіи; они не бросали камнями въ чужаго человѣка, даже когда онъ носилъ на груди серебряный крестъ и ходилъ въ рясѣ по улицѣ, но они противопоставляли ему сомкнутый строй вѣжливо-неодобрительныхъ физіономій. Онъ не сдѣлалъ ни шага впередъ въ своемъ сближеніи съ ними, и уныніе съ которымъ онъ, впрочемъ, мужественно боролся грозило овладѣть его душой.

Можетъ быть мягкій климатъ долины гдѣ стоялъ его домъ дурно отзывался на организмѣ привыкшемъ къ суровому горному воздуху, а можетъ быть его томило постоянное одиночество. Онъ не легко дружился съ людьми, но людское общество было ему необходимо, какъ и большинству сдержанныхъ натуръ; его огромный запасъ энергіи требовалъ выхода. За неимѣніемъ друга онъ удовольствовался бы хорошимъ врагомъ въ родѣ голода или поголовнаго пьянства съ которыми можно было бы начать войну, но эта уютная и счастливая деревня благоденствовала подъ опекой двухъ богатыхъ помѣщиковъ. М-съ Кловисъ была и сострадательна, и благочестива, м-ръ Кардью былъ щедръ и заботливъ.

Священникъ не могъ жалѣть о томъ что горе и нищета не бродили по улицамъ его прихода, но онъ былъ бы счастливѣе въ болѣе суровой обстановкѣ. Въ этотъ періодъ своей жизни м-ръ Стродъ налагалъ на себя разныя тайныя послушанія: онъ постился больше чѣмъ позволяло его здоровье и умерщвлялъ свою плоть еще разными другими способами касавшимися его одного, но всѣ эти подвиги скорѣе раздражали чѣмъ успокоивали его; во всякомъ случаѣ они не улучшали его характера и только увеличивали и безъ того не малую пропасть между нимъ и его прихожанами.

Однако, въ одно воскресенье (это было какъ разъ послѣ отъѣзда мисъ Гобертъ) м-ръ Стродъ случайно напалъ на тему приведшую его въ соприкосновеніе съ душами его паствы. Онъ указалъ на висѣвшее надъ его головой знамя и заговорилъ о томъ духѣ который толкаетъ людей въ неравную борьбу и радостно ведетъ къ мученичеству. Вообще онъ говорилъ проповѣди безъ увлеченія, сознавая что у него не хватаетъ дара краснорѣчія, но на этотъ разъ рѣчь его лилась горячо, и сердце было полно сочувствія къ одинокимъ борцамъ за истину.

М-съ Кловисъ, поднявъ свое изящное личико камеи, слушала съ восхищеніемъ, м-ръ Кловисъ нѣсколько разъ принимался одобрительно кивать головою; онъ обыкновенно спалъ

во время проповѣди, и одинъ фактъ что онъ не заснулъ уже былъ самъ по себѣ торжествомъ для проповѣдника. Храбрые глазки старой леди Гаммертонъ заблестѣли, и даже сэръ Эдвардъ явившійся подмѣчать „католическій элементъ“ въ богослуженіи перестаъ считать подсвѣчники, пока священникъ не кончилъ проповѣди.

М-ръ Стродъ не старался привлечь вниманіе аристократическихъ членовъ своей паствы; напротивъ, онъ чувствовалъ что его дѣло скорѣе лежитъ въ сферѣ бѣдныхъ прихожанъ, но на этотъ разъ и они порадовали его своимъ вниманіемъ. Маленькая художница дала ему полезный намекъ.

Раздѣваясь въ ризницѣ онъ чувствовалъ себя веселѣе и бодрѣе обыкновеннаго, но разговоръ подслушанный при выходѣ изъ церкви на кладбищѣ снова навелъ облако задумчивости на его лицо.

— Что тамъ ни говори, Джимъ, а я видѣла что священникъ заставилъ твое сердце биться когда заговорилъ о тѣхъ солдатахъ, чьи кости безвѣстно тлѣютъ въ далекихъ земляхъ, но которые всетаки услышатъ послѣдній призывъ.

Говорившая была невѣста того самаго Джима который хотѣлъ во второй разъ броситься въ горящую конюшню для того чтобы спасти имущество м-ра Кардью.

— Это правда, на одну минуту согласился Джимъ.—Но развѣ проповѣдь священника сколько-нибудь касается его собственной жизни? Онъ говоритъ такъ какъ будто готовъ противъ всего міра стоять за всякаго несчастнаго, а, кажется, именно этого-то въ немъ нѣтъ. Мнѣ сначала понравились его слова о томъ что христіанство вѣра людей не боящихся ни страданій, ни одинокой жизни и смерти, ни того что̀ думаетъ свѣтъ, но потомъ я подумалъ что именно онъ-то и не станетъ стоять за одного противъ всѣхъ. „Нѣтъ“, скажетъ онъ, „благодарю, мой другъ, я не вожусь съ такими какъ ты; судьи и епископы противъ тебя, и, стало-быть, иди въ адъ, а я не повѣрю ни одному твоему слову“.

— Полно, Джимъ, когда же онъ говорилъ такія вещи?

— Говорилъ... м-ру Кардью когда тотъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за что-то чего никогда не дѣлалъ. Мнѣ сказалъ это дворецкій изъ Дрэйкотъ-Корта, и теперь какъ только я вижу священника мнѣ всегда хочется побить его.

На самомъ дѣлѣ м-ръ Стродъ сказалъ совсѣмъ не это: онъ никогда не отвернулся бы отъ человѣка только потому что большинство высказалось противъ него. Онъ просто не

сумѣлъ отличить единичнаго исключенія отъ общаго правила.

М-ръ Стродъ обыкновенно мало смущался тѣмъ что про него говорили и былъ не въ состояніи мѣнять свой образъ дѣйствій въ угоду общему мнѣнію, но ему не въ первый и не во второй разъ приходилось слышать осужденіе своего поступка съ Джакомъ Кардью, и онъ понялъ что могучая фигура бывшаго каторжника стоитъ между нимъ и возможностью служить дѣлу церкви въ Чертонъ-Реджисѣ.

Онъ быстро прошелъ черезъ кладбище и хлопнулъ калиткой прямо въ лицо леди Гаммертонъ. Ему до смерти надоѣлъ Джакъ Кардью. Онъ усталъ отъ вѣчнаго спора съ самимъ собою. Увидавъ свою неловкость, онъ остановился и сталъ извиняться.

— Вамъ нечего объяснять мнѣ что вы не видали кто за вами идетъ, сказала леди Гаммертонъ.—Вы летѣли такъ какъ будто на вашихъ плечахъ сидѣло привидѣніе замка. Но вы сказали очень краснорѣчивую проповѣдь; поздравляю васъ.

— Я боюсь что не могу принять вашего поздравленія, сказалъ священникъ со строгостію которая испугала бы всякаго другаго кромѣ его безстрашной маленькой крестной матери,—проповѣдникъ не достигъ своей цѣли, когда слушатель обратилъ вниманіе на языкъ, а не на смыслъ проповѣди.

— Боже мой, Боже мой! воскликнула старушка.—Васъ въ самомъ дѣлѣ что-то разсердило. Смѣшно называть „слушателемъ“ человѣка который носилъ васъ на рукахъ и держалъ васъ у купели въ день вашего перваго вступленія въ церковь. Вы слишкомъ много сидите одни, Генри. Я чувствую что вы хотите поскорѣе отдѣлаться отъ меня, но я попрошу васъ дать мнѣ взглянуть на вашъ садъ. Мнѣ хочется выпросить у вашего садовника одинъ отводокъ.

Губы м-ра Строда не измѣнили своего суроваго выраженія. Въ эту минуту онъ былъ готовъ воспользоваться самою пустою отговоркой чтобы бросить свое новое мѣсто. Его терпѣніе, въ самомъ дѣлѣ, подвергалось жестокому испытанію. Никто не бываетъ пророкомъ въ своей семьѣ, но разговаривать съ человѣкомъ который вмѣсто серіознаго возраженія говоритъ вамъ что зналъ васъ еще въ пеленкахъ особенно мучительно.

— Я съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ дать вамъ всякихъ отводковъ, мрачно проговорилъ онъ.

У него было много самообладанія, и его крестная мать уважала его, не смотря на то что считала мальчикомъ въ сравненіи съ собою.

Она шла рядомъ съ нимъ, высоко подобравъ свое старенькое чиненое шелковое платье. Она пріѣхала въ церковь въ плетенкѣ запряженной старымъ бѣлымъ пони, но народъ снималъ шапки при ея проѣздѣ чего не дѣлалъ для богатой м-съ Кловисъ.

Настроеніе м-ра Строда смягчилось, когда они достигли сада и очутились между цвѣточныхъ грядъ содержавшихся въ образцовомъ порядкѣ.

— Какое множество бѣлыхъ цвѣтовъ! Садъ имѣетъ видъ свадебнаго букета, сказала леди Гаммертонъ.

— Ахъ, я развожу ихъ для церкви, сказалъ онъ съ замѣтнымъ оживленіемъ въ голосѣ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: я рощу ихъ для своей невѣсты.

Старая леди долго ходила между цвѣтами, и ея крестникъ мало-по-малу растаялъ отъ ея веселаго присутствія.

— Эти двѣ длинныя гряды вдоль всей лужайки съ полоской зеленаго дерна въ промежуткѣ заимствованы изъ Дрэйкотскаго сада, какъ видите, сказалъ онъ.—У меня нѣтъ изобрѣтательности; даже проповѣдь понравившаяся вамъ была подсказана мнѣ маленькой художницей, рядомъ съ которой я сидѣлъ за вашимъ обѣдомъ.

Упоминаніе о проповѣди было знакомъ примиренія.

— Ахъ, кстати по поводу обѣда, Генри! Я очень бы желала чтобы вы нашли какое-нибудь средство... стать въ возможныя отношенія съ Джакомъ Кардью.

Они шли другъ за другомъ по узенькой тропинкѣ между грядами высокихъ бѣлыхъ лилій. Леди Гаммертонъ не могла видѣть лица своего крестника, но выраженіе его плечъ говорило ей что онъ недоволенъ такимъ вмѣшательствомъ. Сначала онъ довольно долго молчалъ, а потомъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе насчетъ погоды, но отдѣлаться отъ леди Гаммертонъ было не такъ-то легко.

— Вы слышали что̀ я сказала, Генри, и конечно думаете что я даю вамъ совѣты на правахъ человѣка доставившаго вамъ мѣсто. Да, я отлично помню ваше письмо. Но это не имѣетъ ничего общаго съ вашею службой; ея я не коснулась бы ни за что̀ на свѣтѣ! Я говорю просто какъ старуха пожившая на свѣтѣ. Мнѣ почти семьдесятъ пять лѣтъ, и я внимательно присматривалась къ жизни съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стала сознательнымъ человѣкомъ. Мнѣ пришлось имѣть дѣло со всякими людьми и съ хорошими, и съ плохими, и со средними, и я думаю что мое мнѣніе должно имѣть значеніе.

— Моя милая крестная матушка, сказалъ священникъ рѣзко оборачиваясь къ ней лицомъ,—я нисколько не сомнѣваюсь и даже вполнѣ увѣренъ въ томъ что ваше мнѣніе имѣетъ огромное значеніе въ этомъ маленькомъ уголкѣ міра, такъ же какъ и мнѣніе сэра Эдварда Бевана. Вы оба открыто стали на сторону м-ра Кардью и этимъ подали и меньшей братіи поводъ закрывать глаза на грѣхи богатаго человѣка. Что касается меня, то мое вліяніе ничтожно; во всей Англіи нѣтъ мѣста гдѣ бы вліяніе церкви было ничтожнѣе чѣмъ здѣсь. Но именно по этой причинѣ ея слуга обязанъ высоко держать ея знамя; она во всякомъ случаѣ не взираетъ на лица. Я нисколько не хочу сказать этимъ чтобы вами и сэромъ Эдвардомъ руководили какія бы то ни было корыстныя соображенія, прибавилъ онъ,—но я надѣюсь что вы вполнѣ поняли степень своей отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ.

Часъ тому назадъ м-ръ Стродъ не былъ бы такъ увѣренъ въ справедливости своихъ заключеній, но леди Гаммертонъ не могла знать этого. М-ръ Стродъ былъ священникъ, онъ не хотѣлъ позволять ей нарушать правильный порядокъ вещей и читать ему проповѣди ни ради ея старости, ни ради ея правъ на занимаемое имъ мѣсто. Возможно что она любила его еще больше за его независимость; во всякомъ случаѣ она очень мило отнеслась къ этому нападенію.

— Я думаю что да, Генри, отвѣтила она кротко, но не безъ насмѣшливаго огонька въ глазахъ.— Сэръ Эдвардъ тоже упрямъ, но онъ такъ хорошо отнесся къ Джаку Кардью, какъ я и не ожидала. Я хотѣла сказать вамъ еще многое, но вижу что это будетъ безполезно. А всетаки, Генри, старые люди иногда бываютъ правы. Представьте, только представьте себѣ что вдругъ когда-нибудь правота Кардью будетъ безусловно доказана; не сдѣлается ли тогда несговорчивое положеніе церкви немножко неловкимъ?

— Подобная вещь внѣ предѣловъ возможности, нахмурившись сказалъ священникъ.—Во всякомъ случаѣ втораго суда надъ м-ромъ Кардью быть не можетъ. Пока ангелъ съ неба не сойдетъ обличить меня въ моей ошибкѣ, я буду думать что судьи и присяжные знали что̀ дѣлали.

— Я не думаю чтобы вы приняли этого ангела очень ласково, пробормотала старая леди.

Но ея родственникъ не обратилъ вниманія на женское послѣднее слово, и разговоръ прекратился.

Среди дня, когда крестная мать м-ра Строда давно уѣхала

БИБЛІОГРАФІЯ:

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ:

Редакторъ и издатель **М. М. Катковъ.**

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьина роща, соб. д.

1901.